

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ПРИ СОДЕЙСТВИИ КОМИССИИ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ ПОПЫТКАМ ФАЛЬСИФИКАЦИИ ИСТОРИИ
В УЩЕРБ ИНТЕРЕСАМ РОССИИ

**К 65-ЛЕТИЮ ОКОНЧАНИЯ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
И ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

СССР И СТРАНЫ ВОСТОКА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Москва 2010

Редакционная коллегия:

В.В.Наумкин (председатель, ответственный редактор),
В.Я.Белокреницкий, Р.Г.Ланда, Э.В.Молодякова

Авторский коллектив:

Е.В.Дунаева, А.З.Егорин, О.И.Жигалина, Н.Г.Киреев, Р.Г.Ланда,
С.Г.Лузянин, Н.М.Мамедова, Р.А.Мировицкая, В.Э.Молодяков,
А.Б.Оришев, А.В.Пиковер, Ю.Н.Тихонов, Г.С.Яскина

Редактор:

Г.О.Ковтунович

СССР и СТРАНЫ ВОСТОКА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ /
Отв. редактор В.В.Наумкин. М., 2010. 460 стр.

ISBN: 978-5-89282-421-7

Коллективная монография посвящена детальному анализу взаимоотношений СССР и стран Востока (Японии, Китая, Монголии, Турции, Ирана, Афганистана) в преддверии и во время Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Авторы опираются на большой объем редко используемых архивных материалов, приводят выдержки из договоров и соглашений, записи бесед, дипломатическую переписку, агентурные данные и др., иллюстрирующие и уточняющие позиции советского руководства по острым вопросам региональной политики и двусторонних взаимосвязей. Книга дает углубленное представление о политике СССР на Дальнем Востоке, где ему противостояла милитаристская Япония, на Ближнем и Среднем Востоке, где долгое время сильны были позиции нацистской Германии и фашистской Италии. Монография позволяет объективно оценить политику Москвы в отношении азиатских государств, выявить ее прагматичный и взвешенный характер. В книге проанализировано отношение советского руководства к национальному движению курдов в Иране и Ираке, отмечено значение военной кампании в Северной Африке и подчеркнута решающая роль победы СССР над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. для исхода Второй мировой войны, завершившейся капитуляцией Японии.

ISBN: 978-5-89282-421-7

Оглавление

Предисловие	4
-------------------	---

Раздел 1. Дальний Восток

Глава 1. СССР и МНР (1936–1945) (<i>Г.С.Яскина</i>)	12
Глава 2. Советский Союз и Япония (1925–1939) (<i>В.Э.Молодяков</i>)	59
Глава 3. Советский Союз и Япония (1939–1945) (<i>В.Э.Молодяков</i>)	82
Глава 4. СССР и Китай (1931–1939) (<i>С.Г.Лузянин, Р.А.Мировицкая, А.В.Пиковер</i>)	125
Глава 5. СССР и Китай (1939–1945) (<i>С.Г.Лузянин, Р.А.Мировицкая</i>)	165

Раздел 2. Ближний и Средний Восток

Глава 6. Советско-афганские отношения в 1931–1939 гг. (<i>Ю.Н.Тихонов</i>)	198
Глава 7. Советско-афганские отношения в 1939–1945 гг. (<i>Ю.Н.Тихонов</i>)	222
Глава 8. Советский Союз и Иран (1933–1945) (<i>Н.М.Мамедова, Е.В.Дунаева, А.Б.Оришев</i>)	265
Глава 9. СССР и курдский вопрос (1939–1945) (<i>О.И.Жигалина</i>)	315
Глава 10. Советский Союз и Турция (1933–1941) (<i>Н.Г.Киреев</i>)	355
Глава 11. Советский Союз и Турция (1941–1945) (<i>Н.Г.Киреев</i>)	385
Глава 12. Североафриканская кампания 1940–1943 гг. (<i>А.З.Егорин</i>)	416
Вместо заключения. Советский Союз, Вторая мировая война и Восток (<i>Р.Г.Ланда</i>)	428
Источники и литература (сост. <i>Г.О.Ковтунович</i>)	448
Об авторах	459

Предисловие

65-летие победы Советского Союза в Великой Отечественной войне закономерно приковывает внимание к событиям, происходившим в Европе в канун и во время этого крупнейшего конфликта в истории человечества. СССР сыграл громадную роль в войне с нацистской Германией, ее союзниками и сателлитами, однако это не означает, что восточное направление советской политики – от Дальнего до Ближнего Востока – не заслуживает пристального внимания в данном контексте.

Размышляя о настоящем и будущем России, мы неизбежно возвращаемся к ее прошлому, подвергаем его переосмыслению и переоценке по мере расширения наших познаний о нем. Сегодня мы имеем возможность рассматривать события предвоенных и военных лет, отказавшись от идеологии советской эпохи, а также некоторых подходов первого постсоветского этапа и используя последние достижения отечественной и зарубежной науки. Особое значение имеет беспрецедентное расширение за последние 20 лет доступной ученым источниково-документальной базы по данной проблематике.

Советский Союз существовал не в вакууме: его руководители внимательно следили за всеми изменениями в международной обстановке и чутко реагировали на них; не все их решения и действия оказались верными, но они всегда старались держать руку на пульсе мировой истории. Восточное направление советской политики лишь изредка могло сравниться по своей значимости с западным, однако и в сфере отношений со странами Азии принимались решения, которые имели не только тактическое, но и стратегическое значение для советской политики, а потому оказывали влияние, порой долгосрочное, на всю мировую политическую систему. В первую очередь, это касается отношений СССР с Японией как мировой державой и с Китаем, международное значение которого оставалось исключительно важным, несмотря на период внутренней раздробленности.

Отказавшись на практике во второй половине 1920-х годов от идеи мировой революции, советское руководство стремилось к укреплению международного статуса СССР средствами традиционной дипломатии, что, разумеется, не означало его отказа от помощи различным оппозиционным силам за рубежом, в том числе коммунистическому и национально-освободительному движению. Этот двойственный характер внешней политики СССР, ставший одной из ее отличительных черт, особенно четко проявился на примере стран Востока.

Отметим, что восточная политика Советского Союза перед началом и в годы Второй мировой войны, т.е. в 30–40-х годах, привлекает меньше внимания отечественных историков, чем того заслуживает, но речь идет об исключительно важной стороне общего международно-политического курса СССР, вызывающей в нынешних условиях «восхождения Востока» особый интерес.

Предлагаемая вниманию читателей монография позволяет в какой-то мере исправить положение. Она должна помочь в понимании масштаба и разнообразия отношений Советского Союза со своими соседями, расположенными по периметру его восточных и южных границ. При этом нужно учитывать, что находившиеся поблизости от СССР страны отличались друг от друга по размерам, степени национальной консолидации и международной роли – от островной японской империи под властью милитаристских кругов до редко населенной непризнанной Китаем и мировым сообществом Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики), от раздробленного на части, охваченного гражданской смутой материкового гиганта Китая до некрупных по населению, протянувшихся сплошной полосой вдоль горно-пустынных советских границ Афганистана, Ирана и Турции.

Исключительно своеобразным, сложно-динамичным представляется также и исторический период, который охватывается в монографии. Он распадается на несколько этапов, рубежами между которыми служат экспансионистские действия Японии на китайской территории с осени 1931 г., начало войны в Европе в 1939 г., нападение Германии на СССР в 1941 г., разгром гитлеризма в мае 1945 г. и капитуляция Японии в сентябре того года.

Полагая, что основное значение для СССР в предвоенный и военный период имел среди азиатских регионов Дальний Восток, монография начинается с анализа советской политики на этом направлении. В открывающей дальневосточный раздел главе о советско-монгольских отношениях анализируются не только их уровень и значение, но и широкий круг вопросов, связанных с безопасностью границ СССР на востоке. В главе представлен анализ победного для СССР военного конфликта с Японией на монгольской реке Халхин-Гол в мае-сентябре 1939 г. Последствия этой неудачи для

дальнейшей военно-политической стратегии Японии (отказ от экспансии в сторону МНР и СССР) много раз отмечены в литературе. Редко встречаются приводимые в главе суждения о влиянии победы на Халхин-Голе на общую стратегию Москвы в 1939–1940 гг.

В двух следующих главах по советско-японским отношениям широко использованы документальные материалы и доступные по редким публикациям сведения из архивов советского времени, позволяющие бросить свет на отдельные стороны и аспекты двусторонних контактов, начиная с середины 1920-х годов. В работе отмечено, что вплоть до создания Маньчжоу-го в 1932 г. двусторонние связи отличал дух сотрудничества. Да и позднее спорные вопросы, такие как продажа Японии в 1934 г. Китайско-Восточной железной дороги, решались путем переговоров, хотя и жестких. Некоторые документы в этих главах приводятся в достаточно полном виде и дают представление не только о содержании, но и о распространенной в тот период форме, служебном и дипломатическом стиле и языке. Характерно, что в работе показан международный контекст принятия решений в Москве и Токио, вырисовывается роль И.В.Сталина, В.М.Молотова, ведущих дипломатов в определении общих контуров и конкретных шагов в области исключительно важных для СССР связей с Японией. Приводимые в работе документы передают сложный путь к заключению советско-японского пакта о нейтралитете и драматизм принятого в Москве в апреле 1941 г. решения на этот счет. Безусловный интерес вызывает отмеченная в работе попытка Японии сохранить нейтралитет СССР на заключительном этапе войны, а также то решающее значение, которое для Токио имела ее неудача.

В двух главах по Китаю также весьма широко использованы архивные материалы, главным образом из Архива внешней политики Российской Федерации. На базе первоисточников детально рассмотрены различные стороны взаимоотношений между Москвой и правительством Китайской Республики во главе с Чан Кайши. Интерес вызывают подробности переговоров, которые проводила китайская делегация во главе с генералом Ян Цзе в Москве осенью 1937 г. Они открыли дорогу для военно-технической поддержки Китая в вооруженном сопротивлении Японии. Описание встреч и контактов сочетается со скрупулезностью анализа как двусторонних связей, так и динамики взаимоотношений в 1930-х годах в рамках четырехугольника «СССР – Япония – Китай – МНР», а также воздействия на нее таких внерегиональных держав, как США. Интерес представляют приводимые в книге оценки советских дипломатов и аналитиков стремления Чан Кайши избежать войны с Японией и в то же время быть готовым в случае необходимости пойти на нее и довести до победного конца, выведя Китай на путь превращения во влиятельную мировую державу. Публикуемые

в монографии документы (записи бесед и дипломатическая переписка) иллюстрируют стремление Москвы в период необъявленной войны Китая с Японией в 1937–1941 гг. и на более позднем этапе примирить друг с другом Гоминьдан и Компартию, не допустить обострения отношений и конфронтацию между ними. Любопытны материалы, позволяющие судить об отношении советской стороны к положению на северо-западных окраинах Китая, в Синьцзяне.

В монографии особое внимание уделено активизации советской политики на китайском направлении с конца 1943 г., стремлению Москвы опираться при этом на контакты с правительством Китайской Республики, находившемся в Чунцине, и в то же время поддерживать китайских коммунистов. Кроме того, отмечена активность дипломатии США, ее стремление наладить связи с руководством КПК. Подробно рассмотрен в монографии ход переговоров, которая вела в Москве в июле и августе 1945 г. китайская делегация во главе с «правой рукой» Чан Кайши Сун Цзывэннем. Их результатом явилось заключение Договора о дружбе и союзе, которым предусматривалось, в частности, признание Китаем независимости МНР.

Структура второй части монографии, посвященной политике СССР на Ближнем и Среднем Востоке, хотя и кажется на первый взгляд неожиданной, вполне логична. В главах по советско-афганским отношениям обнаруживается соединительный характер Афганистана для международных отношений рассматриваемого исторического периода. Эта страна стала местом проведения тайных операций как Германии и Италии, так и Японии. Правда, японская агентура вела себя активно лишь короткое время, в 1941–1942 гг., когда японцы наступали с разных сторон на Индию, справедливо видя в ней сердцевину английской колониальной империи в Азии. Более долговременной, как показано в монографии, была дипломатическая и подрывная активность в Афганистане Германии и Италии. При этом державы «оси» использовали симпатии афганской элиты, не доверявшей Великобритании, с одной стороны, и СССР, с другой. Первое объяснялось конкуренцией за контроль над полосой пуштунских племен на юге страны, а второе – влиянием среднеазиатских беженцев-басмачей на севере и пограничными трениями. Только после нападения гитлеровской Германии на СССР и перелома в ходе Отечественной войны афганский правящий класс определился с симпатиями и антипатиями. В монографии прослежена история установления контактов между послами СССР и Англии в Кабуле и показана нарастающая эффективность их совместных действий по затруднению действий германских агентов, а затем и выдворению немецких разведчиков и дипломатов из Афганистана.

Во многом по сходному сценарию развивались накануне и во время мировой войны отношения СССР с Ираном. Для детального их анализа ав-

торы монографии использовали разнообразные источники и литературу, в том числе новейшие иранские на персидском языке. Особого внимания заслуживает подробное описание ввода советских и английских войск на территорию Ирана в конце августа 1941 г., а также анализ обстоятельств, по которым Тегеран отказался от нейтралитета, объявил войну Германии в сентябре 1943 г. и вскоре принимал в своей столице лидеров трех союзных держав. Характерен отмеченный в монографии факт принятия участниками Тегеранской встречи специальной «Декларации об Иране», содержащей определенные уступки иранской стороне. В противовес утверждениям в зарубежной литературе о наличии у Москвы планов сохранить за собой контроль над Северным Ираном, оставив там войска после окончания Второй мировой войны, в монографии указывается на их отсутствие и морально-политические причины принятого в марте 1946. г решения о полном выводе советских войск из Ирана.

Внимание историков, бесспорно, привлекут данные об активном участии советских курдов в Великой Отечественной войне. Глава книги, посвященная курдскому вопросу, дает представление о попытках гитлеровской агентуры в начале мировой войны использовать стремление курдов к независимости в своих целях, превознося, в частности, их «арийское происхождение». Обстоятельно рассмотрен подъем курдского национализма в Ираке, приведшего в 1943–1944 гг. к восстанию во главе с М.Барзани, и Иране, где осенью 1945 г. возникла и недолгое время просуществовала автономная курдская республика с центром в Мехабаде. В монографии аргументированно показано, что политику Москвы в регионе отличали прагматизм, отказ от разыгрывания карты курдского, а также азербайджанского сепаратизма. Отмечена необоснованность попыток обвинить советскую сторону в односторонних действиях в период нараставшего в регионе подспудного соперничества СССР с Англией и США.

В главах о советско-турецких отношениях анализируется полный внутреннего драматизма и борьбы мнений период неопределенности с позицией Анкары в период, предшествующий началу Второй мировой войны, на ее начальном этапе и во время наступления немецких войск на советском фронте летом 1942 г. В монографии показано, что симпатии значительной части турецкой элиты долгое время были на стороне нацистской Германии. Враждебность по отношению к СССР коренилась в традиционном соперничестве в кавказско-причерноморском регионе и пантюркизме (пантуранизме). Анкара осуществила несколько недружественных в отношении СССР шагов (судебный процесс и осуждение советских граждан Г.Павлова и Л.Корнилова). Однако, несмотря на давление со стороны гитлеровской дипломатии (а ее возглавлял известный дипломат фон Папен), Анкара воздержалась от вступления в войну. Сохраняя нейтралитет, Турция

доказала, что извлекла урок из горького опыта Первой мировой войны, а присоединение к союзникам на заключительном этапе Второй мировой помогло ей извлечь новые выгоды. Москва, как показано в монографии, проявила при этом выдержку, не возражала против подключения Турции к победителям, но объявила о денонсации договора 1925 г. о дружбе и нейтралитете и необходимости пересмотра конвенции Монтрё о режиме черноморских проливов.

В книге прослежены перипетии военных действий германо-итальянских против англо-американских войск в Северной Африке (Ливии и Египте). Подчеркивается, что при всем значении, которое имел североафриканский театр военных действий, основные и решающие для судеб мировой войны сражения происходили на советско-германском фронте. Драматический эпизод в истории североафриканской кампании, освещенный в монографии, связан с использованием немцами на тыловых работах десятков тысяч советских военнопленных, захваченных в первые месяцы Великой Отечественной войны.

В заключительном разделе монографии дана общая оценка огромной роли, которую сыграл Советский Союз во Второй мировой войне, и отмечено, что страны Востока (Азии и Северной Африки) во многом благодаря ему и его победам в годы войны смогли в первые же послевоенные годы сбросить оковы колониализма и вступить на путь независимого развития и модернизации.

Раздел I

Дальний Восток

Глава 1.

СССР и МНР (1936–1945)

Дальневосточные соседи СССР и приоритеты его внешней политики

Ожидалось, что окончание Первой мировой войны приведет к стабилизации международной обстановки, но этого не произошло. Развернулось острое соперничество держав за новый передел мира, дешевые людские ресурсы, источники сырья, международные коммуникации и т.д. Ситуацию осложнили последствия мирового экономического кризиса. Так стали возникать предпосылки к очередной мировой войне как силовому способу решения назревших проблем. В этой обстановке внешняя политика СССР на всех ее геостратегических направлениях носила оборонительный, антивоенный характер, преследуя цель сохранить мир на своих границах как важнейшее условие укрепления новой государственности и хозяйственного строительства. При этом Советский Союз претендовал на статус мировой державы и доминирующее место в системе международных отношений на Дальнем Востоке. Накануне Второй мировой войны. Пропаганда идей Коминтерна, призывы к мировой революции исчезли из внешней политики СССР и не представляли угрозы окружающему его миру. В этом плане советская политика стали тоньше, а дипломатия – осмотрительнее. В Китае, например, помогая КПК, СССР не стремился привести ее в столкновение с Гоминьданом, понимая, что только сближение позиций этих двух партий может обеспечить национальное единство страны. А это пошло бы на пользу и самому Советскому Союзу.

Основы внешней политики советского государства, в том числе отношение к своей военной безопасности, были закреплены в Конституции СССР, принятой на Восьмом Чрезвычайном съезде Советов 5 декабря 1936 г. В статье 49 Основного закона говорилось: Верховный Совет, а между его сессиями Президиум Верховного Совета СССР «объявляет состояние войны в случае военного нападения на СССР или в случае необходимости выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии»¹. Иными словами: Советский Союз не выступит инициатором войны и только в оборонных целях примет участие в военных действиях. О том, что СССР предстоит руководствоваться такой конституционной установкой, свидетельствовала, в первую очередь, геополитическая ситуация на Дальнем Востоке², серьезно угрожавшая региональной безопасности в целом. Отвести или смягчить угрозы могли только конструктивные связи с соседями по региону, а в идеале – система коллективной безопасности. В советской дальневосточной политике и дипломатии приоритетными считались отношения СССР с пограничными странами: Китаем, Японией, Монголией и Кореей. Реализовывать приоритеты было очень непросто. Китай воевал с Японией. Западные страны, имевшие в Китае каждая свои интересы, конкурируя между собой, часто пособничали Японии. В результате, нестабильность внутренней обстановки в Китае приобрела хронический характер, на значительной части его территории хозяйничали японские войска, а правительство Чан Кайши, нисколько не скрывая, предпочитало войну между СССР и Японией советскому вмешательству в его внутренние дела.

Отметим, однако, что советско-японские отношения не были только исключительно конфронтационными на протяжении всех 1920–1930-х годов. До начала 1930-х годов они развивались в соответствии с Конвенцией «Об основных принципах взаимоотношений» – договоренностью между СССР и Японией об установлении дипломатических отношений, подписанной в Пекине 20 января 1925 г.

Пекинская конвенция имела большое значение для экономического сотрудничества двух стран и соблюдения мира на Дальнем Востоке. Но позднее, в 1932 г. Япония, движимая нарастающим соперничеством с СССР за влияние в регионе, отвергла предложение советского правительства о подписании с ним договора о ненападении: связывающие руки соглашения не были ей нужны. Зато 25 ноября 1936 г. Япония заключила с фашистской Германией Соглашение против Коммунистического «Интернационала»

¹ Конституция Союза Советских Социалистических Республик, см.: [ru.wikisource.org/.../Конституция СССР_\(1936\)](http://ru.wikisource.org/.../Конституция СССР_(1936).).

² Территории Дальнего Востока относились: дальневосточный край СССР, Монголия, Китай, Корея и Япония. В современном понимании это Северо-Восточная Азия.

(Антикоминтерновский пакт)³. Статья вторая секретного приложения к этому пакту гласила: «Договаривающиеся стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения»⁴. В подтверждение тесных связей с Японией Германия 20 февраля 1938 г. признала Маньчжоу-го. Таким образом, опасность для Советского Союза на Дальнем Востоке, в первую очередь, представляла агрессивная политика Японии. Это был государство-«тяжеловес»⁵, влиятельное не только на Дальнем Востоке, но и в остальном мире, заставлявшее считаться с собой ведущие державы.

Китай в качестве потенциального союзника в виду целого ряда обстоятельств был не перспективен: его раздирали внутренние противоречия, две основные политические партии – Гоминдан и КПК конфликтовали между собой, а китайская экономика была разорена.

Отношения Советского Союза с Кореей, колонизированной в 1910 г. Японией, где она держала свои войска, ограничивались нелегальной поддержкой партизанского движения. В конце 1930-х годов японская колониальная армия усилила карательные акции против корейских партизан в Маньчжурии. В декабре 1940 г. Ким Ир Сен с небольшим отрядом перешел на советскую сторону⁶.

Таким образом, создание системы коллективной безопасности, основанной, прежде всего, на военной взаимопомощи, из всех дальневосточных стран-соседей для СССР было реально только с Монголией. В активе МНР как союзника для Советского Союза самым главным являлись ее геостратегическое положение в самом центре Азии, фактическое следование в фарватере советской внешней политики, зависимость от экономической помощи и расчеты на содействие в окончательном отделении от Китая. Самая

---

³ Его подписание, по-видимому, было ускорено резко активизированной антияпонской и антинацистской пропагандой в СССР.

⁴ Соглашение против Коммунистического «Интернационала». – История войны на Тихом океане. Т. 2. М., 1958, с. 343–346. Его обсуждению было посвящено заседание Тайного совета, выступая на котором министр иностранных дел Х. Арита заявил: «Отныне советская Россия должна считаться с фактом, что ей придется стоять лицом к лицу с Германией и Японией» (Ресурс Интернета: www.kp.rkomi.ru/txt/08_009.html).

⁵ Япония была державой, наименее других пострадавшая во время Первой мировой войны. Она быстро восстановила индустриальную мощь и наладила производство вооружений. Из стран со сколько-нибудь развитой металлургией только Япония и Германия увеличили выплавку чугуна (*Кафенгауз Л.Б.* Эволюция промышленного производства России. Последняя треть XIX в. – 30-е годы XX в. М., 1994, с. 670).

⁶ *Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф.* Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М., 2008, с. 45.

уязвимая сторона безопасности МНР – ее неопределенный международный статус, препятствующий Улан-Батору принимать активнее участие в международных делах, ущемляющий достоинство одной из старейших и гордых наций в Азии. Нерешенность этой проблемы также весьма задевала СССР и, поскольку его интересы и интересы МНР в принципе совпадали, то развитие и укрепление советско-монгольских отношений становились важным фактором обеспечения безопасности обеих стран и установления баланса сил в регионе.

С учетом сказанного выше динамика международных отношений на Дальнем Востоке по мере приближения новой мировой войны определялась двумя противоборствующими тенденциями. С одной стороны, обострялись советско-японские, монголо-японские и китайско-японские отношения, а с другой, – нарастали усилия СССР по стабилизации военно-политической обстановки на Дальнем Востоке, подстегиваемые ростом конфликтности в регионе и ухудшением положения на западных советских границах.

Островная страна Япония стремилась прочно обосноваться на материке. В 1931 г. ее войска оккупировали Маньчжурию, большую область на северо-востоке Китая – три провинции и преобладающая часть Внутренней Монголии, с общим населением 30 млн. человек. В 1932 г. на этой территории Япония создала марионеточное государство – Маньчжоу-го. Это внесло существенные коррективы в баланс сил на Дальнем Востоке, причем, не в пользу СССР и МНР. В руках Японии оказалось новое государство с богатыми полезными ископаемыми, относительно развитой промышленностью и современными коммуникациями. Аннексия Внутренней Монголии окончательно завела в тупик ее и без того хрупкие, в основном этнические и семейные связи с МНР. Советско-японская граница, которая до того проходила только по морю, отныне стала включать сухопутную линию на континенте, простиравшуюся от «подбрюшья» Владивостока до Забайкалья. В Маньчжоу-го создавались японские поселения, как правило, вблизи советской границы. Японские переселенцы имели оружие, обучались военному делу и могли быть в любое время использованы для нападения на СССР и МНР⁷. На границах с Советским Союзом – в Маньчжурии, Корее, на Южном Сахалине и Курильских островах – в 1935 г. было сосредоточено более 200 тыс. японских и 75 тыс. маньчжурских солдат и офицеров, свыше 200 боевых самолетов. Политико-стратегическая ситуация на советском Дальнем Востоке ухудшилась. Уже тогда многие аналитики считали вооруженное столкновение Японии с СССР неизбежным, а в 1939 г. Сталин не исключал опасной для СССР перспективы войны на два фронта – против Японии и Германии.

---

⁷ Там же.

Маньчжоу-го, находившееся под диктатом Японии, стало третьим соседом Монгольской Народной Республики, что также пошатнуло ее политико-стратегическое положение в регионе – вблизи ее границ обособилась японская Квантунская армия, одна из самых мощных и хорошо подготовленных армейских структур в Азии. Ее личный состав проходил специальную подготовку с учетом географического положения и климатических условий дальневосточного театра военных действий, члены командного состава владели русским языком. Передовые части японской армии даже специально зимовали в Хайларе⁸, чтобы пройти испытание холодом – в ожидании похода на советскую Сибирь. Квантунская армия часто пополнялась новыми частями и соединениями из числа оккупационных войск, переброшенных из Китая. В 1934 г. в ее составе насчитывалось пять пехотных дивизий, две пехотные и три охранные бригады, пять авиаполков, танковый и тяжелый артиллерийский полки, усиленный береговыми орудиями железнодорожный полк и полк связи. Важно отметить, что в то время Квантунская армия была не только военной, но и серьезной политической силой, ее командование не редко принимало важные решения автономно, не считаясь с установками Генерального штаба императорской армии. Такое положение часто ставило в тупик японских дипломатов в Москве, затягивало переговоры.

Милитаристские круги Японии строили стратегию завоевания СССР, Китая и Монгольской Народной Республики (нападения на пограничные заставы СССР и МНР, бои у озера Хасан, необъявленная война на реке Халхин-Гол).

Большие споры в свое время вызывал вопрос о так называемом меморандуме Танаки. Его якобы вручил японскому императору 27 июля 1927 г. генерал Гиити Танака, тогдашний премьер-министр, министр иностранных дел министр колоний. Меморандум представлял собой план захвата Китая и выхода к границам Монголии. В мировой литературе ныне считается доказанным вопрос о неподлинности, сфабрикованности меморандума. Однако в свое время он сыграл большую роль в международной политике⁹.

---

⁸ Хайлар – город во Внутренней Монголии и станция Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД).

⁹ Монгольские ученые внесли большой вклад в изучение истории этого документа. Особенно подробно, с использованием различных версий, выдвигаемых японскими политиками относительно происхождения меморандума, проблему исследовал видный монгольский ученый Цэдэндамбын Батбаяр в своей книге «Монгол ба их гурнууд XX зууны эхний хагаст. Хиагтаас Ялта хуртэл: Сталин, Чан Кайши, Монголын тусгаар тогтнол (Монголия и великие державы в первой половине XX века. От Кяхты до Ялты: Сталин, Чан Кайши и независимость Монголии) (Улан-Батор: Монхийн усэг, 2006, с. 115–122).

В материалах Токийского международного трибунала для Дальнего Востока (1946–1948) меморандум фигурировал в качестве улики, представленной американскими обвинителями, и был квалифицирован как программа захвата стран Евразии, начиная с сопредельных районов Китая и Советского Союза, в целях установления мировой гегемонии¹⁰.

К тому же планы милитаристских кругов Японии касательно Монголии содержатся в книге «Задачи Японии в эпоху Сева», автором которой является идеолог японской завоевательной политики – генерал Садао Араки (в 1931–1934 гг. военный министр Японии). «Япония не желает допустить существование такой двусмысленной территории, каковой является Монголия, непосредственно граничащая со сферой влияния Японии – Маньчжурией и Китаем. Монголия должна быть, во всяком случае, территорией, принадлежащей нам»¹¹.

Оккупация МНР была бы адекватна нападению Японии на Советский Союз, который продолжал считать Монголию зоной своих интересов. СССР и МНР на внешнеполитической арене выступали заодно¹². Поэтому наскоки на монгольские границы советский Союз приравнивал к покушениям и на его собственные, понимая, что при определенных обстоятельствах, например, при помощи Германии, часто повторяющиеся акции со временем организованно или даже стихийно могут перерасти в широкомасштабную войну.

Такая обстановка заставляла СССР держать на своем дальневосточном фланге крупные армейские группировки, вкладывать значительные средства в создание и развитие военно-промышленного комплекса, что сильно отягощало бюджет молодого советского государства. В результате выполнения второго пятилетнего плана развития народного хозяйства (1933–1937) Советский Союз по объему промышленной продукции занял первое место в Европе и второе в мире, уступив только США¹³. Но в то же самое время такая политика резко сокращала возможности инвестировать в развитие гражданских отраслей, повышение жизненного уровня населения. Учтем к тому же, что само существование СССР в 1939 г. насчитывало всего лишь 15 лет, и государственное строительство требовало возрастающих расхо-

¹⁰ Дипломатический словарь. В 4-х т. Т. 3. М., 1973, с. 448.

¹¹ Там же.

¹² По соглашению между Россией и Японией, подписанному в Санкт-Петербурге 30 июля 1907 г., Япония признала Северную Маньчжурию и Монголию (Китай) сферой влияния России, со своей стороны Россия признала сферой влияния Японии Южную Маньчжурию и Корею.

¹³ Громько А.А., Пономарев Б.Н. История внешней политики СССР. Т. 1. Гл. X «Международное положение СССР и его внешняя политика в 1933–1937 гг.». М., 1980. – Ресурс Интернета: www.i-u.ru/forum/.

дов. Понижение уровня опасности в регионе могло бы облегчить Союзу решение неотложных внутренних задач.

После создания Маньчжоу-го Япония развернула кампанию по вытеснению Советского Союза из Маньчжурии. Квантунская армия и марионеточные местные власти создали вокруг Китайско-Восточной железной дороги и работавших на ней советских граждан нестерпимую атмосферу угроз и провокаций. Происходили аресты и захваты железнодорожного имущества. Ввиду опасности возникновения военного конфликта СССР принял решение уйти из Маньчжурии, уступив Японии право собственности на КВЖД. Однако соглашение о продаже не внесло принципиальных изменений в советско-японские отношения. Летом 1935 г. началась полоса инцидентов на советско-маньчжурской границе. Дело доходило до серьезных боевых столкновений как, например, в районе Гродеково (Приморский край, СССР).

В 1936 г. японское правительство утвердило программу своих действий – «Основные принципы национальной политики». Программой предусматривалось наряду с полным захватом Китая наступление на территорию МНР и СССР. Токио явно рассчитывал на то, что его политика на Дальнем Востоке ускорит развязывание Германией войны против Советского Союза. Более того, вызов безопасности советскому государству в то время бросили и другие западные державы. Правящие круги США были заинтересованы в войне между Японией и Китаем, «рассчитывая на то, что в ходе войны обе страны будут истощены, и тогда им можно будет навязать такой мир, который наиболее отвечал бы империалистическим интересам США на Дальнем Востоке»¹⁴. Иметь на своих границах истощенный Китай да еще попавший в зависимость от Соединенных Штатов, для Советского Союза было бы крайне опасно.

Великобритания также видела свой интерес в ослаблении Китая и Японии, но ее политика была в этом плане, очевидно, менее последовательной, чем американская. Один из примеров – сделка правительства Чемберлена с японскими политическими кругами от 24 июля 1939 г., известная как соглашение Арита-Крэйги (некая британская версия «дальневосточного Мюнхена»), провоцирующее Токио на продолжение войны в Китае и агрессию против СССР¹⁵.

Франция была готова пойти на многие уступки Японии ради того, чтобы та не затронула сферу ее интересов – Аннам (историческая область в центральной части Вьетнама, французский протекторат) и китайскую провинцию Юньнань.

---

¹⁴ Панюшкин. А. С. Записки посла: Китай. 1939–1944. М., 1981, с. 27.

¹⁵ Соглашение, подписанное министром иностранных дел Японии (Хатио Арита) и послом Великобритании в Токио (Роберт Крейг), представляет собой англо-японскую договоренность о признании Великобританией «особых нужд» японских оккупационных войск в Китае и гарантиях безопасности японских войск в Китае со стороны Великобритании.

Монголия во внешней политике СССР

Монгольская Народная Республика в преддверии Второй мировой войны фактически пребывала в условиях международной изоляции. Отношения сотрудничества связывали ее на межправительственном уровне только с Советским Союзом. Страны объединяли не только общая граница и историческое прошлое, но и схожесть политического строя, многие факторы внутренней политики, совпадение или близость стратегических интересов в регионе. Известно, что Монголия стала первой страной на Дальнем Востоке, с которой Советская Россия установила дипломатические отношения. Затем последовал ряд торгово-экономических соглашений, проектов культурного развития. В конце 1930-х годов Монголия уже не была той отсталой страной, какой она предстала в начале XX в. В МНР действовала конституция, строились современные промышленные предприятия и социальные объекты. Улан-Батор поддерживал регулярные политические и деловые контакты с Москвой, постоянными были встречи монгольских премьер-министров и других высоких должностных лиц с И. Сталиным, наркомками иностранных дел СССР – сначала с М.М. Литвиновым, а с начала мая 1939 г. со сменившим его на посту наркома В.М. Молотовым.

В декабре 1932 г. чрезвычайная сессия Лиги Наций осудила Японию, как агрессора, захватившего Маньчжурию. Япония же 27 марта 1933 г., в знак протеста вышла из этой организации. Таким образом, она окончательно встала на путь проведения агрессивной внешней политики и разрушения Вашингтонской (Версальской) системы международных отношений в Азиатско-тихоокеанском регионе¹⁶. При этом японские милитаристы не скрывали планов завоевания и насильственного отторжения части территории Советского Союза. Безопасность дальневосточных рубежей СССР и границ МНР оказалась под серьезной угрозой.

Когда агрессивная политика Японии, нацеленная не только против СССР, но и МНР, стала реальностью, необходимость укрепления военно-политического сотрудничества обернулась для них настоящим императи-

---

¹⁶ Вашингтонская (версальская) система международных отношений в Азиатско-тихоокеанском регионе (1919–1922) – система международных договоров, призванная формально закрепить итоги Первой мировой войны. Она предусматривала урегулирование международных отношений и в Тихоокеанской Азии.

вом. К тому времени Советский Союз уже получил более широкое международное признание. 16 ноября 1933 г. между СССР и США были установлены дипломатические отношения. В 1934 г. он принял предложение 30 государств-членов Лиги Наций вступить в эту международную организацию, что стало свидетельством его возросшего влияния и авторитета, повысил его самооценку.

Но внутриполитическая борьба в высших эшелонах монгольской власти за выбор пути развития страны порождала у советских лидеров опасения, что МНР может и отойти от просоветского внешнеполитического курса и переориентироваться на сотрудничество с Японией и другими капиталистическими странами. Этим можно объяснить вмешательство СССР во внутренние дела МНР, распространение на Монголию советской практики политических репрессий, шпиономании¹⁷.

Однако в системе СССР – МНР был жесткий стержень, который не давал распасться советско-монгольскому сотрудничеству: особое стратегическое значение Монголии для Дальнего Востока, с одной стороны, и признание Монголией в Советском Союзе гаранта своей независимости – с другой. В 1930-х годах СССР и МНР сближали общая угроза военного нападения со стороны Японии и необходимость совместно решать вопросы безопасности на границах. Страна Советов твердо стояла на страже государственной независимости Монголии. Несмотря на то, что по советско-китайскому Соглашению об общих принципах для урегулирования вопросов между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой от 31 мая 1924 г., СССР был вынужден признать Внешнюю Монголию составной частью Китайской Республики¹⁸, он продолжал оставаться защитником ее суверенитета и независимости. Москва полагала, что в условиях, когда Китай раздирают внутренние противоречия, статус-кво новой Монголии вряд ли изменится. Правительство Монгольской Народной Республики не признало советско-китайское соглашение в той его части, которая касалась Монголии (ст. 5), а советско-монгольские отношения продолжали развиваться по всем направлениям, включая военно-политическое сотрудничество.

Накануне Второй мировой войны Монгольская Народная Республика занимала важное место в советской внешней политике на Дальнем Востоке. Это объективно вытекало как из характера двусторонних отношений, настроенных на взаимную помощь и поддержку, так и из военно-политической

---

¹⁷ В январе 1993 г. президенты Б.Н. Ельцин и П. Очирбат подписали Заявление, осуждающее сталинские репрессии 1930–1940-х годов (Известия. 22.01.1993). В Монголии, начиная с 1996 г., 10 сентября отмечается как День памяти политических репрессированных (Новости Монголии. 12.10.2008).

¹⁸ Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сб. документов. М., 1959, с. 83.

обстановки в регионе и усиления значимости друг для друга в раскладе военно-стратегических сил в регионе.

Первым правовым актом, отразившим новый уровень советско-монгольских отношений, стало «джентльменское» (устное. – Г.Я.) соглашение, которое по просьбе монгольского правительства Советский Союз 27 ноября 1934 г. заключил с МНР. Соглашение предусматривало «взаимную поддержку всеми мерами в деле предотвращения и предупреждения угрозы военного нападения, а также оказания друг другу помощи и поддержки в случае нападения какой-либо третьей стороны на СССР или МНР»¹⁹. Заключение этого акта было очень своевременным.

В японской периодической печати отмечалось (1935): «Все военные специалисты единодушно утверждают, что вторжение в СССР через Внешнюю Монголию имеет наибольшие преимущества, нежели вторжение через Маньчжурию»²⁰. Встрешенное международной обстановкой на Дальнем Востоке, монгольское правительство форсировало меры по наращиванию обороноспособности страны. В этом деле важную роль сыграло постановление президиума Центрального комитета Монгольской народно-революционной партии от 23 января 1936 г., вынесенное по докладу военного министра Г. Дэмида об обострении положения на границе с Маньчжоу-го. Оно предписывало А. Амару (председатель президиума Малого хурала) и П. Гэндэну (премьер-министр и министр иностранных дел) «обратиться от имени Малого хурала и правительства МНР к Правительству Союза Советских Социалистических Республик со следующей просьбой – по-прежнему держать в стране (МНР. – Г.Я.) части Рабоче-крестьянской Красной армии»²¹.

Со своей стороны МНР, согласно этому постановлению, обязалась увеличить численность своих вооруженных сил, объявив широкую мобилизацию в армию и приступив к ее обновлению²².

Соглашение 1934 г. должно было стать предостережением японским милитаристам, но не стало. Уже через месяц, в январе 1935 г., японско-маньчжурские войска захватили принадлежащий МНР участок территории с монастырем Халхин-Сумэ. Затем последовал еще ряд вооруженных налетов, и, наконец, правительство Маньчжоу-го (практически – Япония) потребовало от МНР предоставить Квантунской армии право «послать в Монголию своего представителя и построить на монгольской территории телеграфную линию для поддержания с ним связи»²³.

¹⁹ Там же, с. 518.

²⁰ Цит. по: История Монгольской Народной Республики. 2-е изд. М., 1983, с. 390.

²¹ Материалы и документы по истории Монгольской народно-революционной партии. Т. 1, с. 421.

²² Там же, с. 422.

²³ Правда. 07.07.1935.

По поводу незаконных требований монгольское правительство выразило протест. Следующим его шагом было подписание Протокола с СССР о расширении Соглашения о телеграфных сношениях от 29 мая 1930 г.²⁴ Появление такого документа имело большое значение для Монголии с ее огромной малонаселенной территорией, а также для установления, наряду уже с действующей радиосвязью, экстренной телеграфной связи между Улан-Батором и Баин-Туменем, городом на востоке Монголии, с одной стороны, Читой и пограничной советской станцией Борзя, с другой. Укреплению двусторонних связей между СССР и МНР служили также: Конвенция об упрощенном переходе государственной границы гражданами СССР и МНР, проживающими в 100-километровой пограничной полосе (20.05.1930).; Протокол об уточнении границы между СССР и МНР (28.02.1931), договоры о делимитации и демаркации линии тувинско-монгольской границы.

На монголо-маньчжоугоской конференции в 1935 г. Япония пыталась вынудить МНР отойти от ориентации на сотрудничество с СССР. Потерпев неудачу, она стала открыто угрожать Монголии. Количество нарушений границы с обеих сторон росло. Но их масштабы со стороны Маньчжоу-го были несопоставимо опаснее. Так, 12 февраля 1936 г. японо-маньчжурский отряд в составе 500 солдат совершил налет на пограничную заставу Монголии в районе Булан-Дэрсу на востоке страны. 21 февраля того же года Министерство иностранных дел СССР сделало соответствующее заявление японскому послу в Москве, отметив, что «учащающиеся столкновения на границах Монгольской Народной Республики и Маньчжоу-го представляют еще один очаг опасности для мира на Дальнем Востоке и вызывают серьезное беспокойство у правительства СССР»²⁵.

Укрепление советско-монгольского военного сотрудничества во многом повлияло на выбор первоначального направления японской внешней экспансии: 7 июля 1937 г. Япония напала не на СССР, а на Китай. Вторгшись на китайскую территорию, японцы в короткий срок заняли Шанхай, Тяньзинь, Пекин и ряд других крупных промышленных центров. Впоследствии национально-освободительная война Китая против японских захватчиков стала составной частью Второй мировой войны.

В Азии началась затяжная война. Через месяц после ее начала (21.08.1937) СССР заключил с Китаем договор о ненападении (см. гл 2 наст. изд.). Одновременно он стал оказывать Китаю помощь военной

---

²⁴ Советско-монгольские отношения 1921–1974. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1 1921–1940. М., 1975, с. 328.

²⁵ Правда. 23.02.1936.

техникой, оружием, боеприпасами, снаряжением. В Китай были направлены советские добровольцы, прежде всего летчики, которые защищали китайские города от налетов японской авиации. Монголия же становилась транзитной территорией для доставки советской техники и вооружений в Китай по маршруту Улан-Удэ – Улан-Батор – Калган.

После начала новых военных действий в Китае отношения между Москвой и Токио еще больше осложнились. На советско-маньчжурской границе участились инциденты, вылившиеся, в конце концов, в серьезный вооруженный конфликт. С 29 июля по 11 августа 1938 г. в районе озера Хасан происходили тяжелые бои между советскими и японскими войсками, в которых с обеих сторон приняли участие несколько десятков тысяч человек, были задействованы танки, артиллерия, авиация. Ценой больших потерь советским войскам удалось отбить захваченные противником высоты.

Война на озере Хасан еще раз подтвердили нацеленность острия японской агрессии на СССР, а события на монголо-маньчжурской границе – на захват МНР.

Японские стратеги ставили перед собой далеко идущие цели. Они имели в виду, захватив Монголию превратив ее в выгодный для себя плацдарм, ударом с юга перерезать Сибирскую железную магистраль и добиться отторжения советского Дальнего Востока от остальной части страны, с тем, чтобы, опираясь на ресурсы этого богатого края, продолжить экспансию в целях захвата Сибири и других районов Советского Союза.

Ю. Цеденбал²⁶

Эскалация вооруженных конфликтов в приграничной зоне СССР привела к повышению уровня советско-монгольского военно-политического сотрудничества. Сначала 1 марта 1936 г. И.В. Сталин в беседе с Роем Говардом, председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» изложил программу внешней политики СССР. При этом он заявил, что «если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь Монгольской Народной Республике»²⁷.

Политику высшего руководства в отношении МНР поддерживали крупные советские военачальники, особенно те, чья судьба была связана со службой на российском Дальнем Востоке.

²⁶ Цеденбал Ю. Исторический путь развития социалистической Монголии. Улан-Батор, 1976, с. 405.

²⁷ Советско-монгольские отношения 1921–1974, т. 1, с. 337.

Многие думают и говорят, что Монголия не является самостоятельным государством и подчинена СССР. Это неверно. Наши отношения с Монголией складываются из поддержки национальной независимости. Монголия стала на путь борьбы за национальную независимость, а также на путь экономического и культурного развития. Мы же помогаем всем тем, кто хочет стать на путь борьбы за национальную независимость, и считаем, что мы много помогли Монголии.

В.К.Блюхер

(из архива Молотова, под грифом «совершенно секретно»,
20 января 1936 г.)

Через десять дней после заявления Сталина, 12 марта 1936 г., Москва и Улан-Батор подписали Протокол о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой, юридически оформивший положения «джентльменского» соглашения от 27 ноября 1934 г. Несмотря на то, что инициатором заключения этого соглашения снова была монгольская сторона, содержание документа отражало общую заинтересованность СССР и МНР в подготовке стратегических мер, нацеленных на обеспечение безопасности их границ.

Протокол имел большое значение для сохранения мира на Дальнем Востоке и отличался от соглашений о нейтралитете, связывавших СССР с рядом других государств. Так, Советский Союз обретал юридически легализованное право по согласованию с монгольской стороной вводить свои войска на ее территорию. Монгольская Народная Республика получила надежную гарантию военной помощи. Протокол обязывал правительства обеих стран в случае угрозы нападения на территорию СССР или МНР со стороны третьего государства «немедленно обсудить совместно создавшееся положение и принять все те меры, которые могли бы понадобиться для ограждения безопасности их территории». Предусматривалось также, что войска одной стороны, введенные на территорию другой, будут выведены оттуда немедленно «по миновании в том надобности». Срок действия протокола устанавливался в десять лет²⁸.

Появление на свет официально документированной военной договоренности между СССР и МНР вызвало протест со стороны Китая и Японии. Токио не принимал никаких советских заявлений, касающихся отношений между Маньчжоу-го и МНР, настаивая, что СССР не может выступать от имени Монголии. После опубликования текста Протокола в «Правде» (Москва, 4 апреля 1936 г.) нанкинское правительство направило Кремлю ноту протеста, в которой говорилось, что Монголия как часть Китая не имеет права заклю-

---

²⁸ Протокол о взаимной помощи между Союзом Советских Социалистических Республик и Монгольской Народной Республикой. 12 марта 1936 г. – Документы внешней политики СССР. Т. XIX. М., 1974, с. 136–137.

чать самостоятельные международные договоры²⁹. Тем не менее, этот документ, вопреки любым возражениям, сыграл весьма заметную роль в исторических судьбах и Китая, и Японии. Именно этот протокол объединил советские и монгольские войска, которые нанесли Японии поражение на Халхин-Голе. Монголия на основании того же протокола присоединилась к Советскому Союзу, объявившему войну Японии в августе 1945 г.

Внешняя политика на монгольском направлении была комплексной, помимо военной сферы, СССР оказывал МНР экономическую помощь, содействовал ей в подготовке национальных кадров, развитии образования и медицины, культуры и науки. Он поставлял ей машины, оборудование, строительные материалы, транспортные средства. В итоге в 1930-х годах в Монголии были построены промкомбинат, электростанции и некоторые другие крупные объекты. Монголия пользовалась поддержкой Советского Союза в развитии традиционной отрасли ее экономики – животноводства. В 1937 г. правительство Советского Союза передало в дар монгольскому народу 10 машинно-сенокосных станций, в 1938 г. их численность возросла до 24-х. В июле 1936 г. Народный комиссариат земледелия СССР по просьбе правительства МНР направил в Монголию научную ветеринарную экспедицию для изучения эпизоотического состояния животноводства. Таким образом, советское экономическое содействие было важным источником хозяйственного строительства в МНР, укрепления ее обороноспособности и экономической безопасности. СССР хотел видеть в Монголии прочное звено своей внешней политики.

Халхин-Гол

Монголия издавна являлась объектом территориальных притязаний Японии. К началу Второй мировой войны одним из определяющих факторов военно-политической обстановки на Дальнем Востоке была подготовка

---

²⁹ «Поскольку Внешняя Монголия является составной частью Китая, – говорилось в китайской ноте, – никакое иностранное государство не может заключать с нею какого-либо договора или соглашения... Китайское правительство ни при каких обстоятельствах не может признать такой протокол и никоим образом им не связано» (Известия. 09.04.1936). Отметим, тем не менее, что китайская сторона, считая МНР частью Китая, не выступила на ее стороне, когда части Монгольской народной армии защищали (вместе с воинскими соединениями Красной Армии) свою границу в качестве государственной, то есть отделяющую ее от Китая, как и подобало бы действовать суверенному государству.

Японии к захвату силами Квантунской армии стратегически важных позиций на территории Монгольской Народной Республики для последующего продвижения к государственным границам СССР. Немаловажным было и намерение японских правящих кругов повлиять на скорейшее завершение военного противостояния в Китае, что позволило бы японской армии усилить натиск на северном направлении. Кроме того, Токио беспокоила как военная помощь Советского Союза Китаю, так и создание там при его дипломатической и политической поддержке единого фронта Гоминьдан – КПК. Неизбежность войны Японии с СССР стала очевидна. События на Востоке и в Европе предвещали новую мировую войну. Прелюдией ее стала локальная война на реке Халхин-Гол на территории МНР.

Япония, навязывая войну, имела ряд преимуществ. В ее распоряжении находилось марионеточное государство Маньчжоу-го, расположенное на стыке границ трех стран – Советского Союза, Монгольской Народной Республики и Кореи. Квантунская армия, расквартированная в Маньчжоу-Го, насчитывала 340 тыс. человек, у нее имелся прочный тыл и территориально близкие к намеченному фронту боевых действий железнодорожные и шоссейные коммуникации³⁰. В начале 1939 г., после поражения в боях у озера Хасан, Генеральный штаб японской императорской армии срочно разработал новый оперативный план войны против СССР под кодовым названием «План операции № 8». Одновременно Токио рассчитывал на возможность выступления против Советского Союза совместно с Германией.

Обеспечения режима безопасности на японском направлении СССР и МНР стремились достичь, в первую очередь, дипломатическим путем. Однако конференции по Маньчжурии в 1935 и 1937 гг. не принесли результатов, а советское предложение заключить договор о нейтралитете Токио отклонил. В целях укрепления обороноспособности Монголии Советский Союз в сентябре 1938 г. в соответствии с Протоколом о взаимопомощи от 12 марта 1936 г. направил в МНР крупномасштабные войска Красной армии в дополнение к тем частям, которые уже стояли на ее территории. На их основе был сформирован 57-й особый корпус, составивший позднее ядро советско-монгольских воинских сил, при этом руководством МНР было рекомендовано расширить численный состав Народно-революционной армии. Советский Союз командировал военных инструкторов в общевоинское училище в Улан-Баторе. В 1936 г. военные расходы Монголии возросли в два раза, численность состава армии – на 30%, уровень обеспеченности ее вооружениями и боевой техникой – на 40%. Срок воинской службы был продлен с двух до трех лет, внесены изменения в воинские звания, среди

---

³⁰ Ближайшая железнодорожная станция – Борзя (СССР), через которую подвозили вооружение, предназначенное для советских и монгольских войск, находилась от них на расстоянии 650 км.

них появились звания маршала, генерал-лейтенанта, командира корпуса и др. Для усиления охраны границ армейские наряды были заменены вновь созданными на постоянной основе пограничными войсками³¹.

В Токио, по-видимому, считали, что Москва не достаточно сильный противник. Свидетельств этому, на первый взгляд, действительно было немало: продажа Японии КВЖД по цене ниже реальной, уступки в переговорах по рыболовным участкам, терпение, проявленное Наркоматом иностранных дел по вопросу об островах на среднем течении Амура и др. Япония ошибочно принимала уступчивость за слабость, и это в результате свело на нет многие ее преимущества.

Местом нападения на МНР был намечен тамцаг-булагский выступ реки Халхин-Гол на ее территории. Выбор был не случаен.

Река с ее окрестностями являлась чрезвычайно важным в геополитическом и военно-стратегическом отношении районом: прочные позиции, за получи их там японская армия, позволили бы ей напрямую через Монголию устремиться к Байкалу и Сибири, а там и отрезать советский Дальний Восток от остальной части СССР. Ландшафт вокруг Халхин-Гола сложный: сама река (ширина 100–130 м, глубина 2–3 м) имеет крутые спуски, многие из них заболочены, в долине много песчаных котлованов.

Поводом для нападения стала пограничная проблема. Исторически на 20–25 км восточнее левого берега реки Халхин-Гол территория не могла быть спорной (таковой ее представляли штабные карты японского командования). Ее называли своей родиной многие поколения монгольских племен халха. Принадлежность халхин-гольского левобережья Монголии выдавали не только редко маркированные и мало заметные примитивные вехи, но и географические названия. Халха³² – историческое название Северной Монголии. Отсюда – Халхин-Сумэ (Монастырь Халхи), Халхин-Гол (Река Халхи) и т.д. Пограничная проблема осложнялась наличием большого количества противоречащих друг другу карт и географическими особенностями степной местности, создававшими трудности с более четкой демаркацией пограничных рубежей³³.

³¹ *Дашидаваа Ч.* Улаан туух. Коминтерн ба Монгол (Красная история. Коминтерн и Монголия). Улан-Батор, 2003, с. 269.

³² *Халха* – от монг. халх – щит.

³³ Современный японский исследователь Х. Футаки считает, например, что, готовясь к вторжению на территорию МНР вплоть до самой ее центральной части, Квантунская армия имела самые подробные карты местностей и населенных пунктов Монголии – Матада, Тамцаг-Булага, Баин-Тумения, Ундурхана и столицы страны Улан-Батора. *Футаки Х.* Хурандаа Яногийин уйл амьдрал, узэл санаа 1930, 1940 усейн мээдэллийн албаны нэгэн офицерийн уйл ажиллагаа (Жизнь и взгляды полковника Яноги. Деятельность одного офицера информационной службы в 1930–1940-х годах). – Халха голын дайн: туухэн унэний эрэлд (Война на Халхин-Голе: в поисках исторической правды). Улан-Батор, 1995, с. 95–96.

Япония использовала эти обстоятельства в военно-стратегических целях, заявив о принадлежности Маньчжоу-го части территории, которую монголы издавна считали своей, хотя на деле граница проходила на 20–25 км восточнее реки³⁴. Поэтому прежде, чем принимать повод за цель, что пытаются иногда сделать западные и японские историографы Халхин-Гола, очевидно, стоит напомнить, что сказал об этом маршал Г.К. Жуков, командовавший войсками Первой армейской группы на Халхин-Голе.

Чтобы завуалировать истинные цели вторжения в пределы МНР, японское правительство решило преподнести мировой общественности акт агрессии как пограничный конфликт. Для большей убедительности своей версии японское правительство решило в начале боевых действий сразу не вводить в дело большие силы, начав вторжение особыми отрядами, наращивая их силу по мере развития боевых действий. При этом имелось в виду: в случае неблагоприятных обстоятельств, которые могут сложиться в результате вступления в дело Красной Армии, прекратить начатую агрессию и отойти на свою территорию. Поводом для развязки военных действий и так называемого «пограничного конфликта» явилось притязание японского правительства на территорию МНР, находящуюся восточнее реки Халхин-Гол. Для «обоснования» надуманной претензии в Японии в 1935 году издали фальсифицированную топографическую карту, на которой произвольно перенесли государственную границу МНР более чем на 20 километров, обозначив ее по реке Халхин-Гол.

Г.К. Жуков³⁵

За поводом крылись более глубокие причины: СССР и Япония были соперниками за лидерство в регионе. Москва стремилась играть ведущую роль в дальневосточных делах, Токио – доказать свое право на эту же роль. Монголия опасалась стать заложником в большой геополитической игре, и открыто тяготела к Советскому Союзу.

Командование Квантунской армии руководствовалось надуманной целью, призванной замаскировать его подлинные намерения. Она звучала как «приведение приграничной территории Маньчжоу-го в соответствие с имеющимися в Японии картами»³⁶. Однако советское обвинение на судебном

---

³⁴К 70-летию событий на реке Халхин-Гол (справочная информация). Историко-документальный департамент МИД России (www.mid.ru/.../b363618161213030c32575b600406656?... 14.05.2009).

³⁵ Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2-х т. Т. 1. М., 2002, с. 160–161.

³⁶По свидетельству монгольских историков-японоведов, некоторые японские ученые продолжают использовать старую версию, согласно которой первым якобы открыл огонь отряд монгольских кавалеристов, перешедший границу 12 мая 1939 г. Это, мол,

процессе в Токио доказало, что японскому правительству была известна действительная линия границы МНР в районе реки Халхин-Гол, знало оно и об издании фальшивых карт штабными работниками в 1935 г. Последние исследования японских ученых, экспертов по Халхин-Голу, этот факт подтверждают. Доктор Х. Футаки, например, изучив карту границы между Маньчжоу-го и МНР, составленную штабом Квантунской армии в масштабе 1: 500000, пришел к выводу: граница между Халхой и Хулунбуиrom (город и местность на территории Маньчжурии) показана относительно правильно. Из примечаний к карте понятно, утверждает он, что в ее составлении участвовали маньчжурские представители³⁷, что подтверждает ее достоверность.

Война на Халхин-Голе имеет обширную историографию, ее изучают в Китае и на Западе, но в первую очередь ученые из стран-участниц. В Японии, например, даже был создан специальный комитет по изучению «Номонханского инцидента», причин и уроков поражения Квантунской армии.

Хронология военных событий на Халхин-Голе достаточно известна, поэтому здесь отметим только узловые моменты, определенные, прежде всего, по их значению для решения тех задач, которые ставились перед советскими и монгольскими войсками. Война длилась с 28 мая по 15 сентября 1939 г.

11 мая 1939 г. японская воинская часть вступила на территорию МНР и атаковала монгольскую погранзаставу на высотах Номон-Хан – Бурд-Обо. Так началась «необъявленная» война, как впоследствии назвал события на Халхин-Голе маршал Жуков, Японии и Маньчжоу-го против МНР. И сразу же стала войной и против СССР. 28 мая японские части, пользуясь своим численным перевесом (до 2,5 тыс. штыков и сабель, 75 пулеметов, 18 орудий, 6–8 бронемашин и 40 самолетов)³⁸ заняли часть монгольской территории.

Это была агрессия не только по существу, но и по определению. По международным правилам того времени агрессором признавалось государство, которое объявит войну другому государству, вторгнется на его

вынудило японскую армию подтянуться к очагу конфликта и вступить в сражение. Заметим, что такой аргумент был подвергнут острой критике и охарактеризован как «смешной» на 4-м пленуме ЦК МНРП 8 июля 1939 г.

³⁷ Футаки Х. 1937 онд Квантуны армийн штабын газрын зохиосон Манжго – Монголын хилийн зургийн тухай (О карте границы между Маньчжоу-го и Монголией, составленной штабом Квантунской армии в 1937 г.) Репринт доклада, представленного на международном симпозиуме в Улан-Баторе в июле 2009 г.

³⁸ Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии. М., 2009, с. 52. Далее автор придерживается хронологии, представленной в этой книге, как наиболее точной и подробной из всех известных ему других российских источников, дополняя по мере необходимости содержательную часть данными монгольских историографов халхин-гольской войны.

территорию без объявления войны, бомбардирует его территорию или установит морскую блокаду³⁹. Япония стала агрессором, приступившим к захвату территории Монголии не только без объявления войны, но и бомбардировавшим монгольскую территорию.

Реакция советского правительства последовала незамедлительно.

Кажется, уже пора понять, кому следует, что Советское правительство не будет терпеть никаких провокаций со стороны японо-маньчжурских воинских частей на своих границах. Сейчас надо об этом напомнить и в отношении границ Монгольской Народной Республики. По существующему между СССР и Монгольской Народной Республикой договору о взаимопомощи мы считаем своей обязанностью оказывать Монгольской Народной Республике должную помощь в охране ее границ. Мы серьезно относимся к таким вещам, как договор о взаимопомощи, который подписан Советским правительством. Я должен предупредить, что границу Монгольской Народной Республики, в силу заключенного между нами договора о взаимопомощи, мы будем защищать так же решительно, как и свою собственную границу.

В.М. Молотов⁴⁰

Но это предупреждение, равно как и сделанное ранее через японского посла в Москве, уже не смогло остановить разогнавшуюся военную машину. Тройное превосходство в силах на тот момент рассматривалось военным командованием противника как возможность окружить и уничтожить советские и монгольские войска на правом берегу Халхин-Гола. 28 мая к месту боев, первая тяжесть которых пришлась на монгольскую кавалерию, прибыли 149-й полк 36-й советской мотострелковой дивизии под командованием майора И.М. Ремизова⁴¹. 22 июня 1939 г. (ровно за два года до начала Великой Отечественной войны) в небе над Халхин-Голом произошел воздушный бой, продолжавшийся более 2,5 часов. В нем участвовали 95 советских и 120 японских самолетов. Противник не досчитался 30 самолетов, советская авиация 14-ти. Это была первая крупная победа советских летчиков над японскими асами, летавших на самолетах И-97 новейшей конструкции.

Первые атаки были отбиты, но 2 июля пехоте противника (более 10 тыс. личного состава, около 100 орудий, до 60 орудий противотанковой

---

³⁹ На международной экономической конференции (Лондон, июль 1933 г.) СССР вместе с десятью другими государствами подписал Конвенцию об определении агрессора.

⁴⁰ Третья сессия Верховного Совета СССР. 25–31 мая 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939, с. 111.

⁴¹ Майор И.М. Ремизов пал на поле боя смертью храбрых 29 августа 1939 г. ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

артиллерии) удалось при поддержке танков вклиниться в расположение советских и монгольских войск, и в ночь на 3 июля занять гору Баин-Цаган на левом берегу реки Халхин-Гол. Так началось знаменитое Баин-Цаганское сражение (2–5 июля). По словам генерала армии И.И. Федюнинского, в то время полковника, командира мотострелкового полка, воевавшего на Халхин-Голе, «задуманную наступательную операцию японское командование планировало завершить к середине июля с тем, чтобы в течение лета выполнить поставленные задачи и закончить военные действия на территории Монгольской Народной Республики»⁴². Противник превосходил советско-монгольские войска в пехоте и артиллерии в два раза, в коннице и противотанковых орудиях – в четыре раза. Уступал лишь в танках и бронемашинах – более чем в три раза⁴³. Командовал 23-й пехотной дивизией японских войск генерал-майор Мититаро Камацубара (бывший военный атташе в Москве). Показательный штрих: для того чтобы лучше распропагандировать предстоящий триумф, он пригласил в район боевых действий иностранных корреспондентов и военных атташе, в том числе и военных атташе Германии и Италии.

Баин-Цаганское сражение одно из ключевых событий на Халхин-Голе. Оно означало тактический переход советско-монгольских войск от обороны, к активной обороне и наступлению. На склонах горы полегло более десяти тысяч японских солдат и офицеров. Японская армия, потеряв почти все танки и большую часть артиллерии, перешла к обороне, советско-монгольские войска готовилась к решающей стадии войны. Приказом народного комиссара обороны Союза ССР от 15 июля 1939 г. 57-й особый корпус комдива Г.К. Жукова вошел в состав 1-й армейской группы⁴⁴. Таким образом, военные действия уже формально приобрели статус войны. Позднее японские части образовали 6-ю японскую армию.

Вот как охарактеризовал июльские сражения их участник, военный корреспондент, командированный на Халхин-Гол, К.М. Симонов:

«При всей, казалось бы, бессмыслице жестоких фронтальных боев за несколько десятков песчаных барханов японцы весь июль с готовностью платили кровью за каждый взятый ими квадратный километр пустыни.

⁴² Федюнинский И.И. На Востоке. Гл. 3. Баин-Цаганское сражение. М., 1985.

⁴³ Там же, с. 20.

⁴⁴ Армейская группа – армия как временное и тактическое объединение нескольких родов войск, в основе его обычно лежит корпус. Для координации действий советских и монгольских войск на базе Забайкальского военного округа была образована фронтовая группа во главе с командующим армией Г.М. Штерном. Перед 1-й армейской группой стояла задача – окружить и полностью уничтожить японские войска и восстановить государственную границу МНР.

Только к началу августа они прекратили, наконец, атаки и начали деятельно укрепляться: рыли разветвленную сеть ходов сообщения, сооружали блиндажи с покрытием из бревен и бетонных плит, строили подземные гаражи, конюшни и склады...»⁴⁵.

В августе стало ясно, что советско-монгольские войска одержат победу. В ходе операции по окружению противника широко применялись бронетанковые и механизированные войска, авиация. Японский солдат Янита вспоминает: «Наши войска попали в окружение. Вражеские танки как заедут в окопы, так и начинают разворачиваться то влево, то вправо, стараясь давить наших солдат. Швырнул несколько бутылок с бензином по танкам, но все бестолку... А советские танки все прибывали, и тогда подполковник, командир нашего батальона отдал приказ об отступлении. После окончания войны тот подполковник был обвинен в «отступлении без приказа» и приговорен к почетной казни – расстрелу. Мы недооценили противную сторону...».

Война на Халхин-Голе закончилась полным разгромом японских войск, капитулянты выбросили белые флаги, разостлав ткань прямо на земле, чтобы их было заметно с воздуха⁴⁶. Япония обратилась к советскому правительству с просьбой о перемирии. В Москве прошли переговоры между народным комиссаром иностранных дел В.М. Молотовым и послом Японии Сигэнори Того, в итоге которых 15 ноября 1939 г. ими было подписано соглашение между СССР и Японией о прекращении всех военных действий, начиная с 16 сентября. СССР в этом соглашении представлял и интересы Монголии. Это соглашение еще раз документально доказывает, что война велась не только между МНР и Маньчжоу-го, но и между СССР и Японией. Окончательно конфликт на Халхин-Голе был урегулирован только в мае 1942 г. заключением соглашения о демаркации границы в спорном районе. В тот момент Советский Союз вел войну с Германией, а Япония – с США и Британской империей. В новом столкновении друг с другом не была заинтересована ни одна из сторон. В результате граница в районе Халхин-Гола прошла по линии фактического контроля. Почти весь спорный район, включая район сопки Номон-Хан, остался в составе Монголии. К Маньчжоу-го отошли небольшие районы к юго-востоку от этой местности. Советский Союз не получил никакого осязаемого материального выигрыша, зато баланс сил на Дальнем Востоке явно склонился в его сторону.

За мужество и героизм в боях на Халхин-Гол 17 121 человек был отмечен правительственными наградами, 70 человек удостоены звания Героя

---

⁴⁵ Симонов К. Далеко на Востоке (Халхин-гольские записки). М., 1965, с.46.

⁴⁶ Перевод с японского из газеты «Асахи» опубликован в монгольской газете «Соёмбо», печатном органе вооруженных сил Монголии в 2009 г., № 34, 22–29.08.

Советского Союза. Летчики С.И. Грицевец, Г.П. Кравченко, Я.В. Смушкевич первыми в стране стали дважды Героями Советского Союза. Орденами СССР были награждены 24 соединения и части.

В войне с двух сторон в общей сложности принимали участие 132 тыс. солдат и офицеров, более тысячи танков и бронемашин, свыше 800 самолетов. Количество убитых, раненых и пропавших без вести достигло 74 5222, из них были убиты 28 246 человек. Военные потери составили.

Японская сторона – около 61 тыс. человек убитыми, ранеными и взятыми в плен, в том числе 18115 человек убито, 30 534 – раненые и пропавшее без вести (65% всех воевавших тогда японских войск), 660 уничтоженных самолетов, 200 трофейных орудий, около 400 пулеметов и более 100 автомашин; А.С. Панюшкин считает, что потери японской армии, получившей сокрушительный удар от советских вооруженных сил у озера Хасан и, особенно под Халхин-Голом, где СССР действовал совместно с МНР, превысили ее потери на китайском фронте за два года войны⁴⁷.

Советская сторона – 9831 человек убитыми, 15 952 – ранеными, всего 24 883 человека, или 45% всего состава войск Красной армии, воевавших на Халхин-Голе.

Монгольская сторона – 990 человек убитыми, ранеными, пропавшими без вести, или около 10% всего личного состава монгольских войск на Халхин-Голе⁴⁸.

Поражение Японии оказало серьезное влияние на внешнеполитическую позицию ее правительства, и было одной из причин, удержавших ее от выступления против СССР в годы Второй мировой войны. 28 августа 1939 г., когда участь 6-й японской армии была фактически решена, правительство Японии во главе с Хиранумой ушло в отставку. Заключение русско-германского договора стало еще одним ударом по Японии.

Но войну на Халхин-Голе невозможно характеризовать как неразрывную цепь побед и достижений. Победа принесла и горькие плоды. Она, несомненно, придала опасную самоуверенность советскому руководству, вылившуюся в объявление войны Финляндии (1939–1940), которая длилась примерно столько же, сколько война на Халхин-Голе – 104 дня. Фактически это было сделано в нарушение конституции 1936 г. и, не говоря уже о других стратегических просчетах, привело к неудачному выбору момента, чтобы начать финскую кампанию буквально через три дня после начала мировой войны. В результате Финляндия превратилась в противника СССР, а в 1941 г. она стала союзником Германии.

⁴⁷ Панюшкин А.С. Записки посла, с. 161.

⁴⁸ Соёмбо. 01.02.2001; Хорьдугаар зууны монгол цэрэг (Монгольская армия двадцатого века). Улан-Батор, 2001, с. 207.

В ходе боевых действий на Халхин-Голе советская армия получила значительный опыт по боевому применению танков и авиации, а также в организации их взаимодействия с другими родами войск. Кроме того, был приобретен опыт проведения армейской наступательной операции на окружение с применением подвижных войск. Опыт этих боев показал необходимость увеличения количества артиллерии на один км фронта прорыва по сравнению с существовавшими нормами. Боевые действия на Халхин-Голе оказали влияние на дальнейшее совершенствование советской военной техники, особенно танков и артиллерии. В частности, на основе боев на Халхин-Голе было рекомендовано увеличить толщину брони танков, эта рекомендация была учтена при разработке среднего танка Т-34 и легкого танка Т-50, принятых на вооружение перед Великой Отечественной войной. На Халхин-Голе впервые в мировой военной практике танковые и механизированные части использовались для решения оперативных задач в качестве основной ударной силы фланговых группировок, совершавших маневр на окружение.

Геополитическое значение Халхин-Гола в контексте советско-монгольских отношений

Ответ на вопрос о геополитическом значении событий на Халхин-Голе требует определения его, прежде всего, в военных терминах – инцидент, конфликт, столкновение, сражение или война. События на Халхин-Голе в мае-сентябре 1939 г., безусловно, были реальной войной, пусть локальной, приграничной или региональной, но войной. Истории еще не известно такого конфликта, участниками которого были бы целые армии, конфликта, который длился бы четыре с половиной месяца, притом, что бои вели танковые дивизии, воздушные эскадрильи, тяжелая артиллерия. Кроме того, ни один пограничный конфликт не способен оказать такое глубокое влияние на баланс сил в регионе в целом, как война.

Обратим внимание и на тот факт, что противные стороны на Халхин-Голе были представлены не отдельными, разрозненными отрядами, как это обычно бывает в приграничных инцидентах, а крупнейшими военными структурами: армейской группой (СССР – 1-я армейская группа) и целой армией (Япония – 6-я армия, сформированная из полков и дивизий Квантунской армии), современными видами вооружений, широкими фронтовыми линиями – до 80 км.

Геополитическое значение войны на Халхин-Голе определяется ее последствиями:

- победа привела к ликвидации опасного очага потенциального распространения зоны военных действий на весь Дальний Восток;

- в результате победы на Дальнем Востоке несколько видоизменилась страновая структура баланса сил, так как Советский Союз, продемонстрировавший возросшую мощь своих вооруженных сил, склонил баланс в свою сторону;

- улучшились отношения между СССР и Японией, что в определенной степени обезопасило обстановку на границах СССР и МНР, а Монголия убедилась в надежности своего союзника;

- японское военно-политическое руководство убедилось в том, что императорская армия еще не готова к широкомасштабному военному единороборству с Красной армией;

- из-за выявившейся слабости японской армии решение «северной проблемы» оказалось отложенным, хотя и не было вычеркнуто из планов. Японские руководители перенаправили стратегические планы от границ России на южное направление. Особенно этот курс усилился после прихода к власти кабинета принца Коноэ в июле 1940 г.

Дискуссионным в историографии Халхин-Гола до сих пор является вопрос о причинах войны. Многие ученые, в том числе российские историки продолжают писать, что целью войны на Халхин-Голе являлось обеспечение безопасности строительства новой железной дороги в Маньчжурии, для чего пограничные рубежи Монголии были сдвинуты на запад. Но, во-первых, нападение на Маньчжоу-го ничем не угрожало ни СССР, ни тем более МНР. А, во-вторых, как замечает иркутский ученый, профессор Ю.В. Кузьмин: «Нет повода сомневаться в агрессивном характере японской политики и ее планов, что подтверждается сведениями высоких должностных лиц Японии»⁴⁹.

Последствия войны на Халхин-Голе можно оценить по-разному. Ситуация на Дальнем Востоке накануне Второй мировой войны требовала выработки новой политики взаимоотношений с Японией и Китаем. Позднее, уже в наши дни, события на Халхин-Голе приобрели новое значение в связи с фальсификацией итогов Второй мировой войны в западной историографии. По горячим следам победа на Халхин-Голе политическими деятелями тоже рассматривалась неодинаково. Сталин во время встречи с Жуковым в начале мая 1940 г. посоветовал ему использовать полученный на Халхин-Голе боевой опыт в подготовке войск в Киевском военном округе. Но двумя-тремя неделями ранее Сталин, пытаясь ответить на вопрос, что мешало нашему командному составу перестроиться для ведения войны с Финляндией по-новому, сказал: «Ведь имейте в виду, что за все существова-

---

⁴⁹ Кузьмин Ю.В. Спорные проблемы войны на Халхин-Голе. – Вестник Международного центра азиатских исследований. 2009, № 16, с. 46.

ние Советской власти мы настоящей современной войны еще не вели. Мелкие эпизоды в Маньчжурии, у оз. Хасан или в Монголии, – это чепуха, это не война, это отдельные эпизоды на пяточке, строго ограниченном. Япония боялась развязать войну, мы тоже этого не хотели, и некоторая проба сил на пяточке показала, что Япония провалилась. У них было 2–3 дивизии и у нас 2–3 дивизии в Монголии, столько же на Хасане. Настоящей, серьезной войны наша армия еще не вела»⁵⁰.

Такое высказывание, с одной стороны, звучит как попытка оправдания неудач Красной армии на финляндском фронте, а с другой, оно явно необъективно: Сталин словно «пожертвовал победой на Халхин-Голе» для придания большего значения войне с финнами.

Китай также выразил свое отношение к войне на Халхин-Голе. Советский посол в Китае А.С. Панюшкин вспоминает, как Кун Сянси⁵¹ в беседе с ним заявил: «Япония воюет в Китае, одновременно происходят большие стычки на монгольско-маньчжурской границе. Надо сдвинуть нашего общего врага и уничтожить его. Если есть опасность нападения двух тигров и если есть возможность убить одного тигра, то надо его убить, а с оставшимся легче будет справиться». Эта мысль китайской правящей верхушки проходила красной нитью через все беседы высокопоставленных деятелей Китая со мной в тот период. Вольно или невольно, но они по существу выполняли желание англо-американских кругов, которые провоцировали японо-советскую войну»⁵².

В настоящее время победа на Халхин-Голе снова находится в центре российской политики и науки.

Победа на реке Халхин-Гол обезопасила восточные рубежи советского и монгольского государств от дальнейшего вторжения. Разгром Квантунской армии был сокрушительным, мы отбили все атаки численно превосходивших сил противника. Наши армии доказали, что даже такого врага можно одолеть, и не только силой оружия, но и силой боевого братства... Эта победа изменила расклад в международной политике, повлияла на решение Японии не вступать в войну против Советского Союза на стороне фашистской Германии, а в 41-м году позволила перебросить с Дальнего Востока к Москве крупные силы войск и именно эти войска сыграли важнейшую роль в обороне столицы»

Д.А. Медведев⁵³

---

⁵⁰ Речь И. Сталина на совещании начальствующего состава РККА 1940г. Стенограмма. – Ресурс Интернета: stalin.info/2010/01/04/page/3/.

⁵¹ Кун Сянси – китайский политический и государственный деятель, в описываемый период являлся председателем Исполнительного юаня Китая.

⁵² Панюшкин А.С. Записки посла, с. 12.

⁵³ Ресурс Интернета: www.prezidentpress.ru/.../rss_foto_kremlin/.

По словам президента Монголии Цахиагийн Элбэгдоржа «именно победа СССР в этой войне предоставила Монголии возможность установить и защитить свой суверенитет и независимость»⁵⁴.

В российской историографии войны на Халхин-Голе диапазон научных оценок шире: от стремления определить войну на Халхин-Голе началом Второй мировой войны, до полного переосмысления его значения. Историк Я.А. Бутаков, например, пишет, что «две синхронно одержанные Россией победы – на дипломатическом фронте с Германией и на военном фронте с Японией – предотвратили гораздо худший сценарий Второй мировой войны для России. Победу на Халхин-Голе можно считать первой русской победой на фронтах второй мировой войны, которая на Дальнем Востоке началась раньше, чем в Европе»⁵⁵.

Итогом событий на Халхин-Голе, по мнению российского политолога-японоведа В.Э. Молодякова, «стала несомненная разрядка напряженности между Москвой и Токио, поэтому они нуждаются в комплексной переоценке». Основываясь на многочисленных документах, он полагает, что заключение советско-германского пакта о ненападении («пакт Молотова–Риббентропа») «усилило международную позицию СССР в конфликте с Японией, которая более не могла рассчитывать на помощь Берлина». Особого внимания, считает этот исследователь, требует вопрос о фальсификации истории описываемых событий и борьбе с ней.⁵⁶

В историографии боев на Халхин-Голе встречаются и такие спорные выводы: для СССР и его армии эти бои были столкновением, иногда малой войной, а для Монголии или МНРА – войной настоящей, масштабной⁵⁷.

До сих пор не решен вопрос о размерах советских и монгольских потерь, на их уточнении особенно настаивают монгольские историки. Они же поднимают вопросы о некоторых важных событиях, требующих уточнения: о судьбе 8-й кавалерийской дивизии и 22-го кавалерийского полка из состава монгольских вооруженных сил, воевавших на Халхин-

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ Бутаков Я. А. Горячий август 1939-го. К 70-летию победы русских войск на Халхин-Голе. – Журн. Золотой Лев. № 211–212 (издание русской консервативной мысли). – Ресурс Интернета: www.zlev.ru.0.

⁵⁶ Молодяков В.Э. Халхин-гольский кризис в контексте отношений между СССР, Японией и Германией. – Ресурс Интернета: www.itar-tass.com

⁵⁷ Цэдэндамбын Батбаяр. Монголия и великие державы в первой половине XX века; Ганболд С. Монгол ардын хувьсгалт цэрэг Халхын Голын дайнд (Монгольская народно-революционная армия в войне на Халхин-Голе). – Монгол цэргийн туухийн товчоон 1911 оноос 1990 – ээд он (Очерк истории Монгольской армии с 1911-го до 1990-х годов. Коллективная монография. Т. 1. Под ред. генерал-лейтенанта Ш. Жадамбы. Улан-Батор, 1996.

Голе, а также о драматических страницах истории Монголии – репрессиях в рядах МНРА.

По-новому оценивается роль иностранных войск, введенных на территорию другого государства на примере дислокации советских войск в МНР после заключения Протокола о взаимопомощи 1936 г. Ц. Батбаяр пишет так: «Повторное введение советских войск в Монголию осенью 1937 г. было стратегическим решением советского руководства во главе со Сталиным в целях предотвращения полномасштабной войны в Китае и ослабления реальной угрозы вторжения японской армии в Монголию. С другой стороны ясно, что размещение советских войск в Монголии, которая не вела войну с Японией, напрямую было сделано для сдерживания крупных вооруженных сил Японии в Северном Китае и являлось самой подходящей формой оказания помощи Китаю»⁵⁸. Исходя из этой концепции, другой монгольский ученый, профессор Г. Мягмарсамбуу заключает: «история свидетельствует, что как бы то ни было, приход советской армии в Монголию (периода Халхин-Гола. – Г.Я.), не смог предотвратить новую войну»⁵⁹.

Новые подходы и материалы, полемика и исследования проблем, связанных с войной на Халхин-Голе, обогащают историю советской внешней политики на Дальнем Востоке накануне и во время Второй мировой войны. Но в целом, безотносительно нюансов, все они подтверждают тот факт, что дальневосточная политика СССР стремилась к обеспечению безопасности региона. Выступая на стороне МНР, Советский Союз был заинтересован в сохранении ее независимости и суверенитета, предотвратил превращение Монголии в японскую колонию или государство по типу Маньчжоу-го. Значит, можно считать, что значение последствий победы советско-монгольских вооруженных сил в войне на Халхин-Голе в российской историографии оценивается в целом почти одинаково – в позитивном ключе. В стратегическом плане Советский Союз получил отсрочку от нападения на него гитлеровской Германии, Монголия осталась самостоятельным государством, не допустив нарушения целостности своей территории, а с точки зрения сегодняшнего дня победа на Халхин-Голе вновь и вновь напоминает Западу о том, кто одержал победу во Второй мировой войне и где лежат ее истоки.

---

⁵⁸ *Цэдэндамбын Батбаяр*. Монголия и великие державы в первой половине XX века, с. 193.

⁵⁹ *Мягмарсамбуу Г.* Туухэн шинэ нохцол дэх Халхын голын дайны туух бичиг (Историография войны на Халхин-Голе в новых исторических условиях). – Халхын Голын дайны туух бичлэг (Историография войны на Халхин-Голе. Колл. монография. Под ред. Д. Гомбосурэна и Г. Мягмарсамбуу). Улан-Батор, 2009, с. 72.

После Халхин-Гола – сценарий Молотова

Начало Второй мировой войны, совпавшее по времени с окончанием войны на Халхин-Голе, означало вероятность распространения ее на территорию СССР не только с запада, но и с востока. Безопасность на советских дальневосточных рубежах, а также на границах Монгольской Народной Республики, во многом зависела от окончательного закрепления итогов халхин-гольской войны и в свете этой проблемы – улучшения отношений с Японией. Позиция СССР по этим вопросам обстоятельно изложена в докладе В. Молотова «О внешней политике Правительства» на Внеочередной пятой сессии Верховного Совета ССР 31 октября 1939 г. Фактически это – хорошо проработанный сценарий-прогноз развития ситуации в сфере советских интересов на Дальнем Востоке, в которую входили Япония, Монголия и Китай. В прогнозе обращает на себя внимание то, что явно в целях улучшения советско-японских отношений в нем были предприняты усилия принизить значение войны на Халхин-Голе, назвав ее «конфликтом на монголо-манчжурской⁶⁰ границе». «Япония обратилась к нам с предложением ликвидировать конфликт, и мы охотно пошли навстречу японскому правительству»; «никому ненужный конфликт вызвал немалые жертвы с нашей стороны, но эти жертвы были в несколько раз больше на японо-манчжурской стороне». Вопрос о том, что агрессия Японии касалась СССР, деликатно обойден, а о причине драматических событий на Халхин-Голе сказано так: «конфликт был вызван стремлением Японии присвоить часть территории Монгольской Народной Республики и этим путем насильственно изменить в свою пользу монголо-манчжурскую границу». Отсюда вытекает, что роль Советского Союза заключалась только в выполнении союзнических обязательств по отношению к МНР. Действия Японии названы докладчиком не агрессией, а односторонним методом. «Такой односторонний метод, – говорится в докладе, – должен был встретить решительный отпор и показал еще раз свою полную несостоятельность, когда дело касается Советского Союза или его союзников. Если на злополучном примере Польши было недавно продемонстрировано, как дешево иной раз стоят пакты взаимопомощи, подписанные некоторыми великими державами Европы, то на монголо-

---

⁶⁰ Так в оригинале.

манчжурской границе было продемонстрировано совсем другое. Здесь было продемонстрировано значение пактов взаимопомощи, под которыми стоит подпись Советского Союза»⁶¹. Тем не менее, в докладе наркома отчетливо прозвучала высокая оценка роли Монголии в геополитике СССР: «Что касается указанного конфликта, то в результате советско-японского соглашения, заключенного 15 сентября в Москве, он был ликвидирован и мир был полностью восстановлен на монголо-манчжурской границе. Тем самым был сделан первый шаг к улучшению советско-японских отношений»⁶².

Кроме того, в докладе были определены задачи улучшения обстановки на Дальнем Востоке на ближайшую перспективу. Основных задач было три. Главная – продолжить улучшение отношений СССР с Японией, наметившееся со времени подписания недавнего московского соглашения, в результате которого был ликвидирован известный конфликт на монголо-манчжурской границе. Следующая задача – образование смешанной пограничной комиссии из представителей советско-монгольской и японо-манчжурской сторон. Комиссии предстояло рассмотреть некоторые спорные пограничные вопросы. «Можно не сомневаться, что если добрая воля будет проявлена не только с нашей стороны, то метод делового рассмотрения пограничных вопросов даст положительные результаты». И еще одна задача – развивать торговлю с Японией. В.М. Молотов сформулировал ее следующим образом: «Кроме того, выяснилась возможность приступить к переговорам по вопросам советско-японской торговли. Нельзя не признать, что и развитие советско-японского товарооборота соответствует интересам обоих государств. Советская сторона положительно отнеслась к экономической инициативе японской стороны».

Вывод Молотова по спектру перечисленных задач, при всем их на первый взгляд оптимистическом заряде, был весьма осторожным выводом опытного политика и дипломата. «Таким образом, – заключил В.М. Молотов, – мы имеем основания говорить о наметившемся улучшении наших отношений с Японией. Сейчас трудно судить, в какой мере можно рассчитывать на быстрое развитие этой тенденции. Нам еще не удалось выяснить, насколько серьезно подготовлена почва для этого в японских кругах. Со своей стороны должен сказать, что мы положительно относимся к этого рода японским предложениям, подходя к ним с точки зрения основной нашей политической позиции и заботы об интересах мира»⁶³.

---

⁶¹ Молотов В. Доклад о внешней политике Правительства на Внеочередной пятой сессии Верховного Совета ССР 31 октября 1939 г. – Внеочередная пятая сессия Верховного Совета СССР 31 октября – 2 ноября 1939 г. Стенографический отчет. Изд. Верховного Совета СССР 1939 г., с. 22.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

В относительно мирной обстановке на Дальнем Востоке сценарий Молотова, прогнозировавший развитие отношений в круге СССР – Монголия – Япония до начала Великой Отечественной войны успел дать первые ростки.

В ходе дальнейших переговоров 9 июня и 26 августа 1940 г. в Москве были достигнуты договоренности с Японией по вопросу об уточнении монголо-маньчжурской границы «в районе прошлогоднего конфликта..., который в свое время не был разрешен советско-монгольской и японо-маньчжурской смешанной комиссией по уточнению границы в упомянутом районе и служил препятствием к урегулированию взаимоотношений СССР с Японией, а также МНР с Манчжоу-го»⁶⁴. Итогом переговоров, в которых интересы монгольской стороны отстаивал нарком иностранных дел В.М. Молотов, стало восстановление законных прав Монголии на ее исконных территориях, захваченных было японскими отрядами в период между 1934–1939 гг. и уточнение границы между МНР и Маньчжоу-го.

В конце 1940 г. В.М. Молотов и посол Японии в Москве С. Того обменялись мнениями о принципах советско-японского торгового соглашения. «Обмен мнениями показал наличие общности взглядов по этому вопросу»⁶⁵. Монгольские политики оценивали переход советско-японских отношений от конфронтации к мирной торговле как фактор в пользу своей безопасности.

Однако все эти немалые дипломатические усилия шли вразрез с реальной обстановкой на Дальнем Востоке, которая свидетельствовала о том, что советский Дальний Восток и МНР остаются в сфере японских территориальных интересов. Японский милитаризм по-прежнему угрожал целостности советских и монгольских границ. В уточненном Плате стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на Западе и Востоке от 31 марта 1941 г., адресованного заместителем начальника Оперативного управления Генштаба генерал-майором А.М. Василевским⁶⁶ ЦК ВКП(б), тов. Сталину, тов. Молотову с пометкой «Особо важно. Только лично», сообщалось: «Возможно, вооруженное столкновение может ограничиться только нашими западными границами, но не исключена вероятность атаки и со стороны Японии наших дальневосточных границ... На Востоке Япония для войны может выставить против СССР до 60 пехотных дивизий, 1200 танков и танкеток, 850 тяжелых орудий и 3000 самолетов, из них до 30 пехотных дивизий, и большая часть танков и артиллерии могут быть сосредоточены к границам СССР в течение 25–30 дней»⁶⁷.

⁶⁴ Внешняя политика СССР. Сб. документов (1935 – июнь 1941г.). Под грифом «Для служебного пользования». Т. 4. М., 1946, с. 531.

⁶⁵ Известия. 20.11.1939; 28.12.1939.

⁶⁶ Будущий главнокомандующий Дальневосточным фронтом в 1945 г.

⁶⁷ Из «Уточненного Плана стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на Западе и Востоке» от 11 марта 1941 г. – Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии, с. 208.

Среди передовых японских частей в докладе была названа группировка «против Забайкалья и МНР – 8–9 пехотных дивизий», стоявшая на Хайларском плато (Внутренняя Монголия, Маньчжоу-го)⁶⁸.

Из Токио поступали тревожные донесения. Согласно разведанным в Японии с 12 июля по 18 августа 1941 г. была проведена всеобщая мобилизация, примерно 4,5 миллиона человек, в Харбине оборудована типография для печатания листовок на русском языке и т.д.

С учетом явного обострения опасности советское правительство приняло меры для того, чтобы ускорить заключение Пакта о нейтралитете между Японией и Советским Союзом. Этому предшествовала острая полемика между представителями советского и японского внешнеполитических ведомств. Противником такого соглашения выступал министр иностранных дел Х. Арита, еще в начале 1930-х годов отклонивший советскую инициативу подписания договора подобного рода. Но аргументация изменилась, сейчас японский министр требовал от военнополитического руководства страны «сохранять лицо и традицию». Однако верх одержала точка зрения Генерального штаба японской армии в лице начальника разведки Цучихаши Юичи, доказывавшего еще в декабре 1939 г., что пакт о нейтралитете может остановить поступление советской помощи Чунцинскому правительству и ускорить окончание войны в Китае. В апреле 1940 г. Верховное командование японского Генерального штаба одобрило подготовленный Цучихаши документ «Новая дипломатическая политика»⁶⁹. Советской дипломатии, проявившей твердость, удалось избежать включения в текст соглашения пунктов, которые касались отношений СССР с другими странами, на чем настаивала японская сторона. 13 апреля 1941 г. Договор о нейтралитете между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией (Пакт о нейтралитете между Японией и Советским Союзом) был, наконец, подписан (см. гл. 2 наст. изд.)⁷⁰. Стороны обязались «поддерживать мирные и дружественные отношения между собой и взаимно уважать территориальную целостность и неприкосновенность другой договаривающейся стороны». А «если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая договаривающаяся сторона будет соблюдать нейтралитет

---

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Описание и анализ японского процесса подготовки Пакта о ненападении между СССР и Японией см.: *Батбаяра Ц.* Монголия и великие держава во второй половине XX века, с.225–246. Этот раздел подготовлен монгольским исследователем почти исключительно на японских архивных материалах.

⁷⁰ Этот документ известен также пакт Молотова–Мацуока. Ёсукэ Мацуока – министр иностранных дел Японии в 1940–1941 гг.

в продолжение всего конфликта»⁷¹. Взаимные обязательства соблюдать нейтралитет служили задачам поддержания баланса сил между СССР и Японией.

Договор имел значение и для Монголии, так как зафиксированные в нем обязательства взаимного уважения сторонами территориальной целостности друг друга были многообещающими. Тем не менее, тревожность в монгольском обществе не снижалась. Япония активно готовилась развивать стратегическую наступательную инициативу на южном направлении в сторону Тихого океана, но крупная группировка японских войск, 190 тыс. человек, оставалась при этом в Маньчжурии. Военные круги разработали план нападения на СССР под названием «Особые маневры Квантунской армии» («Кантокуэн»), в котором были поставлены следующие задачи: продвинуться в сторону Советского Союза в северо-восточном направлении и достичь Байкала, захватить Монголию силами воинских частей Внутренней Монголии, входивших в состав Квантунской армии⁷². В районе монгольской границы активизировалась японская разведка. Ее особые экспедиционные отряды изучали пастбища, водные ресурсы даже группы крови монголов в целях будущего распространения массовых эпидемий⁷³. Участились вылазки японцев на территорию СССР и МНР, граничащих с Китаем в районе Синьцзяна. В начале Второй мировой войны контакты гоминьдановского правительства с западными державами вышли на новый, более высокий уровень.

В китайской политике западных держав начало войны в Европе вызвало большие перемены: от занимаемой ими позиции выжидания и частичной поддержки правительства Чан Кайши Запад перешел к требованиям прекращения войны в Китае, в связи с чем значительно возросла опасность капитуляции его перед Японией. Таким образом, Великобритания, США и Франция, несмотря на различие их интересов на Дальнем Востоке и Китае, одинаково ожидали мира в Китае за счет ущемления его интересов и стремились столкнуть СССР с Японией.

Монголия тем временем продолжала военное строительство и тесное сотрудничество с Советским Союзом. Жизнь в стране стала легче – улеглась волна репрессий, часть цириков вернулась к мирным профессиям, молодежь пошла учиться.

⁷¹ Пакт о нейтралитете между Японией и Советским Союзом. – Внешняя политика СССР, т. 4, с. 550.

⁷² Монгол цэргийн туухийн товчоон (Очерк истории монгольской армии. 1011–1990 гг.) Т. 1. Под ред. генерал-лейтенанта Ш. Жадамбаа. Улан-Батор, 1996, с. 337–337.

⁷³ *Бат-Очир Л.* МАХН фашизм, милитаризмын эсрэг тэмцэлд ард түмнээ зохион байгуулсан нь 1941–1945 (Организация МНРП народа на борьбу против фашизма и милитаризма). Улан-Батор, 1985, с. 134.

СССР продолжал оказывать МНР экономическую помощь, благодаря чему к 1940 г. монгольская промышленность превратилась в самостоятельную отрасль народного хозяйства. На ее долю приходилось почти 20% общего объема продукции, производимого МНР в тот период. 8 сентября 1940 г. было подписано соглашение о передаче в собственность монгольского правительства узкоколейной железной дороги Улан-Батор – Налайха. На советские средства начинались работы по прокладке железной дороги по стратегическому маршруту Соловьевск–Баин–Тумень–Тамсаг–Булаг, ведущей к восточной границе страны – к месту бывших боев на Халхин-Голе. Задачи обороны предусматривали прокладку новых шоссейных и грунтовых дорог и мостов, в том числе планировалось при помощи СССР построить шоссе от Улан-Батора до Алтан-Булага, города на монголо-советской границе.

20 марта 1940 г. состоялся X съезд Монгольской народно-революционной партии. Съезд констатировал появление в экономике МНР социалистического уклада, утвердил курс на строительство основ социализма и принял третью программу партии. На съезде были обсуждены особенности международной ситуации в мире и подведены итоги политического и социально-экономического развития Монголии за предыдущие пять лет. Экономика страны окрепла: поголовье скота выросло до 26 млн. голов к концу 1939 г. (1934 г. – 21 млн.), появились новые промышленные предприятия, увеличился товарооборот и т.д. Съезд сформулировал задачи народного хозяйства – развивать производство строительных материалов, энергетическое хозяйство, добывать золото и уголь, сократить потери скота, запретить принудительное объединение в артели и др.

Особо были отмечены результаты войны на Халхин-Голе: «совместная победа спасла независимость нашей страны, укрепила ее международное положение»⁷⁴. Партийный форум специально обратился к вопросам повышения обороноспособности страны. Концепция оборонной политики была сформулирована как комплекс стратегических задач партии в области внешней политики:

«1) ни в коем случае не давать провокаторам войны втянуть нашу страну в войну;

2) еще больше укреплять дружбу с СССР;

3) еще упорнее добиваться повышения боевой мощи МНРА;

4) организовать широкую массовую оборонную работу среди населения;

5) развивать народное хозяйство»⁷⁵.

---

⁷⁴ Монгол ардын хувьсгалт намын туухэнд холбогдох баримт бичгууд (Документы Монгольской народно-революционной партии. 1920–1940). Т. 1. Улан-Батор, 1966, с. 339.

⁷⁵ Чойбалсан Х. Отчетный политический доклад Центрального комитета Монгольской народно-революционной партии X съезду МНРП. – Чойбалсан Х. Избранные статьи и речи. М., 1966, с. 42.

Таким образом, страна готовилась к переходу на новый этап социально-экономического прогресса, заботилась о поддержании стабильной обстановки на своих границах. Но через три месяца, 22 июня 1941 г. началась Великая Отечественная война Советского народа против фашистской Германии, Вторая мировая вступила в новую, тяжелейшую стадию, и мир стал стремительно меняться.

СССР и Монголия в годы Великой Отечественной войны

Великая Отечественная война, основное звено Второй мировой войны, втянула в свою орбиту Монгольскую Народную Республику. Некоторые ученые считают, что Советскому Союзу «буквально было не до Монголии, особенно когда Красная Армия отступала под натиском немецко-фашистских оккупантов на первом этапе войны»⁷⁶. Это далеко не так. Хотя ситуация в СССР была тяжелейшая, положение дел на Дальнем Востоке тревожило Советское правительство. 7 декабря 1941 г. Япония напала на Перл-Харбор, военно-морскую базу Соединенных Штатов на Гавайях. США объявили войну Японии, и на Тихом океане тоже развернулись военные операции.

Интересы борьбы с фашизмом настоятельно требовали создания антигитлеровской коалиции. Правительства США и Великобритании официально уведомили СССР о своей готовности оказывать ему помощь. 2 июля 1941 г. гоминьдановское правительство выступило с заявлением о разрыве дипломатических отношений с Германией и Италией и присоединении Китая к антифашистскому блоку государств. В местной печати подчеркивалась твердая решимость Китая продолжать сопротивление агрессору. 9 декабря того же года гоминьдановское правительство объявило войну Японии, Германии и Италии.

12 июля СССР подписал соглашение с Великобританией о совместных действиях в войне против Германии, 24 сентября 1941 г. он присоединился к Атлантической хартии⁷⁷.

---

⁷⁶ *Базарсүрэн Ж.* Вторая мировая война и геополитика Монголии. – Вторая мировая война и Монголия. Сб. статей. Отв. ред. Н. Хишигт. Улан-Батор, 2005, с. 17.

⁷⁷ Атлантическая хартия – Англо-Американская Декларация 14 августа 1941 г. о целях войны и послевоенном устройстве мира.

На Московской конференции (29 сентября – 1 октября 1941 г.) представители СССР, Великобритании в США договорились о взаимных военных поставках. Так, к концу 1941 г. сложилась антигитлеровская коалиция, а 1 января 1942 г. представители 26 государств подписали в Вашингтоне декларацию о совместной борьбе против агрессоров. В результате, на мировой арене произошла кардинальная перегруппировка сил: с одной стороны возник агрессивный блок во главе с Германией, а с другой – антифашистская коалиция СССР–США–Англия. Монгольская Народная Республика сразу же приняла сторону СССР и коалиции. 22 июня 1941 г. в Улан-Баторе состоялось объединенное заседание президиума Малого Хурала (монгольский парламент), Совета министров и Президиума ЦК МНРП. Оно приняло постановление «О вероломном нападении фашистской Германии на СССР», в котором заверило правительство Советского Союза, что симпатии монгольского народа «целиком и полностью на стороне Союза Советских Социалистических Республик, что наш народ готов рука об руку с советским народом встать на защиту свободы и независимости, на защиту завоеваний Великой Октябрьской Социалистической Революции!»⁷⁸

Постановление также призвало трудящихся Монгольской Народной Республики неустанно укреплять хозяйственную и оборонную мощь родины⁷⁹. Монголия, говорилось в нем, рассчитывает на дальнейшее сотрудничество с СССР, не ощущая «никакого забвения» со стороны своего партнера, и будет и впредь поддерживать его внешнюю политику.

Наш народ, народ свободной независимой Монголии, связанный братскими узами с народами Советского народа, клеймит действия немецких фашистов и в ответ на нападение фашистской Германии на СССР мы еще больше будем укреплять свою дружбу с народами Советского Союза и честно выполнять свои обязательства, принятые на себя по Договору о взаимной помощи, заключенному 12 марта 1936 г. между СССР и МНР.

Премьер-министр МНР маршал Х. Чойбалсан
(Выступление на митинге трудящихся Улан-Батора 23 июня 1941 г.)

Монгольские историки подчеркивают, что помогая СССР, народ Монголии не только думал об обязательствах, которые его страна взяла на себя по Протоколу от 12 марта 1936 г., но и связывал сохранение своей государственности с победой СССР и его Красной армии в Великой отечественной войне⁸⁰.

---

⁷⁸ Советско-монгольские отношения. 1921–1974, т. 2, ч. I, с. 2.

⁷⁹ Там же.

⁸⁰ Хишигт Н. Дэлхийн хоёрдугаар дайны уеийн Монголын туухийн асуудалд (К вопросу об истории Монголии в период Второй мировой войны. Туухийн судлал (Исторические исследования). Т. XXXVIII. Улан-Батор, 2008, с. 185.

С начала ВОВ Монголия стала жить практически в режиме военного времени. 1 июля 1941 г. Совет министров МНР принял постановление «О подготовке пограничных резервов и их обеспечении». Был запрещен уход в отпуска рабочих и служащих, в первую очередь занятых на предприятиях, выполняющих оборонные заказы. В Улан-Баторе на базе общевоинского училища было организовано Объединенное военное училище им. Д. Сухэ-Батора для подготовки среднего звена командного состава.

Страна взяла курс на строгую экономию и приступила к более интенсивному использованию внутренних ресурсов, чтобы сократить объем советских поставок и в какой-то степени перейти на самообеспечение. В связи с этим в 1941 г. ее первоочередными народнохозяйственными задачами стали рост поголовья скота, составлявшего основу национальной экономики, и увеличение производства животноводческого сырья, необходимого для снабжения перерабатывающей промышленности, укрепление трудовой дисциплины и др. Их выполнение не только имело значение для экономики Монголии, но и расширяло возможности страны для оказания помощи Советскому Союзу в снабжении Красной армии. Помимо моральной поддержки СССР, Монголия предоставляла посильные финансовые и другие материальные средства. Осенью 1941 г. Монголбанк перевел на счет Государственного банка СССР более полумиллиона тугриков. В сентябре 1941 г. постановлением Совета министров была организована Центральная подарочная комиссия. Задачей ее были сбор и отправление собранных населением подарков красноармейцам. Первый эшелон, отправленный в октябре 1941 г., доставил на действующий фронт теплую одежду (меховые одеяла и полушубки, валенки, ушанки, рукавицы и т.д.), произведенную сверх плана на Улан-Баторском промкомбинате.

Сердечное фронтовое спасибо вам, друзья араты, за ваше горячее слово, за подарки, лично врученные делегацией бойцам и командирам нашего фронта. Пусть крепнет дружба свободолюбивых народов всего мира! Горячий привет тебе, монгольский народ!

Командующий Западным фронтом генерал И.С. Конев⁸¹

Бескорыстная помощь МНР Советскому Союзу – одна из самых ярких страниц в истории советско-монгольских отношений первой половины 1940-х годов. За годы войны Монголия отправила в СССР 8 эшелонов с подарками. Кроме того, она продала ему 485 тыс. и подарила 33,5 тыс. голов лошадей⁸². В годы Великой Отечественной войны Монголия ежегодно поставляла Советскому Союзу в среднем более 140 тысяч голов крупного рогатого скота.

⁸¹ И.С.Конев зимой 1937–1938 г. командовал Особой группой советских войск в Монголии.

⁸² Дайчин нохорлол (Боевое содружество). Улан-Батор, 1983, с. 186.

На средства, заработанные населением МНР, были построены и переданы в дар Красной Армии танковая бригада из 53 танков «Революционная Монголия» и эскадрилья из 12 самолетов-истребителей «Монгольский арат». Бригада и эскадрилья участвовали во многих сражениях и закончили войну под Берлином.

Материальные средства, предоставленные Монголией Советскому Союзу, его Красной армии и народу за годы Великой Отечественной войны, оценивались в 435 млн. тугриков⁸³.

Советская программа помощи, оказываемой в те военные годы МНР, была целенаправленной и стратегически важной: СССР в первую очередь содействовал развитию таких отраслей народного хозяйства, от которых зависела экономическая и военная безопасность монгольского государства. Большое место в ней занимало содействие в подготовке национальных кадров, способных правильно определять, формулировать и решать насущные проблемы на самых ответственных участках экономического и политического строительства Монголии. В Улан-Батор было переведено Улан-Удинское педагогическое училище (Монголрабфак), которое объединилось с местным училищем. Наркомат просвещения РСФСР на бесплатной основе передал монгольскому правительству оборудование для кабинетов, лабораторий и библиотеку для педучилища. При необходимой поддержке страны Советов в Улан-Баторе был создан и открыт в 1942 г. Монгольский государственный университет. Советский Союз по-прежнему принимал в свои образовательные учреждения монгольских граждан по специальностям, требуемым МНР для политического, хозяйственного и военного строительства. В 1941 г. в высших и средних военных заведениях СССР прошли подготовку 87 человек, а всего за 1940–1945 гг. – 361; в самой Монголии – 41 и 1080, соответственно⁸⁴.

Защита внешней безопасности СССР и МНР на Дальнем Востоке в годы ВОВ оставалась стратегической задачей обоих государств. Тем более что Чунцинское (гоминдановское) правительство, пользуясь тяжелым положением Советского Союза, не упускало случая продемонстрировать Монголии свои «хозяйские» амбиции, стремилось возратить себе Внешнюю Монголию. Чан Кайши остерегался вступить в открытую полемику по этой проблеме с Москвой, но при случае напоминал о ней советским лидерам. На Каирской конференции (участники – США, Великобритания, Китай) в апреле 1943 г., когда Рузвельт, Черчилль и Чан Кайши обсуждали стратегический план разгрома Японии, китайская делегация, в расчете на поддержку держав, заявила о праве Китая на возврат ему «этой территории» после войны. Но, хотя попытка успехом не увенчалась, она еще раз

---

⁸³ Молгол улсын туух. V боть (История Монголии). Т. V. Улан-Батор, 2003, с. 233.

⁸⁴ Монгол цэргийн туухийн товчоон (Очерк истории монгольской армии), с. 360.

напомнила Москве и Улан-Батору, что процесс международного признания суверенитета и независимости МНР достигает своей критической точки. Во-первых, МНР уже доказала право на международное признание своей конструктивной внешней политикой, способностью с оружием в руках защищать свою независимость и надежностью как союзника. Во-вторых, политика Китая на монгольском направлении становилась все решительнее.

К конституционализации статуса независимого государства Монголию вел долгий путь, решающим условием успеха здесь была советская политика и дипломатия. Их творцами были руководители Советского Союза, для которых недостаточно определенное положение МНР оборачивалось дополнительной ответственностью по защите монгольских интересов. Для приведения в соответствие подлинного положения МНР с требованиями международного права теперь не доставало только подходящего момента. Неуступчивая позиция гоминдановского правительства подвела СССР к обращению за поддержкой к союзным державам. Расчеты Чунцинского правительства на то, что СССР начнет войну с Японией и тем поможет Китаю, не оправдались, да и не могли оправдаться, так как главным фронтом мировой войны был советско-германский фронт. Это обстоятельство ускорило сближение Чунцинского правительства с Вашингтоном и Лондоном, которое сопровождалось отходом его от сотрудничества с СССР, беспорядками на отдельных участках советско-китайской и монголо-китайской границ.

Особенно наглядно это проявлялось в Синьцзяне. Чан Кайши отказался от заключения с СССР соглашения на строительство и эксплуатацию авиационного сборочного завода в Урумчи, хотя завод уже был построен и выпускал продукцию. Китайская сторона требовала преобразования сборочного завода в авиастроительное предприятие, что повлекло бы за собой большие расходы. Это требование, в условиях военного времени было явно невыполнимо. Торговый агент в Синьцзяне Я.С. Марголин сообщал, что гоминдановские власти преследуют синьцзянских купцов, торгующих с СССР, заставляют их расторгать сделки с объединением «Совинторг», запрещают встречаться с советскими представителями. Китай на этом участке границы явно вел дело к полной изоляции Синьцзяна от СССР, к прекращению двусторонней торговли. Плохо охраняемая граница Монголии с Синьцзяном давала Китаю возможность лишний раз продемонстрировать, что он считает МНР (Внешнюю Монголию) своей территорией и не остановится перед ее аннексией. Тем более, что после Каирской конференции 1943 г. проблема международного признания статуса Монголии как самостоятельного государства обострилась, все глубже вклиниваясь в сферу монголо-китайских и советско-китайских отношений.

В марте 1944 г. на границе между МНР и китайской провинции Синьцзян вспыхнул вооруженный конфликт, по поводу которого СССР и Китай

вступили в жесткий диалог. Общее ослабление Китая в результате его семилетней войны с Японией отразилось на Синьцзяне, где, как и повсюду в Китае, сложился военный режим управления. В этих условиях рост национализма и стремление Синьцзяна к независимости были неизбежны. Складывалась нестабильная обстановка. С конца 1943 г. местные власти Синьцзяна приступили к массовому переселению казахов и уйгуров, проживавших на территории этой провинции наряду с титульным населением — ханьцами (китайцами), в ее южные провинции. В знак протеста часть из них ушла за границу, на территорию Монгольской Народной Республики, где издавна проживали их соплеменники. Стоявшие в Синьцзяне китайские карательные войска открыли огонь не только по беженцам, каковыми их считало монгольское правительство, но и по населенным пунктам МНР. Монгольские пограничные войска были вынуждены вступить в бой с вторгшимися на территорию МНР китайскими воинскими частями. Гоминдановское правительство Китая сделало по этому поводу представление советскому правительству. Советский посол в Китае А.С. Панюшкин 31 марта 1944 г. передал ответ своего правительства министру иностранных дел Китая Сун Цзывэню: «В случае если подобные нарушения границы Монгольской Народной Республики со стороны синьцзянских войск будут иметь место и впредь, то советское правительство в силу существующего между СССР и Монгольской Народной Республикой Договора о взаимопомощи от 12 марта 1936 г. будет вынуждено в целях ограждения безопасности территории МНР, оказать правительству этой республики всю необходимую помощь и поддержку»⁸⁵. В ответе Чунцинского правительства от 3 апреля 1944 г. советской стороне напоминалось, что Внешняя Монголия является частью китайской территории, поэтому советско-монгольский протокол от 1936 г. по отношению к Китаю не имеет силы, и китайское правительство не признает его.

Таким образом, ухудшение отношений между МНР и Китаем, хотя и на региональном уровне, свидетельствовало: оказание Советским Союзом военной помощи Монголии в случае разрастания ее конфликта с Китаем может вызвать осуждение на международной арене из-за отсутствия формального признания суверенитета и независимости МНР китайским правительством. Поэтому СССР предпринял новые усилия для признания Китаем Внешней Монголии в ее существующих границах. Стратегически верным ходом советского правительства в этом плане стало обращение за поддержкой к своим союзникам во Второй мировой войне — Соединенным Штатам и Англии. О положении в Монголии державам было не так много известно, но интерес был, в особенности, теперь, когда страна все настойчивее стала добиваться международного признания. В свое время позиция США в во-

---

⁸⁵ Панюшкин А.С. Записки посла, с. 253.

просе о независимости МНР довольно точно была отражена в 1932 г. в журнале «Far Eastern Economic Review»: «Америка и другие крупные державы и не признают независимость Монголии, но и не отрицают ее»⁸⁶.

Весной 1944 г. Президент США Ф. Рузвельт направил своего вице-президента Генри Э. Уоллеса в сопровождении известных американских востоковедов – О. Латтимора, Дж. Картера, Дж. Хозерда и Р. Ратта в поездку по советскому Дальнему Востоку, Средней Азии, Сибири, северо-восточным провинциям Китая и МНР с целью сбора достоверной информации о ситуации в перечисленных регионах. Г. Уоллес был первым представителем США такого крупного ранга, посетившим Монголию. В Улан-Баторе состоялась его встреча и беседа с монгольскими лидерами – Х. Чойбалсаном и Ю. Цеденбалом. По возвращении в Вашингтон Г. Уоллес сообщил, что последние десятилетия Монголия хотя и является самостоятельной, но в действительности превратилась в сателлит Советского Союза. В период, когда шла подготовка к Крымской конференции трех держав, такая нелестная оценка не отразилась на судьбе монгольского самостоятельности, так как союзники СССР, неизменно отстаивавшего независимость МНР, не могли выступить против государства, от которого зависел исход мировой войны. Поэтому политика Советского Союза, выдвинувшего в качестве условия своего вступления в войну против Японии признание независимости МНР, оказала решающее воздействие на изменение отношения к ней со стороны официального Вашингтона. Согласие других государств с позицией США также означало признание ими Монгольской Народной Республики де-факто. Это было крупной победой советской дипломатии, искусно использовавшей для достижения цели международную обстановку того времени.

Крымская (Ялтинская) конференция (4–11 февраля 1945 г.) сыграла огромную роль в решении вопроса о МНР⁸⁷.

8 февраля 1945 г. состоялась беседа Сталина с Рузвельтом, в ходе которой Сталин поинтересовался: «что думает президент о сохранении статус-кво Внешней Монголии. Рузвельт отвечает, что он еще не говорил по этому вопросу с Чан Кайши, но думает, что статус-кво во Внешней Монголии должен быть сохранен»⁸⁸. Точка зрения Рузвельта нашла отра-

⁸⁶ Far Eastern Economic Review. 1932, № 6, с. 11.

⁸⁷ Подробнее см.: Лузянин С. Ялтинская конференция и проблемы международно-правового оформления МНР накануне и в годы Второй мировой войны. – Проблемы Дальнего Востока 1995. № 6.

⁸⁸ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Сб. документов. Т. IV. Крымская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). М., 1979, с. 141.

жение в Соглашении руководителей трех великих держав – Советского Союза, Соединенных Штатов Америки и Великобритании – о том, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне союзников при соблюдении ими следующих условий:

«1. сохранение status quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики);

2. восстановление принадлежавших России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно: а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалина и всех прилегающих к ней островов; б) интернационализация торгового порта Дайрен с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР; в) совместная эксплуатация Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет;

3. передача Советскому Союзу Курильских островов.

Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету Маршала И.В. Сталина Президент примет меры к тому, чтобы было получено такое согласие.

Главы Правительств трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть, безусловно удовлетворены после победы над Японией.

Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига»⁸⁹. Документ подписали: И. Сталин, Ф. Рузвельт, У. Черчилль. 11 февраля 1945 г.

Таким образом, в Ялте по инициативе И.В. Сталина вопрос о независимости МНР был поднят на самый высокий международный уровень, увязан с разгромом Японии и освобождением Китая. За это Советский Союз согласился заплатить дорогую цену – пережить еще одну войну (с Японией), к тому же еще в тяжелое послевоенное время, когда собственная страна лежит в разрухе.

По остальным пунктам соглашения все сложилось иначе. Советско-японская война оставила глубокий след в истории, будучи фактически единственным не развязанным узлом Второй мировой войны – ялтинский

---

⁸⁹ Там же.

компромисс оказался сложнее, а его влияние на российско-японские отношения – глубже. Последствия войны продолжают оказывать влияние на современные российско-японские отношения и соответственно на всю ситуацию в регионе, в том числе и вокруг Монголии.

Руководители МНР предполагали, что в соглашение трех держав будет внесен пункт об объединении ее с Внутренней Монголией. На первый взгляд, такая возможность была, если не считать, что за лаконичностью ялтинского соглашения стояла советская стратегия урегулирования ситуации на Дальнем Востоке, и опасения, что Китай может снова обратиться к державам за поддержкой в монгольском вопросе, как он уже сделал это на Каирской конференции. Москва понимала, что ей следует поторопиться, и она торопилась. Но при этом перспектива настроить против себя Китай в советскую стратегию не вписывалась, тем более что панмонголистские устремления монгольских лидеров никогда не получали одобрения России. Тем не менее, легкая тень разочарования в какой-то момент коснулась советско-монгольских отношений, говорить об этом открыто в монгольской историографии было не принято, но в последнее время новые взгляды на роль ялтинского соглашения в той его части, которая касалась МНР, уже появились в рассуждениях некоторых историков.

СССР и МНР в антияпонской войне 1945 г.

Крымская (Ялтинская) конференция прошла в феврале, а 9 мая 1945 г. окончилась Великая Отечественная война. Но на Дальнем Востоке было неспокойно – в Китае, странах Юго-Восточной Азии и на Тихом океане все еще шла война. В состоянии войны с Японией находилось более 30 государств. Потсдамская конференция (17 июля – 1 августа 1945 г.) окончательно закрепила новое соотношение сил в Европе и во всем мире. На ней была принята Потсдамская декларация (26 июля 1945 г.), которую подписали лидеры США, Англии и Китая (Чан Кайши переслал свою подпись «по телеграфу»). На ее основании союзники потребовали безоговорочной капитуляции Японии⁹⁰. Декларация, носившая характер ультиматума, не оставляла японскому императорскому двору никакого времени для раз-

⁹⁰Заявление глав правительств Соединенных Штатов, Соединенного Королевства и Китая (Потсдамская декларация) от 26 июля 1945 г. – Международные отношения на Дальнем Востоке в послевоенные годы. Т. 1 (1945–1957 гг.). М., 1978, с. 91–112.

мышления. Дополнительные аргументы держав были более чем убедительны: сначала атомные бомбардировки Хиросимы и Нагасаки (6 и 9 августа 1945 г.), осуществленные вооруженными силами США, затем вступление СССР в войну с Японией.

5 апреля 1945 г. советское правительство объявило о денонсации советско-японского пакта о нейтралитете, заключенного в 1941 г. Этот шаг объяснялся изменениями в международной обстановке за предыдущие четыре года: нападением Германии на СССР, союзом Германии и Японии, войной между Японией и США – союзником СССР в войне против Германии⁹¹.

8 августа 1945 г. Москва объявила о своем официальном присоединении к Потсдамской декларации и о вступлении в войну с Японией. Правительство Советского Союза учитывало также, что Япония открыто помогала гитлеровской Германии в войне против СССР и угрожала безопасности его границ на Дальнем Востоке. Предварительно Москва и Улан-Батор достигли договоренности о том, что МНР примет участие в «Маньчжурской кампании». 9 августа 1945 г. монгольские войска перешли границу с Маньчжурией, чтобы воссоединиться с советскими войсками, а 10 августа 1945 г. Монгольская Народная Республика вслед за СССР официально объявила войну Японии.

Малый хурал и Правительство «сим торжественно объявляют священную войну против Японии на стороне Объединенных наций и полностью присоединяются к заявлению Советского правительства, объявленного 8 августа сего года в Москве...»

Из декларации Малого хурала и Правительства МНР
об объявлении войны Японии⁹²

Во время Второй мировой войны МНР была единственным государством, которое с первого и до последнего ее дня твердо и последовательно стояло на стороне СССР. При этом, однако, объявление Монголией войны Японии было продиктовано не только стремлением монгольского правительства выполнить союзнический долг перед Советским Союзом. Оно было подготовлено длительным периодом японо-монгольского противостояния, почти не затухавшего с начала вступления мира в XX в. Поэтому в данной войне у МНР, помимо общей цели с Советским Союзом, были свои специфические задачи. Она рассчитывала на объединение с Внутренней Монголией после ее освобождения. Такая задача отчетливо прозвучала в Декларации Малого хурала и правительства МНР об объявлении войны

---

⁹¹ Возможно, что денонсация была сделана под давлением союзников – союзнический долг, помощь по ленд-лизу, стремление поскорее прекратить войну на Тихом океане, а главное, с целью истощить Советский Союз. Но пока это только предположение.

⁹² Советско-монгольские отношения, т. 2, с. 117.

Японии, а также в обращении правительства МНР к монголам – жителям Внутренней Монголии. В трудах монгольских военных историков участие Монгольской народно-революционной армии в боевых действиях Красной армии в 1945 г. за освобождение китайских территорий, часто называют «войной за освобождение Внутренней Монголии»⁹³.

Советский Союз в виду предстоящего участия МНР в дальневосточной войне снабдила МНРА средствами вооружения. По данным монгольских архивов, к 1 августа 1945 г. в Монголию поступило 10 тыс винтовок, 119 ручных и станковых пулеметов, 120 противотанковых орудий, 136 минометов, 3 млн. патронов, 76 тыс. мин и снарядов, 10 самолетов «Як-9» и 10 тыс. комплектов обмундирования⁹⁴.

Части Монгольской народно-революционной армии (численностью 21384 человека, так называемая Южная группа)⁹⁵ под командованием маршала МНР Чойбалсана воевали в составе Забайкальского фронта, которым командовал маршал СССР Р.Я. Малиновский, в конно-механизированной группировке генерал-полковника И.А. Плиева (заместитель по монгольской части – генерал-лейтенант Ж. Лхагвасурэн). В Маньчжурии вдоль советской и монгольской границ путь им преграждали созданные силами японских военных 17 укрепленных районов, 8 из них на востоке против советского Приморья. Каждый укрепленный район занимал 50–100 км по фронту и до 50 км в глубину⁹⁶. В первые же дни наступления конно-механизированная группа И.А. Плиева вместе с монгольской армией взяли расположенные на территории Внутренней Монголии города Долоннор, Жанбай и важные экономические центры. 20 августа под ударами советско-монгольских войск пал город Жэхэ (Чэндэ), а на другой день ими был взят Калган. Войска Забайкальского фронта во взаимодействии с Монгольской армией прорвали Маньчжуро-Чжалайнурский и Халун-Аршанский укрепленные районы противника, форсировали горный хребет Большой Хинган, продвинулись вперед на 959 км и овладели столицей Маньчжоу-го – городом Чаньчунем. Столь же успешно воевали воинские подразделения и второго дальневосточного фронта. Советские войска во взаимодействии с войсками МНРА в ожесточенных боях в августе 1945 г. разгромили самую сильную группировку японских войск – Квантунскую армию и полностью освободили Северно-Восточный Китай, а также значительную часть Внутренней Монголии. В итоге всего за 24 дня советские и монгольские войска под командованием А. М. Василевского разгромили в Маньчжурии милли-

⁹³ Монгол цэргийн туухэн товчоон (Очерк истории монгольской армии), с. 367.

⁹⁴ Гомбосурэн Д. Участие Монголии в войне против Японии и политические итоги. – Вторая мировая война и Монголия, с. 73.

⁹⁵ Там же.

⁹⁶ Василевский А. М. Дело всей жизни. Изд. 3. М., 2002, с. 503.

онную Квантунскую армию Японии. В боях особенно отличились 7-я мотомеханизированная бригада МНРА под командованием участника халхингольских боев полковника Д. Нянтайсурена, кавалерийский полк халхингольца Героя МНР полковника Л. Дандара, кавалеристы генерал-майора Доржпалама и многие другие.

Перед перспективой неминуемого военного поражения 14 августа 1945 г. правительство Японии приняло решение о капитуляции. На следующий день – 15 августа, пал кабинет премьера Судзуки, однако Квантунская армия продолжала упорно сопротивляться, и только 2 сентября 1945 г. Япония подписала Акт о безоговорочной капитуляции, что ознаменовало собой окончание мировой войны.

Успешные боевые действия советских вооруженных сил на Дальнем Востоке создали благоприятные условия для народно-освободительных войск Китая. Главнокомандующий Чжу Дэ 11 августа 1945 г. отдал приказ о переходе 8-й армии, находившейся под контролем КПК, в контрнаступление. Решительное наступление советских и монгольских войск поставило Квантунскую армию Японии в безвыходное положение, прежде чем части 8-й армии Китая смогли приступить к выполнению приказа.

По соглашению между правительством СССР и правительством Китая советские войска и отдельные части МНРА оставались в Северо-Восточном Китае до 3 мая 1946 г. Их присутствие в огромной степени способствовало укреплению позиций китайских революционных сил.

Война СССР с Японией унесла тысячи человеческих жизней. По сообщению Совинформбюро от 12 сентября 1945 г., за время с 9 августа по 9 сентября потери японцев убитыми составили свыше 80 тыс. солдат и офицеров и 640 тыс. пленными. Но есть и другие цифры. В соответствии с устоявшимся в отечественной историографии данными, за время дальневосточной кампании советских войск японская армия потеряла убитыми 83,7 тыс. человек. Однако и эта цифра, как и все остальные, носит условный характер. Военные эксперты считают, что указать точные данные потерь Японии в войне против СССР в августе-сентябре 1945 г. практически невозможно по целому ряду причин объективного характера. Трудно выявить среди погибших точный процент японцев, китайцев, корейцев, монголов. Общие потери советских войск с учетом санитарных составили 36 456 человек⁹⁷.

Соединения Монгольской народно-революционной армии потеряли 2078 человек убитыми и ранеными, 12 318 японских военнопленных были переданы властям МНР. 205 млн. тугриков – таков был материальный ущерб, нанесенный Монголии во время войны на Дальнем Востоке⁹⁸.

---

⁹⁷ Россия и СССР в войнах XX века. Потери вооруженных сил. Под ред. Генерал-полковника Г.Ф. Кривошеева. М., 2001.

⁹⁸ Цеденбал Ю. Исторический путь развития социалистической Монголии, с. 31.

14 августа 1945 г. был подписан советско-китайский Договор о дружбе и сотрудничестве, в тот же день министр иностранных дел Китайской Республики Ван Шицзе и народный комиссар иностранных дел СССР В. Молотов обменялись нотами по вопросу о независимости Монгольской Народной Республики. Китайская сторона заявила: «Ввиду неоднократно выраженного народом Внешней Монголии стремления к независимости Китайское правительство заявляет, что после поражения Японии, если плебисцит народа Внешней Монголии подтвердит это стремление, Китайское правительство признает независимость Внешней Монголии в ее существующих границах»⁹⁹. Это предложение было принято, и 20 октября 1945 г. в Монгольской Народной Республике был организован плебисцит. За ходом плебисцита наблюдала делегация во главе с заместителем министра внутренних дел Лэй Фанчжаном. В нее входили также представители Монголо-Тибетского комитета, военно-политического ведомства, Министерства иностранных дел Китая, всего 12 человек. За государственную независимость МНР проголосовали все 100% граждан, участвовавших в голосовании (98,4% всех граждан МНР, имевших на тот момент право голоса)¹⁰⁰. На его основании 6 января 1946 г. Китай, а 27 ноября 1946 г. СССР официально признали независимость Монголии. 13 февраля 1946 г. в Чунцине прошли переговоры между заместителем Председателя Совета министров МНР Ч. Сурэнжавом и полномочным представителем Китайской Республики, в ходе которых стороны обменялись нотами об установлении дипломатических отношений. Таким образом, была разрешена проблема независимости Монголии, и настало время вступления ее на путь установления дипломатических отношения со многими странами мира. В апреле–июне 1946 г. в Сан-Франциско прошла учредительная конференция Организации Объединенных Наций, членом которой Монголии предстояло стать наряду со странами, получившими независимость в XX в.

* * *

Сотрудничество Советского Союза и Монгольской Народной Республики в канун и во время Второй мировой войны сыграло большую роль в обеспечении региональной безопасности на Дальнем Востоке. Они защищали ее разными путями – вступали в союзнические отношения друг с другом,

⁹⁹ Нота министра иностранных дел Китайской Республики. – Советско-монгольские отношения, т. 2, с. 122.

¹⁰⁰ Монгол улсын туух (История Монголии), т. V, с. 255.

действовали дипломатическими методами и с оружием в руках. СССР и МНР вместе победили в войне на Халхин-Голе, Монголия внесла свой сильный вклад в обеспечение победы Советского Союза в Великой Отечественной войне, вместе с советской армией она побеждала на фронтах антияпонской войны, завершившей Вторую мировую. Сотрудничество с Советским Союзом обеспечило Монгольской Народной Республике решение многих проблем, в том числе ее государственного статуса.

Глава 2.

Советский Союз и Япония (1925–1939)

Дипломатические отношения между СССР и Японией были установлены 20 января 1925 г., когда полпред в Китае Л.М. Карахан и посланник К. Ёсидзава в Пекине поставили свои подписи под Конвенцией об основных принципах взаимоотношений между странами. К основному тексту прилагались два протокола, декларация, обмен нотами, обмен письмами и специальное заявление¹. Срок действия договора не был оговорен.

Заявив о стремлении «упрочить добрососедские отношения и экономическое сотрудничество», стороны установили дипломатические и консульские отношения (ст. 1). Советский Союз признал, что Портсмутский договор 1905 г., завершивший русско-японскую войну, остается в силе, а прочие договоры и соглашения, подписанные до 7 ноября 1917 г., подлежат пересмотру на специальной конференции (которая так и не состоялась) или отмене, «как того потребуют изменившиеся обстоятельства» (ст. 2). Также следовало переработать Рыболовную конвенцию 1907 г., а до этого сохранялся статус-кво на 1924 г. (ст. 3). Ст. 4 предусматривала заключение в будущем договора о торговле и мореплавании на принципах свободы въезда, передвижения и пребывания на территории другой страны, защиты безопасности жизни и имущества граждан обеих стран, гарантий права частной собственности и свободы заниматься торговлей и промыслами, а также взаимное предоставление режима наибольшего благоприятствования. Ст. 5 гарантировала уважение «несомненного права каждого государства устраивать свою собственную жизнь в пределах своей же юрисдикции по собственному жела-

---

¹ Документы внешней политики СССР. Т. VIII. М., 1964. с. 70–80 (далее – ДВП).

Не включенное в эту публикацию заявление Карахана по поводу «Николаевского инцидента» см.: *Lensen G. A. Japanese Recognition of the USSR: Soviet-Japanese Relations, 1921–1930.* Tallahassee FL, 1970, p. 190.

нию», недопущение на своей территории деятельности лиц или организаций, представляющих угрозу для другой стороны, неучастие в такой деятельности «всех лиц на их правительственной службе и всех организаций, получающих от них (властей. – В.М.) какую-либо финансовую помощь». На этом положении настаивал Токио, чтобы иметь формальный повод жаловаться на Коминтерн. Москва согласилась, но с внесением в текст обоюдного обязательства не допускать деятельности организаций, «претендующих быть правительством какой-либо части территории другой стороны», что должно было исключить возможность появления любого «приморского» или «приамурского» «правительства» в Японии или ее колониях (например, в Корее). В ст. 6 СССР извъявлял готовность предоставить японским подданным концессии на эксплуатацию природных ресурсов на своей территории. Особой декларацией советское правительство снимало с себя «политическую ответственность» за Портсмутский договор, заключенный «при старом режиме».

Протокол А урегулировал ряд частных вопросов, которые мешали установлению нормальных двусторонних отношений. Стороны безвозмездно передавали друг другу движимое и недвижимое имущество посольских и консульских учреждений (ст. 1). Вопрос о долгах царского и Временного правительств Японии отложили на будущее с обязательством СССР не удовлетворять аналогичные претензии других стран на более благоприятных условиях (ст. 2). Ст. 3 закрепляла эвакуацию японцев с Северного Сахалина, оккупированного ими в 1920 г., до 15 мая 1925 г. В ст. 4 Москва и Токио договорились о неучастии в военных и иных секретных соглашениях и союзах, направленных против другой стороны. Подробный Протокол Б был посвящен японским нефтяным и угольным концессиям на Северном Сахалине и в целом соответствовал пожеланиям Токио, высказанным в ходе переговоров, которые предшествовали заключению конвенции. Связанный с этим документом обмен нотами предусматривал продолжение работы японских предприятий на Северном Сахалине в режиме статус-кво до заключения концессионных соглашений, что должно было произойти через пять месяцев после окончания эвакуации (подписаны 14 декабря 1925 г. в Москве). 14 мая 1925 г., как и планировалось, японская сторона сдала, а советская приняла Северный Сахалин, что было оформлено специальным протоколом. 20 февраля Конвенция была ратифицирована ЦИК СССР, 25 февраля – императором Японии (фактически Тайным советом, так как монарх был неизлечимо болен). Обмен ратификационными грамотами состоялся в Пекине 15 апреля.

В заявлении по поводу заключения конвенции, получившей в обиходе название «Пекинской», нарком по иностранным делам Г.В.Чичерин отметил, что оно «есть нечто гораздо более значительное, чем простое призна-

ние СССР еще одним правительством... Это не только начальный пункт периода дружественных отношений между народами СССР и Японией, это настоящий перелом во всей дальневосточной политике и в современной политике вообще... Это есть несомненное упрочение нашего положения на Дальнем Востоке». Нарком указал на выгоды, которые договор принес другой стороне: «Дружественные отношения с СССР дают возможность Японии как бы закрыть на ключ Японское море и не допускать враждебных флотов до западных берегов японского архипелага... Для последней, все более подвергающейся давлению могущественного мирового англо-американского соглашения, дружба с СССР и с Китаем означает гарантию мирного развития и удовлетворения жизненных потребностей»². Комментарии токийской печати были выдержаны в настолько оптимистических тонах, в основном относительно перспектив экономических и торговых отношений, что это вызвало тревогу в Вашингтоне и Лондоне. Министр иностранных дел К. Сидэхара даже счел необходимым разъяснить, что ни о каком «союзе» с Москвой речи быть не может.

Первым советским полпредом в Токио был назначен член коллегии НКВД В.Л. Копп, японским послом в Москве – бывший вице-министр иностранных дел Г. Танака. Помимо посольств, стороны открыли по восемь консульств. В течение 15 месяцев советские консульства появились в Осака, Кобэ, Хакодатэ, Нагасаки, Отуру, Цуруга, Дайрене и Сеуле, японские – во Владивостоке, Александровске, Хабаровске, Петропавловске, Благовещенске, Одессе, Охе и Новосибирске. Советское требование иметь в Токио отдельное торгпредство с распространением на его сотрудников и территорию права экстерриториальности и дипломатического иммунитета вызвало недовольство японских властей, опасавшихся, что это учреждение станет «крышей» для ведения разведывательной и агитационной работы, но давление деловых кругов, стремившихся развивать торговлю с СССР, возымело действие. Итоговый документ, определяющий функции и статус торгпредства, был подписан 23 июня 1926 г.³

Поначалу в двусторонних контактах доминировали экономические факторы. Весной 1925 г. видный политический деятель С. Гото, сыгравший большую роль в нормализации отношений, известил Чичерина, что у него «имеется экономическая программа, которая преследует цель эксплуатации природных богатств Сибири путем дружеской совместной работы обоих народов», ранее он же предлагал учредить советско-японский банк для этой цели⁴. Банк создан не был, но японцам разрешили открыть во Влади-

² ДВП, т. VIII, с. 162–163.

³ Там же, т. IX, с. 322–324.

⁴ Цит. по: СССР и Япония. М., 1978, с. 80–81; Кацура Таро, Гото Симпэй и Россия. Сб. документов. 1907–1929 М., 2005. Док. 71.

востоке отделение своего Корейского банка, работавшее до конца 1930 г., когда оно было закрыто по указанию наркомата финансов. 18 июня 1925 г. Гото сообщил полпреду Коппу, что работает над планами по привлечению японских компаний к разработке естественных богатств Дальнего Востока, поставив на первое место вопрос о переселении в Сибирь или Приморье для колонизации простаивающих земель. 6 января 1926 г. посол Танака заявил Чичерину, что в Японии «имеются серьезные деловые люди, желающие завести на советской территории рисовые плантации. Япония страдает от недостатка риса, и японцы сильно желали бы, чтобы в соседних странах была больше развита рисовая культура. Они берутся обучать этому русских крестьян с тем, чтобы в дальнейшем рисовая культура на советской территории развивалась силами русских крестьян»⁵.

Участники состоявшегося в Москве в тот же день совещания ответственных работников под председательством Чичерина признали японскую колонизацию «политически вредной», но «учитывая политическую обстановку момента», высказались за «необходимость допустить в ограниченных размерах, строго урегулированную японскую ммиграцию в районы, не представляющие для нас опасности в стратегическом отношении». 1 апреля 1926 г. Политбюро постановило: «Следует считаться с крайней заинтересованностью в этом японского общественного мнения. Принимая, однако, во внимание опасность японской колонизации на Дальнем Востоке, следует все шаги проводить с необходимой осторожностью и постепенностью... Японская ммиграция должна быть строго урегулированной и контролируемой, она должна происходить в разбивку, на японские средства, при помощи созданного для этой цели специального общества. Японские колонисты должны быть расселяемы по шахматному принципу одновременно с усилением колонизации из Центральной России»⁶. Однако, советские руководители, видевшие в японских колонистах потенциальных солдат потенциального противника, несмотря на все заявления об обратном, побоялись пустить их на свою территорию и вскоре отказались от этих планов.

Динамично развивались культурные и научные связи, далекие от политики и идеологии. На японских сценах с успехом выступали певица И.П. Яунзем, скрипачи М.Г. Эрденко и Н.С. Блиндер. В Москве и Ленинграде не меньший успех имели театр Кабуки, впервые выехавший на зарубежные гастроли, новаторская труппа С. Итикава, выставка «Японское кино» и первая демонстрация в СССР японского фильма, которым оказался «Храбрец из Киото» будущего классика кинематографа Т. Кинугаса. В СССР издавались произведения Р. Акутагава и Дз. Танидзаки, в Японии – к очередным переводам «Войны и мира», «Анны Карениной», «Отцов и

---

⁵ ДВП, т. IX, с. 12.

⁶ ВКП(б), Коминтерн и Япония. 1917–1941. М., 2001, с. 33–34.

детей», прибавились книги Л.Н. Андреева и М. Горького, Л.М. Леонова и Б.А. Пильняка. Посмотреть на «Красную Россию» ездили поэт А. Удзяку, переводчик и филолог М. Ёнэкава, журналист К. Фусэ, бравший интервью у В.И. Ленина, Л.Д. Троцкого и И.В. Сталина, а потому слывший специалистом по русским делам. В Японии побывали популярнейший советский прозаик тех лет Б.А. Пильняк, написавший яркую книгу «Корни японского солнца» (1926)⁷, искусствовед Н.Н. Пунин, поэт и романист Р. Ивнев, ряд ученых-японистов, включая будущего академика Н.И. Конрада.

В целом отношения между Советским Союзом и Японией развивались нормально, насколько это было возможно между странами с разными социальными системами, одна из которых не переставала бояться интервенции и «капиталистического окружения», а другая – Коминтерна и «мировой революции». До начала 1930-х годов деятельность японских «левых», направлявшаяся и субсидировавшаяся Москвой, оставалась, наряду с антисоветскими акциями японских «ультраправых», главным препятствием для развития отношений и основанием для периодического заявления протестов посольствами обеих стран. Однако, несмотря на периодическую пропагандистскую «раскрутку», масштаб активности и тех, и других был сравнительно невелик, поэтому в данной работе мы этот вопрос специально не рассматриваем. Выступая 27 июня 1927 г. на собрании Японско-советского общества дружбы, полпред В.С. Довгалецкий, сменивший в этой должности В.Л. Коппа, имел основания говорить: «За этот короткий промежуток (с 1925 г. – В.М.) заложены прочные основы для дальнейшего углубления дружбы между народами-соседями и развития их экономических, культурных и политических связей... Общая воля наших стран к мирному экономическому сотрудничеству привела к преодолению трудностей, проистекающих от различия их хозяйственных систем, и наглядно выявила полную возможность взаимного приспособления их на благо народов обеих стран и увеличения их благосостояния. Растущие на этой почве... взаимопонимание и уважение, а также глубокое стремление народов обеих стран к миру и мирному созидательному труду позволяют нам надеяться, что взаимные отношения между нашими странами будут и впредь неуклонно развиваться в духе дружбы и доверия»⁸.

Возглавивший в апреле 1927 г. правительство и по совместительству Министерство иностранных дел, генерал Г. Танака⁹ имел репутацию милитариста и был сторонником «активной» внешней политики, но видел в бла-

⁷ Эта книга с комментариями и обширным исследованием переиздана в: Савелли Д. Борис Пильняк в Японии: 1926. М., 2004.

⁸ ДВП, т. X, с. 321–322.

⁹ Однако приписывавшийся ему «меморандум Танака» является фальсификацией, и мы его не рассматриваем.

гожелательном нейтралитете СССР необходимое условие успешной японской экспансии в Китае. Считая двустороннее политическое соглашение в виде пакта о ненападении, который советские дипломаты предлагали заключить с августа 1926 г., несвоевременным при отсутствии рыболовной конвенции и торгового договора, Танака сделал ставку на «прорыв» в экономической сфере. Переговоры по рыболовным вопросам велись в Москве с конца декабря 1925 г. в обстановке делового, но жесткого «торга»: только в феврале 1927 г. стороны смогли представить друг другу более или менее проработанные варианты статей будущего соглашения. 1 июля 1927 г. полпред В.С. Довгалецкий сообщил премьеру, что СССР готов приступить к обсуждению вопроса о торговом договоре. В октябре–ноябре 1927 г. Танака направил в Москву специальную экономическую миссию во главе с промышленником Ф. Кухара, а затем содействовал поездке в СССР Гото (декабрь 1927 – январь 1928). Несмотря на частный характер визита, Гото, не занимавший официальных постов, был принят всеми высшими советскими руководителями, включая И. Сталина. Курировавший отношения с Японией, заместитель наркома по иностранным делам Л.М. Карахан подчеркнул, что «результаты его поездки, *безусловно*, будут носить характер политический»¹⁰.

Гото отправился «посмотреть на новую Россию и изучить результаты новой экономической политики», а также обсудить три проблемы: 1) положение в Китае; 2) сельскохозяйственные концессии; 3) рыболовную конвенцию¹¹. Последний пункт был включен в программу по личной просьбе премьера, поскольку подписание соглашения, парафированного Л.М. Караханом и послом Г. Танака 10 октября, отложилось из-за разногласий в трактовке некоторых положений текста. Не добившись результата в вопросе о рисовых концессиях, от предоставления которых японцам советское руководство к тому времени окончательно отказалось. Гото смог ускорить заключение рыболовной конвенции. В беседе с Г. Чичериным 20 января 1928 г. посол Г. Танака подчеркнул: «Япония стоит как бы на перепутье, и поездка Гото имеет громаднейшее значение для того, чтобы повести Японию по дружественному нам пути... Вся Япония смотрит на него, и если окажется, что порученное ему дело кончилось разрывом переговоров, это даст в Японии толчок, чтобы повернуть к обратным тенденциям»¹². Конвенция была подписана 23 января, через два дня после отъезда Гото из Москвы, когда Токио взял назад требование гарантий того, что за японскими рыбопромышленниками будут сохранены все эксплуатировавшиеся ими

---

¹⁰ Кацура Таро, Гото Симпей и Россия, док. 86.

¹¹ Цуруми Ю. Гото Симпэй. Т. 4. Токио, 1938, с. 844–845; Кацура Таро, Гото Симпей и Россия, док. 83, 89.

¹² Кацура Таро, Гото Симпей и Россия, док. 115.

ранее участки. Это решение было принято правительством Японии по настоянию или, по крайней мере, по совету Гото.

Примечательным, хотя и не имевшим стратегически важных последствий событием стали две встречи Гото со Сталиным 7 и 14 января 1928 г. Главной темой на них стало положение в Китае, который находился в состоянии перманентной гражданской войны. Действуя от своего имени, но с санкции императора и премьера, Гото с помощью заранее заготовленного меморандума¹³, предложил координировать политику двух стран, одновременно выразив опасение относительно возможной «большевизации» Китая. 2 января Политбюро так сформулировало позицию по данному вопросу для передачи гостю: «1) мы согласны, что китайская проблема действительно представляет предмет общих интересов, который подлежит разрешению путем взаимного понимания, причем понятно, что китайская сторона не должна терпеть ущерба...; 2) мы ни в коем случае не допустим, чтобы кто-либо из служащих наших учреждений в Китае когда-либо имел то или иное отношение к коммунистической пропаганде»¹⁴. Заявление гостя о том, что мир в регионе зависит от сотрудничества двух стран, Сталин парировал вопросом: «Значит, Вы хотите, чтобы Россия ничего не предпринимала в Китае, не посоветовавшись с Японией?». Гото ответил, что об этом речь не идет, но слаженность действий Токио и Москвы будет залогом стабильности и благополучия¹⁵. Подводя итоги визита в беседе с Чичериным 21 января, он предложил вслед за рыболовной конвенцией подписать торговый договор и новые концессионные контракты, что подготовило бы правящие круги и общественное мнение Японии к переговорам о политическом соглашении. Чичерин ответил: «Мы считаем такой пакт в высшей степени желательным и будем его приветствовать»¹⁶. Премьер Танака официально подтвердил эту позицию 8 марта 1928 г. в беседе с новым советским полпредом А.А. Трояновским, пояснив: «Надо идти от одного этапа к другому. Я считаю, что сейчас на очереди стоит вопрос о торговом договоре. Если мы его заключим, это уже будет большое дело»¹⁷. Однако заключение договора так и не состоялось.

Во время вооруженного конфликта на КВЖД между СССР и маньчжурским диктатором Чжан Сюэляном летом–осенью 1929 г. Япония сохраняла нейтралитет, хотя советские руководители не переставали подозревать ее

¹³ Там же, док. 92.

¹⁴ ВКП(б), Коминтерн и Япония, с. XXX.

¹⁵ Насколько удалось установить, существуют только японские записи бесед Гото со Сталиным.

¹⁶ Москва–Токио. Политика и дипломатия Кремля. 1921–1931. Сб. документов. Кн. 2. М., 2007, док. 108.

¹⁷ ДВП, т. XI, с. 144.

в подстрекательстве. Изменения в двусторонних отношениях наметились лишь с началом «Маньжурского инцидента» – оккупации Маньчжурии Квантунской армией во второй половине сентября 1931 г. Вопреки установившемуся в послевоенные годы мнению, операция не планировалась правительством, военным министерством или генеральным штабом Японии, но стала результатом плана, который подготовила и осуществила группа старших офицеров Квантунской армии при попустительстве ее командования. Акция, вызвавшая шок у политического и военного руководства Токио непредсказуемостью своих последствий, была с энтузиазмом встречена японским общественным мнением, которое было заранее «разогрето» радикально-националистической агитацией.

Резкое изменение баланса сил на северо-востоке Китая неминуемо отразилось на советско-японских отношениях. 14 сентября 1931 г., за несколько дней до начала «инцидента», Сталин писал своему ближайшему помощнику Л.М. Кагановичу: «С Японией нужно поосторожнее. На своих позициях стоять нужно твердо и непоколебимо, но тактика должна быть гибче, поосмотрительнее... Не пришло еще время для наступления»¹⁸. Однако речь шла всего лишь о предложении наркома внешней торговли А.П. Розенгольца сократить импорт из Японии из-за повышения пошлин на ввозимый советский лес, что, в свою очередь, было вызвано обострением ситуации вокруг распределения рыболовных участков. Конфликт достиг апогея 16 марта 1931 г., когда на советского полпреда в Токио Аникеева было совершено покушение, но стремительная оккупация Маньчжурии отодвинула все прочие вопросы на второй план. С этого времени, Сталин, сосредоточивший в своих руках всю полноту принятия решений по внешнеполитическим вопросам, не спускал глаз с Японии.

22 сентября Л.М. Каганович и В.М. Молотов сообщили Сталину о событиях в Маньчжурии, оговорившись, что «положение с японским выступлением все еще не ясно». Через день в ответ полетели четкие указания: «Наше военное вмешательство, конечно, исключено, дипломатическое же вмешательство сейчас не целесообразно, так как оно может лишь объединить империалистов, тогда как нам выгодно, чтобы они рассорились... В печати надо вести себя так, чтобы не было сомнений в том, что мы всей душой против интервенции. Пусть „Правда“ всю ругает японских оккупантов, Лигу Наций как орудие войны, а не мира, пакт Келлога (Антивоенный пакт 1928 г., к которому присоединились Япония и СССР. – В.М.), Америку как сторонницу дележа Китая... „Известия“ должны вести ту же линию, но в умеренном и архиосторожном тоне... Следовало бы особо навести коминтерновскую печать и вообще Коминтерн»¹⁹.

---

¹⁸ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М., 2001, с. 66.

¹⁹ Там же, с. 116.

Недовольство Москвы переходом японской экспансии в активную фазу было несомненным. Однако, советское правительство воздерживалось от официальных демаршей и не проявило желания сотрудничать с анти-японскими акциями Лиги Наций, хотя и не отказывалось от попыток вести «свою игру» в Маньчжурии, Северном Китае и Синьцзяне. Желая заручиться нейтралитетом СССР, в Токио с самого начала «Маньчжурского инцидента» ссылались на свой нейтралитет во время конфликта на КВЖД в 1929 г. Однако нарком по иностранным делам М.М. Литвинов в беседе с японским послом К. Хирота 19 ноября 1931 г. назвал такую аналогию «неправильной», поскольку СССР не пытался оккупировать китайскую территорию и «не использовал при этом своего военного превосходства и слабости Китая для навязывания последнему каких бы то ни было новых условий или для разрешения проблем, не связанных непосредственно с возникновением конфликта»²⁰. «Японцы сделали вид, что они довольны заявлением Литвинова и нашим нейтралитетом», – сообщил Сталин наркому по военным и морским делам К.Е. Ворошилову 27 ноября 1931 г., но в том же письме изложил свои опасения относительно ближайшего будущего: «Дела с Японией сложные, серьезные. Япония задумала захватить не только Маньчжурию, но, видимо, и Пекин... Более того, не исключено и даже вероятно, что она протянет руку к нашему Дальвосту (Дальнему Востоку. – В.М.)... Возможно, что этой зимой Япония не попытается тронуть СССР. Но в будущем году она может сделать такую попытку. Ее толкает на этот путь желание прочно засесть в Маньчжурии... Было бы наивно верить в искренность „дружбы“ японских империалистов... Главное теперь – в подготовке обороны на Дальвосте»²¹. Поэтому и в следующем 1932 г. генсек не спешил санкционировать обстрел японских самолетов, нарушавших советское воздушное пространство, опасаясь провокаций, которые могли быть чреваты «случайной» войной вроде «Маньчжурского инцидента».

31 декабря 1931 г. Советский Союз сделал «ход конем». Только что назначенный министром иностранных дел Японии К. Ёсидзава – бывший посланник в Пекине, поставивший свою подпись под конвенцией 1925 г., – проезжал через Москву из Парижа в Токио. Принимая его в канун нового года, М.М. Литвинов – разумеется, не по собственной инициативе, а с санкции Политбюро – предложил начать переговоры о заключении двустороннего пакта о ненападении. Министр, как и присутствовавший при беседе посол Хирота, «был явно застигнут врасплох этим предложением» и «воздержался от дальнейших разговоров на эту тему», не дав никакого ответа, но заинтересовавшись наличием у СССР аналогичного пакта с Великобри-

²⁰ ДВП, т. XIV, с. 668–672.

²¹ Советское руководство. Переписка. 1928–1941. М., 1999, с. 161–163.

танией²². 12 января 1932 г., еще до возвращения Ёсидзава в Японию, полпред Трояновский поставил тот же вопрос перед премьером К. Инукаи и вручил ему меморандум с перечислением всех предыдущих советских инициатив в данном направлении²³. Обеспокоенное возможным недовольством западных держав, японское правительство не торопилось с ответом. Чтобы подтолкнуть его к более решительным действиям, Москва уже 16 января предала предложение гласности через сообщение ТАСС. 14 февраля информация была повторена с указанием, что «от японского правительства до сих пор еще не получен ответ»²⁴.

Реакция официального Токио, где никак не могли принять решение, оказалась нервной. Несмотря на готовность СССР к компромиссу, вплоть до признания де-факто созданного японцами марионеточного государства Маньчжоу-го (официально провозглашено 1 марта 1932 г.), путем открытия там консульств, сторонников политического соглашения с Москвой в Японии почти не было. Либералы не хотели «сердить» Вашингтон, Лондон и Париж в условиях разгоравшегося конфликта с Лигой Наций из-за экспансии в Китае. Армейские круги во главе с военным министром С. Араки требовали признания «специальных интересов» Японии в Маньчжурии и увеличения военного бюджета со ссылкой на «угрозу с севера». Националисты, подчинившие своему влиянию общественное мнение, твердили о продолжении «русской агрессии». В поддержку соглашения выступила только группа офицеров флота во главе с адмиралом К. Като, но она не могла изменить ситуацию²⁵.

Уклоняясь от прямого официального диалога, японцы дали понять, что желают признания Маньчжоу-го Советским Союзом де-юре, хотя сами не спешили это делать. Сталин был против, о чем прямо заявил Кагановичу в начале июня 1932 г.: «Настаивая на признании с нашей стороны, японцы рассчитывают поссорить нас с Китаем или с Маньчжурией: если признаем Маньчжурию – рассоримся с Китаем, если откажемся признать – рассоримся с Маньчжурским правительством. Так рассуждают японцы своим неглубоким, хотя и хитрым умом... Если признание так необходимо и разумно, почему японцы сами не торопятся признать свое же собственное детище»²⁶. Токио сделал это лишь 15 сентября 1932 г., после завершения работы «комиссии Литтона», в которую вошли представители Великобритании, Франции, Италии и Германии как постоянных членов Совета Лиги Наций, Японии и Китая как конфликтующих сторон и Соединенных Штатов, согла-

---

²² ДВП, т. XIV, с. 746–748.

²³ Там же, т. XV, с. 20–21.

²⁴ Там же, т. XV, с. 30–31, 86.

²⁵ Подробнее см.: там же, т. XV, с. 199, 447–448, 464, 465–468, 498–499, 562–566,

²⁶ Сталин и Каганович. Переписка, с. 158.

сившихся сотрудничать с Лигой, хотя они не были ее членом. Комиссия должна была выяснить положение дел и выработать рекомендации по урегулированию конфликта в Маньчжурии. Не входивший в Лигу Советский Союз тоже получил предложение участвовать в работе комиссии, но отказался со ссылкой на соблюдение нейтралитета. Это решение было воспринято как нежелание портить отношения с Токио. 8 августа Сталин санкционировал соглашение по рыболовным вопросам, инициированное японской стороной. Подписанное пять дней спустя Караханом и Хирота, оно стало одним из самых позитивных событий в двусторонних отношениях на фоне дальневосточного конфликта.

Возглавивший МИД в начале лета 1932 г. ветеран-дипломат К. Утида, который представлял Японию в Петрограде еще во время Февральской и Октябрьской революций 1917 г., попытался «заболтать» вопрос о договоре, но советские дипломаты настойчиво напоминали о нем. Наконец, 13 декабря 1932 г. министр «строго конфиденциальной» вербальной нотой известил А. Трояновского, что предложение отвергнуто, поскольку обе страны подписали Антивоенный пакт Бриана–Келлога, а для двустороннего соглашения «еще не созрел момент». Полпред заявил: «Ответ японского правительства произведет у нас плохое впечатление и будет истолкован как признак агрессивного стремления Японии», а в срочной телеграмме в Москву отметил, что отказ был оглашен «не случайно в день опубликования сообщения о восстановлении отношений между нами и Китаем»²⁷. По его совету Москва решила не только ответить, но и предать гласности историю несостоявшегося пакта, сопроводив ее мощной пропагандистской «оркестровкой». Предупрежденные о публикации документов, японские дипломаты пытались отговорить Москву от этой затеи, ссылаясь на то, что ответ К. Утида «не есть окончательное отклонение нашего предложения о пакте», как заявил Л. Карахану 27 декабря советник посольства Э. Амо, «а лишь признание несвоевременности его заключения в настоящее время». Карахан возразил, что советская инициатива была официальной и публичной, поэтому ответ на нее тоже должен стать всеобщим достоянием, а готовность заключить пакт «лет этак через 10» нельзя рассматривать иначе как прямой отказ²⁸. В тот же день М. Литвинов послал А. Трояновскому официальный ответ, врученный Утида из-за новогодних праздников только 4 января 1933 г.²⁹

Обнародование документов, с критическими комментариями в адрес Токио, 17 января 1933 г. в «Правде» вызвало обмен дипломатическими колкостями и волну антисоветских выступлений в японской прессе. В свою очередь Трояновский не жалел резких слов в разговорах с иностранными

²⁷ ДВП, т. XV, с. 683.

²⁸ Там же, т. XV, с. 705–708.

²⁹ Там же, т. XV, с. 705; т. XVI, с. 28.

дипломатами и оппозиционно настроенными японцами. Общаясь 31 января с руководством Социалистической массовой партии, он заметил: «Япония является самым могущественным нашим соседом на Дальнем Востоке. Японско-советские отношения являются определяющими и для взаимоотношений других стран; следовательно, дружеские отношения между ними крайне необходимы для сохранения международного мира. Заключение пакта о ненападении, несомненно, будет способствовать гораздо большему развитию японско-советских экономических связей, что является весьма выгодным для Японии»³⁰. 22 марта К. Утида прямо сказал новому полпреду К.К. Юреневу, что шансов на заключение договора нет, и попросил его больше не поднимать больной вопрос. Обострение советско-японских отношений наложилось на окончательный разрыв между Токио и Лигой Наций весной 1933 г. и на установление дипломатических отношений между СССР и США осенью того же года. Япония оказалась в международной изоляции, что вызвало у многих военных, политиков и журналистов «синдром осажденной крепости».

«Война или мир с Советской Россией?» – так озаглавил свою статью в журнале «Contemporary Japan», предназначенном для распространения за границей, влиятельный аналитик Огата Такэтора, один из руководителей газетного концерна «Асахи». Заголовок свидетельствовал, что вопрос ставится ребром: «Существует ли возможность войны между Японией и Советской Россией? Я не могу сказать, что не существует»³¹. Еще с осени 1932 г. японские военные круги развернули масштабную пропагандистскую кампанию на тему «советской угрозы», доводя общественность до истерического состояния, но это было лишь частью более широкой кампании против «белого империализма», начатой ими одновременно с «Маньчжурским инцидентом». Не оставался в долгу и советский агитпроп, работникам которого Сталин 21 октября 1933 г. дал прямое указание «начать широкую, осмысленную (не крикливую!) подготовку и обработку общественного мнения СССР и всех других стран насчет Японии и вообще против милитаристов Японии... Надо знакомить людей не только с отрицательными, но и с положительными сторонами быта, жизни, условий в Японии. Понятно, что *выпукло надо выставить* (выделено Сталиным. – В.М.) отрицательные, империалистические, захватнические милитаристские стороны»³². В итоге на рынке в изобилии появились книги вроде «Очаг войны на Дальнем Востоке» Н. Терентьева (псевдоним экономиста А.Я. Канторовича) и «Когда Япония будет воевать?» О. Танина и Е. Иогана (псевдонимы

---

³⁰ Цит. по: СССР-Япония, с. 24.

³¹ *Taketora Ogata. War or Peace with Soviet Russia?* – Contemporary Japan. Vol. III. 3 (December 1934), p. 357–364.

³² Сталин и Каганович. Переписка, с. 396.

востоковедов-разведчиков О.С. Тарханова и Е.С. Иолка, соответственно), а также переводами наиболее японофобских сочинений иностранных авторов вроде «Японской угрозы» Т. О'Конроя, прочитанной и одобренной генсеком. Стремясь к максимальной консолидации своей власти, Сталин нагнетал обстановку тотального страха перед «капиталистическим окружением». Так что Огата был прав, заключив статью следующим выводом: «Ни одна сторона не хочет войны; обе верят в ее неизбежность. Эта уверенность должна быть разрушена».

Фактором, дополнительно осложнившим двусторонние отношения в эти годы, стали постоянные конфликты на Китайско-Восточной железной дороге (КВЖД). Находившаяся в совместном владении СССР и Китая, магистраль оказалась под контролем «независимого» Маньчжоу-го. Фактическими хозяевами положения стали японцы, которые стремились связать КВЖД в единое целое с принадлежавшей им Южно-Маньчжурской железной дорогой и с остальной транспортной инфраструктурой Маньчжурии, которая оказалась в их руках. Угроза нового военного конфликта на КВЖД из-за контроля над линией с осени 1933 г. стала реальной, а необходимых сил для ее защиты и ведения эффективных боевых действий на маньчжурской территории у СССР не было. Отношения двух стран и «японскую политику» Москвы в этот момент хорошо характеризует инцидент с публикацией – по прямому указанию Сталина – секретных японских документов касающихся «совещания военных о фактическом захвате КВЖД», полученных в начале сентября 1933 г. по каналам разведки³³.

Получив перевод «дешифрантов», генсек однозначно высказался за жесткий курс. 22 сентября в московской печати появилось выправленное им официальное заявление: «По достоверным сведениям, полученным советским правительством, маньчжурские власти *по указанию японского правительства* (вставка Сталина. – В.М.) предполагают в ближайшие дни провести односторонне ряд перемен в управлении дорогой, совершенно нарушающих установленный порядок... В то же время маньчжурские власти *по указанию агентов японского правительства* (вставка Сталина. – В.М.) намечают ряд полицейских мероприятий против советских сотрудников на КВЖД». Заключительная часть была полностью написана вождем: «Советское Правительство считает, что прямая ответственность за эти нарушения падает на Японское Правительство. Не Маньчжоу-го, которое бессильно и неспособно отвечать за события в Маньчжурии, а Японское Правительство, являющееся действительным хозяином в Маньчжурии, должно нести прямую ответственность за все нарушения договоров на КВЖД, как и за подготавливаемый захват дороги»³⁴.

³³ См.: Япония. Сборник статей и материалов. М., 1934, с. 190–198.

³⁴ ВКП(б), Коминтерн и Япония, с. 109; Сталин и Каганович. Переписка, с. 349.

Японцы ответили на этот демарш арестами советских начальников служб КВЖД, которые формально были проведены властями Маньчжоу-го. 28 сентября Москва заявила, что до освобождения арестованных не будет возобновлять переговоры о продаже дороги, которые были начаты еще в конце 1930 г. с представителями Китая. 10 апреля 1931 г. Политбюро утвердило предложения НКВД «Об основных принципах выкупа КВЖД» Китаем, но после оккупации Маньчжурии ситуация полностью изменилась. 24 апреля 1933 г., в обстановке постоянных конфликтов, японский посол в Москве Т. Ота предложил Л. Карахану «заключить какой-нибудь акт политического характера», намекнув на продажу КВЖД. 2 мая Литвинов ответил согласием продать дорогу Маньчжоу-го, несмотря на протесты Китая. 23 мая японское правительство постановило приобрести дорогу, если удастся договориться о цене, но формальным покупателем должно было выступать Маньчжоу-го³⁵.

29 мая 1933 г. Т. Ота передал в НКВД согласие маньчжурского правительства и предложение Японии выступить в качестве посредника. Переговоры начались 26 июня в Токио и шли под постоянным контролем И. Сталина. Первоначальная цена, запрошенная Москвой (250 млн. золотых руб.), превышала японское предложение (20 млн. золотых руб.) в 12,5 раз. В ходе трудного «торга» обе стороны не пренебрегали пропагандистскими и силовыми акциями, одной из которых и стала публикация 10 октября 1933 г. в «Правде» и «Известиях» упоминавшихся документов. Токио немедленно дезавуировал их как фальшивые³⁶ и потребовал опровержения, но советское руководство заняло жесткую позицию, чем вынудило японцев к компромиссу. 24 февраля 1934 г. арестованные были освобождены, и два дня спустя переговоры возобновились в прежнем напряженном режиме. Все до мельчайших деталей: составлять ли новый баланс или осуществить сдачу-приемку по имеющимся описям – согласовывалось с генсеком и обсуждалось на Политбюро.

14 сентября 1934 г. Сталин решил принять последнее японское предложение – 140 млн. иен, или 47,5 млн. золотых руб., т.е. в пять с лишним раз меньше первоначально запрошенной Москвой суммы, пояснив восемь дней спустя: «Не стоит осложнять дело с КВЖД выдвижением новых условий»³⁷. 23 марта 1935 г., после 21 месяца переговоров, в Токио было подпи-

---

³⁵ Историю продажи КВЖД см.: *Молодяков В.Э.* Россия и Япония: рельсы гудят. Железнодорожный узел российско-японских отношений (1891–1945). М., 2006.

³⁶ У историков нет единого мнения относительно аутентичности данных документов, которые не полностью соответствуют японским бюрократическим канонам, однако если они не подлинны в полной мере, то основаны на настоящих документах, попавших в руки советской разведки.

³⁷ Сталин и Каганович. Переписка, с. 493.

сано соглашение об «уступке прав» СССР в отношении КВЖД, которая немедленно переходила во владение Маньчжоу-го. Япония гарантировала обеспечение и трансфер всех причитавшихся Советскому Союзу сумм. Платежи, намеченные на 23 сентября 1936 г. и 23 июня 1937 г. были осуществлены в срок, но последний трансфер, назначенный на 23 марта 1938 г., СССР получил только 4 января 1940 г.

Продажа КВЖД привела к временному «потеплению» двусторонних отношений, однако процитированное выше указание Сталина «начать длительную солидную (некрикливую) подготовку читателя против мерзавцев из Японии» оставалось в силе. «Наша контркомпания против японской лжи и провокаций неудовлетворительна и беспомощна, – раздраженно писал генсек Кагановичу во второй половине августа 1934 г. – Вы должны *систематически* опровергать *каждое* неправильное сообщение японской печати или официальных лиц... Надо высечь НКВД за спячку, слепоту, близорукость... Нельзя спать и зевать, когда стоишь у власти!»³⁸.

Масштабной антияпонской акцией стал VII конгресс Коминтерна (25 июля – 21 августа 1935 г.), резолюции которого были адресно направлены против «фашистов» Японии, Германии, Италии и Польши. 2 сентября посол Т. Ота выразил заместителю наркома иностранных дел Б.С. Стомону протест против того, что «в докладах и речах, а также в принятых резолюциях конгресса были допущены клеветнические выражения по адресу Японии... Считая, что такое положение является весьма нежелательным с точки зрения дружественных отношений между Японией и СССР, японское правительство предписало мне обратить на это серьезное внимание Советского правительства. До сих пор Советское правительство говорило, что Коминтерн не имеет к нему никакого отношения, но мне кажется, что это является только теоретическим рассуждением»³⁹. Тема стала особенно актуальной после заключения 25 ноября 1936 г. между Японией и Германией Соглашения против Коммунистического интернационала (Антикоминтерновского пакта), которое отрицательно сказалось на отношениях между Москвой и Токио. На этом документе, подписи под которым поставили главный внешнеполитический советник Гитлера и одновременно посол в Лондоне И. фон Риббентроп и японский посол в Берлине К. Мусякодзи, следует остановиться подробнее, поскольку он нуждается в переоценке.

Антикоминтерновский пакт до сих пор нередко называют военным союзом агрессивных держав, обращая особое внимание на прилагавшийся к нему секретный протокол (или соглашение). Однако нельзя не отметить, во-первых, неконкретность, а во-вторых, ограниченность обязательств сто-

³⁸ Там же, с. 439–440.

³⁹ ДВП, т. XVIII, с. 483–487.

рон. Соглашение открывается сугубо идеологической декларацией о «подрывной деятельности» Коминтерна и опасности, которую она представляет не только для стран-участниц. Пакт предписывал сторонам обмениваться информацией о деятельности Коминтерна, сотрудничать в деле борьбы с ней и консультироваться о принятии мер, никак не определяя ее форм и методов. Секретный дополнительный протокол обязывал не заключать соглашений с СССР без ведома партнера и содержал следующее условие: «в случае, если одна из договаривающихся сторон подвергнется неспровоцированному нападению со стороны Союза Советских Социалистических Республик или ей будет угрожать подобное неспровоцированное нападение, другая договаривающаяся сторона обязуется не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы способствовать облегчению положения» СССР (ст. 1). В нем не было обязательств о взаимной военной и политической помощи в случае конфликта с третьей страной, что являлось основой двусторонних оборонительных пактов, например советско-французского и советско-чехословацкого договоров о взаимной помощи, заключенных 2 мая и 16 мая 1935 г. Поэтому Антикоминтерновский пакт выглядел «протоколом о намерениях», а не программой действий⁴⁰.

Несмотря на свой декларативно идеологический характер, политически пакт был направлен против СССР. И Берлин, и Токио считали Москву своим главным противником, который угрожал их безопасности, в том числе через международное коммунистическое движение. Открыто афишировать направленность соглашения против СССР как государства стороны не могли, поскольку это грозило разрывом экономических, а возможно, и дипломатических отношений. Поэтому, выступая 28 ноября 1936 г. на Восьмом Всесоюзном Съезде Советов, Литвинов обрушил на пакт всю силу своего сарказма: «Люди сведущие отказываются верить, что для составления опубликованных двух куцых статей японо-германского соглашения необходимо было вести эти переговоры в течение пятнадцати месяцев, что вести эти переговоры надо было поручить с японской стороны генералу, а с германской – «сверхдипломату»... Все это свидетельствует о том, что «Антикоминтерновский пакт» фактически является тайным соглашением, направленным против Советского Союза... Не выиграет также репутация искренности японского правительства, заверившего нас в своем стремлении к установлению мирных отношений с Советским Союзом»⁴¹.

---

⁴⁰ Текст пакта и прилагавшихся к нему документов см.: История войны на Тихом океане. М., 1957, с. 343–346.

⁴¹ Литвинов М.М. Внешняя политика СССР. М., 1937, с. 184–188; см. также: Иоган Е. Заговор агрессоров против дела мира. – Большевик. 1936, № 23; Борисов А. Японо-германское соглашение. Очаг войны на Востоке. М., 1937; Лемин И.М. Блок агрессоров. М., 1937; Дальневосточный очаг войны. Япония. Сталинград, 1937 и др.

По разведывательным каналам советское руководство получило точную информацию о содержании конфиденциальных и секретных приложений к пакту еще в процессе их подготовки. Основываясь на директиве из Москвы, полпред в Токио К.К. Юренев 16 ноября 1936 г., за десять дней до официального подписания пакта, сообщил министру иностранных дел Х. Арита, что СССР рассматривает соглашение как нацеленное «прямо или косвенно» против него и примет соответствующие меры. Арита проигнорировал услышанное и продолжал отрицать наличие секретных соглашений, говоря о сугубо идеологическом содержании документа. 8 декабря М. Литвинов заявил новому послу в Москве М. Сигэмицу: «Я бы очень советовал господину Арита не настаивать на отсутствии секретного соглашения, ибо мы можем в конце концов решиться на опубликование документов, которые выставят в странном свете заявления господина Арита»⁴². Чтобы его предупреждения были восприняты всерьез, советское руководство сначала отложило рассмотрение вопроса о новой рыболовной конвенции (более выгодной для Японии, чем прежняя 1928 г.), подписание которой было намечено 20 ноября 1936 г., а затем и вовсе отказалось от нее. Поэтому реакция на Антикоминтерновский пакт в Токио была разноречивой: его положения представлялись расплывчатыми, выгоды туманными, а ущерб в виде срыва конвенции очевидным. Пакт стал одной из причин падения кабинета К. Хирота в начале 1937 г. Однако приход ему на смену правительства во главе с генералом С. Хаяси был с тревогой встречен в Москве как «передышка перед весьма вероятной войной». Сделав такой вывод, заместитель наркома иностранных дел Стомоняков в письме к Юреневу 21 января 1937 г. заметил: «Ища поддержки для будущей войны с Советским Союзом, Япония боится преждевременно развязать конфликт с нами и все более и более проявляет не замечавшиеся у нее ранее в предыдущие годы осторожность и осмотрительность в действиях в отношении Советского Союза»⁴³.

На протяжении 1937–1938 гг. двусторонние отношения непрерывно ухудшались. Новым фактором напряженности стали участившиеся «инциденты» на практически не демаркированных границах Маньчжоу-го с СССР и МНР, территорию которой И. Сталин публично обещал защищать «как свою собственную». Советский Союз поддерживал только консульские отношения с Маньчжоу-го, а МНР, внешняя политика которой контролировалась Кремлем и осуществлялась только через посредничество СССР, – никаких, поэтому обмен нотами и протестами шел через советское полпредство в Токио и японское посольство в Москве. По подсчетам японского историка И. Хата, с осени 1931 г. (начало «Маньчжурского инцидента»)

⁴² Цит. по: *Славинский Б.Н.* СССР и Япония – на пути к войне: дипломатическая история, 1937–1945 гг. М., 1999, с. 83.

⁴³ ДВП, т. XX, с. 54–58.

до 1934 г. на границе произошло 152 инцидента, в 1935 г. – 136, в 1936 г. – 203⁴⁴. Проводившиеся в 1935 г. переговоры представителей МНР и Маньчжоу-го (в маньчжурской делегации решения принимали японцы), которые пытались унифицировать начертание границы на имевшихся у сторон картах, позитивных результатов не дали. После заключения Антикоминтерновского пакта число вооруженных столкновений увеличилось, а их пропагандистское сопровождение с обеих сторон становилось все более угрожающим.

С началом японско-китайской войны, которую в Токио официально называли «Китайским инцидентом», в июле 1937 г. Советский Союз принял сторону режима Чан Кайши, которому оказывал существенную военную и экономическую помощь, хотя и не стремился афишировать ее. 21 августа 1937 г. между СССР и Китайской республикой был подписан договор о ненападении. Сопровождавшая его «устная декларация, строго конфиденциальная и никогда не подлежащая оглашению, ни официально, ни неофициально» содержала обязательство СССР не заключать договор о ненападении с Японией до нормализации японско-китайских отношений, т.е. до прекращения войны⁴⁵. Москва добивалась ликвидации японских концессий на Северном Сахалине, Токио требовал от нее уступок в рыболовном вопросе, ссылаясь на подготовленную, но так и не подписанную конвенцию. Стороны пошли по пути открытой конфронтации: задерживали и обыскивали рыболовные суда, обвиняя друг друга в браконьерстве и нарушениях границы. Японские концессионеры жаловались на притеснения и слежку, советская сторона отвечала заявлениями о нарушениях ими условий труда и мер безопасности. Практически полностью прекратилось научное и культурное сотрудничество. Почти все выдающиеся советские японоведы были репрессированы как «японские шпионы»; японские русисты оказались под подозрением как потенциальные «красные».

Следующий год был ознаменован вооруженным столкновением на озере Хасан в Посьетском районе Приморского края («Чанкуфэнский инцидент» в Японии). Конфликту предшествовало бегство в Маньчжоу-го 13 июня 1938 г. начальника Управления НКВД по Дальневосточному краю Генриха Люшкова, располагавшего ценной информацией и прихватившего с собой секретные документы и карты. Люшков уверенно заявил японским разведчикам, что Красная армия ослаблена «чистками», а сталинский режим, вопреки утверждениям пропаганды, не пользуется массовой поддержкой. Посланные на Дальний Восток «наводить порядок», заместитель наркома

---

⁴⁴ Deterrent Diplomacy: Japan, Germany and the USSR, 1935–1940. Ed. by James W. Morley. N.Y., 1976. p. 133; см. также: *Ikuhiko Hata. Reality and Illusion: The Hidden Crisis between Japan and the USSR, 1932–1934.* N.Y., 1967.

⁴⁵ *Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг.* М., 1995, с. 69–70.

внутренних дел М.П. Фриновский и начальник Главпура РККА Л.З. Мехлис первым делом проинспектировали практически не охраняемый и не демаркированный участок пограничной зоны у озера Хасан, где Люшков совершил побег. Активизация пограничников на советской территории вызвала нервную реакцию частей Квантунской армии, что при отсутствии четко проведенной линии границы повлекло за собой обоюдные обвинения в ее нарушении. Командующий Дальневосточным фронтом маршал В.К. Блюхер стремился избежать перерастания пограничных стычек в полномасштабный конфликт, но Сталин угрожающе спросил его по прямому телефону: «Скажите, товарищ Блюхер, честно, есть ли у вас желание по-настоящему воевать с японцами?» Результатом недвусмысленного указания вождя стало развертывание военных действий, которые в итоге закончились победой советских войск, но показали невысокий уровень их боевой готовности. Дальневосточный фронт был преобразован в две отдельные армии, а Блюхер и его окружение сняты с должностей и репрессированы⁴⁶.

Ни Советский Союз, ни Япония не стремились превращать конфликт на Хасане в полномасштабную войну, поэтому дипломатические отношения между ними не были прерваны. Что касается пропагандистской кампании на тему «как мы били японских самураев», то она предназначалась исключительно для внутреннего употребления. Советское руководство стремилось завершить процесс демаркации границы для предотвращения подобных инцидентов в будущем, поскольку его основные интересы были сосредоточены в Европе и требовали максимального спокойствия на Востоке. Японское правительство под давлением военных кругов, стремившихся максимально укрепиться в Китае, занимало более жесткую позицию. Следует добавить, что в эскалации напряженности между Москвой и Токио был заинтересован режим Чан Кайши, лидеры которого продолжали надеяться на вступление СССР в войну против Японии. С этой целью они вели непрерывный дипломатический зондаж, но дальше договора 1937 г. и оказания помощи Сталин не пошел.

С конца 1938 г. японские послы в Германии и Италии Х. Осима и Т. Сиратори начали переговоры об «укреплении» Антикоминтерновского пакта, т.е. о его превращении в военно-политический союз, направленный, в первую очередь, против СССР, а во вторую очередь, против Великобритании, которую в Токио, Берлине и Риме рассматривали как противника. Однако сформированный в январе 1939 г. кабинет К. Хиранума был, прежде всего, обеспокоен затяжным характером войны в Китае, а потому опасался

⁴⁶ Новый взгляд на события, основанный на архивных документах см.: *Славинский Б.Н.* СССР и Япония – на пути к войне, с. 149–168; *Военный конфликт в районе озера Хасан: взгляд через шесть десятилетий. Сб. докладов, сообщений и документальных материалов.* М., 2003.

заключать с европейскими державами договор, содержащий конкретные взаимные обязательства военного характера. Заручившись поддержкой императора Сёва, Хиранума и министр иностранных дел Арита, возглавлявший МИД во время подписания Антикоминтерновского пакта, хотели ограничиться расплывчатой политической декларацией, чтобы не спровоцировать конфликт с Лондоном и Вашингтоном, в правящих кругах которых по нарастающей усиливались антияпонские настроения. Осима и Сиратори, к неудовольствию собственного начальства и вопреки его инструкциям, стремились именно к военно-политическому союзу по образцу «Стаального пакта» между Берлином и Римом, подписанного 22 мая 1939 г. Советское руководство, хорошо информированное о переговорах по каналам разведки, постоянно поднимало эту тему в прессе, желая таким образом предотвратить сближение Токио и Лондона, продолжая считать такую перспективу возможной.

20 апреля 1939 г. в Берлине Риббентроп откровенно сказал Осима и Сиратори, что если их правительство будет и дальше тянуть с заключением союза трех держав, у Германии не останется другого выхода кроме нормализации отношений с СССР. Осима и министр иностранных дел Арита отмахнулись от этого предупреждения как «обычного немецкого блефа», и только Сиратори воспринял его всерьез. Уже осенью 1938 г. военное министерство и командование Квантунской армии, проанализировав итоги конфликта на Хасане, начали переработку планов боевых действий против СССР, однако никакого политического решения на этот счет не было принято. В апреле 1939 г. командующий Квантунской армией генерал К. Уэда издал приказ «в случае нечеткого обозначения границы устанавливать ее по своей инициативе, а если противная сторона станет этому препятствовать, смело вступать в бой и добиваться победы, не заботясь о последствиях, о которых позаботится вышестоящее начальство»⁴⁷. Закономерным результатом этого стал вооруженный конфликт на реке Халхин-Гол («Номон-ханский инцидент» в Японии), разгоревшийся в следующем месяце.

Начатый японцами как масштабная разведка боем – проверка Красной армии на прочность после репрессий – конфликт перерос в локальную войну. Формально ее вели Манчжоу-го и МНР, на границе между которыми шли боевые действия, фактически – СССР и Япония, отношения между которыми достигли надира, хотя и не были разорваны. Сталин потребовал нанести Кватунской армии ощутимое поражение, чтобы отбить у нее охоту к подобным «инцидентам», но, по свидетельству будущего маршала М.В. Захарова, выступил против эскалации конфликта, сказав: «Очаг войны неминуемо расширится и примет затяжной характер, а мы будем втянуты

---

⁴⁷ Цит. по: *Славинский Б.Н.* СССР и Япония – на пути к войне, с. 171.

в продолжительную войну»⁴⁸. В условиях ежедневно возрастающей напряженности в Европе, которая катилась к новой войне, советский вождь сосредоточил свое внимание на западных рубежах.

Заключение 23 августа 1939 г. советско-германского договора о нейтралитете («пакт Молотова–Риббентропа») сыграло несомненную роль в завершении необъявленной войны на Халхин-Голе в пользу Москвы. Гитлер и Риббентроп до последнего держали Японию в неведении относительно своих конкретных планов, поскольку ее правительство так и не откликнулось на призыв о заключении альянса. Через день после подписания пакта с Советским Союзом нацистский министр пропаганды Й. Геббельс записал в дневнике: «Японцы опоздали на автобус. Сколько раз фюрер убеждал их присоединиться к военному союзу, даже заявив им, что иначе будет вынужден объединить силы с Москвой... Теперь Япония полностью изолирована»⁴⁹. После подписания пакта о ненападении Риббентроп предложил Сталину свои услуги для урегулирования конфликта, на что тот ответил: «Советское Правительство действительно желает улучшить свои отношения с Японией, но что есть предел его терпению в отношении японских провокаций. Если Япония хочет войны, она может ее получить. Советский Союз не боится ее (войны) и готов к ней. Если Япония хочет мира – это намного лучше!»⁵⁰. Уже 20 августа советско-монгольские войска перешли в наступление, всего на несколько дней опередив Квантунскую армию. 25 августа они начали бои по расчленению и уничтожению окруженной японской группировки, завершив их к 31 августа. Но шок от советско-германского сближения оказался в Токио сильнее, чем от военного поражения.

Японские лидеры восприняли поступок нацистского руководства, пошедшего на договор с Москвой, как непростительное предательство и официально прервали переговоры об «укреплении» Антикоминтерновского пакта. «Известие о заключении Пакта о ненападении между СССР и Германией произвело здесь ошеломляющее впечатление, – сообщал 24 августа из Токио советский временный поверенный Н.И. Генералов, – приводя в явную растерянность, особенно военщину и фашистский лагерь»⁵¹. В то же время оно было с одобрением воспринято гоминьдановским режимом, «ибо этот договор укрепит Советский Союз и явится, несомненно, ударом по Японии»⁵². Оценив дипломатию Сталина как типичный пример макиавеллизма, К. Фусэ высказал сомнения в том, что советский вождь всерьез рассчиты-

⁴⁸ Цит. по: Там же, с. 174.

⁴⁹ Цит. по: Irving D. Goebbels. Mastermind of the Third Reich. L., 1996, p. 307.

⁵⁰ СССР – Германия. Кн. 1. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Вильнюс, 1989, с. 65–66.

⁵¹ Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 2. М., 1990, с. 322.

⁵² Там же, с. 327.

вал на равноправный союз с Англией и Францией, которые видели в СССР только средство давления на Германию и Италию, «подставляя» его в случае войны⁵³. 28 августа кабинет Хиранума подал в отставку, сославшись на то, что «в Европе создалась новая, сложная и запутанная обстановка» и что «возникла необходимость в отказе от прежней политики и в выработке нового политического курса». Причиной очевидного провала политики правительства и коллективной «потери лица» был не сам курс на союз с Берлином и Римом, но нежелание принимать решения, связывать себя конкретными обязательствами и брать на себя ответственность.

Начало войны в Европе отозвалось в Токио не столь сильно и болезненно. Позиция Японии не была прогерманской как из-за «предательства» Гитлера, так и с учетом дружеских отношений с Польшей, рассматривавшейся как потенциальный союзник в противостоянии с СССР. 4 сентября новый кабинет отставного генерала Н. Абэ опубликовал заявление о «неучастии в европейской войне». Наблюдатели сразу обратили внимание на выбор ключевого термина: «неучастие» (*мукайню*), а не «нейтралитет» (*тюрицу*). В следующем программном заявлении правительства от 13 сентября главной задачей внешней политики было названо урегулирование «Китайского инцидента» путем поддержки тех сил, которые согласятся на союз с Японией и Маньчжоу-го. На втором месте стояла нормализация отношений с Советским Союзом.

Еще 9 сентября посол С. Того передал в НКВД официальное предложение заключить перемирие, создать комиссии по демаркации границ и урегулированию возможных конфликтов, превратить район Халхин-Гола в демилитаризованную зону и подготовить торговый договор между СССР и Маньчжоу-го. На следующий день нарком иностранных дел В.М. Молотов сообщил ему о согласии советского правительства на создание комиссий, но предложил восстановить старую границу. 15 сентября было подписано соглашение о прекращении боевых действий, просьба о чем была передана через Того. В Токио его сразу оценили как «серьезный шаг к коренному урегулированию отношений Японии с СССР», поскольку «оно развязывает руки Японии в Китае и дает ей возможность удвоить свои усилия для достижения поставленной цели в Китае», и одновременно как «серьезный удар по Англии»⁵⁴. К этому времени в Европе уже две недели шла война, закончившаяся разгромом Польши. 17 сентября советские войска вступили в Западную Украину и Западную Белоруссию, координируя свои действия с вермахтом.

---

⁵³ *Katsuji Fuse. Rapprochement between Germany and the Soviet Union. – Contemporary Japan. Vol. VIII, № 7 (September 1939), p. 824–831.*

⁵⁴ Телеграмма временного поверенного в Токио Н.И. Генералова в НКВД 20 сентября 1939 г. – ДВП, т. XXII, кн. 2, с. 110.

Как справедливо отметил Б.Н. Славинский, «события 1939 года в Монголии представляли собой крупный вооруженный конфликт, не перешедший однако в войну, на что надеялись многие политики в Лондоне, Вашингтоне и Чунцине (столица режима Чан Кайши. – В.М.)»⁵⁵. Японское руководство извлекло уроки из своего военного и дипломатического поражения, отправив в отставку или понизив в должности все командование Квантунской армии и предписав их преемникам избегать любых «инцидентов» на границах с СССР и МНР. По мнению многих историков, в том числе не только японских, победа на Халхин-Голе отбила желание воевать против Советского Союза даже у наиболее экстремистки настроенных военных кругов, что сыграло свою роль два года спустя, летом 1941 г.

В последнее время события на Халхин-Голе, нередко именуемые «войной», стали вновь привлекать внимание японских и американских историков, которые делают акцент на их внешнеполитических аспектах и последствиях. Некоторые авторы утверждают, что Советский Союз не только препятствовал установлению официальных отношений между МНР и Маньчжоу-го (что соответствовало курсу Москвы на полное подчинение себе внешней политики Улан-Батора), но сознательно провоцировал конфликт этих государств с целью нанести удар по японским позициям в Китае. Отголоски этой точки зрения встречаются и в новой книге видного монголоведа К. Танака «Халхин-Гольская война. Монголия и Маньчжоу-го»⁵⁶ (54), которая содержит много интересных наблюдений и выводов и может считаться «последним словом» японской историографии по данному вопросу. Сторонники этой концепции, базирующейся на априорном утверждении об «агрессивности» внешней политики СССР, вынуждены признать, что не располагают ее документальным подтверждением по советским источникам и основываются главным образом на факте репрессий против той части монгольского руководства (председателя Совнаркома Гэндэна, наркома обороны Демиды), которая, по их мнению, занимала относительно «мягкую» позицию в отношении Японии. Однако и этот аргумент не выдерживает критики, поскольку репрессии против дипломатов, военных и партийных работников, которые выступали за сотрудничество с Германией (Н.Н. Крестинский, А.С. Енукидзе, К.Б. Радек, С.А. Бессонов, Д.В. Канделаки и мн. др.), в 1937–1938 гг. не помешали Сталину в 1939 г. нормализовать отношения с Берлином и заключить с Третьим Рейхом договоры о ненападении, а затем о дружбе и границе.

⁵⁵ Славинский Б.Н. СССР и Япония – на пути к войне, с. 180.

⁵⁶ Танака Кацухико. Номонхан сэно. Монгору то Мансюоку (Война на Халхин-Голе. Монголия и Маньчжоу-го). Токио, 2009.

Глава 3.

Советский Союз и Япония (1939–1945)

Советско-японские отношения в годы Второй мировой войны в иностранной историографии нередко называют «странным нейтралитетом»¹. Станным кажется то, что во время смертельной схватки двух глобальных блоков двое из их участников – причем ключевых, а не второстепенных – друг с другом не только не воюют, но поддерживают обычные рабочие контакты. Однако логика советско-японских отношений показывает, что ничего специфически «странного» в этом не было.

Вооруженный конфликт на реке Халхин-Гол, закончившийся поражением Квантунской армии в августе–сентябре 1939 г., подписание советско-германского пакта о нейтралитете и начало войны в Европе в целом оказали положительное воздействие на советско-японские отношения. Радикально настроенные круги, призывавшие к «обновлению» японской дипломатии путем союза с тоталитарными державами, устами своего главного теоретика Т. Сиратори агитировали за немедленное заключение японско-советского договора о ненападении². Однако голоса их оппонентов звучали не менее весомо. Политический аналитик М. Ито утверждал, что такой пакт будет иметь смысл лишь после урегулирования текущих проблем, к которым относил усиление советского военного присутствия на Дальнем Вос-

---

¹ Так озаглавлена лучшая иностранная работа по данной теме, во многих отношениях остающаяся непревзойденной: *Lensen G.A.. The Strange Neutrality: Soviet-Japanese Relations during the Second World War, 1941–1945*. Tallahassee, 1972.

² *Сиратори Т.* Осю-но син дзёсэй то Нихон-но татиба (Новая ситуация в Европе и положение Японии). – Тьюо корон. 1939. № 12; *он же* Осю тайсэн то Нихон-но тайдо (Великая европейская война и позиция Японии). – *Сиратори Т.* Нити-доку-и судзику рон («Ось» Япония-Германия-Италия). Токио, 1940, с. 15–36; Доку-и-со сангоку тэйкэй то осюсэн-но кису (Сотрудничество Германии, Италии и СССР и общая тенденция европейской войны). – Дзицугё-но сэкай. 1940. № 5 и др.

токе, поддержку Москвой режима Чан Кайши, отсутствие четкой границы между СССР и МНР, с одной стороны, и Маньчжоу-го, с другой, неурегулированное положение с рыболовной конвенцией и постоянные конфликты вокруг концессий на Северном Сахалине. Иными словами, условием заключения пакта он считал уступки со стороны СССР – отказ от политики, прямо или косвенно мешавшей реализации планов Японии³.

4 октября 1939 г. посол С. Того передал в НКВД предложения об общем установлении режима наибольшего благоприятствования в торговле и мореплавании. 13 ноября японская сторона сообщила о желании заключить с СССР рыболовную конвенцию и торговый договор, рассчитывая таким образом добиться прекращения советской помощи Чан Кайши. Первым значимым проявлением разрядки стало подписание В.М. Молотовым и С. Того протокола об очередном продлении рыболовной конвенции в новогоднюю ночь 1940 г. в Кремле. 9 июня и 26 августа 1940 г. нарком и посол поставили подписи под соглашениями об уточнении границы между МНР и Маньчжоу-го, дипломатично оговорив в преамбуле, что правительства самих граничащих стран с ним согласны.

Особую важность имела их встреча 2 июля 1940 г., когда Того предложил заключить пакт о нейтралитете сроком на пять лет и вручил Молотову утвержденный в Токио проект. Составленный по образцу советско-германского пакта о нейтралитете 1939 г., он подтверждал верность сторон Пекинской конвенции 1925 г. и их намерение «поддерживать мирные и дружественные отношения и уважать взаимную территориальную целостность» (ст. 1), а также предусматривал соблюдение нейтралитета, если другая сторона «несмотря на миролюбивый образ действий, подвергнется нападению третьей державы или нескольких других держав». Передав документ, Того добавил: «Если между Японией и СССР будет заключено соглашение о нейтралитете, то японское правительство не только надеется, но и твердо убеждено, что заключение такого соглашения окажет благоприятное влияние на рыболовный и концессионный вопросы и концессионные предприятия смогут нормально вести свою деятельность».

Реакция наркома была заинтересованной. «Тов. Молотов говорит, что по вопросу о заключении соглашения о нейтралитете он пока может высказать только свое личное предварительное мнение и сможет дать ответ на японские предложения после того, как этот вопрос будет обсужден Советским правительством. Основная мысль, высказанная Того, по мнению тов. Молотова, будет встречена Советским правительством положительно... Тов. Молотов считает правильным откровенное высказывание Того о желании японской стороны договориться по конкретным вопросам и ука-

³ *Masanori Ito*. Doubts about Japanese-Soviet Non-Aggression Pact. – *Contemporary Japan*. Vol. VIII, № 9 (November 1939), p. 1122–1124.

зывает, что по коренным и другим вопросам обе стороны могут договориться, если они будут считаться с интересами друг друга. Если такое разрешение вопроса является желательным для СССР, то оно является также желательным для Японии, тем более, что для Японии на юге Азии и на прилегающих к ней островах, в связи с теперешним положением Голландии, Франции и Англии, как с экономической, так и с военной точки зрения, возник ряд интересных вопросов. Вот почему, учитывая эту обстановку, обе страны, играющие большую роль в международной политической жизни, должны правильно учесть права и интересы друг друга и найти почву, чтобы сделать их отношения прочными и стабильными, в результате чего стабильность интересов была бы обеспечена должным образом».

Молотов намекнул, куда Японии надлежит направить свою экспансию и что Советский Союз против такого хода событий возражать не будет, рассчитывая на удовлетворение своих требований по актуальным для него вопросам. Москва хотела полностью ликвидировать концессии на Северном Сахалине и удалить японские рыболовные суда из своих территориальных вод, предпочитая монополизировать торговлю нефтью, углем и рыбой.

«Что же касается международной обстановки, продолжает тов. Молотов, то Того здесь прав. Обстановка меняется не только в Европе, Африке и Азии, но он может добавить, что эти изменения касаются также и Америки. Это показывает и подчеркивает то обстоятельство, что поскольку оба правительства заинтересованы в том, чтобы эти изменения в обстановке происходили не при пассивном отношении с обеих сторон, постольку и СССР, и Япония заинтересованы в том, чтобы ни Япония, ни СССР не были обижены в результате этих изменений. Чем лучше мы поймем друг друга на случай этих изменений, тем это будет более правильным для обеих сторон. Тов. Молотов добавляет, что до осени 1939 г. отношения между СССР и Германией были неважными, однако когда мы откровенно поговорили друг с другом и установили, что это невыгодно и не отвечает интересам обеих сторон, то СССР и Германия нашли возможным договориться и улучшить те моменты, в которых они были заинтересованы. Поэтому, подчеркивает тов. Молотов, при желании обеих сторон отношения между ними могут стать благоприятными, если при этом не будет ущерба взаимным интересам и правам. Проявленная сегодня инициатива японской стороны будет правильно понята и учтена, и пожелания Того найдут соответствующий отклик. В заключение тов. Молотов указывает, что если отношения между СССР и Японией будут стабилизированы, то и Америка будет более серьезно считаться как с интересами СССР, так и с интересами Японии... Тов. Молотов заявляет, что задержки с ответом Советского правительства не будет. Нужно заботиться только о хорошем соглашении и взаимном со-

гласовании интересов, что особенно важно в данной обстановке»⁴. Это был самый положительный и самый конкретный ответ, который мог дать Молотов до разговора со Сталиным. Однако дальше наступила пауза: советское правительство было занято событиями в Прибалтике.

5 августа Того посетил Молотов и, напомнив о сделанном месяц назад предложении, попросил ускорить ответ⁵. 14 августа ответ был дан: «Настоящим Советское правительство подтверждает свое положительное отношение к идее заключения предложенного японским правительством соглашения о нейтралитете между СССР и Японией, если при этом будут учтены интересы не только Японии, но также и СССР... Советское правительство считает необходимым заявить, что интересы СССР и Японии, в том числе интересы соглашения о нейтралитете, прежде всего, требуют того, чтобы урегулировать некоторые существенные вопросы советско-японских отношений, наличие которых в неразрешенном состоянии является и будет являться серьезным препятствием на пути к желательному улучшению взаимоотношений между обеими странами». Главные возражения вызвали сноски на Пекинскую конвенцию как на основу двусторонних отношений. Во-первых, она предусматривала оставление в силе Портсмутского договора 1905 г., который Япония нарушила, оккупировав Маньчжурию в 1931–1932 гг. Во-вторых, Москва хотела ликвидировать концессии на Северном Сахалине, появившиеся благодаря этой конвенции. СССР намеревался «отыграть» уступки, на которые ему пришлось пойти пятнадцать лет назад. Статьи 2 и 3 были приняты.

«Советское правительство считало также необходимым отметить то важное обстоятельство, что предлагаемый договор предоставляет Японии максимум выгод, улучшает ее позиции на севере для того, чтобы она могла развить активные действия на юге, тогда как для СССР, который как страна не воюющая получает лишь незначительную выгоду, должны возникнуть новые сложные вопросы в его взаимоотношениях с другими державами. Заключая с Японией договор о нейтралитете, СССР рискует ухудшить в известной степени свои отношения с Китаем и с рядом государств, имеющих серьезные интересы в бассейне Тихого океана и Южных морей, что, следовательно, может нанести Советскому Союзу существенный ущерб, и не только экономический. Между тем японское правительство, выдвигая предложение о заключении договора о нейтралитете, не проявляет внимания к этому обстоятельству, затрагивающему

⁴ Документы внешней политики СССР. Т. XXIII. Кн. 1. М., 1964, с. 400–407 (далее – ДВП).

⁵ Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг. М., 1995, с. 51. В этой книге впервые введены в научный оборот важнейшие советские документы по истории двусторонних отношений в 1940–1945 гг. Сохранившиеся японские документы положены в основу книги: Кудо Митихиро. Ниссо тюрицу дзёяку-но кэнкю. (Исследование японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 1985.

важные интересы СССР, чья мирная политика всегда учитывает также интересы соседних государств. В виду вышесказанного Советское правительство раньше, чем заключить соглашение с Японией о нейтралитете, хотело бы получить от японского правительства разъяснение о его позиции по вопросу о мерах, могущих свести к минимуму тот ущерб интересам СССР, который может быть нанесен Советскому Союзу заключением договора о нейтралитете между СССР и Японией»⁶. Составители «Документов внешней политики» по неизвестным причинам проигнорировали этот очень важный текст, как и многие другие, цитируемые ниже.

Пока в Москве готовился официальный ответ, в Токио принц Ф. Коноз сменил адмирала М. Ёнаи на посту премьер-министра, а экс-президент ЮМЖД Ё. Мацуока возглавил МИД вместо Х. Арита, пытавшегося балансировать между противоборствующими коалициями. Курс Мацуока предусматривал союз с Берлином и Римом, активную экспансию на юг и улучшение отношений с СССР. Правда, второе он чуть не сорвал, отозвав Того (в МИД шла большая кадровая перетряска) и заменив его отставным генералом Ё. Татэкава.

5 сентября в беседе с Того, «касаясь Портсмутского договора, тов. Молотов говорит, что в целом такой договор не может быть базой для развития японо-советских отношений, ибо он в своих существенных частях не просто не выполнен, а нарушен. Кроме того, в ряде существенных пунктов он устарел и не соответствует обстановке. Если не считаться с этим и не считаться с изменениями, происшедшими в положении СССР и Японии, то такой подход к делу ничего хорошего не может дать. Если Япония думает строить свои отношения с СССР на базе Портсмутского договора, заключенного после поражения России, то это глубокая ошибка. Нельзя делать Портсмутский мир, заключенный после поражения России и напоминающий собой Версальский мир, базой для развития хороших отношений между СССР и Японией... Пора признать, что должна быть найдена такая основа, которая не была бы похожа на основу, существовавшую 25 или 15 лет тому назад, ибо с тех пор много воды утекло, и в положении СССР произошли соответствующие изменения. Поэтому СССР ни в коей мере не может считать основой этот договор, и он ищет новую, действительную базу для развития более нормальных и более благожелательных отношений, и если Япония хочет этого же, то СССР пойдет навстречу Японии и это будет соответствующим образом отражено в рыболовной Конвенции. Если японским правительством это не будет понято, то, значит, не будет понята необходимость устранения устаревших препятствий, лежащих на пути улучшения японо-советских отношений»⁷.

---

⁶ Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете, с. 51–53 (в ДВП не включено).

⁷ ДВП, т. XXIII, кн. 1, с. 572–577.

17 октября, во время прощального визита Того к Молотову, разговор зашел о Тройственном пакте Японии, Германии и Италии, заключенном 25 сентября. Посол заявил, что он «ничуть не затрагивает политику СССР», т.е., надо полагать, никак ему не угрожает, поскольку вовсе «не затрагивать» интересы самой большой евразийской державы он не мог. Молотов ответил уклончиво: «Поскольку можно судить по теперешним данным, пакт не является препятствием для улучшения и дальнейшего развития отношений (СССР. – В.М.) с державами, подписавшими пакт. Вместе с тем тов. Молотов подчеркнул, что пока тот пакт еще не дал и таких результатов, которые свидетельствовали бы о благоприятном влиянии пакта на развитие отношений участников пакта с другими странами»⁸.

Новый посол прибыл в Москву 23 октября, но еще до приезда сделал заявление, что не будет продолжать переговоры, которые вел Того, а начнет новые. 22 октября «Нью-Йорк таймс» опубликовала сенсационное сообщение из Токио о том, что именно Татэкава предложит Советскому Союзу взаимное признание де-юре Маньчжоу-го и МНР как сателлитов Японии и СССР, но с открытием в Синьцзине (бывший Чанчунь) и Улан-Баторе дипломатических миссий; взаимный отвод войск от границы; признание Японией советского приоритета в Синцзяне⁹. Эти сюжеты позднее, действительно, возникли в ходе переговоров, но предложения, которые Татэкава 30 октября сообщил наркому, были иными. Они предусматривали договор о ненападении, аналогичный советско-германскому пакту 1939 г.:

«Статья 1. Обе договаривающиеся стороны обязуются взаимно уважать их территориальные права и не предпринимать никакого агрессивного действия в отношении другой стороны ни отдельно, ни совместно с одной или несколькими третьими державами.

Статья 2. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав, другая сторона не будет поддерживать ни в какой форме эти третьи державы.

Статья 3. Правительства обеих договаривающихся сторон будут поддерживать в будущем тесный контакт друг с другом для обмена информацией или для консультаций по вопросам, затрагивающим общие интересы обоих правительств.

Статья 4. Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

Статья 5. В случае возникновения между договаривающимися сторонами споров и конфликтов по вопросам того или иного рода таковые споры

⁸ Там же, с. 677–679.

⁹ New York Times. 22.09.1940.

и конфликты будут разрешаться исключительно мирным путем в порядке дружественного обмена мнениями или в нужных случаях путем создания комиссии по урегулированию конфликта.

Статья 6. Настоящий пакт вступает в силу со дня его подписания и сохраняет силу в течение десяти лет. Если ни одна из договаривающихся сторон не денонсирует его за год до истечения указанного срока, настоящий Пакт будет считаться автоматически продленным в своем действии на следующие пять лет».

Записи этой беседы не опубликованы, и ее содержание известно лишь из телеграммы Молотова полпреду в Токио К.А. Сметанину. Японцы предложили «дипломатический блицкриг»: сначала заключить договор, а прочие вопросы решать потом. Принимая аналогию, нарком решил довести ее до логического завершения: «Напомнив послу, что в 1939 году между СССР и Германией не просто был подписан пакт о ненападении, но одновременно была достигнута договоренность о существенных интересах обеих сторон, я сказал, что в связи с этим хотел бы получить пояснения по вопросам, затронутым в нашем ответе от 14 августа... Татэкава ответил, что японское правительство желает заключить пакт без каких-либо компенсаций»¹⁰.

Очередная встреча Молотова и Татэкава состоялась 18 ноября. Нарком только что вернулся из Германии, где вел переговоры с А. Гитлером и И. фон Риббентропом, которые предложили СССР присоединиться к Тройственному пакту. «Сославшись на свои беседы в Берлине, – сообщал Молотов Сметанину, – я сказал, что из бесед с Риббентропом мне стало известно, что Япония действительно готова сделать шаг вперед в деле улучшения советско-японских отношений и готова пойти на широкое совещание с СССР, и тем самым у меня отпали сомнения, которые я раньше имел насчет действительного желания японского правительства улучшить отношения с СССР. Я сказал Татэкава, что от Риббентропа мне стало известно, что Япония готова признать сферой интересов Советского Союза Внешнюю Монголию (МНР. – В.М.) и Синьцзян, а также готова пойти навстречу СССР в вопросе о ликвидации японских концессий на Северном Сахалине. Однако, заявил я, последнее предложение японского правительства о пакте ненападения может вызвать известные затруднения со стороны самой же Японии. Дело в том, что, как известно, заключение пакта о ненападении с Германией в 1939 году привело к тому, что СССР вернул ряд территорий, ранее утерянных нашей страной, а потому общественное мнение нашей страны заключение пакта о ненападении с Японией также, естественно, будет связывать с вопросом о возвращении утерянных территорий. Если поставить вопрос о заключении пакта о ненападении между СССР и Япо-

---

¹⁰ *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете, с. 57–59 (в ДВП не включено).

нией, то обязательно встанет и вопрос о возвращении Советскому Союзу таких утерянных ранее территорий, как Южный Сахалин, Курильские острова и уж во всяком случае, на первый раз как минимум встанет вопрос о продаже некоторой группы северной части Курильских островов».

Однако Сталин и Молотов придерживались *Realpolitik* и, понимая неприемлемость данного варианта для Японии, предложили еще один: «Если Япония считает целесообразным поднимать эти территориальные вопросы, то тогда можно будет говорить относительно заключения пакта о ненападении, но так как я не уверен, что Япония будет считать это целесообразным, то со своей стороны считаю возможным сейчас¹¹ не будоражить много вопросов, а заключить вместо пакта о ненападении пакт о нейтралитете и подписать отдельно протокол о ликвидации японских нефтяной и угольной концессий. При этом я указал, что пакт о нейтралитете с одной стороны достаточен для того, чтобы сделать серьезный шаг в деле улучшения японо-советских отношений, а с другой стороны он обеспечивает все необходимое для развязывания рук Японии для ее деятельности на юге. Я пояснил, что в случае заключения пакта о нейтралитете не потребуются ставить таких вопросов, как вопрос о Внешней Монголии, где и базируются наши войска, и о Синьцзяне, постановку которого мы считаем нецелесообразным, а также вопросы о возврате утерянных нами территорий».

После этого Молотов вручил послу проект пакта сроком на пять лет, по которому стороны обязались «поддерживать мирные и дружественные отношения и взаимно уважать территориальную целостность» (ст. 1), соблюдать нейтралитет «в случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны одной или нескольких третьих держав» (ст. 2; обратим внимание: «военных действий», а не «агрессии» или «нападения»). Ст. 3 предусматривала, что «если ни одна из договаривающихся сторон не денонсирует пакт за год до истечения срока, он будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет». Одновременно с пактом предлагалось подписать протокол о ликвидации концессий на условиях перехода имущества этих предприятий в собственность СССР за «справедливую компенсацию» и гарантированные поставки около 100 тысяч тонн нефти ежегодно в течение пять лет¹².

Ответ был дан немедленно: заявив об «исключительной сложности», что в японском языке означает «невозможность», ликвидации концессий, Мацуока 20 ноября предписал Татэкава сделать предложение о продаже Северного Сахалина. На следующий день посол передал это Молотову. «Японское правительство считает, – говорится в советской записи беседы, –

¹¹ Из контекста непонятно, значило ли это «сейчас», что территориальные проблемы остаются, но решение их откладывается на будущее.

¹² ДВП, т. XXIII, кн. 2, с. 111–113.

что проект пакта о нейтралитете заслуживает изучения, а проект протокола о ликвидации концессий является абсолютно неприемлемым. Японское правительство предлагает Советскому Союзу продать Японии Северный Сахалин с тем, чтобы положить конец спорам между СССР и Японией».

Далее посол развернул давно отработанную аргументацию: «Когда т. Молотов говорил о возвращении некоторых утерятых территорий и указывал, в частности, на Южный Сахалин и Курильские острова, то уже тогда это вызвало большое удивление посла. Северный Сахалин, продолжает Татэкава, в свое время принадлежал Японии, но ввиду большой занятости Японии внутренним устройством своей страны в эпоху Мэйдзи ей в 1875 году пришлось пойти на большую уступку и передать Сахалин России. Позднее Япония по мирному договору 1905 года возвратила [себе] южную часть Сахалина. В 1920 году в связи с инцидентом в Николаевске на Дальнем Востоке Северный Сахалин был оккупирован Японией в качестве гарантии, и в 1925 году во время заключения Пекинской конвенции, когда советская сторона выразила искреннее сожаление об этом инциденте, японское правительство согласилось эвакуировать Северный Сахалин за счет предоставления советским правительством нефтяной и угольной концессий Японии. Все эти исторические факты, указывает Татэкава, ясно говорят о заинтересованности Японии в Сахалине, и в данном случае право возврата утерятых территорий скорее принадлежит Японии. Права Японии на концессии Северного Сахалина и на рыболовство являются политическими правами, в корне отличаясь от тех [концессионных] прав, которые СССР предоставляет другим иностранным государствам».

Следующий аргумент посла был более уместен: «Напомнив слова т. Молотова, сказанные им в беседе 18 ноября о том, что после заключения советско-германского пакта о ненападении без возвращения утерятых территорий нельзя заручиться согласием советского народа на заключение пакта о ненападении, Татэкава указывает, что этот возврат утерятых территорий имел место за счет третьих держав, а не за счет Германии, и потому это в корне отличается от возвращения тех территорий, которые требуют от Японии, и это наносит ущерб Японии». Молотов парировал: «Когда Татэкава говорил, что при заключении пакта о ненападении с Германией речь шла о территориях за счет третьих стран, то это не совсем так, ибо там были и территории, на которые претендовала Германия (претендовала, но не владела ими к моменту заключения договора. – В.М.), но о которых обе стороны договорились».

В итоге посол оказался в тупике. Нарком решил «помочь» ему, напомнив, что вопрос об «утерянных» территориях сейчас не ставится. «Сейчас актуальным вопросом т. Молотов считает вопрос о ликвидации нефтяной и угольной концессий, считая этот вопрос выгодным для обеих стран, и в ре-

зультате чего Япония ничего серьезно не теряет, а советская сторона обязуется поставлять нефть в тех же количествах, в каких Япония добывает сейчас... Далее т. Молотов говорит, что он считает, что международная обстановка складывается одинаково благоприятно как для СССР, так и для Японии, особенно если Япония и СССР найдут общий язык и установят взаимное понимание»¹³.

Собеседники расстались в ожидании ответа из Токио, но иллюзий у Молотова не было. 22 ноября он телеграфировал Сметанину: «Беседа показала, что пока с нашими переговорами ничего не выходит. Мы, во всяком случае, подождем, ускорять события не имеем желания»¹⁴. Относительно предполагаемой реакции нарком не ошибся. Беседа с Татэкава 13 декабря, посвященная в основном вопросам рыболовства, прошла на повышенных тонах. «Т. Молотов подчеркивает, что если Япония думает оставить без изменений на веки вечные Портсмутский договор, на который в Советском Союзе смотрят так же, как в Западной Европе смотрят на Версальский договор, то это является грубой ошибкой... О принятии предложения, сделанного Татэкава, не может быть и речи»¹⁵. В тупик зашли не только переговоры о пакте, но двусторонние отношения в целом. Москва дала понять, что ждет радикальных решений.

3 февраля 1941 г. Мацуока представил кабинету министров «Основные принципы ведения переговоров с Германией, Италией и Советским Союзом», предполагавшие заключение четырехстороннего пакта. В отношении СССР проект содержал следующие позиции: «1) Продажа Японии Северного Сахалина (с помощью давления Германии на Советский Союз), или, если это окажется невозможным, поставка Японии 1,5 млн. тонн советской нефти, даже если потребуются оказать помощь СССР со стороны японского правительства в добыче. 2) Японское признание советских позиций в Синьцзяне и Внешней Монголии (Монгольской Народной Республике) в ответ на советское признание японских позиций в Северном Китае и Внутренней Монголии; отношения между Синьцзяном, Внешней Монголией и СССР будут решаться между СССР и Китаем (правительством Ван Цзинвэя. – В.М.). 3) Прекращение советской помощи Чан Кай-ши. 4) Создание комиссии из представителей Маньчжоу-го, СССР и Внешней Монголии для определения границы и разрешения конфликтов. 5) Заключение рыболовного соглашения на основе предложений Татэкава о конвенции или аннулирование японских рыболовных концессий, если это окажется необходимым для урегулирования дипломатических отношений между СССР и Японией. 6) Предоставление Советским Союзом

¹³ Там же, с 116–120.

¹⁴ Там же, с. 126.

¹⁵ Там же, с. 190–193.

железнодорожных вагонов и фрахтовых скидок для обеспечения крупномасштабной японско-германской торговли»¹⁶.

Результатом стало решение отправить Мацуока в Москву, Берлин и Рим. 11 февраля министр сообщил полпреду Сметанину, что «предполагал бы встретиться в Москве с руководителями нашего правительства и нашими вождями. На мой вопрос, на сколько времени рассчитана его поездка, Мацуока ответил, что при первом проезде через Москву он планирует остановиться в ней на один день, чтобы встретиться и познакомиться с т. Молотовым, а при возвращении намерен задержаться в Москве на 3–4 дня с тем, чтобы встретиться и подробно побеседовать как с т. Молотовым, так и другими руководителями правительства и советскими вождями... При этом Мацуока несколько раз просил меня сохранить в тайне его сообщение о желании встретиться в Москве с советскими вождями. Он мотивировал свою просьбу тем, что якобы в Японии имеется не малое количество противников сближения с Советским Союзом, которые, узнав, о предполагаемой встрече Мацуока с руководителями советского правительства, могут создать большие помехи в деле сближения Японии с СССР. С другой стороны, по заявлению Мацуока, он не хотел бы, чтобы об этой встрече также знали [заранее] США и Англия. Тут же Мацуока добавил, что о его поездке в Москву, о задержке там в японской прессе ничего не будет опубликовано, поэтому он еще раз попросил меня эту часть беседы сохранить в тайне»¹⁷. 18 марта Татэкава принес Молотову программу визита. Мацуока просил уже о двух встречах со Сталиным – до поездки в Берлин и после, т.к. возвращался домой тоже по Транссибирской магистрали. Понимая планы и намерения гостя, нарком не возражал, но сослался на необходимость согласовать вопрос с самим Сталиным¹⁸.

23 марта Мацуока прибыл в Москву. Как он и просил, газетные сообщения были краткими и подчеркивали, что министр находится в СССР проездом. На следующий день он встретился с Молотовым. После обмена приветствиями Мацуока, «разъясняя цели своей поездки в Европу, говорит, что идея посещения Берлина и Рима у него возникла в связи с заключением пакта трех держав и в целях обмена мнениями с руководителями Германии и Италии... Отношения с СССР для Японии также являются важными, и свою нынешнюю поездку в Берлин и Рим он хочет использовать для встречи с руководителями Советского Союза... После этого Мацуока переходит к японо-советским отношениям. Он говорит, что убежден в том, что японо-советские отношения должны быть улучшены».

---

¹⁶ Цит. по: *Lensen G.A.* The Strange Neutrality, p 11–12.

¹⁷ *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете, с. 67–69 (в ДВП не включено).

¹⁸ ДВП, т. XXIII, кн. 2, с. 485–486.

О конкретных вещах гость предложил поговорить по возвращении из Берлина и напомнил о встрече со Сталиным.

Молотов позвонил вождю, который пришел через десять минут. Мацуока долго распространялся о своих усилиях по улучшению двусторонних отношений и лишь под конец перешел к делу – к войне в Китае. «Япония ведет войну не с китайским народом, а с англосаксами, т.е. с Англией и Америкой. Япония, продолжает Мацуока, ведет войну с капитализмом и индивидуализмом, а Чан Кайши является слугой англосаксонских капиталистов. Поэтому японо-китайский конфликт нужно рассматривать именно под таким углом зрения... Без уничтожения англосаксонской идеологии нельзя будет создать нового порядка, не считаясь при этом с мелкими интересами». В ответ Сталин заметил, что «какова бы ни была идеология в Японии или даже в СССР, это не может помешать практическому сближению двух государств, если имеется взаимное желание обеих сторон... Что же касается англосаксов, говорит т. Сталин, то русские никогда не были их друзьями, и теперь, пожалуй, не очень хотят с ними дружить»¹⁹.

В Берлине визитер узнал от Риббентропа, что о присоединении СССР к Тройственному пакту, на которое Сталин дал согласие в конце ноября 1940 г., речь уже не идет. «Мацуока спросил, рассматривал ли вообще фюрер возможность российско-японско-германского союза. Имперский Министр иностранных дел ответил отрицательно и сказал, что близкое сотрудничество с Россией абсолютно невозможно». По словам Риббентропа, отношения между Москвой и Третьим Рейхом «являются, безусловно, корректными, но не слишком дружескими. После визита Молотова, когда ей было сделано предложение о присоединении к Тройственному пакту, Россия выставила неприемлемые условия... Если Россия займет такую позицию, которая может представлять опасность для Германии, фюрер сокрушит ее»²⁰.

7 апреля Мацуока снова был в Москве и встретился с Молотовым, сразу же перейдя к главному. «Он смотрит на улучшение отношений с СССР не с точки зрения временных интересов и временной политики, а с точки зрения улучшения отношений на 50–100 лет... Возникают следующие вопросы: во-первых, как сохранить такие отношения между обеими странами; во-вторых, какие отношения между нашими странами могут способствовать такой политике в Азии; и, в-третьих, какие отношения с СССР могут быть полезными для Японии с учетом интересов другого партнера... Судьбу Азии решают две силы – Япония и СССР. Что лучше для Азии, чтобы эти две силы, являющиеся решающими элементами в Азии, ссорились или

¹⁹ Там же, с. 497–502.

²⁰ Documents on German Foreign Policy. 1918–1945. From the Archives of the German Foreign Office. Series D: 1937–1945. Vol. XII, p. 408, 379.

дружили между собой?... Если исходить из интересов Японии и интересов СССР, то, несомненно, что ссора между Японией и СССР будет большим несчастьем и не принесет никакой пользы ни одной из сторон. Дружба, подчеркнул Мацуока, дает взаимные выгоды». Наконец, он предложил решить все проблемы разом: заключить новый всеобъемлющий договор (добавив, что о денонсации Портсмутского мира и Пекинской конвенции «нельзя ставить вопроса»), сохранить концессии, продать Северный Сахалин и завершить работу пограничных комиссий. Молотов повторил то, что ранее излагал японским послам. Советский Союз серьезно относится ко всем пактам, которые заключает, и не его вина, что пакт о ненападении был отвергнут. «Если японское правительство хочет сделать крупный политический шаг в отношении СССР, а советское правительство в свою очередь желает этого, то в данный момент обе стороны могли бы договориться о заключении Пакта о нейтралитете, и тогда вопросы, требующие длительного обсуждения, не нужно было бы затрагивать. При этом пришлось бы договориться только о ликвидации нефтяной и угольной концессий на Северном Сахалине с компенсацией за те вложения, которые там сделаны японскими концессионерами, и с обязательством Советского Союза о поставках Японии определенного количества нефти в течение ряда лет. Это дало бы большой резонанс во всем международном развитии и было бы полезно для обеих стран... В СССР смотрят на Портсмутский договор примерно с таким же чувством, как в Германии относятся к Версальскому договору». Северный Сахалин не продадим, а лучше купим Южный и «некоторые группы северных Курильских островов». Трехчасовая беседа оказалась безрезультатной. Министры договорились только о продолжении переговоров и переносе отъезда Мацуока на 13 апреля²¹.

Следующий разговор 9 апреля был намного значительнее. Мацуока «решил взять обратно свое предложение – заключить пакт о ненападении и согласиться на предложение Молотова – заключить пакт о нейтралитете. За время пребывания в Москве он смог бы вместе с Татэкава подписать только пакт о нейтралитете без всяких дополнительных условий». Молотов снова выставил непременным условием подписания договора ликвидацию концессий, но оставил за японской стороной право выбирать форму документа (открытый или конфиденциальный протокол). «То, что Япония и СССР заключат политическое соглашение, будет хорошо, – суммировал нарком, – но будет плохо, если на следующий день начнутся инциденты вокруг концессий, что будет портить политические отношения. Зачем оставлять эту занозу?»²²

---

²¹ Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете, с. 75–83 (в ДВП не включено).

²² Там же, с. 83–87 (в ДВП не включено).

Третья беседа 11 апреля снова не дала результатов. Мацуока заявил, что санкции на ликвидацию концессий у него нет, но «в качестве компромисса» предложил передать Молотову при подписании пакта специальное письмо, в котором говорилось бы о скором заключении торгового и рыболовного соглашений и о готовности сторон решить спорные вопросы относительно концессий «в духе примирения и взаимных уступок». Молотов ответил, что позиция СССР остается прежней: ликвидация концессий является необходимым условием заключения пакта; «торговое соглашение уже более или менее подготовлено к подписанию, и, конечно, для решения этого вопроса большое значение имело бы урегулирование политического вопроса»²³.

«Дипломатический блицкриг» не состоялся. Однако вечером 12 апреля гостя неожиданно пригласили к Сталину, и в течение следующих часов были приняты решения огромной важности.

После обмена любезностями «Мацуока говорит, что Молотов, видимо, уже докладывал ему о том, что Мацуока хотел бы за время своего пребывания в СССР заключить пакт о нейтралитете, но без всяких условий, в порядке дипломатического блицкрига. Мацуока считает подписание пакта о нейтралитете полезным и целесообразным не только для Японии, но и для СССР и полагает, что было бы эффективным подписать пакт именно в данный момент. Завтра он покидает столицу СССР, хотя ему и досадно, что пакт не подписан. Тем не менее его пребывание в СССР дало ему многое».

Перейдем к конкретным заявлениям японского министра.

«Первое. Из того, что Япония имеет с Германией союзный договор, не вытекает, что Японии нужно связывать силы СССР. Наоборот, если что-нибудь произойдет между СССР и Германией, то он предпочитает посредничать между СССР и Германией. Япония и СССР являются пограничными государствами, и он хотел бы улучшения отношений между Японией и СССР. Тов. Сталин бросает реплику – „пакт трех не помешает этому?“ Мацуока отвечает, что, наоборот, заключение пакта с Германией должно улучшить японо-советские отношения и в таком смысле он говорил в Берлине с Риббентропом...

Второе. Коренное разрешение отношений между Японией и СССР нужно разрешить под углом зрения больших проблем, имея в виду Азию, весь мир, не ограничиваясь и не увлекаясь мелочами. Если так подходить к коренному разрешению японо-советских отношений, то мелкие вопросы могут быть разрешены с течением времени и мелкими вопросами можно будет даже пожертвовать. Если бы такой маленький островок, как Сахалин, говорит Мацуока, потонул в море, то это не оказало бы влияния на японо-советские отношения. Мацуока далее указывает, что если он так говорит,

²³ Там же, с. 88–90 (в ДВП не включено).

то это не значит, что он считает ненужным разрешать мелкие вопросы. Эти вопросы также нужно разрешать, но не сейчас, а впоследствии...

Гость перешел к „освобождению” Азии от англосаксов, но его пригласили не для этого. Тов. Сталин говорит, что СССР считает принципиально допустимым сотрудничество с Японией, Германией и Италией по большим вопросам. Об этом т. Молотов заявлял г-ну Гитлеру и Риббентропу, когда он был в Берлине и когда стоял вопрос о том, чтобы пакт трех сделать пактом четырех. Г-н Гитлер заявил тогда т. Молотову, что он в военной помощи пока не нуждается. Но пакт четырех есть пакт взаимопомощи. Если Германия не нуждается в помощи, то это значит, что пакт четырех еще не назрел... Тов. Сталин считает ввиду этого, что только в том случае, если дела Германии и Японии пойдут плохо, может встать вопрос о пакте четырех и о сотрудничестве СССР по большим вопросам. Поэтому... мы и ограничиваемся теперь вопросом о пакте нейтралитета с Японией. Этот вопрос, безусловно, назрел. Это будет первый шаг, и серьезный шаг, к будущему сотрудничеству по большим вопросам».

Советский вожь сделал заявление исключительной важности. Во-первых, не имея ответа из Берлина на свои ноябрьские контр-предложения по «пакту четырех», он дал понять прямо – Мацуока, косвенно – Риббентропу и Гитлеру, что не отказывается в принципе от идеи «евразийского блока». Во-вторых, он показал, что считает пакт с Японией не двусторонним «сепаратным миром», но новым шагом на пути к построению полноценной «оси», начатому советско-германскими договорами августа-сентября 1939 г. Верил ли он в это на самом деле, вопрос другой. Есть основания полагать, что не верил и хотел застраховать СССР от войны на два фронта. По проекту пакта разногласий не возникло. Остались концессии, и тут советский лидер сделал решающий ход.

«Тов. Сталин говорит, что все беседы, которые вел Мацуока с т. Молотовым, и сегодняшняя вторая его беседа с Мацуока убедили его в том, что в переговорах о пакте нет дипломатической игры, а что действительно Япония хочет серьезно и честно улучшить отношения с СССР... Он не хотел бы затруднять положение Мацуока, который вынужден довести до конца борьбу со своими противниками в Японии и готов облегчить его положение, чтобы он, Мацуока, добился здесь дипломатического блицкрига». Сталин согласился на конфиденциальное письмо о ликвидации концессий вместо протокола, но предложил определить срок выполнения договоренности в два-три месяца. Японский министр снова заговорил о продаже Северного Сахалина, «но так как СССР не соглашается, то ничего не поделаешь». В течение нескольких минут были согласованы последние поправки к тексту письма²⁴. Мацуока

---

²⁴ ДВП, т. XXIII, кн. 2, с. 560–565.

попросил обеспечить ему немедленную телеграфную связь с Токио, что и было сделано. Премьер Коноэ, в обход кабинета и Тайного совета, напрямую запросил санкцию на подписание договора у императора и сразу же получил ее.

Заключенный 13 апреля 1941 г. советско-японский пакт о нейтралитете был практически идентичен тексту, который Молотов передал Татэкава 18 ноября 1940 г. Положение о МНР и Маньчжоу-го, которое Мацуока предлагал внести в статью 1, отражено в специальной декларации, подписанной и опубликованной вместе с договором: «В соответствии в духом Пакта о нейтралитете, заключенного 13 апреля 1941 года между СССР и Японией, Правительство СССР и Правительство Японии, в интересах обеспечения мирных и дружественных отношений между обеими странами, торжественно заявляют, что СССР обязуется уважать территориальную целостность и неприкосновенность Маньчжоу-Го, а Япония обязуется уважать территориальную целостность и неприкосновенность Монгольской Народной Республики». Предложение гостя о признании Советским Союзом Маньчжоу-го де-юре отклика не нашло. Вопрос о признании Японией МНР не ставился.

Проблеме концессий было посвящено совершенно секретное письмо Мацуока Молотову о том, что «торговое соглашение и рыболовная конвенция будут заключены очень скоро и что при ближайшей возможности мы... в духе примирения и взаимных уступок постараемся разрешить в течение нескольких месяцев вопрос, касающийся ликвидации концессий на Северном Сахалине... с целью ликвидировать любые вопросы, которые не способствуют поддержанию сердечных отношений между обеими странами»²⁵. Письмо и воспроизводивший его, как принято в дипломатической практике, ответ Молотова не имели формальной договорной силы и публикации не подлежали, поэтому открыто ссылаться на них было невозможно. Мацуока пообещал скорую ликвидацию концессий под свое честное слово. Сталин и Молотов согласились на этот риск, поскольку теперь Советскому Союзу договор был нужен не меньше, чем Японии. 25 апреля пакт был одновременно ратифицирован Верховным советом СССР и императором Японии.

Сразу по заключении договора Коноэ заявил, что он «имеет эпохальное значение для отношений между Японией и Советским Союзом и будет значительно способствовать установлению мира во всем мире»²⁶. 10 мая Р. Зорге сообщил в Центр из Токио, что «Генштаб и вся японская армия, в том числе генерал Умэдзу (командующий Квантунской армией. – В.М.), согласны с советско-японским пактом»²⁷. Испытали облегчение и в Москве: ни Япония, ни Советский Союз в то время войны не хотели и нападать

²⁵ Там же, с. 565–567.

²⁶ Contemporary Japan. Vol. X, № 5 (May 1941), p. 704.

²⁷ Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. М., 2000, с. 117.

друг на друга не собирались, но совершенно не исключали возможности подобных действий противной стороны. В других странах реакция оказалась более чем нервной. В равной мере, хоть и по разным причинам были встревожены Чан Кайши и Ван Цзинвэй, Гитлер и Рузвельт.

Нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. создало принципиально новую ситуацию в масштабах Евразии. Еще 14 мая Татэкава поинтересовался мнением Молотова насчет слухов о предстоящем конфликте с Германией. Нарком ответил, что они «распространяются враждебными и недоброжелательными как для СССР, так и для Германии элементами». Посол забеспокоился: «Если бы вдруг произошло столкновение или война между Германией и СССР, то Советский Союз поневоле должен был бы сотрудничать с Англией и США». Молотов парировал: «Для беспокойства нет причины, и если бы кто думал, что действительно есть почва для беспокойства, то обе стороны нашли бы способ устранить причины, вызывающие это беспокойство»²⁸.

Когда гром грянул, полпред К.Ф. Сметанин сразу же задал Мацуока главный вопрос: будет ли Япония соблюдать пакт о нейтралитете? «Мацуока уклонился от прямого ответа... и тут же подчеркнул, что основой внешней политики Японии является тройственный пакт и, если настоящая [советско-германская] война и пакт о нейтралитете будут находиться в противоречии с этой основой и с тройственным пактом, то пакт о нейтралитете „не будет иметь силы“. Но что окончательно позиция Японии выяснится после завтрашнего (25 июня)²⁹ заседания кабинета»³⁰. Японская политика, похоже, собиралась сделать крутой поворот. 26 июня Зорге сообщал: «Мацуока сказал германскому послу Отту, что нет сомнений, что после некоторого времени Япония выступит против СССР». Однако в следующей шифровке, посланной в тот же день, говорилось: «Германский посол Отт не имеет приказа давить на Японию вступать в войну»³¹.

29 июня В. Молотов прямо спросил Татэкава о позиции Японии. «Татэкава отвечает т. Молотову, что он еще не имеет об этом сообщения от своего правительства. Если же говорить о мнении министра иностранных дел Мацуока, то он искренне и сердечно думал о создании блока держав – СССР, Япония, Германия и Италия – и всячески хотел избежать возникновения этой войны. Татэкава далее говорит, что японское правительство находится в трудном положении, так как, с одной стороны, оно имеет тройственный союз, а с другой стороны – пакт о нейтралитете с СССР». Молотов отметил: «В этом [тройственном] пакте оговорено, что он не за-

---

²⁸ ДВП, т. XXIII, кн. 2, с. 678–680.

²⁹ Беседа состоялась 23 июня, запись сделана 24 июня.

³⁰ Там же, т. XXIV, с. 28–29.

³¹ Дело Рихарда Зорге, с. 122.

трагивает отношений каждого из участников этого пакта с СССР. Следовательно... надо полагать, что Япония по тройственному пакту не взяла на себя каких-либо обязательств против СССР». «Затем т. Молотов выражает пожелание, чтобы Япония и СССР как две соседние страны считались бы как с интересами данного момента, так и с интересами будущего и не делали бы каких-либо шагов к ухудшению отношений, которые, замечает т. Молотов, за последнее время, несомненно, стали улучшаться»³².

25 июня на заседании координационного комитета правительства и ставки Мацуока заявил: «Я заключил Пакт о нейтралитете, так как считал, что Германия и Советская Россия не начнут войну. Если бы я знал, что они вступят в войну, я бы предпочел занять в отношении Германии более дружественную позицию и не стал бы заключать Пакт о нейтралитете. Я заявил Отту, что мы останемся верными нашему союзу, несмотря на положения (советско-японского) Пакта... В том же духе я говорил с советским послом... Конечно же, я не говорил ему о разрыве Пакта о нейтралитете». Позиция министра была ясной: «Когда Германия победит и завладеет Советским Союзом, мы не сможем воспользоваться плодами победы, ничего не сделав для нее. Мы должны либо пролить кровь, либо прибегнуть к дипломатии. Лучше пролить кровь... Неужели мы не вступим в войну, когда войска противника будут переброшены на Запад?». Однако его никто не поддержал. Военный министр Х. Тодзио заметил: «Мы не должны полностью полагаться на Германию». Морской министр К. Оикава сказал: «Не следует планировать удар по Советской России, нужно готовиться к движению на юг. Флот не хотел бы провоцировать Советский Союз». 27 июня Мацуока повторял: «Нам следует ударить на Севере, даже если мы в некоторой степени отступим в Китае... Я хотел бы иметь решение о нанесении первоначального удара на Севере и сообщить об этом намерении Германии... Я хотел бы принятия решения напасть на Советский Союз». Начальник генерального штаба армии Г. Сугияма решительно сказал: «Нет». Его поддержал начальник генерального штаба флота О. Нагано³³. 28 июня Зорге радировал: «Отт понял, что Япония не выступит на север сейчас»³⁴. Главное решение было принято 2 июля: на Советский Союз не нападать, пока он не рухнет под ударами вермахта, т.е. пока не будет оккупирована его европейская часть. После заседания Мацуока сообщил Сметанину, что Токио будет придер-

³² ДВП, т. XXIV, с. 66–68.

³³ Фрагменты стенограмм цит. по: Кошкин А.А. Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР. 1931–1945. М., 1989, с. 217–238. Ответ Нагано см.: Lensen G.A. The Strange Neutrality, p. 25 (у Кошкина опущен).

³⁴ ДВП, т. XXIV, с. 58.

живаться пакта о нейтралитете, но оставляет за собой свободу действий в случае изменения обстановки³⁵.

12 июля В.М. Молотов и британский посол в Москве С. Криппс заключили соглашение о совместных действиях против Германии. 15 июля нарком проинформировал о нем Татэкава, заявив, что оно «касается только Германии и... не может дать почву к недоразумениям между СССР и Японией», а Москва будет соблюдать пакт о нейтралитете. Посол заметил: «Англия для Японии почти враг, а японский народ так прямо и считает, что Англия является врагом Японии. И то, что СССР заключил соглашение с врагом Японии, не может, по мнению Татэкава, не повлиять на чувства японского народа к СССР в сторону охлаждения... Очень желательно, чтобы СССР не предпринимал дальнейших шагов, которые могли бы дать общественному мнению Японии повод быть настроенным против СССР, ибо в таком случае японскому правительству будет очень трудно сдерживать естественное проявление чувств японского народа». Пугал, но на прощание счел нужным сказать: «Мацуока не знал о намерении Германии воевать против СССР вплоть до 22 июня... Тов. Молотов тогда спрашивает у Татэкава, как же это так могло получиться, что Германия поставила участника тройственного пакта перед совершившимся фактом. Татэкава думает... что Германия думала, что Япония против этой войны»³⁶. Через полгода Япония поставит Германию перед совершившимся фактом нападения на Пёрл-Харбор.

Дни пребывания Мацуока в должности главы МИД были сочтены, однако ни Молотов, ни Сметанин не знали о кризисе в японском правительстве. Вернувшись из Европы, Мацуока вознамерился стать следующим премьером, начал пропагандировать собственную дипломатию как альтернативу курсу кабинета, требовал аудиенций у императора без согласования с премьером, но столкнулся с сопротивлением бюрократических кругов, а затем всех министров и армейского командования. Чашу терпения переполнили его выпады против США, с которыми премьер пытался нормализовать отношения. 16 июля Коноэ подал в отставку и два дня спустя сформировал кабинет почти в том же составе, но без Мацуока, которого сменил осторожный адмирал Т. Тоёда. Офицеры генерального штаба армии попытались поднять вопрос об участии в войне против СССР, но политическое руководство не стало возвращаться к этой теме, даже с учетом успехов вермахта в первые месяцы войны.

25 июля К. Сметанин задал новому главе МИД вопрос о позиции Токио. Т. Тоёда ответил только 5 августа, после совещания кабинета и ставки, состоявшегося накануне и принявшего предложенные им «Принципы ди-

---

³⁵ *Lensen G.A. The Strange Neutrality*, p. 27–28 (без ссылки на источник); в ДВП не отражено.

³⁶ ДВП, т. XXIV, с. 155–157.

пломатических переговоров с Советским Союзом»: Япония будет верна пакту о нейтралитете, если СССР тоже будет соблюдать его; в противном случае он потеряет силу³⁷. 13 августа посол передал министру ответ из Москвы. Советское правительство с удовлетворением восприняло готовность Японии соблюдать пакт о нейтралитете, подтвердило свою верность ему и напомнило об обещании ликвидировать концессии на Северном Сахалине, для чего Мацуока в письме от 31 мая попросил шесть месяцев с момента подписания пакта. Тоёда от обещаний не отказался, но и не подтвердил заявленных сроков, в результате чего ликвидация концессий затянулась до весны 1944 г.³⁸

Проблем в двухсторонних отношениях осталось немало, и война принесла с собой новые, но стало ясно – нападать на Советский Союз, кроме как в случае его краха на Западе, Япония не собирается. 14 сентября Зорге сообщил: «По мнению посла Отта, выступление Японии против СССР теперь уже вне вопроса»³⁹. Ситуация не изменилась и после того, как 18 октября генерал Х. Тодзио сформировал правительство вместо ушедшего в отставку Коноэ. Новым министром иностранных дел стал С. Того, принявший должность с условием, что Япония не начнет войну на Тихом океане, пока не будут исчерпаны все дипломатические средства для урегулирования отношений с США. Однако уже в ноябре стало ясно, что конфликт неизбежен, если в ходе затянувшихся переговоров не произойдет радикальных перемен. 22 ноября Того вызвал К. Сметанина и попросил подтвердить, продолжает ли Москва придерживаться позиции, заявленной 13 августа, т.е. сохранять верность пакту о нейтралитете и не заключать с третьими странами соглашений, направленных против Японии. Министра особенно интересовало обязательство СССР не предоставлять базы третьим странам. Контекст беседы очевиден: Того желал убедиться, что СССР не станет союзником США и Великобритании в неотвратимой войне. Сметанин повторил, что пакт и заявления остаются в силе, хотя напомнил, что о соглашениях с третьими странами в нем ничего не сказано. Того продолжал нервничать и 28 ноября попросил у посла письменное обязательство от имени его правительства. Сметанин отказался, сказав, что «в японском МИДе все это уже записано, и он не считает необходимым еще раз писать о том же самом»⁴⁰. Министру пришлось смириться, тем более что после «ноты Хэлла» от 26 ноября остановить войну было возможно только ценой

³⁷ Беседы Сметанина с Тоёда в 1941 г. см.: *Lensen G.A. The Strange Neutrality*, p. 30–31 (в ДВП не отражены).

³⁸ *Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете*, с. 127–128 (в ДВП не включено).

³⁹ Дело Рихарда Зорге, с. 132.

⁴⁰ *Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете*, с. 144–147; *Lensen G.A. The Strange Neutrality*, p. 35–38 (в ДВП не включено).

немедленных согласованных усилий и взаимных уступок обеих сторон. Но делать этого никто не собирался⁴¹. С 8 декабря 1941 г. Япония находилась в состоянии войны с США и Великобританией. 11 декабря Гитлер объявил войну Соединенным Штатам. Война стала общемировой.

Нападение на Пёрл-Харбор 7 декабря совпало с прибытием в Вашингтон нового советского посла М.М. Литвинова, перед которым Рузвельт и Хэлл сразу же поставили вопрос об участии СССР в войне против Японии. 11 декабря Литвинов получил инструкцию В.М. Молотова: «Мы не считаем возможным объявить в данный момент состояние войны с Японией и *вынуждены* (выделено мной. – В.М.) держаться нейтралитета, поскольку Япония будет соблюдать советско-японский пакт о нейтралитете. Мотивы: Первое. Советско-японский пакт обязывает нас к нейтралитету, и мы не имеем пока оснований не выполнять свое обязательство по этому пакту. Мы не считаем возможным взять на себя инициативу нарушения пакта, ибо мы сами всегда осуждали правительства, нарушающие договоры. Второе. В настоящий момент, когда мы ведем тяжелую войну с Германией и почти все наши силы сосредоточены против Германии, включая сюда половину войск с Дальнего Востока, мы считали бы неразумным и опасным для СССР объявить теперь состояние войны с Японией и вести войну на два фронта»⁴².

На протяжении следующих лет в двусторонних отношениях почти не было значимых событий, ни хороших, ни плохих. Тем не менее, и Москва, и Токио придавали им большое значение, о чем свидетельствует замена в 1942 г. глав обоих дипломатических представительств. Преемником Сметанина, ихтиолога по профессии, пришедшего в НКВД по «партийному набору» и не имевшему специальной подготовки, стал эрудированный и энергичный советник посольства Я.А. Малик – на тот момент самый молодой посол в мире. В Куйбышеве (Самара), куда из Москвы был эвакуирован дипломатический корпус, генерала Таткава сменил бывший министр иностранных дел Н. Сато, ветеран-дипломат, служивший в Петербурге еще после русско-японской войны. В помощь себе он взял советника Г. Моришима, опытного специалиста по китайским делам.

С августа 1941 г. ситуацию осложнила резкая реакция Токио на поставки американских грузов в СССР, которые японские официальные лица

---

⁴¹ Я придерживаюсь точки зрения, что президент Рузвельт и его окружение заранее знали о готовящемся нападении на Пёрл-Харбор и, стремясь получить законный повод для участия в войне против держав «оси», сознательно дали Японии возможность «сделать первый выстрел». Это исчерпывающе доказано работами таких американских историков, как Г.Э. Барнес, Дж. Моргенстерн, Ч.К. Тэнзилл, П. Грейвс, Дж. Мартин, Дж. Толанд, Р.Б. Стиннет и др.

⁴² ДВП, т. XXIV, с. 490–491.

пытались представить как помощь режиму Чан Кайши. Советское правительство не поддавалось нажиму и отказалось видеть в торговле с США «недружественный» по отношению к Японии акт, а затем начало укреплять оборону своих берегов и территориальных вод с помощью минных постановок. 5 ноября японский пароход «Кэхи мару» подорвался на плавающей советской мине (Москва категорически отрицала свою причастность к этому). 21 декабря советский танкер «Майкоп» был потоплен японской авиацией. Подобные инциденты не прекращались и в последующие годы, но, в конце концов, улаживались, поскольку к этому стремились обе стороны⁴³. В процессе подготовки к участию в Международном военном трибунале для Дальнего Востока советская сторона делала акцент исключительно на враждебных акциях Японии, стремясь обвинить ее в сознательном нарушении пакта о нейтралитете⁴⁴. Однако оценка ситуации и изучение имеющихся источников приводят к выводу, что подобные действия допускали обе стороны и что они вряд ли мотивировались политически, а были вызваны общими условиями и мерами военного времени.

Напряженность сказалась и в условиях работы японских концессионеров на Северном Сахалине, в отношении которых местные власти все чаще применяли политику административного прессинга с целью побудить Токио к скорейшему выполнению договоренности о ликвидации концессий на условиях компенсации. Японцы продолжали лов рыбы в советских водах, но двусторонняя торговля окончательно пришла в упадок, особенно после прекращения евразийского транзита с началом Великой Отечественной войны. Торговый договор, проекты которого были подготовлены еще в январе 1940 г., сразу после подписания Молотовым и Того соглашения о продлении рыболовной конвенции, был парафирован за десять дней до нападения Германии на СССР, но до его заключения дело так и не дошло. По словам японских бизнесменов, зафиксированных советскими дипломатами, новым контрактам и увеличению товарооборота препятствовало японское правительство⁴⁵.

В 1943 г. отношение японцев к советским представителям заметно изменилось к лучшему – не без влияния победы под Сталинградом. Дипломат Ё. Андо поднял тост «за победу советской и японской армий, ибо только эти две армии достойны победы, и они победят. Это результат силы СССР и Японии и, главным образом, результат существующего между ними нейтралитета». Японский журналист сказал корреспонденту ТАСС: «Было бы хорошо превратить Пакт о нейтралитете в пакт о ненападении, а еще лучше, пожалуй,

⁴³ Подробнее: *Lensen G.A. The Strange Neutrality*, p. 60–73, 240–248; *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете, с. 128–134, 174–175.

⁴⁴ Характерный пример: СССР – Япония, с. 54–55.

⁴⁵ Подробнее см.: *Lensen G.A. The Strange Neutrality*, p. 231–239; *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете, с. 218–219.

в военный союз, даже хотя бы и против Германии». В таком же духе высказывались некоторые военные, включая влиятельного маршала Г. Сугияма. В Москве об этом знали – приведенные цитаты взяты из политического отчета, подписанного послом Маликом. «Расширять число врагов, а тем более бросать вызов Советскому Союзу, не только бессмысленно, но и чрезвычайно опасно», – суммировал он японские настроения в другом докладе⁴⁶.

30 марта 1944 г. посол Сато и заместитель наркома иностранных дел С.А. Лозовский после долгих и напряженных переговоров подписали протоколы о ликвидации концессий на Сахалине: советское правительство национализировало их на условиях уплаты японскому правительству 5 млн. руб. и ежегодных поставок 50 тыс. тонн нефти в течение пяти лет⁴⁷ – и об очередном продлении рыболовной конвенции, срок действия которой истек в декабре 1943 г.⁴⁸ Токийская пресса встретила их демонстративным оптимизмом, что не прошло мимо внимания советского посольства. Я. Малик отметил, что многие японские дипломаты «склонны считать, что с Россией Япония всегда может и должна жить в дружбе», подчеркнув эти слова⁴⁹. 13 апреля японская печать дружно отреагировала на третью годовщину пакта о нейтралитете, а министр иностранных дел М. Сигэмицу устроил завтрак в честь Я. Малика. И даже 16 сентября В. Молотов говорил Сато: «Между нашими странами, в особенности в период пребывания Сато на посту посла в Москве, установились нормальные отношения, хотя раньше было немало недоразумений. За последнее время таких недоразумений не было. Текущие вопросы мы рассматриваем и разрешаем в порядке существующих нормальных отношений... Советское правительство считает, что советско-японские отношения развиваются нормально и в хорошем направлении»⁵⁰.

В газетах обеих стран (в японских чаще) попадались недружественные заявления в адрес друг друга, но официальные лица отмежевывались от них. В Японии периодически появлялись книги об «угрозе с Севера» и необходимости «обороны» от нее, об истории борьбы с «русской агрессией» на Сахалине, Курилах и в Маньчжурии, в то время как другие авторы подчеркивали «вековые» и «неизбежные» противоречия между Россией и

---

⁴⁶ Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете, с. 183, 186.

⁴⁷ Документы: *Lensen G.A. The Strange Neutrality*, p. 277–281 (официальный перевод); переговоры: *Lensen G.A. The Strange Neutrality*, p. 78–92; *Кутаков Л.Н. История советско-японских дипломатических отношений*. М., 1962, с. 399–404; *Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете*, с. 171–173.

⁴⁸ Документы см.: *Lensen G.A. The Strange Neutrality*, p. 281–287 (официальный перевод); переговоры см.: *Lensen G.A. The Strange Neutrality*, p. 93–104; *Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете*, с. 217–218.

⁴⁹ *Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете*, с. 194.

⁵⁰ Там же, с. 247.

«англосаксами». Продолжали выходить журналы, популярные и научные книги о нашей стране, в которых не было никакого недоброжелательства или враждебности. Регулярно переиздавалась любимая японцами русская классика. Надо сказать, что в СССР до конца 1944 г. практически не появлялось антияпонской литературы. Наоборот, в 1942 г. вышел перевод «Дипломатических комментариев» бывшего министра иностранных дел Исии – одной из лучших книг о японской политике XX в. Можно согласиться с выводом Б.Н. Славинского: «Советско-японские отношения в течение 1941–1945 гг. не отличались особой теплотой и дружелюбием, но были нормально-деловыми»⁵¹. С поправкой, что это были максимально хорошие отношения, насколько это возможно между участниками воюющих блоков.

Политическое решение советского руководства о вступлении в войну с Японией было впервые озвучено Сталиным, правда в глубокой тайне, в октябре 1943 г. на Московской конференции министров иностранных дел антигитлеровской коалиции. В протоколы, опять как совершенно секретное, оно попало на Тегеранской конференции Сталина, Рузвельта и Черчилля в конце ноября – начале декабря того же года. Японцы об этом не знали и узнать не могли, хотя из всех сил гадали, о чем совещалась и что решила «большая тройка». Они утешались отсутствием в иранской столице Чан Кайши, что позволяло считать конференцию военным советом против Германии. Аналогичным образом было истолковано и отсутствие советских представителей на конференции США, Великобритании и Китая в Каире, где Рузвельт и Черчилль встретились по пути в Тегеран. Именно там была принята декларация с требованием безоговорочной капитуляции Японии, подписанная 27 ноября и опубликованная 1 декабря 1943 г.

Первым предупреждением Москвы в адрес Токио можно считать доклад Сталина к годовщине революции, прочитанный 6 ноября 1944 г. и через три дня опубликованный во всех крупных японских газетах (беспрецедентный случай!) с незначительными сокращениями во внутривполитической части. Полностью было приведено все сказанное о странах «оси» – союзниках Японии и об антигитлеровской коалиции – ее противниках. Но главное – о самой Японии, которая была открыто названа «агрессивным государством», т.е. одним из тех, с кем СССР вел войну. «Замечание тов. Сталина о Японии как об агрессивном государстве, – сообщил Малик в Москву, – еще более озадачило японцев, усиливает у них чувство беспокойства и неуверенности, настораживает их. Следует, по-видимому, ожидать с их стороны активизации попыток уточнить позицию СССР на данном этапе, хотя бы на ближайшее будущее»⁵².

⁵¹ Там же, с. 301.

⁵² Там же, с. 251.

Еще летом 1943 г. министр иностранных дел М. Сигэмицу начал готовить специальную дипломатическую миссию в Москву для зондажа советской позиции относительно возможного улучшения отношений. 10 сентября Сато сообщил об этом Молотову и через три дня получил вежливый, но решительный отказ. Сыграло свою роль и то, что посол не имел детальных инструкций: в Кремле от него требовали подробностей предполагаемой миссии, а Токио стремился сначала заручиться принципиальным согласием на ее прием. Потом эта история регулярно повторялась. Разгром войск стран «оси» в Северной Африке, успехи Красной Армии, капитуляция Италии и отказ Советского Союза от любого мирного посредничества между Москвой и Берлином подводили японских дипломатов к мысли о необходимости эффектного демарша. Сигэмицу попытался повторить свои мирные предложения в апреле 1944 г., в связи с заключением рыболовного соглашения, но с тем же результатом. Новый советский ответ содержал лишь ссылку на предыдущий, добавить к которому было нечего. Пакт о нейтралитете оставался в силе, но, как показывают рассекреченные в декабре 1996 г. материалы закрытых заседаний нижней палаты японского парламента, министр иностранных дел уже осенью 1943 г. предвидел возможность расторжения пакта Москвой, как только он станет ей не нужен⁵³.

В июле 1944 г. под ударами армий союзников пал Сайпан, а вслед за ним кабинет Тодзио. Новое правительство возглавил генерал К. Койсо, а морским министром с правами вице-премьера стал адмирал М. Ёнаи, поддержавший попытки наладить отношения с СССР. Внимательно наблюдавший за событиями, Я.А. Малик сделал следующие выводы:

«1. Япония отчетливо понимает, что сохранение нормальных отношений с СССР и даже улучшение их на основе некоторых уступок является одним из необходимых условий для некоторого относительного усиления позиций Японии на Тихом океане в ее борьбе против США и Англии. Японцы также полагают, что это может оказаться полезным и для успешного „выползания“ Японии из войны...

2. Японское правительство стремится упрочить свои отношения с СССР не путем серьезных политических или существенных экономических уступок, а путем заключения «идеологического» блока под лозунгом борьбы с угрозой англо-американской мировой гегемонии. Такая хитроумная формулировка развязывает руки Японии и перед лицом фашистской Германии, союзника Японии... Это, однако, не исключает того, что по мере ухудшения для Японии военной и международной ситуации японское правительство может более решительно пойти и на существенные уступки, добываясь этим путем улучшения отношений с Советским Союзом.

3. Свои отношения с Советским Союзом Япония строит на той основе, что она не находится в состоянии поражения и не вынуждена заискивать

---

⁵³ Secret Diet War Minutes Released. – The Japan Times. 07.12.1996.

или просить помощи. Наличие крупных неизрасходованных военных сил дает основание японскому правительству во взаимоотношениях с СССР считать себя равноправной и достаточно сильной страной. Поэтому было бы не совсем верно предполагать, что Япония уже сегодня готова заискивать, уступать, терять свой престиж великой страны, хотя в будущем ей придется это делать...

4. Угроза военного выступления Японии против СССР на сегодня снята...

Наши отношения с Японией на данном этапе, мне представляется, следует по-прежнему базировать на основе сдержанной, осторожной, но твердой политики, не допуская без особой надобности обострения отношений как по крупным, так и по мелким вопросам, пристально следить за развитием военной ситуации на Тихом океане и за военной политикой Японии»⁵⁴.

12 сентября 1944 г. М. Сигэмицу попросил своих ближайших сотрудников поделиться мнениями о заготовленном им плане «советско-японских переговоров, которые, как надеются, должны скоро начаться в Москве». В преамбуле проекта, датированного 7 сентября, говорилось: «Ввиду создавшейся обстановки Япония должна немедленно начать активный дипломатический демарш в отношении Советского Союза, целью которого будет обеспечить сохранение нейтралитета и улучшение дипломатических отношений между Японией и Советским Союзом, осуществление мира между Германией и Советским Союзом и, наконец, улучшение положения Японии при помощи Советского Союза, если Германия выйдет из войны». Предполагалось «узнать о намерениях Советского Союза в отношении Японии, добиваясь по мере возможности осуществления следующих целей:

Продления или заключения Пакта о нейтралитете (видимо, нового. – В.М.). Для этой цели должны быть достигнуты следующие соглашения либо вместо Пакта о нейтралитете, либо параллельно с ним:

- а) подтверждение обязательств, предусмотренных Пактом о нейтралитете, или соглашение о продлении действия этих обязательств;
- б) пакт о ненападении.

Сигэмицу хотел добиться того, чтобы СССР не вступил в войну против Японии. Как прагматик он прекрасно понимал, что цена за это будет очень высокой, и намеревался предложить следующее:

1. разрешение на проход советских торговых судов через пролив Цугару;
2. урегулирование торговых отношений между Японией, Маньчжоу-го и Советским Союзом;
3. расширение советского влияния в Китае и других районах «сферы процветания Великой Восточной Азии», т.е. в зоне японского господства;

⁵⁴ Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете, с. 196–197.

4. демилитаризация советско-маньчжурской границы;
5. использование Советским Союзом Северо-Маньчжурской железной дороги (бывшей КВЖД);
6. признание советской сферы интересов в Маньчжурии;
7. ликвидация рыболовной конвенции;
8. уступка Южного Сахалина;
9. уступка северных Курильских островов;
10. отмена Тройственного пакта;
11. отмена Антикоминтерновского пакта⁵⁵.

Тяжесть положения Японии и необходимость решительных действий и больших уступок понимали не только в Токио. В июле 1944 г. Я.А. Малик выехал в Москву по срочному вызову И. Сталина. По свидетельству дипломата Н.Б. Адырхаева, посол по возвращении рассказал следующее: когда он спросил генсека, что ему надлежит делать в оставшиеся месяцы, Малик услышал: «Будете наблюдать, как поддыхает Япония»⁵⁶.

В Москву посол отвез доклад «К вопросу о японо-советских отношениях (в настоящее время и в свете перспектив войны на Тихом океане между Японией, США и Англией)» (датирован 21 июля 1944 г.). В нем были поставлены вопросы «территориального, военно-стратегического, экономического и политического порядка», которые естественно возникнут «в свете неизбежности краха японского империализма». «Не предпреляя пока конкретного вопроса о формах, путях и способах их практического разрешения и о позиции СССР в отношении каждого из них, необходимо все же уже сейчас составить хотя бы примерный перечень этих вопросов». Приведем этот список полностью, но с сокращением подробностей, не имеющих прямого отношения к нашей теме:

«1. Статус Маньчжурии (сохранение ее по-прежнему в качестве самостоятельного государственного целого или же присоединение ее к Китаю). Вопрос о формах обеспечения интересов СССР там и гарантии безопасности его 3000-километровой границы с Маньчжурией (США, по неофициальным планам, намечают передачу Маньчжурии Китаю (т.е. режиму Чан Кайши. – В.М.) и России).

2. Вопрос о возмещении стоимости КВЖД в учете того, что дорога была переуступлена японцам под давлением необходимости и только за одну пятую ее действительной стоимости.

3. Вопрос о возвращении Советскому Союзу прав на имущество российско-го государства на территории Маньчжурии (строения, жилые дома, консульские здания, земельные угодья).

---

⁵⁵ Кудо Митихиро. Исследование японо-советского пакта о нейтралитете, с. 219–220.

⁵⁶ Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете, с. 237.

4. Вопрос о независимости Кореи...
5. Вопрос о японских военно-морских базах на территории Кореи вдоль побережья Японского и Восточно-Китайского морей – Расин, Сейсин, Гензан, Фузан и др. Этот вопрос также необходимо рассматривать в свете решения проблемы безопасности и ответственности СССР за безопасность в этом регионе.
6. Вопрос о ЮМЖД, отнятой Японией у России в результате русско-японской войны.
7. Имущественные интересы СССР в Северном Китае...
8. Вопрос о Ляодунском полуострове (Квантунская область), бывшем фактически русском городе Дайрене и русской военно-морской крепости Порт-Артуре.
9. Вопрос о возвращении Советскому Союзу Южного Сахалина – этого основного «клапана» для закрытия наших коммуникаций с Тихим Океаном.
10. Вопрос о передаче Советскому Союзу всей гряды Курильских островов, преграждающих путь для выхода России в Тихий океан.
11. Вопрос о нейтрализации острова Цусима или же о превращении его в военно-морскую базу СССР в целях охраны безопасности и принятия мер к не повторению агрессии на Дальнем Востоке. Мы не можем допустить вмешательства Англии в решение этого вопроса, как это было в 1861 г.
12. Вопрос о полной ликвидации (отмене) Портсмутского договора и связанной с ней Пекинской конвенции со всеми вытекающими из них для СССР обязательствами и ограничениями. Тем более, что Япония уже давно фактически нарушила все статьи и, по существу, ликвидировала Портсмутский договор, требуя лишь от Советского Союза по-прежнему выполнения этих тяжелых с точки зрения экономических, военно-стратегических и политических интересов Советского государства обязательств и ограничений. России необходимо смыть черное пятно Портсмутского договора. Америка способствовала появлению этого черного пятна, она же должна способствовать его исчезновению, независимо от того, нравится это ей или нет.
13. Вопрос о возмещении убытков и ущерба, причиненных японской зверской интервенцией в Сибири и на Дальнем Востоке в 1918–1922 гг. (возможно, следует вернуться к вопросу о свободном лове, который японцы проводили в эти годы в территориальных водах СССР на Дальнем Востоке и на Камчатке).
14. Вопрос о нашем отношении к намерениям США уничтожить весь японский торговый флот, включая все суда тоннажем свыше 5 тыс. тонн.
15. Вопрос о нашем отношении к проблеме оккупации союзными войсками 6 крупных городов Японии. Возможность участия в этом мероприятии в целях защиты интересов СССР, равно как и для восстановления исторической справедливости и престижа Советского Союза с учетом того, что японцы позволили себе вход своих войск на советский Дальний Вос-

ток⁵⁷. С другой стороны, возможно, будет целесообразно предоставить это целиком союзникам, если, конечно, это не нанесет ущерба нашим государственным интересам, что весьма сомнительно. Окончательно решение подобных вопросов может быть принято сообразно с обстановкой, в том числе и с внутриполитическим положением самой Японии к тому времени. В частности, как будет, например, решена проблема монархии и демократизации государственного строя Японии, вопрос об освобождении 300 тысяч прогрессивных элементов (либералы, демократы, социалисты и коммунисты), находящихся в настоящее время в тюрьмах и на каторге в Японии. Возможно, что и в отношении Японии будет учтен опыт применения к Италии условий капитуляции и участия Советского Союза.

16. Проблема Китая после очищения его от японцев и воссоединения в единый государственный организм...

17. Вопрос о нашем политическом отношении к полной ликвидации военно-морского могущества Японии на Тихом океане, включая базы и средства для строительства военных судов. Вопрос об уничтожении или соответствующем использовании японского военно-морского флота (вернее, той части его, которая не будет уничтожена японцами). Вспомнить при этом, как поступили и хотели поступить японцы с русскими военными и торговыми судами после русско-японской войны. Возможно, учесть опыт решения вопроса с итальянским флотом.

18. Вопрос о компенсации ущерба, причиненного японцами государственным интересам, юридическим и частным лицам Советского Союза за время войны на Тихом океане (закрытие проливов, осмотр судов, торпедирование судов, невозвращение судов, денежных средств и имущества в Гонконге и др.).

19. Вопрос о ликвидации рыболовной конвенции и возвращении абсолютно всех рыболовных участков Советскому государству с обязательным указанием, что Япония лишь временно пользовалась договорным ловом в принадлежащих Советскому Союзу территориальных водах. Последнее необходимо потому, что японцы уже лет 40 (со времени русско-японской войны. – В.М.) болтают о своих якобы „вечных правах” на ловлю рыбы в русских дальневосточных водах, добавляя при этом, что эти-де „права” завоеваны ими кровью и что рыболовная конвенция является „особенной и вечной”. Как известно, Япония – страна мифов и мистификации. Необходимо лишить японских империалистов всяких оснований сочинять мифы и небылицы о какой-то „особой и вечной” рыболовной конвенции.

20. Вопрос о выплате Советскому государству полной стоимости КВЖД и ЮМЖД, равно как и стоимости земельных владений, зданий, оборудования,

---

⁵⁷ Этот аргумент будет использован Сталиным в августе-сентябре 1945 г., но желание вождя оккупировать север Хоккайдо разобьется о решимость президента Г. Трумэна занять четыре главных острова Японского архипелага только американскими войсками.

городов и портов, бывших в пользовании Российского государства на Дальнем Востоке. Право на пользование этими договорами (очевидно, следует читать: дорогами. – В.М.) по особым тарифам для перевозки товаров из одной советской области в другую или же на мировой рынок.

21. Вопрос о репарациях на Японию.

22. Вопрос о конфискации промышленного оборудования тяжелой и военной промышленности Японии как основы для возрождения военно-промышленного потенциала. Учесть вопрос о возможности возмещения того ущерба, который японцы нанесли промышленности, капитальному промышленному оборудованию и железно-дорожному транспорту СССР за годы их хозяйничанья на Советском Дальнем Востоке в годы интервенции.

23. Вопрос о японских мандатных островах, а также Формозе и островах Рю-Кю...

24. Вопрос о нашем отношении к проблеме статус-кво в Юго-Восточной Азии в районе Южных морей – возврат колоний их довоенным владельцам – США, Британии, Голландии, Франции...

25. Вопрос об установлении принципа свободы прохода через проливы между японскими островами. Объявление международными проливами пролив Цугару, Симоносекского, Бунго, а также проливы внутреннего Японского моря (Сэтонайкай, между островами Хонсю, Кюсю и Сикоку. – В.М.). Нейтрализация проливов.

26. Вопрос о мерах по обеспечению и охране судоходства через проливы. Принцип свободных портов или баз в некоторых портах Японии.

27. Вопрос об участии в межсоюзнических комиссиях по ликвидации вооружений и морских, сухопутных и воздушных сил Японии»⁵⁸.

16 сентября 1944 г. Сато опять заговорил о приезде посланника и получил новый отказ. «Что же касается специальной миссии, сказал Молотов, то ее приезд он считает несвоевременным, так как появление этой миссии в Москве было бы истолковано в нашей стране и за рубежом как постановка вопроса о мире между Советским Союзом и Германией, который уже выдвигала Япония в 1943 г. и который был отвергнут советским правительством». Посол заявил, что цель миссии будет иной – укрепление двусторонних отношений. Но Молотов остался непреклонен. Он сослался на то, что отношения между странами нормальные, посольства функционируют без проблем, а потому в каких-либо особых акциях нет необходимости⁵⁹.

7 ноября, оперативно ознакомившись с докладом Сталина, Сато попытался протестовать против отнесения Японии к «агрессивным странам» и

⁵⁸ Там же, с. 239–244.

⁵⁹ Там же, с. 247–248.

приравнивания нападения на Пёрл-Харбор к германскому вторжению 22 июня 1941 г. Молотов уклончиво ответил, что критика Сталина была «теоретической» и относилась к событиям прошлого. Последующие немногочисленные визиты посла в Кремль до начала 1945 г. никаких результатов не принесли и определенности в понимании им ситуации не прибавили.

Информируя 22 февраля японского посла об итогах конференции, Молотов не сказал ничего конкретного, заметив лишь, что «конечно, отношения между Советским Союзом и Японией отличаются от тех отношений, которые имеют с Японией Англия и Америка. Англия и Америка воюют с Японией, а Советский Союз имеет с Японией Пакт о нейтралитете... Мы считаем, что советско-японские отношения являются делом самого Советского Союза и самой Японии». Сато спросил, что думает советское правительство по поводу предстоящего продления пакта о нейтралитете, но нарком пообещал поговорить об этом в следующий раз⁶⁰. Еще 10 января С.А. Лозовский подал В.М. Молотову записку о необходимости денонсировать пакт – отказаться продлевать еще на 5 лет, до 13 апреля, т.е. до годовщины его подписания, а вместе с этим предлагал: «Продолжать по отношению к Японии ту же самую осторожно-выжидательную политику, твердо нажимая пока по отдельным вопросам, как это мы делали в 1944 году. Начать переговоры с японцами об условиях продления пакта в октябре–ноябре 1945 года, когда положение совершенно определится в Европе и станет значительно более ясным на Тихом океане». Составленный им проект заявления предлагал довести до сведения Токио, что советское правительство «хотело бы обсудить вопрос об условиях возможного продления Пакта о нейтралитете на следующие пять лет во второй половине истекающего договорного года (т.е. после октября 1945 г. – В.М.)»⁶¹.

И.В. Сталин решил по-другому. Практическая подготовка к боевым действиям против Японии началась уже во второй половине марта 1945 г. 5 апреля В. Молотов объявил Сато, которого не принимал с 22 февраля, о желании СССР денонсировать пакт в соответствии с его третьей статьей. Москва мотивировала решение тем, что «Германия напала на СССР, а Япония, союзница Германии, помогает последней в ее войне против СССР. Кроме того, Япония воюет с США и Англией, которые являются союзниками Советского Союза». Днем позже заявление появилось в газетах. Сомнений относительно его смысла у посла не было: Советский Союз намерен вступить в войну с Японией. Вопрос был один: когда? Ответ крылся в понимании слова «денонсация». Дадим слово самому авторитетному источнику – запискам из дневника В.М. Молотова:

---

⁶⁰ Там же, с. 257–259.

⁶¹ Там же, с. 261–263.

«Приняв текст, Сато... позволяет себе попросить у Молотова некоторых разъяснений. Он хотел бы знать, что думает Советское Правительство о том периоде времени, который начнется с 25 апреля этого года и будет длиться до окончания срока действия пакта, то есть еще год. Сато поясняет, что пакт заключен на пять лет, и срок его действия кончается 25 апреля будущего (1946. – В.М.) года. Посол говорит, что он думает, что его правительство ожидает, что Советское Правительство в течение этого года, который начнется 25-го числа текущего месяца, будет поддерживать с Японией те же отношения, какие оно поддерживало до сего времени, учитывая, что пакт остается в силе. Молотов отвечает, что... фактически советско-японские отношения вернутся к тому положению, в котором они находились до заключения пакта. Молотов говорит, что Советское Правительство действует в соответствии с договором. Сато замечает, что в таком случае Советское и Японское правительства по-разному толкуют затронутый вопрос. Японское правительство придерживается той точки зрения, что если одна из сторон денонсирует договор за год до истечения его срока, то пакт все же будет существовать еще один год, несмотря на денонсацию. Однако по разъяснениям, которые сейчас дал Народный Комиссар, оказывается, что с момента денонсации пакта отношения между Советским Правительством и Японским Правительством будут теми же, которые существовали до заключения Пакта о нейтралитете. С момента денонсации пакт прекращает существование. Если Советское Правительство так толкует этот вопрос, то его толкование отличается от толкования Японского Правительства. Японское Правительство всегда считало, что пакт остается в силе еще в течение года. Сато говорит, что он хотел бы избежать ошибочных выводов и поэтому был бы признателен Молотову за его разъяснения. Молотов отвечает, что здесь какое-то недоразумение... Молотов поясняет, что по истечении пятилетнего срока действия договора советско-японские отношения, очевидно, вернутся к положению, которое было до заключения пакта..., что же касается политики Советского Правительства, то мы действуем в соответствии с правом, предоставленным нами пактом. Срок действия пакта не окончился»⁶².

Тем самым Молотов разъяснил, что пакт остается в силе до 25 апреля 1946 г. Заявление было опубликовано во всех ведущих газетах Японии с разъяснениями, что еще год пакт существует (подразумевалось, что в это время войны не будет) и что советско-японские отношения продолжают оставаться дружественными. Москва была осведомлена об этом из подробного доклада Я.А. Малика от 13 апреля: «Общий тон подчеркнуто спокойный, точнее – успокаивающий». Решение Кремля открыто не осуждалось,

⁶² Там же, с. 265–267.

хотя газеты подчеркивали, что «японское правительство не имело ни малейшего намерения прекращать действие этого пакта потому, что Япония желала сохранения дружественных отношений с Советским Союзом»⁶³.

Денонсация пакта совпала с очередной сменой кабинета в Токио: 7 апреля 78-летний адмирал К. Судзуки стал самым пожилым премьером в истории Японии. На своих постах остались военный и морской министры и начальники генеральных штабов армии и флота. Министерство иностранных дел снова возглавил С. Того. Во время первой встречи с Я.А. Маликом 20 апреля он сказал послу: «После заключения Пакта о нейтралитете возникла советско-германская война... Весь мир был брошен в пламя войны. Небо покрылось черными тучами, однако, на этом мрачном фоне японо-советские дружественные отношения, основанные на Пакте о нейтралитете, оставались единственным светлым местом, и я надеялся, что это светлое пятно разгонит тучи и станет тем ядром, при помощи которого наступит мир во всем мире. Но сообщение о денонсации договора меня лично очень огорчило... (отточие в оригинале. – В.М.) Поскольку договор будет действовать еще целый год, то думаю, что у нас с Вами будет немало случаев обстоятельно поговорить об этом, а пока прошу передать мое чувство сожаления г-ну Молотову»⁶⁴.

То, что пакт не будет продлен до 1951 г. и что Япония будет иметь передышку на год, С. Того принял как данность. Такая трактовка содержалась в его официальном ответе на советскую ноту, который Сато 27 апреля вручил Лозовскому⁶⁵. 29 мая Молотов подтвердил в разговоре с послом: «Мы не разорвали пакта, а отказались продлить его, так как считали, что обстановка с того времени, когда он был заключен, изменилась»⁶⁶. То же не раз говорил весной и летом 1945 г. своим японским собеседникам Малик с санкции Молотова и Сталина, которому нарком отправлял «на визу» инструкции, предназначенные для Токио. Таким образом, необходимо признать, что, вступая в войну с Японией 9 августа 1945 г., СССР нарушил пакт о нейтралитете, остававшийся в силе до 25 апреля 1946 г.

11, 12 и 14 мая на заседании Высшего совета по руководству войной морской министр Ёнаи потребовал решительных шагов по улучшению отношений с Москвой и выразил надежду, что в обмен на территориальные уступки из СССР можно будет получить нефть для кораблей, призванных охранять Японские острова и обеспечивать связь с Китаем и Кореей. Того выступил против этого предложения как заведомо нереального: «Я утверждал, что у нас уже нет никаких шансов на использование СССР в военном

---

⁶³ Там же, с. 268–269.

⁶⁴ Там же, с. 276.

⁶⁵ Там же, с. 277.

⁶⁶ Там же, с. 304.

или экономическом отношении и что Япония упустила время, когда можно было бы получить из СССР сколько-нибудь значительные поставки вооружений или убедить его играть роль друга Японии»⁶⁷. Тем не менее, 1 июня он велел Сато «не упускать возможности бесед с советскими руководителями». 8 июня посол ответил, что нет «абсолютно никакой надежды» на «благоприятное отношение» Москвы в условиях, когда Япония не способна вести войну, а советские войска перебрасываются на Дальний Восток⁶⁸. Продолжая верить в возможность если не почетного, то хотя бы приемлемого мира с помощью СССР, Того попросил экс-премьера К. Хирота, бывшего посла в Москве, начать неофициальные беседы с Маликом относительно улучшения двусторонних отношений, но не говорить о посредничестве и не делать конкретных предложений, пока другая сторона не проявит заинтересованность. Эта испытанная стратегия японской дипломатии с самого начала обрекла затею на провал.

«Хирота начал с того, – сообщал Малик в НКВД, – что в прошлом году он имел намерение поехать в Москву для переговоров по некоторым вопросам, но в силу ряда обстоятельств не мог этого сделать... В настоящее время все значительно изменилось, разногласий в Японии нет, и теперь все едино стоят за дружественные отношения с Советским Союзом». Далее следовало главное: «Мы в одиночку, – сказал Хирота, – ведем огромную войну против США и Англии за освобождение и независимость Азии, но Советский Союз занимает значительную часть Азии, и мы считаем, что проблема безопасности Азии может быть решена только Советским Союзом, Китаем и Японией как основными странами Азии... Твердо обеспечить безопасность Азии можно только на основе сотрудничества СССР, Японии и Китая. А базой для этого должна быть дружба Японии с СССР»⁶⁹. Сказанное соответствовало решениям Высшего совета по руководству войной от 14 мая, однако посол, посланный наблюдать «как подыхает Япония», внимал собеседнику только из вежливости.

На следующий день Хирота завел разговор о необходимости коренного улучшения отношений и заключения нового договора. «Обе стороны соблюдают этот пакт, – подчеркнул он, – Не было бы никакого беспокойства, если бы срок пакта не истекал через год, но так как по истечении этого срока пакт теряет силу, то поэтому наша страна должна подумать о будущем.

⁶⁷ *Togo C.* Воспоминания японского дипломата. М., 1996, с. 438–439; подробнее см.:

Lensen G.A. The Strange Neutrality, p. 132–135.

⁶⁸ *Tsuyoshi Hasegawa.* Racing the Enemy. Stalin, Truman and the Surrender of Japan. Cambridge MS, 2005, p. 92, 94.

⁶⁹ Материалы, связанные с переговорами Малик-Хирота, цит. по: За кулисами Тихоокеанской битвы: японо-советские контакты в 1945 г. – Вестник МИД СССР. № 19 (77). 15.10.1990.

Пока пакт находится еще в силе, – повторял гость, – японская сторона желает еще больше укрепить дружественные отношения с Советским Союзом. В нашей стране сейчас глубоко изучается вопрос относительно формы улучшения этих отношений, и я думаю, что советская сторона тоже изучает этот вопрос... Какая форма договора была бы целесообразной – для Японии безразлично. Мы согласны на любую форму, лишь бы она могла удовлетворить цели Японии».

Малик понимал, что речь идет о выходе из войны, но умалчивание о главной цели зондажа и отсутствие конкретных предложений позволяли спустить дело на тормозах. В Москву он писал без экивоков: «Неожиданность и внезапность встречи Хирота со мной была инсценирована грубо и неуклюже. У японцев почва горит под ногами, время не терпит, припекло, а посему им теперь не до внешних форм и благовидных предлогов. Скорее бы добиться существа, обеспечить прочность отношений с СССР... Подобное заискивание японцев перед Советским Союзом является вполне логичным и закономерным в свете международной обстановки и тяжелого, бесперспективного военного положения Японии... Если общая международная обстановка такова, что вести подобные переговоры с японцами для нас целесообразно, то им, мне кажется, все же следовало бы предъявить максимум из тех требующих разрешения проблем, которые изложены в... моем докладе (1944 г. – В.М.)». О решении Сталина вступить в войну посол не был информирован (хотя мог догадываться), а потому делал предположения о дальнейшем ходе переговоров: «В виде компенсации за договор с СССР японцы могли бы в качестве максимальной уступки пойти на возвращение нам Южного Сахалина, отказ от рыболовства в советских конвенционных водах и, возможно, даже на передачу нам части Курильских островов. Ожидать от них добровольного согласия на какое-либо выгодное нам существенное изменение позиции Японии в Маньчжурии, Корее, Квантуне и Северном Китае трудно. Подобное возможно только в результате полного военного поражения и безоговорочной капитуляции Японии. Без этого любые переговоры с Японией не дадут коренного решения проблемы длительного мира и безопасности на Дальнем Востоке. В свете вышеизложенного заключение подобного предлагаемого японцами и ко многому нас обязывающего соглашения вряд ли целесообразно. Однако выслушать их предложения можно».

«Хирота ничего ясного еще не сказал, – отвечал Молотов 15 июня. – Вам по собственной инициативе искать встречи с Хирота не следует. Если он опять будет напрашиваться на встречу, то его можно принять и выслушать и, если он опять будет говорить общие вещи, то следует ограничиться заявлением, что при первой же возможности (намек на диппочту) Вы сообщите в Москву о беседах. Дальше этого идти не следует». Утвердил инст-

рукции лично генсек. «Малик делал все возможное, чтобы убедить японцев, что пакт о нейтралитете все еще остается в силе, хотя Сталин намеревался нарушить его, когда придет нужный момент»⁷⁰, – сделал вывод историк Ц. Хасэгава.

В тот же день, 15 июня, лорд-хранитель печати К. Кидо, ближайший политический советник японского монарха, заявил премьеру Судзуки и ключевым министрам о необходимости добиться советского посредничества для заключения мира, который предусматривал бы сохранение императорской системы⁷¹. 22 июня император Сёва сказал об этом Того в присутствии главы правительства. Возможно, на него подействовал разговор с начальником генерального штаба Умэдзу 9 июня, который, вернувшись из инспекционной поездки по Маньчжурии, доложил, что Квантунская армия практически небоеспособна и располагает боеприпасами на один серьезный бой. Умэдзу знал тамошнее положение лучше, чем кто бы то ни было, поскольку с 1939 по 1944 гг. командовал Квантунской армией.

Я.А. Малик принял Хирота только 24 июня. Экс-премьер настойчиво добивался встречи, выполняя предписание не только министра, но и императора, однако беседа ничего не дала. Хирота не мог прямо говорить о посредничестве Москвы в заключении мира с США и Англией, поскольку армейское командование не могло признать себе, что война проиграна. Поэтому после войны он горько жаловался, что правительство теряло время на абстрактные зондажи, когда надо было просить о помощи. Только 29 июня он впервые пришел с конкретными предложениями:

«1) Нейтрализация Маньчжоу-го (после окончания войны Великой Восточной Азии)⁷² японская сторона отзывает свои войска, и обе стороны, Япония и Советский Союз, обязуются уважать суверенитет и целостность территории Маньчжоу-го и не вмешиваться в его внутренние дела). 2) Японская сторона готова ликвидировать свои рыболовные права, если она будет снабжаться нефтью. 3) Япония готова обсудить все другие вопросы, которые советская сторона пожелает обсудить». По второму пункту Хирота пояснил: «Рыболовные права, конечно, не имеют никакого отношения к нефти, но Япония до сих пор имела важное и ценное право заниматься рыболовством в советских водах и сейчас она имеет большое желание, чтобы Советский Союз снабдил ее нефтью, а она готова ликвидировать эти долголетние и весьма важные права. Это не является условием, но Япония

⁷⁰ Tsuyoshi Hasegawa. *Racing the Enemy*, p. 88.

⁷¹ В японских документах использовался термин *кокутай* («государственный организм»), который не имел четкого определения и мог обозначать разные вещи: сохранение статус-кво, превращение императора Сёва в конституционного монарха, сохранение нынешней династии, сохранение монархической системы.

⁷² *Дайтоа сэнсо* – официальное японское название войны на Тихом океане.

имеет очень сильное желание получить нефть в качестве ответной благодарности за свой отказ от рыболовных прав. Кстати говоря, – добавил он, – если СССР желает затронуть вопрос о демаркации границы (где? – *В.М.*), то японская сторона готова пойти на переговоры». Другой вариант текста содержит еще преамбулу и четвертый пункт. В преамбуле предлагалось «заключить пакт о ненападении между Японией и Россией на долгий срок (скажем, 20 или 30 лет) с целью взаимной помощи в деле поддержания мира на Востоке» на указанных далее условиях. Последний пункт гласил: «Япония не имеет намерения сохранять по окончании войны владение территориями, которые она оккупировала в ходе Великой Восточноазиатской войны», т.е. с 8 декабря 1941 г., но не ранее.

«Предложения японского правительства Хирота излагал горячо и с нарочитым воодушевлением, – телеграфировал Малик 30 июня. – Я воспринимал эти предложения подчеркнуто спокойно и холодно, давая понять, что не считаю их заслуживающими значительного внимания». 8 июля Молотов инструктировал посла: «При всей их недостаточности и намеренной недоговоренности предложения Хирота свидетельствуют о том, что японское правительство по мере ухудшения своего военного положения готово будет идти на все более и более серьезные уступки для того, чтобы попытаться добиться нашего невмешательства в войну на Дальнем Востоке. Вашу позицию в беседе с Хирота считаем правильной. В дальнейшем Вам надо быть еще более осторожным и в том смысле, чтобы не втягиваться в этих и подобных беседах в обсуждения японских предложений. Вы не должны дать никакого повода, чтобы японцы изобразили как переговоры Ваши беседы».

После этого советские дипломаты начали тянуть время. 11 июля Молотов сказал Сато, что доклад из Токио еще не прибыл в Москву, а Малик стал избегать встреч с Хирота. 12 июля свидания начал добиваться Того. Посол отговорился болезнью (судя по его отчету, «дипломатической»), но в итоге принял начальника политического отдела МИД Ё. Андо, который сделал следующее заявление: «Его Величество император Японии Высочайший (видимо, следует читать Высочайше. – *В.М.*) принял решение о командировании принца Коноэ в Москву с личным письмом императора, в котором изложен вопрос окончания войны Японией, и для того чтобы лично обсудить с Советским Правительством этот вопрос. Одновременно японский посол в Москве Сато сделает заявление по этому вопросу непосредственно Советскому Правительству». «На вопрос в чем конкретно выразится миссия Коноэ, – продолжал посол свой доклад, – Андо указал, что в первую очередь передать пожелание императора об окончании войны, изложенное в специальном письме, и во-вторых, обменяться мнениями с Советским Правительством по этому вопросу».

В дело готов был вступить главный «политический тяжеловес» Японии. 7 июля император вызвал премьера и, поинтересовавшись ходом переговоров с СССР, объявил, что намерен отправить в Москву специального посланника с личным письмом к советским руководителям. 11 июля Того послал Сато «сверхсрочную» и «совершенно секретную» телеграмму, в которой впервые открытым текстом сообщил о намерении искать советского посредничества для выхода из войны. Днем позже император поручил эту миссию Коноэ. Принц согласился, хотя, по некоторым воспоминаниям, без особого энтузиазма. Одновременно Того направил послу указание немедленно встретиться с В.М. Молотовым, как только тот вернется с Потсдамской конференции, а до того проинформировать С.А. Лозовского о предстоящей миссии и передать письмо императора, текст которого был сообщен по телеграфу. 13 июля Сато вручил Лозовскому «строго конфиденциальное» послание:

«Его Величество Император Японии, глубоко озабоченный бедствиями и жертвами народов всех воюющих стран, увеличивающихся изо дня в день в результате нынешней войны, выражает свою волю, чтобы положить скорее конец войне. Поскольку в Восточно-Азиатской войне США и Англия настаивают на безоговорочной капитуляции, Империя будет вынуждена довести войну до конца, мобилизуя все силы и средства, за честь и существование Отечества. Однако, в результате такого обстоятельства неизбежно усиленное кровопролитие у народов обеих воюющих сторон. Его Величество крайне обеспокоен в этой мысли и изъявляет пожелание, чтобы на благо человечества в кратчайший срок был восстановлен мир»⁷³.

«Ознакомившись с посланием, – сообщает архивная запись, – С.А. Лозовский сказал послу, что это послание не имеет адресата и непонятно, кому оно направлено. Посол ответил, что это послание не адресовано особо кому-либо. Желательно, чтобы с ним ознакомился глава государства г-н Калинин и глава советского правительства Сталин»⁷⁴. Его Величество Император Японии свое специальное послание перешлет с князем (так в оригинале. – В.М.) Коноэ».

Речь шла об очередной проверке – примут Коноэ в Кремле или нет? Конкретные предложения принц, в случае согласия Москвы, должен был привезти с собой. Другого письма императора мы не знаем, так что Коноэ, очевидно, собирался торжественно вручить оригинал послания Сталину и Калинин. Высший совет по руководству войной продолжал обсуждать, что еще можно предложить Советскому Союзу за помощь в выходе из проигранной, но не оконченной войны. Разработанные в окружении Коноэ варианты предложений предусматривали в качестве уступок за сохранение им-

⁷³ Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете, с. 289.

⁷⁴ Судя по японским документам, предполагалось ознакомить с ним и Молотова.

ператорской системы освобождение всех захваченных Японией территорий, включая архипелаги Окинава и Огасавара, разоружение, демобилизацию и репатриацию армии. Дальше шла примечательная оговорка: если репатриация будет невозможна, Япония согласна оставить часть личного состава «там, где он находится» и «предложить его труд в качестве репараций». Документ не получил никакого официального статуса и был опубликован после войны как доказательство «доброй воли» принца вместе с рядом аналогичных проектов, оставшихся в стадии разработки⁷⁵.

Сато настоятельно просил С.А. Лозовского ознакомить В.М. Молотова с посланием до его отъезда на Потсдамскую конференцию, намеченного на этот вечер, и дать предварительный ответ, что «помогло бы миссии Коноэ подготовиться к приезду в Москву». «Учитывая, что путь из Токио до Москвы поездом займет очень много времени, посол от имени японского правительства хотел бы просить советское правительство предоставить этой миссии самолет, направив его на станцию Маньчжурия или на станцию Цицикар, откуда он мог бы быстрее доставить членов миссии в Москву»⁷⁶. 18 июля посол получил очередной вежливый отказ: «Высказанные в послании императора Японии соображения имеют общую форму и не содержат каких-либо конкретных предложений. Советскому Правительству представляется неясным также, в чем заключаются задачи миссии князя Коноэ. Ввиду изложенного Советское Правительство не видит возможности дать какой-либо определенный ответ по поводу миссии князя Коноэ». Получив такой ответ, Сато послал резкую телеграмму министру и предложил согласиться на безоговорочную капитуляцию. Того решительно ответил, что это невозможно, что Япония будет сопротивляться до последнего, и приказал любой ценой добиться согласия Москвы на приезд миссии⁷⁷. 25 июля Сато, наконец, сообщил Лозовскому, что Коноэ привезет конкретные предложения по дальнейшему характеру двусторонних отношений, подчеркнув, что «задачи миссии обширны». Лозовский попросил письменный текст заявления, который получил в тот же вечер и немедленно отправил в Потсдам Сталину, Молотову и Вышинскому вместе с проектом ответа, в котором просил сообщить конкретные предложения⁷⁸.

Днем позже, 26 июля, Потсдамская декларация США, Великобритании и Китая (Чан Кайши поставил подпись «по телеграфу») потребовала безоговорочной капитуляции Японии. Декларация практически не оставляла надежды на то, что Япония примет ее (в ней ни слова не говорилось об императоре и государственном строе), тем самым развязывая руки США для

---

⁷⁵ *Ябэ Тэйити*. Коноэ Фумимаро. Т. 2. Токио, 1952, с. 551–565.

⁷⁶ *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете, с. 288–290.

⁷⁷ *Tsuyoshi Hasegawa*. *Racing the Enemy*, p 143–144.

⁷⁸ *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете, с. 290–293.

применения ядерного оружия, и поставила Советский Союз перед фактом, что столь важное решение принято без него. Участие СССР в ней могло хотя бы отчасти оправдать нарушение пакта о нейтралитете и, покончив с надеждами Японии на посредничество Москвы, принудить ее к немедленной капитуляции. 28 июля И. Сталин сообщил Г. Трумэну и новому британскому премьеру К. Эттли, что «мы, русская делегация, получили новое предложение от Японии». «Хотя нас не информируют как следует, когда какой-нибудь документ составляется о Японии, – выразительно заметил он, имея в виду декларацию, – однако, мы считаем, что следует информировать друг друга о новых предложениях». Затем был зачитан перевод «ноты Японии о посредничестве», т.е. заявления Сато и послания императора. «В этом документе ничего нового нет, – заключил Сталин. – Есть только одно предложение: Япония предлагает нам сотрудничество. Мы думаем ответить им в том же духе, как это было в прошлый раз»⁷⁹. Подготовленный Лозовским ответ Молотов кратко оценил словами: «Не то»⁸⁰, но ничего не предложил взамен, вероятно, считая это уже ненужным.

Узнав о Потсдамской декларации из радиопередачи Би-Би-Си, Сато сделал вывод, что без предварительного уведомления и согласия советской стороны такой документ появиться не мог. Он сразу телеграфировал, что это и есть ответ на предложение о поездке миссии Коноэ. В Токио царила растерянность. Принять Потсдамскую декларацию не позволила армия, но Того убедил официально не отвергать ее, чтобы не обострять ситуацию. Дипломаты ссылались на то, что в тексте говорилось о «безоговорочной капитуляции вооруженных сил», а не страны и что ничего не было сказано о судьбе императора или изменении государственного строя. В газеты попало слово *мокусасу* – «убить молчанием» или «игнорировать», – которым стали определять позицию правительства⁸¹. Проигнорированным оказался и доклад генерального штаба о концентрации советских войск на границе Маньчжоу-го.

30 июля Сато и С.А. Лозовский встретились снова. Замнаркома не дал никакого ответа, сославшись на отсутствие И.В. Сталина и В.М. Молотова. По поводу декларации посол сказал: «Япония не может сдаться на таких условиях. Если честь и существование Японии будут сохранены, то японское правительство, в целях прекращения войны проявит весьма широкие

⁷⁹ Берлинская (Потсдамская) конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Сб. документов. М., 1980, с., 218, 222, 382–384.

⁸⁰ *Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете, с. 291–293.

⁸¹ Подробнее см.: *Нака Акира.* Мокусасу. Поцудаму сэнгэн-но синдзицу то Нихон-но уммэй. (Убийство молчанием. Правда о Потсдамской декларации и судьба Японии). В 2-х томах. Токио, 2000.

примиренческие позиции» (запись Лозовского)⁸². Сообщив в Токио о встрече, Сато посоветовал принять условия Потсдамской декларации и обратиться к подписавшим ее державам, пояснив, что только это может предотвратить вступление СССР в войну. Того отверг данный вариант, поскольку «дома трудно одним росчерком пера утвердить конкретные условия мира» (намек на противодействие военных). Телеграммы были прочитаны и американскими руководителями, решившими не медлить с бомбардировками. 5 августа Сталин и Молотов вернулись в Москву. 6 августа первая бомба была сброшена на Хиросиму. Того послал Сато телеграмму, предписав немедленно потребовать встречи с наркомом и снова задать вопрос о приеме миссии. Советский вождь еще в Потсдаме узнал, что у США есть атомная бомба, но не ожидал столь быстрого ее применения. Он понял, что это предупреждение не только японцам, и тоже решил не медлить.

Встреча Сато с В. Молотовым состоялась 8 августа в 17 часов по московскому времени. Говорить о миссии Коноэ послу не пришлось. Нарком прервал его, сказав, что должен сделать важное заявление: с полуночи 9 августа (т.е. всего через час по токийскому времени) СССР и Япония находятся в состоянии войны. Мотивировка была проста: Япония отклонила требования Потсдамской декларации; союзники обратились к СССР с просьбой о вступлении в войну, и тот, «верный союзническому долгу», принял предложение. «Советское Правительство считает, что такая его политика является единственным средством, способным приблизить наступление мира, освободить народы от дальнейших жертв и страданий и избавить японский народ от тех опасностей и разрушений, которые были пережиты Германией после ее отказа от безоговорочной капитуляции»⁸³.

Согласно официальной версии, именно союзники попросили Москву вступить в войну. Это следует из протоколов Потсдамской конференции, опубликованных МИД СССР. Однако в этих публикациях в протоколе беседы Молотова с Трумэном 29 июля сделана купюра (выделена курсивом), восстановленная только Б.Н. Славинским в 1995 г.: «Молотов говорит, что у него есть предложения, связанные с положением на Дальнем Востоке. *Для Советского Союза было бы удобным поводом для вступления в войну против Японии, если бы союзники обратились к нему с просьбой об этом.* Можно было бы указать, что, в связи с отклонением Японией требования о капитуляции...»⁸⁴. Далее, как в советском заявлении.

9 августа вторая бомба была сброшена на Нагасаки. Вечером того же дня в Токио, в дворцовом бомбоубежище собралась Императорская конфе-

---

⁸² Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете, с. 294.

⁸³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. М., 1947, с. 362–363.

⁸⁴ Славинский Б.Н. Пакт о нейтралитете, с. 307.

ренция – совещание императора, председателя Тайного совета, премьера, ключевых министров и начальников генеральных штабов. Вопрос был один: принимать или не принимать Потсдамскую декларацию. Понимая, что война проиграна, император сопротивлялся *безоговорочной* капитуляции, до последнего рассчитывая на посредничество Москвы. Резолюция, подготовленная Того, предусматривала принятие условий декларации, «понимая их в том смысле, что они не содержат требования об изменении установленного государственными законами статуса японского императора». Высший совет по руководству войной под давлением военного министра и начальников обоих генеральных штабов соглашался на капитуляцию при следующих условиях:

- «1) она не затрагивает императорской фамилии;
- 2) японские войска, находящиеся за пределами страны, демобилизуются после свободного их отвода с занимаемых территорий;
- 3) военные преступники будут подлежать юрисдикции японского правительства;
- 4) не будет осуществлена оккупация с целью гарантии (выполнения условий капитуляции. – В.М.)».

Того предложил ограничиться первым пунктом. Император согласился с ним, но США не желали слышать ни о каких условиях и оговорках⁸⁵.

Я.А. Малик смог попасть к Того чтобы сделать заявление о вступлении в войну, 10 августа. «Выслушав посла, – вспоминал Того, – я напомнил ему, что его страна напала на нас в то время, как пакт о нейтралитете между СССР и Японией остается в силе, а также высказался по поводу поведения СССР, который начал против нас войну, так и не дав никакого ответа на нашу просьбу об оказании добрых услуг в деле заключения мира. Более того, хотя в качестве официальной причины Советский Союз выдвигал отказ Японии признать Потсдамскую декларацию, он фактически не принял никаких усилий для установления подлинной позиции японского правительства. Эта акция СССР, – сказал я, – будет осуждена историей. По сути Малику сказать было нечего, и он лишь в самой общей форме заявил, что в действиях СССР не было ничего предосудительного. Далее я сообщил ему, что японское правительство объявило о принятии Потсдамской декларации (10 августа в 7 часов утра по токийскому времени, через миссии в Швейцарии и Швеции. – В.М.), и попросил передать эту информацию своему правительству»⁸⁶.

⁸⁵ История войны на Тихом океане. Т. IV. М., 1958, с. 264–271 (пер с яп.).

⁸⁶ Того С. Воспоминания японского дипломата, с. 472–473. По поводу заявления Японии о принятии Потсдамской декларации и последующего обмена нотами с союзными державами см.: История войны на Тихом океане, т. IV, с. 289–293.

Что сыграло решающую роль в скорой капитуляции Японии – атомные бомбардировки или вступление СССР в войну? Вопрос не только исторический, но и политический. До недавнего времени объективному изучению данной проблемы мешали идеологическая ангажированность авторов и воздействие внешних факторов. Наиболее полное и беспристрастное ее исследование предпринял Ц. Хасэгава, которые впервые свел воедино советские, японские и американские документы. Его принципиальный вывод, сделанный на их основе, представляется наиболее верным: «Вступление СССР в войну потрясло японцев больше, чем атомные бомбы, поскольку оно положило конец всем надеждам придти к соглашению, хоть немного отличному от безоговорочной капитуляции... (Оно) сыграло большую роль, чем атомные бомбы, в принуждении Японии к капитуляции»⁸⁷. Впрочем, первым этот вывод сделал сам премьер-министр К. Судзуки, сказавший 9 августа на заседании Высшего совета по руководству войной: «Вступление сегодня утром в войну Советского Союза ставит нас окончательно в безвыходное положение и делает невозможным дальнейшее продолжение войны»⁸⁸.

Анализ советско-японских отношений во время Второй мировой войны показывает, что решение Сталина о вступлении в войну против Японии диктовалось не состоянием отношений с ней, а общим видением ситуации в регионе и в мире. Советское руководство списало Японию со счетов ввиду обстановки, сложившейся на последнем этапе мировой войны. В глобальной перспективе оно должно было учитывать наличие у США атомного оружия.

Участие СССР в боевых действиях против Японии позволило ему войти в число победителей в войне на Тихом океане, но нарушение Советским Союзом Пакта о нейтралитете ухудшило атмосферу, в которой в дальнейшем формировались отношения между Москвой и Токио.

---

⁸⁷ Tsuyoshi Hasegawa. *Racing the Enemy*, p. 3, 5.

⁸⁸ Цит. по: Савин А.С. Японский милитаризм в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1979, с. 209.

Глава 4.

СССР и Китай (1931–1939)

Китайский вопрос в советской политике в 1930-е годы

В 1931 г. Китаю со стороны Японии была навязана война, которая внесла новые изменения в расстановку политических сил в китайском обществе. Баланс сил определялся необходимостью отражения японской агрессии. В этих условиях китайское направление советской дальневосточной политики в 1930-е годы, как и политики на других направлениях, формировалось и уточнялось с учетом национально-государственных интересов страны на каждом отдельном этапе международного развития и национально-государственных интересов Китая. Принимались во внимание и перспективы мирового революционного процесса. Известно, что в основе внешней политики СССР была определенная двойственность целей: поддержание на должном уровне дипломатических отношений с правительствами зарубежных стран и защита компартий в тех же странах.

Внутриполитическая ситуация в самом СССР была также достаточно сложной. С середины 30-х годов, как известно, началась полоса репрессий, захватившая правительственный аппарат, партию, армию, науку. Под ее жернова попали многие известные советские дипломаты и военачальники, работавшие в разные годы в Китае, в том числе В.К. Блюхер, Д.В. Богомолов и др. Военные и государственные структуры в стране были ослаблены. Национально-государственные интересы СССР исключали возможность участия СССР в мировой войне до нападения на Россию извне, тем более в войне на два фронта, на Востоке и на Западе, диктовали необходимость последовательного нейтралитета в международных делах.

Причем советский нейтралитет был воинствующим. СССР оказывал помощь и поддержку странам-жертвам агрессии. Приоритетным направлением советской внешней политики был курс на организацию коллективного отпора агрессорам.

В сложной, напряженной международной обстановке 30-х годов, после прихода в Германии к власти фашистов, началась подготовка к борьбе за передел мира. Вторая мировая война, как известно, началась внутри системы, которая в советской политологии именовалась капиталистической.

Западные демократии фактически отказались от помощи странам-жертвам агрессии. Советские предложения по организации им международной помощи не находили поддержки в США и других странах. Глава американской делегации на Брюссельской конференции Н. Девис докладывал госсекретарю США К. Хэллу 17 ноября 1937 г.: «Потемкин, который встретил меня вчера, сообщил, что Литвинов приказал ему по телефону обсудить со мной, какие акции могут быть рекомендованы конференции в следующий понедельник. Он очень настойчиво убеждал нас рекомендовать конкретные меры против Японии, поскольку его правительство считает, что ничто другое не может ее остановить, она не хочет действовать в одиночку, но если не последует совместных действий и она вынуждена будет действовать в одиночку, она не чувствует себя способной сделать больше, чем продолжать обеспечивать „осторожным образом“ сухопутную доставку оружия и снаряжения в Китай... Я объяснил нашу общую позицию о невозможности сделать какие-либо предложения об общих действиях. Девис»¹.

Дело коллективной безопасности пробуксовывало, и Советский Союз, официально сохраняя нейтралитет, в ряде случаев фактически принял участие в мировом противоборстве, направляя ограниченные контингенты добровольцев в горячие точки планеты. Наиболее яркий пример – участие СССР в войне в Испании (1936 г.).

Китай занимал важное место в советской дальневосточной политике, прежде всего в силу своего геополитического положения, как крупнейшая страна, имевшая наиболее протяженную в мире пограничную линию с СССР, как страна, заинтересованная в поддержании добрососедских отношений с СССР, наконец, как страна, подвергшаяся японской агрессии. Советское правительство учитывало также положение советского Дальнего Востока в случае, если бы там началась война. Дальний Восток, мало населенный и только что приступивший к индустриальному строительству, был достаточно уязвимой частью советской территории в силу своей отдаленности и слабости транспортных коммуникаций.

---

¹ Foreign Relations of the United States. 1937. Vol. 3, p. 198–199 (далее – FRUS).

Жизненные интересы СССР, понимаемые как необходимость укрепления и совершенствования советской государственности, как необходимость локализации возникающих очагов агрессии в определенной степени совпадали с интересами китайского государства, находившегося в состоянии войны с Японией. И СССР, и Китай были заинтересованы в стабилизации обстановки в Восточной Азии, в сдерживании японской агрессии, выступали за коллективные меры по оказании отпора Японии. Однако полного совпадения жизненных интересов СССР и Китая в войне с Японией на текущем этапе быть не могло. Китаю уже была навязана война, и Китай был заинтересован в скорейшем ее окончании, при условии сохранения своей национальной государственности. Советский Союз был готов оказать и оказывал необходимую поддержку китайскому народу, но не был готов объявить войну Японии из солидарности с Китаем. Советская военная стратегия, как отмечалось выше, была оборонной стратегией, исключала возможность объявления войны до нападения на СССР извне.

Принимая политическое решение по китайской проблеме – оказать широкомасштабную помощь китайскому народу и китайскому государству – советское правительство руководствовалось тем, что расширение масштабов японской агрессии на китайской территории вело к дальнейшему изменению баланса сил в регионе, создавало угрозу всем странам региона. Кроме того, Советский Союз исходил из уверенности, что властные структуры, общественность, народные массы Китая не собираются стать добровольной жертвой агрессии, готовы защищать китайскую национальную государственность до победного конца. Данная оценка опиралась на информацию, поступавшую из советского посольства в Китае, на анализ практической политики китайского руководства, публичных заявлений китайских лидеров и др. В центре нашего внимания оказались заявления и практическая деятельность главы государства Чан Кайши, ибо он, на наш взгляд, олицетворял китайское национальное правительство и руководство Гоминьдана. Равно как и в нашем исследовании советской политики по Китаю, мы имеем в виду, что И.В. Сталин был лицом, принимавшим решения по важнейшим вопросам политики.

Социально-политическое и военное положение в Китае было сложным, определялось вяло текущей гражданской войной между Гоминьданом (ГМД) и КПК, слабостью политической власти в стране. Иностранные журналисты, работавшие в Китае характеризовали внутривнутриполитическую ситуацию в не оккупированной японцами территории страны на примере пров. Сычуань (столица провинции Чунцин). «Когда японцы напали на Китай, – отмечали журналисты, – сычуаньские милитаристы выступили с заявлениями, что они полностью поддерживают Чан Кайши, но в их представлении это означало, что они поддерживают союз с Чан Кайши против японцев, а

не объединение с ним или отказ от своего независимого положения и подчинения кому бы то не было. Когда японцы начали наступать вглубь страны, сычуаньцы приняли беженцев как эмигрантов, а правительство, переехавшее в Чунцин, как временного гостя»². Более того, значительная часть страны контролировалась КПК, существовал Особый район Шэньси-Ганьсу, Нинся.

Война выдвинула на передний план вопросы единства действий партий, группировок, общественных организаций. Можно отметить, что задолго до оформления единого фронта, 16 февраля 1937 г. Д.В. Богомолов в беседе с послом Китая в СССР Цзян Тинфу заметил, что хотя единый фронт является внутренним делом Китая, ему приходилось самому слышать высказывания некоторых китайских лидеров, которые заявляли, что при слабости китайской армии, по сравнению с японской, китайское правительство может надеяться на удачу сопротивления только в том случае, если все слои населения будут поддерживать правительство³. Единый антияпонский национальный фронт (единый фронт ГМД и КПК), оформленный осенью 1937 г., в той или иной степени существовал в течение всего периода войны. Национальное правительство, а также его союзники по единому фронту находили механизмы и формы, приостановившие центробежные процессы в Китае. Единый фронт против Японии был одним из проявлений укрепления китайской государственности.

Известно, однако, что курс на единый фронт разделялся далеко не всеми в ГМД. В Китае было немало сторонников радикального решения «коммунистической проблемы» до начала отпора Японии. Аналогичные явления имели место в КПК. В партиях шли дискуссии по вопросу о приоритетах – партийные или национальные интересы должны стоять на первом месте в период японской агрессии. Китайское руководство и китайская оппозиция в лице КПК сумели внести коррективы в концепцию наиболее важных партийных задач, принять более или менее ясные и «справедливые» правила игры, которые должны были защитить основные партии и классы китайского общества. На определенном этапе войны, развязанной Японией против Китая, определяющей тенденцией в политической жизни страны было понимание важности для страны единства и согласия.

В стратегии ГМД большое внимание уделялось проблеме международной помощи в войне против Японии, организации мирового сообщества на борьбу против Японии, активизации усилий Лиги Наций в данном направлении. Как отмечалось, Лига Наций, США, Англия и другие страны до начала войны на Тихом океане необходимой Китаю поддержки не оказали. В заявлениях правительства США, сделанных в июле-августе 1937 г., гово-

---

² Т. Уайт, Э. Джэкоби. Гром из Китая. М., 1948, с. 19.

³ АВП РФ, ф. 0100, оп. 21. д. 11. п. 187. л. 39.

рилось о намерении США соблюдать нейтралитет в японо-китайской войне. Но вслед за тем США отозвали своих инструкторов, работавших в китайской армии. Более того, в 1938 г. США предоставили Японии 125 млн. долл. в виде займов и кредитов, а также вооружение и пр. Китай же получил кредитов только на 25 млн долл.

Китай не исключал возможности решить политическим путем проблемы японо-китайских отношений⁴. Такие попытки предпринимались, например, в феврале 1938 г., в июле 1938 г. Мировое сообщество с большим вниманием следило за дипломатическими ходами Китая. До начала Тихоокеанской войны правительство Японии предлагало правительству Китая мир, но на японских условиях, неприемлемых для Китая. Чан Кайши, как глава китайского государства, не хотел войны со своим могущественным восточным соседом. В течение ряда лет он рассчитывал, что к власти в Японии придут новые лица, дружественные Китаю. Чан Кайши не исключал возможность принять условия Японии, если последняя признает суверенитет Китая на китайской традиционной территории. Он считал, что при такой альтернативе все другие вопросы японо-китайских отношений, как-то: японские концессии на китайской земле и др., можно будет согласовать.

В отдельных случаях китайские власти информировали по этому вопросу советское руководство. Например, в декабре 1937 г., когда стало очевидно, что Брюссельская конференция не предприняла акций, которые могли бы сдержать японскую агрессию, Ван Чунхой, министр иностранных дел Китая, сообщил временному поверенному в делах СССР в Китайской Республике Г.М. Меламеду, что поскольку Китай войны не хотел и теперь лишь ведет оборонительную войну, постольку всякое посредничество является желательным, в том числе будет принято во внимание посредничество Германии в политическом решении японо-китайского конфликта. Политические деятели крупнейших стран мира, прогнозируя возможность проблемы урегулирования японо-китайских отношений, отмечали, что при таком повороте событий будет иметь место радикальное изменение баланса сил в регионе и в мире в целом. В случае принятия Китаем условий мира по японскому варианту, китайская территория превратилась бы в плацдарм для борьбы против СССР.

Контакты с Японией были многоцелевой акцией китайского руководства, в том числе одним из средств давления на западные демократии. Чан Кайши не терял надежды, что США, Великобритания и др., присутствовавшие на китайском политическом и экономическом пространстве, в конце концов, окажут помощь стране в отражении японской агрессии.

Весной 1937 г. Чан Кайши объявил своим единомышленникам, что если Япония предпримет следующий крупный акт агрессии, Китаю не оста-

⁴ См.: *Мировицкая Р. А.* Советский Союз в стратегии Гоминьдана. М., 1990, с. 14.

нется ничего другого, как начать войну. Данное решение принималось нелегко – Китай был слабее Японии в экономическом и военном отношении, но в Китае развернулось мощное антияпонское движение, и если бы правительство страны не пошло на организацию войны, Чан Кайши не исключал, что потеряет контроль над страной и поможет КПК «коммунизировать» Китай⁵. Это было дополнительным аргументом активизировать сопротивление Японии. Принимая решение о войне, Чан учитывал также, что с конца 1936 г. милитаристские фракции взяли верх в японской элите и его надежды на достойный мир с Японией испарились.

В американской исторической литературе отмечается, что Чан Кайши разработал два сценария на случай войны с Японией. В первом была сделана ставка на армию, подготовленную ранее германскими советниками и на то, что японские материальные и валютные ресурсы через определенное время иссякнут и западные державы экономическими санкциями, не вступая в войну, заставят Японию искать мира с Китаем. Для результативности этого плана китайские войска должны были продемонстрировать силу и одержать ряд побед в локальных сражениях.

Второй сценарий Чан Кайши считал наихудшим. Его определяющие параметры были таковы: державы не готовы оказать Китаю военно-техническую и иную помощь. Китай, опираясь только на китайские вооруженные силы, даже при военно-технической иностранной поддержке, не сможет одержать победу в войне. Китай будет сражаться до победного конца, но до начала мировой войны на Дальнем Востоке Китай переходит к затяжной войне⁶. Прогнозируя развитие событий на Дальнем Востоке, китайское руководство выражало уверенность, что и Япония не сможет одержать победу в Китае и будет вынуждена согласиться на мир, основанный на уважении суверенитета, независимости и целостности Китая.

Китайское правительство готово было сражаться с Японией, готово было к затяжной войне, но, учитывая военно-техническую слабость китайской армии и нестабильность в стране, как и ранее, искало пути вовлечения держав в войну против Японии, придавало исключительно большое значение поддержке мирового сообщества.

Политику западных держав можно назвать политикой неучастия в войне на Дальнем Востоке. Важнейшей причиной проведения такой политики был прогноз западных аналитиков, что ближайшей и главной целью японской агрессии является СССР; в ходе советско-японской войны они предполагали решить дальневосточные проблемы. Однако война на Западе и

---

⁵ АВП РФ, ф. 0100, оп. 21, д. 11, п. 187, л. 39; Документы внешней политики СССР. Т. XX, с. 639 (далее – ДВП).

⁶ John W. Garver. China's War maritime Diplomacy. – China's Bitter Victory. The War with Japan. 1937–1945. Wash., p. 6–8.

на Востоке, как известно, была развязана первоначально в рамках одной мировой системы.

Не вступая в войну с Японией, СССР оказал, как отмечалось, поддержку китайскому государству.

После начала широкомасштабной агрессии Японии против Китая правительство Чан Кайши привлекло видных гоминьдановских деятелей, дружественных СССР, к переговорам с Советским правительством. Руководство страны Советов с большим вниманием следило за развитием событий в Китае и задолго до июля 1937 г., как известно, приступило к проработке курса по дальневосточным проблемам. Речь шла о морально-политической, дипломатической, военно-технической поддержке. В нашем распоряжении имеются документы, в том числе мало известные в историографии: постановления Политбюро ЦК ВКП(б), инстанции, принимавшей в СССР важнейшие внешнеполитические решения, записи бесед И.В. Сталина, лично решавшего наиболее важные политические вопросы, с китайскими делегациями, направлявшимися Чан Кайши в Москву для обсуждения вопросов советской помощи Китаю, письма советского руководства полпредам в Китае и др.. Документы, выдержки из которых приводятся в настоящей статье, освещают основные моменты в развитии советской программы помощи Китаю, а так же свидетельствуют и о советских приоритетах по китайской проблеме. Они заключались в следующем:

1. Необходимость направления в Китай военно-технической помощи для усиления китайской армии в войне против Японии.
2. Заинтересованность в сохранении политического единства в Китае, как условия продолжения войны сопротивления.
3. Работа о китайских коммунистах при сохранении в Китае в период войны ситуации «две политические партии, две армии – одна страна».

Важное значение для советской дипломатии и политического руководства имело уяснение истинной позиции руководства Китая по вопросам войны и мира Китая с Японией.

Китайская дипломатия на советском направлении была нацелена на дальнейшую активизацию советской поддержки, на создание условий по углублению китайско-советских отношений, заключение дополнительных договоров и соглашений. Анализ произведений Чан Кайши, написанных им в годы войны, подтверждает обоснованность прогноза советских работников в Китае, что Чан Кайши готов был довести войну до победного конца, вывести Китай на путь строительства влиятельной мировой державы.

Среди заявлений Чан Кайши 1937 г., отметим, например, его речь 20 июля 1937 г. на конференции в Гуйлине. Чан Кайши говорил: «Будучи слабой нацией, мы должны точно и ясно оценивать и соразмерять свои соб-

ственные силы. В течение последних нескольких лет мы терпеливо прилагали усилия, чтобы добиться мира, переносили серьезные трудности и большие оскорбления для достижения национального возрождения и реконструкции. Хотя мы и слабая нация, но если нас доведут до предела, нам останется лишь одно – собрать все силы, всю нашу энергию, все возможности нашей нации и начать борьбу за национальное существование. Когда это произойдет, ничто не заставит нас останавливаться на полпути, чтобы снова говорить о мире... Мы принуждены отразить удар, грозящий нашему существованию. Наш народ должен понять, что в настоящее время центральное правительство занято подготовкой мер для самозащиты».

25 июля Чан Кайши в своем послании в госдепартамент США призывал США и Великобританию к совместным действиям с целью предотвратить войну. Япония должна понять, писал Чан Кайши, что Китай скорее будет воевать, чем делать какие-либо уступки.

Чан Кайши в июле 1937 г. подчеркивал, что военными припасами Китай обеспечен на 6–7 месяцев⁷, т.е. важнейшее значение для Китая имела проблема получения оружия, боеприпасов, военной техники из-за рубежа. Именно о военно-технической советской помощи шла речь на советско-китайских переговорах.

В марте 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло Постановление по китайской проблеме, в котором говорилось:

1. поручить тов. Богомолу возобновить предложения, касающиеся Пакта о ненападении;
2. обещать Нанкинскому правительству нашу поддержку в случае проявления им инициативы о заключении Тихоокеанского регионального пакта;
3. согласиться на продажу Нанкинскому правительству самолетов, танков, другого военно-технического снабжения в кредит на 50 млн. кит. долл. с доставкой в течение двух лет, сроком на шесть лет, с покрытием стоимости поставками олова, вольфрама, тунгстена, а также в размерах не превышающих нынешнего поставок чая, и согласиться на подготовку в СССР летчиков и механиков;
4. не возражать против поездки в Китай сына Чан Кайши, если он сам на это согласен⁸.

Напомним, поставки вооружения в Китай начались раньше подписания соответствующих соглашений. Тогда же началась подготовка для направления в Китай в качестве добровольцев советских летчиков и специалистов других военных специальностей.

---

⁷ АВП РФ, ф. 059, оп. 1, п. 267, д. 1952, л. 133–134.

⁸ АВП РФ, ф. 3, оп. 86, д. 145, л. 15; опубликованы: Русско-китайские отношения в XX в. Т.4: Советско-китайские отношения в 1937 – 1945 гг. (далее – СКО, т. 4).

Указанное решение о военно-политической и дипломатической поддержке Китая, принятое весной 1937 г., уточнялось и конкретизировалось по мере развития событий в Китае и вокруг него.

31 июля 1937 г., в ответ на телеграмму полпреда Д.В. Богомолова из Нанкина в НКВД, было принято решение увеличить поставки вооружения в Китай на сумму до 100 млн кит. долл., то есть в два раза, с доставкой в течение года. Сроки поставки первой партии самолетов были сокращены до минимума. Уже 22 октября 1937 г. в Синьцзян прибыла первая партия самолетов и группа советских представителей для транзита самолетов⁹.

В сентябре 1937 г. в Москву прибыла официальная китайская делегация во главе с генералом Ян Цзэ, в то время генерал-полковником китайской армии, в дальнейшем он был назначен китайским правительством послом Китайской Республики в СССР. Задачей делегации были переговоры о советской военной помощи Китаю¹⁰.

Незадолго до прибытия делегации 21 августа 1937 г. между СССР и КР был подписан Договор о ненападении. Договор подписан в Нанкине, подлинник документа составлен на английском языке. Суть и значение договора лучше всего оценили правящие круги Японии, признавшие, что уже сам факт его подписания является для них «дипломатическим поражением». При подписании документа стороны обменялись устными, строго конфиденциальными, декларациями, и никогда не подлежащими оглашению. Одна из этих деклараций зафиксировала договоренность сторон о том, что СССР не заключит с Японией договор о ненападении, пока нормальные отношения между Китаем и Японией не будут восстановлены¹¹.

Китайская делегация развернула в Москве бурную деятельность. В нашем распоряжении имеются два документа от 10 сентября и 18 ноября 1937 г., характеризующие советские приоритеты по доставке оружия и боеприпасов в Китай.

Первый. Докладная записка И.В. Сталину и К.Е. Ворошилову о беседе членов комиссии Наркомата Обороны (НКО) СССР Барина и Панина с членами делегации Ян Цзэ.

До прибытия делегации, наркомат принял предложение китайской стороны отложить начало расчета за поставки на один год после начала поставок равными частями, но настаивала на обеспечении секретности в проведении переговоров. В Москве опасались, что мировое сообщество, отказывающее Китаю в помощи, могло потребовать приостановить поставки оружия в Китай.

⁹ ДВП, т. XX, с. 748.

¹⁰ АВП РФ, ф. 059, д. 254, п. 1778, л. 154–155.

¹¹ АВП РФ, ф. 06, 1941, оп. 3, п. 28, д. 381, л. 1.

Китайская сторона просила поставить в Китай тяжелые бомбардировщики и другие виды самолетов, артиллерию и пр. Предложения комиссии НКО учитывали необходимость Китая в вооружении и вносили определенные коррективы в заявку китайской стороны:

1. Тяжелые бомбардировщики комиссия рекомендовала исключить из списка, убедив представителей Китая, что в условиях войны в Китае нецелесообразно покупать самолеты, дорогие в эксплуатации, требующие большего расхода горючего и т.п.
2. Дать согласие на продажу СБ (две эскадрильи, 62 самолета), ИЛ (две эскадрильи, 93 самолета), УТИ (8 самолетов). Всего – 225 самолетов.
3. Просьбу китайцев о продаже тяжелой артиллерии отклонить, этих калибров мало в советской армии. В крайнем случае, при настойчивых просьбах, можно выделить им не более 50 штук 122-мм гаубиц.
4. Разрешить ознакомление с советской военной техникой.
5. Согласиться на продажу бензина и масел.
6. Согласиться на направление в Китай инструкторов, количество и специализация которых должны быть уточнены после окончательного установления номенклатуры покупаемого вооружения.

Важное значение придавалось вопросу о доставке товара в Китай. Предполагалось использовать среднеазиатский путь, направлять самолетами до Алма-Аты самые необходимые запасные части, огнеприпасы – автокараваном в Ланьчжоу, все остальное военное имущество – морским транспортом в Кантон (Гуанчжоу). Рассматривался также альтернативный вариант доставки оружия в Китай, через МНР. Данный путь был на 2/3 обеспечен советскими войсковыми частями, он был на 700–800 км короче синьцзянского. Однако было решено, что в силу позиции Китая в отношении Внешней Монголии (МНР) нецелесообразно использовать территорию МНР для транзита военных грузов для китайской армии¹².

23 ноября 1937 г. Ян Цзэ нанес визит заместителю наркома иностранных дел Б.С. Стомонякову и, засвидетельствовав свою благодарность советскому правительству за военно-техническую поддержку, по поручению своего правительства поставил вопрос о вооруженной советской поддержке¹³.

Второй. Беседа советского руководства с китайской делегацией, которая состоялась в тревожной обстановке поражения китайских войск в центральном Китае. Информация попала в Москву после отступления китайских войск из Шанхая. В Москве не ожидали подобного разворота событий в японо-китайской войне. Материалы, поступавшие из Китая, из советских загранучреждений, не предвещали побед японцам.

---

¹² СКО, т. 4, док. №85.

¹³ АВП РФ, ф. 09, оп. 1, д. 180, л. 74.

Китайскую делегацию принимали И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов.

Обратимся к записи беседы. Наибольший интерес представляет часть, относящаяся к вопросу о возможности начала советско-японской войны на текущем этапе, о союзниках Китая в войне. Согласно архивным материалам, Ян Цзэ, ссылаясь на директиву Чан Кайши, заявил, что «СССР – единственный союзник Китая, СССР может воспользоваться ситуацией и оказать давление на Японию. Китай не хочет немедленно втянуть СССР в войну с Японией, но Китай рассчитывает, что СССР может добиться мира на Востоке, а затем обеспечит его на Западе».

Обратим внимание на ответ И.В. Сталина. Первое его замечание касалось вопроса об СССР как единственном союзнике Китая. Сталин подчеркнул, что Китай не должен пренебрегать помощью других государств, в том числе Англии, Германии и др. По мнению Сталина, союзники делятся в основном на две категории, союзники стойкие и союзники нестойкие. Необходимо пользоваться помощью и нестойких союзников. Подобным образом вопрос о союзниках Китая в войне ставился И.В. Сталиным и во время приема им Сунь Фо.

Второе замечание относилось к советско-японской войне. И.В. Сталин сказал, что если Китай будет успешно отражать японскую агрессию, СССР вступать в войну не будет. Если же Япония начнет побеждать, то СССР вступит в войну. Данное уникальное заявление И.В. Сталина по вопросам войны и мира было, очевидно, продиктовано тактическими соображениями и определялось характером поступавшей из Китая и Японии информации. Впоследствии И.В. Сталин внес известные коррективы в советскую политическую линию.

Успел ли Ян Цзэ сообщить в Китай, что в критической ситуации СССР вступит в войну? Позволим себе воспроизвести телеграмму Чан Кайши из Нанкина от 26 ноября 1937 г.: «Прочитав письменный доклад маршала Ян Цзэ и выслушав устный доклад Чжан Чуна, я очень рад и глубоко благодарю Вас за то, что Вы искренне сочувствуете и всемерно заботитесь о судьбах Китая... Две великие страны Китай и СССР являются основой мира в Восточной Азии. Эти два народа имеют не только общие интересы и взаимную зависимость, но они еще имеют совместного общего врага – Японию... В настоящее время китайская армия, делая максимальные усилия, отступает, но все еще обороняет Нанкин... Если Вы в настоящий момент, для спасения опасного положения в Восточной Азии решите вопрос о посылке ваших войск, то такое решение укрепит дух вечного сотрудничества между Китаем и СССР. Все сказанное выше исключительно зависит и может быть разрешено только Вами»¹⁴.

¹⁴ Миньбао данъань. Т. 1. Нанкин, 1985, с. 44–45.

Итак, единый фронт в Китае находился на контроле в Москве. СССР был заинтересован также, чтобы часть оружия, поставляемого из СССР, передавалась ККА, но через гоминьдановские структуры. Основным партнером СССР в Китае было национальное китайское правительство.

Заключительные слова И.В. Сталина в беседе с генералом Ян Цзэ были таковы: «Мы поможем Вам не жалея ни денег, ни оружия. Вы же не знали даже, что мы помогли Вам в Синьцзяне, направив свои войска, одетые в китайскую форму. Все, что можно будет сделать, мы сделаем». Было ли заявление И.В. Сталина намерением стимулировать сопротивление Китая Японии? Какими бы мотивами ни руководствовалось советское правительство, речь шла о реальной, необходимой Китаю поддержке. Помощь СССР Китаю не была односторонней. Оказывая сопротивление японской армии, Китай оттягивал на себя значительную часть сил, которые могли бы быть использованы Японией против СССР. После завершения визита Ян Цзэ в СССР Чан Кайши 25 декабря 1937 г. пишет И.В. Сталину письмо, в котором от имени своего народа благодарит за помощь¹⁵.

Следует напомнить, что Япония в середине 30-х годов активно добивалась, с одной стороны, ограничения советской военной помощи Китаю, с другой – капитуляции Китая или политического решения проблемы по японскому варианту. Нетрудно представить последствия такого варианта развития событий для Китая и для СССР.

Одна из особенностей советско-китайских отношений – обмен доверительными посланиями между Сталиным и Чан Кайши, в ходе которых решались вопросы межгосударственных отношений.

Итак, поставки советского оружия и вооружения в Китай начались до оформления соглашений о кредите. Первые самолеты прибыли на нанкинский аэродром в ноябре 1937 г.¹⁶ В октябре 1937 г. была открыта построенная СССР транспортная линия от советской границы через Синьцзян и Ганьсу в Ланьчжоу, по которой в Китай направлялось советское оружие и боеприпасы; многие товары направлялись также через Хайфон и Рангун, до того времени, когда колониальные власти Франции и Британии по требованию японцев закрыли Бирманскую дорогу.

Советское полпредство в Китае держало на контроле вопрос о китайско-японских контактах. В конце 1937 г., практически одновременно с получением информации о возможности начала очередных переговоров о мире между Японией и Китаем, советское полпредство направило в Москву телеграмму, в которой сообщалось о беседе Чан Кайши с полпредом И.Т. Луганцом-Орельским. Чан Кайши рассказал полпреду, что правительство

---

¹⁵ АВП РФ, ф. 3, оп. 65, д. 356, л. 93; опубликовано: СКО, т. 4, док. № 124, 127.

¹⁶ *Тихвинский С.Л.* Путь Китая к объединению и независимости 1898–1949 гг. М., 1996, с. 333.

оставит японские предложения без ответа, и Китай «будет продолжать сопротивление до победного конца». Чан Кайши отмечал одновременно, что «положение таково, что если СССР не выступит открыто вооруженной силой на помощь Китаю, то поражение Китая неизбежно»¹⁷.

После поражения китайских войск под Шанхаем и Нанкином средства массовой информации вновь захлестнули сообщения о китайско-японских переговорах о мире, в основном на японских условиях. 28 декабря 1937 г. Чан Кайши в беседе с полпредом И.Т. Луганцом-Орельским, вновь заявил, что японские предложения о мире на японских условиях китайское правительство оставит без ответа. Это заявление отражало общее настроение китайского народа, готового защищать свою страну от агрессора всеми доступными средствами.

Западные политики и западная общественность проявляли заметный интерес к развитию отношений Китая с СССР. В каком направлении они будут развиваться, вступит ли СССР в войну на текущем этапе, не приведет ли подобный вариант развития событий к «советизации» Китая? Эти и другие вопросы ставились госдепартаментом США, дипломатическими службами Англии и других стран перед посольствами этих стран в Китае и в третьих странах. Так, например, посол США во Франции У. Кр. Буллит в телеграмме госсекретарю США К. Хэллу писал, что согласно данным Цзян Тинфу, бывшего китайского посла в России, СССР щедр в своей поддержке Китая поставками большими, чем ожидал Китай. Россия сначала потребовала от Китая золото в уплату за поставки, но китайцы не в состоянии платить золотом, русские согласились снабжать их всем необходимым в кредит¹⁸. Вместе с тем, согласно Цзян Тинфу, Советский Союз откажется вступить в японо-китайскую войну при любых условиях. Он считал, что внутренние трудности в СССР в настоящий момент таковы, что русские побоятся ухудшить отношения с Японией, даже если японская армия будет ослаблена затяжным сопротивлением китайцев.

Первый этап войны был неблагоприятен для Китая. Материально-техническое превосходство японской армии и неподготовленность страны к отпору Японии позволили последней добиться крупных успехов и продвинуться вглубь Китая, к Кантону. 17 июля 1938 г. Чан Кайши выступил с историческим заявлением (так называли заявление представители КПК), в котором подчеркнул необходимость отпора врагу. Правительство перебазировалось в Ухань.

Поражением китайских войск под Уханью и Кантоном завершился первый период войны. Японской армии удалось захватить огромные территории в Северном, Центральном и Южном Китае, почти всю железнодо-

¹⁷ ДВП, т. XX, с. 689–690.

¹⁸ FRUS, 1938, vol. 3, p. 21.

рожную сеть и главные экономические центры, блокировать морское побережье. Но японцы не сумели добиться победы. Япония оказалась перед лицом затяжной войны в Китае.

Точка зрения советского посольства на неудачи китайской армии изложена в политическом письме полпредства на имя В.М. Молотова. В письме подчеркивалось, что военное поражение Китая определяется главным образом не тем, что китайская армия оказалась не способна отстаивать интересы своей страны, а тактикой китайского руководства, посчитавшего, что Китай не сможет в одиночку остановить японцев, а значит, Китай должен перейти к затяжной войне, чтобы до вступления мировых держав в войну на Дальнем Востоке, сохранить силы для будущих баталий.

В письме отмечалось, что китайцы «отступали настолько поспешно, что не успевали взрывать укрепления, построенные для обороны, на южном берегу Янцзы, бросали артиллерию (к северу от Ханькоу было брошено около 70 орудий, с боеприпасами и т.д.)».

Посольство считало, что на «текущем этапе вопрос идет не о том, что Чан Кайши не верит в победу Китая собственными средствами, а о том, что он не хочет победы таким путем, ибо считает, что победа подобным путем предопределяет резкое усиление коммунистов, с существованием которых он примириться не может, не хочет и не примирится».

Далее отмечалось: во всех мероприятиях китайского правительства прослеживается тенденция фактически не укреплять, а сохранить армию во что бы то ни стало, использовать коммунистов, не допустить их усиления и, по меньшей мере, добиться разоружения войск КПК, использовать свои внутренние ресурсы и внешнюю помощь для того, чтобы, во-первых, продержаться до вооруженного столкновения Японии с СССР, и во-вторых, добиться вмешательства стран, заинтересованных в сохранении пакта девяти держав.

Особый вопрос связан с падением Кантона. Китайское командование исходило в своих стратегических планах из данности, что англичане не допустят захвата Кантона, и Чан Кайши незадолго до прорыва японцев снял из Гуандуна несколько дивизий, передислоцировав их на центральный фронт. Пополнить же войска Гуандуна новыми войсковыми единицами за счет местного населения оказалось невозможным. Находившиеся в составе правительственной армии провинциальные войска действовали автономно: Генералы-милитаристы берегли свои армии и не торопились выполнить приказ главного командования. Китайское руководство перешло к тактике затяжной войны. Важнейшая часть плана – выиграть время до вступления в войну на Дальнем Востоке крупнейших держав мира¹⁹.

На текущем этапе войны китайское руководство, согласно заявлению Чан Кайши на 3-й сессии Народно-Политического Совета, первоочередны-

---

¹⁹ См.: СКО, т. 4, док. №174.

ми задачами посчитало восстановление территориальной целостности китайского государства в границах, существовавших до 7 июля 1937 г. и восстановление действенности пакта девяти держав. Переход к затяжной войне не означал свертывания войны сопротивления. СССР продолжал оказывать Китаю необходимую военно-техническую поддержку.

В Москву прибыл с визитом Сунь Фо. Основной целью его визита было выяснение возможности более тесного сотрудничества с СССР. Выражение «возможность более тесного сотрудничества» понималось китайским руководством как вовлечение СССР в войну с Японией. М.М. Литвинов в телеграмме полпреду в Китае И.Т. Луганцу-Орельскому 2 марта 1938 г. писал: «Заявите Чан Кайши, что мы по-прежнему готовы помогать Китаю, что в нашей политике в отношении Китая не произошло никаких перемен и мы не предполагаем менять эту политику ни в какую сторону»²⁰.

Получив ответ из Москвы Чан Кайши, тем не менее, вновь ставит перед Москвой вопрос о дальнейшем сближении²¹.

Первое соглашение между СССР и Китайской Республикой о реализации кредита в 50 млн ам. долл. было подписано 1 марта 1938 г. В мае-июне 1938 г. состоялись переговоры о подписании соглашения о втором кредите на закупку вооружения, обсуждался также вопрос о главном военном советнике и др. 31 мая 1938 г. Чан Кайши направил в Москву телеграмму: «Прочитав Вашу телеграмму, я глубоко благодарю Вас за понимание трудностей Китая, за Ваше сочувствие Китаю в борьбе сопротивления и за Ваше согласие оказать всемерную военную помощь... я получил телеграмму Сунь Фо о Вашем любезном согласии в отношении второго кредита помощи на сумму 160 000 000 долларов. Кроме этого, и в будущем обещано оказывать помощь... Убедительно прошу Вас прежде всего заключить соглашение о кредите. Мною уже даны полномочия генералу Ян Цзэ подписать соглашение. Кроме того, дополнительно будет представлен список необходимой военной техники и оружия... От имени китайской армии и народа еще раз приношу Вам искреннюю благодарность за проявленное вами чувство дружбы, искреннего желания продолжить помощь Китаю»²².

СССР продолжал курс на организацию международной помощи Китаю силами ведущих государств, в том числе по организации Тихоокеанского пакта. 22 марта Чан Кайши в письме И.В. Сталину, переданном через Сунь Фо, выступил с инициативой подписания Советско-китайского Пакта защиты мира на Дальнем Востоке. В упомянутом письме Чан Кайши подчерки-

²⁰ Там же, док. № 191.

²¹ В российской исторической литературе упоминаются также письмо Чан Кайши И.В. Сталину от 5 мая 1938 г., ответ И.В. Сталина и К.Е. Ворошилова Чан Кайши от 10 мая 1938 г., письмо Чан Кайши в Москву от 22 июня 1939 г. и от 26 августа 1939 г. и др.

²² См.: *Тихвинский С.Л.* Китай в моей жизни (30–90-е годы). М., 1992, с. 18–19.

вал, что цель китайской революции – «строительство Нового Китая. Единство СССР и Китая это гарантия мира на Дальнем Востоке». Чан Кайши предложил советскому правительству подписать Пакт защиты мира на Дальнем Востоке и назначил Сунь Фо специальным послом и своим личным представителем, облеченным полномочиями для ведения переговоров о Пакте и о советско-китайских отношениях в поствоенном мире.

Ответ И.В. Сталина в архивах обнаружен не был. Но обратим внимание на замечания Сталина по тексту письма. И.В. Сталин подчеркнул фразы о значимости советской помощи для Китая, информацию о потерях, понесенных китайской армией и о том, «что в течение последующих пяти десятилетий СССР и Китай должны тесно сотрудничать в едином фронте», а на текущем этапе должны заложить основу для грядущего единства.

Как отмечалось, одним из направлений советской внешней политики был курс на организацию коллективных мер крупнейших держав мира на отпор агрессии на Дальнем Востоке. Предложения Китая следует рассматривать в данном русле. В середине 1938 г. в условиях фактически безрезультатных переговоров СССР с западными державами, Москва вынуждена была приступить к проработке и других путей, которые могли бы отодвинуть войну от советских границ. На китайском направлении изменений не предусматривалось, СССР был заинтересован в локализации японской агрессии всеми доступными, в том числе и дипломатическими, средствами.

Еще на первом этапе войны Китая против Японии, в ноябре, на нанкинский аэродром, затем в Ханькоу и Наньчан прибыли советские истребители и бомбардировщики, всего более 100 единиц, а всего с ноября 1937 г. до января 1942 г. СССР поставил Китаю 1235 самолетов, в том числе 477 истребителей, 408 бомбардировщиков, свыше 100 учебных и специальных самолетов, большое количество авиационного бензина, смазочных масел и др... Советская авиация сразу же вступила в бой. Советские летчики не только принимали участие в воздушных боях и бомбардировках позиций противника, но и готовили китайские экипажи, ремонтировали самолеты и моторы.

С начала войны до конца 1939 г. Китай получил из СССР 1600 артиллерийских орудий, 14 тыс. пулеметов, 82 танка, большое количество снарядов и патронов, винтовок, медикаментов и медицинского оборудования. С первыми орудиями в Китай прибыли советники и инструкторы по артиллерии.

В октябре 1937 г. вступила в строй автотрасса протяженностью 2700 км с территории Казахской ССР до г. Ланьчжоу, по которой, как упоминалось, шли оружие, боеприпасы, бензин и другие грузы из Советского Союза. Только в 1937–1938 гг. по трассе было перевезено до 10 965 тонн различного рода вооружений, в том числе самолеты, артиллерийские орудия, дру-

гая боевая техника. Но трасса не справлялась с таким объемом грузов. Китай и СССР искали другие возможности для расширения транспортных связей. 5 июня Москва приняла решение принять предложение китайской стороны начать подготовку к открытию авиалинии СССР – Китай.

В Китае работали в качестве советников и инструкторов советские специалисты. Первая группа советников и специалистов в количестве 27 человек прибыла в Китай в первой половине мая 1938 г. К середине февраля 1939 г. их насчитывалось 3665 человек. Своевременная и эффективная советская помощь предотвратила капитуляцию Китая. В сдерживании японской агрессии важную роль играло развернувшееся в тылу врага партизанское движение, организованное китайскими коммунистами.

Сунь Фо, посетив в мае 1938 г. Францию, дал высокую оценку советской помощи Китаю. В беседе с послом США во Франции Буллитом, он подчеркивал, что русские обеспечили китайцев снаряжением на сумму примерно 150 млн кит. долл., при этом не настаивали на немедленной оплате поставок, доставили часть грузов до того, как китайцы дали обещание заплатить за них. Сунь Фо добавил, будто И.В. Сталин сказал ему, что Китай сражается не только за себя, но и за Россию, так как окончательная цель японцев – захват всей Сибири²³.

10 мая 1938 г. И.В. Сталин и К.Е. Ворошилов телеграммой известили Чан Кайши, что СССР не требует от Китая оплаты валютой или золотом, что он делает все возможное для оказания помощи великому китайскому народу²⁴.

16 мая 1938 г. И.Т. Луганец-Орельский сообщил в НКВД, что Чан Кайши отдал приказ Сунь Фо возвратиться в Москву, чтобы лично поблагодарить за помощь и укрепить платформу для единства действий СССР и Китая на международной арене. В Москве Сунь Фо заявил, что его попытки договориться с Англией и Францией о поддержке Китая остались безрезультатными. В беседе с И.В. Сталиным Сунь Фо вновь вернулся к вопросу о союзниках Китая. Сталин, выслушав Сунь Фо, подчеркнул, что все-таки Китаю не стоит ссориться с западными странами, ведь сохраняется надежда получить от них хоть что-нибудь.

В июне 1939 г. китайское правительство вновь вернулось к вопросу о заключении советско-китайского соглашения о помощи «более, чем материальной». Имелось в виду подписание договора с СССР о взаимной помощи или же соглашения по военным вопросам²⁵.

Китайское руководство по-прежнему держало курс на дальнейшее углубление отношений с СССР, включая ее вступление в войну на Дальнем

²³ FRUS. 1938, vol. 3, p. 164–165.

²⁴ СКО, т. 4, док. № 252.

²⁵ Там же, док. №219.

Востоке. Позиция советского руководства не менялась. В данном контексте представляют интерес беседа советского полпреда И.Т. Луганца-Орельского с Сунь Фо в Ханькоу 26–27 августа 1938 г. и телеграмма М.М. Литвинова И.Т. Луганцу-Орельскому в Ханькоу от 28 августа 1938 г.

Полпред писал в Москву, что Сунь Фо начал беседу с изложением указания Чан Кайши о необходимости двинуть вперед дело сближения с СССР; при этом Сунь Фо отдавал себе отчет, что СССР сочувствует борьбе китайского народа за освобождение своей родины и будет оказывать ему материальную поддержку, но СССР может включиться в войну только при наличии ряда условий: во-первых, если будет решение Лиги Наций о применении военных санкций против Японии; во-вторых, при условии совместного выступления четырех великих держав; и в-третьих, в случае прямого нападения Японии на территорию СССР.

Сунь Фо считал, что эти условия нереальны, так как Лига Наций после неудачного опыта санкций против Италии никогда более такой резолюции не примет, изоляционистская политика США и страх Англии перед Японией делают невозможным второй вариант, а Японии не по силам нападение на СССР. Отмеченные соображения Сунь Фо довел до сведения Чан Кайши.

Чан Кайши, как утверждал Сунь Фо, согласился с его аргументацией, однако дал поручение встретиться с полпредом и обменяться мнениями относительно вопроса о заключении между странами Пакта о взаимной помощи, секретного и не обязывающего СССР вступать в войну на Дальнем Востоке.

Отвечая Сунь Фо, полпред заметил, что сохранить подобный договор в тайне практически невозможно потому, например, что в китайском руководстве немало деятелей, которых «беспокоит левый курс» Чан Кайши, а значит подписание пакта может обострить внутриполитическое положение в стране, в том числе среди политической элиты.

Рассматривался и международный аспект проблемы. В международных отношениях новая расстановка сил в регионе может подтолкнуть Англию к более тесным связям с Японией и т.д. В частности, полпред заверил Сунь Фо, что ныне существующая договорная форма между странами, между СССР и Китаем является отличной базой для оказания Китаю Советским Союзом помощи военной, дипломатической и др. Сунь Фо, со своей стороны, подчеркнул, что основной причиной, по которой Китай настаивает на дальнейших договорных актах с СССР, является желание китайского руководства обрести уверенность, что СССР будет помогать Китаю при любом, даже очень тяжелом положении своей страны²⁶.

---

²⁶ АВП РФ, ф. 0100. оп. 22, п. 190, д. 10, л. 93–104.

28 августа М.М. Литвинов направил, полпреду телеграмму, в которой подчеркнул, что внешнеполитическая линия на китайском направлении не меняется²⁷.

Чан Кайши предполагал, что важнейшая причина отказа советского правительства вступить на путь дальнейшего углубления отношений между странами базируется на сомнении, что Чан Кайши будет продолжать войну сопротивления. 31 августа 1938 г. в беседе с советским полпредом Чан Кайши заявил последнему, что целью политического договора с СССР является установление с СССР тесного сотрудничества «на сравнительно вечное время». Чан Кайши просил передать в Москву, что вне зависимости от решения советского правительства по данному вопросу, Китай будет последовательно сотрудничать с СССР.

8 сентября 1938 г. В.П. Потемкин поручил советскому полпреду дать ответ генералиссимусу Чан Кайши. В телеграмме сообщалось, что СССР не считает сейчас целесообразным выступать войной против Японии изолированно, без Англии и США, у которых имеется большой морской флот, так как такое изолированное выступление СССР ухудшит положение Китая, улучшит положение Японии, которая «будет кричать», что на нее напали, заставит Германию и Италию выступить в ее поддержку, заставит Англию насторожиться, так как она будет думать, что СССР хочет усилить свое влияние в Китае против других государств, и «большевизировать» Китай. Далее в телеграмме повторялись три упоминавшиеся ранее условия, без наличия которых СССР не вступит в войну против Японии. В телеграмме подчеркивалось: СССР готов при всяких условиях помогать Китаю средствами обороны, согласно договорам, заключенным между Китаем и СССР.

Итак, СССР заверил китайское руководство, что готов и далее оказывать необходимую Китаю военно-техническую поддержку, или, как отмечается в отдельных советских документах, поддержку средствами самообороны.

Японское руководство пришло к выводу, что заставить Китай капитулировать можно только в случае внутренней междоусобицы в Китае. В Гоминьдане, среди общественности стали распространяться версии о «легких» условиях, выдвигаемых Японией. В такой ситуации дополнительные советско-китайские договоренности могли бы усилить позиции противников курса правительства на сопротивление Японии в самом Китае, но осложнить позиции СССР в международных отношениях.

Китайское руководство поручило своим дипломатическим представителям за рубежом обсудить ситуацию с советскими коллегами. Го Тайци, китайский посол в Великобритании, в беседе с советским полпредом И.М. Майским стал говорить о критическом положении, создавшемся

---

²⁷ ДВП, т. XXI, с. 456.

в Китае. Он подчеркнул, что если Китаю не будет немедленно оказана эффективная помощь, то он боится, что тенденция «к миру» среди руководящих китайских кругов усилится. Полпред заверил китайского дипломата, что дружественное отношение СССР к Китаю, борющемуся за свою независимость и свободу, останутся неизменными. Китайский посол, как сообщил И.М. Майский в Москву, как будто был несколько обнадежен.

Несколько ранее, 29 октября, посол Китайской Республики в Москве Ян Цзэ в связи с отступлением китайских войск из Ухania по поручению своего правительства посетил наркома М.М. Литвинова, чтобы подтвердить неизменное решение китайского правительства вести сопротивление до конца. Китайское правительство, подчеркнул посол, не только не ослабляет борьбу с Японией, но усиливает ее; у Китая один путь, и этот путь – борьба. Чан Кайши обратился к китайскому народу с призывом продолжить войну сопротивления. Он подчеркивал, что эвакуация Ухании это «не отступление из-за военных неудач, поскольку успех в нашем сопротивлении не зависит от обладания Уханью, а зависит от нашей способности выстоять до конца... Чем шире становятся районы, охваченные войной, тем слабее силы врага и поэтому как бы ни складывалась обстановка в мире, мы уверены, что выстоим и победим врага в результате нашего длительного сопротивления».

Тем временем Советы продолжали оказывать помощь Китаю. Известным подтверждением данного факта являются сообщения западных дипломатов, работавших в Москве. Поверенный в делах США в СССР А.К. Кирк докладывал в госдепартамент 19 ноября 1938 г., что хотя невозможно точно установить в Москве характер и размеры советской помощи Китаю в борьбе против Японии, недавно сотрудник китайского посольства заявил, что Китай более не испытывает трудностей в получении военного снаряжения и «намекнул», что часть его поступает из Советского Союза.

Важной для понимания китайской позиции накануне Второй мировой войны является телеграмма советского полпреда в Москву от 2 января 1939 г., в которой он подчеркивал: «при оценке текущих событий в Китае я никогда не теряю основного положения, что Чан Кайши при определенных условиях не прочь свернуть войну, заключить мир». Далее отмечается, что ряд фактов, особенно личных заявлений Чан Кайши, свидетельствуют о том, что окончательная победа заключается в разгроме японцев с одновременным, или вслед за разгромом японцев, уничтожением китайской компартии.

Далее в документе определена точка зрения полпреда: обстановка в Китае сложная, трудная, однако ясно, что мощное антияпонское движение существует и что Чан Кайши приходится усиливать его. Полпред пишет, – «Если Чан Кайши будет иметь некоторую помощь извне, он вынужден будет продолжать войну до победного конца. Если же китайское руко-

водство останется при своих ресурсах, без эффективной помощи, то не исключено, что китайцы могут пойти на мир с японцами»²⁸.

В январе китайское руководство направило своих представителей во главе с Сунь Фо в Москву для переговоров о дополнительной помощи Китаю.

В мае 1939 г. И.Т. Луганец-Орельский в письме в Москву констатировал, что японцы пока не смогли сломить сопротивление Китая и поставить на колени китайское правительство. Он поставил перед Москвой задачу рассмотреть ряд мероприятий (политических, торгово-экономических, военных), проведение которых, по его мнению, обеспечит дальнейшее укрепление уверенности Чан Кайши и китайского правительства в успехе победы над агрессором и одновременно упрочить позиции СССР в Китае²⁹.

Понятно, что в сложной и противоречивой международной обстановке одним из условий советско-китайских переговоров о военных поставках Китаю была конфиденциальность переговоров. В мае 1939 г. во время контактов советских руководителей с Сунь Фо, по небрежности последнего, произошла утечка информации. В дипломатическом корпусе Москвы стали циркулировать слухи о вмешательстве СССР в дела Китая.

Приведем документы по этому вопросу: телеграмму Чан Кайши И.В. Сталину (май 1939 г.) и письмо Сунь Фо И.В. Сталину (май 1939 г.).

На телеграмме рукой И.В. Сталина начертано – «от Сунь Фо и Чан Кайши». Сунь Фо пишет: «Во время личной беседы со мною вечером 16 мая товарищ Молотов уведомил меня, что ввиду того, что сведения о нашей беседе стали известны на стороне, советское правительство решило продлить и следовательно отсрочить в ожидании дальнейших событий переговоры об оказании советской помощи Китаю... Я буду ожидать Ваших дальнейших указаний в надежде, что начатые переговоры будут возобновлены и завершены в кратчайший срок».

24 мая Чан Кайши пишет И.В. Сталину, что понимает позицию советского правительства, вместе с тем он надеется, что соображения временного характера не вызовут ни малейшего колебания в вопросе оказания помощи китайскому народу, в которой он остро нуждается, Переговоры были продолжены.

13 июня был подписан Договор о реализации кредита на 150 млн. ам. долл., 16 июня – Договор о торговле (с советской стороны договор подписал А.И. Микоян, с китайской – Сунь Фо), 20 июня, в соответствии со статьями 3 и 4 Договора были подписаны специальные контракты, касающиеся поставок специального имущества Китайской Республике.

22 июня Чан Кайши направил в адрес И.В. Сталина благодарственное письмо, которое завершилось так: «Освободительная война вступила во вто-

²⁸ ДВП, т. ХХП, с. 1–4.

²⁹ Там же, 358–361.

рую фазу. Силы противника истощаются. Мы принимаем собственные усилия для изгнания грабителей и поддержания справедливости, по-прежнему надеемся, что СССР возглавит все заинтересованные в делах Дальнего Востока государства и примет в отношении Японии эффективные санкции».

Военная поддержка Китаю продолжалась, причем Советская сторона не ограничивалась военными поставками.

Обратим внимание на документ от 27 июня 1939 г. под названием «Задачи полпредства». Он представляет собой выступление С.А. Лозовского перед сотрудниками 1-го Дальневосточного отдела НКВД и представителями советского полпредства в Китае. Название доклада³⁰.

«Мы, как государство, заинтересованы в победе Китая над японским агрессором, и вся работа полпредства должна быть подчинена этой нашей установке. Мы должны оказывать Китаю, помимо технической помощи, которая является компетенцией военного ведомства, и политическую помощь. Для того чтобы оказывать политическую помощь, надо прежде всего знать, что делается в самом Китае. Представители СССР в Китае должны знать, что происходит на фронте, состояние вооружения китайской армии, ее мощь, и ее трудности (технические, продовольственные и др.). Мы должны установить контакт с руководителями китайской армии для того, чтобы передать им наш опыт и тем самым усилить армию. Китайская армия мужественно борется против Японии, но она имеет ряд внутренних слабостей. Мы не могли бы дать себе отчет о состоянии китайской армии, не изучив досконально, что представляет собой 8-я армия и ее взаимоотношения с другими армиями Китайской Республики». (Обратим внимание, полпредство должно было интересоваться проблемой взаимоотношений армий ГМД и КПК.)

Далее в документе отмечалось, что изучение состояния китайской армии возможно лишь при условии тщательного ознакомления с состоянием антияпонской борьбы на каждом отдельном фронте и в тылу японцев. «Фронты в Китае сейчас каучуковые – они быстро сжимаются и растягиваются. Какие силы действуют на каждом фронте? Каков характер военного руководства? Каковы политические установки руководителей фронтов? Проводится ли в каждой армии принцип сотрудничества ГМД и компартии Китая на основе единого национального антияпонского фронта? Каково материальное состояние каждой армии, дисциплина, политический уровень и др.?» Отметим, что и в данном случае руководство НКВД ориентировало посольство на необходимость иметь в виду проблему взаимоотношений ГМД и КПК. Группа советских военных советников в Китае в 40-е годы была поставлена в условия, когда она не могла «дойти» до каждой армейской китайской единицы, поэтому решить поставленную перед сотрудниками посольства задачу оказалось сложно.

---

³⁰ СКО, т. 4, док. № 360.

Далее С.А. Лозовский говорил: «Армия в современной войне не может победить без крепкого тыла, и наше представительство должно знать, что представляет собою тыл. Что значит тыл? Это значит все население, классы, партии. Как обстоят дела с национальным единым фронтом в тылу? Проводится ли соглашение между ГМД и КПК или оно свернуто? В каких формах сейчас протекает классовая борьба, каково положение городского пролетариата и мелкой буржуазии, что делается в деревне, которая является основным резервуаром антияпонских сил? Все это нужно знать для того, чтобы суметь оценить в каждый данный момент сильные и слабые стороны, борющейся против японской агрессии Китайской Республики.

Очень серьезным вопросом является наличие капитулянтских настроений в верхах Гоминьдана. Ван Цзинвэй изгнан, но он имеет корни. Китайская Республика сможет победить, если она объявит беспощадную борьбу прояпонским элементам. Чем беспощаднее будет борьба против прояпонских элементов, тем больше шансов разгрома японского агрессора.

Предпосылкой успешной войны против Китая является национальное согласие. В национальном фронте имеются разные классы и разные партии. Нам нужно точно знать, какие группы и классы принимают участие в освободительной борьбе, на какие группы и классы ложится главная тяжесть военных расходов, какие наиболее уязвимые места тыла, где внешний и внутренний враг подготавливает взрыв. Мы заинтересованы в том, чтобы помочь единому фронту, ибо Япония может быть побеждена только объединенными силами китайского народа.

Не только Япония пытается создать опорные пункты в Китае, но все империалистические державы имеют нам своих друзей и сторонников... Наше представительство должно все это знать».

В Китае, подчеркнул С.А. Лозовский, решаются сейчас мировые проблемы: будет ли Япония владычицей Тихого океана и тихоокеанского побережья или нет. От исхода борьбы между Китаем и Японией зависит судьба человечества на многие десятилетия.

Правительство Китая в 1938–1939 гг. разработало ряд документов по углублению и упрочению советско-китайских отношений. Эти документы были переправлены в 1939 г. в Москву через Сунь Фо, которого Чан Кайши назначил специальным послом для переговоров с советским правительством по этим документам. В их числе был Пакт по защите мира на Дальнем Востоке между КР и СССР. В преамбуле документа записано: Национальное правительство и Правительство СССР убеждены, что мир на Дальнем Востоке закладывает основы международного мира, заявляют, что сохранение мира на Дальнем Востоке является основой программ национальных партий обоих государств и воодушевленные желанием использовать все имеющиеся в их распоряжении средства для защиты мира

на Дальнем Востоке, решили в дополнении в Договору о ненападении, заключенному государствами и подписанному 21 августа 1937 г., заключить настоящее соглашение.

Следующий документ по данному сюжету – Меморандум о предложениях по более близкому сотрудничеству и взаимной помощи между КР и СССР, касающихся обеспечения мира на ДВ и революционного сотрудничества обеих стран.

В Меморандуме были сформулированы цели КР на текущем этапе и в перспективе. Конечной целью национальной революции, отмечалось в Меморандуме, является реализация *сань минь чжуи*. «В настоящее время Китай занят великой войной против японской империалистической агрессии, борется за свою независимость и территориальную целостность, но его конечной целью является строительство народного государства народом и для народа и ускорение создания всемирной республики... Конечно, строительство новой нации является задачей более трудной, чем победа в войне. Проблемы экономического, политического, общественного и культурного развития, а также проблемы национальной Обороны и другие должны быть разработаны быстро. Китай не может разрешить эти проблемы без величайшего напряжения со стороны собственного народа, без значительной помощи со стороны дружественных соседей». В Меморандуме подчеркивалось, что географически Китай и СССР являются естественными соседями и между ними существует духовное родство: в обеих странах свершились революции. И ленинизм, и три народных принципа имеют конечной целью революцию и мировую реконструкцию. Они должны быть друзьями. В прошлом два великих вождя (Ленин и Сунь Ятсен) своим взаимным восхищением друг другом пытались установить более тесные отношения. Сейчас их последователи должны продолжить следование рука об руку по начертанному пути.

«Гигантская задача реконструкции мира и освобождения всего человечества должна явиться призывом для революционеров двух стран... Если дружеская помощь, которую СССР предоставляет Китаю, побудит обе страны к дальнейшему шагу в их содружестве в форме определенной взаимной помощи, это внесет ужас в сердца милитаристов Японии и эффективно обуздает их агрессивные замыслы... Мы надеемся, что ВКП(б) разделяет те же чувства... Существует тысяча и один путь, которыми СССР может помочь Китаю в его будущем развитии, например железная дорога, соединяющая СССР и Синьцзян и др.»

Эти документы свидетельствуют, что Китай готов был продолжить войну против Японии и рассчитывал на активизацию международной поддержки.

Советское руководство полагало, что существующие договоренности являются отличной базой для продолжения помощи Китаю. Новейшие виды

самолетов, бомбардировщиков и истребителей, зенитное и противотанковое оружие и др. направлялось в Китай. Советские советники разрабатывали планы организации отпора Японии. Советские специалисты в военных школах и непосредственно в войсках обучили более 100 тысяч военнослужащих.

Таким образом, как свидетельствуют новые архивные документы и материалы политика СССР в 30-е годы (до начала Второй мировой войны) формировалась с учетом жизненных интересов СССР и Китая, которые были заинтересованы в окончании войны в Азии и победе гоминьдановского правительства в антияпонской войне. СССР выступил за создание единого антияпонского фронта в Китае на базе военного и политического союза КПК и партии Гоминьдан, который был успешно создан в 1937 г. Советско-китайское сотрудничество в этот период носило характер стратегического партнерства, отвечая национальным интересам Китая – спасению китайской государственности от японской военной агрессии.

СССР, Китай, Япония и МНР накануне Второй мировой войны

24 февраля 1933 г. проблема японской агрессии в Китае вышла на официальный, международный уровень. На заседании Лиги Наций в Женеве была принята специальная резолюция о японо-китайском конфликте, в которой предлагалось создать специальный комитет из 19 государств с представителями СССР и США для разработки механизма урегулирования инцидента. Вопрос же о признании Маньчжоу-го³¹, который активно ставила Япония, оставался открытым. 4 марта 1933 г. Япония оккупировала китайскую пров. Жэхэ, а 27 марта, в знак протеста против политики Лиги Наций, Япония вышла из этой организации.

Противодействие Японии во Внутренней Монголии пытался оказать китайский генерал Фэн Юйсян, который летом 1933 г. направил под Долоннор (Внутренняя Монголия) две дивизии под командованием генералов Фэн Чжена и Цзи Хуанчена. 4 июля 1933 г. войска Цзи Хуанчена заняли Долоннор, оттеснив маньчжуро-японский гарнизон в пров. Жэхэ. В китай-

³¹ В 1931 г. на территории Северо-Восточного Китая (Маньчжурии) Японией было создано марионеточное государство Маньчжоу-го, в котором была формально реставрирована свергнутая в 1911 г. маньчжурская (цинская) династия и на престол возведен молодой император Пу И.

ской прессе появился ряд сообщений о том, что действия Фэн Юйсяна и его помощников «возрождают надежду в Китае» и что «генерал Фэн действительно борется за благо китайской нации»³². Публиковались также сообщения о возможном подкупе Фэна Москвой: в частности, фигурировала информация о получении генералом денег и оружия в Улан-Баторе от коминтерновских агентов и его готовности по заданию Коминтерна «установить советское правительство в Чахаре (Внутренняя Монголия. – *С.Л.*)»³³.

Осенью 1933 г. администрация Маньчжоу-го и японская дипломатия через советских представителей в Китае и Японии начали зондировать почву на предмет установления прямых отношений между Маньчжоу-го и МНР³⁴. Советское руководство, рассматривая данный вопрос, учитывало различные его аспекты: и возможность получения от Японии серьезных уступок в ходе идущих в Маньчжурии советско-японских переговоров о продаже КВЖД³⁵, и вероятность заключения с Японией соглашения о разграничении «сфер влияния» в маньчжуро-монгольском регионе с гарантией от Токио не вмешиваться в дела МНР.

Весной 1934 г. вопрос о возможном признании Маньчжоу-го и установлении официальных монголо-маньчжурских отношений приобретает новое звучание. В связи с коронацией Пу И (1934 г.) в правительственных кругах ряда ведущих держав распространились слухи о якобы готовящемся признании Маньчжоу-го отдельными государствами вопреки резолюции Лиги Наций. Инициатива попеременно исходила от Германии, Польши и США³⁶. В связи с этим нарком по иностранным делам М.М. Литвинов в совершенно секретном донесении И.В. Сталину, Л.М. Кагановичу, В.М. Молотову и другим членам Политбюро ВКП(б) 9 марта 1934 г. писал: «По всему видно, что некоторые правительства тяготеют к взятию на себя в Женеве обязательствами о непризнании (Маньчжоу-го. – *С.Л.*)... не следует ли нам взять на себя инициативу или, скорее, подбить на эту инициативу Америку, чтобы придать организованный характер и попытаться взамен этого получить уступки от Японии». И далее он предлагал следующий план: 1) заключение соглашения между США, Японией, Великобританией, СССР, Китаем и некоторыми другими странами о сохранении в бассейне Тихого океана «существующего порядка, включая Маньчжоу-го»; 2) принятие этими государствами постановления о признании Маньчжоу-го «при условии отказа Японии от дальнейшей агрессии»; 3) подписание «тройственного пакта о ненападении между СССР, США и Японией на базе при-

---

³² АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 16, пор. 12, пор. 13, д. 24, л. 50.

³³ Там же, л. 47.

³⁴ Там же, д. 23, л. 58.

³⁵ Там же, ф. Секретариат Литвинова, оп. 14, пор. 111, пап. 102, д. 021, л. 17.

³⁶ Там же, л. 3.

знания Маньчжоу-го в заранее определенных границах.... Если нет возражений, – заключает М. Литвинов, – то я прозондировал бы через Буллита Рузвельта с тем, чтобы в случае его согласия он взял на себя инициативу выступления перед другими державами, а также в Женеве»³⁷. Как видно, в предложениях М. Литвинова МНР прямо не фигурировала, но, тем не менее, очевидно, что в основании данной «конструкции» лежала озабоченность советского руководства проблемой сохранения «статуса-кво» вокруг Монголии, даже за счет признания Маньчжоу-го (см. гл. 1 наст. изд.)

Советский вариант, однако, не заинтересовал американцев, и процесс подготовки пакта о ненападении оказался двусторонним (СССР – Япония). Что касается реакции Токио, то там были склонны к решению вопроса о «статус-кво» вокруг Монголии исключительно в рамках контактов Маньчжоу-го с МНР. Японские дипломаты при этом ссылались на советские заявления о «независимом статусе МНР» и праве монгольского правительства «самому и по своему желанию... поддерживать или разрывать» отношения. После выхода из Лиги Наций Токио явно не рассчитывал на международные или, тем более, американские гарантии, учитывая остроту японо-американских противоречий на Дальнем Востоке.

Летом 1934 г. Япония продолжала наращивать военно-политическое присутствие во Внутренней Монголии. В июле-августе в районе Долоннора она строит большое количество военных объектов – аэродромы, укрепленные пункты, оружейные склады, размещаются радиостанции, подводятся дорожные коммуникации. В сентябре того же года Япония учредила специальную военную миссию в Калгане под руководством полковника Мацуи. Внутренняя Монголия была заполнена японскими офицерами и агентами, занимавшимися самой различной работой от сбора разведывательной информации до обычной агитации местных князей. Особое внимание уделялось Силингольскому и Уланцабскому сеймам, граничащим с МНР. В конце сентября 1934 г. представитель японского Генерального штаба генерал Доихара с инспекционной поездкой посетил пров. Жэхэ³⁸.

11 октября 1934 г. заместитель наркома по иностранным делам Б.С. Стомняков отправил в Улан-Батор поверенному в делах И.Я. Златкину следующее сообщение: «Отдельные факты, имевшие место за последние 2 месяца на восточной границе, вскрывают характер возможных провокаций японцев: переброску разведпартий под видом охотников, нападение диверсионных групп со стороны Барги. То обстоятельство, что японское посольство в Москве заявило, что "Внешняя Монгольская Республика самовольно передвигает свои границы на Восток", показывает, что вопрос о границах

³⁷ Там же, л. 3–4.

³⁸ Там же, пор. 57, пап. 99, д. 021–022, л. 14.

МНР стоит в центре внимания не только японского военного командования, но и МИД. В связи с этим, полпредству усилить бдительность монгольского руководства. Быть готовым к осложнениям на восточной границе. Необходимо специально заняться вопросом о границе, как с точки зрения исторической, так и ее юридического статуса и фактического положения»³⁹. Последнее замечание Б.С.Стомонякова было не случайно. Точной границы между МНР и Маньчжоу-го фактически не существовало. Вместо нее была пограничная зона шириной от нескольких десятков до сотни километров без каких-либо опознавательных знаков. Исторически эта территория не была спорной, по ней столетиями кочевали восточные монголы, баргуты и другие местные племена. Однако в условиях растущей напряженности, в связи с японской агрессией в Китае, эта территория превратилась в место постоянных стычек и столкновений монгольских и маньчжурских пограничных разъездов, причем установить изначальную виновность той или иной стороны было практически невозможно.

Новые политические реалии (агрессия Японии, образование Маньчжоу-го и т.д.) заставляли монгольское руководство искать оптимальный вариант развития своей внешнеполитической стратегии. Несмотря на этническую близость и некоторое сходство с Маньчжоу-го по внешним признакам (неопределенность международно-правового статуса, влияние «старшего» партнера), МНР объективно не могла идти на союз с ним, во-первых, из-за японской опасности, и без того волновавшей Улан-Батор; во-вторых, по причинам идеологического характера, разводившим оба государства по противоположным полюсам. В отличие от МНР, имевшей собственную национально-историческую и государственную основу, Маньчжоу-го являлось по своей природе образованием искусственным и временным, созданным Японией исключительно из своих политических расчетов. Союз с автономным внутримонгольским государством, несмотря на его привлекательность в плане реализации панмонгольской идеи, предполагал разрушение советско-монгольского блока и отход от Москвы, что также не устраивало Улан-Батор. Поэтому в сложившихся условиях наиболее реалистической линией и в плане сохранения государственности, и в плане поддержания национальной безопасности был курс на дальнейшее военно-политическое и экономическое сближение с СССР. В обстановке растущей угрозы со стороны Японии данный союз, хотя и утратил ореол былого «революционного романтизма» 20-х годов (когда МНР была «коминтерновским коридором» в Китай), но зато приобрел черты жесткого военно-оборонительного механизма. В октябре – ноябре 1934 г. состоялся официальный визит премьер-министра и министра иностранных дел П. Гэндэна в СССР. После посещения Киева П. Гэндэн провел в Москве переговоры с советским ру-

---

³⁹ Там же, л. 14 об.

ководством, где и сделал предложение о заключении договора о взаимной помощи и поддержке в связи с японской угрозой⁴⁰.

27 ноября 1934 г. стороны договорились о заключении «джентльменского» (устного) соглашения, предусматривавшего в случае нападения на одну из договаривающихся сторон поддержку и оказание помощи, в том числе и военной (см. гл. 1 наст. изд.)

В декабре того же года в Улан-Баторе между советскими и монгольскими представителями были подписаны: Соглашение об основах советско-монгольских смешанных обществ; Соглашение о временном расчетном курсе тугрика; Соглашение о советниках, инструкторах и специалистах; Соглашение о расчетах в советско-монгольском обороте. Кроме того, монгольской стороне были направлены: письмо председателя правления Госбанка СССР на имя председателя Монголбанка о временном курсе тугрика; нота Б. Стомонякова на имя Гэндэна о конверсии военных займов; нота Б.Стомонякова о сокращении монгольской задолженности по торговле с СССР⁴¹. Всего восемь документов, которые логически развивали базу, заложенную советско-монгольскими соглашениями 1929 и 1930 гг., и закрепляли в экономическом плане военно-политическую договоренность, достигнутую в Москве 27 ноября 1934 г. Логически дополнило блок советско-монгольских соглашений постановление ЦК МНРП от 11 декабря 1934 г. «Об экономической и политической помощи СССР монгольскому народу и о связях двух стран»⁴².

В январе 1935 г. взаимоотношения МНР и Маньчжоу-го получили новый импульс и маньчжурская дипломатия предложила Улан-Батору обсудить проблему спорных территорий⁴³ на специальной встрече уполномоченных двух государств. Одновременно власти Маньчжоу-го подняли вопрос об установлении официальных дипломатических отношений и обмене представителями. Подобные инициативы имели место на фоне разрастания пограничных конфликтов между монгольскими и японо-маньчжурскими погранотрядами.

Монгольское руководство после консультаций с Москвой уклонилось от маньчжурских предложений, ограничиваясь в очередной раз констата-

⁴⁰ Там же, ф. Секретариат Литвинова, ф. 011, оп. 15, пап. 23, л. 2.

⁴¹ Советско-монгольские отношения. 1921–1974. Документы и материалы. В 2-х томах. Т. 1. 1921–1940. М., 1975, с.300–303, 302–304.

⁴² Там же, с. 322–323.

⁴³ Особенно острой была ситуация в районе южнее оз. Буир-Нур, в местности Халхин-Сумэ, в которую в январе 1935 г. вошли маньчжурские отряды. Обе стороны имели свои картографические версии этого района. Монгольская сторона ссылалась на древние китайские карты, а маньчжурская – на более поздние цинские, однако полной ясности в этом вопросе ни в Москве, ни в Улан-Баторе, ни в Токио не было.

цией через монгольские и советские информационные агентства «нарушений монгольской границы» со стороны Маньчжоу-го, квалифицируя эти нарушения как «японские провокации»⁴⁴. Однако идея о прямых монголо-маньчжурских переговорах с января 1935 г. стала активно обсуждаться как на уровне советских дипломатических представителей в Улан-Баторе, так и на уровне ЦК МНРП и правительства МНР. Весной того же года проблема урегулирования монголо-маньчжурских отношений была рассмотрена на нескольких совещаниях руководящих работников Наркоминдела в Москве. Дополнительным стимулом для принятия решения об открытии монголо-маньчжурской конференции стали сообщения о новых столкновениях в Халхин-Сумэ, произошедших в июне – начале июля 1935 г.⁴⁵

3 июля 1935 г. на станции Маньчжурия начался первый раунд официальной Монголо-маньчжурской конференции по урегулированию пограничных конфликтов. Монгольскую делегацию возглавлял опытный дипломат, долгое время работавший в ранге полномочного представителя МНР в Москве Ж. Самбу. Маньчжурскую – губернатор Северного Хингана Лин Шин. Накануне конференции была выработана совместная советско-монгольская позиция по тактике ведения переговоров. Особенностью ее являлась установка Москвы и Улан-Батора на сведение переговоров исключительно к обсуждению конкретного пограничного инцидента. Как отмечалось в письме полпреда В.Х. Таирова, Ж. Самбу требовал недопущения «расширения переговоров в плане обсуждения общих перспектив в развитии отношений МНР и Маньчжоу-го»⁴⁶. В инструкции НКВД, специально разработанной для монгольской делегации, подчеркивалось, что монголам на первом заседании необходимо добиться включения в повестку дня вопроса о конфликте в районе Халхин-Сумэ, освобождение которого от японцев и маньчжур входит в «ближайшие задачи делегации»⁴⁷. Маньчжурская делегация, фактически руководимая японским представителем Канаки, на первом заседании поставила вопрос о необходимости расширения повестки дня переговоров и предварительного установления официальных дипломатических отношений между МНР и Маньчжоу-го. Японцы ссылались на прецедент задержания на востоке МНР топографической группы Инукаи, посланной туда японцами в июне 1935 г., и на предложение руководителя японской миссии на ст. Маньчжурия майора Сакураи о проведении прямой телеграфной линии между Улан-Батором и ст. Маньчжурия⁴⁸.

---

⁴⁴ История советско-монгольских отношений, М., 1981, с. 70.

⁴⁵ АВГР РФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 18, пап. 158, д. 5, л. 54.

⁴⁶ Там же, л. 53–54.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ Там же.

5 июля монгольское правительство опубликовало свое заявление «О вторжении японо-маньчжурских войск на территорию Монголии», а 8 июля полпредом В.Х. Таировым была получена телеграмма Б.С. Стомонякова с выражением поддержки позиции МНР на переговорах на ст. Маньчжурия⁴⁹.

9 июля 1935 г. монгольская делегация отклонила маньчжурские предложения об установлении официальных дипломатических отношений, выдвигая свое требование о создании постоянной смешанной комиссии из представителей МНР и Маньчжоу-го для урегулирования пограничных вопросов и демаркации границы на спорных участках. Маньчжуры в принципе были согласны на образование таких комиссий, но предлагали расширить их полномочия и еще до начала их работы обменяться официальными представителями. 29 июля Самбу заявил, что монгольская делегация «не возражает против подобного обмена... при условии, что их функции будут ограничены урегулированием вопросов, возникающих на границе». Переговоры перешли в фазу обсуждения прав, обязанностей, количественного состава и мест постоянного пребывания уполномоченных МНР и Маньчжоу-го⁵⁰. Маньчжуры предложили представительство в три человека от каждой стороны, выразив желание видеть своих людей в Улан-Баторе, Баян-Тумене и Тамцак-Булане, монголам они соответственно предложили – Чаньчунь, Хайлар и ст. Маньчжурия. Одновременно они были согласны на ограничение статуса уполномоченных рамками компетенции по пограничным вопросам. Последнее обстоятельство было явной тактической уловкой японцев, желавших поскорее иметь свое представительство под любым предлогом.

В августе 1935 г. Ж. Самбу на очередном заседании конференции сообщил о согласии монгольского правительства вступить в официальные переговоры по вопросу обмена уполномоченными, но по одному человеку от каждой стороны, и по учреждению пограничной комиссии. Маньчжуры в свою очередь настаивали на прежнем количестве (по три человека) и на дислокации представительства в названных выше местах⁵¹. Обе стороны объявили перерыв.

2 октября 1935 г. переговоры на ст. Маньчжурия возобновились. Самбу получил жесткие инструкции советских представителей ни в коем случае не идти на уступки японцам, стараясь всячески затягивать переговоры. Вновь были подтверждены установки на бойкот предварительного условия японцев об установлении отношений и на тактику обсуждения статуса пограничных комиссий. Причем, удобным предлогом для нового перерыва Москва считала возникшее противоречие в ходе переговоров по количеству

⁴⁹ Там же, л. 54.

⁵⁰ Там же, л. 53.

⁵¹ Там же, л. 52–53.

и местам пребывания будущих представителей МНР и Маньчжоу-го. В течение октября–ноября 1935 г. монгольская делегация упорно настаивала на своей версии представительства – по одному человеку в Тамцак-Булане и на ст. Маньчжурия, а японо-маньчжурская делегация на своей – по три представителя в Улан-Баторе, Баин-Тумене, Тамцак-Булане и Чаньчуне, Хайларе, ст. Маньчжурия соответственно от Маньчжоу-го и МНР⁵². Наступил новый кризис, и 25 ноября 1935 г., на 21-м заседании конференция прервала свою работу. Делегация Самбу покинула ст. Маньчжурия, выехав в Улан-Батор.

Советская и японская пресса дали сходную трактовку причин неудачи конференции. Так, газета «Мансю Нициничи» писала: «Главной причиной разрыва конференции было расхождение во взглядах на цели конференции. Правительство Маньчжоу-го считало, что установление нормальных добрососедских отношений между обеими странами является предпосылкой для урегулирования пограничных вопросов... Между тем, правительство МНР отвергло установление нормальных отношений и настаивало на урегулировании исключительно конфликтов текущего характера»⁵³. Советские газеты «Правда» и «Известия» отмечали, что «причиной разрыва переговоров явился решительный отказ монгольской делегации от принятия требования о признании Маньчжоу-го МНР и обмене между ними дипломатическими представителями»⁵⁴.

Однако за формально схожими оценками крылись глубокие противоречия между СССР и Японией. Советский Союз и МНР не хотели легализации марионеточного Маньчжоу-го в рамках официальных монголо-маньчжурских отношений, дававшей Японии стратегический простор и формально-юридические основания для расширения своей экспансии в сторону МНР. С другой стороны, полностью игнорировать маньчжурские предложения также было нельзя, так как это подтверждало бы тезис о «сателлизме» Внешней Монголии и отсутствии у нее собственной политики. Москва, в принципе, была не против признания Маньчжоу-го, но только как акта совместной инициативы великих держав (США, Англии и др.) Монголо-Маньчжурская конференция, фактически навязанная монголам, тактически была выгодна Японии и невыгодна Советскому Союзу. Одновременно опыт первого этапа конференции означал углубление и дальнейшее развитие договоренностей Москвы и Улан-Батора, достигнутых в форме «джентльменского» соглашения от 27 ноября 1934 г. 3 января 1936 г. в советской прессе было опубликовано интервью П.Гэндэна, данное им в Улан-Баторе после возвращения из очередной поездки в СССР, в котором

---

⁵² Там же.

⁵³ Там же, ф. Референтура по Монголии, оп. 19, пап. 8, инв. 421, д. МО-024а, л. 1.

⁵⁴ Известия. 27.11.1935.

Гэндэн подчеркивал, что «монгольский народ... рассчитывает на помощь СССР в трудную минуту»⁵⁵.

26 ноября 1935 г. состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), одоблившее действия делегации Самбу и рассмотревшее ключевые проблемы советско-японских и советско-монгольских отношений. Было отмечено, что СССР, согласно устной договоренности с МНР, выступил гарантом безопасности МНР.

В декабре 1935 г. в отношениях МНР с Маньчжоу-го наступает новый этап напряженности и пограничных конфликтов. 19 декабря произошло столкновение монгольских и маньчжурских отрядов в районе Буин-Дерсу на восточной границе МНР. Правительство МНР направило Маньчжоу-го ноту протеста. 30 января 1936 г. произошел новый пограничный конфликт, в котором японцы потеряли 12, а монголы 5 человек. 12 февраля того же года происходит еще один пограничный инцидент недалеко от оз. Буир-Нур, в котором также имелись жертвы (8 японских и 7 монгольских пограничников). Западная пресса с тревогой начала говорить о том, что японцы пытаются использовать проблему «неопределенности монголо-маньчжурской границы» для «дальнейшей эскалации напряженности». Так, английская «Дэйли Телеграф» заметила, что «любая серьезная попытка (японцев. – С.Л.) отбросить монголов из спорных районов может вызвать войну»⁵⁶. Газеты «Манчестер Гардиан», «Ньюс Кроникл» и «Экономист» указывали, что японское наступление против МНР и СССР в значительно «большей мере грозит катастрофой, чем японская экспансия в Китае», и нападение «марионеточного Маньчжоу-го на советское марионеточное государство Внешней Монголии... неизбежно вызовет советско-японскую войну»⁵⁷.

Проблемы монголо-маньчжурских отношений все больше попадали под влияние логики и механизма советско-японских контактов. 16 декабря 1935 г. в Токио состоялась беседа между членом правительства виконтом Иноуэ и советским полпредом в Японии К.Юреневым. В ходе беседы Иноуэ заявил, что «монгольский вопрос... не может считаться снятым с повестки дня. Квантунская армия будет и впредь добиваться установления дипломатического контакта с Монгольской Республикой»⁵⁸. На встрече К. Юренев с членом парламента Сидехарой в начале февраля 1936 г. послу был задан вопрос о причинах срыва маньчжурской конференции и о возможности возобновления ее работы, на что К. Юренев уклончиво ответил: «Нельзя требовать от стран дипломатических отношений, если они их не хотят. В случае, если бы штаб Квантунской армии отказался от полити-

⁵⁵ АВП РФ, ф. Секретариат Литвинова, оп. 16, пор. 140, пап. 124, л. 137.

⁵⁶ Там же, ф. Референтура по Монголии, оп. 19, пор. 11, пап. 18, инв. 420, д. МО-025, л. 58.

⁵⁷ Там же, л.53.

⁵⁸ Там же, ф. Секретариат Литвинова, оп. 16, пор. 140, пап. 124, л. 26.

ки террора в отношении Внешней Монголии, то не исключено, что Внешняя Монголия согласилась бы на установление нормальных отношений с Японией»⁵⁹.

14 февраля 1936 г. в Москве состоялась беседа японского посла Ота и заместителя наркома иностранных дел Б.С. Стомонякова. В ходе разговора последний изложил советскую позицию относительно монголо-маньчжурского конфликта, подчеркнув, что СССР не допустит агрессии против Внешней Монголии и окажет необходимую поддержку монгольскому народу. Информация о разговоре была передана в Токио, где 17 февраля состоялось совещание в министерстве иностранных дел Японии, на котором обсуждались возможные сценарии дальнейшего развития советско-японских отношений по монгольской проблеме. Судя по поступившей информации в Москву по дипломатическим и разведывательным каналам, заявление Б. Стомонякова несколько остудило пыл японских политиков, заговоривших о сохранении «статуса-кво» в спорных регионах и поиске между МНР и Маньчжоу-го приемлемого обеим сторонам компромисса⁶⁰.

Маневры советской дипломатии в Токио были направлены на то, чтобы как-то оттянуть конфликт с Японией из-за Монголии и выиграть время, необходимое для укрепления военно-экономического потенциала МНР, создания в восточных районах оборонительных коммуникаций. Одновременно, не снимая с повестки дня возможность японской агрессии, и в Москве, и в Улан-Баторе считали, что Япония пока не готова вести широкомасштабную войну. Так, в секретном послании Б. Стомонякова послу в МНР В.Х. Таирову говорится: «Международное положение Японии и ее военная подготовка не таковы, чтобы решиться начать войну против МНР и, следовательно, против СССР»⁶¹.

17 февраля 1936 г. Б.С. Стомоняков собрал небольшое совещание в Наркоминделе, пригласив также представителей Наркомата обороны – А.И. Егорова и С.П. Урицкого, а также работников, ответственных за топографическое дело и издание географических карт. Главной темой совещания стала проблема границ между МНР и Маньчжоу-го. Совещание, несмотря на тщательную подготовку и долгую дискуссию, не прояснило картину. В письме от 20 февраля 1936 г. послу В.Х. Таирову Б. Стомоняков, излагая вопросы, рассмотренные на совещании, просит прислать в Москву «точную официальную карту... с нанесением на ней указанных границ». Далее он пишет: «Ввиду чрезвычайной настойчивости, с которой японцы и маньчжуры настаивали и настаивают на том, что столкновения происходили на территории Маньчжоу-го, и, в особенности, ввиду того, что мы име-

---

⁵⁹ Там же, л. 137.

⁶⁰ Там же, ф. Референтура по Монголии, оп. 19, пор. 11, пап. 18, инв. 420, д. МО-025, л. 3.

⁶¹ Там же, ф. Секретариат Литвинова, оп. 16, пор. 88, пап. 121, д. 021/022-МО, л. 1.

ем серьезные доказательства, что на этот раз японское правительство действительно было уверено, что столкновения происходили на маньчжурской территории, я запросил Вас, уверены ли Вы полностью в верности монгольской информации по этому вопросу. Этот запрос был еще более естественен, ввиду отмеченной выше неточности наших карт»⁶². Однако ответ Таирова не содержал четких ориентиров, так как в Улан-Баторе имелось несколько картографических версий восточной границы МНР, и ни одна из них не могла быть взята за основу.

В условиях японской угрозы серьезную эволюцию претерпели советско-китайские отношения в их монгольском аспекте. Деятельность Коминтерна во Внутренней Монголии по многим направлениям была свернута, хотя интерес иностранного отдела ОГПУ и военной разведки Наркомата обороны ко Внутренней Монголии сохранился. Ими выполнялись конкретные (прикладные) задачи – сбор информации, агентурная работа и др. Так, в феврале 1936 г. в Силингольский сейм Внутренней Монголии Восточно-гобийским отделом МВД МНР совместно с ОГПУ был направлен агентурный отряд в основном из монголов-коминтерновцев с целью выяснения позиций Японии, изучения политических настроений местного населения, создания опорных баз. По информации, полученной вскоре в Улан-Баторе, выяснилось, что часть населения, не вошедшая в японскую зону, реально ориентируется на две силы: на армию Фэн Юйсяна, популярность которого вновь пошла вверх и на движение Дэвана. Проходивший в феврале-марте 1936 г. хурулдан князей и чиновников Внутренней Монголии выявил также серьезные антисоветские настроения и враждебность в отношении МНР⁶³.

Основным направлением политических отношений СССР с Китаем Москвой считалась деятельность по созданию единого антияпонского фронта в Китае (Гоминьдан – КПК) и недопущению сговора между Нанкином и Токио по созданию японо-китайского альянса против СССР и МНР. Вероятность последнего была проанализирована в одном из донесений К. Юренева М. Литвинову и Б.Стомонякову от 17 января 1936 г., в котором К. Юренев сообщает: «Никакой позитивной программы сближения Японии и Китая, за которую можно было бы купить Нанкин, японцы не предлагают и не предложат... Японцы хотели бы поссорить нас с Китаем в вопросе Внешней Монголии и Синьцзяна, но они могли бы иметь серьезные шансы на это в том случае, если бы великодушно вернули Китаю Маньчжоу-го. Китаю ссориться с нами из-за Внешней Монголии в нынешних условиях более чем не ко времени»⁶⁴.

⁶² Там же, л. 2.

⁶³ РЦХИДНИ, ф. 495, оп. 152, д. 155, л. 79–81.

⁶⁴ АВП РФ, ф. Секретариат Литвинова, оп. 16, пор. 140, пап. 124, л. 159.

В феврале 1936 г. правительство МНР вело активную переписку с администрацией Маньчжоу-го по двум основным проблемам. Во-первых, по вопросу сохраняющейся напряженности и пограничных конфликтов на восточной границе. Обе стороны направляют друг другу сотни нот и заявлений с протестами и взаимными обвинениями в «агрессии, нарушении суверенитета» и «территориальной целостности». Во-вторых, по вопросу создания смешанных пограничных комиссий и возобновления работы конференции. По последнему направлению монгольскими дипломатами и советскими представителями был разработан проект соглашения между МНР и Маньчжоу-го «О проверке существующих между двумя государствами границ», в который вошло 11 статей⁶⁵. Проект, однако, носил обтекаемый характер и не содержал параметров размежевания на спорных участках.

29 февраля 1936 г. монгольское правительство предложило маньчжурской администрации «образовать смешанные комиссии для расследования инцидента 12 февраля 1936 г. и других конфликтов», соглашаясь на предварительную встречу делегатов⁶⁶. А 1 марта состоялась известная в истории беседа И.В.Сталина с председателем американского газетного объединения «Скриппс–Говард Ньюспейперс» Роем Говардом, в ходе которой советский руководитель заявил: «В случае, если Япония решится напасть на МНР, нам придется помочь МНР»⁶⁷. В развитие данного заявления и «джентльменского» соглашения, 14 марта 1936 г. в Улан-Баторе состоялось подписание Протокола о взаимной помощи между СССР и МНР. Со стороны правительства МНР протокол подписали председатель Малого Хурала А. Амор и премьер-министр П. Гэндэн, со стороны СССР – полпред В. Таиров. Заявление В. Таирова, сделанное А. Амору вскоре после подписания, о том, что текст Протокола будет опубликован, вызвало в монгольских политических кругах большое одобрение. Подобный шаг подтверждал однозначность советской линии на поддержку своего союзника⁶⁸.

Вместе с тем Протокол 14 марта 1936 г. вскрыл и ряд старых проблем, связанных с определением официального статуса Внешней Монголии (МНР) в советско-китайских отношениях. По заданию Москвы посол В. Таиров провел переговоры с А. Амором о желательности подписания дополнительного заявления к Протоколу по вопросу признания Советским Союзом и Монгольской Народной Республикой Пекинского соглашения 1924 г. А. Амор остался недоволен постановкой вопроса. В ходе переговоров он сделал следующее официальное заявление: «Соглашение, заключен-

---

⁶⁵ Там же, ф.Референтура по Монголии, оп. 19, пор. 12, пап. 18, инв. 421, д. МО-024, л. 31–32.

⁶⁶ Там же, пап. 158, д. 5, л. 51.

⁶⁷ Советско-монгольские отношения, т. 1, с. 337.

⁶⁸ АВП РФ, ф. Секретариат Литвинова, оп. 16, пор. 88, пап. 121, д. 021–022(МО), л. 13.

ное между СССР и Китаем в 1924 г. в Пекине, является только советско-китайским делом этих двух сторон. Поэтому, пункт относительно Монголии является соглашением, достигнутым лишь между СССР и Китаем. МНР неоднократно заявляла советскому правительству, что она никогда не сможет признать это соглашение и в настоящее время она по-прежнему придерживается этого»⁶⁹.

В связи с подписанием Протокола 7 апреля 1936 г. МИД Китая заявил советскому правительству решительный протест. В ноте, в частности, говорилось: «Поскольку Внешняя Монголия является составной частью Китайской Республики, никакое иностранное государство не может заключать с ней какие либо договора или соглашения. Поэтому я (министр иностранных дел. – С.Л.) обязан заявить Вашему правительству, что Китайское правительство ни при каких обстоятельствах не может признать такой протокол и никоим образом им не связано»⁷⁰.

В ответной ноте от 8 апреля 1936 г. народный комиссар по иностранным делам М.М.Литвинов заявил: «Ни факт подписания протокола, ни отдельные его статьи ни в малейшей степени не нарушают суверенитет Китая, не допускают и не заключают в себе каких-либо территориальных притязаний СССР в отношении Китая или МНР. СССР, подписывая протокол о взаимной помощи, исходил из того, что заключенное в Пекине советско-китайское соглашение 1924 г. не потерпело никакого ущерба и сохраняет свою силу. Советское правительство настоящим вновь подтверждает, что означенное соглашение, поскольку это относится к Советскому Союзу, сохраняет свою силу и в дальнейшем»⁷¹.

Подтвердив действие советско-китайского соглашения 1924 г., М. Литвинов тем самым подтвердил и неопределенность и двойственность положения МНР⁷². В то же время, обмен нотами, по сути, не мог изменить реальную ситуацию, сложившуюся вокруг МНР. А ситуация была такова, что МНР, формально входя в состав Китая, фактически существовала с 1921 г. независимо от него. Причем сам Китай в условиях японской аг-

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Там же, ф. Секретариат Молотова, оп. 7, пор. 557, пап. 38, д. МНР-020, л. 12.

⁷¹ Там же, л. 12–13.

⁷² В 1991 г. монгольский посол в Москве Н.Мишигдорж в интервью корреспонденту газеты «Известия» (04.11.1991), характеризуя ноту М. Литвинова (1936 г.) китайскому МИД, сказал, что «даже сегодня нам трудно объяснить такую позицию советского руководства того времени... советская сторона могла бы по-иному реагировать на китайские протесты». Комментируя данное высказывание, необходимо заметить, что советское руководство объективно не могло реагировать иначе, ибо в 1936 г. СССР не обладал той поддержкой союзников, которую он имел в 1945 г., к тому же перед советской дипломатией стояли серьезные задачи и в самом Китае – создание единого антияпонского фронта.

рессии с 30-х годов не мог, да и не хотел реально защищать МНР как часть «своей» территории. Эту дипломатическую игру СССР и Китай продолжали вести потому, что она позволяла Китаю «сохранить лицо» в надежде на изменение ситуации в будущем, а Москве – беспрепятственно решать свои задачи в Монголии при осознании того, что дальше протестов Нанкин не пойдет.

Что касается советско-монголо-маньчжурских отношений, то они после очередного военного конфликта на границе МНР и Маньчжоу-го 30 марта 1936 г. вновь вышли на уровень дискуссии о создании пограничных комиссий. Так, 31 марта Б.С. Стомоняков в беседе с японским послом Ота сказал: «Советское правительство считает важным образование пограничной комиссии... на монголо-маньчжурской границе. Советское правительство учитывает ссылку японского правительства на ведущиеся между Маньчжоу-го и МНР переговоры, однако не понимает сообщения японского правительства о желании остаться в стороне от этих переговоров... Советское правительство не видит оснований против того, чтобы японское правительство, приняло советское предложение об оказании содействия образованию названных комиссий на границе МНР и Маньчжоу-го»⁷³. Другими словами, если до подписания Протокола 1936 г. СССР формально отстранялся от вопросов монголо-маньчжурских отношений, действуя как бы за кулисами событий, то теперь очевидными стали его попытки открыто вместе с Японией участвовать в разрешении монголо-маньчжурской проблемы.

30 апреля 1936 г. правительство МНР в ноте руководству Маньчжоу-го подтвердило свою позицию по поддержке советской инициативы касательно создания смешанной пограничной комиссии и предложило начать подготовку ко второму этапу Маньчжурской конференции⁷⁴. 5 мая маньчжуры дали Улан-Батору ответ с согласием «начать подготовку к конференции» и включить в повестку дня вопрос об учреждении комиссии по проверке границ»⁷⁵.

13 августа 1936 г. в Москве состоялось заседание НКВД, на котором в числе прочих, рассматривался проект соглашения между МНР и Маньчжоу-го о демаркации границы. В протоколе заседания было записано: «Решение: Утвердить проект с внесенными поправками. Тов.Борисову несколько „монголизировать” текст. Тов. Колчановскому сделать конструктивные изменения, чтобы он (проект. – С.Л.) не походил на проект соглашения, врученный нами японцам»⁷⁶.

---

⁷³ АВП РФ, ф. Референтура по Монголии, оп. 18, д. 5, л. 51.

⁷⁴ Там же, л. 49.

⁷⁵ Там же, л. 49–59.

⁷⁶ Там же, ф. Секретариат Литвинова, оп. 16, пор. 88, пап. 121, д. 021–022(МО), л. 19.

Комментируя советско-монгольские инициативы по подготовке нового раунда Маньчжурской конференции, японская газета «Харбин ницини» писала: «Мы должны сделать вывод, что искать мирного разрешения вопросов демаркации границ между Маньчжоу-го и Монголией и установления добрососедских отношений уже стало абсолютно невозможно. Другой вывод, что внешнемонгольский проект пограничной комиссии является обманом, чтобы оттянуть срок вполне ясного столкновения между двумя странами». И далее газета делает вывод: «Вопрос отношений с СССР является для Японии буквально вопросом смерти или жизни, т. е. вопросом о том, съест или быть съеденным»⁷⁷.

Таким образом, в 1930-е годы процесс формирования военно-политической «оси» «Москва–Улан-Батор» шел наиболее интенсивно. Военно-политическое сближение СССР и МНР было официально закреплено заключением «джентльменского» соглашения от 27 ноября 1934 г. и подписанием между СССР и МНР Протокола о взаимопомощи от 14 марта 1936 г. Союз СССР и МНР базировался не только на идеологической близости советского и монгольского правительств, но и на общности национально-государственных задач и интересов двух стран, и был направлен против агрессии Японии на Дальнем Востоке.

* * *

Система международных отношений, сложившаяся вокруг МНР в эти годы, формировалась под воздействием широчайшего спектра факторов и мотиваций. В него входила и проблематика официальных советско-монгольских отношений – от интересов подъема монгольской экономики до условий оказания военной помощи (Протокол 1936 г.), – и революционно-идеологические установки Коминтерна, МНРП, Гоминьдана и КПК, и задачи японской политики и др. Фактически, к середине 30-х годов классический «треугольник» СССР–МНР–Китай превратился в более сложную конструкцию «СССР–МНР–Китай–Маньчжоу-го». Последняя отличалась большей конфликтностью и противоречивостью, что приводило к усилению общей напряженности в регионе.

Структура «СССР–МНР–Маньчжоу-го–Китай», во многом державшаяся на стремлении вовлеченных сторон успешно манипулировать советско-японскими и японо-китайскими противоречиями, имела два варианта существования – мирное развитие с последующим разделом «сфер влия-

⁷⁷ Там же, ф. Референтура по Монголии, оп. 19, пор. 11, пап. 18, инв. 420, д. МО-025, л. 9.

ния» в монголо-маньчжурском регионе между СССР и Японией (по аналогии с русско-японским союзом 1907–1917 гг.); и существование в военных условиях – как в рамках монголо-маньчжурской пограничной конфронтации, так и в обстановке более масштабного столкновения СССР и Японии или Японии и Китая. Ввиду особенностей мировой ситуации того времени, формирования «оси Рим–Берлин–Токио», и агрессивного характера паназиатской стратегии Японии к 1936 г. последний вариант развития названной структуры стал наиболее реальным.

Глава 5.

СССР и Китай (1939–1945)

Китай вступил в 1939 год в условиях ожесточенной войны с Японией. Китайское руководство во главе с Чан Кайши продолжало выступать за углубление и развитие советско-американо-британо-китайского сотрудничества против Японии, которая в годы Второй мировой войны оставалась главным врагом и основной угрозой китайского народа, независимости и государственности Китая.

Обстановка в Китае накануне Второй мировой войны была связана с решением 17 июля 1938 г. Чан Кайши перевести местонахождение правительства в г. Ухань. СССР продолжал оказывать Китаю материально-техническую, финансовую и военную помощь. К середине февраля 1939 г. число советских военных советников в Китае составляло 3665 человек. Советская помощь предотвратила возможность капитуляции Китая в 1937–1938 гг. В сдерживании японской агрессии важную роль играло развернувшееся в тылу врага партизанское движение, организованное китайскими коммунистами (КПК). Советско-китайское сотрудничество в этот период носило характер стратегического партнерства, отвечая национальным интересам Китая – спасению китайской государственности от японской военной агрессии¹.

Война с Японией и сохранение единого фронта

Чан Кайши в 1939 г. рассматривал возможность создания международной антияпонской коалиции. Одним из элементов китайской политики на советском направлении была попытка вовлечения СССР в войну с Японией.

---

¹ Архив Внешней Политики РФ, ф. 06, 1941, оп. 3, п. 28, д. 381, л. 1 (далее – АВП РФ).

В данном контексте следует рассматривать визит гоминьдановского генерала Хэ Яоцзу в Москву. В ходе визита он должен был обсудить с высшими советскими руководителями вопрос о вступлении СССР в войну. Генерал Хэ должен был сообщить, что Китай готов в этом случае предоставить Советскому Союзу ряд льгот в Китае после войны на условиях взаимной договоренности (в частности, речь шла о портах Шаньдунского полуострова).

В Китае с напряженным вниманием наблюдали за развитием событий в Европе. Чан Кайши, как свидетельствуют документы, был очень удивлен сообщением о заключении договора СССР с Германией и, рассматривая международную обстановку с точки зрения интересов китайского государства, находившегося в состоянии войны с Японией, поручил сообщить советскому полпреду, что СССР таким образом получил большую возможность в оказании помощи Китаю. Вместе с тем китайский лидер был обеспокоен возможностью улучшения отношений СССР с Японией, союзницей Германии. 31 августа 1939 г. китайский посол в Москве Ян Цзэ посетил НКВД СССР. В беседе с заместителем наркома иностранных дел С.А. Лозовским посол сообщил, что получил инструкцию своего правительства побеседовать по некоторым вопросам. Он подчеркнул, что на Дальнем Востоке ходят слухи, что СССР предложил Японии заключить договор о ненападении, а Япония предложила СССР подписать Пакт о ненападении и что Германия и Италия советуют Японии заключить с СССР договор о ненападении. С.А. Лозовский ответил, что среди этих слухов наиболее вероятен последний, если судить по газетам. Ян Цзэ поинтересовался, если Япония действительно возбудит вопрос о заключении договора о ненападении, какова будет позиция Советского Союза. Отвечая послу, заместитель наркома подчеркнул, что сейчас трудно что-либо сказать по этому вопросу. Когда японское правительство предложит что-нибудь конкретное, тогда советское правительство обсудит и даст ответ на это предложение. Международная обстановка весьма сложная, и решения будут приниматься с учетом всего комплекса вопросов².

В первой половине 1940 г. Чан Кайши направляет ряд писем в Москву И.В. Сталину, К.Е. Ворошилову, В.М. Молотову, в которых благодарит за помощь и поддержку и просит оказывать помощь Китаю, чтобы китайский народ мог завершить дело освобождения своей родины³.

В июле 1940 г. по просьбе китайской стороны был продлен на один год договор о работе советских инструкторов в авиашколе в Кульдже, заключенный в августе 1939 г. между китайским послом в СССР Ян Цзэ и народным комиссариатом обороны (НКО) СССР. По данным российского

---

² Советско-китайские отношения. Сб. документов. Т.5. Отв. ред. С.Л.Тихвинский. М., 2004, док. № 410 (далее – СКО).

³ Там же, т. 4, док. №443.

комитета ветеранов войны, в 1940 г. советская сторона предоставила Китаю два займа на закупку вооружения на сумму 200 млн ам. долл. Вместе с тем, целый ряд вопросов в отношениях между странами не решался или решения по ним затягивались. В их числе – вопросы о транзите через СССР вооружения для Китая, закупленного китайскими организациями в третьих странах, об авиазаводе в Урумчи и др.

16 октября 1940 г. И.В. Сталин пишет письмо Чан Кайши, в котором подчеркивает, что в сложной и противоречивой международной обстановке, по его мнению, главной задачей Китая является сохранение и укрепление китайской национальной армии. Национальная китайская армия есть носитель судьбы, свободы и независимости Китая. «Если ваша армия будет сильна, – подчеркивал И.В.Сталин, – Китай будет неуязвим»⁴.

В 1940–1941 гг. в советско-китайских отношениях на первые позиции вышли две темы: 1) укрепление единого национального фронта и 2) советско-японские переговоры.

В рамках обсуждения первой были показательны беседы советского полпреда в Китае с руководством КПК, которые состоялись 15 января 1941 г., и китайского посла в Москве Шао Лицзы с С.А. Лозовским (29 января 1941 г.), в которых затрагивалась тема сохранения единого фронта в связи с возникшими проблемами между КПК и Гоминьданом. Так, 19 октября 1940 г. китайское командование направило приказ войскам 8-й и Новой 4-й армии перебазировать части КПК на Северный берег р. Хуанхэ. 9 ноября 1940 г. Мао Цзэ-дун направил телеграмму руководству Гоминьдана, в которой возражал против переброски войск китайской красной армии (ККА). Мао подчеркивал, что армия укомплектована местным населением и неохотно покидает родные места. Гоминьдановское командование потребовало выполнения приказа. Командование ККА отдало приказ своим войскам перебазироваться на новые позиции. На прежнем месте дислокации осталась лишь штабная команда. Части внезапно были атакованы японцами (провинция Аньхуй), погибло около 7 тысяч человек. КПК обвинила Гоминьдан в нарушении ее интересов и предательстве. Китай вновь оказался на пороге возобновления гражданской войны.

15 января 1941 г. состоялась беседа советского полпреда с представителем КПК Чжоу Энляем. В беседе принимал участие В.И. Чуйков, который подчеркнул, что Чан Кайши, видимо, понял, что ни СССР, ни Англия, ни США не будут оказывать вооруженную помощь Китаю в борьбе против Японии, и решил на обострение отношений с КПК, чтобы в дальнейшем получить возможность маневра, в зависимости от позиции держав. Китайские коммунисты интересовались мнением советской стороны – не начать

---

⁴ Там же, док. № 338.

ли им гражданскую войну в стране, выступив против ГМД. На что советский полпред сказал: «Я считаю, что основным противником КПК в настоящее время остается Япония. Если КПК начнет активные вооруженные действия против ГМД, то это будет лишь способствовать расширению гражданской войны в Китае, что не в интересах войны сопротивления Китая. Нужно во что бы это ни стало сохранить сотрудничество. Однако это не значит, что Вы должны дать себя в обиду. Вы уже начали, как вы говорите, политическое наступление против ГМД. Вам, следовательно, необходимо продолжить его с тем, чтобы, с одной стороны, реабилитировать себя и показать широким народным массам подлинного виновника событий в южной части Аньхуй. А с другой стороны, в Вашей политике не следует ссылаться на Чан Кайши, как на организатора событий»⁵. Таким образом, советский представитель А.С. Панюшкин выступил за необходимость сохранения сотрудничества ГМД–КПК.

29 января 1941 г. китайский посол в Москве Шао Лицзы получил телеграмму от Чан Кайши, в которой предлагалось успокоить советское руководство. Накануне 25 января в Китае состоялась встреча Чан Кайши с советским полпредом. Чан Кайши заверил полпреда, что речь не идет об общеполитическом мероприятии или смене внутривнутриполитического курса, а разоружение частей Новой 4-й армии, заверил он посла, является лишь вопросом военной дисциплины.

Обе стороны, и КПК, и ГМД были заинтересованы в контактах с советским руководством, особенно в условиях углубления конфликта между ними. 30 января 1941 г. Чан Кайши подтвердил, что речь идет о чисто военной акции, и этот конфликт не вносит изменения с контакты с дружественными странами. 4 февраля 1941 г. Г. Димитров (Генеральный секретарь Исполкома Коминтерна) телеграфировал в Яньань: «Мы считаем, что разрыв не является неизбежным, наоборот, опираясь на массы, которые стоят за сохранение единого фронта, надо сделать все зависящее от компартии и от наших военных, чтобы избежать развертывания междоусобной войны. Просим пересмотреть Вашу позицию по этому вопросу и сообщить нам свои соображения и предложения. Димитров»⁶.

В итоге контактов и переговоров при советском посредничестве и помощи весной 1941 г. состоялась встреча Чан Кайши и Чжоу Эньлая, стороны подтвердили решимость сохранять единый фронт и бороться с Японией.

Международная обстановка в мире, включая европейские и азиатские театры действий, продолжала обостряться. СССР предпринимал очередные шаги к нейтрализации Японии. Весной 1941 г. был подписан известный Пакт о ней-

---

⁵ Коминтерн и Вторая мировая война. Ч.1. М., 1994, с. 500–501.

⁶ Там же.

тралитете между СССР и Японией. Китайское руководство оказалось в трудном положении. Советский Союз был единственной крупной державой, поставившей оружие и боеприпасы Китаю, оказывал стране другую поддержку. В этих условиях гоминьдановское руководство опасалось, что эта помощь может сократиться, либо будет полностью прекращена. Одновременно, среди китайских дипломатов и журналистов обсуждалась идея подписания СССР с Японией Договора о ненападении, что было еще более невыгодно Китаю.

В связи с этим 22 февраля 1941 г. С.А. Лозовский направил на имя В.М. Молотова памятную записку следующего содержания: «В связи с приездом в Москву Мацуоко (японского представителя. – С.Л.) можно ожидать, что японское правительство вновь поставит вопрос о заключении между СССР и Японией договора о ненападении. Считаю необходимым напомнить вам следующее: в статье 2 договора о ненападении, заключенного между СССР и Китаем 21 августа 1937 г. в г. Нанкине, сказано: «Если одна из Высоких Договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны одной или нескольких третьих держав, другая Высокая договаривающаяся сторона обязуется не оказывать ни прямо, ни косвенно помощи третьей или третьим державам в продолжение, конфликта, а равно воздерживаться от всяких действий или соглашений, которые могли бы быть использованы нападающим или нападающими к невыгоде стороны, подвергшейся нападению». В развитие этой статьи при подписании договора уполномоченные СССР и Китая обменялись следующей строго конфиденциальной декларацией: «Устная декларация, строго конфиденциальная и никогда не подлежащая оглашению ни официально, ни неофициально: При подписании сегодня договора о ненападении уполномоченный СССР заявляет от имени своего правительства, что СССР не заключит какого-либо договора о ненападении с Японией до времени, пока нормальные отношения Китайской Республики и Японии не будут формально восстановлены»⁷.

Из приведенных выше документов видно, что СССР взял на себя обязательство не заключать с Японией договор о ненападении на время войны Китая с Японией, сузив формат договоренности до пакта о нейтралитете. Несмотря на все попытки японской дипломатии, СССР не пошел на заключение с Японией Договора о ненападении. Одна из причин этого – китайские интересы, которые учитывал В.И.Сталин. Одновременно, советское руководство заверило Чан Кайши, что в советско-китайских отношениях изменений не произошло.

После заключения Пакта о нейтралитете В.М. Молотов принял китайского посла Шао Лицзы и заявил ему, что политика СССР в отношении Китая не изменилась.

⁷ АВП РФ, ф. 01000, оп. 29, п. 205, д. 11, л. 95–99.

19 апреля 1941 г. в Чунцине состоялась беседа советского полпреда с Чан Кайши. Вот выдержки из стенограммы этой беседы.

«Чан Кайши: Имеете ли Вы, г-н посол, какие-либо сообщения из Москвы?

Полпред: Нет, особых и специальных указаний моего правительства я не получал.

Чан Кайши: Позвольте узнать Вашу оценку Пакта о нейтралитете между СССР и Японией.

Полпред: Как Вам, г-н Чан Кайши, хорошо известно, СССР постоянно и неуклонно проводит политику мира. СССР активно борется за сужение сфер войны. Пакт является подтверждением этой основной линии внешней политики моего правительства. Внешняя политика Советского Союза остается неизменной. Вы, видимо, знакомы с содержанием беседы Молотова и Шао Лицзы, в которой г-н Молотов дал исчерпывающее разъяснение значения этого пакта и дальнейших взаимоотношений СССР и Китая.

Чан Кайши: Да, я знаком с содержанием беседы г-на Молотова с г-ном Шао Лицзы. Я отлично понимаю внешнеполитическую линию СССР. Мне понятен также и этот шаг СССР. Моя оценка Пакта не расходится с теми данными, которые я получал от г-на Шао Лицзы. Все дело в народе и армии Китая, которые, может быть, недопонимают много в международных отношениях и очень остро и болезненно восприняли известие о заключении пакта... Я не могу не признать, что наш народ и армия действительно были потрясены сообщением о заключении Пакта. Вы должны понять, что народ и армия нашей страны слишком верят СССР, который неизменно помогал нам. Вы должны понять, что подобный шаг СССР не мог не произвести очень сильного впечатления на всех, интеллигенцию в том числе. Неожиданность этого акта действительно оказала сильнейшее психологическое воздействие на Китай. Но я должен заверить Вас, что несмотря ни на что, вера нашего народа в Сталина осталась непоколебимой... Если СССР решит осуществить какое-либо мероприятие в его отношениях с Японией, касающееся Китая, то мы очень хотели бы надеяться на то, что СССР даст нам знать об этом, хотя бы в конфиденциальном порядке»⁸.

15 мая 1941 г. И.В. Сталин направил телеграмму Чан Кайши. В ней подчеркивалось, что СССР будет продолжать оказывать поддержку Китаю в его борьбе за освобождение страны. Чан Кайши принял позицию СССР к сведению, рассчитывая, что поставки военной помощи будут продолжены.

В воспоминаниях некоторых японских государственных деятелей, опубликованных в последнее время, подчеркивалось, что, добиваясь подписания договорного акта с СССР, Япония прежде всего преследовала цели прекращения помощи СССР Китаю⁹. Как показали дальнейшие события эти

---

⁸ Коминтерн и Вторая мировая война, с. 500–501.

⁹ China White Papers. Nanking, 1948, p. 57.

цели не были реализованы. СССР продолжал осуществлять системную поддержку Китая. После начала советско-германской войны помощь СССР Китаю не была прекращена (советские советники покинули Китай только в середине 1943 г.). Советская помощь Китаю продолжалась.

В нашем распоряжении имеется ряд документов и материалов, позволяющих проследить развитие советско-китайских отношений с июня 1941 г. Это переписка И.В. Сталина и Чан Кайши, записи бесед Чан Кайши с советским послом в Китае, советского посла и представителей китайской общечественности и др. Один из документов – телеграмма Чан Кайши в Москву, датирована 22 июля 1941 г. К этому времени правительство Китая разорвало дипломатические отношения с Германией, поскольку Германия предприняла недружественную Китаю акцию – признала прояпонское марионеточное правительство Ван Цзинвэя Центральным правительством Китая. Эта телеграмма в Москву, как сообщил Фэн Юйсян, считалась в Китае официальным заявлением генералиссимуса Чан Кайши по поводу нападения Германии на СССР. Приведем фрагмент телеграммы: «С радостью узнал, что вы, господин председатель, сами взяли на себя обязанность Народного Комиссара Обороны вашей страны... наши обе страны на одном фронте борьбы, борьбы против агрессоров, народ и армия Китая, ведущие оборонительную войну, клянутся исчерпать для общей победы все имеющиеся силы, победа СССР будет победой Китая, поражение СССР будет поражением Китая»¹⁰.

В Китае продолжали следить за развитием международных отношений. 15 июля 1941 г. министр иностранных дел Китая Го Тайци заявил, что советско-британское соглашение от 12 июля 1941 г. в рамках процесса формирования антигитлеровской коалиции, принято в Китае с большим удовлетворением. Это соглашение, отметил министр, отвечает интересам и Китая, рассматривается в Китае как шаг на пути к созданию блока демократических держав¹¹.

17 октября 1941 г. состоялась беседа министра иностранных дел Китая с советским полпредом по вопросам советско-японских отношений. Министр отметил, что он не предполагает торопить СССР с выступлением против Японии совместно с Китаем. Но, тем не менее, он хотел бы довести до сведения советского посла, что обстановка в Японии и время требуют скорейшего принятия решения. Он отметил, что это мнение разделяется Чан Кайши¹².

Советское правительство опасалось открытия второго фронта против СССР на Дальнем Востоке. На полях докладной записки заместителя наркома иностранных дел С.А. Лозовского по поводу проведения в Москве международной конференции И.В. Сталин карандашом написал: «Послу

¹⁰ СКО, т. 4, док. № 482.

¹¹ АВП РФ, ф. 01000, оп. 25.

¹² АВП РФ, ф. 0100, оп. 35, д. 11, п. 237, л. 34–38.

(китайскому. – С.Л.) скажите прямо, что на конференции будут обсуждаться вопросы войны с Германией, с которой не воюет Китай, а не войны с Японией, с которой воюет Китай. Поэтому участие Китая на этой конференции СССР считаю исключенным»¹³.

Нападением на американскую военно-морскую базу США на Гавайских островах Пёрл-Харбор Япония развязала войну на Тихом океане. Вступление США, Англии, других стран в войну на Тихом океане означало, что в японо-китайских отношениях сложилась военно-политическая ситуация, благоприятная для Китая; японо-китайский фронт стал одним из фронтов Второй мировой войны на Тихом океане, в войну вступили вооруженные силы союзников Китая, т.е. Китай смог рассчитывать на военную помощь всех противников Японии.

8 декабря 1941 г. Чан Кайши пригласил советского посла и послов США и Великобритании, в свою личную резиденцию. В ходе беседы китайский руководитель попытался убедить А.С.Панюшкина в том, что Советскому Союзу совершенно необходимо немедленно выступить против Японии совместно с США и Англией и сообща разгромить восточного агрессора к весне 1942 г.¹⁴ Чан Кайши обратился к послу с просьбой немедленно сообщить содержание беседы И.В. Сталину. При этом он подчеркнул, что его предложение имеет характер непосредственного и личного послания И.В. Сталину, равно как и президенту Ф. Рузвельту, и премьер-министру У.Черчиллю. Чан Кайши отметил, что решения по выдвинутому предложению будут опубликованы в средствах массовой информации Китая¹⁵.

Однако предложение Чан Кайши о концентрации военных усилий всех стран, включая Россию, в борьбе против Японии расценили в Москве как преждевременную попытку по вовлечению СССР в войну с Японией. В ответе И.В. Сталина отмечалось, что антияпонский фронт на Тихом океане, равно как и антияпонская борьба в Китае, является частью общего фронта против стран «оси». Одновременно И.В. Сталин сообщил Чан Кайши, что советская армия ведет тяжелые бои с гитлеровской армией и борьба на Западе также является важной частью общего фронта против стран «оси». Советское руководство не может втянуть советскую страну в войну на два фронта¹⁶.

Уровень советско-китайских межгосударственных отношений, несмотря на отказ И. Сталина, оставался высоким. Отношения носили доверительный характер. Связи советского руководства с ЦК КПК также находились на прежнем уровне. Поставки оружия шли в основном через гоминьда-

---

¹³ АВП РФ, ф. 01000, оп. 25.

¹⁴ АВП РФ, ф. 01000, оп. 29, п. 205, д. 11, л. 37–41.

¹⁵ Там же.

¹⁶ АВП РФ, ф. 01000, оп. 29, п. 205, д. 11, л. 37–41.

новские структуры. Китайское правительство получало информацию о тех или иных шагах Москвы в данном направлении. С 1937 г. в Урумчи существовала школа для подготовки военных кадров для армии КПК.

1 января 1942 г. была подписана Декларация Объединенных Наций. Союзники по Второй мировой войне сделали еще один шаг по пути укрепления единого международного фронта борьбы с агрессором. Среди правительств, подписавших Декларацию, были правительства СССР и Китая, несмотря на то, что СССР вел войну в Европе против Германии и не вступил в войну на Дальнем Востоке, а Китай вел войну с Японией и не вступал в войну с Германией.

Между тем, внутривойсковая ситуация в Китае в этот период была также своеобразна. По данным иностранных корреспондентов, находившихся в Китае, японская блокада выглядела как решето, в отверстиях которого угнездились разного рода тайные общества, занятые среди прочего, доставкой бензина китайскому правительству. Китайская почта доставляла регулярно через линию фронта письма и корреспонденцию из Чунцина и в Чунцин. Одновременно, была ликвидирована китайская единая антияпонская армия (4-ая армия). Было создано две новых, с гоминьдановским и коммунистическим военным руководством. На уровне верховного командования, тем не менее, происходило согласование стратегических планов и др.

Китайское национальное правительство рассчитывало вести войну с Японией до победного конца. Так. В письме Чан Кайши И.В. Сталину от 6 марта 1941 г. он сообщал: «Я лично уверен, что наша страна, ведущая войну против Японии в течение трех с половиной лет до настоящего времени сохранила свои силы, кроме того, заставила Японию погрязнуть в топком болоте трудностей. В этом деле помощь, оказанная СССР, действительно является огромной... Наша страна для достижения скорейшей победы надеется на все увеличивающуюся помощь Вашей страны»¹⁷.

Весной 1942 г. американское военное командование создало Китайско-Бирманско-Индийскую группировку (КБИГ) для ведения военных действий. Одной из важнейших задач КБИГ была координация вооруженных сил Китая и его союзников по Тихоокеанской войне на китайском фронте. Кроме того, КБИГ должна была снабжать Китай вооружением и боеприпасами, провести необходимую реорганизацию действующей китайской армии с целью усиления ее боеспособности. Политическая и военная ответственность за КБИГ была возложена на американского генерала Дж. Стиллвелла. Он был назначен Главнокомандующим войсками на КБИГ, и в этом качестве подчинялся Военному министерству США. В Китае он был также начальником штаба Чан Кайши. На китайском театре военных действий главнокомандующим оставался Чан Кайши, начальником его штаба был Хэ Ин-

¹⁷ АВП РФ, ф. 0100, оп. 29, п. 204, д. 11, л. 42.

цинь. В июле-августе 1942 г. Китай посетил представитель Ф. Рузвельта Л. Кэрри. Он пришел к выводу, что Чан Кайши не намерен прекращать войну против Японии¹⁸.

29 июля 1941 г. китайское правительство обратилось в НКВД СССР с просьбой продлить на один год срок действия договора о работе советских инструкторов в авиашколе в Кульдже. Положительный ответ был дан в устной форме. По данным российского комитета ветеранов войны, в 1942 г. на различных фронтах в Китае воевало до пяти тысяч представителей России. В 1942 г. продолжались поставки военной техники¹⁹.

В декабре 1941 г. У. Черчилль в памятной записке британским начальникам штабов, писал: «Всех привлекает проблема создания авиабаз в Китае или России, с которых можно было бы совершать налеты на японские города. Весьма желательно поэтому, чтобы Россия вступила в войну с Японией». 1 августа эта тема была поднята специальным представителем Президента США А. Гарриманом в беседе с И.В. Сталиным. Сталин заявил, что Япония исторически является русским противником и ее поражение имеет существенное значение для СССР. Существующие обстоятельства не благоприятствуют участию СССР в войне на Дальнем Востоке, но в свое время СССР несомненно вступит в нее²⁰.

В это же время китайское руководство поставило перед Советским Союзом вопрос об изыскании новых путей связи между Китаем и внешним миром через Иран и советскую Среднюю Азию (после падения Сингапура для Китая сложилось весьма трудное положение с доставкой военной помощи). Предполагалось, что этот новый путь будет проложен от Бендер-Шарпура по железной дороге через Тегеран до Бендер-Шаха, от Бендер-Шаха на советских судах по Каспию до Красноводска, от Красноводска через Ташкент до Алма-Аты, от Алма-Аты по шоссе до Хами в Китае. Это предложение было передано послом Шао Лицзы С.А. Лозовскому 24 марта 1942 г. Советский ответ был положительным²¹.

21 февраля 1942 г. Чан Кайши направляет поздравительную телеграмму Сталину по случаю Дня советской армии, в которой говорилось: «Глубоко верю, что воины наших двух стран от морального единодушия перейдут к согласованным действиям и таким образом сообща одержат победу, совместно осуществят великий и славный исторический акт»²².

В мае 1942 г. японцы захватили Бирму, остановившись в китайской провинции Юннань. Япония усиливает военную блокаду Китая, отрезав

---

¹⁸ Цит. по: Новейшая история Китая. М., 1972, с. 206.

¹⁹ Архив Российского Комитета ветеранов войны. Китайская секция. Д. 12, л. 24–27.

²⁰ Deane I. The Strange Alliance. N.Y., 1947, p. 226.

²¹ АВП РФ, ф. 0100, оп. 29, п. 204, д. 9, л. 6–11.

²² Там же.

пути подвоза в страну военной и иной помощи. США к этому времени в рамках КБИ провели подготовительную работу к началу совместных наступательных действий, решался вопрос о реорганизации и переформировании волонтерской группы американских летчиков, которую предполагалось влить в американские войсковые авиационные соединения в Китае.

В Советском Союзе вопрос о сохранении единого фронта ГМД и КПК был на контроле. Единство крупнейших политических партий считалось непременным условием возможности продолжения войны Китая против Японии. Позиция западных союзников Китая была аналогична советской. 16 июня 1942 г. Чжоу Эньлай посетил советское посольство и заверил советских представителей – «внутренний мир» между КПК и ГМД сохранен. А.С. Панюшкин рекомендовал Чжоу Эньлаю встретиться с Чан Кайши и обсудить с ним все острые вопросы взаимоотношений.

В начале 1942 г. в Чунцин прибыл представитель КПК Линь Бяо для переговоров с Чан Кайши об урегулировании военных конфликтов между 18-й армейской группировкой и войсками ГМД. В переговорах принимал участие также Чжоу Эньлай²³. Переговоры имели место также в ноябре 1942 – марте 1943 г.

Задача советской внешней политики по Китаю в начальный период войны заключалась в сохранении дружественных отношений с Китаем, с китайским правительством и народом. СССР оставался невоюющим с Японией союзником Китая. Эта ситуация создавала определенные сложности в отношениях двух стран, особенно в период, когда немецко-фашистские войска захватили значительную часть советской территории, рвались к Москве и Ленинграду, в период неудач союзных армий на Тихом океане. Изменение военно-политической обстановки в мире в пользу СССР способствовало улучшению политического климата в отношениях двух стран.

Проблемы Синьцзяна в советско-китайских отношениях

Синьцзян в течение многих лет был сферой влияния России, сферой ее интересов. Советско-китайские отношения в Синьцзяне имеют свою историю и в течение длительного периода определялись главным образом заинтересованностью двух стран во взаимовыгодном сотрудничестве и торговле. В 1941–1942 гг. администрация провинции под влиянием временных неудач

²³ Тихвинский С.Л. Путь Китая к объединению и независимости 1898–1949. М., 1996, с. 361.

Советской армии в борьбе с Германией и, не веря в возможность кардинального изменения ситуации на советско-германском фронте, решила внести существенные коррективы в политический курс на советском направлении и приступила к свертыванию экономических и др. связей с СССР.

12 апреля 1942 г. синьцзянский губернатор Шэн Шицай произвел массовые аресты сторонников курса на развитие отношений с Москвой, китайских коммунистов, работавших в Синьцзяне. Многие были впоследствии казнены. 5 октября Шэн Шицай потребовал от советского генконсула Г.М. Пушкина в течение трех месяцев отозвать всех советских специалистов из Синьцзяна, демонтировать оборудование на совместных предприятиях.

В условиях изменения военной ситуации на советско-германском фронте, правительство Чан Кайши, заинтересованное в советско-китайском сотрудничестве в Синьцзяне, предложило советскому правительству продолжить сотрудничество в Синьцзяне, согласовывая все вопросы не с администрацией провинции, а с центром. Вскоре поставки из СССР были налажены.

В письме В. Молотова от 10 июня 1942 г. синьцзянскому губернатору говорилось: «Советское правительство полагает, что Вы, господин дубань, сделаете для себя необходимые выводы из всего этого и найдете правильное решение вопроса, которое может предотвратить ухудшение наших отношений». На документе есть автограф Сталина – «Согласен»²⁴.

16 июля 1942 г. Чан Кайши, принимая советского посла, среди других вопросов затронул синьцзянскую тему. Он сказал, что получил доклад от Шэн Шицай и намерен направить в провинцию своего представителя г-на Чжу Шаоляна для ведения дел на месте и установления соответствующего контроля над Шэн Шицаем. Чан Кайши просил передать Молотову, что территория Синьцзяна не будет использована третьей державой против СССР, и сам Шэн Шицай не связан с врагами Китая. Он подчеркнул, что Шэн Шицаю будут даны указания беспрекословно выполнять волю центрального правительства и относиться с уважением к советским представителям. В заключение Чан Кайши повторил, что он очень надеется, что советское правительство в дальнейшем будет обращаться по вопросам Синьцзяна непосредственно к китайскому правительству, во избежание повторения недоразумений²⁵.

В 1940-х годах в различных районах Синьцзяна создавались небольшие антигоминьдановские организации, выступавшие против режима Шэн Шицай. Члены организаций (Общество учащихся в Урумчи, Организация «Свобода», Народно-революционная партия Восточного Туркестана в Кульдже, «Спасение нации»), хотя и придерживались разных политических взглядов, но объединялись на основе единства целей: подготовкой воору-

---

²⁴ СКО, т. 4, док., 2, с. 516.

²⁵ АВП РФ, ф. 0100, оп. 29, п. 205, д. 11, л. 231–233.

женного восстания против гоминьдановских властей, за демократизацию и национальное равноправие²⁶. В 1944 г. активизировалось казахское повстанческое движение на Алтае, зародившееся в 1940 г. Осенью 1944 г. в районе Нильха Илийского округа вспыхнуло антигоминьдановское восстание. 7–10 ноября повстанцы захватили г. Кульджу. На рубеже 1944–1945 гг. повстанцы захватили Илийский округ, была образована Территориальная база синьцзянского национально-освободительного движения²⁷. Выдвигались лозунги отделения Синьцзяна от Китая.

Таким образом, в Синьцзяне началось восстание неханьских народов. В условиях войны с Японией Национальное правительство не могло бросить значительные силы для подавления восстания и стабилизации власти китайского правительства в провинции.

6 декабря 1944 г. вице-министр иностранных дел Китая Ху Шицзе пригласил Т.Ф. Скворцова в МИД КР и сделал следующее заявление: «Кульджинские власти не исключают возможность, что по советскому консульству стреляли мятежники. Китайские кульджинские власти окажут защиту советским гражданам, но последние разбросаны в разных местах, поэтому на время ликвидации мятежа просят сосредоточить советских граждан в одном месте. Эта просьба вызвана тем, что китайцам трудно отличить советских граждан-китайцев от местного синьцзянского населения... Мы просим облегчить нам защиту советских граждан, собрав их в одном месте, например, в консульстве. МИД дал указание Фу Бинчану сделать такое заявление НКИД, но мы сочли необходимым параллельно сделать заявление в Чунцине»²⁸.

20 декабря 1944 г. состоялась беседа Т.Ф. Скворцова и генерального секретаря НПС Шао Лицзы. В ходе беседы Шао Лицзы сказал, что Пу Даомин прислал в Чунцин доклад, в котором информировал о встречах с генконсулом СССР в Урумчи В.Евсеевым. В докладе Пу Даомин сообщил, что точки зрения его и Евсеева «не особенно отличаются». Но посольство СССР в Чунцине информацией о содержании беседы в Урумчи не располагало. Касаясь вопроса о восстании в Кульдже, Шао Лицзы высказал свою точку зрения, согласно которой «восстание могло случиться в обстановке прекращения советско-китайских торговых связей и ухудшения в такой обстановке положения белых». Шао Лицзы сказал, что политика синьцзянских властей в отношении белых была неправильной – в прежние времена им не разрешался выезд в СССР, им нужно разрешить выезд, их следует достойно проводить до границы СССР, а их недвижимость должна быть выкуплена Китаем по справедливой цене. Далее Шао Лицзы говорил, что советские власти раньше не пускали белых на свою территорию по той причине, что они со-

²⁶ Новейшая история Китая. Т.2. М., 1984, с. 230–235, 239.

²⁷ Там же, с. 234.

²⁸ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 14, п. 244, л. 24–25.

вершали ранее политические и другого рода преступления. Но старое поколение уже ушло в мир иной, а молодые хотят вернуться в СССР. Шао Лицзы интересовался порядком восстановления белых в правах гражданства СССР.

Шао Лицзы подчеркнул, что правительствам СССР и Китая следовало бы решить вопрос о возвращении русских на родину; после выезда русских из Синьцзяна в последнем не будет никаких восстаний²⁹. Итак, устами Шао Лицзы китайское руководство попыталось найти достойный выход из сложной политической и национальной ситуации в Синьцзяне, обвинив белых русских. Советское правительство и китайские власти объявлялись непричастными к восстанию, полыхавшему в Синьцзяне.

Важной объективной причиной недовольства и начала восстания было резкое ухудшение экономического положения в Синьцзяне в результате разрыва советско-китайских торгово-экономических связей. Но в Чунцине все-таки связывали восстание в Синьцзяне с политикой СССР. Например, об этом шла речь в беседе Т.Ф. Скворцова и Цзян Цзинго. Цзян Цзинго говорил, что Чан Кайши очень много думает, как улучшить советско-китайские отношения, он в последнее время дал указание средствам массовой информации не писать ничего плохого о Советском Союзе, а затем спросил: что нужно сделать в Синьцзяне, чтобы улучшить отношения Китая и СССР... Он добавил, что Чан Кайши предполагал, что все недоразумения, наблюдавшиеся в Синьцзяне, будут устранены с отставкой Шэн Шицая. Итак, восстание неханьских народов в Синьцзяне было связано в первую очередь с резким ухудшением экономического положения в провинции после разрыва советско-китайских торгово-экономических связей в Синьцзяне. Китайское правительство и китайская общественность связывали беспорядки в Синьцзяне с политической линией СССР. В нашем распоряжении нет документов, которые дали бы возможность осветить события в Синьцзяне. На данном этапе изученности вопроса мы можем ограничиться замечанием, что советская сторона, в обстановке укрепления позиций западных держав в регионе, могла оказать поддержку оппозиции³⁰.

СССР поддержал восстание в Или (в трех округах – Илийском, Тарабогатском, Алтайском). В 1944 г. произошло решающее сражение, окончившееся поражением гоминьдановских войск. 12 ноября 1944 г. восставшие провозгласили создание Восточно-Туркестанской Республики (ВТР) во главе с Алиханом Туре и Хакимбаем-ходжой (уйгур). Потом восстание распространилось и на Кашгарию. Оно закончилось не победой, а скорее поражением. В сентябре 1945 г. Синьцзяну была предоставлена местная автономия³¹.

---

²⁹ Там же, л. 42.

³⁰ АВП РФ, ф. 0100, оп. 35, д. 11, п. 237, л. 34–38.

³¹ *Дэн Лицюань*. Одна страница китайско-советских отношений. До и после мирного освобождения Синьцзяна. – Цзиньдайши яньцзю. 1989. № 5–6.

Китай не мог без СССР урегулировать ситуацию в Синьцзяне. Так, 19 января 1945 г. министр иностранных дел Китая Сун Цзывэнь передал посольству СССР в Чунцине предложения китайского правительства о китайско-советской торговле и экономическом сотрудничестве в провинции Синьцзян. Предложения сводились к следующим позициям:

а) *Торговое сотрудничество.* Торговые связи базируются на принципе равноправия, взаимного благоприятствования, взаимного уважения, суверенитета. Для удобства обеих сторон синьцзянские товары, в которых нуждается СССР, должны поставяться синьцзянской торговой компанией, а советские товары, в которых нуждается китайская сторона, Урумчинским отделением Торгпредства СССР в Китае.

б) *Экономическое сотрудничество.* Добыча вольфрамовых и оловянных руд в пров. Синьцзян производится после достижения соглашения между обеими сторонами китайско-советской Смешанной Комиссии. Капитал Компании составляется из взносов по 50%. Нефтепромыслы в Душаньцзы должны управляться согласно советско-китайскому договору от 16 февраля 1940 г. Однако китайская сторона приветствует техническое сотрудничество и, кроме того, готова продавать советской стороне часть нефтедобычи. Сотрудничество в области легкой промышленности должно быть налажено в надлежащее время путем согласования сторон³².

Таким образом, ситуация в Синьцзяне в 1941–1945 гг. развивалась по собственным сценариям, связанным с национальным сепаратизмом и стремлением к отделению от Китая. Советская политика в данном случае отличалась противоречивостью. СССР на каком то этапе (1944 г.) пыталась использовать ВТР в своих планах. В конечном счете, между Москвой и Чунцином был найден политический компромисс.

Китай в 1943–1945 гг. Проблемы единого фронта

В 1943–1944 гг. в Китае были продолжены переговоры между руководством ГМД и КПК с целью предотвращения возобновления гражданской войны. Ряд факторов препятствовал успеху переговоров, в их числе своеобразие военно-политической обстановки в Китае к 1944 г.: наступательные действия китайской армии против Японии фактически были отложены

³² АВП РФ, ф. 0100, оп. 35, д. 11, п. 237, л. 34–38.

до окончания войны в Европе; национальное правительство Китая и руководство КПК не доверяли друг другу.

В 1944 г. в Москву из Китая поступали материалы, в основном создававшие позитивный имидж КПК, вынужденной занимать оборонительные позиции в споре с ГМД. Советское правительство было обеспокоено ситуацией в едином китайском фронте. По указанию И.В. Сталина Г. Димитров направляет письмо руководству КПК по этому вопросу. Г. Димитров выражал озабоченность отношениями КПК с ГМД. В ответных телеграммах в Москву Мао Цзэдун просил правильно понять внутрипартийную политику руководства КПК, отмечая, что можно ожидать улучшения в характере взаимоотношений КПК с ГМД. Мао Цзэдун хотел убедить Москву и представителей Коминтерна в дружественности руководства КПК.

В записке другого советского представителя П.П. Владимирова, отражающей позицию китайских коммунистов по данной проблеме, говорилось: «Мао убеждал меня в том, что Чан Кайши обязан предоставить коммунистам места в правительстве, что Особому району необходимо много оружия для борьбы с японцами. И ни словом не обмолвился о том, что боевые действия против японцев свертываются. Это факт бесспорный. Мао только на словах признает единый антияпонский фронт. Все помыслы его там – в Чунцине. Там люди, которых необходимо убрать с дороги, снять, лишить власти – это главное. Вопреки реальной обстановке, фактам»³³.

В апреле 1944 г. между КПК и ГМД возобновились переговоры. Но уже в начале мая они зашли в тупик и были прерваны. 30 апреля П.П. Владимиров записал в своем дневнике: «Вот цели Мао Цзэдуна: успокоить общественное мнение, недовольное состоянием раскола между Компартией и Гоминьданом; оправдать антигоминьдановскую политику в глазах Москвы; мол, мы всегда за переговоры, это Чан Кайши нас провоцировал; постараться выставить Чан Кайши в невыгодном свете; переговоры свяжут Чан Кайши и явятся определенной гарантией от нападения его войск на Особый район. Таким образом можно, не отказываясь от антигоминьдановского курса, углублять раскол и, пользуясь состоянием войны с Японией, навязывать Чан Кайши свою волю»³⁴.

Критика Чан Кайши и в целом чунцинского правительства со стороны прессы усилилась в связи с военными поражениями, которое потерпели гоминьдановские войска в апреле 1944 г. в Хэнани и в августе 1944 г. в Хунани, а также в связи с угрозой японского наступления на Гуанси.

Руководство КПК поддерживало тесный контакт с Москвой, справедливо рассчитывая на помощь в критической ситуации. Советское руководство, со своей стороны, в конце 1944 г. принимает решение об активиза-

---

³³ Владимиров П.П. Особый район Китая. 1942–1945 гг. М., 1973, с. 252.

³⁴ Там же, с. 287.

ции политики в Китае и в гоминьдановском Китае, и в Особом районе, контролировавшемся КПК. Однако, переговорный процесс между ГМД и КПК с целью укрепления национального единства в стране, в 1944 г. завершен не был.

Необходимость демократических перемен в Китае была назревшей проблемой. Эта тема присутствовала в газетной и иной печатной информации, обсуждалась видными общественными деятелями Китая. Чан Кайши и другие представители китайской правящей элиты придавали этой теме большое значение, считая ее частью программы выхода Китая из кризиса – политического, экономического, социального. Коммунисты настаивали на глубокой реорганизации правительства, в ходе которой ГМД поделился бы властью с КПК. Чан Кайши рассчитывал сформировать правительство, в которое бы вошли отдельные представители оппозиции. 22 декабря 1944 г. Цзян Цзинго в беседе с советским представителем Т.Ф. Скворцовым отметил, касаясь возможностей дальнейшей реорганизации правительства, что «реорганизация будет иметь место, но это длительный процесс, приходится учитывать настроения отдельных милитаристов»³⁵.

В конце 1944 г. КПК в ряде своих документов выдвинула требование о реорганизации правительства. Это требование получило поддержку Демократической Лиги, широких слоев прогрессивных людей, части передовых гоминьдановцев, например Сунь Фо, Юй Южэня, Фэн Юйсяна. За реорганизацию правительства выступили и представители президента Рузвельта. Ряд газет – «Хуаси жибао» (Чэнду), «Юньнань жибао» (Куньмин) и «Дагунбао» (Чунцин) опубликовали статьи, в которых поддерживали необходимость реорганизации правительства. Чан Кайши понимал, что положение в стране осложняется.

Чан Кайши в новогоднем послании к народу объявил, что, в связи с изменившейся обстановкой, считает необходимым созвать VI Национальный Конгресс ранее намеченного срока, т.е. до окончания войны, и намерен внести на рассмотрение центра предложение о немедленном созыве Национального Конгресса и опубликовании конституции. Вопрос о сроке опубликования конституции он поставил в зависимость от стабилизации военной ситуации. Советское посольство в докладе, направленном в НКВД, подчеркивало, что «произведенная в декабре 1944 г. реорганизация китайского правительства является простой перестановкой одних и тех же лиц с одного места на другое. Она рассчитана лишь на обман общественности. Правительство Гоминьдана не предполагает осуществление реальной реорганизации правительства»³⁶.

³⁵ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 14, п. 244, л. 31–35.

³⁶ Там же, л. 38–40.

К концу 1944 г., по имеющимся материалам, начинается переориентация американской политики в Китае целиком и полностью на ГМД. С помощью Чан Кайши и его правительства США рассчитывали укрепить американские позиции в стране после войны. В отчете советского посольства за декабрь 1944 г. отмечается, что американцы, согласно инструкции Ф. Рузвельта, работают над программой поддержки Чан Кайши, освобождают американские загранучреждения от дипломатов, поддерживавших ранее тесные связи с КПК. Американским представителям было запрещено обсуждать с китайскими коммунистами вопросы внутривнутриполитической жизни Китая, выступать с критикой правительства Китая, направлять в США служебные материалы критического содержания в адрес ГМД³⁷.

Решение вопросов, связанных с доставкой военно-технических грузов для Китая через СССР, началось в конце 1944 г. в рамках общей программы подготовки вступления СССР в войну на Дальнем Востоке (после окончания войны на Западе). Как известно, на конференции в Тегеране (1943 г.) советское правительство, идя навстречу пожеланиям союзников, дало согласие вступить в войну с Японией, но после окончательного разгрома фашистской Германии. В середине октября 1944 г. И.В. Сталин затронул тему вступления СССР в войну с Японией в разговоре с А. Гарриманом, А. Иденом, другими дипломатическими и военными представителями США и Англии. Тогда же И.В. Сталин дал согласие на разработку совместных с США планов действий против Японии и представил список советских заявок на американские поставки.

Советское посольство, как и посольства других стран, уделяло большое внимание анализу внешнеполитической деятельности и международных отношений Китая в целом. В отчете посольства за последний квартал года, как и в других документах, имели место термины «реакционность» правительства Китая, «нежелание вести войну с Японией» и др., тем не менее, отмечалось, что Китай вел активную внешнюю политику и не предполагал заключать сепаратный мир с Японией (данная тема неизменно беспокоила советское руководство). Отношения Китая с союзниками определялись в основном размерами военной помощи Китаю, военной активностью на китайском театре военных действий, расчетами на поддержку курса на создание единого национального китайского государства в поствоенном мире. Важнейшим партнером Национального правительства Китая были США.

В Китае в 1944–1945 гг. усилилось американское влияние, этому способствовали и американские советники. Во всех отраслях экономики Китая, в том числе во вновь созданном Управлении военного производства, контролировавшем экономическую жизнь Китая, Транспортном управле-

---

³⁷Там же.

нии, в чьем ведении находился транспорт, американцы укрепляли влияние различными путями. Одним из рычагов воздействия на Китай являлась построенная американцами Ледосская дорога – важный канал доставки вооружения и другого снабжения для Китая из Индии в Китай. В конце 1944 г. между Китаем и Америкой активно велись переговоры по вопросам увеличения помощи США Китаю, привлечения американского капитала в китайскую промышленность, послевоенной организации Дальнего Востока.

Что касается китайско-английских отношений, в Китае имело место недовольство недостаточно активными военными действиями английских войск в Бирме, отсутствием акций английского флота на Тихом океане, и их слабым взаимодействием с американцами, воюющими на Филиппинах. Китайские средства массовой информации распространяли слухи, что англичане вообще не хотят воевать с Японией, а выступают за подписание сепаратного соглашения с Японией за счет Китая.

Англичане не оставляли без внимания подобные заявления китайцев и в ходе личных бесед с китайскими деятелями через свою агентуру, миссионеров и довольно большую группу проанглийски настроенных китайцев подчеркивали, что не могут в данный момент сосредоточить свои силы на Дальнем Востоке, так как английский фронт рассеян по планете. Влияние Англии в Китае заметно уменьшилось. Это было следствием политики Англии в Китае, направленной на расчленение Китая на сферы влияния: Англия претендовала на юго-восток страны и районы, примыкающие к Бирме и Тибету.

Китайско-французские отношения были связаны с отказом правительства «Виши» от экстерриториальных прав в Китае. Однако правительство де Голля заявило, что для отказа от этих прав необходимы определенные гарантии со стороны китайского правительства. Более того, деголлевское правительство старалось нащупать возможность взаимодействия в Китае ряда стран, по крайней мере, по экономическим вопросам. В этом направлении в течение всего 1944 г. работал специальный экономический советник французского посольства. Он обращался в советское посольство, объясняя, что Франция и Советский Союз имеют общие интересы в Китае, имея в виду французские капиталы, вложенные в КВЖД.

В сентябре–декабре 1944 г. в Китае происходили активные военные действия на западе провинции Юньнань. Военные действия здесь в сочетании с боями в Северной Бирме были рассчитаны на открытие международного пути Китай–Индия. Как в Юньнани, так и в Бирме действия китайских частей были успешны: китайцам удалось отвоевать ряд важных пунктов. Чан Кайши, как реальный политик, понимал, что Китаю в решении его насущных проблем необходимо иметь дружественные отношения с СССР.

11–16 сентября 1944 г. в Квебеке состоялась встреча руководителей США и Англии. На конференции был принят ряд постановлений, в том

числе по Японии. «Имея в виду конечную цель вторжения в японскую метрополию, мы договорились о будущих операциях в целях усиления наступления против японцев на всех театрах»³⁸. Когда А. Гарриман информировал И.В. Сталина об итогах встречи в Квебеке, И.В. Сталин обратил внимание, что посол не упомянул об участии СССР в войне с Японией. Президент США направил соответствующее заверение союзников И.В. Сталину, и в конце сентября 1944 г. тот дал поручение Генеральному Штабу подготовить расчеты по сосредоточению и материальному обеспечению войск на Дальнем Востоке. «Скоро, видимо, потребуется», – закончил разговор И.В. Сталин³⁹.

СССР начал подготовку ко вступлению в войну на Дальнем Востоке. В рамках этой программы важное значение имел Китай. СССР возвращался на Дальний Восток. Одновременно, в Китае началась подготовка к направлению делегации в СССР. 13 декабря 1944 г. министр иностранных дел Китая и и.о. председателя Исполнительного юаня Сун Цзывэнь пригласил Т.Ф. Скворцова на обед в свою загородную резиденцию, присутствовал бывший посол в СССР Шао Лицзы. Сун Цзывэнь интересовался, какие вопросы советско-китайских отношений не разрешены до настоящего времени. Он сказал, что должен направиться в Москву в конце февраля, и его поездка «является секретной». В конце беседы Сун Цзывэнь сообщил, что до начала визита «постарается быстро разрешить все вопросы, которые могут возникнуть в наших отношениях»⁴⁰.

22 декабря 1944 г. состоялась встреча Т.Ф. Скворцова с Цзян Цзинго, который предполагал быть переводчиком на советско-китайских переговорах. Цзян Цзинго заметил, что миссия Сун Цзывэня заключается в передаче советскому правительству мнения маршала Чан Кайши. Неизбежна постановка вопроса о войне с Японией⁴¹.

Национальное правительство Китая активно работало над организацией визита министра иностранных дел Китая Сун Цзывэня в Москву. Полагаясь на посредничество американской администрации, Чан Кайши подчеркивал, что рассчитывает на помощь США в урегулировании китайско-советских отношений.

В Москве также началась подготовка к визиту высокого гостя из Китая. Советская сторона приняла решение приступить к обсуждению даль-

---

³⁸ Цит. по: Переписка председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1976, с. 160.

³⁹ Цит. по: *Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1976, с. 352; см также: Проблемы Дальнего Востока. 1995, №2, с. 62.

⁴⁰ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 14, п. 244, л. 29–30.

⁴¹ См.: *Тихвинский С.Л.* Путь Китая к объединению, с. 360–361.

невосточных проблем. По заданию советского руководства, ДВО НКИД подготовил докладную записку о предполагаемом пакете предложений китайской стороны на советско-китайских переговорах. 5 января 1945 г. помощник заведующего 1-м ДВО НКИД СССР А. Савельев в записке С.А. Лозовскому сообщил, что по данным ДВО в Москве будут предложены для обсуждения следующие вопросы: заключение договора о ненападении сроком на 10–20 лет; военное сотрудничество Китая с СССР; покупка оружия и боеприпасов; транзит китайских военных грузов через территорию СССР; решение проблем Синьцзяна – участие СССР в разработке полезных ископаемых на северо-западе Китая, строительство авиазавода, покупка оборудования для нефтекомбината, работа авиалинии «Хами-Ата». А также возобновление торговли между Синьцзяном и СССР. Возможны и другие вопросы⁴².

26 февраля 1945 г. в советское посольство в Чунцине прибыл Цзян Цзинго. По просьбе Чан Кайши он должен был выяснить, обсуждались ли на Крымской конференции дальневосточные вопросы. Поверенный в делах СССР сообщил китайскому представителю, что, как явствует из заявлений, такие вопросы на конференции не обсуждались. Цзян Цзинго в предварительном порядке изложил далее концепцию послевоенного экономического возрождения Китая. В этой концепции СССР отводилась важная роль. Посольство оценило визит Цзян Цзинго как направленный на создание благоприятных условий в работе грядущей советско-китайской конференции.

Как известно, ялтинские решения по блоку дальневосточных проблем сводились к следующим: СССР вступает в «войну против Японии на стороне союзников при условии: 1. Сохранения status-quo Внешней Монголии (Монгольской Народной Республики); 2. Восстановления принадлежащих России прав, нарушенных вероломным нападением Японии в 1904 г., а именно: а) возвращения Советскому Союзу южной части о. Сахалин и всех прилегающих к ней островов; б) интернационализации торгового порта Дайрен с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза в этом порту и восстановления аренды на Порт-Артур как на военноморскую базу СССР; г) совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги, дающей выход на Дайрен, на началах организации смешанного Советско-Китайского Общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза, при этом имеется в виду, что Китай сохраняет в Маньчжурии полный суверенитет; 3. Передачи Советскому Союзу Курильских островов. Предполагается, что соглашение относительно Внешней Монголии и вышеупомянутых портов и железных дорог потребует согласия генералиссимуса Чан Кайши. По совету Маршала И.В. Сталина, Президент примет меры к тому, чтобы

⁴² АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 3, п. 243, л. 1.

было получено такое согласие. Главы Правительств Трех Великих Держав согласились в том, что эти претензии Советского Союза должны быть безусловно удовлетворены после победы над Японией. Со своей стороны Советский Союз выражает готовность заключить с Национальным Китайским Правительством Пакт о дружбе и союзе между СССР и Китаем для оказания ему помощи своими вооруженными силами в целях освобождения Китая от японского ига»⁴³.

Китайская программа предполагала восстановление суверенитета Китая на всей китайской территории, захваченной японцами в ходе войны; возвращение Китаю «утерянных» в XIX и XX вв. территорий, включая Маньчжурию, Тайвань, Гонконг, Внешнюю Монголию; отмену неравноправных договоров и подписание с державами новых, основанных на принципе равенства; официальное признание Китая великой державой; совместную помощь держав Китаю в становлении единого китайского государства, его экономическом развитии под руководством национального правительства⁴⁴.

Соглашение в Ялте не предусматривало возвращение Китаю Внешней Монголии и Гонконга, но в значительной степени учитывало внешнеполитические условия Китая. Советское руководство не без основания предполагало, что вопросы о МНР, а также о советском присутствии в Маньчжурии будет трудно решить на советско-китайских переговорах.

28 мая 1945 г. И.В. Сталин сообщил американскому послу, что принял решение встретиться с министром иностранных дел Китая Сун Цзывэнем в Москве, не позднее 1 июля 1945 г. с целью обсуждения Ялтинских соглашений. Информация была направлена Сун Цзывэню в Сан-Франциско, где проходила международная конференция с участием Китая.

Главой китайской делегации на советско-китайских переговорах был назначен председатель Исполнительного юаня, министр иностранных дел Сун Цзывэнь. Советскую делегацию возглавил И.В. Сталин, подчеркнув тем самым значимость для советской стороны переговоров и советско-китайских отношений в целом.

Сун Цзывэнь следующим образом изложил цель визита: «Я направляюсь в Москву для предметной беседы с И.В. Сталиным и В.М. Молотовым, в ходе которой можно было бы решить все вопросы советско-китайских отношений, мы хотели бы услышать совершенно откровенное мнение маршала Сталина по вопросам советско-китайских отношений и его позицию в отношении Китая». Сун Цзывэнь отметил, что предполагал направиться в Москву из Сан-Франциско, но Чан Кайши затребовал его в Чунцин, что-

---

⁴³ Крымская конференция руководителей трех союзных держав. Сб. документов. М., 1979.

⁴⁴ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 14, п. 244, л. 31–35.

бы он на месте ознакомился с текстом упомянутого соглашения Рузвельта–Сталина и получил инструкции от китайского руководства. Сун Цзывэнь сообщил, что в состав делегации вошли известные специалисты по России, друзья СССР, и что китайская сторона возлагает на миссию большие надежды⁴⁵.

В архиве МИД РФ хранятся планы встречи, пребывания и проводов Сун Цзывэня и вице-министра иностранных дел Ху Шицзе. Из документов следует, что была запланирована встреча на высшем уровне. В.М. Молотов и еще семь официальных лиц встречали делегацию в аэропорту, аэропорт был украшен флагами СССР и Китая, гостей приветствовал почетный караул, звучали гимны двух стран. План мероприятий был подготовлен на пять дней и включал переговоры и встречи со Сталиным, культурную программу, прием в честь высокого гостя в Особняке НКВД СССР, обед И.В. Сталина в Кремле в честь высокого гостя из дружественной державы. Таким образом, советское руководство рассчитывало все вопросы советско-китайских отношений согласовать и решить за пять дней, учитывая, что основные параметры соглашения между СССР и Китаем уже определены при посредничестве США⁴⁶.

Руководство КПК было разочаровано началом переговоров в Москве. В телеграммах и письмах в СССР Мао Цзэдун и другие не могли скрыть своего несогласия с политикой СССР. Недовольство и непонимание было вызвано, во-первых, тем, что ЦК КПК соответствующим образом не проинформировали о переговорах и их конкретной цели – подписании договора с правительством Чан Кайши, во-вторых, признанием Советским Союзом Чан Кайши лидером Китая в период войны. КПК предполагала, что Маньчжурия и Корея будут переданы под юрисдикцию гоминьдановского правительства. 29 июня 1945 г. Ван Жофэй в беседе с временным поверенным СССР в Китае отмечал, что «без специальных оговорок и условий, в смысле демократизации Китая и т.п., КПК не может одобрить политику СССР в данном вопросе»⁴⁷.

30 июня 1945 г., во второй день визита делегации в СССР состоялась первая встреча с И.В. Сталиным. Согласно записи беседы, переговоры проходили в спокойной дружественной обстановке. Сун Цзывэнь вручил И.В. Сталину упомянутое выше послание Чан Кайши. И.В. Сталин поблагодарил за послание и поинтересовался, следует ли приступить к деловой части визита немедленно. Сун Цзывэнь предполагал ограничиться общим заявлением о цели миссии. Сталин согласился. В заявлении доктора Суна отмечалось, что Сунь Ятсен завещал Китаю идею о необходимости хоро-

⁴⁵ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33.

⁴⁶ Там же, д. 14, п. 244, л. 99–103, ф. 06, оп. 7.

⁴⁷ Там же, ф. 06, оп. 7, л. 159.

ших дружественных отношений с СССР. Чан Кайши и весь китайский народ, подчеркнул он, надеются на установление сердечных отношений. Миссия прибыла в Москву с целью обмена мнениями с генералиссимусом Сталиным по вопросам советско-китайских отношений и подписания советско-китайского договора.

И.В. Сталин выслушал Сун Цзывэня и изложил позицию Советского Союза. Он сказал, что царское правительство стремилось к разделу Китая. Теперь у руля власти новые люди, уважающие целостность и суверенитет Китая, и он, Сталин, думает, что обе стороны сумеют договориться между собой.

Следующая встреча со Сталиным состоялась 2 июля. С советской стороны присутствовали В.М. Молотов, С.А. Лозовский, А.А. Петров, В.Н. Павлов. С китайской стороны – Ху Шицзе, Фу Бинчан, Цзян Цзинго. В начале беседы Сталин спросил Сун Цзывэня, известно ли ему о соглашении представителей трех держав, достигнутое на Крымской конференции по Дальнему Востоку. Сун Цзывэнь ответил, что ему сообщил об этом президент Трумэн. Американцы сообщили также о точке зрения Сталина на положение в Китае. Началось обстоятельное обсуждение ялтинского соглашения. По первому вопросу, о МНР (Внешняя Монголия), Чан Кайши считал, что этот вопрос не может быть разрешен в настоящее время, его необходимо вынести за рамки настоящих переговоров, т.е. оставить открытым. И.В. Сталин придерживался иной позиции. Аргументируя советскую точку зрения, И.В. Сталин подчеркнул, что, «подписывая соглашение на Крымской конференции, советское правительство руководствовалось двумя соображениями: 1) необходимостью усилить свои стратегические позиции против Японии, поскольку СССР предлагает заключить союз с Китаем и объединенным и силами разгромить Японию. Идет ли речь о Порт-Артуре, о КВЖД, Южном Сахалине, о Внешней Монголии, во всех случаях Советский Союз имеет в виду лишь одну цель – усиление стратегических позиций Советского Союза как вероятного союзника Китая в войне против Японии. Ни МНР, ни Порт-Артур, ни КВЖД не имеют значения с точки зрения извлечения какой-либо прибыли; 2) советский народ воюет уже четыре года, и он понимает, что необходимо воевать в том случае, когда на него нападают. Теперь мы должны напасть на Японию... Чем в таком случае можно оправдать нашу акцию нападения? Я считаю, – сказал Сталин, – ее можно оправдать тем, что записано в документе». Сун Цзывэнь заметил, «что генералиссимус Сталин не понимает, как важно для Китая возвращение Монголии. Китайское правительство находится в сложном положении, ему будет трудно объяснить, по каким причинам в итоге восьмилетней тяжелой войны с Японией оно должно отказаться от части своей территории, от Внешней Монголии». Сун Цзывэнь настаивал, чтобы СССР

принял китайскую позицию и отказался обсуждать «непреодолимую проблему» в данное время. И.В. Сталин заметил, что МНР заинтересована в определении своего статуса и предложил следующую процедуру: принять решение о предоставлении независимости МНР, но объявить об этом после разгрома Японии. «Когда Китай получит, – говорил И.В. Сталин, – новые территории в результате поражения Японии, то тогда и можно будет объявить о независимости Монголии, и этот факт не произведет отрицательного впечатления на китайский народ». Сун Цзывэнь заметил, что он должен проконсультироваться с Чан Кайши. Далее обсуждался вопрос о порте Дайрен (Дальний). Сталин заметил, что в Крымском соглашении записано об интернационализации порта, т.е. порт будет открыт для судов других стран. Обсуждались вопросы об администрации порта, распределении таможенных пошлин и налогов и было решено продолжить обсуждение⁴⁸.

Говоря о Порт-Артуре, доктор Сун подчеркнул, что Китаю не хотелось бы сдавать порт в аренду, дабы не создавать прецедент. Китай одобрял совместное использование Порт-Артура русскими и китайцами. И.В. Сталин заметил, что он поищет другую формулу (вместо аренды) и учтет пожелания Чан Кайши. Советский Союз, подчеркнул Сталин, не будет создавать прецедента, который был бы невыгоден Китаю. Вопрос о железных дорогах также подлежал обсуждению, но особых противоречий в пожеланиях сторон на данном заседании обнаружено не было⁴⁹.

В ходе обсуждения монгольской проблемы выяснилось, что стороны вкладывают разное содержание в термин «статус-кво». Советская сторона понимала его как 24-летний период существования де-факто независимого монгольского государства – МНР, китайская сторона исходила из международно-правовой фиксации суверенитета Китая над Монголией (май 1924 г.), признав при этом, что в силу ряда причин Китай не пользовался правом суверенитета на территории МНР. В итоге продолжительной и весьма откровенной беседы И.В. Сталин подчеркнул, что без решения вопроса о МНР переговоры с мертвой точки не сдвинутся⁵⁰.

8 июля 1945 г. состоялась встреча Цзян Цзинго и советского посла А.А. Петрова. Цзян Цзинго пришел поделиться впечатлениями от встречи Сталина с Сун Цзывэнем, он был обеспокоен тем, что переговоры по существу зашли в тупик. Цзян Цзинго сказал послу, что он как наиболее осведомленный в китайской обстановке участник переговоров с советской стороны может понять точку зрения Чан Кайши о невозможности признания независимости МНР, ибо такое признание ослабило бы позиции китайского правительства и вызвало бы политический кризис в стране. Цзян Цзинго

⁴⁸ АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 12, п. 244, л. 199–201.

⁴⁹ Там же.

⁵⁰ Там же.

упомянул об учении Сунь Ятсена о территориальной целостности Китая. Однако посол считал, что нельзя не принимать во внимание волеизъявление монгольского народа, наоборот, учет его будет наиболее полно отражать дух учения Сунь Ятсена по национальному вопросу⁵¹.

9 июля 1945 г. Сун Цзывэнь заявил, что если Китай признает суверенитет МНР, то он пойдет против безопасности государства и против общественного мнения. «Но в интересах советско-китайской дружбы Чан Кайши идет на подобную жертву». Далее доктор Сун зачитал телеграмму Чан Кайши: «Китайское правительство, желая найти радикальное решение вопроса о дальнейшем развитии и укреплении советско-китайских отношений и устранить все возможные разногласия и осложнения для того, чтобы добиться в будущем прочного сотрудничества с СССР, что является исполнением воли Сунь Ятсена, выдвигает три предложения. В основе этих предложений лежит требование сохранения территориального суверенитета и административной целостности Китая и действительного единства Китая. Китайское правительство выражает надежду на то, что Советское правительство проявит сочувствие к Китаю, окажет ему конкретную помощь и ответит ему совершенно определенно и конкретно на следующие три предложения: 1) китайское правительство выражает глубокую благодарность за данные маршалом Сталиным обязательства уважать территориальный суверенитет и административную целостность Маньчжурии, в интересах общего блага Китай готов пойти на совместное использование Порт-Артура с целью организации там военно-морской базы, сделать Дайрен открытым портом сроком на 20 лет, совместную эксплуатацию железных дорог при соблюдении суверенитета и целостности Маньчжурии; 2) китайское правительство выражает желание, чтобы Советский Союз сотрудничал с ним в устранении беспорядков в Синьцзяне и в возобновлении торговли; 3) ввиду отдельной военной и административной организации КПК военные и административные власти Китая не могут быть полностью объединены под руководством Центрального правительства. Мы хотим, чтобы всякая военная помощь – политическая, материальная или моральная, которую советское правительство будет оказывать Китаю, оказывалась бы только Центральному правительству. Китайское правительство готово после поражения Японии и после того, как будут достигнуты цели, упомянутые в указанных выше трех пунктах, предоставить Монголии независимость... Однако этот акт должен быть осуществлен путем плебисцита». Таким образом, территориальный суверенитет и административная целостность Маньчжурии, помощь Китаю в устранении беспорядков в Синьцзяне, отказ СССР от помощи КПК – условия признания Китаем независимости МНР⁵².

---

⁵¹ СКО, т. 4, док. № 667.

⁵² АВП РФ, ф. 0100, оп. 33, д. 12, п. 244, л. 199–201.

Далее на переговорах 9 июля 1945 г. уточнялись позиции по всем обсуждавшимся советско-китайским вопросам, в том числе о проекте Договора о дружбе и взаимопомощи и соглашений к нему. Китайская сторона подготовила альтернативный вариант Договора и соглашений. Сун Цзывэнь подчеркнул, что «разница между советским и китайским проектами договора незначительна, она, пожалуй, сводится лишь к вопросу о ратификации». Согласно китайской конституции, договор вступает в силу не с момента подписания, а с момента обмена ратификационными грамотами.

Кроме того глава китайской делегации возвратился еще раз к проблеме КПК. Обратимся к документу.

«Сун Цзывэнь: Что Вы, тов. Сталин, думаете о китайских коммунистах.

Сталин: Что хочет китайское правительство от СССР. По-видимому, речь идет о том, чтобы Советский Союз не вооружал китайских коммунистов и чтобы вся помощь шла непосредственно в распоряжение правительства Чан Кайши.

Сун: Да.

Сталин: Согласен. Не желает ли китайское правительство, чтобы Советский Союз начал разоружение китайских коммунистических войск?

Сун: Такое требование было бы фантастическим. Китайское правительство стремится решить коммунистический вопрос политическими средствами.

Сталин: Было бы весьма хорошо, если бы были найдены эти политические средства для решения вопроса о взаимоотношениях между ГМД и КПК. Китайские коммунисты – это хорошие патриоты, которые будут успешно сражаться с японцами.

Сун: Центральное правительство стремится к слиянию армий и созданию единой власти в стране.

Сталин: Это вполне законное желание, ибо в государстве должна быть одна армия и одно правительство. Советская сторона еще раз подчеркнула, что Советский Союз выступает за единое централизованное китайское государство⁵³.

10–11 июля 1945 г. уточнялись позиции сторон. По вопросу о железных дорогах Маньчжурии спорным оказался вопрос о транзитных перевозках войск в военное и мирное время. И.В. Сталин согласился, чтобы в тексте соглашения были предусмотрены только перевозки военных материалов. Продолжались дискуссии по вопросам, связанным с Дайреном, Порт-Артуром и др. В заключительном этапе переговоров, 11 июля, Сун Цзывэнь напомнил, что Чан Кайши хотел бы получить письменные подтверждения Советского Союза по вопросу о Синьцзяне, о Маньчжурии, о китайских коммунистах. И.В. Сталин заметил, что в Договоре

---

⁵³ Там же.

о дружбе и союзе имеется пункт о невмешательстве во внутренние дела другой страны. Но доктор Сун настаивал на специальной телеграмме Чан Кайши. И.В. Сталин, в конце концов заявил, что если по всем другим вопросам будет достигнуто соглашение, он направит специальную ответную телеграмму Чан Кайши.

12 июля, накануне отъезда И.В. Сталина в Потсдам, состоялась заключительная на текущем этапе советско-китайская встреча. Процесс выработки коммюнике свидетельствовал, что обе стороны были заинтересованы в успешном завершении переговоров. «Тов. Молотов предлагает составить коммюнике о переговорах, в котором следует отметить, что имели место беседы об улучшении советско-китайских отношений, что переговоры еще не закончены и будут продолжены. В заключение Сун поблагодарил Сталина за откровенность во время переговоров, он сказал, что уезжает из Москвы под впечатлением искреннего желания Сталина установить дружественные отношения с Национальным правительством Китая. Переговоры возобновились накануне вступления СССР в войну против Японии 4 августа 1945 г.⁵⁴.

4 августа 1945 г. в Чунцине состоялась беседа Чан Кайши с советским послом А.А. Петровым. Чан Кайши сообщил послу: «Теперь заключение соглашения о ленд-лизе для Китая важнее любого дела. Если мы упустим настоящий момент, то Китай окажется бессильным получить американскую помощь по ленд-лизу»⁵⁵. Указанное заявление можно было бы объяснить и тем, что китайская сторона сняла, в основном, оставшиеся к середине июля нерешенные вопросы и готова подписать договор и соглашения к нему.

Ко времени возобновления переговоров ДВО НКВД подготовил две справки: 1) Советские и китайские предложения по вопросам КВЖД, ЮМЖД, Порт-Артура, Дальнего. Основные разногласия, и 2) Перечень нерешенных вопросов между СССР и Китаем по состоянию на 6 августа. Разногласия оказались согласуемыми по всем позициям, тем не менее, подписанию договора предшествовали шесть раундов.

10 августа 1945 г. беседа началась с заявления И.В. Сталина о капитуляции Японии. Доктор Сун заявил, что это произошло благодаря Советскому Союзу. Сталин уточнил, что Япония собирается капитулировать в результате объединенных усилий всех союзников, а затем сказал: «Пора подписывать соглашение». Сун Цзывэнь согласился и подтвердил, что «китайская сторона стремится к этому, и хотела бы подписать договор и соглашения к нему до капитуляции Японии, ибо в этом случае эти соглашения было бы легче представить и объяснить китайскому народу». К 13 ав-

---

⁵⁴ Там же.

⁵⁵ *Byznes J. All in one Lifetime.* № 4, 1958, p. 291.

густа несогласованные ранее вопросы (о гражданской администрации в Порт-Артуре; смешанной советско-китайской комиссии; совместной советско-китайской собственности на сооружение и оборудование порта Дальний; об управлении КВЖД и ЮМЖД; о таможенном досмотре товаров, следующих по КВЖД и ЮМЖД из СССР и обратно; о механизме назначения начальника порта Дальний) были окончательно решены в присутствии И.В. Сталина.

14 августа утром делегации обсудили название объединенной железнодорожной магистрали (КВЖД и ЮМЖД). Советская сторона сняла свое предложение (Северо-Восточная ж.д.). Было принято предложение китайской делегации – Китайско-Чаньчунская ж.д. По вопросу о МНР китайская делегация предложила отложить публикацию соответствующего документа до ратификации в Китае пакета документов (Договора и соглашений к нему). Западные аналитики отмечали, что китайская делегация поторопилась с завершением переговоров под влиянием военно-политической обстановки после вступления СССР в войну. Капитуляция Японии была предопределена.

Подписывая договор с национальным китайским правительством, советское руководство подтвердило курс на невмешательство во внутренние китайские дела, но предостерегло против развязывания вооруженного конфликта ГМД–КПК. 14 августа 1945 г. состоялось подписание договора и всех прилагающихся к нему документов. С советской стороны Договор о дружбе и союзе между СССР и Китаем подписал В.М. Молотов, министр иностранных дел и 1-й заместитель И.В. Сталина по СНК, с китайской стороны – министр иностранных дел Ван Шицзэ.

Согласно первой статье договора, обе стороны обязались довести войну до победного конца и сделать невозможным повторение агрессии и нарушение мира Японией. Состоялся обмен нотами между СССР и Китаем о суверенитете Китая над Маньчжурией, Синьцзяном, о независимости МНР. Основные железнодорожные магистрали в Маньчжурии по соглашениям объявлялись общей собственностью сторон и должны были эксплуатироваться совместно. Предусматривалось также совместное использование Порт-Артура в качестве военно-морской базы, порт Дальний объявлялся открытым портом с выделением для СССР в аренду складских помещений и пристаней. Отдельным соглашением определялись отношения между советским главнокомандующим и китайской администрацией Маньчжурии после вступления советских войск на территорию Китая в связи с совместной войной против Японии.

2 сентября 1945 г. на американском военном корабле «Миссури» в Токийском заливе представитель Японии официально подписал акт о безоговорочной капитуляции перед представителями правительств Китая, США, Англии и СССР. Неделью спустя, 9 сентября в Нанкине Главно-

командующий японской армией в Китае подписал акт о капитуляции перед китайским правительством. Таким образом, советско-китайский договор был подписан почти одновременно с заявлением японского правительства о капитуляции.

Подписывая договор, правительства СССР и Китая были заинтересованы в дальнейшем развитии отношений между странами на международно-правовой основе. Договор соответствовал национально-государственным интересам СССР, ибо укреплял стратегические позиции Советского Союза на Дальнем Востоке. Он также соответствовал национально-государственным интересам Китая, так как находился в русле внешнеполитической стратегии Китая, фиксируя незыблемость китайских границ в пограничных с СССР провинциях Китая, а также решимость сторон строить отношения на принципе дружбы и взаимопонимания.

В Чунцине 24 августа 1945 г. состоялось заседание Законодательного юаня. Доктор Сунь Фо, председатель Законодательного юаня, представил подписанные советско-китайские документы на обсуждение. После выступления министра иностранных дел Китая Сунь Фо подчеркнул, что договор открывает путь, по которому должны пойти другие страны, ибо он закладывает фундамент новой эры дружбы между странами. После двухчасовых дебатов Договор о дружбе и союзе, предварительно одобренный Высшим Национальным Советом Обороны, был единогласно одобрен Законодательным юанем. На заседаниях упомянутого Совета и ЦИК ГМД Чан Кайши, дав высокую оценку договору, сказал: «Восстановление территориальной и административной целостности Китая в трех восточных провинциях, освобождение Формозы и Пескадорских островов, восстановление независимости Кореи являются важнейшими целями революции и они реализованы». Относительно Внешней Монголии Чан Кайши подчеркнул, что она фактически стала независимым государством в годы существования пекинского правительства, «ныне мы должны в договорно-правовом порядке гарантировать независимость этой братской нам стране»⁵⁶.

25 августа 1945 г. китайское правительство ратифицировало договор и соглашения к нему⁵⁷. Советское правительство также ратифицировало договор в тот же день, 25 августа. Государственные и общественные деятели ряда стран приветствовали советско-китайский договор. Сунь Фо говорил, что «величайшее значение договора – в гарантии прочного мира на Дальнем Востоке, в готовности совместно отражать агрессию»⁵⁸.

---

⁵⁶ John W. Garver. China's War maritime Diplomacy. – China's Bitter Victory. The War with Japan. 1937–1945. Aug. 30, 1945. Armonk – New York, 1992, p. 26.

⁵⁷ Переписка председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны, т.2, с. 243.

⁵⁸ Central News Agency. Wash., Aug. 27, 1945.

Перед Китаем стояли важные проблемы упрочения китайской республиканской государственности, отвечающей нормам и духу мировой цивилизации середины XX в. Важным шагом на этом пути могла стать выработка политических механизмов преодоления ситуации «одна страна – две армии и две администрации». Советско-китайский договор по всем параметрам отвечал интересам укрепления китайской государственности, подтвердил суверенитет Китая над пограничной с СССР территорией страны – над Маньчжурией и Синьцзяном, СССР гарантировал невмешательство во внутренние дела, открывал для страны возможность реализовать планы реконструкции народного хозяйства, индустриализации, превращения в подлинно великую державу.

Таким образом, договор был предназначен для укрепления позиций Китая на международной арене как влиятельной державы. Это было реально, но только в случае взаимодействия великих держав, союзников по Второй мировой войне.

Китай в годы войны оказался в трудном положении. С одной стороны, он находился под прессом растущей японской агрессии, а с другой – внутри страны, имел, фактически, две политические структуры и две партии – официальную, правящую Гоминьдан и противостоящую ему КПК. Скрытая борьба этих партий во многом определяла внутреннюю политическую обстановку и перспективы борьбы с Японией в рамках созданного при поддержке СССР и Коминтерна в 1937 г. единого фронта. СССР не выступал за раскол Китая и не сталкивал КПК и Гоминьдан между собой в период Второй мировой войны, что пытаются доказать некоторые российские и западные историки. Подобные фальсификации связаны с мифом о желании СССР использовать японо-китайскую войну для неких классовых целей и «революционизации» Китая. Позиция советского руководства нашла свое отражение в советско-китайском Договоре, подписанном в Москве 14 августа 1945 г. СССР был за единый и неделимый Китай.

Официальным партнером СССР в Китае в годы войны было Национальное правительство, Гоминьдан. Одновременно, как свидетельствуют документы, в период деятельности Коминтерна и после его роспуска советское руководство и ВКП(б) являлись гарантом существования КПК в рамках единого национального антияпонского фронта. Причем, советское руководство добивалось, чтобы правительство Чан Кайши не обостряло отношения с руководством КПК.

Документы свидетельствуют, что поддержка Советским Союзом дела единства в Китае помогла китайскому народу удержать страну на общем фронте союзных держав во Второй мировой войне, определило успехи Китая в системе международных отношений.

СССР и Китай были союзниками во Второй мировой войне. Но СССР до августа 1945 г. оставался невоюющим на Дальнем Востоке союзником Китая, а Китай являлся невоюющим союзником СССР на Западе. Эта ситуация создавала некоторые сложности в советско-китайских отношениях, особенно в начальный период 1941–1942 гг. После вступления Советского Союза в войну против Японии ситуация полностью нормализовалась. Разгром империалистической Японии стал последним трагическим актом Второй мировой войны.

Раздел II

Ближний и Средний Восток

Глава 6.

Советско-афганские отношения в 1931–1939 гг.

После завершения гражданской войны 1928–1929 гг. в Афганистане и прихода к власти в Кабуле Надир-шаха в советско-афганских отношениях наступил новый этап, содержание которого, в первую очередь, определялось стремлением афганского правительства проводить политику строгого нейтралитета, наиболее отвечавшей национальным интересам Афганистана, игравшего роль буферного государства между СССР и Британской империей. За годы правления Амануллы-хана Советский Союз смог обеспечить себе прочные позиции в этой восточной стране, что давало ему важные рычаги воздействия на Великобританию в продолжавшейся «Большой игре» в Центральной Евразии и обеспечивало решение локальных проблем в дружественных, хотя и непростых отношениях между Москвой и Кабулом. После свержения Амануллы советское влияние в Афганистане значительно ослабло, поэтому захват власти Надир-шахом был расценен в Кремле как крупная дипломатическая победа Великобритании, ставленником которой, не без оснований, многие политики в мире считали нового афганского правителя. Наиболее точно точку зрения советского руководства на бурные события конца 20-х годов в Афганистане выразил нарком иностранных дел Г.В. Чичерин в своем письме Сталину: «Проморгали, проморгали. А какой козырь давала в руки история»¹.

Действительно, Надир-шах стремился проводить традиционную для Афганистана политику лавирования между двумя империями («политика маятника»). Премьер-министр Мухаммад Хашим-хан (его брат), также придерживался, как указывалось в донесениях советского полпреда в Афганистане Л. Старка, «политики равновесия между СССР и Англией». Его единомышленником был и афганский министр иностранных дел Файз Му-

---

¹ Г.В. Чичерин – И.В. Сталину. 20.06. 1929 г. – Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999, с. 77.

хаммад-хан². Таким образом, корректировка внешнеполитического курса, произошедшая при Надир-шахе, объективно не угрожала насущным интересам советского государства. Однако неизбежное усиление английского влияния в Кабуле было воспринято в Москве как потенциальная угроза южным рубежам СССР, лидеры которого стали проводить в отношении Афганистана пассивную выжидательную политику.

Но не только болезненное расставание с надеждой закреплиться на «стыке с британской империей» определяло крайне настороженное отношение советского руководства к политике нового афганского короля. Благодаря успешной деятельности в 30-х годах советской разведки Сталину поступали расшифрованные донесения британских дипломатов в Афганистане, в которых содержалась обширная информация о тесных контактах между английским посольством в Кабуле и афганским руководством. Благодаря этим документам советские аналитики делали вывод, что «политика афганского правительства в отношении нас ... становится все более враждебной»³. Знание многих тайн афганской дипломатии советским руководством не позволяли афганскому правительству эффективно осуществлять «политику маятника», поэтому не удивительно, что все попытки Надир-шаха получить помощь в создании боеспособной армии не только от Великобритании, но и от СССР (закупка вооружения, включая боевые самолеты, и обучение афганских курсантов в военных училищах СССР) закончились безрезультатно⁴.

Атмосферу взаимного недоверия в советско-афганских отношениях удалось преодолеть к 1931 г. благодаря сотрудничеству двух стран при ликвидации басмаческих формирований вдоль советско-афганской границы. В ходе так называемой локайской войны, начавшейся из-за нежелания Ибрагим-бека Локая починиться Надир-шаху, афганские войска встретили упорное сопротивление басмаческих отрядов, поддержку которым оказали узбеки и таджики Северного Афганистана. Ибрагим-бек провозгласил своей целью «свержение афганского режима и создание в пределах Каттагана и Бадахшана самостоятельного узбекского и таджикского государства»⁵. В этой ситуации Надир-шах обратился с предложением к советскому правительству объединить усилия по разгрому басмачей. СССР с готовностью пошел на это, так как в ходе начавшейся в советских республиках Средней

---

² Архив внешней политики МИД РФ (далее – АВП РФ). Личный архив Л. Старка. Оп. 15, п. 5, д. 1, л. 87.

³ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 558., оп. 11, д. 184, л. 124 (об.).

⁴ АВП РФ. Личный архив Л. Старка. Оп. 15, п. 5, д. 1, л. 91–92.

⁵ Цит. по: Ганковский Ю.В. Персонажи с той стороны. Ибрагим-бек Локай (1889–1932). – Азия и Африка сегодня. 2000, № 4, с. 63.

Азии форсированной коллективизации начался новый подъем повстанческого движения. В Туркменистане в 1931 г. вспыхнуло сильное антисоветское вооруженное восстание. Басмачам на короткое время даже удалось захватить административный центр Туркмении г. Красноводск⁶. Москва и Кабул были вынуждены объединить свои усилия для разгрома антиправительственных выступлений басмачества.

Полковому СССР в Кабуле было своевременно проинформировано Надир-шахом о запланированной операции правительственных войск по окончательному разгрому отрядов Ибрагим-бека. Таким образом афганский король продемонстрировал свою готовность удовлетворить советские требования о ликвидации басмаческих формирований на афганской территории и предоставил в распоряжение командования Красной Армии информацию, необходимую для окончательной ликвидации сил Ибрагим-бека.

Весной 1931 г. афганская армия смогла нанести басмачам ряд поражений, заставив их вторгнуться на советскую территорию. О предстоящем вторжении Ибрагим-бека в Таджикистан афганцы официально уведомили советских пограничников. В результате действий Таджикской группы войск Среднеазиатского военного округа (САВО) и частей ОГПУ к июню 1931 г. отряды Ибрагим-бека были разгромлены, а он сам сдался в плен⁷. Одним словом, фактически совместная операция афганских и советских войск в 1931 г. закончилась полным успехом.

Следует отметить, что в разгар ожесточенных боев с прорвавшимися из Афганистана басмачами советское командование заподозрило афганское правительство во враждебном СССР сговоре с Великобританией, предоставившей Надир-шаху финансовую и военную помощь для создания боеспособной армии. В одном из документов штаба САВО утверждалось, что «англичане со своей стороны «благословили» нынешнее англофильское правительство на самое старательное и искреннее выполнение наших дипломатических представлений о ликвидации Ибрагима с тем расчетом, что плохо обученные и безграмотно руководимые афганские войска заведомо не справятся с физическим уничтожением Ибрагима и лишь побудят его перейти от состояния «антисоветской пассивности» к вооруженной борьбе против СССР»⁸. Командование Красной Армии вскоре убедилось в ошибочности подобной версии и искренности своих афганских коллег, принявших все зависящие меры для ликвидации общего врага. Но этот эпизод

---

⁶ Пылев А.И. Басмачество в Средней Азии: этнополитический срез (взгляд из XXI века). Бишкек, 2006, с. 108.

⁷ О разгроме басмаческих формирований Ибрагим-бека в Таджикистане см. подробнее: Гиленсен В.М. Разгром басмаческих баз в Афганистане. – Военно-исторический журнал. 2000, №1, с. 31–41.

⁸ РГАСПИ, ф. 62, оп. 2. Д. 2548. Л. 101.

хорошо демонстрирует, с каким трудом налаживалось советско-афганское сотрудничество в первые годы правления Надир-шаха.

Преодолевая взаимное недоверие и английские интриги, руководство СССР и Афганистана с целью окончательной нормализации отношений между двумя государствами пошло на заключение Договора о нейтралитете и взаимном ненападении, который был подписан 24 июня 1931 г. в Кабуле. В нем были закреплены положения Пагманского пакта 1926 г., заключенного между Амануллою и советским правительством. Договаривающиеся стороны вновь взяли на себя обязательства по сохранению нейтралитета в случае войны и недопущению враждебной деятельности со своей территории против друг друга. Принцип мирного урегулирования любых споров был закреплен в новой седьмой статье договора. Договор был заключен сроком на пять лет и предусматривал его автоматическое продление по истечении пятилетнего срока, если одна из сторон за шесть месяцев до этого не выскажется за его денонсацию⁹. Заключение данного договора заложило основы добрососедских отношений между СССР и Афганистаном на многие десятилетия вперед и стало важным вкладом в укрепление международной стабильности в Центральной Азии в XX в.

На момент подписания Договора о нейтралитете и ненападении каждая из сторон решала для себя конкретные «тактические» задачи, которые, на наш взгляд, в 1931 г. были для Москвы и Кабула гораздо важнее отдаленных «стратегических» перспектив. И данный договор очень быстро доказал свою взаимовыгодность. Так, выполняя обязательства о недопущении появления на своей территории организаций и лиц, которые «вредили другой договаривающейся стороне», Афганистан продолжил пресечение деятельности басмаческих отрядов вдоль советско-афганской границы. В 1932 г. благодаря совместным действиям афганских и советских пограничников басмаческие налеты на советскую территорию стали единичными. В первую очередь, это касается вооруженных формирований туркменской эмиграции, отряды которой имели в своем распоряжении более 22 тыс. винтовок¹⁰. В свою очередь СССР не допустил враждебной режиму Надир-шаха деятельности амануллистов (сторонников бывшего короля Амануллы) с территории советских среднеазиатских республик, хотя контакты между Аманулла-ханом и советским дипломатами в Европе поддерживались еще длительное время.

В духе добрососедства был решен и вопрос о возвращении в Афганистан, эмигрировавших в 20-х годах джемшидов и белуджей. 20 августа 1931 г.

⁹ Советско-афганские отношения. 1919 – 1969. М., 1971, с. 81–84; *Теплинский Л.Б.* СССР и Афганистан. М., 1982, с.86–87.

¹⁰ Докладная записка советского военного атташе в Кабуле Васильева. 27.12.1932 г. – АВП РФ, ф. 08, 1932/1933, оп. 16, п. 154, д. 25, л. 29.

Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение: «Не препятствовать тем племенам, которые пожелают покинуть пределы Союза»¹¹. Им разрешалось забрать свои семьи, имущество и скот, оставшиеся в Туркмении. Однако тем членам племен, которые успели принять советское гражданство, уход в Афганистан был запрещен. Большая часть джемшидов и белуджей смогла оточевать на афганскую территорию.

Большой вклад в стабилизацию ситуации на советско-афганской границе внесло восстановление в сентябре 1932 г. института пограничных комиссаров, который доказал свою эффективность в деле предотвращения пограничных инцидентов и их последствий еще в период правления Амануллы.

Однако в советско-афганских отношениях были не только позитивные тенденции. И.В. Сталин и его окружение продолжали считать Надир-шаха английским ставленником, поэтому афганскому королю продолжали не доверять, что самым негативным образом сказывалось на поступательном развитии отношений между СССР и Афганистаном. Кроме этого, ситуация усугублялась тем, что Надир-шах оказался крайне несговорчивым партнером и многие советские предложения им отвергались. Так, с 1930 г. советское правительство неоднократно предпринимало попытки заключить с Афганистаном новый торговый договор, но каждый раз наталкивалось на противодействие афганской стороны. В итоге, в сентябре 1932 г. афганцы окончательно прекратили переговоры, заявив, что их страна не будет «заключать в течение ближайших трех лет торговых договоров ни с какими другими государствами ввиду экономической слабости афганского купечества и опасения иностранной конкуренции, если иностранные купцы или торговые организации получают доступ в Афганистан»¹². Одним словом, вопрос был отложен до более благоприятных, по мнению афганской стороны, времен.

В 1932 г. та же участь постигла настойчивые попытки советского правительства добиться пересмотра отдельных положений советско-афганского договора 1921 г. Прежде всего, речь шла об отмене девятой статьи, в которой правительство Советской России брало на себя обязательство передать Афганистану, во исполнение ошибочного обещания Ленина, часть советской территории (в первую очередь, оазис Пенде с крепостью Кушка). А также об аннулировании десятой статьи, предусматривавшей предоставление советской финансовой и материальной помощи эмиру Аманулле. Советский посол Л. Старк, считавший решение о пересмотре договора 1921 г. несвоевременным, в одном из своих донесений в НКВД писал: «Согласно полученных мною от вас инструкций, я в течение 1932 года несколько раз пробовал зондировать почву в отношении пересмотра советско-афганского

---

¹¹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 10, л. 162.

¹² Цит. по: *Теплинский Л.Б.* История советско-афганских отношений. М., 1988, с. 128.

договора 1921 года. Эти мои попытки не имели положительных результатов. Было видно, что афганцы не склонны идти на пересмотр договора, и самое предложение об открытии переговоров по этому вопросу едва ли будет ими принято»¹³.

В настоящее время, когда в распоряжении исследователей оказались рассекреченными документы 30–40-х годов в России и Великобритании, а также наглядно видны последствия распада СССР для народов Центральной Азии, логично сделать вывод, что подобная позиция Надир-шаха и его братьев при пересмотре отдельных положений советско-афганского договора 1921 г. была крупной дипломатической ошибкой. Пора революционной романтики в отношениях между Москвой и Кабулом ушла в прошлое еще при жизни Ленина: отдавать Афганистану стратегически важный оазис Пенде с крепостью Кушка большевики никогда не собирались. А надежды афганского руководства на содействие Великобритании и других великих держав в этом вопросе (как и на скорый распад СССР), как показала история, были иллюзорными. Таким образом, Надир-шах упустил реальную возможность улучшить отношения с Москвой, не имея шансов воспользоваться призрачными достижениями своего предшественника на афганском троне.

В пользу данного вывода свидетельствует и то факт, что положение в самом Афганистане в начале 30-х годов было крайне нестабильное. Политика Надир-шаха вызвала серьезное недовольство его подданных и пуштунских племен «независимой» полосы Северо-Западной Пограничной провинции Британской Индии, чем поспешили воспользоваться его враги – сторонники свергнутого Амануллы-хана, который начал борьбу за возвращение утраченного им престола. Амануллисты планировали организовать в конце 1932 г. крупный заговор против нового короля, которого они считали узурпатором. В историю эта попытка реставрации власти Амануллы-хана вошла как заговор Гулям Наби-хана Чархи.

Этот представитель клана Чархи стал ключевой фигурой заговора с целью реставрации власти Амануллы, так как его приезда требовали пограничные пуштунские племена и подпольные организации амануллистов, чтобы перейти к решительным действиям. 13 октября 1932 г., якобы примирившись с Надиром, Гулям Наби-хан прибыл в Кабул. Надир-шах прекрасно понимал, кто вернулся в Афганистан и что должно за этим последовать. В связи с этим король принял все меры, чтобы сорвать планы своих врагов.

Многие дипломаты в афганской столице были удивлены столь рискованным шагом Наби-хана. Советский посол Л. Старк при первой же встрече с ним на официальном приеме в королевском дворце осторожно спросил своего собеседника о его планах. В ответ Наби-хан ответил, что он приехал

¹³ АВП РФ, ф. 08, 1932/1933, оп. 16, п. 154, д. 25, л. 94.

«для дела» и что «правительство ничего не посмеет с ним сделать, так как побоится племен»¹⁴. Действуя с энергией обреченного на смерть человека, Чархи делал все возможное, чтобы поднять антиправительственное восстание в Южном Афганистане. В своих донесениях Старк информировал советское руководство о крайне рискованной деятельности Наби-хана: «В провинцию он начал рассылать людей с письмами, в которых предлагал готовиться к выступлению против Надира. Делалось все это крайне неосторожно, значительная часть людей была агентами надировской разведки, так что вся работа Гуляма Наби была достаточно хорошо известна афганскому правительству»¹⁵.

8 ноября лидер заговорщиков был убит по приказу Надир-шаха. Вслед за этим последовали аресты 327 амануллистов¹⁶. В результате принятых афганским правительством мер главные силы оппозиции в Кабуле были уничтожены. Вероятно, в ходе следствия были выявлены новые лица, причастные к заговору, потому что было еще две волны арестов в Кабуле. К декабрю 1932 г. был ликвидирован заговор амануллистов и среди пуштунских племен.

Заговор Наби-хана обострил англо-советское соперничество в Афганистане. Великобритания активно помогла Надир-шаху раскрыть планы амануллистов и пресечь их деятельность среди приграничных племен. В свою очередь, из-за активных контактов советского военного атташе Васильева с противниками афганского короля советское посольство также оказалось причастным к событиям 1932 г. в Кабуле¹⁷. Советский посол Старк оказался в достаточно часто повторяющейся в международных отношениях ситуации, когда провал спецслужб подставляет под удар кадровых дипломатов. Судя по содержанию его донесений в Москву можно утверждать, что он старался дистанцироваться от назревавшего заговора, видя, что деятельность Наби-хан и его сторонников обречена на провал. Очевидно, что афганское правительство, в распоряжении которого после ареста заговорщиков было большое количество документов амануллистов, разоблачалось в хитросплетениях событий 1932 г. Посол Старк остался в Кабуле до 1936 г., а военный атташе Васильев был отозван в СССР.

Воспользовавшись сложившейся ситуацией, Великобритания попыталась ухудшить советско-афганские отношения. 24 ноября 1932 г. в лондонской газете «Таймс» была опубликована статья о подрывной деятельности СССР в Афганистане. В ответ на этот шаг англичан афганское правительство

---

¹⁴ Там же, л. 38.

¹⁵ Там же, л. 35.

¹⁶ Там же, л. 6.

¹⁷ Запись беседы советского посла К.А. Михайлова с афганским министром иностранных дел Файз Мухаммад-ханом. 03.04. 1938 г. – АВП РФ, ф. 071, 1938, оп. 20, п. 185, д. 3, л. 244.

направило советскому послу в Кабуле ноту, в которой говорилось, что публикация в «Таймс» не соответствует действительности¹⁸. Несомненно, с афганской стороны это был шаг, направленный на укрепление стабильных отношений с Советским Союзом.

В Афганистане продолжалась ожесточенная борьба амануллистов против нового короля, принявшая вид кровной мести. 8 ноября 1933 г. в Кабуле несколькими выстрелами из револьвера в упор был убит Надир-шах. В ходе следствия выяснилось, что убийца короля Абдул Халек, мстив за казнь Наби-хана и его брата Джейлани-хана¹⁹. 16 ноября советское правительство признало сына Надира Мухаммада Захир-шаха королем Афганистана, хотя в 1934 г. в Москве, как и во многих европейских столицах, вновь стали рассматривать Аманулла-хана как реального претендента на афганский престол.

Премьер-министр Хашим-хан, ставший после убийства своего брата при молодом короле фактическим правителем страны, был оперативно оповещен англичанами о возросшей активности Амануллы. По закону кровной мести и для устранения угрозы правящей династии по личному приказу Хашим-хана были сформированы две группы для ликвидации экс-эмира и влиятельных лиц из его окружения. Советская сторона, получив эту информацию, приняла меры, чтобы сохранить жизнь бывшему королю Афганистана. В январе 1934 г. советское посольство в Риме получило из НКВД указание предупредить Аманулла о нависшей над ним угрозе. В своей телеграмме заместитель наркома иностранных дел СССР Л. Карahan сообщил советскому послу в Риме В. Потемкину, что в Европу выехал бывший личный адъютант Надир-шаха Алла Наваз-хан, «получивший задание организовать убийство Амануллы»²⁰. Чтобы быть абсолютно уверенным в том, что его кровник будет устранен, Хашим-хан отдал приказ отправить своих людей не только в Италию, но и в Мекку, так как было известно, что Аманулла собирался совершить хадж.

Благодаря усилиям спецслужб СССР, Германии и Италии все попытки ликвидировать Аманулла закончились провалом. Так, Алла Наваз-хан и его люди были арестованы итальянской полицией, изъявшей у них оружие²¹. Разразился международный скандал, и родня Надир-шаха вынуждена была отказаться от планов расправиться с Амануллой.

Помощь СССР в минуту опасности бывший король Афганистана воспринял, как готовность Кремля оказать ему более весомую помощь в его

¹⁸ Теплинский Л.Б. История советско-афганских отношений. М., 1988, с. 114–115.

¹⁹ Справка НКВД «Борьба Надир-шаха против Амануллистов». – РГАСПИ, ф. 532, оп. 4, д. 110, л. 54.

²⁰ АВП РФ, ф. 071, 1934, оп. 16, п.170, д. 3, л. 9.

²¹ Там же, л.26.

борьбе за возвращение кабульского престола. В феврале 1934 г. он попросил у Москвы разрешить деятельность его эмиссаров в районе советско-афганской границы, чтобы они установили контакт с амануллистами в Афганистане и переправляли им различную агитационную литературу.

Советское правительство не спешило с ответом на просьбы Амануллы, поэтому в июне 1934 г. бывший глава внешнеполитического ведомства Афганистана Сиддик-хан, бывший фактическим лидером амануллистов, встретился в поезде с министром иностранных дел СССР М. Литвиновым, возвращавшимся из Женевы. Сиддик-хан напомнил главе НКВД о пожеланиях Амануллы-хана. Чтобы ускорить переговоры по широкому кругу вопросу, афганец просил разрешить ему приезд в Москву. Прибыв в Москву, Литвинов доложил в Политбюро ЦК ВКП(б) о содержании его беседы с Сиддик-ханом. 15 июля 1934 г. этот главный партийный орган разрешил «выдать нескольким афганским эмигрантам (10–12 человек) транзитные визы в Афганистан с правом остановки в СССР на один месяц»²². Временный приезд Сиддик-хана в советскую столицу был также санкционирован. Одним словом, Сталин вновь пытался использовать Аманулла-хана для укрепления советских позиций в Афганистане.

Однако многообещающие для Амануллы контакты с советской стороной неожиданно прервались. Дело в том, что Сталина насторожил явный интерес фашистских держав к Аманулле, который продемонстрировал свою готовность к сотрудничеству с ними. Так, накануне агрессии фашистской Италии против Эфиопии Аманулла-хан посетил эту страну, после чего среди эфиопских мусульман итальянская агентура распространила письма экс-эмира, в которых он призывал их «восстать против марионеток Англии и христианства»²³. Этого, видимо, было вполне достаточно, чтобы советское правительство не захотело больше помогать своему старому афганскому партнеру. В свою очередь, это лишь ускорило переориентацию Амануллы на сотрудничество с Италией и Германией.

Следует признать, что в начале 30-х годов контакты советского правительства с Амануллой и его приближенными крайне осложняли процесс советско-афганского сотрудничества. Интриги с бывшим афганским правителем были серьезной внешнеполитической ошибкой Сталина. Вред авантюры в Центральной Азии в Кремле понимали, поэтому руководство СССР не пошло на предоставление свергнутому монарху военной помощи, а также не поддержало амануллистов в Афганистане, чего так боялся Надир-шах. В итоге, от контактов советских представителей с амануллистами выиграла лишь Великобритания, которая в своих интересах использовала

---

²² Протокол №10 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 15.07.1934. – РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 16, л. 110.

²³ Обзор индийской прессы. – АВП РФ, ф. 56б, 1936, оп. 14, п. 139, д. 15, л. 96.

страх надиритов перед опасностью реставрации с помощью внешних сил власти Амануллы-хана в Афганистане.

Успешное развитие внешнеэкономических связей между СССР и Афганистаном 30-х годы свидетельствовало о большом созидательном потенциале взаимовыгодного сотрудничества между этими странами. Несмотря на мировой экономический кризис 1929–1933 гг. и последствия разорительной гражданской войны 1928–1929 гг. в Афганистане, объем советско-афганской торговли неуклонно повышался. Этому способствовали меры советского правительства, например, создание в 1931 г. специализированного внешнеторгового объединения «Совафганторг» и введение в том же году льготного налогообложения для афганских купцов. Уже в 1932 г. СССР занял первое место среди стран-экспортеров и второе место (после Британской Индии) в импорте из Афганистана. «Совафганторг» закупал каракуль, мерлушку, живой скот, хлопок, шерсть, ковры и ряд других товаров. Афганские купцы и шеркеты закупали в Советском Союзе хлопчатобумажные ткани, сахар, нефтепродукты²⁴.

Для более полной картины товарооборота между СССР и Афганистаном следует учитывать и объемы широко распространенной контрабандной торговли вдоль советско-афганской границы. В 1931 г. по оценке начальника Средне-азиатского отдела Главного таможенного управления по борьбе с контрабандой СССР размер контрабанды составлял четверть от легального внешнеторгового оборота²⁵.

В первой половине 30-х годов торговля с Афганистаном имела большое значение для советских среднеазиатских республик. Благодаря импорту живого скота из Афганистана и Кашгара осуществлялось снабжение мясом многих крупных городов СССР, включая Ташкент и Самарканд. Так, по импортному плану Народного комиссариата внешней торговли на второе полугодие 1932 г. было предусмотрено закупить в Афганистане 2 тыс. голов крупного и 100 тыс. мелкого скота²⁶. Для закупки и перегона скота на советской территории действовало несколько баз приема в Тахта-Базаре, Керках и Сарай-Комаре, каждая из которых имела сеть выдвигных пунктов²⁷. Благодаря импорту скота из Афганистана советское правительство решало не только продовольственные проблемы, но и наделяло в ходе кол-

²⁴ Там же, с. 124.

²⁵ РГАСПИ, ф. 62, оп. 2, д. 2789, л. 8 (об.). Доля контрабанды в торговле Афганистана с Британской Индией была значительно выше, поэтому нелегальную приграничную торговлю можно считать традиционным промыслом афганцев.

²⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 12, л. 141.

²⁷ «Краткий обзор импортных операций по Средней Азии» ташкентской конторы «Заготскот» Центральной импортной конторе в Москве. 01.10.1932. – РГАСПИ, ф. 62, оп. 2, д. 2789, л. 62–63.

лективизации в Туркменистане бедняков коровами и овцами. В 1932 г. часть импортного скота было направлена в Таджикистан, население которого пострадало от крупного стихийного бедствия.

Особое место в советско-афганской торговле принадлежало каракулю. На мировом рынке СССР и Афганистан занимали доминирующее положение по поставкам этого товара²⁸. В 30-х годах за счет прибыли от экспорта каракуля Афганистан смог накопить свои золотовалютные запасы. Устойчивый спрос на этот вид мехового сырья в мире и на советском рынке привел к тому, что «Совафганторг» с готовностью принимал его в виде оплаты за советские товары по твердым ценам. Рост активности афганских ширкетов по продаже каракуля на мировом меховом рынке, главным центром которого являлся Лондон, побудил советское правительство в 1935 г. начать с афганцами переговоры о заключении «каракулевой конвенции» и подписании соглашения о взаимных поставках товаров на условиях нетто-баланса.

СССР предлагал афганским партнерам реализацию «всего экспортного выхода каракуля через аппарат Экспортпушнины за границей с переработкой его на предприятиях СССР», предоставление авансов при закупках в размере 1 млн. рублей и выделение товарных ссуд²⁹. «Каракулевая конвенция» была взаимовыгодным соглашением, так как позволяла значительно повысить качество афганского мехового сырья, избежать конкуренции советского и афганского меха на мировом рынке, что гарантировало экспортерам стабильно высокую цену на каракуль. Несмотря на это, Афганистан не пошел на заключение предложенного советским правительством соглашения, предпочтя самостоятельную деятельность на внешнем рынке.

Подписание в мае 1936 г. советско-афганского торгового общего соглашения позволило значительно увеличить объем совместных поставок перед началом Второй мировой войны, но оно в очередной раз подтвердило тот факт, что для СССР на первом месте было обеспечение безопасности своих южных рубежей. Политические мотивы для Сталина были важнее экономической выгоды, поэтому цены на афганские товары были повышены, срок действия торгового соглашения увеличен до трех лет.

В 30-х годах переговоры между СССР и Кабулом по экономическим вопросам, как правило, тесно увязывались каждой из сторон с решением политических задач. Так, на заключительной стадии переговоров по торговле афганское правительство выступило с предложением организовать смешанную комиссию для восстановления и исправления пограничных знаков на сухопутном участке границы от Зульфагара до Хамиаба. 17 апреля 1936 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение принять предложение

---

²⁸ См. подробнее: *Гуревич Н.М.* Внешняя торговля Афганистана в новейшее время. М., 1981.

²⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 17, л. 173.

афганцев³⁰. В том же году по инициативе советской стороны Договор о нейтралитете и взаимном ненападении 1931 г. был продлен сразу на десять лет, что отвечало интересам как СССР, так и Афганистана³¹.

В результате улучшения советско-афганских отношений накануне Второй мировой войны возобновились советские поставки вооружения для афганской армии. В 1934 г. в Москве и Кабуле начались переговоры о продаже Афганистану 24 орудий, 24 тыс. снарядов к ним и 15 тракторов. Общая сумма сделки достигала 820 тыс. золотых долларов США. Цена устранивала афганцев, они лишь просили о рассрочке выплат на восемь лет, заменив валютные платежи поставками товаров. Переговоры затягивались. В этой ситуации заместитель наркома по иностранным делам Н.Н. Крестинский направил Сталину докладную записку, в которой предложил удовлетворить пожелания Афганистана. Обосновывая свою точку зрения, советский дипломат писал: «Мне кажется, что вопрос надо обсуждать и решать не столько под углом зрения советско-афганских отношений, сколько с учетом положения на Дальнем Востоке. Японцы стремятся укрепиться в большинстве пограничных с нами государств, причем всюду предлагают поставлять оружие. Делают они это и по военно-политическим и по коммерческим соображениям. Они развивают активность в Афганистане, Персии, Румынии. Если мы не продадим афганцам нужных им пушек, то им поставят их японцы, при этом по более дешевой цене и с большей рассрочкой, чем предлагаем мы. Нам выгодно, чтобы афганские войска на севере Афганистана были вооружены орудиями нашего производства, чтобы, таким образом, они зависели от нас в снабжении орудий боеприпасами. Кроме того, пойдя навстречу афганцам в этом вопросе, мы устраним одну из причин, поддерживающих недоверие и враждебность афганского правительства к нам. Мы не думаем, что таким путем мы могли твердо привлечь афганцев на нашу сторону. Оно по-прежнему будет шататься между нами и англичанами с перевесом сначала в сторону англичан. Но известной нейтрализации мы добьемся, особенно, если нам удастся урегулировать и некоторые другие спорные вопросы, с предложениями по которым НКВД войдет дополнительно»³². В итоге, видимо после вмешательства Сталина, СССР согласился продать Афганистану 24 горных орудия и снаряды с рассрочкой на пять лет. В 1935 г. советское правительство решило дополнительно продать афганцам зенитные орудия и партию самолетов Р-5. Однако афганское правительство большую часть вооружения все же закупило в западных странах, прежде всего в Великобритании, которая продала Кабулу в 1938–1939 гг. 20 боевых самолетов и 20 тыс. винтовок.

³⁰ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 976, л. 72.

³¹ *Теплинский Л.Б.* История советско-афганских отношений, с. 121.

³² АВП РФ, ф. 010, 1934, оп. 9, п. 36, д. 20, л. 6.

Накануне Второй мировой войны важную роль в дальнейшем развитии советско-афганских отношений играло стремление СССР ограничить «германо-японское проникновение» в Афганистан, грозившее дестабилизировать обстановку в Центральной Азии. В 1935 г., сразу же после установления дипломатических отношений между Токио и Кабулом, японская сторона предложила Хашим-хану заключить секретное военное соглашение, по которому афганское правительство брало бы на себя обязательство в случае военного конфликта Японии с СССР сосредоточить войска в Северном Афганистане, чтобы «приковать к себе значительные силы Красной армии»³³. По замыслу японцев афганская армия не должна была участвовать в боевых действиях против Красной Армии, но Кабул разрешил бы басмачеству вести борьбу против Советского Союза с территории Афганистана.

Хотя Хашим-хан и отклонил это предложение, Япония все же попыталась создать вдоль советско-афганской границы свою разведсеть. В октябре 1935 г. японский посланник Китада совершил поездку по районам Северного Афганистана, чтобы установить прямые контакты с лидерами басмачества и привлечь их к сотрудничеству с Японией.

Афганское правительство, опасаясь обострения отношений с СССР, вынуждено было принять срочные меры в афганском Туркестане. Так, в одном из своих донесений в Москву советский посол в Кабуле Б. Сквирский, говорил о «чистке приграничной полосы» с помощью разоружения части эмигрантов из Средней Азии и выселения их в центральные и южные районы Афганистана. Однако таджики, узбеки и туркмены отказались покинуть обжитые места и сдать оружие, а афганские власти, не желая обострения обстановки, не стали на этом настаивать³⁴.

После заключения Антикоминтерновского пакта и подписания соглашений о сотрудничестве между разведками Японии и Германии дипломатические представительства этих стран в Кабуле попытались наладить между собой сотрудничество, составной частью которой была разведывательная деятельность среди басмачества как в Северном Афганистане, так и в китайской провинции Синьцзян. Япония стремилась объединить силы афганского басмачества с враждебным СССР пантюркистским движением в Синьцзяне, провозгласившего своей целью создание единого Туркестана. Пантюркисты при иностранной помощи планировали подготовить поход на Фергану для «освобождения мусульман от большевистского ига»³⁵.

---

³³ Донесение военного атташе советского посольства в Афганистане полковника Бенедиктова. 24.12.1935 г. – РГВА, ф. 25895, оп. 1, д. 908, л. 1.

³⁴ АВП РФ, ф. 05, 1937, оп. 17, п. 129, д. 30, л. 19.

³⁵ Доклад посла СССР в Афганистане Л. Старка «Записка о положении в Кашгарии» // АВП РФ, 071, 1936, оп. 16, п. 170, д. 3, л. 5.

Начав в 1937 г. войну против Китая, Япония стремилась «отомстить» Москве за военную помощь этой стране. Кроме того, готовясь к будущему вооруженному столкновению с СССР, в Токио также стремились спровоцировать налеты банд басмачей на советскую территорию. 11 сентября 1937 г., имея неопровержимые доказательства подрывной деятельности против СССР японского военного атташе Асикачи, советское посольство заявило афганскому правительству протест и потребовало высылки японского разведчика из страны. Афганское руководство после некоторых проволочек так и сделало. Однако даже свой отъезд Асикача попытался использовать для подрывной работы среди басмачества. Так, 28 сентября 1937 г., получив визу на отъезд, японец, как сообщил в НКВД поверенный в делах СССР в Афганистане И. Сычев, попытался, несмотря на все запреты афганских властей, выехать из Афганистана в Индию по маршруту Мазари-Шариф–Меймене–Герат–Кандагар. Афганское правительство было вынуждено вернуть его в Кабул, а затем кратчайшим путем выслать в Индию³⁶. Казалось бы, что, столь серьезно оскандалившись, японская миссия временно свернет свою работу среди басмачества, но этого не произошло. Вероятнее всего, Токио дало приказ своему посланнику в Кабуле форсировать подрывную деятельность против СССР. И японцы продолжили создание разведсети по обе стороны советско-афганской границы.

Самым крупным успехом японской разведки в Афганистане было согласие на сотрудничество с Японией бывшего эмира Бухары Алим-хана. Уже в конце 1937 г. японцы попытались начать с бухарским эмиром переговоры. Однако осторожный Алим-хан уклонился от них, заявив, что «что он гость афганского правительства и без его разрешения ничего сделать не может»³⁷. Получив отказ, японская миссия усилила натиск на эмира и, вероятно, увеличила сумму денег, которые должен был получить тот за свое согласие сотрудничать с Японией. В итоге, в 1938 г. Алим-хан стал получать от Японии крупную субсидию. Как он отбывал эти деньги по раскрасочным на настоящее время документам точно сказать нельзя. Скорее всего, бухарский эмир передал японской разведке своих агентов в советских среднеазиатских республиках. Кроме Алим-хана, японцам также удалось установить контакт и с другими видными лидерами басмачества. К примеру, глава туркменского басмачества Кызыл-Аяк за деньги также стал выполнять поручения японской разведки. Его примеру последовали главари узбекских басмачей Курширмат и Махмуд-бек. Таким образом, милитаристская Япония могла рассчитывать, что в ближайшем будущем она сможет использовать басмачество против СССР.

³⁶ АВП РФ, ф. 071, 1937, оп. 20, п. 185, д. 3, л. 3.

³⁷ Сообщение в НКВД поверенного в делах СССР в Афганистане И. Сычева. – АВП РФ, ф. 071, 1938, оп. 20, п. 185, д. 3, л. 52.

Вероятно, располагая этими данными, советское правительство готовилось вручить афганскому руководству очередную ноту протеста, но японцы сами ускорили провал своей агентуры. В 1938 г. Китада предпринял попытку завербовать нового советского посла в Кабуле К. Михайлова. 30 марта 1938 г. японец нанес визит своему советскому коллеге. В ходе этой встречи Китада, уловив момент, вполголоса сказал К. Михайлову: «Я был бы очень Вам благодарен, если бы Вы смогли давать нам (японцам) документы о Вашей деятельности в Афганистане»³⁸. В итоге, в Кабуле разразился очередной дипломатический скандал. Афганское правительство было вынуждено объявить Китаду персоной нон грата и выдворить его из страны. Одновременно афганские власти усилили контроль за лидерами басмачества, хотя никого из них не арестовали. Оставшись на свободе, басмаческие главари вскоре восстановили связь с японской разведкой.

Рост военной угрозы южным рубежам СССР заставил советское правительство ужесточить меры по обеспечению их безопасности. 14 июля 1937 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление об усилении охраны государственной границы СССР с Турцией, Ираном и Афганистаном. Вдоль советской границы с этими странами создавалась «запретная полоса», ужесточался контроль за пересечением границы иностранными гражданами и прогоном скота соседних государств. Значительно усиливались части НКВД для охраны советско-афганской границы. В феврале 1938 г. в Кремле решили запретить выпас афганского скота в Туркмении, заключив с Афганистаном новую пастбищную конвенцию, чтобы обеспечить «надлежащий контроль над перегонами афганского скота на территорию Туркменистана»³⁹. С уверенностью можно утверждать, что эти действия советских властей вызвали недовольство населения Северного Афганистана, среди которого было большое количество эмигрантов из Средней Азии, и вызвали рост антисоветских настроений в Кабуле.

События 1937 г., связанные с громкими судебными процессами в Москве, отразилась и на советско-афганских отношениях. В советских среднеазиатских республиках началась кампания по борьбе с «афганским шпионажем». Ради исторической справедливости надо отметить, что афганская разведка всегда активно действовала в Туркестане, но до 30-х годов перед советскими органами госбезопасности на первом месте стояла задача пресечения акций британской разведки в Центральной Азии. Еще до начала массовых репрессий в СССР в Средней Азии попытались ликвидировать афганскую разведсеть, но выяснилось, что это невозможно сделать: информация поступала в Афганистан через многочисленных родственников и

---

³⁸ Донесение советского военного атташе в Афганистане майора Н.Рубенко от 18.04.1938. – РГВА, ф. 25895, оп. 1, д. 930, л. 16.

³⁹ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 22, л. 140.

земляков эмигрантов из СССР и афганские торговые представительства в Средней Азии. В итоге, советское руководство сочло необходимым закрыть афганские консульства в Мерве и Ташкенте, согласившись на прекращение деятельности консульств Советского Союза в Герате, Мазари-Шарифе и Меймене⁴⁰. В апреле 1938 г. консульства были ликвидированы, что стало еще одной ошибкой, допущенной Сталиным накануне Второй мировой войны.

Во второй половине 30-х годов фашистская Германия осуществила в Афганистане экономический и дипломатический прорыв, обеспечив себе прочные позиции в экономической и политической сферах этой страны. Благодаря крупным кредитам, предоставленным афганскому правительству (в 1935 г. – 6,5 млн. марок, в 1939 г. – 55 млн. марок), Германия смогла увеличить свой экспорт в Афганистан с 1,2 млн. марок в 1935 г. до 7,6 млн. марок в 1939 г.⁴¹ Столь бурное увеличение потока немецких товаров на афганский рынок было обеспечено не только льготными кредитами, но и демпинговыми ценами. К 1939 г. доля немецких фирм в импорте промышленного оборудования составила 89%⁴².

10 июля 1936 г. было подписано соглашение между Германией и Афганистаном в военной сфере. Германия предоставила афганскому правительству кредит на закупку вооружения на сумму 15 млн. марок, а также обязалась направить в Кабул своих военных советников⁴³. Благодаря германской военной помощи афганское командование приступило к перевооружению гвардейской дивизии, которое так и не было завершено из-за начала Второй мировой войны, хотя большую часть вооружения, включая танки, Афганистан должен был получить до 1938 г.

С 1936 г. немецкая авиакомпания «Люфтвафза» открыла полеты по маршруту Берлин–Багдад–Тегеран–Кабул. В дальнейшем Германия планировала создать авиалинию между Берлином и Токио. В августе 1937 г. два пассажирских «Юнкерса» перелетели из Афганистана в Синьцзянь, но из-за противодействия китайских властей и СССР вынуждены были вернуться назад⁴⁴. Тогда Япония предложила афганскому правительству открыть авиалинию Токио–Китай–Калькутта–Багдад–Тегеран–Кабул. На афганское правительство оказывалось скоординированное давление со стороны стран

⁴⁰ Протокол №56 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 11.12.1937. – РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 22, л. 97.

⁴¹ *Glasneck J., Kircheisen I. Türkei und Afghanistan. – Brennpunkte der Orientpolitik im Zweiten Weltkrieg.* В., 1968, S. 188.

⁴² Государственный капитализм в странах Востока. М., 1960, с. 111.

⁴³ *Glasneck J., Kircheisen I. Türkei und Afghanistan,* S. 188.

⁴⁴ *Haurer M. India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in Second World War.* Stuttgart, 1981, p.78.

«оси», которые стремились создать авиамост между Европой и Дальним Востоком.

29 апреля 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) обсудило вопрос об авиалинии между Германией и Японией. В протоколе этого заседания было зафиксировано следующее решение: «Рекомендовать афганскому правительству отказать в проведении через его территорию германо-японской воздушной линии, предложив ему, в случае его согласия, установление постоянного воздушного сообщения между Афганистаном и Западной Европой через территорию СССР»⁴⁵. Афганистан отклонил советское предложение, но, понимая причины тревоги СССР в связи возможным открытием «германо-японской воздушной линии», отверг также и предложение Японии об основании авиалинии Берлин – Токио. 12 октября советский посол встретился с Файз Мухаммад-ханом и добился от него согласия на запрет для Японии создавать и эксплуатировать любую авиалинию в Северном Афганистане⁴⁶. В 1939 г. Кабул заверил советское правительство в том, что ни одна из иностранных держав не получит разрешение на открытие в Северном Афганистане своих авиалиний⁴⁷. Таким образом, афганское правительство удовлетворило просьбу СССР распространить «вето» на пролет самолетов через Афганистан и на фашистскую Италию, чтобы лишить страны «оси» последней возможности наладить авиасвязь между Европой и Дальним Востоком.

Обеспокоенное деятельностью Японии и Германии в Афганистане советское правительство решило договориться с Хашим-ханом о совместном пресечении любой враждебной СССР деятельности с афганской территории. Прежде всего в Москве было решено принять меры, чтобы ограничить экономическое проникновение Германии в Афганистан. 25 апреля 1938 г. Политбюро ЦК ВКП(б) обсудило условия продления торгового соглашения с Афганистаном и шаги по противодействию экономической экспансии стран «оси» в эту страну. В Кремле было принято следующее решение: «В целях борьбы с проникновением фашистских государств в Афганистан разрешить НКВД и Наркомашу вступать в соглашения с фирмами стран,

---

⁴⁵ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 23, л. 23.

⁴⁶ Донесение советского посла в Афганистане К. Михайлова наркому иностранных дел СССР М.М. Литвинову. 12.10.1938. – АВП РФ, ф. 05, 1938, оп. 18, п. 141, д. 44, л. 12. Так как Вахан, через который лежал путь любого самолета из Кабула в Китай, находился на севере Афганистана, советское требование к Кабулу об отказе японцам создать авиалинию в северной части страны было равносильно полному запрету на полет японских самолетов через Афганистан.

⁴⁷ Запись беседы К. Михайлова с премьер-министром Хашим-ханом, министром иностранных дел Али Мухаммедом и министром экономики Абдул Меджидом от 28.02.1939. – АВП РФ, ф. 012, 1939, оп. 1, п. 3, д. 28, л. 4–5.

конкурирующими с фашистскими государствами (Чехословакия, Франция, Швеция и др.), о сотрудничестве на афганском рынке на следующих условиях: а) предоставление конфиденциальных скидок с действующих транзитных тарифов СССР на перевозку оборудования и материалов, поставляемых этими фирмами в Афганистан, с оплатой перевозок в валюте; б) кооперирование в строительстве с тем, чтобы эти фирмы брали у афганцев подряды на строительство, а мы бы доставляли им частично или целиком оборудование и другие материалы»⁴⁸.

Политбюро обсудило также вопрос о заключении между Берлином и Кабулом в 1937 г. соглашения о разведке афганских полезных ископаемых. Советскому послу в Афганистане К. Михайлову было дано указание не допустить появления немцев в районе советско-афганской границы. С этой целью Афганистану предлагалась «помощь по разведке золота, олова, никеля, меди и пр. с тем, чтобы, в случае успешных результатов геологической разведки, эксплуатация будущих предприятий производилась нами и Афганистаном на смешанных началах, или одним Афганистаном, при условии неиспользования в этих предприятиях других иностранцев, кроме советских граждан, а также при условии предоставления нам преимущественного права на приобретение продукции этих предприятий».

В настоящее время трудно сказать, какие усилия были предприняты советской стороной для налаживания сотрудничества с фирмами третьих стран на афганском рынке, но с уверенностью можно утверждать, что ощутимых результатов они не принесли, так как вскоре началась Вторая мировая война. Тем не менее, СССР смог добиться от правительства Хашим-хана нераспространения германо-афганского соглашения о разведке полезных ископаемых на северные районы Афганистана: немецким геологам было предоставлено право работать только на юге страны⁴⁹. Пресечение советской дипломатией попыток Германии открыть авиалинию через Афганистан в Китай и Японию, а также недопущение немцев к разведке природных богатств Северного Афганистана свидетельствовали о готовности правительства Хашим-хана учитывать интересы СССР в «большой игре», обострившейся после активного включения в нее фашистских государств и Японии.

Значение упорной борьбы СССР с проникновением стран «оси» в Афганистан было тем более велико, так как Великобритания долгое время занимала выжидательную политику в этом вопросе. В Лондоне полагали, что усиление позиций Германии и ее союзников в этой стране ослабит советское влияние на афганское правительство. Ошибочность подобной политики стала очевидной после бурных событий на индо-афганской границе, во-

⁴⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 23, л. 5–6.

⁴⁹ Гуревич Н.М. Внешняя торговля Афганистана. М., 1959, с. 36.

шедших в историю международных отношений под названием авантюра Шами Пира.

Летом 1938 г. Германия организовала крупномасштабную провокацию, главной целью которой был зондаж обстановки в зоне пуштунских племен и проверка степени популярности Амануллы-хана среди приграничных пуштунских племен, которых можно было использовать как против Британской Индии, так и против Афганистана⁵⁰. На свержение Захир-шаха в результате спровоцированного немецким агентом Шами Пиром восстания в германском МИДе вряд ли рассчитывали, но при любом развитии событий на индо-афганской границе Германия оставалась бы в выигрыше, так как очередной мятеж там сковал бы дополнительное количество британских войск в Индии.

15 июня 1938 г. Шами Пир созвал джиргу пуштунских племен близ Канигурама, на которой призвал к походу на Кабул для свержения «узурпатора» Захир-шаха и к восстановлению власти Амануллы-хана⁵¹. Масуды и вазирь с воодушевлением откликнулись на призыв Шами Пира. Поэтому они быстро сформировали пятитысячный отряд и двинулись к афганской границе.

Чтобы заставить британские власти в Индии принять немедленные меры против отряда Шами Пира, правительство Хашим-хана предупредило британские власти в Индии, что если они не «успокоят» вазиров, Афганистан разорвет дипломатические отношения с Великобританией и поднимет антианглийское восстание в полосе «независимых» пуштунских племен Индии.

Угроза Афганистана заставила Англию срочно принять меры против Шами Пира. 24 июня 1938 г. британские самолеты произвели обстрел его отряда. На бомбардировку пуштунов англичане не решились, боясь еще более ухудшить ситуацию в зоне пуштунских племен. По этой же причине они проявили и большую щедрость в отношении Шами Пира: он получил взятку в 25 тыс. фунтов стерлингов, и английский самолет доставил его в Багдад. Деморализованные его бегством пуштуны разошлись по домам.

Снисходительность британских властей в Индии к Шами Пире укрепила в Кабуле подозрения, что за событиями на индо-афганской границе стоит Англия. В этой ситуации «политика маятника» побудила афганское правительство искать поддержки у СССР. Еще до бегства Шами Пира и в разгар боев правительственных войск с мятежным племенем сулейманхель 22 июня 1938 г. министр экономики Абдул Меджид встретился с послом Михайловым и попросил поставить в Афганистан дополнительное

---

⁵⁰ Об аванюре Шами Пира см. подробнее: *Тихонов Ю.Н.* Афганская война Сталина. М., 2008, с. 258–271.

⁵¹ *Mitchell N.* Sir Georg Cunningham. Edinburgh, 1968, p. 67

количество товаров и авиабензин, необходимый для афганских ВВС. В заключение беседы министр заявил, что «перед СССР могут быть три позиции: 1) соблюдать нейтралитет; 2) занимать враждебную афганпра позицию и путем прекращения экспорта своих товаров на север Афганистана, или еще чем-либо, помогать повстанцам; 3) занимать дружелюбную афганпра позицию и оказать ему в трудную для него минуту помощь. Он просил бы совпра⁵², от своего имени, продолжать быть другом»⁵³.

10 июля 1938 г. министр иностранных дел Афганистана Файз Мухаммад-хан сообщил послу Михайлову о причастности Англии к деятельности Шами Пира и о том, что «афганское правительство очень недовольно английским «подстрекательством племен». Оно обратилось с нотой к англичанам, в которой заявило, что готово поднять племена независимой полосы против англичан..., если последние не прекратят подстрекательства племен против афганского правительства»⁵⁴. В конце этой беседы Али Мухаммад-хан заявил К. Михайлову: «Афганские войска стоят у границ Вазиристана и в случае чего готовы перейти эти границы (так в документе. – Ю.Т.)». Файз Мухаммад-хан попытался уверить советского посла в том, что действия Англии вызваны, прежде всего, укреплением дружественных отношений между СССР и Афганистаном. В итоге, советская сторона пошла навстречу афганскому правительству, увеличив экспортные поставки товаров, особенно нефтепродуктов, в Герат, что с удовлетворением восприняли в Кабуле. Посол Михайлов в связи с этим писал наркому иностранных дел СССР М.М. Литвинову: «Так или иначе, но в этот трудный для афганцев период времени, мы сумели афганцам еще раз показать, что с нашей стороны они имеют друзей. 1. Мы усилили свой экспорт бензина и сахара. 2. Мы облегчили афганским шоферам и водителям доступ на наши торговые базы. 3. Мы передаем афганцам для наказания арестованных нами японских шпионов из числа афганских купцов и тем удовлетворяем большую просьбу афганпра. 4. Мы возобновили переговоры с афганцами о пастбищной конвенции. 5. Начали переговоры о торговом договоре. Мне кажется, все эти обстоятельства будут благоприятствовать дальнейшему сближению афганцев с нами»⁵⁵.

Таким образом, деятельность Шами Пира принесла солидные дивиденды Германии, ухудшив англо-афганские отношения, и доказала еще раз фашистскому руководству, как легко можно использовать пограничные пуштунские племена против Захир-шаха и англичан в Индии. Но фашистское руководство Германии своими действиями в зоне пуштунских племен

⁵² Совпра – советское правительство.

⁵³ АВП РФ, ф. 071, 1938, оп. 20, п. 185, д. 4, л. 170.

⁵⁴ Там же, л. 259.

⁵⁵ АВП РФ, ф. 071, 1938, оп. 20, п. 185, д. 5, л. 42.

невольно способствовало еще большему укреплению советско-афганских отношений.

Пытаясь использовать благоприятную ситуацию, советское правительство в октябре 1938 г. предложило афганской стороне заключить соглашение о борьбе против японского проникновения в Синьцзян. Ранее этот вопрос был поднят Хашим-ханом, который заявил советскому послу, что в случае войны Японии с СССР Афганистан мог бы оказать поддержку своему соседу. Михайлов тут же сообщил об этом в НКВД и получил оттуда указания начать переговоры по этому вопросу с афганцами. Однако афганский премьер-министр неожиданно «забыл» свои слова и передал через министра иностранных дел, что Кремль может «рассчитывать на дружественный нейтралитет Афганистана по отношению к СССР»⁵⁶. Одним словом, афганское правительство не пошло на заключение с Советским Союзом соглашения, обязывавшего Кабул принять решительные меры против подрывной деятельности японцев в Синьцзяне. Необходимо отметить, что даже в случае его заключения острой необходимости в подобного рода документах в годы Второй мировой войны не возникло. Япония «увязла» в Китае, и ее влияние в районе китайско-афганской границы и Северном Афганистане было минимально.

Используя заинтересованность Кабула в урегулировании пограничного вопроса с СССР, послу К. Михайлову удалось в 1938 г. заключить с Хашим-ханом устное «джентльменское» соглашение, согласно которому афганское правительство обязалось не допускать японских граждан, включая посланника Японии, в Северный Афганистан. Кабул также гарантировал СССР, что вдоль советско-афганской границы будет создана 30-километровая особая зона, въезд в которую для иностранцев, находившихся в Афганистане, будет закрыт. Эти договоренности сыграли большую роль в срыве планов стран «оси» использовать афганскую территорию, как плацдарм для подрывной деятельности против СССР.

В 1937–1939 гг. афганское правительство хотело воспользоваться осложнившейся международной ситуацией для решения пограничной проблемы с СССР в свою пользу. Затянувшийся территориальный спор и проблема водного участка советско-афганской границы длительное время осложняли отношения между Москвой и Кабулом. Правительство Хашим-хана использовало любой удобный случай для обсуждения с советскими дипломатами пограничных проблем. Даже высылку по требованию СССР японского военного атташе в 1937 г. оно попыталось использовать для того, чтобы добиться от своего северного соседа уступок при определении линии границы по р. Амударья⁵⁷. Подобная тактика ведения переговоров о границе применялась афганцами вплоть до начала Второй мировой войны.

---

⁵⁶ АВП РФ, ф. 05, 1938, оп. 18, п. 141, д. 44, л. 12.

⁵⁷ Сообщение в НКВД поверенного в делах СССР в Афганистане И.С. Сычева. 25.10.1937. – АВП РФ, ф. 071, 1938, оп. 20, п. 185, д. 3, л. 2.

Понимая важность решения целого комплекса пограничных вопросов между СССР и Афганистаном, советское правительство было готово найти взаимовыгодный компромисс с Кабулом. В 1937 г. по просьбе афганского правительства Советский Союз взял на себя расходы по оплате работ по восстановлению пограничных знаков. На эти цели было отпущено более 417 тыс. золотых рублей и 3 тыс. долларов США⁵⁸. В том же году Москва дала принципиальное согласие на афганское судоходство по Амударье. Однако советское руководство не устраивало желание Хашим-хана целиком денонсировать Договор 1921 г. и аннулировать документы англо-русского разграничения 1885–1888 гг. Позже в ходе переговоров в Кабуле четко проявилась линия афганского правительства добиться преимущества при использовании вод пограничных рек в ущерб интересам среднеазиатских республик, что стало дополнительной преградой на пути подписания советско-афганского соглашения о границе.

14 февраля 1938 г. в Кремле было принято решение о продолжении и завершении переговоров о советско-афганской границе, в нем указывалось: «Граница между СССР и Афганистаном проводится на Аму-Дарье, в соответствии с международными нормами, по тальвегу реки, с предоставлением Афганистану права судоходства и водоиспользования на этой реке, а также права на владение островами между тальвегом и левым берегом Амударьи. Афганское правительство отказывается от своих претензий на Пендинский оазис... Афганское правительство соглашается на аннулирование ст. 9 советско-афганского договора от 28 января 1921 г. (денежные субсидии Афганистану. – Ю.Т.)»⁵⁹.

В апреле 1938 г. между СССР и Афганистаном начались переговоры по пограничным вопросам⁶⁰. Долгое время стороны не могли прийти к взаимовыгодному компромиссу, в чем была значительная доля вины правительства Хашим-хана, который попытался в ходе переговоров аннулировать Договор 1921 г., что было невыгодно для СССР. Первоначально летом 1938 г. министр иностранных дел Файз Мухаммад-хан соглашался отменить лишь 9-ю и 10-ю статьи этого документа, но в октябре он же предложил послу К. Михайлову дополнить договор двумя статьями. Содержание первой из них было сформулировано следующим образом: «Обе стороны соглашаются в возможной скорости приступить к остолблению сухопутной границы от Зульфагара до Хамиаба на основе разграничения 1885–1888 гг., для какой цели назначают смешанные

⁵⁸ РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 20, л. 210.

⁵⁹ Протокол заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 58. – РГАСПИ, ф. 17, оп. 162, д. 22, л. 125.

⁶⁰ Арунова М.Р., Шумилов О.М. Очерки истории формирования государственных границ между Россией, СССР и Афганистаном. М., 1994, с. 32.

комиссии»⁶¹. Это предложение афганского главы внешнеполитического ведомства не встретило возражений посла, потому что установка пограничных знаков в кратчайшее время отвечала интересам СССР.

Далее Файз Мухаммад-хан просил внести в договор статью об использовании вод р. Кушка и плотин на р. Мургаб. Афганский вариант данной статьи гласил: «Обе договаривающиеся стороны соглашаются по дружески, учитывая права и интересы обоих государств, в ближайшем будущем перейти к рассмотрению вопросов связанных с использованием вод реки Кушки и со строительством плотин на Мургабе»⁶². Советское правительство в тот момент не считало возможным включить эту статью в договор, да и сами афганцы то «забывали», то вспоминали о ней в ходе переговоров. Видимо, они понимали, что СССР не согласится с тем, чтобы вода р. Кушки пошла бы в Афганистан во вред сельскому хозяйству всего оазиса Пенде. Проблема мургабских плотин была менее острой: советская сторона была готова отказаться от строительства гидросооружений на своем берегу Мургаба взамен отказа Кабула от возведения афганской плотины. Одним словом, вопрос о дополнении Договора 1921 г. новыми статьями можно было согласовать к взаимному интересу сторон.

Однако буквально через несколько дней после встречи посла Михайлова с Файз Мухаммад-ханом Хашим-хан заявил о необходимости отмены всего Договора о дружбе 1921 г. В итоге переговоры затянулись до 1939 г. Такое положение не устраивало советское правительство, поэтому советский посол в Афганистане получил указание НКВД ускорить переговоры о границе. 5 апреля 1939 г. посол Михайлов встретился с афганским премьер-министром, который сообщил советскому дипломату, что Афганистан не против аннуляции 9-й и 10-й статей Договора 1921 г., но «за это в порядке компенсации они хотели бы получить положительное решение вопросов р. Кушки и мургабской плотины»⁶³. Кроме этого, Хашим-хан желал закрепить право Афганистана на «половину реки» Амударьи.

19 апреля состоялась новая встреча советского посла с главой афганского правительства. Михайлов сообщил Хашим-хану мнение советского правительства на пересмотр Договора 1921 г.: отмена 9-й и 10-й статей, что должно было быть оформлено обменом нот, а также признание «устаревшими» статей 4 и 5 (о консульствах) и 8 (независимость и свобода Хивы и Бухары). Эти статьи не имели реального значения для

---

⁶¹ Докладная записка советского посла в Афганистане К.А. Михайлова наркому иностранных дел М.М. Литвинову. 12.10. 1938. – АВП РФ, ф. 05, 1938, оп. 18, п. 141, д. 44, л. 11.

⁶² Там же.

⁶³ Донесение советского посла К.А. Михайлова наркому М.М. Литвинову. 25.04.1939. – АВП РФ, ф. 071, 1939, оп. 21, п. 188, д. 2, л. 166.

советско-афганских отношений накануне Второй мировой войны, но в совокупности они составляли значительную часть Договора 1921 г., поэтому Хашим-хан продолжал настаивать на его отмене⁶⁴. На следующий день после встречи с премьер-министром с послом Михайловым встретились министр экономики Абдул Меджид и заместитель министра иностранных дел Наджибулла-хан. В ходе переговоров определилась окончательная позиция афганского правительства: 1) заключение нового договора; 2) Кабул соглашался отказаться от статьи 9 Договора о дружбе 1921 г.; 3) СССР должен был отказаться от преимущественного права строительства плотины на р. Мургаб и использования воды р. Кушка; 4) Афганистан получал право судоходства по Амударье; 5) водная граница проводилась по тальвегу Амударьи; 6) предлагалось «остолбить» памирский участок советско-афганской границы⁶⁵.

Категорически неприемлемым предложением афганского правительства для СССР оставалась полная отмена Договора 1921 г. Сами переговоры о границе воспринимались советскими дипломатами, как интриги Германии и ее союзников в Афганистане. К примеру, вопрос о разрешении афганского судоходства на Амударье вызывал повышенный интерес немцев, которые по просьбе Хашим-хана смогли даже доставить в разобранном виде небольшую баржу в Афганистан. Все это привело к тому, что советско-афганские переговоры затянулись и проблема границы между СССР и Афганистаном не была решена к началу Второй мировой войны.

В советско-афганских отношениях 1931–1939 гг., несмотря на их сложность, четко прослеживается тенденция на укрепление взаимопонимания между Москвой и Кабулом. Проблемы двухсторонних отношений между СССР и Афганистаном прагматически решались правительствами обеих государств, что отчетливо проявилось в ликвидации басмаческих формирований Ибрагим-бека Локая, росте внешней торговли, возобновлении переговоров о границе и т.д. Однако специфика существования «буферного» государства, каким фактически являлся Афганистан, во многом определялась острым соперничеством ведущих мировых держав в Центральной Азии. Афганская дипломатия пользовалась этим, чтобы укрепить позиции своей страны на международной арене и ускорить ее экономическую модернизацию. По этой причине Кабул охотно пошел на сближение с нацистской Германией и ее союзниками, активно стремившимися закрепиться на «афганском плацдарме» накануне Второй мировой войны. В этой ситуации СССР решительным образом стремился помешать укреплению своих противников в Афганистане. Частично советской дипломатии этого удалось достичь.

⁶⁴ АВП РФ, ф. 071, 1939, оп. 21, п. 188, д. 2, л. 161–162.

⁶⁵ Там же, л. 160.

Глава 7.

Советско-афганские отношения в 1939–1945 гг.

Начавшаяся Вторая мировая война сразу же вовлекла Афганистан в интриги воюющих держав, среди которых наибольшую активность в отношении этой страны и Индии проявляла фашистская Германия. Благодаря своей мощной экспансии на Среднем Востоке в 30-х годах страны «оси» обеспечили себе прочные экономические позиции в Афганистане, поэтому могли рассчитывать на дальнейшее сближение с правительством Хашим-хана. Однако афганское правительство 6 сентября 1939 г. заявило о своем нейтралитете в начавшейся войне, что давало Кабулу возможность в 1939–1943 гг. идти на сближение то со странами «оси», то с государствами антигитлеровской коалиции.

В 1939–1941 гг., чтобы лишить Англию огромных людских и материальных ресурсов Британской Индии, Германия стремилась спровоцировать вооруженное восстание пуштунских племен. Для реализации этих планов нацистское руководство попыталось превратить Афганистан в плацдарм для удара по Британской Индии, для чего в Берлине решили воспользоваться помощью СССР и сделали ставку на бывшего афганского монарха. По словам американского историка Ч. Миллера, Гитлер хотел «...с помощью Амануллы поднять антибританское восстание племен (пуштунов. – Ю.Т.) вдоль индо-афганской границы, для подавления которого потребовалась бы... вся индийская армия»¹. Внутриполитическая обстановка в Афганистане, казалось, благоприятствовала решению именно этой задачи.

Начало Второй мировой войны совпало с очередной попыткой сторонников Амануллы-хана лишить власти клан Яхья-хель. В сентябре 1939 г. в Кабуле была раскрыта тайная организация амануллистов, которые готовили заговор с целью свержения Захир-шаха. Главой амануллистов был заместитель министра королевского двора Афганистана Гулям Хайдар-хан. Афганской тайной полицией удалось ликвидировать заговор.

---

¹ Miller C. Khyber: British Indian's North-West Frontier. N.Y., 1977, p. 364.

События в Афганистане привлекли к коронованному изгнаннику внимание руководства Германии, и вскоре в Берлине был разработан план реставрации на афганском престоле Амануллы-хана. Главными авторами этого проекта были Сиддик-хан Чархи и начальник ближневосточного отдела МИД Германии В. Хентиг. Целью операции «Аманулла», как говорилось в одном из документов МИДа Германии, было «приобретение базы для операций любого рода против Индии, сковывание английских вооруженных сил, поддержка повстанческого движения в Вазиристане». По замыслу Хентига, для свержения короля Захир-шаха необходимо было в советском Туркестане сформировать отряд около двух тысяч человек под руководством Сиддик-хана Чархи, вооруженных немецким оружием. Затем силы должны были захватить важный административный центр Северного Афганистана г. Мазари-Шариф. Предполагалось, что амануллистам удастся поднять восстание приграничных пуштунских племен, прежде всего африди, момандов и шинвари, чтобы одновременно с севера и юга организовать совместный поход на Кабул. Для гарантии успеха операции «Аманулла» Хентиг планировал также задействовать в ней одну горную дивизию вермахта, которая бы поддержала вторжение отряда Сиддик-хана в Афганистан. Помощь СССР при этом должна была свестись к «перевозке войск, строительству необходимых пунктов снабжения и переброске войск вдоль афгано-советской границы»².

13 сентября 1939 г. германский посол в Москве Ф. Шуленбург получил указание от министра иностранных дел И. Риббентропа прозондировать позицию советского правительства в отношении реставрации власти Амануллы-хана. 13 ноября 1939 г. германский посол заявил советскому министру иностранных дел В.М. Молотову, что Германия с целью быстрого окончания войны хочет «сделать сильный нажим на Англию»³. Поэтому Берлин просит правительство СССР помочь «послать в Афганистан Аманулла и его людей для нажима на англичан, но идеалом была бы военная демонстрация (советских войск. – Ю.Т.) на границах Афганистана и Кавказа без агрессивных намерений. Если это окажется невозможным, то желательно, чтобы советское правительство не отвергало подобных слухов»⁴. Молотов пообещал рассмотреть просьбу германского правительства.

17 ноября Молотов пригласил к себе Шуленбурга и сообщил ему, что в отношении распространения слухов об усилении сил Красной Армии на Кавказе и советско-афганской границе «советское правительство...

---

² *Hauner M. India in Axis Strategy. Germany, Japan and Indian Nationalists in Second World War. Stuttgart, 1981, p. 162.*

³ Запись беседы В.Молотова с Ф. Шуленбургом. 13.11.1939 г. – АВП РФ, ф. 06, оп. 1, п. 1, д. 4, л. 47–48.

⁴ Там же.

не возражает»⁵. Видя нежелание Молотова первым начинать разговор о планах восстановления власти Амануллы-хана в Афганистане, Шуленбург сам спросил советского министра иностранных дел о «возможности проезда в Афганистан Амануллы и его людей...». Тогда Молотов попытался выяснить у германского посла, «в чем должно выразиться содействие советских властей Аманулле». Однако Шуленбург не знал деталей этой операции, поэтому лишь выразил «удовлетворение тем, что тов. В. Молотов не отклонил возможность обсуждения этих вопросов».

В декабре 1939 г. Риббентроп назначил для переговоров с Молотовым специалиста по Восточной Европе П.Клейста. Этот дипломат был информирован лишь в самых общих чертах об операции «Аманулла», что значительно затрудняло выполнение его миссии. Отправить в Москву Сиддик-хана, который знал все детали операции «Аманулла», германская сторона не решилась. В Берлине опасались прямых переговоров посланца Амануллы-хана с советским правительством, так как, вероятно, не исключали возможности двойной игры со стороны СССР.

17 декабря 1939 г. Ф. Шуленбург встретился с В.М. Молотовым и сообщил ему о прибытии в Москву П. Клейста. Реакция советского министра на это известие была холодной. Но все же в середине декабря в советской столице в течение нескольких дней представитель Риббентропа вел переговоры с Молотовым. Вскоре немец отбыл в Берлин, где сообщил своему руководству, что «русские, в принципе, согласились с действиями Германии, но воздержались от окончательного одобрения»⁶. Шеф абвера адмирал Ф. Канарис был крайне недоволен таким расплывчатым ответом советской стороны, так как считал, что «без активного сотрудничества с русскими план («Аманулла». – Ю.Т.) не имел шансов на успех». Поэтому было решено продолжить переговоры в Москве.

В начале февраля 1940 г. Клейст второй раз приехал в СССР. На этот раз ему не удалось встретиться с Молотовым, но он, по германским источникам, провел переговоры с представителями советской разведки, которая таким образом получила в свое распоряжение ценный источник информации о планах фашистской Германии в отношении Афганистана и Индии⁷. Провал второго визита Клейста в Москву показал, что советское правительство не намеревалось помогать немцам в осуществлении их планов в Афганистане. Поэтому 5 марта 1940 г. Шуленбург встретился с Молотовым, которому заявил: «план касательно Тибета и Афганистана, с которым

---

⁵ Запись беседы В.Молотова с Ф. Шуленбургом. 17.11.1939 г. – АВП РФ, ф. 06, 1939, оп. 1, п. 1, д. 4, л. 50–52.

⁶ *Häuner M.* India in Axis Strategy, p. 163–164.

⁷ *Glasneck J. Kircheisen I.* Türkei und Afghanistan – Brennpunkte der Orientpolitik im Zweiten Weltkrieg. В., 1968, S. 217.

приезжал в Москву г-н Клейст и который ему самому ...казался фантастическим, не исходил от фюрера и от фон Риббентропа. Поэтому вопрос об Афганистане... снимается совсем»⁸. Однако в Берлине и Риме, как показали дальнейшие события, не отказались от идеи осуществить в Кабуле государственный переворот с целью свержения «проанглийского» режима Захир-шаха. План «Аманулла» был лишь отложен до более благоприятного момента.

Визиты германских дипломатов, регулярно поднимавших вопрос о советско-германском сотрудничестве в Афганистане, заставили советское руководство принять меры для того, чтобы советско-афганские отношения не пострадали от вероятной дезинформации о причастности СССР к операции «Аманулла» и неизбежном вторжении Красной Армии в Индию через Афганистан. 9 февраля 1940 г. посол К. Михайлов получил из НКВД указание сделать афганскому министру иностранных дел заявление от имени советского правительства, в нем говорилось, что «Советский Союз хочет сохранить и укрепить мир с Афганистаном»⁹. 13 февраля посол Михайлов посетил афганского министра иностранных дел Али Мухаммад-хана, которому передал официальное заявление правительства СССР. Советский дипломат заявил, что он «уполномочен от имени советского правительства заверить афганское правительство в том, что советское правительство, чуждое какой бы то ни было агрессивности вообще, искренне желает сохранить и укрепить мирные отношения с Афганистаном»¹⁰. Данное заявление было с удовлетворением встречено афганской стороной.

Дальнейшие события показали, что предосторожность Молотова была оправданной. Индийская политическая разведка (ИПР) бдительно следила за бывшим афганским монархом и его окружением. Ей удалось получить информацию о переговорах Сиддик-хана с Амануллоу-ханом, во время которых обсуждалась возможность с помощью Германии и СССР попытаться весной 1940 г. поднять восстание в Афганистане и свергнуть короля Захир-шаха. В качестве платы за помощь предполагалось отдать Советскому Союзу афганский Туркестан, но при условии, что Москва гарантировала бы возвращение Афганистану северо-западных районов Британской Индии. ИПР также получила разведанные о переписке между Молотовым и Риббентропом и предстоящей поездке Сиддик-хана в Москву, что окончательно

⁸ Запись беседы наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом Германии в СССР Ф. Шуленбургом. – с.131.

⁹ Телеграмма заместителя наркома иностранных дел СССР В. Деканозова полномочному представителю СССР в королевстве Афганистан К.Михайлову. – Документы внешней политики СССР. Т. XXIII.1. М., 1995, с. 80.

¹⁰ Донесение посла К. Михайлова в НКВД. – Документы внешней политики СССР, т. XXIII, 2, с.779.

но убедило Лондон, что Германия добилась разрешения на проход своих войск и провоз вооружения через территорию СССР с целью реставрации Амануллы. В это время английское разведывательное бюро в Пешаваре получило ложные сведения о том, что Гулям Сиддик-хан приехал в советскую Среднюю Азию из Европы с примерно 20 немецкими офицерами и осматривал границу по Амударье¹¹.

Эта непроверенная развединформация была срочно передана афганскому правительству, которое приняло ответные меры. 21 марта 1940 г. в Кабуле послу Михайлову был вручен меморандум о враждебной династии Яхья-хель деятельности Сиддик-хана. А 23 марта афганский посол в Москве Ахмед-хан встретился с Молотовым и поднял вопрос о причастности советского правительства к деятельности Сиддик-хана. В ответ на это В.Молотов заявил: «Советское правительство не интересуется Гулям Сайдыком (так в документе. – Ю.Т.) и не имеет с ним никаких отношений»¹².

Правительство Хашим-хана потребовало объяснений от германского посланника Г. Пильгера. Этому дипломату пришлось долго опровергать причастность Германии к плану реставрации Амануллы-хана. При этом он постарался свалить всю вину на СССР. В докладе советского посольства за 1940 г. отмечалось: «Немецкий посланник Пильгер заявил афганцам, что немцы ничего не знают о попытках Амануллы, что касается помощи со стороны СССР Аманулле, то это-де не исключено»¹³. 25 июня 1940 г. советский военный атташе в Кабуле отправил в Москву более подробное сообщение о немецкой провокации: «Немецкое правительство через свое посольство прислало ноту афганскому правительству. По поводу беспорядков в английских колониях немецкий посол имел продолжительную беседу с премьер-министром и сказал, что Афганистану сейчас следует забрать обратно районы, ранее захваченные у Афганистана, так как, если это не будет сделано, то власть будет, конечно, передана Аманулле-хану при помощи советского правительства и Италии. Если Аманулла-хан сам на это дело не пойдет, то даст советскому правительству разрешение забрать упомянутые афганские районы, а также индийские»¹⁴.

Советское правительство предвидело подобную провокацию со стороны немцев и заранее тайно предупредило Хашим-хана о попытках Германии организовать в Афганистане государственный переворот. Таким обра-

---

¹¹ *Hauner M. India in Axis Strategy*, p. 169 – 171.

¹² Запись беседы наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом королевства Афганистан в СССР. – Документы внешней политики СССР, т. XXIII.1, с. 170.

¹³ Архив внешней политики МИД РФ (далее – АВП РФ), ф. 071, 1941, оп. 23, п. 195, д. 2, л.113.

¹⁴ Российский государственный военный архив (далее – РГВА), ф. 25895, оп. 1, д. 951, л. 332.

зом, можно утверждать, что даже после провала (из-за отказа СССР) германского плана «Аманулла», фашистская дипломатия попыталась извлечь из этой ситуации пользу, с помощью умело сработанной дезинформации для ухудшения советско-афганских отношений.

Гораздо более серьезные последствия для отношений между Москвой и Кабулом имела фашистская дезинформация о вероятном советском вторжении в Афганистан и Индию. До настоящего времени «кризис доверия» 1940–1941 гг. в Центральной Азии вызывает оживленную дискуссию среди исследователей. Так, индийский историк Самра Чаттар Сингх убежден, что угроза советского вторжения в Индию в эти годы действительно существовала. С большими оговорками его поддерживает известный американский исследователь М. Хаунер. А другой историк из США Л. Адамец утверждает, что Индии и Афганистану ничто не угрожало, так как СССР перебросил свои войска из Средней Азии в Европу¹⁵. На наш взгляд, чтобы сделать обоснованный вывод о политике Сталина в отношении Афганистана в 1940–1941 гг. необходимо изучить рассекреченные в 90-х годах в нашей стране документы НКВД и САВО, источники, которых не было в распоряжении зарубежных исследователей. На базе этих документов вырисовывается следующая картина событий, осложнивших советско-афганские отношения накануне Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

В начале 1940 г. в Москву поступало много достоверной информации о готовящейся англо-французской акции на Кавказе. Советский посол в Лондоне И. Майский в феврале 1940 г. доносил в НКВД о готовности Великобритании начать военные операции на Ближнем и Среднем Востоке, чтобы ударить по Баку¹⁶. Его коллега в Париже Я. Суриц был еще более конкретен в своих донесениях. 18 марта 1940 г. он телеграфировал в НКВД: «Самым жгучим сейчас для нас вопросом, естественно, является вопрос о так называемом южном фронте. Какие задачи отводятся армии Вейгана, превентивно-оборонительные, как хотят нас заверить, или задачи наступательные? Где главные направления и главные объекты ударов? В том, что перед сосредоточенной на юге союзной армией стоят оборонительные задачи, притом с огромным радиусом действия (прикрывает все французские африканские колонии и сухопутные пути в Индию), никто, конечно, не сомневается. Но это, естественно, не исключает и задачи наступательного характера...»¹⁷. Он считал, что в случае победы Англии и Франции над Германией новой целью южного фронта станет СССР, поэто-

¹⁵ См. подробнее: *Samra Chattar Singh. India and Anglo-Soviet Relations. 1917–1947.* Bombay, 1959; *Hauner M. India in Axis Strategy; Adamec L. W. Afghanistan's Foreign Affairs to the Mid-Twentieth Century.* Tucson (Arizona), 1974.

¹⁶ Документы внешней политики, т. XXXIII.2. 1940 – 22 июня 1941. М., 1998, с. 767.

¹⁷ Цит по: Документы внешней политики, т. XXXIII.2, 1940–22 июня 1941, с. 769.

му рекомендовал советскому правительству не ослаблять «предупредительных мер»¹⁸.

В 1940 г. из Кабула в Москву от советского военного атташе Я. Карпова поступала не менее тревожная информация о том, что под предлогом «советской угрозы» Афганистану и Индии, англичане потребовали «ввода на территорию Афганистана сотысячной армии»¹⁹. Хотя по сведениям того же источника, афганская сторона ответила отказом, явный интерес английских военных к районам вдоль советско-афганской границы с тревогой был воспринят советским руководством. В течение февраля 1940 г. командующий английских ВВС в Индии маршал де Ла Форте дважды посетил Кабул, чтобы договориться с премьер-министром Хашим-ханом о координации усилий по обороне Афганистана. Британскому маршалу (в нарушении советско-афганских договоренностей 1938 г. о запрете иностранцам посещать приграничные районы СССР) было разрешено совершить поездку в Северный Афганистан²⁰. Вероятнее всего, тот факт, что переговоры с афганским правительством вел именно командующий ВВС Британской Индии, являлся для советского правительства дополнительным доказательством подготовки Великобританией авиаудара Баку.

В итоге, в 1939–1940 гг. у советского правительства имелись веские основания для переброски частей Красной Армии в Среднюю Азию. Архивные материалы свидетельствуют, что в уже марте 1940 г. несколько советских дивизий были сконцентрированы в районе Кушки. Обострение советско-английских отношений в период советско-финляндской войны 1939–1940 гг. привело к военному противостоянию в Центральной Азии, что в свою очередь создало атмосферу страха и неопределенности вокруг Афганистана и Индии.

Командования Красной Армии еще до начала Второй мировой войны предвидело возможность операций англо-индийских войск на Кавказе, так как значение бакинских нефтепромыслов для советской экономики было трудно переоценить, а южные границы являлась наиболее уязвимым местом в обороне СССР. Поэтому с 1935 г. руководство САВО считало, что при всех вариантах начала боевых действий в Туркестане необходимо «учитывать участие в войне англо-индийской армии», а Афганистан рассматривался как «наиболее враждебно настроенный... сосед, который легче других... может быть втянут в войну с нами»²¹.

---

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГВА, ф. 25895, оп. 1, д. 951, л. 39.

²⁰ Там же, л. 5.

²¹ Записка начальника штаба Средне-азиатского военного округа по плану развертывания войск ОСС (Отдельной средне-азиатской армии. – Ю.Т.). Май 1935 г. – РГВА, ф. 25895, оп. 1, д. 743, л. 5.

Под руководством начальника штаба РККА маршала А.И. Егорова в 1935 г. был разработан план № 6 оперативного развертывания частей САВО на случай войны с Ираном, Афганистаном и Великобританией. Вариант «А» данного документа предусматривал, что Афганистан сможет выставить против Красной Армии четыре пехотных и одну кавалерийскую дивизии, одну кавалерийскую бригаду и до 12 тыс. человек иррегулярных формирований. В свою очередь, силы частей англо-британской армии, которые, по мнению советских военных, оказали бы поддержку афганским войскам, оценивались в 11 пехотных, 3 кавалерийских и 10 артиллерийских бригад при поддержке танков и авиации (84 самолета)²².

По варианту «А» предполагалось, что англо-индийские войска будут продвигаться через Афганистан к советской границе по трем маршрутам:

1. Чаман (Индия) – Кандагар – Герат – Кушка.
2. Пешавар (Индия) – Кабул – Мазари-Шариф.
3. Читрал и Гильгит.

В штабе РККА предполагали, что более половины британских сил будет переброшено в район Мазари-Шарифа.

Главная задача САВО в случае начала войны между Афганистаном и СССР сводилась к разгрому приграничной группировки противника до подхода англо-индийских войск²³. Важно отметить, что план № 6 вводился в действие лишь при нападении на Советский Союз предполагаемого противника. Таким образом, он имел не наступательный, а оборонительный характер.

Британский Генеральный штаб, в свою очередь, исходил из установки, что Красная Армия может вторгнуться в Афганистан с целью дальнейшего наступления на Индию. Английские планы боевых действий в Афганистане претерпели к 1939 г. большую эволюцию, становясь все более и более оборонительными. Так, план, разработанный во второй половине 20-х годов XX в. имперским генштабом Великобритании, предусматривал мощное контрнаступление англо-индийской армии против советских войск. При этом предполагалось занять Кабул и разместить вокруг него войска и авиацию. Британское командование надеялось, что афганское правительство окажет помощь английским частям в отражении вражеского вторжения с севера. А «Временный план» 1938 г. стал оборонительным и предусматривал защиту горных перевалов вдоль индо-афганской границы. В обоих случаях англичане полагали, что пуштунские племена не упустят благоприятного момента и поднимут

²² Приказ командующему войсками САВО начальника штаба РККА А.И. Егорова. 08.03.1935. – Там же, л. 1–4.

²³ Там же, л.3.

вооруженное восстание на Правобережье Инда, а афганское правительство перейдет на советскую сторону²⁴.

Анализ советских и британских планов боевых действий в Афганистане свидетельствует, что оба соперника в случае войны не хотели вторгаться в центральные районы Афганистана. Командование Красной Армии и англо-индийских войск стремились, сохранив буферную зону в центральной части этой страны, свести боевые действия к минимуму. Однако сложившиеся имперские стереотипы заставляли правящие круги в Лондоне и Москве приписывать своему давнему сопернику широкомасштабные агрессивные намерения, даже если их не было в реальности.

Зная об угрозе, нависшей над южными районами СССР, Сталин своевременно принял решение о создании ударной группировки Красной Армии в САВО. В июле – августе 1940 г. в Туркестане прошла «оперативная военная игра», в ходе которой отрабатывались боевые действия «северных» (советских войск) с «южными» (афганскими и британскими войсками²⁵). Анализ планов этих учений, а также сил, вовлеченных в них, позволяют прояснить вопрос о «советской угрозе» Индии в 1940 г.

«Большие учения» 1940 г. проводились на территории сразу трех среднеазиатских республик: Таджикской, Узбекской и Туркменской. На территории последней была сформирована «ударная» группировка войск. В течение лета штаб САВО в рамках оперативной игры «Афганистан» проработал вероятные сценарии боевых действий по следующим направлениям:

1. Мешхед – Герат.
2. Серахс – Герат.
3. Кушка – Герат – Фарах – Кандагар²⁶.
4. Тахта-Базар – Баламургаб – Меймене.
5. Герат – Кабул.
6. Герат – Сиях (Иран) – Кандагар²⁷.

Как видно, в рамках проведения этих учений предполагалось затронуть обширный регион. Анализ заданий в оперативной игре 1940 г. позволяет сделать вывод, что силами войск САВО советское командование планировало разбить «коричневых» (англо-британские части. – Ю.Т.) в районе

---

²⁴ Hauner M. The Soviet Threat to Afghanistan and India 1938 – 1940. – Modern Asian Studies. Vol. XV. 2, p. 292–293.

²⁵ В штабных документах 1940 г. британские части, именуются не только «синими», но и «коричневыми».

²⁶ Кандагар упоминался в документах САВО как один из районов сосредоточения британских войск.

²⁷ План проведения оперативной игры, в дни круглосуточной работы штаба округа. 28.06.1940. – РГВА, ф. 25895, оп.1, д. 808, л. 14.

севернее Герата, а затем до подхода новых сил «противника» захватить этот город и перейти к обороне. Такой же сценарий распространялся и на боевую операцию на мазари-шарифском направлении. Захват Кабула, а тем более Кандагара, не предусматривался. Видимо, фантазии генштабистов были жестко ограничены из Кремля²⁸.

Для поддержки 4-ой армейской группы САВО, состоявшей из двух горных кавалерийских дивизий, одной стрелковой и одной танковой дивизий, была сосредоточена авиагруппировка из 120 бомбардировщиков «СБ», 63 истребителей и 15 самолетов разведчиков²⁹. По всем количественным и качественным характеристикам она значительно превосходила мощь ВВС Британской Индии и Афганистана вместе взятых. Теоретически, ВВС Красной Армии могли нанести бомбовые удары по целям в Афганистане и Индии, но только в том случае, если бы Великобритания *первой нанесла бы авиаудар* по объектам на территории СССР.

Ход «больших учений» 1940 г. и их задачи позволяют сделать вывод, что командование РККА ограничилось демонстрацией боевой мощи советских ВВС и отработкой возможного применения боевой авиации в ходе боев в Северном Афганистане. Так, в случае войны с Афганистаном бомбардировщики «СБ», базировавшиеся на аэродроме Сталинобада (Душанбе. – Ю.Т.) нанесли бы удар по мазари-шарифской группировке условного противника, а с авиабаз возле Кушки – по району Герата. С помощью бомбардировок планировалось подавить афганскую и британскую авиацию на аэродроме в Герате и не допустить подхода с юга сил «противника», под которым подразумевались афганские войска и части англо-индийской армии из Кветты³⁰. Таким образом, планы командования ВВС САВО ограничивались операциями в районе Герата и Мазари-Шарифа. О вероятных целях в Индии в планах учений не было сказано ничего.

Мощная группировка советских ВВС, сосредоточенная в Средней Азии, оказывала сдерживающее воздействие на Великобританию. Она не решалась нанести вместе с Францией авиаудары по объектам на территории СССР, а вскоре ей самой потребовались все силы, чтобы отразить нападение фашистской Германии. В связи с этим части Красной Армии в Туркестане вскоре были переброшены на Запад. Демонстрация военной силы с обеих сторон стала невозможна. Однако инерция страха перед «со-

²⁸ Генеральные штабы великих держав имели (и имеют) планы боевых действий против всех соседних стран и даже союзников. К примеру, в начале XX в. Великобритания имела план высадки десанта в США, хотя было ясно, что Англия воевать с ними не будет.

²⁹ Доклад штаба ВВС 4-ой армейской группы. 07.07.1940. – РГВА, ф. 25895, оп. 1, д. 808, л. 25–26.

³⁰ Задание на оперативную военную игру штаба и окружных управлений на июль и август 1940 г. 04.07.1940. – РГВА, ф. 25895, оп. 1, д. 808, л. 15.

ветской угрозой» Индии воздействовала на обстановку в Центральной Азии вплоть до 22 июня 1941 г.

Хашим-хан и король Захир-шах после заключения в августе 1939 г. советско-германского пакта опасались, что из-за каких-нибудь очередных договоренностей между Гитлером и Сталиным их страна может разделить судьбу Польши. Как видно из планов учений войск САВО, участь Афганистана была бы незавидной и в случае советско-британского конфликта. Поэтому в начале 1940 г. Хашим-хан смог добиться от Англии гарантий того, что, если советская армия перейдет границы Афганистана для вторжения в Индию, то англо-индийские войска численностью 100 тыс. человек вступят в Южный Афганистан. Для обсуждения вопроса о вводе английских подразделений Захир-шах созвал совещание ведущих афганских политиков, которые приняли решение просить у Великобритании поставок вооружения, а от помощи войсками отказаться, так как «реальной угрозы со стороны СССР сейчас нет»³¹.

Весьма показательно, что слухи о крупной группировке советских войск, сосредоточенной вблизи границы с Афганистаном, просочились в мировую прессу из фашистской Италии еще до усиления сил САВО новыми частями. Афганское правительство получило информацию о возможной агрессии со стороны СССР еще до начала учений 1940 г. в Туркестане. В результате, 27 февраля 1940 г. афганский посол в Москве Ахмад-хан добился приема у заместителя наркома иностранных дел В. Деканозова, и «сославшись на имеющиеся слухи относительно происходящей будто бы концентрации советских войск в Ташкенте, попросил по этому поводу разъяснений»³². Деканозов опроверг «провокационные слухи» и заявил, что «Советский Союз желает сохранить и укрепить мир с Афганистаном и дальше развивать добрососедские отношения, существующие между нашими странами»³³. Ответ советского дипломата полностью удовлетворил афганца.

Однако по донесениям советской разведки из Кабула упорные слухи о походе Красной Армии на Индию в апреле 1940 г. все же заставили Захир-шаха выехать в Северный Афганистан, а затем в течение двух недель каждый вечер «обсуждать план защиты Севера»³⁴. Заверения Москвы, что советской угрозы Афганистану не существует, афганское правительство не верило.

Визит Молотова в ноябре 1940 г. в Германию вызвал настоящую панику в Кабуле. Советский посол К. Михайлов сообщал в Москву: «Поездку

³¹ Агентурная сводка по Афганистану. 27.03.1940. – РГВА, ф. 25895, оп. 1, д. 951, л. 39.

³² Документы внешней политики СССР. Т. XXIII.1. М., 1995, с. 110.

³³ Там же, с. 111.

³⁴ Донесение резидента советской военной разведки в Кабуле. 05.04.1940. – РГВА, ф. 25895, оп. 1, д. 951, л. 156.

тов. Молотова в Берлин афганское правительство переживало с огромной тревогой. Афганцам казалось, что в Берлине при участии тов. Молотова происходит передел мира и что после возвращения тов. Молотова в Москву Красная Армия немедленно начнет военный поход через Афганистан на Индию»³⁵.

Афганское руководство трезво оценивало возможности правительственных войск, которые не смогли бы отразить вероятное наступление Красной Армии на Индию. В связи с этим в Кабуле было принято решение в случае советской агрессии объявить «священную войну» – «джихад» – в стране. Партизанская война афганцев неизбежно должна была замедлить, а затем и парализовать продвижение любой армии, вторгнувшейся в Афганистан к Индии.

По сведениям советского военного атташе Я. Карпова, афганские власти приняли меры, чтобы организовать разрозненные отряды среднеазиатских эмигрантов на случай военного столкновения с СССР. В первой половине 1940 г. министр внутренних дел Мухаммад Гуль-хан объехал Северный Афганистан и провел переговоры с лидерами басмачества. Всем им были вручены крупные денежные суммы и предоставлены новые земли для заселения в районе Баглана. Страх перед советским вторжением в Афганистан и щедрость династии Яхья-хель реанимировали некоторые басмаческие отряды в Ташкургане, Мазаре-Шарифе, Ханабаде и Кундузе³⁶. Однако эти формирования были плохо вооружены и малочисленны, чтобы на длительное время задержать вероятное наступление Красной Армии вглубь Афганистана. Только объединенные силы афганской армии и пуштунских племен могли нанести возможному агрессору серьезные удары и парализовать его продвижение к Индии.

Британским властям в Индии на собственном горьком опыте была хорошо известна эффективность «джихада» афганцев, поэтому в Симле приняли решение привлечь силы племен для защиты Британской Индии и Афганистана от гипотетической угрозы с севера³⁷. Пуштунские лашкары должны были стать сильным резервом афганской армии и обеспечить оборону индо-афганской границы. Губернатор Северо-Западной Пограничной провинции (СЗПП) Д. Каннингхем писал 24 апреля 1940 г. статс-секретарю по иностранным делам Британской Индии О. Кароз, что пуштуны смогут «захлопнуть дверь» перед советскими войсками³⁸. В апреле 1940 г. англичане дали свое согласие Хашим-хану на привлечение сил пуштунов для

³⁵ Политико-экономический доклад по Афганистану за 1940 г. – АВП РФ, ф. 071, оп. 23, п. 195, д. 2, л. 129.

³⁶ Там же, л. 445.

³⁷ *Hauner M.* India in Axis Strategy, p.149.

³⁸ Там же.

обороны Афганистана. С этого момента началось создание «племенной армии» из пуштунов, проживавших по обе стороны индо-афганской границы.

Таким образом, ухудшение советско-британских отношений вызванное советско-финляндской войной 1939–1940 гг. привело к военно-политическому кризису в Центральной Азии. В ответ на возможную англо-французскую акцию против Баку Сталин создал крупную войсковую группировку в Средней Азии, силы которой могли пресечь вооруженные акции англо-индийских войск с территории соседних восточных государств. Данный шаг обеспечил безопасность южных рубежей СССР, но и привел рождению мифа о «советской угрозе» Афганистану и Индии. Документы из российских архивов опровергают версию о такой угрозе.

Важной дипломатической составляющей «кризиса доверия» 1939–1941 гг. в Центральной Азии являлись интриги фашистской Германии, которая стремилась использовать ситуацию в своих интересах, не сковывая британских войск в Индии. Позиция Германии была фактически беспроигрышной: зная о контрмерах СССР в Средней Азии, германская дипломатия успешно спекулировала на слухах о нависшей над Индией угрозе с целью ослабления Великобритании, одновременно прилагая все силы для укрепления своих позиций в Афганистане.

В 1940 г. Германия и Япония вновь попытались согласованными усилиями открыть авиалинию Берлин – Токио. В течение этого года японская сторона настойчиво добивалась от Кабула разрешения на полеты самолетов по маршруту Токио–Шанхай–Синьцзян–Кабул, а немцы хотели возобновить деятельность «Люфтваффе» в Афганистане. В Берлине рассчитывали добиться от Москвы разрешения на пролет германских самолетов через советскую территорию. В случае согласия СССР на открытие немецкой авиалинии Берлин – Кабул полеты «юнкеров» должны были проходить по двум маршрутам: 1. Берлин–Москва–Севастополь–Турция–Иран–Герат–Кабул; 2. Берлин–Москва–Ташкент–Термез–Кабул. Видимо, немцев больше устраивал первый вариант, так как в Герат был оправлен их специалист для проведения подготовительных работ на местном аэродроме, незадолго до этого построенного германскими инженерами³⁹. Однако планы создания авиалинии между Германией и Японией вновь провалились: афганское и советское правительства отказали странам «оси» в их просьбе.

В международной ситуации, когда Афганистан оказался в центре столкновения интересов великих держав и мог пострадать от этого, крайне сложно и медленно решались важные вопросы двухсторонних отношений между СССР и этой страной. Так, в условиях усилившегося германского влияния в Кабуле затянулся и обострился вопрос подписания соглашения

---

³⁹ Политико-экономический доклад по Афганистану за 1940 г. Апрель 1941 г. – АВП РФ, ф. 071, 1941, оп. 23, п. 195, д. 2, л. 100, 119.

о будущей советско-афганской границе. Еще 4 января 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло окончательное решение по этому вопросу. Кремль предлагал следующее компромиссное решение: «1. Советское правительство согласно принять предложение афганского правительства о замене новым договором советско-афганского договора, заключенного в Москве 28 февраля 1921 г., как устаревшего, или отмене его. 2. Выдвинутое афганским правительством предложение аннулировать соответствующие документы, запрещающие афганской стороне отводить воды реки Кушки, севернее Чхильдухтера, советское правительство не считает возможным принять, так как в случае отвода воды из указанной реки был бы нанесен весьма существенный ущерб интересам пограничных жителей этого района – гражданам Туркменской СССР. 3. В отношении сооружения плотины на реке Мургаб советское правительство не будет возражать против отказа от своего права строить указанную плотину и, тем самым, согласно отменить относящиеся к данному вопросу постановления протоколов англо-русского разграничения 1885–1888 гг., при том, однако, условии, что: а) афганская сторона согласится также не прибегать к сооружению плотины в пограничном участке реки Мургаб; б) количество воды, поступавшее до сих пор на советскую территорию из реки Мургаб, будет сохранено на нынешнем уровне. 4. Советское правительство, в соответствии с предложениями афганского правительства о редемаркации сухопутных участков советско-афганской границы от Зюлфагара до Хамиаба, а также на Памирах, согласно заключить особое соглашение по этому вопросу, положив в основу редемаркации все окончательные постановления, зафиксированные в протоколе и картах англо-русского разграничения 1885–1888 гг., подписанных тогда же соответствующей Смешанной комиссией. В основу редемаркации сухопутного участка от озера Зор-Куль (Виктория) до пункта соединения границы СССР, Афганистана и Китая советское правительство предлагает положить документы и карты англо-русского разграничения, состоявшегося в 1895 г. и тогда же подписанного соответствующей Смешанной комиссией. 5. Что же касается вопроса о водной советско-афганской границе на реках Амударья и Пяндж, то советское правительство считает обсуждение этого вопроса в данный момент преждевременным и готово вернуться к нему после окончательного решения вопроса о сухопутной границе»⁴⁰. Вскоре ответ советского правительства на афганские предложения, сделанные в 1939 г. в виде меморандума, был передан в Кабул.

23 марта 1940 г. афганский посол Ахмад-хан нанес визит Молотову и сообщил, что, по мнению его правительства, руководство СССР «выдвинуло новые предложения, которые являются более трудными и тяжелыми для

⁴⁰ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ), ф. 17, оп. 162, д. 26, л. 165.

Афганистана»⁴¹. Одним словом, когда в Москве согласились на отмену Договора 1921 г., правительство Хашим-хана продолжало затягивать переговоры, надеясь выторговать односторонние уступки от СССР, прежде всего, в распределении вод рек Кушка и Мургаб. Для советского правительства было очевидно: афганский премьер-министр надеется при урегулировании пограничных проблем с СССР получить поддержку третьей державы (или держав).

Возможно, что в мирное время такая тактика ведения переговоров не вызвала бы столь резкого ответа наркома иностранных дел СССР афганскому дипломату, но в условиях интриг начала Второй мировой войны ответ Молотова был адекватен сложившейся ситуации. Нарком заявил Ахмад-хану: «разрешение пограничного вопроса тянется без конца. Требования, поставленные советским правительством, не являются более тяжелыми. Афганское правительство выдвинуло некоторые предложения, в соответствии с которыми советское правительство также выдвинуло свои предложения. Решение этого вопроса целиком зависит от афганского правительства, так как оно затягивает переговоры и до сих пор никак не может дать ответа на наши предложения»⁴².

5 апреля 1940 г. министр иностранных дел Али Мухаммад сообщил послу К. Михайлову, что афганское правительство готово «сблизить свои позиции» с советскими предложениями, но настаивает на рассмотрении вопроса о речной границе. В ответ советский посол посоветовал министру «безоговорочно принять наши предложения о границе и тем самым оценить по достоинству доброжелательность СССР».⁴³ Таким образом, советское правительство четко указало Кабулу на неприемлемость ситуации, когда переговоры о границе превратились по вине афганского правительства в бесконечный торг по самым различным вопросам. После этого афганская сторона взяла паузу в переговорах.

Лишь 11 июня 1940 г. министр экономики Абдул Меджид вновь попытался в своей беседе с Михайловым поднять вопрос о «стабилизации афганских границ», но опять выдвинул новое условие: увязать заключение соглашения о границе с предоставлением Кабулу советских гарантий безопасности северных рубежей Афганистана. Советский посол от обсуждения этих вопросов категорически отказался, так как не имел директив из НКВД⁴⁴. Фактически речь шла уже не столько о границе, сколько о выработке системы безопасности в отношениях между Афганистаном и СССР, чего пыталась добиться советская дипломатия еще в 1938 г.

---

⁴¹ Запись беседы наркома иностранных дел СССР В.М. Молотова с послом королевства Афганистан в СССР. – Документы внешней политики СССР, т. XXIII.1, с. 170.

⁴² Там же.

⁴³ Телеграмма советского посла К. Михайлова в НКВД. 06.04.1940. – Там же, с. 211.

⁴⁴ Телеграмма советского посла К. Михайлова в НКВД. 11.06.1940. – Там же, с.331.

Поэтому по указанию Молотова в советское посольство в Афганистане была отправлена телеграмма, в которой Михайлову поручалось: «принять меры к выяснению того, насколько афганцы действительно склонны к изменению курса своей внешней политики в сторону улучшения и развития отношений с СССР. В связи с предложением Хакимова (Абдул Меджида. – Ю.Т.), сделанным им в порядке выражения своего личного мнения, Вам следует, также в порядке своего личного мнения, заявить ему, что подобное предложение афганской стороны, если оно диктуется серьезными и искренними соображениями, отвечающими интересами обеих стран, было бы встречено положительно. Однако для того, чтобы данный вопрос мог быть переведен в практическую плоскость, необходимо иметь от афганского правительства официальные предложения»⁴⁵. Однако Хашим-хан, будучи сторонником «политики маятника», уклонился от возможного сближения с СССР. Видимо, с афганской стороны заявления Абдул Меджида являлись попыткой получить информацию о ближайших планах СССР в Центральной Азии, а также подтолкнуть Москву к новым уступкам в переговорах о границе ради достижения якобы возможного союза с Кабулом. В условиях «кризиса доверия 1940–1941 гг.», когда в Кремле не исключали возможности англо-французской акции против Баку и ввода британских войск в Афганистан, а афганское правительство было запугано «советской угрозой», ожидать сближения между Афганистаном и СССР было нельзя.

На наш взгляд, в сложной международной обстановке было возможно решить лишь «технические» вопросы, что само по себе являлось бы важным фактором снятия напряженности в советско-афганских отношениях, поэтому попытка Хашим-хана фактически получить широкие односторонние политические обязательства и уступки от Советского Союза была серьезным дипломатическим просчетом, который дополнительно затормозил советско-афганские переговоры о границе. В итоге, данная проблема между СССР и Афганистаном не была решена вплоть до конца Второй мировой Войны.

Ярким примером возможности поддержания добрососедских отношений между СССР и Афганистаном даже в условиях Второй мировой войны стало заключение 23 июля 1940 г. нового советско-афганского торгового соглашения. Для разработки этого важного, прежде всего, Афганистану документа потребовался год, но после его подписания произошел рост торгового оборота между странами. Более половины бензина, необходимого Афганистану, более четверти импорта хлопчатобумажных тканей и треть импорта сахара обеспечивалось поставками из СССР⁴⁶. С согласия СССР в 1940 г. через советскую территорию осуществлялись поставки товаров и

⁴⁵ Телеграмма заместителя наркома иностранных дел СССР В. Деканозова послу К. Михайлову. 27.06. 1940. – Там же, с. 385.

⁴⁶ *Теплинский Л.Б.* История советско-афганских отношений. М., 1988, с. 133.

оборудования из стран «оси». Таким образом, поступление столь необходимых для афганцев товаров было обеспечено благодаря сотрудничеству с Советским Союзом, что позволило отсрочить рост цен на многие товары на афганском рынке, что было выгодно всему населению Афганистана. Заключение торгового соглашения 1940 г. позволило смягчить напряженность в советско-афганских отношениях в период «кризиса доверия» 1940–1941 гг.⁴⁷

В эти же годы нацистская Германия смогла добиться значительных успехов в Афганистане. В 1940 г. германские спецслужбы активно создавали обширную агентурную сеть в этой стране. Немецкая строительная «Организация Тодта» превратилась в филиал абвера. В течение года в Афганистане было заменено 35 специалистов из 113. Новые «специалисты» обладали крайне низкой квалификацией, в связи с чем афганское правительство вынуждено было предупредить их, что оно понимает, какие политические цели преследует Германия в Афганистане, но за качество строящихся объектов специалисты «Организации Тодта» отвечают своей зарплатой⁴⁸. Все остальные члены германской колонии должны были, как «солдаты фюрера», содействовать кадровым разведчикам в их деятельности.

Главным оплотом германской агентуры в Афганистане было Министерство общественных работ, под контролем которого работала большая часть немцев. Глава «Организации Тодта» в Афганистане Ф. Венгер являлся главным советником этого министерства. Он внес в план строительных работ в Афганистане, прежде всего, стратегически важные объекты, в сооружении которых Германия была заинтересована. К их числу относились: дорога Кабул – Газни и аэродромы. Под руководством немцев был построен железобетонный мост через р. Гильменд⁴⁹. В результате деятельности германских инженеров афганские дороги были реконструированы и находились в хорошем состоянии.

С большой активностью «Организация Тодта» создавала в Афганистане сеть аэродромов. Правительство Хашим-хана в своих интересах расширяло базу афганских ВВС, но и у Германии были собственные виды на аэродромы в Афганистане. К середине 1941 г. «Организация Тодта» реконструировала и построила несколько аэродромов, из которых самыми крупными были аэродромы в Кабуле и Герате. Они имели мощные радиостанции, радиус действия которых охватывал приграничные районы СССР и Индии. Ка-

---

⁴⁷ Корзун В.Г. Россия и Афганистан. Исторические пути формирования образа России в Афганистане. М., 2008, с. 165.

⁴⁸ Adamec L. W. Afghanistan's Foreign Affairs to the Mid-Twentieth Century, p. 242.

⁴⁹ Справка, составленная вторым секретарем советского посольства М.Вавиловым, «Фашисты в Афганистане» от 08.08.1941. – АВП РФ, ф. 071, 1941, оп. 23, п. 197, д. 9, л. 54.

бульский аэродром располагал восемью действующими и еще четырьмя готовыми к сдаче в эксплуатацию ангарами. Кроме этого, рядом с ним при немецком содействии сооружался новый аэродром, где были заложены фундаменты для 14 ангаров (каждый для укрытия двух самолетов) и привезены емкости для хранения горючего⁵⁰. К моменту нападения фашистской Германии на СССР значительная доля строительных работ на новом кабульском аэродроме не была завершена, но на бетонном аэродроме Герата уже могли совершать посадку тяжелые самолеты.

В процессе превращения Афганистана в плацдарм для вторжения в Индию случались и досадные для Германии сбои. Так, весной 1941 г. Ф. Венгер стал настаивать на сооружении хорошей дороги Мешхед (Иран) – Герат – Кабул⁵¹. И тут афганское правительство впервые ответило отказом на германскую просьбу, так как строительство этой дороги создавало благоприятные условия для вторжения в Афганистан извне. Этот случай еще раз доказал, что активность любой иностранной державы в этой стране находилась под бдительным контролем афганцев, которые не хотели быть пешками в чужой игре.

Запланированный блицкриг против СССР заставил абвер ускорить переброску в Афганистан опытных разведчиков. Весной 1941 г. в Кабул прибыла группа немецких агентов во главе с резидентом германской внешнеполитической разведки торговым атташе К. Расмусом. Для обеспечения германской агентуры в Афганистане деньгами он привез крупную сумму денег в английской валюте: 400 тыс. фунтов стерлингов банкнотами и 200 тыс. золотом⁵². В состав его группы входили: курьер посольства старший лейтенант абвера Д. Витцель, который был обучен проведению диверсионных акций и организации мятежей среди мирного населения; радист посольства В. Дох, он привез с собой в Кабул необходимую радиоаппаратуру и большой запас радиодеталей к ней, чтобы обеспечивать устойчивую связь с Берлином; шифровальщик германской миссии А. Цугенбюллер; машинистка посольства И. Галиен, являвшаяся сотрудником абвера; врач немецкого дипломатического представительства Г. Фишер, который находился в Афганистане уже несколько лет.

Не менее важной для абвера была группа, возглавляемая главным германским военным советником в афганской армии майором Вальтером

---

⁵⁰ Доклад советского военного атташе Карпова начальнику Разведуправления генерал-лейтенанту Ф. И. Голикову. 30.08.1940. – РГВА, ф. 25895, оп. 1, д. 951, л. 628.

⁵¹ Справка М. Вавилова «Фашисты в Афганистане». – АВП РФ, ф. 071, 1941, оп. 23, п. 197, д. 9, л. 113.

⁵² Запись беседы поверенного в делах СССР в Афганистане И. Самыловского с итальянским посланником в Кабуле П. Кварони 01.12.1943. – АВП РФ, ф. 071, 1943, оп. 25, п. 203, д. 6, л. 164.

Шенком. В его подчинении находились майор Симон-Эберхард, капитан Морлок и все немецкие техники на афганской службе. В. Шенк лично руководил «Высшими офицерскими курсами» для командного состава афганской армии. Благодаря работе этой разведгруппы в Берлин поступала обширная информация о вооруженных силах Афганистана и соседних государств.

В мае 1941 г. в Берлине было решено осуществить заброску агентов абвера к вождю мятежных вазиров Факиру из Ипи (операция «Пожиратель огня») с целью подготовить антибританский мятеж пуштунских племен к сентябрю 1941 г. (операция «Тигр»), когда после победы над СССР германское командование планировало начать наступление на Индию. В Кабул прибыли два агента германской разведки из полка «Бранденбург»: старший лейтенант абвера профессор медицины Манфред Обердерффер и энтомолог Фред Брандт⁵³. Именно их предстояло переправить к Факиру из Ипи в Вазиристан. Чтобы ускорить заброску своих людей в Афганистан, абвер использовал афганского министра экономики Абдул Меджида, который распорядился в обход установленных правил немедленно выдать въездные визы этим немцам.

Когда фашистская Германия напала на Советский Союз и У. Черчилль произнес свою знаменитую речь, в которой он обещал оказать СССР помощь в войне с фашизмом, английский посланник В. Фрэзер-Тайтлер, не дожидаясь указаний из Лондона, сразу же предпринял активные шаги для сближения с советской миссией в Кабуле. Хорошо осведомленный о приготовлениях фашистов, он опасался, что Англия в одиночку не сможет удержать афганское правительство от сближения с Германией. Без содействия с советской стороны англичане не могли даже надеяться на высылку немцев и итальянцев из Афганистана. Логика истории сделала бывших соперников в «большой игре» в Азии союзниками.

23 июня 1941 г. дипломатическое представительство СССР в Кабуле посетил первый секретарь британского посольства Флетчер и от имени Фрэзер-Тайтлера предложил объединить усилия «по выдворению немцев из Афганистана»⁵⁴. Посол К. Михайлов в это время был в поездке по северным районам Афганистана, где тоже была отмечена активность немцев. В советском посольстве его на время отъезда замещал советник В. Козлов, который немедленно сообщил о предложении англичан в Москву. 28 июня, получив инструкции из НКВД, он посетил британскую миссию и сообщил Фрэзер-Тайтлеру, что «его предложения об организации совместных действий английской миссии и нашего посольства по выдворению немцев

---

⁵³ *Mader J. Hitlers Spionagegenerale sagen aus. B., 1971, S. 359.*

⁵⁴ Запись беседы советника посольства СССР в Кабуле В. Козлова с Флетчером. – АВП РФ, ф. 071, 1941, оп. 23, п. 196, д. 5, л. 120.

из Афганистана... принимаются»⁵⁵. Когда 1 июля посол К. Михайлов вернулся в Кабул, английский посланник сразу же посетил советское посольство. 4 июля между ними (по инициативе англичан) начался обмен информацией о деятельности немцев в Афганистане в предвоенные годы. Таким образом, преодолевая взаимное недоверие, дипломаты СССР и Англии начали налаживать сотрудничество против фашистской «пятой колонны» в Афганистане.

В свою очередь Германия стремилась сделать все возможное, чтобы ускорить начало подрывных акций против СССР и Индии. 29 июня 1941 г. Риббентроп подписал приказ о назначении новым немецким посланником в Кабуле Хентига, который должен был возглавить германскую агентуру в Афганистане. Риббентроп и адмирал Канарис рассчитывали, что Хентиг сможет успешно провести запланированные немецкой разведкой операции в Афганистане и Северной Индии.

Возраставшая активность фашистской агентуры в странах Среднего Востока вскоре заставила СССР и Англию обсудить этот вопрос на самом высоком уровне. 8 июля 1941 г. Сталин встретился с английским послом С. Криппсом. Перед этой встречей он детально изучил донесения советских дипломатов в Афганистане и сделал вывод, что англичане готовы на тесное сотрудничество с СССР, чтобы обезопасить границы Индии от немецкой угрозы. Скорее всего, И.В. Сталин ознакомился и с данными советской разведки о деятельности «пятой колонны» стран «оси» в Иране и Афганистане. Среди этих материалов были документы о попытках Германии и Италии спровоцировать мятеж пуштунов на северо-западной границе Британской Индии. Сталин сразу понял, что, пообещав Великобритании помощь в ликвидации вражеской агентуры на Среднем Востоке, Советское правительство сможет ускорить заключение соглашения между Советским Союзом и Англией о совместных действиях в войне против Германии.

На встрече с Криппсом советский руководитель, после упреков в адрес английского правительства, уклоняющегося от подписания соглашения с СССР, «поставил вопрос о большом скоплении немцев как в Иране, так и Афганистане, которые будут вредить и Англии, и СССР»⁵⁶. Поняв из уклончивого ответа Криппса, что он не имеет четких инструкций из Лондона, И.В. Сталин сослался на донесение советского посла в Кабуле, в котором приводились слова английского посланника о том, что «необходимо выбросить немцев из Афганистана». В ответ английский посол пообещал запросить Лондон «о принятии мер в Иране и, если имеется опасность, то и в Афганистане». Как показали ближайшие события в Афгани-

⁵⁵ Запись беседы В.Козлова с В. Фрэзер-Тайтлером. – Там же, л. 118.

⁵⁶ Англо-советские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. I. М., 1983, с. 72.

стане, предложение Сталина о совместных действиях против фашистской агентуры было своевременным. Это прекрасно понимал и английский министр иностранных дел Энтони Иден, который считал необходимым сотрудничать с СССР, чтобы сохранить британские позиции в странах Среднего Востока⁵⁷.

Пока в Лондоне раздумывали над предложением Сталина, М Обердорффер и Брандт предприняли попытку прорваться в Вазиристан. 19 июля 1941 г. они на автомобиле прибыли на условленное место встречи с проводниками в Логарской долине, где попали в засаду, организованную афганскими пограничниками, которые убили одного немца, а другого ранили. Афганцы захватили груз, предназначавшийся Факиру из Ипи: 7 легких пулеметов, пистолеты, боеприпасы к ним, 300 тыс. афгани и свыше 10 тыс. рупий, а также крупномасштабные карты приграничных районов Индии⁵⁸. Вышеописанные события вошли в историю Афганистана как «логарский инцидент».

События на индо-афганской границе заставили Лондон активно добиваться от Москвы совместного демарша в Афганистане с целью выдворения немцев и итальянцев. Англичан крайне насторожил факт, что, несмотря на свой демарш в Берлине, Хашим-хан не отказался принять Хенти-га посланником в Афганистане. Этот дипломат-разведчик с его большим опытом деятельности в странах Востока мог создать большие проблемы для Англии в зоне пуштунских племен. Поэтому летом 1941 г. вокруг личности нового германского посланника разгорелась ожесточенная дипломатическая дуэль.

Уже 20 июля 1941 г. посол Англии в Москве С. Криппс добился приема у В.М. Молотова и вручил ему памятную записку, в которой указывалось: «Правительство Его Величества полностью представляет себе ту опасность, о которой идет речь, и время от времени самостоятельно делало усилия – пока что безуспешные – с целью убедить афганское и иранское правительства уменьшить количество немцев, проживающих в этих странах. Поскольку вопрос касается Афганистана, правительство Его Величества относится с особым беспокойством к недавнему назначению в Кабул г-на фон Хэнтига в качестве немецкого посланника, который возглавлял немецкую миссию в Кабуле в период войны 1914–1918 гг. и который в последнее время занимался интригами с Шами Пиром на северо-западной границе Индии. Правительство Его Величества считает это особенно явным признаком, свидетельствующим о подчиненности афганского правительства

---

⁵⁷ Lawlor S. Britain and Russian Entry into the War. – Diplomacy and Intelligence during the Second World War. Cambridge, 1985, p. 177.

⁵⁸ Записи бесед К. Михайлова с В.Фрээр-Тайтлером. 21 и 28.07.1941. – АВП РФ, ф. 071, 1941, оп. 23, п. 196, д. 5, л. 195, 204.

Германии»⁵⁹. Далее в английской памятной записке излагался план «экономического давления» на Афганистан, чтобы заставить Кабул пересмотреть его намерения дать агреман Хентигу. Великобритания предлагала СССР одновременно свернуть торговлю с Афганистаном и ввести эмбарго на поставку нефтепродуктов в эту страну. В качестве крайних мер в памятной записке Криппса предлагалась полная «экономическая блокада» и «радиокампания критики» против правительства Хашим-хана⁶⁰.

Далее в этом документе британское правительство предложило проект будущей ноты протеста СССР против пребывания «чрезмерно большой немецкой колонии в Афганистане» и выразило пожелание тесного сотрудничества между Лондоном и Москвой в подготовке общего дипломатического демарша в Афганистане⁶¹.

Совместная борьба против фашистской Германии и стран «оси» требовала тесной координации действий союзников во всех сферах, включая разведку. Потенциальная фашистская угроза Индии, крайне болезненно воспринимавшаяся англичанами, значительно ускорила начало сотрудничества между спецслужбами СССР и Великобритании. В конце июля 1941 г. посол Великобритании обсудил с И.В. Сталиным проблему сотрудничества разведок двух стран против фашистской Германии и получил его принципиальное согласие на приезд в Москву представителя британской разведки, который должен был заключить с НКВД соглашение о сотрудничестве⁶².

Английский посланник в Афганистане Фрэзер-Тайтлер, как и его коллега в Москве, получил из Лондона указание предпринять все возможное, чтобы приезд Хентига в Кабул не состоялся. 21 июля он посетил советское посольство и проинформировал посла К. Михайлова, что Лондон поручил Криппсу добиться от правительства СССР согласия на совместные действия в Кабуле с целью заставить Хашим-хана отказать Хентигу в агремане. Далее англичанин пересказал в общих чертах компромат, собранный на Хентига британской разведкой. При этом Фрэзер-Тайтлер особо подчеркнул тесную связь немца с Шами Пиром и амануллистами⁶³.

До получения указаний из Кремля К. Михайлов не имел права предпринимать какие-либо шаги в поддержку английских требований к афганскому правительству. Поэтому британский посланник вынужден был действовать в одиночку. 26 июля 1941 г. он добился аудиенции у Хашим-хана, который принял его в присутствии начальника политического отдела аф-

⁵⁹ Памятная записка, врученная С. Криппсом В. Молотову 20.07.1941. – Документы внешней политики СССР, т. XXIV. М., 2000, с. 574.

⁶⁰ Там же, с. 575.

⁶¹ Там же, с. 576.

⁶² АВП РФ, ф. 06, 1941, оп. 3, п. 8, д. 82, л. 1.

⁶³ Там же.

ганского Министерства иностранных дел Наджибуллы-хана и своего заместителя Наим-хана. Через день после этой встречи англичанин с горечью рассказал Михайлову, что «он... дружески просил премьера взять обратно выданный афганцами агреман новому немецкому посланнику Хентигу. Приведя компрометирующий материал на Хентига..., подчеркнул, что Хентиг безусловно поведет здесь (в Кабуле. – Ю.Т.) враждебную СССР, Англии и Афганистану деятельность. Премьер решительно отказался взять обратно выданный Хентигу агреман, заявив, что афганское правительство не может действовать под диктовку правительств других стран, поскольку Афганистан независимая страна»⁶⁴. Потом Хашим-хан заявил, что «афганская полиция убила одного немца и ранила другого, афганское правительство показало, что оно строго придерживается нейтралитета». В итоге, Фрээр-Тайтлер пригрозил премьеру экономической блокадой Афганистана, после чего их беседа сразу же закончилась.

Хотя посольство СССР не поддержало демарш британского посланника, советские дипломаты в Кабуле не были сторонними наблюдателями в назревавшем англо-афганском конфликте. 28 июля 1941 г. К. Михайлов отправил в НКВД секретный доклад о деятельности фашистской агентуры в Афганистане. В нем говорилось, что афганское правительство радо нападению Германии на Советский Союз, так как в связи с этим, по его мнению, отпала угроза нападения СССР на Афганистан. Кроме этого, в Кабуле были уверены, что Германия в скором времени разгромит Советский Союз, который перестанет существовать как единое государство, что позволило бы Афганистану захватить значительную часть территории Средней Азии⁶⁵.

Уверенность афганской королевской династии в победе Германии была настолько велика, что король Захир-шах и афганский премьер Хашим-хан уже в первые дни войны осуществили ряд антисоветских акций, о которых говорилось в докладе К. Михайлова. Так, Захир-шах после 22 июня 1941 г. из своих средств отпустил 12 тыс. афгани на благодарственные молебны в кабульских мечетях в связи с началом войны между СССР и Германией...

По сведениям советской разведки, Хашим-хан 25 июня 1941 г. заявил: «это хорошо, что СССР вступил в войну против Германии. СССР как единое государство в результате войны распадется и ослабнет. В Афганистане имеется большое количество эмигрантов из СССР. Они захотят вернуться на родину. *Надо будет помочь им в этом.* (курсивом выделены слова К. Михайлова, дважды подчеркнутые В. Деканозовым. – Ю.Т.). Надо гото-

⁶⁴ Запись беседы К. Михайлова с В. Фрээр-Тайтлером от 28.07. 1941 г. – АВП РФ, ф. 071, 1941, оп. 23, п. 196, д. 5, л. 197.

⁶⁵ Доклад К. Михайлова В. Молотову. 28.07. 1941 г. – АВП РФ, ф. 012, 1941, оп. 2а, п. 25, д. 241, л. 1–8.

вить афганцев к войне. Надо широко популяризовать известный исламский тезис о том, что за убийство неверного правоверный мусульманин попадает в рай»⁶⁶. Опираясь на данные разведки, Михайлов привел примеры подготовки афганского правительства к возможной войне с СССР, подрывной деятельности фашистской агентуры в Афганистане, а также указал на возможность «оживления басмаческого движения».

Действительно, агрессию нацистской Германии против Советского Союза басмачество в афганском Туркестане встретило с радостью. Лидеры среднеазиатской эмиграции, проживавшие в Кабуле, объявили Гитлера своим «спасителем». Эмигрантская молодежь из богатых семей спешно начала изучать немецкий язык. Лидеры басмачества уже в июле 1941 г. стали готовиться к возобновлению набегов на советскую территорию, что стало одной из причин закрытия в этом месяце советской границы с Афганистаном.

Афганское правительство не мешало среднеазиатским эмигрантам, так как в Кабуле в то время считали, что Германия в ближайшее время разгромит Советский Союз, и у Афганистана появится возможность захватить земли, ранее входившие в состав Бухарского эмирата и Хивинского ханства. В одном из докладов Средневосточного отдела НКВД отмечалось, что группа афганских военных во главе с принцем Дауд-ханом разрабатывала план военного похода против СССР. В Кабуле, как указывалось в этом документе, считали, что все части Красной Армии, ранее охранявшие советско-афганскую границу, переброшены сражаться против вермахта, поэтому «будет достаточно одной афганской дивизии, чтобы захватить Хиву и Бухару»⁶⁷. Многие члены афганского правительства даже не стремились скрывать своей уверенности в победе Германии.

В августе 1941 г. появилась еще одна причина, по которой афганское правительство решило не препятствовать деятельности антисоветских организаций: в Кабуле боялись, что Англия и СССР повторят «иранский вариант» и введут свои войска в Афганистан. В этом случае вооруженные формирования басмачей могли оказать ожесточенное сопротивление советским войскам, чем оказали бы существенную помощь афганской армии. Чтобы заручиться поддержкой всех басмаческих формирований в Северном Афганистане, афганский король Захир-шах заключил с Алим-ханом секретное соглашение, согласно которому бывший властитель Бухары обязался оказать вооруженную помощь Кабулу в случае вступления в Афганистан частей Красной Армии⁶⁸.

⁶⁶ Там же, л. 1–2.

⁶⁷ Политическое положение Афганистана в начале 1942 г. от 04.04.1942. – АВП РФ, ф. 071, 1942, оп. 24, п. 200, д. 8, л. 9.

⁶⁸ Справка советского посольства в Кабуле «Деятельность немецко-фашистских агентов в Афганистане и белоэмигрантов». – АВП РФ, ф. 071, 1941. оп. 23, п. 197, д. 9, л. 142.

В этой ситуации лидеры басмачества всеми способами стремились заручиться поддержкой Кабула. В августе 1941 г. один из самых влиятельных руководителей туркменской эмиграции Кызыл Аяк направил премьер-министру Хашим-хану письмо, в котором просил его взять под покровительство Афганистана Бухару и сообщал главе афганского правительства, что готов предоставить в его распоряжение 40 тыс. вооруженных туркмен. Хашим-хан в своем ответе Кызыл Аяку попросил его держать свои отряды в полной боевой готовности и дал ему понять, что только после взятия вермахтом Москвы и Ленинграда наступит удобный момент для начала боевых действий против СССР⁶⁹. Одновременно афганское правительство летом 1941 г. не помешало японской и германской миссиям укрепить их связи с главарями басмачества.

Особенно настораживал Кремль тот факт, что афганское правительство 23 и 30 июня сделало советскому послу заявления о продолжении дружественной в отношении СССР политики, но под различными предлогами затягивало официальное провозглашение нейтралитета Афганистана во Второй мировой войне⁷⁰. Лишь под советским давлением в августе 1941 г. на празднике в честь завоевания независимости король Захир-шах подтвердил приверженность Афганистана политике строгого нейтралитета. Несмотря на это, у советских дипломатов в Кабуле складывалось впечатление, что Афганистан был готов начать войну против Советского Союза.

Разумеется, летом 1941 г. главное внимание посольства СССР в Кабуле было приковано к действиям немецких агентов в Кабуле и в Северном Афганистане. В сентябре 1941 г. германская разведка поручила влиятельному среди басмачей узбекскому эмигранту Махмуд-беку создать по обе стороны советско-афганской границы шпионско-диверсионную сеть. С этого времени Махмуд-бек становится резидентом абвера по работе среди узбекских и туркменских басмачей. Этот узбек был опытным разведчиком, который сколотил целое состояние на продаже различным разведкам сведений о ситуации в Туркестане. Еще до начала Второй мировой войны он одновременно сотрудничал с турецкой, японской и германской разведками. Осенью 1941 г. Расмус приказал Махмуд-беку создать в афганском городке Баглан опорный пункт для переброски в СССР немецких агентов. Таким образом, германская разведка, предвидя провал «блицкрига» против СССР, хотя и с некоторым опозданием приступила к деятельности среди басмачества Северного Афганистана. Потенциальная угроза от этого среднеазиатским советским республикам была гораздо меньше, чем от активности спецслужб стран «оси» в зоне пуштунских племен вдоль индо-афганской

---

⁶⁹ АВП РФ, ф. 071, 1941, оп. 23, п. 197, д. 9, л. 18–19.

⁷⁰ Там же, л. 5.

границы, но цель у СССР и Великобритании в Афганистане была одна – не допустить превращения Афганистана в плацдарм для подрывной деятельности Германии и ее союзников.

Убедившись в том, что СССР и Великобритания готовят совместный демарш в Кабуле, Хашим-хан 31 июля 1941 г. встретился с Пильгером и настоятельно попросил, чтобы происшествия, подобные инциденту в Логарской долине, больше не повторялись, так как «при незнании местности и людей и огромной английской шпионской сети они обречены на провал»⁷¹. Далее глава афганского правительства заявил германскому дипломату, что при сложившейся ситуации приезд Хентига в Кабул невозможен. Чтобы смягчить последствия этого отказа в Берлине, премьер-министр пообещал посланнику поднять приграничные пуштунские племена против Англии и стать союзником Германии, но только тогда, когда вермахт подойдет к афганской границе. 1 августа 1941 г. афганцы сообщили Фрэзер-Тайтлеру о своем решении не соглашаться на назначение Хентига немецким посланником в Кабул⁷². Можно предполагать, что сам факт установления тесных контактов между миссиями СССР и Англии напугал афганское правительство и заставил его отозвать свой агреман Хентигу, что в первый раз в годы Второй мировой войны продемонстрировало эффективность советско-британского сотрудничества против действий Германии в Афганистане.

Описанная дипломатическая борьба вокруг возможного прибытия нового немецкого посланника в Кабул, как и последующие эпизоды противостояния держав антигитлеровской коалиции с интригами стран «оси» в Афганистане, доказала тот факт, что наибольшую активность в этой стране, защищая свои позиции в Индии, проявляла Великобритания. Поэтому советское правительство дальновидно поступило, предоставив британскому союзнику первым начинать дипломатические демарши в Афганистане. Это обеспечивало укрепление доверия между вчерашними противниками и позволяло избегать лишних трений с Хашим-ханом, с которым у англичан были «особые» отношения.

В начале сентября 1941 г., чтобы добиться от Хашим-хана выдворения немцев и итальянцев из Афганистана, в Кабул прибыл новый посланник Великобритании – Фрэнсис Уайли. 6 сентября 1941 г. вновь прибывший дипломат был принят афганским королем Захир-шахом, а через день состоялась его первая встреча с Хашим-ханом. На ней Уайли потребовал удалить германскую и итальянскую колонии из страны, но получил отказ. Более того, Хашим-хан заявил англичанину, что, если вермахт в ближайшем

⁷¹ Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Serie D. Bd XIII.1. Gottingen, 1970, S. 223–224.

⁷² Hauner M. India in Axis Strategy, p. 316.

будущем достигнет границ Афганистана, то «афганцы могут объединиться с немцами» и облегчить их проход к Индии⁷³.

9 сентября 1941 г. встревоженный английский посланник встретился с советским послом К. Михайловым, которому заявил, что «он в условиях нынешней обстановки направит все свои усилия на сотрудничество с нами (СССР. – Ю.Т.), на снабжение нас информацией по всем вопросам, касающимся совместной деятельности по борьбе с немцами в Афганистане... Не может быть и речи о недооценке немецкой опасности...»⁷⁴. Одновременно британский дипломат дал понять советскому послу, что Англия не пойдет на повторение «иранского варианта».

Если военный сценарий решения проблемы исключался, Великобритания и СССР пришлось использовать дипломатические и экономические рычаги давления на Афганистан. В дополнение к экономическим санкциям были организованы радиопередачи на Кабул с критикой политики афганского руководства, которое, между тем, было в шоке от ввода советских и английских войск в Иран. Опасаясь за судьбу династии, Хашим-хан стал склоняться к мысли о высылке немцев и итальянцев из страны. Чтобы подтолкнуть афганского премьера к принятию выгодного им решения, англичане щедро увеличили свою ежегодную субсидию ему до 25 млн. рупий⁷⁵. Были подкуплены и многие другие политические деятели афганской правящей верхушки.

Но эту, по словам Ф. Уайли, «войну нервов» Великобритания без помощи СССР выиграть не могла, так как в Кабуле была очень сильна прогерманская группировка. Стремясь обеспечить безопасность северо-западной границы Британской Индии, английское правительство вновь обратилось к СССР с просьбой помочь заставить правительство Афганистана удалить из страны подданных Германии и Италии.

29 сентября 1941 г. в Лондоне состоялась встреча английского министра иностранных дел Э. Идена с советским послом И. Майским, на которой была достигнута договоренность о совместном демарше перед Кабулом с целью выдворения германских и итальянских подданных, не имеющих дипломатического статуса. Иден считал, что «настало время оказать давление на афганское правительство с целью избавиться от представителей стран «оси» в Афганистане»⁷⁶. По его мнению, в качестве первого шага СССР и Великобритания должны были потребовать от Хашим-хана удаления из Афганистана всех граждан Германии и Италии, не имеющих дипло-

---

⁷³ Там же, р.321.

⁷⁴ Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли. 09.09.1941. – АВП РФ, ф. 071, 1941, оп. 23, п. 196, д. 6, л. 103–104.

⁷⁵ Доклад советского посольства в Афганистане «Внешняя политика афганского правительства в 1941 г. – начале 1942 г.». – АВП РФ, ф. 071, 1942, оп. 24, п. 199, д. 2, л. 146.

⁷⁶ Там же, л. 36.

матического статуса, а затем поставить перед афганцами вопрос о ликвидации миссий стран «оси» в Кабуле.

9 октября 1941 г. английский посланник встретился с главой афганского правительства и заявил ему о «наличии в Афганистане немцев и итальянцев, ведущих опасную для Северо-Западной Индии деятельность»⁷⁷. Хашим-хан категорически отказался выполнить английское требование о выдворении германской и итальянской подданных и пообещал передать этот вопрос на обсуждение парламенту.

В этой трудной ситуации СССР пришел на помощь своему союзнику, хотя активность абвера в Северном Афганистане не была зафиксирована, а итальянские спецслужбы осуществляли подрывные операции только против Индии. Несмотря на это, в Москве трезво оценивали обстановку и понимали, что после провала «блицкрига» страны «оси» попытаются реанимировать басмаческое движение, чтобы дестабилизировать обстановку в советских среднеазиатских республиках. В итоге, ослабление фашистской «пятой колонны» в Афганистане было выгодно и СССР.

По этой причине 11 октября 1941 г. посол К. Михайлов встретился с афганским премьером и сделал заявление, в котором указывал на активизацию враждебной СССР деятельности немцев и итальянцев, приводил сведения о подрывной деятельности Венгера, Шенка, Фишера и других немецких «специалистов»⁷⁸. Советский посол заявил Хашим-хану, что «преступная деятельность германо-итальянской агентуры не встречает, к сожалению, должного отпора и предупредительных мер со стороны афганского правительства». Сославшись на положения Договора 1931 г., Михайлов от имени советского правительства предложил Хашим-хану «принять меры, чтобы в ближайшее время все члены немецкой и итальянской колонии покинули Афганистан и чтобы афганское правительство гарантировало соответствующее наблюдение за германской и итальянской миссиями...». Как и его английский коллега, Михайлов получил отрицательный ответ, но при этом афганский премьер сказал, что обсудит заявление СССР со своими министрами.

Совместный демарш возымел свое действие: 13 октября Уайли был приглашен к Хашим-хану. Кроме премьер-министра, на этой встрече присутствовали военный министр и министр иностранных дел. В их присутствии Хашим-хан заявил английскому посланнику, что «постарается удалить представителей Германии и Италии в течение 3-х месяцев»⁷⁹. Уайли потре-

⁷⁷ Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли. 13.10. 1941. – АВП РФ, ф. 071, 1941, оп. 23, п. 197, д. 9, л. 24.

⁷⁸ Запись беседы посла К. Михайлова с премьер-министром Афганистана Хашим-ханом. 11.10.1941. – Документы внешней политики СССР, т. XXIV, с. 356–359.

⁷⁹ Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли. 13.10. 1941 г. – АВП РФ, ф. 071, 1941, оп. 23, п. 196, д. 6, л. 129–130.

бовал сделать это в месячный срок. Хашим-хан вынужден был согласиться с этим, подчеркнув, что окончательное решение по этому вопросу примет Лоя Джирга.

Официальный ответ афганского правительства на советскую ноту протеста был сообщен послу Михайлову лишь 16 октября 1941 г. В этот день он был приглашен к министру иностранных Али Мухаммад-хану, который сообщил, что его правительство принимает «совет» СССР и «удалит из Афганистана немцев и итальянцев» при условии доставки их на родину⁸⁰. Кроме этого, министр заявил: «Он надеется, что вслед за нашим советом удалить немцев и итальянцев из Афганистана не последуют другие советы или просьбы и на территории Афганистана не повторятся иранские события. Он подчеркивает, что для афганцев независимость и территориальная неприкосновенность – превыше всего»⁸¹. В ответ Михайлов заметил Али Махаммад-хану, что в советском заявлении от 11 октября было «сказано об отсутствии агрессивных намерений у Советского Союза по отношению к Афганистану, об уважении Советским Союзом политической независимости и территориальной неприкосновенности Афганистана, в чем у афганского правительства не должно быть никаких сомнений»⁸².

1 ноября 1941 г. в Кабуле состоялась Лоя Джирга, на которой Хашим-хану удалось уговорить депутатов одобрить выдворение граждан Германии и Италии. Несмотря на гневные выступления некоторых делегатов, Лоя Джирга одобрила действия Хашим-хана по депортации немецких и итальянских подданных из Афганистана. После этого последняя надежда стран «оси» сохранить всю свою агентуру в Афганистане провалилась.

В ноябре 1941 г. руководители басмачества, приглашенные Хашим-ханом на Лоя Джиргу в Кабуле, пообещали ему в случае ввода советских войск в Афганистан выставить против частей Красной Армии 200 тыс. вооруженных воинов⁸³. Один из лидеров басмачества Курширмат даже предложил афганскому премьеру начать наступление на г. Андижан, чтобы дестабилизировать положение в Ферганской долине. В качестве запасного маршрута вторжения басмачей в СССР рассматривался и Таджикистан. Однако конный рейд в этом районе был сопряжен с большими трудностями, и от этой авантюры пришлось отказаться⁸⁴.

---

⁸⁰ Запись беседы посла К. Михайлова с министром иностранных дел Афганистана. 16.10.1941. – Документы внешней политики СССР, т. XXIV, с. 371–372.

⁸¹ Там же, с. 372.

⁸² Там же.

⁸³ Доклад советского посольства в Кабуле «Внешняя политика афганского правительства в 1941г. – начале 1942г.» – АВП РФ, ф. 071, 1942, оп. 24, п. 199, д. 2, л. 53.

⁸⁴ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм на службе СД и Абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003, с. 232.

После поражения вермахта под Москвой высадка десанта стран «оси» в Вазиристан также была отложена, так как технические средства, выделенные для проведения операции «Тигр», были переданы для проведения операции по десантированию агентов абвера в Туркмении. Добившись выдворения из Афганистана граждан Германии и Италии, Великобритании и СССР к концу 1941 г. обеспечили мир на северо-западной границе Британской Индии и значительно затормозили создание германской разведывательной сети среди басмачества.

В течение всего периода мировой войны Германия упорно стремилась спровоцировать крупный антибританский мятеж на северо-западной границе Индии. Главную роль в проведении операции «Тигр» должна была сыграть подпольная организация индийских националистов, созданная Бхагат Рамом в Индии. Ее номинальным руководителем считался Субхас Чандра Бос, но фактическим главой был Бхагат Рам Тальвар. Так как немцы и итальянцы вывезли С.Ч. Босу из Кабула по паспорту радиста-шифровальщика итальянского посольства Орlando Мацотты, то эта организация в немецких документах проходила под названием «Организации Мацотты», а Бхагат Рам часто, кроме своего главного агентурного псевдонима «Рахмат-хан», именовался как «секретарь организации Мацотты» или «человек Мацотты».

В этих словосочетаниях таилась грубейшая ошибка фашистских спецслужб в оценке личности Бхагат Рама, который был, прежде всего, индийским коммунистом и агентом Коминтерна, а уж затем проводником и доверенным лицом лидера «Форвард блока» С.Ч. Боса. Сотрудничество группы «Кирти» с этим политиком было временным и неизбежно должно было прекратиться после нападения Германии на СССР. Когда это произошло, Бхагат Рама установил контакт с резидентом советской внешней разведки М. Аллахвердовым. В начале сентября 1941 г. «человек Мацотты» вновь прибыл в Кабул. На встрече с М.Аллахвердовым он заявил: «Я предан революции в Индии, ее освобождению и Советскому Союзу. Я знаю, что свобода Индии зависит от вашей победы, что гитлеровская Германия и ее союзники – это ваши и наши враги, знаю, как тяжело вам сейчас. Хочу помочь вам делом. Моя партия поручила мне войти в контакт с советским посольством в Кабуле и предложить вам сотрудничество, мое и партии. Мы располагаем известным влиянием и имеем сторонников здесь, в Афганистане, особенно в зоне свободных племен и в Северо-Западной Пограничной провинции Индии. Всем этим вы можете располагать во имя вашей победы и нашей свободы...»⁸⁵.

Перевербовка резидента германской разведки в Афганистане и Британской Индии открыла для советской разведки возможность поставить под свой контроль деятельность фашистской агентуры в этом регионе и

⁸⁵ Цит. по: Кузнец Ю.Л. «Мародеры» выходят из игры. М., 1992, с. 9.

оказать серьезную помощь британскому союзнику. Она же стала началом успешного сотрудничества разведок СССР и Англии в Афганистане, благодаря чему к 1943 г. фашистская агентура в этой стране была ликвидирована. В 1941 г. совместная советско-английская операция против деятельности германской разведки на Среднем Востоке только начиналась.

В ноябре 1941 г. Махмуд-бек получил из Берлина новое задание ускорить создание разведсети в среднеазиатских республиках СССР. С этой целью ему поручалось через своих агентов вербовать советских граждан в Средней Азии, наладить сбор интересующей немцев информации об обстановке в сопредельных Афганистану советских республиках. Он также получил от Расмуса приказ начать подготовку к переброске в СССР диверсионных групп. Одним словом, оставшиеся в Кабуле дипломатические миссии позволили Германии и ее союзникам продолжить подрывную деятельность против соседей Афганистана.

Здесь особо следует остановиться на сотрудничестве Бхагат Рама и Махмуд-бека с советскими спецслужбами. Если первый из них стал двойным агентом и работал на советскую разведку по идейным соображениям, то второй был просто подкуплен М. Аллаhverдовым в 1942 г. В результате, советская разведка держала под своим контролем деятельность абвера как среди басмачества, так и среди пуштунских племен. Эти резиденты-двойники в избытке снабжали германское посольство в Кабуле умело составленной дезинформацией, которая в виде документов абвера сохранилась в архивах ФРГ. В настоящее время отдельные зарубежные исследователи без должной критической оценки этих «источников» пишут о фантастических успехах немецких спецслужб в Афганистане и Индии в годы Второй мировой войны⁸⁶. Невольно возникает вопрос: Почему же столь успешная деятельность абвера в этих странах не нанесла СССР и Великобритании ощутимого вреда?

Успех операций абвера в полосе «независимых» пуштунских племен Британской Индии и среди басмачества во многом зависел от благожелательного отношения правительства Хашим-хана к деятельности фашистской «пятой колонны» в Афганистане. Группа «молодых» политиков из окружения короля Захир-шаха считала, что победу во Второй мировой войне одержат Германия и ее союзники, поэтому они готовы были сотрудничать с этими странами. Начало войны на Тихом океане и японский блицкриг в Азии еще более упрочили среди части афганцев уверенность, что СССР и Англия потерпят поражение.

Подобные настроения были широко распространены в 1942 г. в Кабуле. Так, 2 декабря 1942 г. министр общественных работ Рахимулла-хан вынужден был признаться послу К. Михайлову: афганцы и он сам «были уве-

---

⁸⁶ См. подробнее: *Kurowski F. Deutsche Kommandotrupps 1939–1945. Die «Brandenburger» im weltweiten Einsatz. Bd II. Stuttgart, 2000.*

рены, что Советский Союз в ходе войны с Германией не только не сможет противостоять германскому оружию и оказать сколько-нибудь серьезное сопротивление немецким войскам, но и быстро и неминуемо подвергнется политическому разложению и распадется. Афганцы ожидали, что каждая советская республика и даже автономная национальная область будут тянуть в свою сторону и постараются выйти из состава СССР. На деле, однако, этого не случилось. Это явилось большой неожиданностью для афганцев»⁸⁷.

Еще большие надежды группировка «молодых» политиков во главе с принцем Дауд-ханом возлагала на Японию, войска которой в начале 1942 г. преодолели приближались к Индии. В Кабуле считали, что поражение Англии «может создать условия для присоединения к Афганистану «независимой полосы» и Белуджистана»⁸⁸. С этим в афганском правительстве соглашались все, но только «молодые» готовы были пойти на союз с Германией и ее союзниками, а «старики» все еще выжидали.

В этой ситуации страны «оси» решили оказать дипломатический нажим на Захир-шаха и Хашим-хана. В феврале 1942 г. их посольства обратились в министерство иностранных дел Афганистана с заявлением: «Дальнейшее нахождение Афганистана в положении нейтрального государства не устраивает их, и они желали бы, чтобы афганское правительство заняло позицию, которая определила бы более ясно отношение афганцев к странам оси»⁸⁹. Япония в очередной раз подтвердила обещания своих европейских союзников, что за Афганистаном, если он вступит в войну против Англии, останется вся территория Британской Индии, которую он сможет завоевать⁹⁰. Речь вновь шла о пуштунских землях и выходе к морю, которые еще в 1941 г. обещали Афганистану государства «оси» в случае их победы во Второй мировой войне.

В начале 1942 г. германский посланник Пильгер вновь заявил афганскому министру иностранных дел, что «если бы афганское правительство перешло на сторону стран оси и начало активную антианглийскую деятельность в полосе патанских (т.е. пуштунских. – Ю.Т.) племен, Германия могла бы в благодарность за это содействовать Афганистану в деле воссоединения с Афганистаном полосы патанских племен и приобретения порта Карачи, дающего выход в море»⁹¹. Такое предложения даже осторожный

⁸⁷ АВП РФ, ф. 071, 1942–1943, оп. 25, п. 203, д. 5, с. 9–10.

⁸⁸ Доклад старшего референта отдела Среднего Востока НКВД СССР Ершова «Политическое положение Афганистана в начале 1942 г.». 04.04.1942. – АВП РФ, ф. 071, 1942, оп. 24, п. 200, д. 8, л. 17.

⁸⁹ Кузнец Ю.Л. «Мародеры» выходят из игры, с. 39.

⁹⁰ Там же, с. 40.

⁹¹ Запись беседы посла К. Михайлова с британским посланником Ф. Уайли от 04.09.1942. – АВП РФ, ф. 06, 1942, оп. 4, п. 16, д. 163, л. 92–93.

Хашим-хан не мог сразу отвергнуть, и афганское правительство попросило полтора месяца на обдумывание. Несмотря на соблазн, Кабул все же ответил странам «оси» вежливым отказом. Но правительство Хашим-хана сообщило их миссиям в Кабуле, что оно «не будет возражать против действий немцев и итальянцев в Афганистане», при условии сохранения правящей династии.

Английский посланник Уайли разгадал двойную игру афганского премьера, о чем сообщил советскому послу. 24 августа 1942 г. британский дипломат приехал в посольство СССР, чтобы заявить своему коллеге, что «Хашим-хан вместе с афганским правительством, будучи уверенным, что союзники потерпят поражение, может, спасая свою шкуру, поддаться на немецкую провокацию»⁹². В связи с этой угрозой Уайли известил советского посла о своем предстоящем визите к главе афганского правительства, чтобы напомнить Хашим-хану о взятых им летом 1941 г. обязательствах. Тогда афганский премьер клятвенно обещал предшественнику Уайли, Фрэнсису Тайтлеру: «английское правительство может быть спокойно: до тех пор пока жив Мухаммед Хашим, он не допустит, чтобы немцы проводили какую-либо враждебную деятельность в Афганистане, направленную против англичан»⁹³. Уайли считал необходимым, чтобы Хашим-хан вновь подтвердил свое обещание.

26 сентября 1942 г. британский дипломат встретился с афганским премьер-министром и попытался добиться от него обещания, что Афганистан при любых обстоятельствах будет проводить дружественную по отношению к Великобритании политику. Но Хашим-хан не стал вновь брать на себя такие обязательства, чем еще более напугал англичанина⁹⁴.

Хашим-хан считал, что настал удобный момент, чтобы добиться от Англии согласия на возвращение Афганистану «независимой» полосы пуштунских племен. Поэтому во время миссии Криппса в Индию весной 1942 г. афганское правительство впервые письменно потребовало от Лондона вернуть Афганистану ранее отторгнутые от него территории. Английское правительство, стремясь сохранить хорошие отношения с Хашим-ханом и обеспечить мир на индо-афганской границе, было вынуждено ответить, что претензии Кабула «на территорию патанов серьезно рассматриваются»⁹⁵. Эти обещания англичан не удовлетворили афганских политиков, которые по данному вопросу выступали единым фронтом.

---

⁹² Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли от 24.08.1942. – АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 16, д. 165, л. 142.

⁹³ Там же, л. 143.

⁹⁴ АВП РФ, ф. 06, 1942, оп. 4, п. 16, д. 165, л. 79.

⁹⁵ Гуревич Н. М. Внешняя торговля Афганистана в новейшее время. М., 1981, с. 102. Current History, June 1950, p. 338.

В Кабуле ради решения «патанской проблемы» попытались даже сыграть на противоречиях среди участников антигитлеровской коалиции. В долгосрочной перспективе США, а тем более СССР, не были заинтересованы в сохранении позиций могущественной Британской империи в Индии. На этом, видимо, и решило сыграть афганское правительство.

30 сентября 1942 г. состоялась встреча Хашим-хана с американским посланником в Кабуле К. ван Энгертом и корреспондентом «Чикаго Дейли Ньюс» Стилиом. «Интервью» афганского премьера было настолько резким и неожиданным, что американская сторона лишь «в строго секретном порядке» сообщила К. Михайлову о высказываниях главы афганского правительства, который заявил, что «в военную силу англичан в Индии... не верит»⁹⁶. В связи с этим Хашим-хан попросил США поставить в Афганистан оружие по ленд-лизу. Энгерт благожелательно воспринял просьбу премьера, но выдвинул условие – афганское правительство должно согласиться на «переброску союзных вооружений в СССР» по маршруту Чаман – Кандагар – Герат – Кушка. США планировали доставлять через Афганистан в СССР по 2,5 – 7,5 тыс. грузов в месяц.

Хашим-хан попытался заручиться поддержкой и Советского Союза, чтобы обеспечить выгодное Афганистану решение территориального спора с Великобританией. 19 октября 1942 г. доверенное лицо Хашим-хана начальник политического отдела МИД М. Наджибулла заявил послу Михайлову: «[Афганское правительство] считает настоящий момент благоприятным для оказания давления на англичан с целью пересмотра действующих афгано-английских договоров, согласно которым определяется нынешняя индо-афганская граница, с тем, чтобы перенести эту границу подальше в Индию и воссоединить с Афганистаном территорию Кашмира, Северо-Западной провинции и Белуджистана, населенную патанами и отторгнутую, в свое время, англичанами от Афганистана. Одновременно афганское правительство считает, что Англия должна в связи с этим предоставить Афганистану выход к морю»⁹⁷. Во всех афганских аргументах главным был тезис: «Коль скоро англичане собираются отдать индийцам Индию, они должны отдать Афганистану то, что ему принадлежит по праву. Если в Индии будет создано независимое государство, то этому государству не к чему владеть чужой афганской территорией»⁹⁸. В ходе беседы Наджибулла сообщил, что к Афганистану должны отойти не только СЗПП, Белуджистан и Кашмир, но и территории Свата, Дира, Баджаура. По афганским данным там проживало до 7 млн. патанов (пуштунов).

⁹⁶ Запись беседы К. Михайлова с американским военным атташе майором Г. Эндерсом. 01.10.1942. – АВП РФ, ф. 06, оп. 4, п. 16, д. 165, л. 85–88.

⁹⁷ Донесение К. Михайлова В. Молотову от 27.10.1942. – АВП РФ, ф. 071, 1942, оп. 24, п. 199, д. 2, л. 181–182.

⁹⁸ Там же, л. 182–183.

В своей докладной записке В.М. Молотову К. Михайлов охарактеризовал требования Афганистана как «прогрессивные», но рекомендовал Москве в сложной военной и международной обстановке соблюдать в этом вопросе крайнюю осторожность. Советский дипломат также предсказал, что Великобритания не уступит Афганистану северо-западных районов Индии. Одним словом, Михайлов рекомендовал своему руководству не вмешиваться до окончания войны в англо-афганские дела.

Американцы также пришли к выводу, что не нужно из-за Афганистана осложнять отношения Великобританией. В октябре 1942 г. главнокомандующий английскими вооруженными силами в Индии А. Уэйвелл категорически отклонил американский план доставки грузов по ленд-лизу в СССР через Афганистан. Военному атташе США в Кабуле майору Г. Эндерсу «объяснили», что не только ввод пяти американских дивизий в Афганистан, но «даже... ввоз большого количества вооружения в Афганистан может привести к восстанию афганских племен и вызовет необходимость концентрации значительного количества войск на индо-афганской границе, что является для англичан нежелательным»⁹⁹. Несмотря на то, что американские военные продолжали настаивать на своем плане, он не был реализован. Кроме Великобритании, его отверг и СССР, чтобы не дестабилизировать обстановку в Афганистане.

Британские власти в Индии, к которым потоком шла информация о фашистских интригах в Афганистане и «независимой» полосе, решили воспользоваться удобным моментом, чтобы добиться от афганского правительства закрытия дипломатических миссий стран «оси»¹⁰⁰. В ноябре 1942 г. Уайли, выполняя указания секретаря по иностранным делам Индии Олафа Кэроу, дважды ставил этот вопрос перед афганцами, но каждый раз получал категорический отказ. Британский посланник в Кабуле был вынужден с сожалением констатировать, что «следовало бы ликвидировать дипломатические миссии стран оси в октябре прошлого года, когда из Афганистана выдворялись неофициальные фашистские разведчики (так в документе. – Ю.Т.)»¹⁰¹. Теперь же, по его мнению, данный шаг мог «привести к обострению политической обстановки в Афганистане и падению правительства Мухаммеда Хашим-хана»¹⁰². На такой риск Великобритания и СССР пойти не могли, и посольства Германии и ее союзников остались в Кабуле. Ра-

---

⁹⁹ Запись беседы К. Михайлова с Г. Эндерсом. 28.10.1942. – АВП РФ, ф. 071, 1942–1943, оп. 25, п. 203, д. 5, л. 37.

¹⁰⁰ О подрывной деятельности Абвера в зоне пуштунских племен в 1941–1943 гг. см. подробнее: *Тихонов Ю.Н.* Афганская война Сталина. М., 2008.

¹⁰¹ Запись беседы К. Михайлова с Ф. Уайли. 20.11.1942. – АВП РФ, ф. 071, 1942–1943, оп. 25, п. 203, д. 5, л. 17.

¹⁰² Там же.

зумная осторожность стран антигитлеровской коалиции в Афганистане в 1942 г. позволила Хашим-хану удержать группировку Дауд-хана от запланированного военного переворота и открытых антибританских и анти-советских акций.

В конце 1942 г. все политические группировки в Афганистане бдительно следили за ситуацией на советско-германском фронте. Дауд-хан специально отправил своего представителя под Сталинград. Его интересовало, сможет ли вермахт одержать победу над Красной Армией в битве на Волге. Информация, полученная Даудом накануне окружения армии Паулюса, свидетельствовала об обратном: немецкие войска, измотанные упорным сопротивлением Красной Армии, потеряли наступательную способность и были на грани поражения. «Маятник» афганской политики вновь качнулся в сторону побеждающей стороны. 7 ноября 1942 г. посольство СССР в Кабуле лично посетил Хашим-хан, который после своих поздравлений советскому правительству с очередной годовщиной Октябрьской революции заявил послу Михайлову: «немецкая армия не сможет выполнить своих планов против Советского Союза»¹⁰³. Окружение и пленение армии фельдмаршала Паулюса под Сталинградом вскоре продемонстрировали правильность слов афганского премьер-министра. А победа советских войск на Курской дуге убедила в неизбежном поражении фашистской Германии даже Дауд-хана, который в 1943 г. впервые посетил посольство СССР в Кабуле. С этого момента он взял курс на сотрудничество с Советским Союзом.

В 1942 – 1943 гг. взрывоопасная обстановка наблюдалась не только на индо-афганской, но и на советско-афганской границе. Во время наступления немецких войск на Сталинград и Кавказ, антисоветские круги среднеазиатской эмиграции в Афганистане стали активно готовиться к нападению на СССР. Афганистане в 1942 г. возникла новая антисоветская организация «Фаал», которая ставила перед собой цель восстановить Бухарский эмират¹⁰⁴. Басмачество собиралось возобновить налеты на советскую территорию. Еще в декабре 1941 г. Кызыл Аяк собрал своих сторонников туркменских басмачей и приказал им готовиться к вторжению в Среднюю Азию летом 1942 г.¹⁰⁵ В это же время Курширмат заключил с Расмусом соглашение о сотрудничестве с Германией против СССР. В нем говорилось, что «добиться независимости тюрков можно только при содействии стран «оси», а посему туркестанцы считают себя их солдатами и готовы выполнить любые задания»¹⁰⁶. Со слов Курширмата, он и преданные ему люди

¹⁰³ АВП РФ, ф. 071, 1943, оп. 25, п. 203, д. 5, л. 1.

¹⁰⁴ Запись беседы поверенного в делах И. Самыловского с итальянским посланником П. Кварони. 01.12.1943. – АВП РФ, ф. 071, 1943, оп. 25, п. 203, д. 6, л. 163–164.

¹⁰⁵ На рубежах тайной войны. Ашхабад, 1985, с. 77.

¹⁰⁶ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм на службе СД и Абвера, с. 236.

в обмен на финансовую помощь обещали странам «оси»: подготовить и заслать диверсантов на советскую территорию для уничтожения мостов, линий связи и складов с продовольствием; организовать партизанские отряды в среднеазиатских республиках и подготовить площадки для приема немецких десантов; осуществлять диверсии против аэродромов советских ВВС в Туркестане.

Германское посольство в Кабуле обещало также свои новым «союзникам» обеспечить всех басмачей оружием и лошадьми, для чего резиденты германской разведки Витцель и Расмус в начале 1942 г. предложили Махмуд-беку подготовить списки среднеазиатских эмигрантов, желающих участвовать в вооруженных налетах на советскую территорию. Они гарантировали Махмуд-беку и связанным с ним главарям басмачества, что немецкая миссия в Кабуле выделит денежные средства, необходимые для покупки оружия и лошадей.

Германия и Япония в 1942 г. вновь предприняли настойчивые попытки привлечь бухарского эмира Алим-хана к сотрудничеству против СССР. Но бывший эмир, находясь под бдительным контролем афганских властей, долгое время не мог решиться на это. В связи с этим до мая 1942 г. фактическим лидером бухарской эмиграции и резидентом абвера в кругах узбекского басмачества был уже известный нам Махмуд-бек¹⁰⁷.

В конце концов, Алим-хан под давлением своего окружения все же решился пойти на сотрудничество с Германией и Японией и разрешил своему сыну Умар-хану стать одним из членов «Фаал». Более того, чтобы получить необходимые средства для возобновления басмаческих набегов на советские среднеазиатские республики, бывший бухарский эмир продал несколько крупных драгоценных камней из своей коллекции. Главой «Фаал» стал Сеид Мубашир-хан Тирази (агентурный псевдоним «Ханза»). Кроме него, в руководящий центр этой подпольной организации входили: известный басмаческий лидер Курширмат, Нурмамад (Нур Мухаммед), Абдул Ахад Кары и личный представитель бухарского эмира Хаджи Бафа¹⁰⁸.

В сотрудничестве с абвером и японской разведкой Мубашир-хан Тирази стал готовить басмаческие отряды к походу на Бухару. 24 июля 1942 г. Пильгер сообщил в Берлин: «духовная в своем существе национал-туркестанская тайная антибольшевистская организация «Унион» и состоящая внутри нее особо тайная структура “Лига”, которая создана специально для восстановления Бухарского эмирата, возглавляется самим эмиром (в дальнейшем “Ауди”). Но поскольку он опасается неприятностей со стороны афганского правительства, оказавшего ему гостеприимство, то на первый

---

¹⁰⁷ Там же, с. 80.

¹⁰⁸ Запись беседы К. Михайлова с Хашим-ханом. 08.06.1943. – АВП РФ, ф. 06, 1943, оп. 25, п. 203, д. 5, л. 174.

план им выдвинут “Ханза”, сын которого помолвлен с одной из его дочерей. Сам “Ауди” держится в тени. “Ханза” официально является руководителем “Униона” и “Лиги”. “Ханзе”, которого мы щедро снабдили денежными средствами даны указания: [во-первых], сообразуясь с обстановкой наладить связи между советским Туркестаном и Афганистаном. Во-вторых, сделать приготовления к посылке войсковых подразделений в Туркестан. В-третьих, продолжать укреплять связи организации, чтобы быть готовыми к введению их в действие точно так же, как и других связей, ценность которых появится только при вступлении германских войск (в Туркестан и Афганистан. — Ю. Т.)»¹⁰⁹.

Согласно плану лидеров среднеазиатской эмиграции к весне 1943 г., когда откроются горные проходы в Северном Афганистане, планировалось собрать и вооружить 20–30 тыс. басмачей, которые должны были «освободить» Бухару¹¹⁰. Германия обязалась оказать «Фаал» помощь деньгами и вооружением, которое должны были доставить немецкие самолеты. абвер также планировал высадить в среднеазиатских советских республиках, в первую очередь в Туркменской ССР, диверсионные отряды, сформированные из солдат и офицеров «Туркестанского легиона». Для подготовки диверсантов в Польше близ Вроцлава был создана секретная тренировочная база, которая называлась «Лесной лагерь СС–20» или «Главный лагерь Туркестан»¹¹¹.

Германия и Япония стремились примирить различные басмаческие группировки и скоординировать их деятельность, чтобы они весной 1943 г. одновременно совершили нападение на советскую территорию. С этой целью «Фаал» создала свой центр в Кундузе и попыталась расширить свою агентурную сеть в советских республиках Средней Азии. Одновременно были предприняты попытки установить связь с лидером киргизских басмачей Камчи-беком, который с сентября 1941 г. уже совершал нападения на советскую территорию. Посланнику Мубашир-хану Тирази удалось установить связь с ним и договориться о совместных действиях, поэтому Камчи-бек подтянул свои отряды к советской границе¹¹². Кызыл Аяк также был готов участвовать в нападении на советский Туркестан.

Широкомасштабная подготовка басмачества к нападению на советские среднеазиатские республики не могла долго оставаться тайной как для афганского правительства, так и для разведок СССР и Англии. Поэтому в на-

¹⁰⁹ Цит. по: *Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм на службе СД и Абвера, с. 249.

¹¹⁰ Запись беседы поверенного в делах И. Самыловского с итальянским посланником П. Кварони. 01.12.1943. — АВП РФ, ф. 071, 1943, оп. 25, п. 203, д. 6, л. 163.

¹¹¹ На рубежах тайной войны, с. 25, 68.

¹¹² Запись беседы К. Михайлова с первым секретарем английской миссии Коннором-Грином. 05.08.1942. — АВП РФ, ф. 06, 1942, оп. 4, п. 16, д. 165, л. 4–5.

чале апреля 1943 г. афганские власти арестовали Мубашир-хана Тирази и около ста других членов «Фаал». Чтобы окончательно ликвидировать последние остатки агентуры стран «оси» в Афганистане, Англия предложила советскому правительству предпринять новый совместный демарш в Кабуле и добиться от Хашим-хана ликвидации «Фаал» и выдворения из страны германских и японских разведчиков. Москва и Лондон смогли быстро договориться между собой по этому вопросу.

В мае 1943 г. Уайли вручил афганскому правительству ноту с требованием пресечь деятельность германской разведки в Афганистане и выдворить японских агентов из Кандагара. 8 июня 1943 г. советский посол К. Михайлов был также принят по его просьбе Хашим-ханом и заявил ему протест в связи с враждебной СССР деятельностью посольств Германии и Италии в Афганистане (об интригах Японии среди басмачества в ноте не упоминалось по дипломатическим соображениям).

Советская нота протеста была составлена с использованием достоверных данных о деятельности «Фаал», полученных Внешней разведкой СССР от ее агентов среди среднеазиатских эмигрантов. Обилие фактов и документов о подрывной деятельности германской разведки среди басмачества, имевшихся у советской резидентуры в Кабуле, позволило послу К. Михайлову отказаться от использования в тексте своего заявления информации, содержащейся в письмах Тирази, фотокопии которых были предоставлены советской стороне британской миссией в Кабуле.

В ноте протеста посольства СССР в Кабуле указывалось, что советское правительство располагает достоверными сведениями о враждебной Советскому Союзу деятельности германской миссии среди басмачества, и приводился список лиц, возглавлявших «Фаал», хотя само название этой антисоветской организации не упоминалось. Далее в ноте почти дословно пересказывалось содержание письменного обращения к Германии одного из лидеров узбекского басмачества входившего в руководство «Фаал» Курширмата. В этом письме, говорилось, что «весной 1943 года эмигранты намерены организовать восстание в Советской Средней Азии и развернуть диверсионную деятельность на советской территории, обратив свое внимание в первую очередь на разрушение железных дорог, линий связи и т.п. Эмигрантский центр наметил районами организации повстанческого и басмаческого движения ряд областей Узбекской и Таджикской ССР». В документе, зачитанном послом Михайловым Хашим-хану, также перечислялись многочисленные примеры антисоветской деятельности басмачества в Северном Афганистане и приводились факты, свидетельствующие о том, что дипломатические миссии Германии и Италии ведут подрывную работу против СССР. По этому поводу в ноте говорилось: «Германская миссия финансирует и руководит враждебной Советскому Союзу деятельностью

эмигрантов из СССР в Афганистане. Активную работу в этом направлении ведут, кроме... Расмуса, члены и сотрудники германской миссии: Шмидт, Фишер, Витцель, Дох и др... Германская и итальянская миссии в Кабуле совместно с некоторыми афганскоподданными (так в документе. – Ю.Т.), из числа белоэмигрантов, намечали распределение среди туркменских, узбекских и киргизских басмаческих организаций на Севере Афганистана вооружения, которое по их плану должно сбрасываться немецкими самолетами в Афганистане. Это вооружение предназначалось к использованию против Советского Союза. Имеются также сведения о наличии в Афганистане организованных немцами радиоточек, получающих... указания непосредственно из Берлина для организации враждебной СССР подрывной работы». Далее, сославшись на советско-афганский договор о нейтралитете, согласно которому афганское правительство взяло на себя обязательство не допускать подрывной деятельности против СССР, посол Михайлов от имени советского правительства потребовал: ликвидировать организацию среднеазиатских эмигрантов и предать суду ее руководство (Хашим-хану был вручен список с именами членов «Фаал»); срочно ограничить состав германской миссии, как и итальянской, посланником и одним секретарем.

Премьер-министр Хашим-хан спокойно выслушал заявление советского посла и заверил его, что в течение двух лет афганское правительство делало все возможное, чтобы не допустить любой акции, враждебной СССР. Он усомнился в том, что у Михайлова имеются данные, подтверждающие правоту советской стороны. В ответ на это советский посол заявил, что посольство СССР готово предоставить афганскому правительству все необходимые документы о враждебной Советскому Союзу деятельности миссий стран «оси» в Афганистане. Это заявление крайне смутило, по словам Михайлова, афганского премьер-министра и он принял советскую ноту¹¹³.

Афганское правительство было вынуждено удовлетворить советские и английские требования¹¹⁴. В мае-июне 1943 г. афганская полиция вновь провела массовые аресты среди эмигрантов из Средней Азии в Кабуле, в результате чего деятельность «Фаал», фактически, прекратилась, хотя на свободе остались около тысячи членов этой организации.

В ходе допросов членов антисоветской организации выяснилось, что Алим-хан оказывал ей покровительство и финансовую помощь. Разгневанный король Захир-шах приказал доставить его к нему во дворец. Когда бывший бухарский эмир был привезен к афганскому монарху, король об-

¹¹³ Запись беседы К. Михайлова с Хашим-ханом. 08.06.1943. – АВП РФ, ф. 071, оп. 25, п. 203, д. 5, л. 174–179.

¹¹⁴ См. подробнее переписку английского посла в СССР А. Керра с В. Молотовым в мае-августе 1943 г. – АВП РФ, ф. 06, 1943, оп. 5, п. 20, д. 215.

винил Алим-хана в сотрудничестве со странами «оси». Тот, не находя аргументов в свою защиту, заявил, что был втянут в интриги Германии и его союзников против своей воли. Вряд ли, Захир-шах этому поверил, но никаких репрессивных мер против Алим-хана принято не было, чтобы избежать недовольства среднеазиатских эмигрантов. В свою очередь, советское посольство по тем же причинам не настаивало на том, чтобы отдать бывшего эмира и его приближенных под суд.

В конце июня 1943 г. афганские власти вручили Витцелю и Доху паспорта для выезда из Афганистана¹¹⁵. Из-за проволочек германского посольства они покинули Афганистан только в сентябре 1943 г. В ноябре за ними последовал немецкий резидент Расмус, тайно выехав из Афганистана при содействии англичан. Таким образом, благодаря совместной акции СССР и Великобритании деятельность японской и германской разведок в Афганистане в 1943 г. была парализована. Попытки Германии, Италии и Японии превратить Афганистан в плацдарм для подрывной деятельности против СССР и Британской Индии потерпели крах.

Более стабильная ситуация в Афганистане позволила СССР и Великобритании заменить глав своих миссий в Кабуле. В 1943 г. К. Михайлов был назначен послом СССР в Иране. Для него это была награда за пять лет сверхтрудной деятельности в Кабуле. Новым поверенным в делах СССР в Кабуле был назначен И. Самыловский, а затем в 1943 г. на этот пост послали кадрового дипломата И. Бакулина¹¹⁶.

10 – 11 августа 1943 г. новый британский посланник Д. Сквайр и И. Самыловский обсудили направления и тактику дальнейших действий в Кабуле. Англичанин сообщил своему советскому коллеге, что немецкая миссия все еще финансирует Факира из Ипи. В связи с этим Сквайр предлагал продолжать добиваться от Хашим-хана ограничения «отпуска средств миссиям стран оси через Афганбанк», но при этом подчеркивал, что «нажимать на афганцев не следует, дабы не вызвать осложнений в Афганистане»¹¹⁷. В 1944–1945 гг. эта фраза, можно сказать, стала девизом всей дальнейшей политики Великобритании и Советского Союза в отношении этого государства. Чтобы сохранить стабильную ситуацию в Афганистане СССР, Англия и США даже не стали настаивать на формальном присоединении этой страны к антигитлеровской коалиции, хотя накануне капитуляции фашистской Германии на этот демонстративный шаг пошли многие государства в мире.

В 1944 г. в Афганистане вспыхнуло антиправительственное вооруженное восстание пуштунских племен. В этой критической ситуации Хашим-

---

¹¹⁵ Mader J. Hitlers Spionagegeneralesagen aus, S. 386.

¹¹⁶ Дипломатический словарь. Т. I. М., 1985, с. 108.

¹¹⁷ АВП РФ, ф. 071, 1943, оп. 25, п. 203, д. 6, л. 51.

хан настойчиво пытался закупить необходимое вооружение у СССР и Англии. В Москве эта просьба встретила вежливый отказ, хотя афганская сторона соглашалась приобрести даже трофейное германское оружие. Советское руководство не желало участвовать в подавлении народного восстания. А из Индии в Кабул в очередной раз были отправлены крупные партии британского вооружения, благодаря которым выступление пуштунов удалось подавить¹¹⁸. События 1944–1945 гг. в Афганистане показали, что советско-английское сотрудничество в этой стране подходит к концу, выполнив свою историческую миссию в борьбе против действий стран «оси» в Центральной Азии.

Эпизод, связанный с ликвидацией заговора против Хашим-хана, стал тому дополнительным подтверждением. В мае 1945 г. советская разведка получила информацию о готовящемся покушении на жизнь афганского премьер-министра. В заговоре были замешаны родственники арестованных по приказу Хашим-хана членов организации «Фаал». Проверив достоверность информации, 26 мая посольство СССР в Кабуле без уведомления англичан предупредило главу афганского правительства о грозящей ему опасности¹¹⁹. Афганская сторона выразила большую признательность советскому правительству за этот дружеский шаг.

Последней совместной акцией стран антигитлеровской коалиции в Кабуле в годы Второй мировой войны стало закрытие германского посольства и отправка немецких дипломатов на родину в распоряжение союзного Контрольного совета. В мае 1945 г. афганские власти опечатали сейфы немецкого посольства и выставили охрану. После коллективной ноты СССР, Великобритании, США и Франции, афганское правительство согласилось выдворить немецких дипломатов. 14 августа их вывезли из Кабула. 17 августа 1945 г. Пильгер и его подчиненные были доставлены в Ташкент, где их арестовали. Вскоре они были уже во внутренней тюрьме НКВД¹²⁰. Через несколько месяцев они смогли вернуться в Германию.

Советско-афганские отношения в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. прошли долгий и сложный путь, в конце которого победил дух добрососедства, основанный с обеих сторон на трезвом расчете. На первом этапе войны тесное сотрудничество с СССР было выгодно, прежде всего, Афганистану, что особенно убедительно продемонстрировало торговое соглашение 1940 г. и позитивные сдвиги в переговорах по пограничным вопросам между странами. Однако решение столь важных практических

¹¹⁸ Агентурное донесение из Кабула от 13.09.1945. – Архив СВР. Дело «Кабаиль», т. I, л. 407.

¹¹⁹ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм на службе СД и Абвера, с. 257.

¹²⁰ См. подробнее дела Г.Пильгера (дело № К-547707) и А.Цугенбюллера (дело № К-547736) в Центральном архиве ФСБ.

проблем было прервано из-за нападения фашисткой Германии на Советский Союз. С этого момента пресечение подрывной деятельности Германии и ее союзников на Среднем Востоке стало главной целью политики СССР в отношении Афганистана. Сходные задачи стояли и перед Великобританией, поэтому страны антигитлеровской коалиции объединили свои усилия для ликвидации фашистской «пятой колонны» в Афганистане. Скоординированные действия СССР и Великобритании в 1941 г. и 1943 г. заставили афганское правительство выслать граждан Германии и Италии из страны, а также выдворить германских разведчиков с дипломатическими паспортами. Требования Москвы и Лондона всегда имели под собой веские основания, поэтому после каждого совместного демарша СССР и Великобритании в Кабуле начинался новый этап в ликвидации вражеской агентуры в Афганистане.

Глава 8.

Россия и Иран (1933–1945)

Иранский фактор во внешней политике СССР накануне Второй мировой войны

Идеологические факторы, которые во многом определяли политику молодого советского государства в отношении Ирана в 20-е годы, со второй половины 30-х годов стали меняться в сторону приоритетности прагматических национальных интересов. Главными из них стало поддержание стабильности на границах (протяженностью почти две тысячи километров) со страной, где базировались эмигрировавшие противники советской власти, и развитие выгодных для СССР экономических связей. Особую заинтересованность СССР, который провел коллективизацию и продолжал курс на индустриализацию, проявлял в 30-ые годы к расширению экономических связей с Ираном как поставщику сельскохозяйственных товаров и экспортеру промышленной продукции. Некоторые иранские авторы считают, что основной целью внешней политики Советской России было установление тесных отношений с Ираном с тем, чтобы не только вовлечь его в сферу своего непосредственного влияния, но и противодействовать дальнейшему проникновению Великобритании, сохранившей нефтяную концессию на юге страны и стремившейся, опираясь на своих сторонников в правящих кругах Ирана, утвердить свое влияние и в северных районах, что в целом не противоречило интересам Ирана¹.

---

¹ *Мохаммади М.* Морури бар сийасате хареджи-йе Иран-е доуран-е Пахлави. Тегеран, 1377 (1999), с. 21–22.

Мировой экономический кризис способствовал укреплению позиций государства в экономике и усилил авторитарный характер власти и в СССР, и в Иране. Это в свою очередь укрепило диктаторские черты в характерах руководителей обоих государств, поэтому немаловажную роль во внешней политике двух стран начинает играть такой субъективный фактор, как осторожность в отношениях между И. Сталиным и Реза-шахом (в противоположность доверительности, существовавшей между Сталиным и Ата-тюрком). Реза-шах не испытывал иллюзий в отношении миролюбивых заявлений советского руководства, считая, что оно лишь на время отказалось от лозунгов мировой революции, и крайне опасался распространения коммунистических идей в Иране. В то же время в Кремле политика Реза-шаха в целом находила благоприятный отклик, в частности его стремление к укреплению независимости. В первую очередь, это касалось курса на ослабление традиционного влияния Англии. К числу субъективных факторов, во многом способствовавших развитию советско-иранских отношений до конца 1932 г., следует отнести позицию сторонника этих отношений, министра двора (являвшегося фактическим главой иранской внешней политики) А. Теймурташа², который всячески стремился ограничить господство Англии в нефтяной промышленности Ирана, в том числе за счет допуска в нее других стран.

Но основным фактором, определявшим советско-иранские отношения до последней трети 30-х годов, была экономическая заинтересованность. Развитию экономических связей и формированию их правовой основы в немалой степени способствовал мировой экономический кризис, который, как было сказано выше, укрепил этатистские тенденции в Иране и СССР. Установление монополии внешней торговли и образование государственных монополий в большинстве отраслей Ирана облегчило развитие его связей с государственными организациями СССР. При различных толкованиях причин введения Ираном монополии внешней торговли, включая защиту от централизованной системы советской внешней торговли, она была вызвана необходимостью формирования иранской протекционистской политики, и именно СССР стал первой страной, признавшей монополию внешней торговли Ирана. Об этом было заявлено в советско-иранском договоре 1931 г. о поселении, торговле и мореплавании, заключенном на трехлетний срок. В реализации нового торгового договора 1935 г. (также сроком на три года) участвовали уже только государственные организации.

---

² Абдул Хосейн-хан Теймурташ окончил императорскую кавалерийскую школу в Петербурге. Убит в тюрьме в 1933г. Некоторые иранские авторы утверждают, что целью визита руководителя Среднеазиатского отдела НКВД СССР Л.М. Карахана в Иран осенью 1933 г. было ходатайство о помиловании Теймурташа. См.: *Агаев С.Л.* Иран: внешняя политика и проблемы независимости. 1925–1941. М., 1971, с. 189.

Они не только осуществляли торговлю, но и оказывали содействие иранцам в строительстве и оборудовании государственных заводов, в поставках средств транспорта для северного участка строящейся Трансиранской железной дороги. В этот период между Ираном и СССР были подписаны несколько конвенций: о борьбе с вредителями и болезнями растений, о борьбе с саранчой в пограничных районах, а также санитарно-ветеринарная конвенция. Довольно активными были связи на государственном уровне. В 1935 г. Москву посетила иранская торгово-промышленная делегация во главе с министром торговли и министром сельского хозяйства, состоялась визит министра иностранных дел Ирана Б. Каземи. В 1935г. СССР согласился передать Ирану маяки на иранском побережье Каспийского моря.

В конце 1938 г. в связи с окончанием срока действия торгового договора и затягиванием иранской стороной подписания нового договора, экономические связи стали быстро сокращаться. В результате, если в 1937/38 г. доля СССР во внешней торговле Ирана составляла 34%, то в 1938/39 г. сократилась до 11,5%, а в 1939/40 г. – до 0,5%³. Почти все советско-иранские смешанные общества, кроме «Иранрыба», прекратили в это время свою деятельность. При обсуждении нового договора камнем преткновения стали условия поставок товаров. Стремление иранцев кардинально изменить существовавшие ранее условия торговли вызывали противодействие советской стороны. В Иране, чтобы оказать давление на СССР, была организована широкая кампания по бойкоту советских товаров.

К этому времени завершилось строительство Трансиранской железной дороги, пересекавшей страну с севера на юг, соединявшей порт Бендер-Шахпур на берегу Персидского залива с портом Бендер-Шах на Каспийском море. Это событие многими и в Иране, и в СССР рассматривалось, как попытка освободиться от транзитной зависимости от СССР, через территорию которого проходили торговые пути Ирана. Планы Реза-шаха по развитию национальной промышленности, в первую очередь, в северных районах страны также могут оцениваться с точки зрения его стремления ослабить экономическую зависимость иранского рынка от поставок советской промышленной продукции. Иранское руководство рассчитывало тем самым уменьшить и идеологическое влияние СССР.

Отношения СССР и Ирана, резко сократившиеся в экономической сфере, становятся более конфликтными и балансируют на грани разрыва. В последней трети 30-х годов в политике Ирана все большее значение начинают приобретать идеологические и внешнеполитические факторы.

Среди факторов, без учета которых невозможно оценивать политику СССР по отношению к Ирану накануне Второй мировой войны, главными стали следующие: расширение всесторонних связей с нацистской Германи-

³ Агаев С.Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости, с. 263.

ей (и фашистской Италией), которая рассматривалась в качестве «третьей силы», в противовес традиционному влиянию Великобритании и России, и ужесточение репрессивных мер против иранских коммунистов и профсоюзов. Иранскому руководству импонировала бескомпромиссная борьба фашистского режима с коммунистами, а также его нарастающее противостояние с Англией.

Со своей стороны Германия проявляла вполне очевидный интерес к Ирану, располагавшему большими запасами нефти и занимавшему выгодное геостратегическое положение, в том числе с точки зрения возможности нападения на Британскую Индию. Принятие в 1936 г. декрета, признававшего иранцев чистыми арийцами, а также заимствование зороастрийского символа (свастики) использовалось нацистской верхушкой для пропаганды общности интересов Ирана и Германии. В 1935 г. в немалой степени под влиянием идеологов «третьего рейха» Реза-шах принял решение об изменении официального названия страны, которая с тех пор стала именоваться Иран (страна ариев). Уже в 1937/38 г. Германия заняла во внешней торговле Ирана второе после СССР место, отеснив Англию, а в 1938/39 г. перешла на первое. В 1939/40 г. ее доля составила почти половину всей иранской внешней торговли. Германия активно содействовала развитию различных отраслей иранской промышленности. Немецкие специалисты приглашались для монтажа оборудования на иранских предприятиях. Германия практически установила контроль над внутренними коммуникациями Ирана и стремилась утвердиться в нефтяной сфере.

Обеспокоенность советского правительства вызывало стремление Ирана поднять вопрос об отмене ст. 6 Договора 1921 г. Необходимо напомнить, что в этом договоре имелись две статьи военно-политического характера. Согласно ст. 5, обе стороны «обязались не допускать на своей территории образования или пребывания любых организаций и групп, ставящих своей целью борьбу против Персии и России, а также пребывания войск и вооруженных сил какого-либо третьего государства, которое создавало бы угрозу границам, интересам или безопасности другой договаривающейся стороны»⁴. Из этого принципа следовало, что оба государства брали на себя обязательства обеспечить пресечение любых тенденций, которые могли бы причинить ущерб добрососедским отношениям.

Ст. 6 гласила: «если со стороны третьих стран будут иметь место попытки путем вооруженного вмешательства осуществлять на территории Персии захватническую политику или превращать территорию Персии в базу для военных выступлений против России, и если при этом границам РСФСР или союзных ей держав будет угрожать опасность, и если персид-

---

⁴ Договор между РСФСР и Ираном. – Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. М., МИД, 1946, с. 76.

ское правительство после предупреждения со стороны Российского Советского правительства само не окажется в силе отвести эту опасность, Российское Советское правительство будет иметь право ввести свои войска на территорию Персии, чтобы в интересах самообороны принять необходимые военные меры. По устранении данной опасности российское советское правительство обязуется немедленно вывести свои войска из пределов Персии»⁵. Таким образом, в определенных условиях Советское правительство получало право принимать необходимые военные меры с целью обеспечения безопасности своей страны. Начиная с 1934 г., после вступления СССР в Лигу Наций, Иран, ссылаясь на то, что по уставу эта организация гарантирует безопасность всех входящих в нее членов, стал требовать аннулирования вышеуказанной статьи. Однако СССР отказался это сделать, что также отрицательно повлияло на дальнейшее развитие советско-иранских отношений.

Одной из веских причин, осложнявших отношения двух стран, было развитие в Иране коммунистического движения. В 1938 г. в Иране был устроен суд над руководителями Коммунистической партии Ирана, которые в соответствии с решениями VII конгресса Коминтерна ставили своей целью создание единого фронта – антифашистского на Западе и антиимпериалистического на Востоке. Один из лидеров иранского коммунистического движения Таги Эрани в 1935 г. совершил поездку в Москву, во время которой убедил руководство Коминтерна в необходимости помочь коммунистическому движению в Иране. И вскоре эта помощь была оказана, Коминтерн развил в Иране довольно активную деятельность, которая была прервана арестами в 1937 г. партийной верхушки. Судебный процесс, получивший название «Процесс 53-х», еще больше затормозил подписание новых договоров о сотрудничестве и осложнил советско-иранские отношения.

Правительство СССР сократило сеть своих консульств и число дипломатических представителей. К 1938 г. работало только посольство в Тегеране и консульство в порту Пехлеви (Энзели). Одновременно советское руководство потребовало сократить число иранских консульств на территории СССР.

Наиболее уязвимым местом в советско-иранских взаимоотношениях оставался вопрос о границе. На отдельных участках этой протяженной границы пограничные власти не имели детальных карт, большое количество пограничных знаков было утеряно или разрушено, изменились русла рек. Строгого повсеместного контроля границы не существовало, что приводило к постоянным нарушениям и конфликтам.

Правительство СССР неоднократно обращалось к Ирану с предложением урегулировать ситуацию, взаимно укрепить границу и подписать кон-

⁵ Там же.

венцию о порядке разрешения пограничных конфликтов по аналогии с соглашением, подписанным с Афганистаном. Однако вопрос так и остался не разрешенным⁶. СССР, в частности, высказывал пожелание закрепить за собой участок земли в округе Фирузе, тяготеющий к Ашхабадской области Туркменской ССР, предлагая взамен участки территории в других местах⁷.

Со своей стороны, иранское правительство также постоянно поднимало вопрос о необходимости уладить пограничные разногласия и требовало вернуть Фирузе, считая этот участок иранской территорией. СССР был готов пойти на некоторые территориальные уступки Ирану, но только в районе Мугани. Иранская сторона, в первую очередь, настаивала на пересмотре границы в Хорасане. Представители двух стран подготовили проект соглашения о порядке рассмотрения и разрешения пограничных конфликтов. Однако настойчивость иранской стороны завела переговоры в тупик. В 1938 г. СССР денонсировал Конвенцию относительно перехода границы между СССР и Персией жителями пограничных областей⁸.

Советский Союз, проводивший линию на укрепление режима своих границ и санацию приграничной полосы, со второй половины 30-х годов начинает высылку в Иран из Советского Союза иранских мигрантов, многие из которых стали «отходниками» еще в период царской России. Главным образом, они проживали в Закавказье и Азербайджане⁹. Наиболее массовые акции были проведены после 1938 г., когда отношения с Ираном стали ухудшаться, и очевидной становилась ориентация иранского правительства на сближение с Германией. В январе 1938 г. вышел указ наркома НКВД Н. Ежова «Об арестах и выдворении иранских граждан из Азербайджана». В последовавшем за ним Постановлении ЦК ВКП(б) «О принятии советского подданства подданными Ирана» говорилось о немедленном выселении в Иран тех иранцев, которые не перейдут в советское гражданство, либо их аресте. Только в первой группе насильно выселенных из СССР насчитывалось почти три тысячи человек¹⁰. Для иранского правительства эти действия создавали трудности с обустройством всех прибывавших, кроме того, оно подозревало, что среди этих мигрантов могли оказаться агенты советских спецслужб.

Советский Союз, исходя из вопросов укрепления безопасности, принял усилия по стабилизации своего положения на Каспийском море,

---

⁶ Договор о режиме советско-иранской границы был подписан только в 1957 г.

⁷ Согласно Договору 1921 г., эти земли должны были быть возвращены Ирану, однако оставались под контролем СССР.

⁸ Подробно о пограничных разногласиях см.: Кулагина Л.М., Дунаева Е.В. Россия и Иран: история формирования границ. М., 2008, гл. 2.

⁹ Мамедова Н.М. Иранская диаспора в России. – Азия и Африка сегодня, 2006, № 7.

¹⁰ Гасанлы Д. СССР-Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946). М., 2006, с. 16.

проблема статуса и использования которого не была окончательно определена. Все более проявляющаяся ориентация Ирана на Германию и появление немцев в Прикаспии вызывали озабоченность руководства Советского Союза. В 1937–1938 гг. Москва неоднократно заявляла официальные протесты, так как присутствие германских советников и военных специалистов в этих районах шло вразрез с подписанными ранее документами по использованию Каспийского моря.

В Конвенции о поселениях, торговле и мореплавании 1931 г. был зафиксирован правовой режим Каспия как общего моря. Вопрос о разграничении вод в этом документе не поднимался. В последующие годы СССР фактически определил другое правило использования вод Каспийского моря, в одностороннем порядке установив пограничную морскую линию как условную линию, соединяющую противоположные точки сухопутной границы – от Астры до Гасан-кули. За пределы этой линии (423 км) иранские суда практически не допускались, хотя в приказе НКВД от 9 января 1935 г. оговаривалось, «что задержание персидских судов в пределах советской части Каспийского моря в случае совершения каких-либо правонарушений производить только в пределах 12-ти мильной прибрежной зоны. Не чинить препятствий персидским судам, плавающим и занимающимся, в соответствии с действующими между Персией и СССР договорами, рыболовством в советской зоне Каспийского моря за пределами 10-ти мильной прибрежной зоны»¹¹.

Действия СССР по установлению линии разграничения были вполне логичными, учитывая конфигурацию моря, глубоко врезающегося в территорию СССР. Тем не менее, практика разграничения вод не получила юридического отражения ни в подписанном в 1935 г. Договоре о мореплавании, ни в Договоре 1940 г. о торговле и мореплавании, заключенном взамен предыдущего. Именно договор 1940 г. является до сих пор основополагающим в отношении статуса Каспийского моря, и на нем базируется современная позиция иранской стороны по проблеме юридического статуса Каспийского моря. В Договоре провозглашалось равенство условий мореплавания для торговых судов обеих стран по всей акватории моря. За каждой стороной было закреплено ее исключительное право на рыболовство в 10-и мильной прибрежной зоне. Отдельная статья оговаривала, что в Каспийском море могут находиться только советские и иранские суда, а такое положение фактически определяло замкнутый характер Каспия¹².

Одной из главных проблем, которая всегда учитывалась СССР в отношениях с Ираном, была нефтяная и, в первую очередь, проблема так назы-

¹¹ Приказ НКВД от 09.01.1935. – Цит. по: *Александров А.* К вопросу о статусе Каспийского и Азовского морей. – *Морской сборник*. 1995, № 2, с. 17.

¹² Договор о торговле и мореплавании от 25 марта 1940 г. – Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях, с. 143–144.

ваемой северной нефти, т.е. получение концессии на разведку и добычу нефти в северных провинциях Ирана, не входящих в зону действия англо-иранской концессии 1903 г. Вопрос о концессии на северную нефть Ирана долгое время являлся объектом внешнеполитических интересов иностранных государств. Еще в ходе московских переговоров по договору 1921 г. советская сторона, отказавшись от всех концессий царской России, оставила за собой право на ловлю рыбы (концессия Лианозова) и пыталась сохранить за собой право на концессию, которую получил в 1916 г. российский промышленник А.М. Хоштария¹³ на добычу нефти в Кевир-Хуриане (в Семнانه). Советское правительство в 1921 г. добилося отмены решения иранского меджлиса о передаче концессии на разработку северной нефти американским компаниям. В 1925 г. СССР выкупил долю Хоштарии (65%) в компании «Кевир-Хуриан», однако иранское правительство не признало законность этой сделки. Советско-иранские соглашения о компании «Кевир-Хуриан» подписывались в 1928 и 1929 гг., но не были реализованы. Вопрос о северной нефти вновь стал активно использоваться во внешних отношениях Ирана в 1932–1933 гг. в период его борьбы за отмену английской концессии 1903 г. Эта концессия была отменена, но все попытки максимально ослабить позиции Англии в нефтяной промышленности привели к заключению в 1933 г. нового концессионного соглашения, сохранившего за АИНК фактически прежние позиции. Вопрос о северной нефти как возможном средстве давления на позицию Англии был поднят в Москве во время визита в 1932 г. в СССР Теймурташа¹⁴, который подготовил соглашение о смешанной нефтяной компании «Кевир-Хуриан» и добился его утверждения на заседании совета министров. Впоследствии, однако, в связи с арестом Теймурташа соглашение не было претворено в жизнь, но официально оно не было отменено.

В этот же период начались переговоры с иранским правительством о праве на северную нефть и некоторых американских компаний. В начале 1937 г. две американские компании получили концессию на разведку месторождений в северных провинциях и на прокладку нефтепровода к порту Чахбахар на Индийском океане (концессионное соглашение было ратифи-

---

¹³ По некоторым данным, месторождения в Кевир-Хуриане были им выкуплены у иранца, которому эти земли были подарены Насреддин-шахом. Элвелл-Саттон пишет, что первоначально пять северных провинций Ирана были отданы в 1896г. Русско-персидской нефтяной компании, но бурение нефтяных скважин около Сари было безрезультатным, а А.М. Хоштария при поддержке царского правительства официально добился прав на эту концессию в 1916 г. (см.: *Элвелл-Саттон Л. Иранская нефть*. М., 1956, с. 51).

¹⁴ Вопрос о совместной нефтяной компании «Кевир-Хуриан» поднимался и во время визита Теймурташа в Москву в 1926г. Теймурташ вместе с Реза-шахом должны были стать крупнейшими акционерами компании с иранской стороны (см.: *Арабаджян З.А. Иран: противостояние империям. 1918–1941*. М., 1996, с. 139).

цировано меджлисом и утверждено шахом), что вызвало фактическую поддержку Англии и негативную реакцию СССР. Негативной была и реакция Германии, также стремившейся к иранской нефти. В 1938 г. в условиях, когда не были урегулированы дипломатические отношения между Ираном и США, а также в условиях нарастающих международных противоречий, американские компании отказались от концессии. В ответ начались немецко-иранские переговоры о праве на эту концессию. В конце 1938 г. в Иран прибыла даже немецкая геологоразведочная экспедиция¹⁵. Появились сообщения, что богатые залежи нефти обнаружены в районе Кума. Однако Англии удалось приостановить деятельность Германии на этом направлении. Но иранское правительство уже в 1939 г. предоставило лицензию на разведку полезных ископаемых в пяти северных провинциях голландской компании, в случае обнаружения нефти предусматривалось предоставление этой компании концессии на ее разработку. Но после начала Второй мировой войны эта лицензия была ликвидирована.

Отношения ведущих мировых держав с Ираном, а также Ирана с ними со второй половины 30-х годов стали строиться, с учетом все более четко оформлявшейся конфронтации нацистской Германии с большинством стран мира. Как и накануне Первой мировой войны державы стали формировать противостоящие друг другу блоки. Накануне Второй мировой войны ситуация осложнялась существованием советского государства, идеологически чуждого и западным демократиям, и фашистским режимам. К этому времени СССР активно поддерживал республиканцев в гражданской войне в Испании, открыто выступал против идеологии итальянского фашизма и германского нацизма, против их военно-реваншистских устремлений. Попытки СССР создать систему коллективной безопасности в Европе для того, чтобы противостоять Германии и ее союзникам единым фронтом с западными странами, закончились неудачей. Мюнхенское соглашение 1938 г. фактически оставило СССР один на один с рвущейся на восток Германией, а дальневосточные границы оказались под угрозой нападения Японии. Возросшая к концу 30-х годов напряженность в отношениях СССР с Ираном и Турцией делала чрезвычайно важной сохранение этими странами, по меньшей мере, нейтральной позиции в меняющейся политической конфигурации мира.

Сложной была ситуация и для иранского руководства, особенно после итальянской агрессии в Эфиопии (1935 г.). Политическое влияние Англии, основанное на ее экономических позициях в экономике Ирана¹⁶, могло быть нейтрализовано либо влиянием СССР, чего Реза-шах опасался, либо

---

¹⁵ Агаев С.Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости, с. 280 (ссылка на: Elwell-Sutton L.P. Modern Iran. L., 1942, p. 166).

¹⁶ Женитьба в 1939 г. наследника престола Мохаммада Реза Пехлеви на Февзийе, сестре египетского короля Фарука в определенной мере расширила возможности влияния Англии.

Германии, чему, как он понимал, будет активно противодействовать СССР. Любое из предпочтений грозило непосредственным участием в размежевании сил на мировой арене. Попыткой сохранить нейтралитет от мировых держав стало заключение по инициативе Ирана в Тегеране в 1937 г. Саадабадского пакта или Ближневосточной Антанты между Турцией, Ираком, Ираном и Афганистаном¹⁷. Одновременно состоялась первая и по существу единственная сессия нового Постоянного совета четырех стран. Укрепление отношений Ирана с Турцией ускорило после официального визита Реза-шаха в Турцию в 1934 г., единственного визита шаха за рубеж, во время которого он не исключал вероятности заключения военного союза, чего не произошло¹⁸. Тем не менее, Иран стремился улучшить условия транзита через Турцию, минуя СССР, главным образом в Германию. И уже будучи союзниками по пакту, Иран и Турция организовали бесперебойное сообщение Тебриз – Трабзон, далее до румынского порта Констанца. Однако общая стратегия внешнеполитической ориентации не была выработана, второе заседание совета в Кабуле не состоялось. После того, как весной 1939 г. Германия оккупировала Чехословакию, а Италия – Албанию, Иран и Турция в апреле 1939 г. инициировали созыв заседания четырех государств в Тегеране. Предполагалось обсудить вопрос о превращении пакта в оборонительный союз, однако на заседании Турцию представлял не министр иностранных дел, а посол, что не дало возможности юридически закрепить достигнутые договоренности. Эта встреча членов Саадабадского пакта стала последней, и хотя влияние этой организации на расстановку сил оказалось ничтожно малым, стало очевидным, что ее участники всячески будут затягивать открытое присоединение к какой-либо военной группировке. Для Ирана ситуация выбора была тем более сложной, что сокращая до минимума советское влияние (в том числе и путем создания Саадабадского пакта) и усиливая позиции Германии, страна способствовала нарастанию противостояния германской и англо-французской группировок. Заключение Саадабадского пакта, вызвало недовольство СССР, видевшего в нем возможность ослабить свое влияние в ближневосточном регионе, однако было ясно, что оно не направлено против страны Советов или других великих держав.

Накануне войны руководство Ирана принимало активные меры по повышению своего военно-технического потенциала. Целью проводимой индустриализации и увеличения промышленного потенциала была реорганизация армии на современной основе. Большинство иранских ис-

---

¹⁷ См.: Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е. История международных отношений. 1918–1939. М., 2008.

¹⁸ Агаев С.Л. Иран: внешняя политика и проблемы независимости, с. 286 (ссылка на: Arfa H. Under Five Shahs. N.Y., 1965, p. 252).

ториков считают, что военная доктрина Реза-шаха своей главной задачей считала использование армии для подавления сепаратистских движений внутри страны, хотя по некоторым иранским источникам существовали иранские планы военных операций в кавказском направлении. Так, на карте Ирана, изданной по разрешению меджлиса под названием «Новое административно-территориальное деление государства Иран» (и доставленной в апреле 1940 г. в Наркомат иностранных дел СССР), было сделано весьма симптоматичное примечание о том, что «границы Ирана, за исключением границы с Турцией, не являются официальными», а в переписке Азербайджанская ССР именовалась Кавказским Азербайджаном¹⁹. После Мюнхенского соглашения некоторые представители иранской правящей верхушки надеялись, что Гитлер будет содействовать созданию «великого Ирана»²⁰.

Таким образом, кризис в советско-иранских отношениях в конце 30-х годов сделал для СССР иранское направление весьма уязвимым, что создавало на его южных границах достаточно напряженную обстановку, особенно с учетом предполагаемого военного нападения со стороны фашистской Германии.

Начавшиеся в марте 1939 г. контакты между представителями СССР, Англии и Франции с целью создания системы коллективной безопасности для противодействия германской угрозе оказались безрезультатными. С 12 по 21 августа 1939 г. в Москве проходили переговоры военных миссий трех стран, но гарантии права прохода советских войск через территорию Польши и Румынии советская сторона не получила. Документы советского военного планирования отчетливо свидетельствуют о том, что СССР продолжал рассматривать Германию как вероятного противника №1, несмотря на определенное сближение с ней в середине 1939 г. Тупиковая ситуация на переговорах с европейскими государствами вынудила советское правительство пойти на подписание 23 августа 1939 г. пакта о ненападении с Германией.

После заключения этого пакта, изменившего геополитическую расстановку сил, изменились и отношения СССР с Ираном. Столь неожиданный внешнеполитический ход советского правительства вызвал крайнюю потерянность среди политической элиты Ирана. Она еще более усилилась после того, как Германия 1 сентября начала войну против Польши, Англия и Франция 3 сентября объявили о вступлении в войну. Все это свидетельствовало, что началась мировая война.

¹⁹ Цит. по: *Гасанлы Д.* СССР – Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны, с. 16 (нота иранского посольства от 17.05.1940).

²⁰ *Агаев С.Л.* Иран: внешняя политика и проблемы независимости (ссылка на: *Фатулла Бин. Андишехайе Реза-шах Кабир. Тегеран, 1329 (1950/1951), с. 7, 84.*

СССР и Иран в период Второй мировой войны

4 сентября 1939 г. правительство Ирана заявило о своем нейтралитете, но подписание в Москве 28 сентября 1939 г. советско-германского договора о дружбе и границе вызвало в Иране новый виток крайней обеспокоенности. Так, в телеграмме от 03.10.1939 поверенного в делах США в Иране Энгерта в Госдепартамент говорилось о раздражении шаха советско-германским пактом²¹. Его подписание требовало от иранского правительства лавирования в отношениях не только между Англией и советско-германским временным блоком, но и в отношениях с СССР и Германией. В этих условиях Реза-шах опасался открыто поддержать ту или другую сторону, так как, оценивая международную обстановку, полагал возможным вторжение в Иран Англии в случае присоединения Ирана к державам «оси», или СССР при поддержке Германии, если Иран примет сторону союзников.

Озабоченный вопросами безопасности, Реза-шах в своем выступлении в меджлисе по вопросам внешней политики 10 октября 1939 г. отметил важность развития экономических связей с северным соседом и выразил надежду на то, что в ближайшем будущем отношения двух государств будут восстановлены в полном объеме²². Вместе с тем, практически одновременно с миролюбивыми заявлениями шаха в газетах стали появляться статьи, а в городах распространяться слухи о том, что СССР вынашивает агрессивные планы в отношении южного соседа, и что Иран «продан» Советскому Союзу, который собирается напасть и расчленить его территорию. Многие историки, в том числе иранские признают, что распространению этой ложной информации способствовала Англия, заинтересованная в том, чтобы Иран отказался от позиции нейтралитета и присоединился к антигитлеровской коалиции. Однако и Германия, опасавшаяся возможного

---

²¹ В этом послании говорилось также, что шах, который «всегда придерживался строгой линии против коммунизма, сейчас более чем когда-либо напуган доктриной мирового господства». *Агаев С.Л.* Иран: внешняя политика и проблемы независимости, 1925–1941 гг., с. 305. *Papers Relating to the Foreign Relations of the United States. 1927–1941.* Wash., 1940, v. III, p. 622.

²² *Элахи Х.* Ахамийат-е эстратежики-йе Иран дар джанг-е джахани-йе доввом. Тегеран., 1365 (1986), с. 59.

сближения СССР и Ирана за своей спиной, также поддерживала такие слухи среди иранской общественности²³.

Вряд ли можно утверждать, что Иран в 1939–1940 гг. больше ориентировался на Германию, хотя ее успехи на фронтах делали все более вероятным тесное сближение Ирана с «третьим рейхом». Подтверждением этому может служить тот факт, что в конце 1939 г. шах назначил премьер-министром А. Матина-Дафтари, известного своими прогерманскими настроениями. Вскоре под давлением Англии он был снят, что говорит не столько о больших симпатиях Ирана к Англии, сколько о его верности нейтралитету, о чем неоднократно свидетельствовал английский посланник в Иране Р. Буллард²⁴. В качестве подтверждения серьезности заявлений о политике нейтралитета в Иране осенью 1939 г. была привлечена к суду большая группа прогермански настроенных лиц, подозреваемых в попытке организовать государственный переворот. Главный обвиняемый – Мохсен Джахансуз, который перевел на фарси «Майн кампф», в феврале 1940 г. был расстрелян. Курсанты офицерского училища и гражданские лица были осуждены на разные сроки заключения²⁵. Верный принципам Саадабадского пакта Иран неоднократно говорил о своем нейтралитете, возможно, следуя примеру Турции, которая, хотя и заключила союзный договор с Англией и Францией в начале Второй мировой войны (19.10.1939), но продолжала поддерживать активные экономические связи с Германией.

Несмотря на то, что в 1939–1940 гг. главными соперниками на мировой арене были Англия и Германия, готовые использовать иранскую территорию как возможный театр военных действий, для шаха большую опасность представляла угроза советского нападения, тем более в союзе с Германией. Для Советского Союза заключение договоров с Германией не исключило возможность использования иранской территории для нападения со стороны западных противников Германии, особенно после начала войны СССР с Финляндией (ноябрь 1939 г. – март 1940 г.). К началу марта 1940 г., когда эта война еще не закончилась, Англией и Францией были разработаны стратегические планы нападения на СССР с юга, разрушения советских нефтепромыслов на Кавказе. Но на более сдержанную, по сравнению с Францией, позицию Англии в конечном счете повлияло то, что Турция и Иран уклонились от открытого вмешательства в борьбу великих держав. Учитывая позицию Франции, в начале 1940 г. военный министр Ирана обратился к британскому военному атташе с предложением о совместном

²³ Доклад М. Филимонова «Вопрос о ложной пропаганде». – АВП РФ, ф. 094, 1949, оп. 24, п. 327, д. 12, л. 1. *Элахи Х. Ахамийат-е эстратежики-йе Иран дар джанг-е джахани-йе доввом*, с. 74.

²⁴ *Bullard R. Britain and the Middle East from the Earliest Times to 1963*. L., 1963, p. 130–135.

²⁵ *Алиев С. История Ирана. XX век. М., 2004, с. 198.*

нападении на СССР и бомбардировке нефтяных разработок в Баку, а также заключении секретного соглашения о сотрудничестве в военной области²⁶. Но Англия ответила отказом, так как в целом политика нейтралитета Ирана в этот период больше отвечала ее интересам, чем прямое вступление СССР в войну против Ирана²⁷. Тем не менее, в мае Англия и Франция провели аэрофотосъемку районов Баку и Батуми, завершили разработку конкретных военных планов для действий на Кавказе. Франция сообщила Англии о том, что уже 15 мая 1940 г. можно будет начать операцию против Баку, но 10 мая Германия перешла в наступление на Западном фронте, что полностью изменило планы союзников.

Таким образом, угроза южным границам СССР сохранялась и нарастала. Советское военное командование в начале 1940 г. предприняло ряд мер для укрепления обороноспособности этих районов. Были усилены войска Закавказского военного округа, в Баку была переброшена 31-я стрелковая дивизия из Северо-Кавказского военного округа. В марте 1940 г. среди высшего и старшего командного состава Закавказского военного округа была проведена игра на оперативных картах, в ходе которой Закавказский фронт выдвигался в сторону Турции (Эрзерума, оз. Ван) и Ирана (Тебриза). Задачей Каспийской военной флотилии было не допустить проникновения противника в Баку. Штаб ВВС в мае 1940 г. был снабжен картами, планами, фотоснимками иранских городов – Тебриза, Казвина. МИД СССР через посла М.Филимонова обратился к иранским властям с просьбой предоставить СССР возможность использовать иранские аэродромы в приграничных районах и участки Трансиранской железной дороги для обеспечения защиты своих приграничных районов в случае нападения противника²⁸. Такое обращение советской стороны даже американцами было расценено не как подготовка к захвату иранской территории, а попытка оказать нажим на правительство Ирана с тем, чтобы вынудить его отказаться от проведения проанглийской политики²⁹. СССР не исключал возможности использования иранской территории против него как со стороны Германии, так и ее противников.

Однако до нападения Германии на СССР наибольшую опасность Иран представлял не столько для СССР, сколько для Англии, которая согласно своим разведывательным данным оценивала число германских агентов только в Тегеране в четыре тысячи человек. В мае 1940 г. английский посланник в Иране Р. Буллард в своем циркуляре предупреждал всех консу-

---

²⁶ Элахи Х. Ахамийат-е эстратежики-йе Иран дар джанг-е джахани-йе доввом, с.62.

²⁷ Мохаммади М. Морури бар сийасате хареджи-йе Иран-е доуран-е Пахлави, с. 72.

²⁸ Махдави А.Х. Сийасат-е хареджи-йе Иран дар доуран-е Пахлави.1300–1357. Тегеран, 1384 (2005), с. 65.

²⁹ Элахи Х. Ахамийат-е эстратежики-йе Иран дар джанг-е джахани-йе доввом, с. 76.

лов о возможной попытке со стороны немецких колонистов совершить переворот в иранской столице и призывал их быть готовыми при необходимости к сожжению секретных документов. Но тут же выражал сомнения в том, что иранские власти могут одобрить «нелегальную деятельность немцев, так как они ведут себя вяло, возможно, из-за страха перед Россией»³⁰. Тем не менее, осенью 1940 г. и в начале 1941 г. английское правительство направило первые ноты протеста иранскому правительству осуждающие деятельность немецких агентов³¹.

Новые геополитические реалии, сложившиеся после начала Второй мировой войны, заставили руководство СССР и Ирана пересмотреть подходы к некоторым проблемам двусторонних отношений, которые в силу разных причин не нашли своего разрешения в предыдущий период. В первую очередь речь идет о возобновлении переговоров относительно заключения нового торгового договора. В этом же была заинтересована Германия, которая активно подталкивала обе стороны к скорейшему достижению договоренности.

Из-за трудностей, которые стал испытывать Иран в результате блокирования Англией морских торговых путей, он предложил решить проблему увеличения объемов немецко-иранской торговли путем использования транзита через СССР. Для Германии Иран представлял собой чрезвычайно важный источник продовольственных товаров, а также хлопка, шерсти и кож, необходимых, прежде всего, для немецкой военной промышленности. Иран был также посредником для закупок в Азии необходимых Германии сырьевых товаров. И Германия, и Иран были заинтересованы в подписании между Ираном и СССР нового торгового договора, о чем оба государства неоднократно заявляли советской стороне. В возобновлении экономических связей с Ираном в рамках нового договора был заинтересован и Советский Союз, стремившийся как восстановить свои позиции во внешней торговле с Ираном, так и упрочить свое влияние в иранских торговых и политических кругах. В результате активных контактов трех сторон советско-иранский Договор о торговле и мореплавании был подписан 25 марта 1940 г. в Тегеране. В целом он сохранил все условия предыдущего договора 1935 г. Ввоз и вывоз производился в рамках ежегодно утверждаемых квот. СССР, неуклонно соблюдая свои обязательства, разрешил транзит немецких товаров в Иран и иранских в Германию, что увеличило его доходы от транзитной торговли между двумя странами. Но по настоянию СССР, транзит вооружения через советскую территорию был запрещен. После заключения торгового договора объем внешней торговли между Ираном и Германией, Ираном и СССР значительно вырос. В общей сумме иранского

³⁰ Алиев С. История Ирана, с. 197.

³¹ Элвелл-Саттон Л. Иранская нефть. М., 1956, с. 137.

импорта за 1935–1939 г. доля СССР составила 24%, Германии – 25%, в иранском «нефтяном» экспорте – соответственно 21% и 32%³². Самый большой рост объемов торговли пришелся на 1940/41 г., когда на долю Германии пришлось почти половина всей внешней торговли Ирана, а удельный вес СССР поднялся до 11% (с 0,5% в 1939/40 г.)³³.

Иранская тематика стала одной из важных тем, обсуждавшихся на советско-германских переговорах в ноябре 1940 г. в Берлине. Германская сторона заранее подготовила текст соглашения, согласно которому мир был поделен на сферы влияния между Германией, Италией, Японией и Советским Союзом. К соглашению был приложен секретный протокол, в котором, в частности, говорилось: «Советский Союз заявляет, что его территориальные устремления обращены к югу от национальной территории Советского Союза по направлению к Индийскому океану», т.е. речь шла как раз об Иране³⁴. В.М. Молотов накануне поездки в Берлин сделал, например, такую запись: «вопрос об Иране не может решаться без участия СССР, так как там у нас есть серьезные интересы...»³⁵. Во время пребывания в Берлине В. Молотов получил от И. Сталина следующую инструкцию: «Советуем: 1. Не обнаруживать нашего большого интереса к Персии и сказать, что, пожалуй, не будем возражать против предложения немцев...»³⁶. Советская сторона рассмотрела германские предложения, но конкретного ответа не дала. И. Сталин решил повременить с присоединением к блоку стран «оси», а германское правительство больше к иранской проблеме не возвращалось.

Между тем информация о готовящемся разделе мира просочилась и в Иран. Планы включения иранской территории в сферу влияния СССР вызвали вполне понятное возмущение. Усиленно циркулировал слух, что Советский Союз в самое ближайшее время захватит северную часть Ирана. Распространению этих слухов способствовало и то, что советская сторона вновь настойчиво просила иранские власти для защиты своих нефтяных районов предоставить в ее распоряжение аэродромы и казармы для базирования военных частей на иранском побережье Каспийского моря³⁷, хотя никаких заявлений в ультимативном порядке не выдвигала.

---

³² *Bharier J. Economic Development in Iran. 1900–1970. L., 1971, p. 108, 113.*

³³ *Агаев С.Л. Иран: внешняя политика, с. 318.*

³⁴ *Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik (далее – ADAP). Ser. D, Bd 11. 1, S. 472; Советско-нацистские отношения. Документы. Париж – Нью-Йорк. Третья волна. 1983, с. 247, 250.*

³⁵ *Документы внешней политики (далее – ДВП) 1940 – 22 июня 1941 г. Т. 23, кн. 2 (1), с. 31.*

³⁶ Там же, с. 61.

³⁷ *Элахи Х. Ахамийат-е эстратежики-йе Иран дар джанг-е джахани-йе доввом, с. 80.*

Хотя СССР и не вступил в военный альянс с Германией, но само заключение договоров между ними поставило в крайне тяжелое положение работавшую в подполье иранскую коммунистическую партию, которая всегда была важным инструментом советского влияния. Лозунги антифашистской борьбы иранские коммунисты использовать не могли, и уже в сентябре 1939 г. Коминтерн рекомендовал положить в основу коммунистической пропаганды тезис об империалистической войне, в возникновении которой виновата буржуазия всех стран, прежде всего Англии и Франции, что в определенной степени было на руку не только СССР, но даже Германии.

С нападением Германии на СССР вновь изменилась расстановка сил на мировой арене. В первые дни после агрессии Англия и США заявили о том, что они будут поддерживать СССР, и между этими государствами были подписаны соглашения об экономическом содействии. В новых условиях возросла роль Ирана во внешней политике некоторых государств: Советский Союз и Англия планировали использовать иранскую территорию для транзита поставляемой союзниками в СССР помощи, а Германия – для вторжения на Кавказ и в Британскую Индию. План «Барбаросса» предусматривал выход вермахта на советско-иранскую границу, после чего нацисты собирались развернуть наступление на Британскую Индию.

Мобилизовав на борьбу с Советским Союзом своих европейских союзников, Германия рассчитывала на активное участие Ирана в войне против СССР. 25 июня 1941 г. Берлин нотой потребовал от иранского правительства вступления в войну на стороне Германии³⁸. Многие из немецкой колонии в Иране ждали, что вскоре в Тегеран войдут немецкие танки³⁹. Но Реза-шах посчитал более разумным сохранить нейтралитет. На следующий день (26 июня) об этом официально заявило иранское правительство. Однако такая позиция из-за успехов Германии разделялась не всеми. На заседании высшего военного совета в Тегеране, которое состоялось через несколько дней после этого решения, только 16 присутствующих высказались за вступление в войну на стороне Германии, а 24 выступили против⁴⁰.

Сторонников вступления Ирана в союз с Германией вдохновляли не только быстрое продвижение немецких войск к Москве, но и надежды на то, что в случае победы Германии над СССР Иран, сможет рассчитывать на расширение своих границ. Может быть, Реза-шах и рассчитывал с помощью Германии присоединить к Ирану часть советской территории, но прямых доказа-

³⁸ Кузнец Ю.Л. «Длинный прыжок» в никуда: как был сорван заговор против «Большой тройки» в Тегеране. М., 1996, с. 57.

³⁹ Игумен Александр (Заркешев). Русская православная церковь в Персии-Иране (1597–2001). Санкт-Петербург, 2002, с. 137.

⁴⁰ Костромин Л.П. Противоборство с фашистской агентурой в Иране. – Очерки истории российской внешней разведки. В 6-и т. Т. 4. М., 1999, с. 327.

тельств этому нет. Однако определенные реваншистские настроения у Тегерана были, особенно в отношении спорных приграничных территорий. В Тегеране не могли также не учитывать, что дальнейшие победы Германии могут привести к территориальным потерям самого Ирана. По некоторым сведениям, Гитлер рассчитывал создать под эгидой Германии Арабское государство, в состав которого вошла бы богатая нефтью иранская провинция Хузестан. В качестве компенсации иранцы могли рассчитывать на получение некоторых афганских земель, части Белуджистана и прилегающих непосредственно к границам Ирана территорий Советского Азербайджана. Но эти земли, бедные ресурсами, вряд ли компенсировали бы потерю Хузестана. Для Ирана курс на нейтралитет в начале военной кампании в значительной мере имел своей целью выигрыш во времени. В донесении Риббентропу немецкий посланник в Тегеране, излагая точку зрения премьер-министра Али Мансура, отметил, что приближение зимы «поставит большие препятствия на пути вермахта. В этих условиях иранское правительство должно стараться выиграть время... каждая выигранная неделя, в течение которой германские войска будут победоносно продвигаться вперед, улучшает тяжелое положение Ирана»⁴¹.

Реакция в СССР на заявленный Ираном нейтралитет была благожелательной, тем более что накануне германского вторжения Москва уже не рассматривала сам Иран как вероятного противника. В «уточненном плане стратегического развертывания вооруженных сил Советского Союза на западе и на востоке», разработанным генеральным штабом Красной Армии и датированным 11 марта 1941 г.⁴², об Иране как о вероятном противнике не было сказано ни слова, хотя возможность использования иранской территории немецкими войсками не исключалась.

Нападение Германии на Советский Союз создало предпосылки для советско-английского сотрудничества на иранском направлении. Стратегическая обстановка резко изменилась, реальной стала опасность, что германские войска уже к зиме продвинулись к Кавказу и, развернув наступление в Северной Африке, ликвидируют очаг сопротивления англичан на Среднем Востоке. Захватив Иран, а затем и Афганистан, Германия приобрела бы плацдарм для наступления на Британскую Индию. На конец 1941 – начало 1942 г. немецким командованием намечалось осуществление плана «Ориент», в котором ключевым пунктом для наступления на Индию являлся Иран. Один из вариантов этого плана предполагал наступление через Советский Кавказ⁴³.

---

⁴¹ Агаев С.Л. Иран: внешняя политика, с. 335 (ссылка на: Documents on German Foreign Policy. 1918–1945. Series D. Vol. XIII. Wash., 1964, p. 336–338).

⁴² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. I. Кн. 1. М., 2000, с. 49.

⁴³ Кожанов Н. Ввод войск союзников в Иран. Причины и обстоятельства. – Иран: Экономика, история, культура. М., 2009, с. 210.

Ввод английских войск в Иран позволял Великобритании соединить свои вооруженные силы – от Индии до Северной Африки. Планы оккупации Ирана, главным образом зоны нефтепромыслов, в Лондоне разрабатывались задолго до нападения Германии на СССР. Желание англичан ввести войска в Иран было так велико, что они даже собирались инсценировать восстание немцев в Иране с тем, чтобы получить повод для вмешательства. По данным советской разведки, ряд агентов «Интеллидженс сервис» вел активную деятельность в этом направлении⁴⁴. Англичане отказывались заключать с Ираном союзный договор и фактически искали любой предлог для ввода войск. Генерал Хасан Арфа в своей книге писал, что он всегда был, как и многие другие, уверен в том, что на вводе войск в Иран настаивал СССР, но в 1959 г. турецкий посол в Лондоне периода начала войны признал, что именно англичане «настаивали на оккупации страны и установлении контроля над иранским правительством»⁴⁵. Еще в начале июня 1941 г. английский резидент в Бушире представил предложения по оккупации юга Ирана, а 24 июня, как только Англия присоединилась к союзу с СССР, командующему отрядом Персидского залива был отдан приказ начать разработку плана вторжения в Иран⁴⁶.

Для Англии ввод войск не имел никаких правовых оснований и должен был рассматриваться иранской стороной как прямая агрессия. Кроме того, обеспечить успех операции могло наступление с двух фронтов, т.е. при участии Красной Армии. Юридические основания были только у СССР, который мог ввести войска на основании ст. 6 договора 1921 г., если бы в Иране действовали лица, представлявшие угрозу для Советского Союза или его союзников. Поэтому не случайно, что Англия обратилась к СССР с предложением одновременно ввести войска в Иран уже в конце июня 1941 г.

Советское правительство, оценивая предложение британцев о совместном вводе войск в Иран, осознавало крайнюю заинтересованность Англии. Но такой шаг давал также весомый шанс и СССР обеспечить безопасность Закавказья и тем самым сохранить бакинскую нефть, а также обеспечить получение военной помощи со стороны союзников. В последние годы в зарубежной и отечественной историографии активно муссировался тезис о том, что, принимая решение о вводе войск в Иран, И.В. Сталин исходил только из расчета не отдать эту страну полностью в руки англичан и не допустить их в районы непосредственной близости от СССР. Выдвигались также версии, что решение о вводе советских войск можно рассматривать

⁴⁴ Там же, с. 228.

⁴⁵ *Arfa H. Under Five Shahs*. N.Y., 1965, p. 277.

⁴⁶ *Агаев С.Л.* Германский империализм в Иране. М., 1969, с. 102 (ссылка на: *Pal. Dh. Campaign in Western Asia*. Calcutta. 1957, p. 121–122).

как доказательство традиционной российской имперской политики по восстановлению утраченных имперских рубежей и как продолжение предвоенной политики расширения советских границ. Вряд ли, можно с ними согласиться. Советский Союз в первый месяц войны испытывал серьезные сомнения относительно необходимости ввода своих войск в Иран. Считая иранскую армию достаточно сильной и хорошо вооруженной, он не был уверен в своих возможностях вести военные действия на два фронта⁴⁷. Конечно, нельзя полностью исключать и того, что руководство СССР могло вынашивать далеко идущие планы по расширению советского влияния, но они, скорее всего, появились уже в ходе успешного отражения фашистских войск после Сталинградской битвы и, маловероятно, что такие мысли имели место в начале планирования иранской операции. В августе 1941 г., когда германские войска приближались к Москве, советским лидерам было не до территориальных приобретений, главной целью внешней политики была проблема выживания советского государства.

Советское правительство, принимая решение о проведении иранской операции, оценивало вероятность использования иранской территории германскими войсками весьма высоко. Частью плана «Барбаросса» был выход немецких военных частей на советско-иранскую границу. Хотя 26 июня 1941 г. иранское правительство заявило о полном нейтралитете, однако иранская территория могла быть использована для подготовки диверсий против СССР и его союзников по антигитлеровской коалиции. Поэтому уже с июля 1941 г. СССР готовился к возможному военному конфликту с Ираном.

Важными факторами активизации советской политики на иранском направлении в первые месяцы Великой Отечественной войны стали не только угроза нападения с юга, но и возможность использования коммуникаций Ирана как одного из путей поставок вооружения и помощи союзников для СССР. В то время еще не существовало железной дороги, связывающей Мурманск с центральной частью Советского Союза. В Иране же имелась Трансиранская железная дорога, выходящая на железнодорожные пути СССР. По ней и шоссейным дорогам Ирана (Захедан – Мешхед) предполагалось доставлять вооружения и другие грузы из стран Запада, прибывающие в порты Персидского залива. Этот путь доставки был более коротким, чем дальневосточный вариант и достаточно безопасным. Тем не менее, не стоит преувеличивать значимость иранского пути: его пропускная способность оказалась ниже, чем у северного или дальневосточного путей. Северный маршрут, через который направлялись караваны из группы различных видов судов для доставки в СССР военной техники, был наиболее оптимальным с точки зрения сроков доставки военного снаряжения на со-

---

⁴⁷ Мохаммади М. Морури бар сийасате хареджи-йе Иран-е доуран-е Пахлави, с. 76.

ветско-германский фронт. После гибели летом 1942 г. большей части судов (25 из 37) арктического каравана PQ-17, который вез из США, Канады и Англии необходимые советскому фронту самолеты, танки и грузовые машины, интерес к иранскому пути возрос, и все же северный и дальневосточный пути оставались основными (см. табл. № 1).

Таблица № 1

Доставка союзниками грузов в СССР по ленд-лизу в 1941–1945 гг.

Годы	Всего, тыс. тонн	%	Южный (иранский) путь, %	Дальневосточный путь, %	Северный путь, %
1941	360,8	100	3,7	53,6	42,7
1942	2453,1	100	28,8	29,9	41,3
1943	4794,5	100	33,5	49,8	16,7
1944	6217,6	100	28,8	45,8	25,4
1945	3673,9	100*	1,2	56,0	23,7
Всего	17499,9	100*	23,8	47,1	25,2

* Включены и другие пути доставки (например, через Турцию).

Составлено по: *Jacobsen H.F.* 1939–1945. *Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten*. Darmstadt, 1961.

Англия настойчиво убеждала СССР в эффективности именно этого пути и необходимости ввода войск. Под влиянием этих доводов, 29 июня, обсуждая с послом США в Москве Л. Штейнгардтом пути доставки американского оборудования и материалов в СССР, В.М. Молотов стал говорить о том, что «существует путь через Персидский залив и Иран, который работает круглый год». Но и месяц спустя И. Сталин все еще считал, что «путь через Персидский залив и Иран не очень удобен»⁴⁸.

Тем не менее, Советский Союз вскоре поставил перед Ираном вопрос о получении права на транспортировку войск и военных грузов через иранскую территорию. В первые дни германской агрессии советская сторона не решалась жестко ставить вопрос о поставках оружия, ограничиваясь общими просьбами об организации транзита товаров. 30 июня этот вопрос обсуждался в ходе встречи премьер-министра Ирана Али Мансура с послом СССР в Иране А. Смирновым. Али Мансур был не против организации поставок, но категорически высказался против транзита вооружений⁴⁹. 5 июля проблема транзита стала предметом беседы А. Смирнова с Реза-шахом⁵⁰,

⁴⁸ ДВП, т. 24. 22 июня 1941 г. 1 января 1942 г., с. 63.

⁴⁹ Там же, с. 87.

⁵⁰ Там же, с. 116.

который был также осторожен в отношении военных поставок в СССР. В своем донесении В. Молотову от 10 августа 1941 г. А. Смирнов писал: «Они с восторгом принимали сообщение советского правительства о доставке иранских военных грузов, застрявших в СССР, но, когда речь заходила о транзите советских грузов через Иран, шах и премьер тотчас же спешили заявить: “А как бы это не повредило иранскому нейтралитету, как бы на это не обиделись немцы”. Стремление не обидеть немцев проходит красной нитью в политике Ирана, и оно сохраняется до сих пор»⁵¹. Такая позиция Ирана вполне объяснима, так как поставка оружия Советскому Союзу через Иран могла быть расценена Германией как нарушение Ираном нейтралитета. Вероятность же победы Германии была пока очень велика, а согласие Ирана на поставки оружия ставило его под удар.

Почти месяц советское правительство изыскивало возможность мирным путем решить проблему транзитных поставок через Иран военной техники и вооружения, после чего полностью одобрило позицию Англии. Кроме того, советское правительство понимало, что в случае ввода только английских войск, Иран окажется под полным контролем Англии, что противоречило геополитическим и экономическим интересам СССР. Достаточно свежими были воспоминания о событиях 1919 г., когда после вывода русских войск Англия оккупировала Иран, превратив его территорию в базу для интервенции против советских республик. Отказ от совместной операции мог подтолкнуть Великобританию к односторонней акции, такое решение правительства СССР, вряд ли, можно было в тот период оценить как оправданное, поэтому оно принимает решение о проведении совместной с Великобританией военной операции в Иране. Начало обсуждения совместной операции начинается 19 июля. К августу 1941 г. главы СССР, Англии и США принимают принципиальное решение о вводе войск в Иран, как необходимом условии совместной борьбы против Германии.

Именно эта операция (под кодовым названием «Сочувствие») стала первой совместной акцией антифашистской коалиции, она укрепила нарождающееся военно-экономическое сотрудничество с союзниками.

21 августа 1941 г. И. Сталин принимает английское предложение о проведении операции 23 августа, но по причинам недостаточной готовности просит отсрочку до 25 августа⁵².

Дипломатическим обоснованием ввода войск стали совместные ноты иранскому правительству, указывающие на опасную для союзников деятельность Германии на территории Ирана. 26 июня 1941 г. Иран получил первую ноту протеста от правительства Советского Союза, где иранскому

---

⁵¹ Там же, с. 227.

⁵² Кожанов Н. Ввод войск союзников в Иран, с. 212.

шаху сообщалось об активной деятельности немецкой разведки в Иране⁵³. И советские, и английские источники того времени говорили о нескольких тысячах немецких граждан сотрудников секретных служб, хотя по данным иранского МИДа, их число не превышало 700 человек. До сих пор некоторые историки считают, что Англия и СССР могли сознательно завysить данные, чтобы обеспечить легитимность ввода войск.

Вряд ли это столь принципиально, потому что угроза нападения Германии со стороны Ирана в период войны действительно существовала. 8 июля 1941 г., затронув вопрос об Иране в беседе с британским послом в Москве С. Криппсом, И. Сталин говорил о большом скоплении немцев в Иране и Афганистане и что они «будут вредить и Англии, и СССР». С. Криппс телеграфировал об этом в Лондон и просил рассмотреть вопрос об Иране немедленно: «может быть, придется дипломатические меры поддержать военными»⁵⁴. 10 июля 1941 г. английский главнокомандующий в Индии генерал А. Уэйвелл предупредил правительство о немецкой опасности в Иране и о необходимости «протянуть вместе с русскими руки через Иран»⁵⁵. Правительство Великобритании на следующий же день приняло решение провести военную акцию против Ирана⁵⁶. Быстрота, с какой было принято это важное решение, еще раз подтверждает то, что план ввода войск в Иран имелся у Лондона задолго до июля 1941 г.

В результате, 12 июля 1941 г. было подписано советско-британское соглашение «О совместных действиях в войне против Германии», и вскоре (19 июля) У. Черчилль передал правительству Советского Союза предложение осуществить ввод войск в Иран⁵⁷. Москва ответила согласием. В тот же день послы СССР и Великобритании вручили иранскому правительству ноты, в которых был поставлен вопрос о прекращении враждебной деятельности немцев и высылке их из страны⁵⁸.

13 августа советский посол в Лондоне И. Майский и министр иностранных дел Великобритании А. Иден согласовали тексты новых нот иранскому правительству.

⁵³ Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны, с. 156.

⁵⁴ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. В 2-х т. Т. 1. М., 1983, с. 50; Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Vol. 2. L., 1962, p. 24.

⁵⁵ Трухановский В. Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. М., 1965, с. 261.

⁵⁶ Schröder B. P. Deutschland und der Mittlere Osten im Zweiten Weltkrieg. – Göttingen, 1975, S. 240.

⁵⁷ История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. В 6-и т. Т. 2. М., 1961, с. 195; Geyer D. Die Sowietunion und Iran. Eine Untersuchung zur Aussenpolitik der UdSSR im Nahen Osten. Tübingen, 1955, S. 46.

⁵⁸ ADAP, Ser. D, Bd 13. 1, S. 225.

Получив от своей агентуры информацию о том, что союзники готовятся применить силу, Реза-шах еще 9 июля отдал приказ привести войска в боевую готовность⁵⁹. Охрана границы усилилась регулярными войсками, в приграничных районах личный состав жандармерии увеличился в два раза, а гарнизоны Горгана, Кучана, Боджнурда, Мешхеда получили новое вооружение. Дивизии, дислоцировавшиеся вблизи границы СССР, были укомплектованы до штата военного времени личным составом и материальной частью. По данным разведки Азербайджанского пограничного округа, местными властями были вызваны в Ардебиль вожди шахсевенских племен для переговоров об организации вооруженных отрядов для борьбы с Советским Союзом, по окончании которых вожди шахсевен поклялись быть верными правительству. На Каспийском побережье в районе Решта и порта Пехлеви были установлены тяжелые орудия. Населению эти меры объясняли необходимостью воспрепятствовать потоку беженцев из СССР, которые в случае германского проникновения на Кавказ могли бы устремиться в Иран.

На ноты от 19 июля 1941 г. иранское правительство отреагировало двумя меморандумами от 29 июля и 21 августа, в которых попыталось заверить союзников, что тщательно следит за поведением всех иностранных подданных, а экстрадиция немцев идет вразрез с политикой нейтралитета, которую проводит Иран⁶⁰. Необходимо отметить, что на отказе Ирана удовлетворить требования союзников в резкой форме настаивал посол Германии в Тегеране, который угрожал шаху разрывом всех связей в случае его капитуляции⁶¹.

15 августа шах отдал приказ начать всеобщую мобилизацию⁶². Также по всему Тегерану были расклеены объявления о наборе в авиационные школы, о приеме на службу фельдшеров и медицинских сестер⁶³.

Вечером 23 августа Реза-шах передал английскому посланнику, что принимает главное требование союзников о высылке германских подданных из Ирана. Но это уже не могло изменить ситуацию. Накануне, 22 августа, руководство главного политического управления Красной Армии распорядилось подготовить «Обращение советского командования к иранскому народу», а ГКО издал приказ, по которому части войск Среднеазиатского и Закавказского военных округов стали готовиться к переходу советско-иранской границы и вступлению в пределы Ирана⁶⁴.

---

⁵⁹ Там же, S. 89.

⁶⁰ *Махдави А.Х.* Сийасат-е хареджи-йе иран дар доуран-е Пахлави, с. 71.

⁶¹ *Элахи Х.* Ахамийат-е эстратежики-йе Иран дар джанг-е джахани-йе доввом, с. 133.

⁶² Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. М., 1968, с. 603.

⁶³ АВП РФ, оп. 26, п. 69, д. 30. л. 201.

⁶⁴ *Бурцев М.И.* Боевая деятельность востоковедов в политорганах советских войск в Иране. – Оружием слова. Статьи и воспоминания советских востоковедов. 1941–1945. М., 1985, с. 93.

23 августа Закавказский военный округ был преобразован в Закавказский фронт под командованием генерал-лейтенанта Д.Т. Козлова. В его составе на иранском направлении находились: 44-я и 47-я армии, включавшие танковые дивизии, истребительно-авиационный полк Каспийской военной флотилии, а также две общевойсковые армии – 45-я и 46-я, прикрывавшие границы с Турцией⁶⁵. Таким образом, в 20-х числах августа на территории Закавказья была развернута мощная группировка советских войск, которая должна была действовать на иранском направлении. На среднеазиатской границе СССР и Ирана на базе войск Средне-Азиатского военного округа в августе 1941 г. была сформирована 53-я Отдельная армия под командованием генерал-майора С. Г. Трофименко⁶⁶. Видимо, она была создана специально для ввода в Иран, так как 16 ноября 1941 г. после того, как военная операция была завершена, она была расформирована. Красноармейцам решение о вводе войск в соседнюю страну было объяснено тем, что «Иран, нарушая договор с СССР, с помощью немцев готовит нападение на СССР»⁶⁷.

Ранним утром (в 3 ч. 30 мин.) 25 августа 1941 г. В.М. Молотов, вызвав к себе иранского посла в Москве М. Саеда, вручил ему ноту советского правительства, извещавшую о вводе Красной Армии в Иран. Одновременно аналогичные заявления были вручены в Тегеране послами СССР и Великобритании премьер-министру Ирана. Иранская операция, ставшая первой совместной военной акцией Англии и СССР как союзников по антигитлеровской коалиции, началась⁶⁸.

Наступление советских войск началось на рассвете 25 августа 1941 г. успешными действиями пограничных частей, которые в составе 65 боевых групп на широком фронте перешли границу Ирана и стремительно атаковали пограничные заставы противника. Вслед за пограничниками устремились передовые отряды соединений фронта и авиация. Советские войска продвигались по трем направлениям. Первая колонна, форсировав р. Аракс, захватила пограничный городок Джульфа, города Маку и Хой и вышла к побережью оз. Урмия⁶⁹.

⁶⁵ Любин Д.М. Ввод советских войск в Северный Иран летом-осенью 1941года: военная необходимость или политический расчет. – Иран и Россия». М.,2004, с. 115–116.

⁶⁶ См.: там же, ф. 447, оп. 10181, д. 5в, л. 21.

⁶⁷ Центральный архив Министерства обороны (далее – ЦАМО). Ф. 209, оп. 1089. д. 16, л. 1.

⁶⁸ Уже после завершения акции в стенах советского МИД родилась мысль написать документальную книгу «Правда о событиях в Иране». Однако эта идея, не успев появиться на свет, сразу канула в лету. На докладной записке заведующего Средневосточным отделом МИД С. Кавтарадзе, в которой шла речь о создании редакционной комиссии для издания книги, рукой В. Деканозова было написано: «Нужно ли? Сомневаюсь.» Характерно, что в самом Иране уже в годы войны вышло несколько изданий, посвященных внутривнутриполитическому положению Ирана в июле-августе 1941 г.

⁶⁹ Махдави А.Х. Сийасат-е хареджи-йе Иран дар доуран-е Пахлави, с. 71–72.

Вторым направлением стало продвижение войск вдоль побережья Каспийского моря – Астара, порт Энзели, Ардебиль, Решт, Гилян и далее на Казвин. Каспийская военная флотилия, принимавшая участие в операции на этом направлении, успешно справилась с заданием. Пришедшие в порты Пехлеви, Ноушахр, Бендер-Шах канонерские лодки четко несли стационарную службу. Активное участие в десантных операциях на побережье Ирана принял торговый флот. Около 30 судов доставили на место назначения людей, лошадей, вооружение, боеприпасы и другие грузы.

Третья колонна советских войск продвигалась по направлению Бендер-Шах, Мешхед, Гярмсар⁷⁰.

Столь пестуемая Реза-шахом армия, на вооружение которой тратились фактически все иранские доходы от Англо-иранской нефтяной компании, серьезного сопротивления войскам союзников не оказала. Согласно донесениям командиров советских воинских частей, иранские войска повсюду избегали соприкосновения с Красной Армией.

Уже 25 августа иранцы без боя оставили г. Ардебиль, и только арьергардные части 15-й иранской пехотной дивизии оказали сопротивление на перевалах Саин-Гядук и Балыхлы. 29 августа, преодолев небольшое сопротивление противника, Красная Армия заняла г. Урмию. В этот же день после короткой перестрелки сдался гарнизон Пехлеви. Затем капитулировали иранские воинские части, дислоцировавшиеся в Реште⁷¹.

Сын Реза-шаха, наследный принц Мухаммед Реза в своих воспоминаниях так оценивал те события: «Иранская армия была застигнута врасплох, и наши солдаты подверглись бомбардировке в то время, когда они были в своих казармах... После того как закончился первый этап нападения, наши войска осознали, что сопротивление такому сильному противнику бесполезно»⁷².

Успехи советских войск во многом можно объяснить тем, что они продвигались в основном по территории, занятой национальными меньшинствами Ирана – курдами, армянами и азербайджанцами, наиболее оппозиционно настроенными к шахскому режиму, многие из которых воспринимали Красную армию как армию-освободительницу. Например, курды предоставляли проводников, разоружали шахские жандармские и армейские подразделения. В Тебризе население вышло на улицу с цветами.

В результате, людские потери были невелики: за 25–30 августа 1941 г. советские войска потеряли около 40 человек убитыми, свыше 150 было ра-

---

⁷⁰ Там же.

⁷¹ ЦАМО, оп. 1089, д. 20, л. 6; д. 17, л. 4.

⁷² *Pahlavi M. Reza Shah. Mission for my Country. L., 1961, p. 70–71.*

нено. Было сбито 3 самолета и еще 3 самолета не вернулись на аэродромы по неустановленной причине⁷³.

Точных сведений о безвозвратных потерях с иранской стороны нет, но в одном из последних исследований приводятся данные, что в советский плен попало свыше 7 000 солдат и офицеров, в том числе один генерал⁷⁴.

Советское командование уже 9 сентября 1941 г. приняло решение об освобождении из плена всех иранских солдат. 21 ноября 1941 г. советский МИД уведомил иранское посольство в Москве, что решено освободить часть офицеров иранской армии, задержанных в августе 1941 г.⁷⁵.

В ходе иранской операции частями Красной Армии кроме пленных были захвачены военные трофеи. Их охрана из-за неопытности некоторых командиров превратилась в настоящую проблему. Так, в Реште местные жители, проникнув в расположение дислоцировавшейся части, растащили трофейное имущество, невзирая на карауливших его красноармейцев⁷⁶. В результате подобных инцидентов было принято решение о вывозе оставленного иранской армией имущества на советскую территорию. В Центральном архиве Министерства обороны удалось обнаружить интересный документ – директиву начальника Генерального штаба Красной Армии Б. Шапошникова командованию 53-й ОСАА: «Вооружение, снаряды, автомобили и все прочее трофейное имущество обязательно вывезти на свою территорию. Лошадей, мулов также вывезти на свою территорию и там обратиться на комплектование частей фронта и армии и использовать только на своей территории»⁷⁷.

Одновременно с советскими войсками с юга от Персидского залива и на западе с территории Ирака входили английские войска. Англичане уничтожили небольшой иранский флот, базировавшийся в портах Персидского залива. Большая часть иранских войск была застигнута врасплох, но сумела бежать на грузовиках. Более или менее серьезное сопротивление англичанам было оказано на горном хребте Зибери, когда иранская артиллерия приостановила продвижение английской пехоты⁷⁸. Всего в ходе этой кампании потери англичан составили 22 человека убитыми и 42 ранеными⁷⁹.

Загадкой для многих стало поведение Реза-шаха после того, как ему сообщили о вводе войск союзников. В первые часы военной операции со-

⁷³ Голуб Ю.Г. 1941: Иранский поход Красной Армии. Взгляд через годы. – Отечественная история. 2004, № 3. с. 23.

⁷⁴ Любин Д.М. Ввод советских войск в Северный Иран летом-осенью 1941 г., с. 118.

⁷⁵ АВП РФ, ф. 94, 1941, оп. 26, п. 68, д. 1, л. 90.

⁷⁶ Там же, ф. 209, оп. 1089, д. 20, л. 11.

⁷⁷ Там же, ф. 447, оп. 10181, д. 11, л. 10.

⁷⁸ Skrine C. World War in Iran. L., 1962, p. 78.

⁷⁹ Kirk G. The Middle East in the War. L., 1953, p. 136.

юзников Реза-шах был деморализован и поэтому был не готов принимать соответствующие контрмеры. Только так можно объяснить то, что в первые сутки он отдал войскам 14 противоречащих друг другу приказов. Он не ожидал столь решительных действий со стороны СССР и Англии. Вызвав к себе послов союзных государств, он потребовал остановить продвижение их войск, однако было уже слишком поздно. В современной иранской историографии существует точка зрения, что Реза-шах был абсолютно не осведомлен о возможном вступлении войск союзников на территорию Ирана, так как премьер-министр А. Мансур и послы Ирана в европейских странах боялись предоставить ему полную информацию об истинном положении дел. Эта точка зрения базируется на высказываниях посла СССР Смирнова и советника-посланника Великобритании Булларда, сделанных после встречи с шахом Ирана 25 августа 1941 г. о том, что «если бы союзники вели переговоры (по поводу транзита грузов и высылке немцев) напрямую с шахом, то до ввода войск дело бы не дошло»⁸⁰. О недостаточной информированности Реза-шаха о готовящемся введении войск союзников пишет и его дочь Ашраф Пехлеви в своей книге воспоминаний «Лица в зеркале»⁸¹.

25 августа по распоряжению шаха состоялось чрезвычайное заседание парламента, на котором премьер-министр Али Мансур сообщил депутатам о том, что вооруженные силы СССР и Великобритании перешли границы Ирана: «Воздушные силы СССР начали бомбардировать в Азербайджане (иранском – вт.) открытые и беззащитные города, многочисленные войска направились из Джульфы в сторону Тебриза»⁸². Немецкий посланник в Тегеране пытался подбодрить военное командование Ирана с тем, чтобы они усилили сопротивление войскам союзников. Вечером 25 августа он передал Реза-шаху личное послание Гитлера, в котором выражались заверения иранскому народу, что период военного давления долго не продлится, поскольку немецкие войска быстро продвигаются по территории Украины, сопротивление Советов осенью уже будет окончательно сломлено. Гитлер призывал иранцев, мобилизовав все силы, дать отпор союзникам⁸³.

27 августа местные газеты опубликовали первую и единственную сводку генштаба иранской армии, в которой населению сообщалось о ходе сопротивления войскам союзников. Но быстрое продвижение союзнических войск привело к падению правительства Али Мансура. 28 августа новое правительство во главе М. Форуги отдало войскам приказ прекратить сопротивление.⁸⁴

---

⁸⁰ Ниязманд С.Р. Реза-шах аз согут та марг. Тегеран, 1386 (2007), с. 144.

⁸¹ Там же.

⁸² АВП РФ, ф. 94, 1941, оп. 26, п. 69, д. 30, л. 205.

⁸³ Махдави А.Х. Сийасат-е хареджи-йе Иран дар доуран-е Пахлави. с. 73.

⁸⁴ Оришев А.Б. Иранский узел. Схватка разведок. 1936–1945 гг. М., 2009, с. 176.

29 августа передовые части советских и английских войск вошли в соприкосновение в районе Казвина. А на следующий день, 30 августа, представители СССР и Англии вручили иранскому премьер-министру ноты своих правительств. В советской ноте ввод войск объяснялся «подрывной работой немцев, захвативших командные посты по всему Ирану»⁸⁵. Советское правительство, подтверждая уважение независимости Ирана, заверяло, что, как только позволит военная обстановка, выведет свои войска. Необходимо отметить, что помимо требований о высылке всех немцев, за исключением сотрудников посольства и разрешения на транзит военных грузов для СССР правительство СССР потребовало от Ирана гарантий развития нефтяного дела в Кевир-Хуриане, согласно советско-иранскому договору о концессии и ловли рыбы в Каспийском море. В ответной ноте иранское правительство обратило внимание на то, что «в договоре 1921 г. нет упоминания о Кевир-Хуриане, а были лишь устные соглашения, и оно готово вступить с представителями советского государства относительно заключения договора о нефти Кевир-Хуриана»⁸⁶. Правительство СССР также доводило до сведения Ирана, что, как и прежде, оно будет выплачивать долю в прибылях компании «Иранрыба».

1 сентября правительство Ирана согласилось удовлетворить требования союзников об отводе иранских войск и высылке из страны всех немцев, за исключением сотрудников посольства и некоторых технических специалистов. Иранское правительство взяло на себя обязательство не допускать впредь пребывания на иранской территории германских подданных. Кроме того, оно изъявило желание оказывать содействие провозу товаров и военного снаряжения в СССР и Великобританию по шоссейным, железным дорогам и водным путем.

8 сентября 1941 г. между союзниками и Ираном было заключено соглашение, определившее дислокацию советских и английских войск на иранской территории. В тот же день союзники представили шахскому правительству список немцев, которых требовалось интернировать, а затем переправить в СССР, а также потребовали закрытия посольств Германии, Италии, Венгрии и Румынии. 12 сентября СССР и Англия заявили иранскому правительству, что задержка отправки германских подданных может привести к «самым серьезным последствиям»⁸⁷. Одновременно они предложили Ирану заключить договор о взаимодействии, однако Реза-шах, по-прежнему опасаясь реакции Германии и вновь сославшись на принципы нейтралитета, отказался дать свое согласие.

⁸⁵ Там же, оп. 26, п. 68а, д. 4, л. 32.

⁸⁶ Гасанлы Д. СССР и Иран, с. 23.

⁸⁷ Абдуразаков Б. Происки английского и американского империализма в Иране (1941–1947). Ташкент, 1959, с. 18.

Так как иранское правительство задерживало выполнение выдвинутых требований, 15 сентября командиры частей Красной Армии, дислоцировавшихся в северных провинциях Ирана, получили приказ выдвинуться на юго-восточную окраину Тегерана.

К этому времени Реза-шах, осознав крах своей политики, снял с себя полномочия главнокомандующего (15 сентября), а 16 сентября подписал акт отречения, передав престол своему старшему сыну Мохаммаду Резе, кандидатура которого не вызвала возражений у СССР и Англии. Из трех вариантов дальнейшего развития политической ситуации в Иране: установление парламентской республики, возвращение на престол одного из представителей бывшей династии Каджаров и правление Мохаммада Пехлеви, обе стороны остановились на компромиссной фигуре наследника престола. Несмотря на то, что он был известен своей прогерманской ориентацией, англичане, категорически не принимавшие республиканского правления и выступавшие за сохранение монархии в Иране, остановили свой выбор на его кандидатуре. Ее поддержала и советская сторона, получив от претендента на престол обещание соблюдать демократические свободы, закрепленные в Конституции страны и разрешить деятельность политических партий⁸⁸.

17 сентября, когда Реза-шах покинул столицу, куда вступили советские войска. На следующий день в Тегеран были введены английские части.

Англичане предложили ввести свои войска в Северный Иран, объясняя это желанием помочь СССР высвободить часть военных сил для отправки их под Москву или на Кавказ⁸⁹. Советское руководство, осознававшее опасность допуска англичан в районы, пограничные с территорией СССР, ответило категорическим отказом и даже закрыло зону своего присутствия на севере Ирана для въезда иностранных граждан.

Важнейшим последствием августовских событий стал окончательный разрыв немецко-иранских торгово-экономических связей. Советские власти конфисковали находившиеся в таможах Пехлеви и других городов северного Ирана товары, считая, что они принадлежат немецким компаниям, и отправили их в СССР. Однако иранское правительство направило несколько нот в советское посольство, где указывало, что были конфискованы не только товары, закупленные Германией в Иране, но и товары, которые иранцы закупили у немцев, и на которые у СССР нет прав⁹⁰, в том числе на машины, на которых германских дипломатов доставили на турецкую границу⁹¹.

---

⁸⁸ Ниязманд С.Р. Реза-шах. Аз согут та марг, с. 42

⁸⁹ Эллахи Х. Ахамийат-е эстратежики-йе Иран дар джанг-е джахани-йе доввом, с. 152.

⁹⁰ АВП РФ, оп. 26, п. 68а, д. 5, л. 107.

⁹¹ Там же, оп. 26, п. 68а, д. 5, л. 168.

С этого времени одной из проблем в отношениях между Ираном и СССР стала проблема возмещения различного рода ущерба, который был связан с пребыванием союзнических войск в Иране. Так, 1 ноября 1941 г. иранское правительство направило советской стороне ноту, в которой поставило вопрос о возмещении убытков в сумме двух млн. риалов, причиненных 26 августа 1941 г. бомбардировкой с воздуха производственных участков, населенных пунктов и судов компании «Иранрыба» в Пехлеви, но советская сторона не признала иск правомерным, объяснив, что бомбардировка была вызвана действиями иранских вооруженных сил. Недовольство иранских властей вызвали и такие решения советского командования как, например, конфискация в г. Зенджан запасов динамита⁹².

С целью объяснения поведения советских военных властей в иранский МИД было направлено несколько нот, в одной из которых, в частности говорилось: «В связи с заявлениями МИД Ирана о том, что представители советских властей конфисковали находившиеся на складах в пограничных пунктах товары, будто бы принадлежащие иранским купцам, посольство произвело тщательное расследование перечисленных в нотах случаев, в результате которого на основании документальных данных была установлена бесспорная принадлежность упомянутых в нотах товаров немецким фирмам»⁹³.

Вопрос о конфискованных товарах был затронут 22 декабря 1941 г. в приватной беседе А.А. Смирнова с премьер-министром Ирана М. Форуги и министром иностранных дел А. Сохейли. Нельзя отрицать того, что имели место случаи мародерства, практика конфискаций объяснялась условиями военного времени и не всегда могла быть юридически обоснована. Однако эти случаи были единичными, а в целом советские военные власти вывозили только товары, купленные немецкими фирмами в Иране, и на которые имелись подлинные документы, удостоверявшие их принадлежность к немецким фирмам. В ходе иранской операции и в течение нескольких месяцев после ее завершения эти товары конфисковывались как собственность врага.

Достаточно сложной оказалась проблема возмещения ущерба за использование предприятий иранской промышленности для военных целей. Уже 18 сентября 1941 г. ГКО поручил НКВД немедленно приступить к переговорам с правительством Ирана об использовании иранской военной промышленности. В качестве предприятий, которые могут быть использованы для нужд СССР, намечались: тегеранский арсенал, патронный завод, пулеметный завод, пороховой завод⁹⁴. Уже 30 ноября 1941 г. советский по-

⁹² Там же, ф. 94, 1942, оп. 27, п. 70, д. 5, л. 292.

⁹³ Там же, д. 4, л. 5157.

⁹⁴ Черепанов В.В. Иранских военных специалистов готовила Красная Армия. – Военно-исторический журнал. 1995, № 5, с. 92.

сол А. Смирнов поднял вопрос о передаче Красной Армии иранских вооружений и предприятий иранской военной промышленности, в том числе пулеметного завода, оборудование которого советское правительство рассчитывало перевезти на территорию СССР.

После того, как в январе 1943 г. в Иран прибыл глава американской экономической миссии, ставший главным администратором иранских финансов, А. Мильспо и меджлис начал рассматривать вопрос о предоставлении ему чрезвычайных полномочий в области финансов и экономики, между СССР и Ираном было заключено Соглашение о платежах (18.03.43). Согласно ему на хранение в Госбанк СССР были переданы 11,2 тонны иранского золота (стоимостью в 12,6 млн. долл.) и валюта в 8,6 млн. долл.⁹⁵, что явилось впоследствии предметом долгих переговоров о сроках и сумме возврата.⁹⁶

Еще в первые месяцы пребывания советских войск в Иране в проведении внешнеполитического курса довольно значительную роль стала играть позиция руководства Советского Азербайджана, которая не всегда полностью совпадала с позицией московского правительства. Так, летом и осенью 1941 г. по инициативе первого секретаря ЦК Советского Азербайджана М.Дж. Багирова в Иранский Азербайджан были направлены партийные группы, которые начали активную деятельность по распространению советского влияния, что вызвало настороженность Англии и центрального правительства Ирана. Наркомат иностранных дел СССР считал такую деятельность несвоевременной, особенно в преддверии подписания англо-советско-иранского договора, поэтому многие из групп были отозваны. Нужно отметить, что и в дальнейшем позиции руководства СССР и Советского Азербайджана не всегда совпадали. В 1941–1943 гг. советское правительство отрицательно отнеслось к использованию национальных противоречий в Иране для усиления сепаратистских настроений с целью ослабления центрального правительства Ирана. Взаимная критика действий центральных советских и партийных органов, занимавших достаточно взвешенные позиции, представителями Советского Азербайджана была доста-

---

⁹⁵ *La Diplomatie Iranienne (1925–1978)* T.Mage T.12. P., 1987, p. 2253. Гасанлы Д. СССР – Иран, с. 472.

⁹⁶ Советское правительство считало, что Иран должен был возместить расходы, связанные со срывом договора от 4 апреля 1946 г. об учреждении советско-иранской нефтяной компании в сумме 9,76 млн. долл. С декабря 1950 г. с целью разрешить все взаимные финансовые претензии, связанные с пребыванием советских войск в Иране, начала работать совместная советско-иранская комиссия. Окончательно все претензии были урегулированы соглашением от 02.12.1954, в котором констатировалось: «стороны заявляют, что с заключением настоящего Соглашения они не имеют друг к другу никаких финансовых претензий, связанных с периодом второй мировой войны», а золото (12 тонн) было возвращено на границе иранской стороне в июне 1955 г. в г. Джульфа.

точно острой, что, видимо, оказывало свое влияние на отбор сведений, направляемых верховному руководству страны. Вице-консул в Тебризе Г. Гасанов в 1944 г. писал М.Дж. Багирову, что в экземпляре отчета, направляемого в Баку, есть информация, которую он не хотел бы передавать в Москву⁹⁷. Идея «большевистского эксперимента» в Южном Азербайджане, настойчиво продвигаемая руководством Советского Азербайджана и отвергнутая центральным руководством страны, нуждавшимся в поддержке союзников до переломного момента в войне, вновь появится на повестке дня уже после войны, чтобы отложить вывод войск. Именно поэтому Москва в июле 1945 г. поддержит ранее отвергаемую ею идею создания в Иране Азербайджанской демократической партии (во главе с С.Дж. Пишевари), что вызовет противодействие «Туде» и внесет раскол в коммунистическое движение⁹⁸. Но в 1945 г. уже можно говорить практически о почти полном совпадении интересов и взглядов партийного руководства Москвы и Баку на использование национальных движений как способе сохранения советского влияния в Иране⁹⁹, возможно с большим акцентом у Бакинского руководства на идеи территориального воссоединения всего Азербайджана. Эту идею поддерживал Пишевари, который считал наиболее перспективным создание самостоятельной Азербайджанской республики под патронажем СССР (по типу Монголии), которая в дальнейшем могла бы стать базой для воссоединения всего Азербайджана¹⁰⁰. Для Москвы же, надо полагать, оптимальным вариантом являлось создание по ее инициативе устойчивых автономий в рамках Ирана, чтобы через них влиять на иранскую политику, в частности, задержать вывод войск, противостоять английскому и все более усилившемуся американскому влиянию.

После завершения военной операции осенью 1941 г. германская агентура была загнана в глубокое подполье, а Иран дал согласие на организацию через его территорию военных поставок союзников. Однако с поставками союзники пока не спешили. Еще на конференции представителей СССР, Англии и США, состоявшейся 29 сентября – 1 октября 1941 г. в Москве, было принято решение о поставках в СССР значительного количества

⁹⁷ Гасанлы Д. СССР и Иран, с.58–59, 105–107 (ссылка на ЦГАППОД АР, ф. 1, оп. 89, д. 72, л. 94). В докладах Багирову Г. Гасанов акцентирует внимание на том, что население иранского Азербайджана возлагает надежды на Советский Азербайджан, а вожди курдских племен верят словам Багирова о том, что он после войны обещает решить курдский вопрос.

⁹⁸ Реза Годс М. Иран в XX веке. Политическая история. М., 1994, с. 186–189.

⁹⁹ 6 июля 1945г. было принято секретное постановление ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по организации сепаратистского движения в Южном Азербайджане и других областях на севере Ирана», которое предусматривало создание национальных автономий. Гасанлы Д. СССР и Иран, с. 164.

¹⁰⁰ Там же, с. 165.

военной техники и товаров. Вскоре после Московской конференции США предоставили СССР кредит в 1 млрд. долл. и распространили на нашу страну закон о ленд-лизе. Англия перебросила в район дополнительные силы, заявила о планах модернизации железных дорог, но в начале октября, когда ситуация под Москвой особенно осложнилась, заявила о невозможности помощи СССР в ближайшие месяцы. Нападение Японии на Перл-Харбор и вступление в войну США, как и разгром немцев под Москвой, усилили заинтересованность союзников в сотрудничестве с СССР, а также подтолкнули Иран к присоединению к антигитлеровской коалиции. С целью юридически закрепить присутствие союзнических войск на иранской территории и обеспечить легитимность использования иранского транзитного пути, а также предоставить необходимые гарантии Ирану, сотрудничавшему с антигитлеровской коалицией, союзники предложили новому иранскому правительству подписать договор о союзе. Он был крайне необходим и Советскому Союзу, который остро нуждался в помощи союзников. Обсуждение проекта договора продолжалось три месяца. Каждая из сторон преследовала свои цели. Иранский парламент, в котором было сильно немецкое влияние, выступил против заключения каких-либо соглашений с союзниками и отказался рассматривать проект. Правительство Ирана требовало от союзников подтверждения принципов независимости и территориальной целостности страны и обязательств экономического содействия и финансовой помощи. Английская сторона, вводящая войска без какого-либо юридического обоснования, с одной стороны, добивалась легитимизации своего военного присутствия. С другой стороны, не до конца доверяя СССР и опасаясь долгого присутствия советских войск в Иране, Британия настаивала на включении в договор статьи о сроках пребывания воинских контингентов.

29 января 1942 г. в Тегеране был подписан Договор о союзе между СССР, Великобританией и Ираном. СССР и Великобритания заявили об уважении территориальной целостности, суверенитета и политической независимости Ирана и обязались защищать его от любой агрессии со стороны Германии. Иран взял на себя обязательства оказывать всевозможное содействие союзникам для обеспечения транзита между ними. СССР и Англия юридически закрепили за собой право «содержать на иранской территории сухопутные, морские и воздушные силы в таком количестве, в каком они считают необходимым»¹⁰¹. В Договоре подчеркивалось, что «наличие войск... на иранской территории не представляет собой военной оккупации». Договор закрепил и условия вывода войск. Согласно 5-й статье «войска союзных государств должны быть выведены... не позднее шести месяцев после прекращения всех военных действий между союзными госу-

---

¹⁰¹ Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях, с. 204.

дарствами и Германией с ее соучастниками путем заключения перемирия..., считая от даты более раннего из этих актов, или непосредственно по заключении мира между ними».

В Договоре было закреплено обязательство союзников заключить дополнительные соглашения с Ираном относительно финансовых обязательств.

Подписание этого договора фактически превратило Иран в союзника стран антигитлеровской коалиции. Весной 1942 г. он разорвал отношения с вишистской Францией и Японией, однако ввиду сохраняющейся опасности захвата немцами Кавказа, продолжал заявлять о нейтралитете. Германия стала рассматривать Иран как враждебное государство, и 5 апреля 1942 г. Гитлер подписал директиву №41, согласно которой на южном участке советско-германского фронта планировалось проведение операции «Блау», главной целью которой являлся захват Сталинграда и Кавказа, а затем продвижение войск в Иран, Ирак, Афганистан и Индию¹⁰².

Уже в ноябре 1941 г. заработал южный (иранский) транзитный путь. Первая партия из 12 американских самолетов была переправлена в СССР через Иран уже на следующий день после подписания Договора. С 19 февраля была направлена вторая партия из 23 самолетов. Летом 1942 г. в Иране было создано Советское транспортное управление, которое осуществляло комплексное руководство поставками всеми видами транспорта – по Трансиранской железной дороге, автомобильными дорогами (Захедан – Мешхед) и через Каспийское море. Этому управлению были приданы соответствующие воинские части (автодорожные, железнодорожные и др.)¹⁰³. В 1942 г. для обеспечения лучшего функционирования южного пути англичане передали управление Трансиранской железной дорогой США. В Иран дополнительно было введено 30 тыс. американских солдат и офицеров из состава сил «командования Персидского залива», однако их присутствие не было оформлено никакими соглашениями. Под их управлением оказались южные порты Бендер-Шахпур и Хорремшехр, южный участок Трансиранской железной дороги. Иранское правительство в апреле 1943 г. заключило с США торговый договор, пригласило американских советников различных специальностей, в том числе военных и финансистов. С октября 1942 г. в Иране работали две военные миссии, одну из которых возглавлял Н. Шварцкопф, который в 1946 г. принимал самое активное участие в разгроме национальных автономий в Азербайджане и Курдистане.

Установление контактов между США, Англией и СССР через Иран сыграло важную роль в бесперебойной доставке в Советский Союз материалов и вооружения. Это было особенно важно в переломный момент Великой Отечественной войны. В 1942 г. южным путем было доставлено

¹⁰² Оришев А. Иранский узел, с. 207.

¹⁰³ Там же, с. 210.

28,8% всех грузов, полученных СССР по ленд-лизу, а в 1943 г. – 33,5%. Всего за годы войны почти четверть всех грузов (23,8 %) поступила в Советский Союз этим маршрутом (см. Таблицу №1).

Важным направлением политики СССР в Иране стала борьба с германской агентурой, ушедшей в подполье после августовских событий 1941 г. Прогерманские силы возглавил офицер СД Франц Майер. Используя связи в иранских военных кругах, он создал хорошо законспирированную организацию «Меллиуне Иран» («Националисты Ирана»). На счету этой организации были теракты на Трансиранской железной дороге, другие диверсии, акции саботажа. По планам Ф. Майера, «Меллиуне Иран» должна была стать ядром мощного антисоюзнического движения, готового взять власть в свои руки. Летом 1942 г., когда положение на советско-германском фронте вновь стало критическим, группа Ф. Майера готовила государственный переворот, в 1943 г. она рассчитывала провести своих сторонников в парламент.

В 1943 г. задачи немецкой агентуры в Иране изменились. После поражения немцев под Сталинградом и после того, как почти весь Северный Кавказ был очищен от немецких войск, планы вторжения вермахта в Иран были похоронены, как и планы организации в Иране широкомасштабного восстания¹⁰⁴. Главной задачей германской разведки стала организация терактов, в первую очередь, на транспорте, чтобы задержать подвоз военной техники на советский фронт. В течение 1943 г. наиболее крупные диверсии имели место как раз на северном направлении, где произошли крушения поездов в районе Джульфы, Бендер-Шаха, Тебриза, а также пожары на судах, перевозивших оружие¹⁰⁵.

По линии НКВД советскую резидентуру возглавлял И.И. Агаянц. Ему были подчинены до 40 периферийных резидентур и разведпунктов. Около 400 местных жителей помогали сотрудникам НКВД, в основном это были хорошо информированные лица из разных слоев иранского общества, способные решать разведывательные задачи. Особенно отличилась группа из семи молодых иранцев, с помощью которых было выявлено не менее 400 человек, связанных с германскими спецслужбами. Одной из таких групп под названием «Амира» руководил будущий герой Советского Союза Г.А. Вартанян¹⁰⁶.

Активную работу по выявлению немецкой агентуры вели разведотделы штабов советских армий, дислоцировавшихся в Иране. В конце 1942 г. помощь им оказывали 28 агентов, которые работали в военном министерстве Ирана, в Министерстве внутренних дел и в ряде крупных воинских

---

¹⁰⁴ Подробно о деятельности немецкой и советской разведок в Иране см.: *Оришев А.Б. Иранский узел; он же. Политика нацистской Германии в Иране*. М., 2005.

¹⁰⁵ *Оришев А.Б. Иранский узел*, с. 289–290.

¹⁰⁶ Там же, с. 331–333.

частей. Разведывательное управление Генерального штаба Красной Армии регулярно докладывало политическому и военному руководству СССР о положении в Иране. Наиболее важные сведения использовались при подготовке «Разведывательной сводки по Востоку», которая ежеквартально разрабатывалась в ГРУ на основе агентурных данных. Нельзя не отметить того, что в противостоянии прогерманским настроениям советская разведка никогда не поднимала вопрос о проведении массовых арестов (как того требовали британские союзники), а ограничивалась ликвидацией отдельных прогермански настроенных деятелей. Тем не менее, именно при проведении англичанами массовых арестов, в августе 1943 г. был арестован Ф. Майер, возглавлявший работу германской разведки в Иране, что заметно снизило эффективность ее работы.

Серьезным успехом советской разведки был срыв операции «Вайтшпрунг» – плана ликвидации Большой тройки на Тегеранской конференции в ноябре–декабре 1943 г. Когда в Берлине принимали решение о проведении этой операции, Ф. Майер был уже арестован, а иранские националистические организации прекратили активную деятельность. В результате их попытка создать сильный блок против союзников во время выборов в меджлис в 1943 г. не удалась.

В начале 1943 г. Иран, видя военные успехи Советского Союза и стран коалиции, и осознавая, что шансы на победу Германии значительно снизились, стал задумываться о своем месте в послевоенном мире. Он вынес уроки из ситуации, сложившейся по окончании Первой мировой войны, в ходе которой Иран также придерживался нейтралитета и не примкнул ни к одному из воюющих блоков. Однако не сумел оградить свою территорию от превращения ее в арену боевых действий. Иран как нейтральное государство не был приглашен для участия в мирных послевоенных конференциях, что сильно ударило по престижу страны. На сей раз правительство Ирана попыталось не допустить подобных ошибок. 10 января премьер-министр заявил представителям союзников о стремлении к более тесному сотрудничеству и о решении Ирана присоединиться к Декларации Объединенных наций от 1 января 1942 г.¹⁰⁷. СССР, Англия и США обосновали такую возможность необходимостью полного разрыва отношений со странами «оси» и присоединением к антигитлеровской коалиции. Под давлением союзников 9 сентября 1943 г. шах объявил войну Германии. В тот же день меджлис утвердил это решение, которое было доведено до сведения Берлина через посольства Швеции и Швейцарии. Через несколько дней посланник Ирана в США подписал документ о вступлении в ООН¹⁰⁸. Таким образом, Иран стал членом новой международной структуры.

¹⁰⁷ Махдави А.Х. Сийасат-е хареджи-йе Иран дар доуран-е Пахлави, с. 83.

¹⁰⁸ Алиреза Азизи. Равабет-е хареджи-йе Иран. Доулат-е дастнешанде. 1320–1357. Нашр-е Гумес. Тегеран, 1376, с. 110.

Иран также стал полноправным союзником СССР, Англии и США. Объявляя войну Германии, иранская сторона была обязана брать на себя и определенное бремя военных расходов, которые несли воюющие с Германией страны. Однако объявление войны было фактически формальным, так как иранские войска в военных действиях никакого участия не принимали, но оказывали содействие, главным образом, транспортными перевозками. При этом возникал комплекс вопросов самого различного характера. Дальнейшее развитие сотрудничества в рамках антигитлеровской коалиции, как в военном, так и в политическом аспекте, диктовало необходимость личной встречи глав правительств трех держав.

Первая совместная встреча И.В. Сталина, Ф.Д. Рузвельта и У. Черчилля состоялась в Тегеране 28 ноября – 1 декабря 1943 г. Впервые вопрос о проведении такой конференции стал обсуждаться осенью 1943 г. 8 сентября Сталин предложил избрать местом встречи Тегеран (ранее рассматривались как возможные варианты Хартум, Басра, Каир, Багдад и Кипр). Черчилль и Рузвельт согласились. Сталин выбрал Иран как страну, во-первых, граничащую с СССР, и, во-вторых, как страну, где в эти годы наиболее близко соприкасались войска трех государств–участников коалиции, что, с одной стороны, символизировало союзнические отношения трех держав, с другой, было залогом безопасности. Мнения шаха на этот счет не спросили. Подготовка конференции была поручена с советской стороны В. Молотову, К. Ворошилову, Л. Берии и генералу С. Штеменко. Для охраны участников был введен специальный полк НКВД и танковый полк¹⁰⁹.

26 ноября руководители стран союзников прибыли в Тегеран. Для Сталина это был первый полет (он ехал поездом до Баку и далее самолетом до Тегерана) и первый выезд за пределы СССР. Правительственная делегация остановилась на территории советского посольства. Там же по причине большей безопасности остановился и Рузвельт, отклонив предложение остановиться в английском посольстве. Этому способствовала предоставленная Сталиным американскому президенту информация о готовящемся покушении¹¹⁰. Пребывание Рузвельта в советской резиденции можно расценивать как дипломатическую победу, так как установившийся между ним и Сталиным близкий контакт помог советскому руководителю убедить президента США оказать противодействие инициативе Черчилля открыть второй фронт на Балканах и договориться по другим вопросам¹¹¹.

---

¹⁰⁹ Оришев. А.Б. Иранский узел, с. 315.

¹¹⁰ Бережков В. Тегеран, 1943. На конференции Большой тройки и в кулуарах. М., 1968, с. 22–23.

¹¹¹ Системная история международных отношений. 1918–2000. В 4-х т. Под ред. проф. А.Д. Богатунова. Т. 1 События 1918–1945. М., 2000, с. 419.

Иранская сторона одобрительно встретила решение о проведении встречи лидеров «Большой тройки», принятое без предварительного согласования с ней.

Вопросы, стоявшие на повестке дня конференции, имели важнейшее значение как для завершающего этапа Второй мировой войны, так и для послевоенного устройства мира. По настоянию советского руководителя, несмотря на различия точек зрения, на конференции было принято решение об открытии второго фронта во Франции в мае 1944 г. Советская делегация, идя навстречу просьбам лидеров США и Великобритании, заявила о готовности СССР вступить в войну против Японии по завершении военных действий в Европе, что было чрезвычайно важно для союзников. Был поставлен вопрос и о будущем Германии, однако окончательного решения принято не было. «Большая тройка» решила принять меры для того, чтобы заставить Турцию вступить в войну¹¹². Лидеры трех держав достигли предварительной договоренности об установлении границ Польши по «линии Керзона» 1920 г. на востоке и по р. Одер (Одра) – на западе. Сталин заявил о намерениях СССР получить Кенигсберг и отодвинуть границу с Финляндией дальше от Ленинграда. В ходе конференции четко проявилось согласие союзников пойти навстречу лидеру СССР в территориальных вопросах, что можно рассматривать как значительный успех советской политики¹¹³.

На конференции обсуждались также другие вопросы, касающиеся послевоенного обустройства мира при активном участии четырех держав под эгидой новой международной организации. Конференция лидеров «Большой тройки» прошла успешно. Союзникам удалось согласовать планы ведения военных действий. Личные встречи руководителей способствовали укреплению взаимопонимания и политического сотрудничества государств при решении международных проблем.

Значительным событием стал визит Сталина к шаху, который явился единственным выездом Сталина за пределы зоны безопасности за все шесть суток пребывания в Тегеране¹¹⁴. Политическая целесообразность взяла верх над недоверием и сложностями обеспечения безопасности. У. Черчилль и Ф.Д. Рузвельт также провели встречи с иранским монархом.

Иранская сторона, стремившаяся получить максимальные дивиденды от проведения личной встречи лидеров союзников на его территории, ожидала официальных заявлений относительно их дальнейших планов во взаимоотношениях с Ираном. Поскольку до последнего дня никаких заявлений на этот счет сделано не было, 1 декабря 1943 г. она разослала памятную

---

¹¹² Там же, с. 420.

¹¹³ Там же.

¹¹⁴ *Мохаммади М.* Морури бар сийасат-е хареджи-йе Иран-е доуран-е Пахлави, с. 111; *Оришев А.Б.* Иранский узел, с. 328.

записку на имя руководителей внешнеполитических ведомств трех государств, подписанную министром иностранных дел Ирана М. Саедом Марагеи. В этом документе были сформулированы основные требования Ирана к союзным державам. Иранская сторона заявляла: «народ Ирана хотел бы получить уверенность в том, что союзники, принимая во внимание самоотверженный вклад иранского народа в дело победы, учтут тот ущерб, который война нанесла стране, и те усилия, которые были затрачены всеми слоями иранского общества, выносившего в течение нескольких лет многочисленные экономические тяготы, и в настоящее время, и в будущем будут оказывать Ирану необходимое содействие»¹¹⁵. В записке также была выражена просьба «передать в руки иранской полиции и жандармерии управление всеми делами, связанными с вопросами обеспечения внутренней безопасности в стране, предоставив для этого необходимые средства». Правительство Ирана заявляло о необходимости «подкрепить данные ранее обещания сохранения территориальной целостности и независимости страны оказанием необходимого материального и духовного содействия».

Руководство СССР в период подготовки конференции не имело намерений принимать какое-либо заявление по этому вопросу, считая, что Договор 1942 г. охватывает все проблемы взаимодействия союзников с Ираном, о чем и было заявлено еще в октябре 1943 г. на московской встрече министров иностранных дел¹¹⁶. Однако, идя на уступки иранской стороне, настойчиво обращавшейся к главам государств, была принята «Декларация об Иране». В этом документе участники встречи, высоко оценив помощь, «оказанную Ираном в деле ведения войны, в особенности облегчая транспортировку грузов» заявили «о своем желании сохранить полную независимость, суверенитет и территориальную неприкосновенность Ирана»¹¹⁷. В Декларации было подтверждено согласие правительств трех стран с правительством Ирана «в том, что любые экономические проблемы, которые встанут перед Ираном после окончания военных действий, должны быть полностью рассмотрены наряду с экономическими проблемами, которые встанут перед другими членами Объединенных Наций»¹¹⁸.

Иранская сторона не была полностью удовлетворена текстом принятой Декларации. С одной стороны, руководство Ирана, не испытывавшее полного доверия к советской и английской стороне, расценило подпись президента США как гарантию обеспечения территориальной целостности и не-

---

¹¹⁵ Цит. по: Записка министра иностранных дел Ирана М. Саэда Марагеи В. Молотову, А. Идену и Л. Дрейфусу». – Эттемад-е мелли. 28.11.2007.

¹¹⁶ *Алиреза Азганди*. Равабет-е хареджи-йе Иран, с. 112–114.

¹¹⁷ Декларация трех держав об Иране. – Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях, с. 195.

¹¹⁸ Там же.

зависимости своей страны. Однако, с другой стороны, в документе ничего не было сказано о возмещении ущерба, нанесенного войной, чего настоятельно добивался премьер-министр А.Сохейли на встречах с тремя министрами иностранных дел.

2 декабря советская делегация покинула иранскую столицу. 7 декабря 1943 г. сообщение о Тегеранской конференции и тексты принятых документов были опубликованы в советской печати, это было первое сообщение о переговорах и отъезде Сталина из Москвы.

Экономические отношения с Ираном в этот период определялись потребностями военного времени. Иран, став союзником, и обеспечивал необходимую союзникам помощь, и сам становился объектом необходимой ему помощи. Помимо транзитной торговли, стала активно расти советско-иранская внешняя торговля. Хотя официальных данных о торговле за военный период нет, тем не менее, об объемах внешней торговли мы можем составить представление, сравнивая данные за предвоенный и послевоенный периоды. Если в 1939 г. вся сумма товарооборота с Ираном составляла 0,9 млн. руб., в 1940 г. после подписания торгового договора – 6,6 млн. руб., то уже в 1946 г., когда объемы внешней торговли стали сокращаться, достигала 48,8 млн. руб.¹¹⁹ Данные за 1946 г., когда в Иране до мая стояли советские войска, опровергают заявления о том, что Советский Союз старался вывезти из Ирана все необходимое, обостряя продовольственную проблему. Советский экспорт в Иран составил 34,2 млн. руб., а импорт – 14,6 млн. руб., т.е. СССР ввез в Иран товаров в 2,3 раза больше, чем вывез.

Большое значение для экономики Ирана имели и транзитные поставки в СССР. Союзники реконструировали и переоборудовали многие иранские дороги и порты как на юге страны – Бендер-Шахпур и Бушир, так и на Каспийском море – Бендер-Шах, Пехлеви и Ноушахр. В порту Бендер-Шах был прорыт канал длиной в 14 км, установлено 14 подъемных кранов, сооружены склады и электростанция. Чтобы облегчить и ускорить доставку грузов, были построены или реконструированы старые шоссейные и автомобильные дороги¹²⁰. Советскими организациями были проведены большие работы по модернизации северного участка Трансиранской железной дороги (между Тегераном и Бендер-Шахом), в результате чего ее пропускная способность увеличилась в пять раз. Были увеличены количество и мощность локомотивного и вагонного парков. Налажена бесперебойная доставка грузов по железной дороге Джульфа – Тебриз. Отремонтированы шоссейные дороги от порта Пехлеви до Тегерана, от Казвина до Тебриза, от Джульфы до Тебриза, от Кереджа (пригорода Тегерана) до Чалуса

¹¹⁹ Современный Иран. Справочник. М., 1992, с. 426.

¹²⁰ *Парvizтур Б.Х.* Советско-иранские отношения в годы второй мировой войны (1939–1945). Тбилиси, 1978, с. 71–72.

(на Каспийском море) и др. Построена асфальтированная дорога Астара – Пехлеви, частично была асфальтирована дорога от Пехлеви до Казвина.

16 января 1944 г. Советский посол К. Михайлов сообщил Мохаммеду Реза о том, что советское правительство, идя навстречу просьбе шаха, решило в интересах дальнейшего укрепления советско-иранских отношений оказать безвозмездную помощь в укреплении иранской армии. Предлагалось сформировать и направить в распоряжение шаха смешанный учебно-боевой авиационный полк и учебно-боевой танковый полк¹²¹.

Конечно, пребывание иностранных войск и деление страны на зоны нарушили экономические связи между отдельными регионами, снизили экономическую активность. Однако не меньшее негативное влияние оказали условия военного времени, особенно нарушение внешнеторговых связей. В стране выросла инфляция, в тяжелом положении находилось сельское хозяйство. Однако союзники, сами испытывавшие трудности с продовольствием, как могли, помогали Ирану. С мая 1942 г. США распространили на Иран право ленд-лиза. Только в период с августа 1941 г. по август 1942 г. союзники ввезли в Иран более 100 тыс. тонн хлеба, что составляло почти треть от потребляемого страной за год¹²². После ввода войск и до конца 1941 г. из Баку в Южный Азербайджан было поставлено 2,5 тыс. тонн сахара, 1,4 тыс. тонн муки, 1,8 тыс. тонн пшеницы, 1,5 млн. м ткани¹²³. В 1943 г. СССР согласился поставить в Иран до осени 1943 г. 25 тыс. тонн пшеницы¹²⁴.

Продовольственный вопрос стал камнем преткновения в советско-иранских отношениях. После занятия советскими войсками Северного Ирана, который исторически являлся житницей страны, вывоз продуктов питания в другие районы стал ограничиваться. Этого часто требовали и местные власти, интересы которых в данном случае совпадали с интересами советских военных властей. Особенно напряженным было положение летом-зимой 1943 г., т.е. в самый острый на советско-германском фронте период, когда иранское правительство и некоторые местные власти предпринимали меры, препятствовавшие снабжению советских воинских частей за счет местных ресурсов. Иранские власти стимулировали и сами пытались проводить вывоз продовольствия и фуража из зоны расположения советских войск под предлогом снабжения иранской армии. Однако в соответствии с указанием консула СССР в Тебризе вывоз продуктов в этот период был запрещен. К такой же мере советские власти прибегли в октябре 1944 г., подвергнув бойкоту правительство Саида, не соглашавшегося

---

¹²¹ АВП РФ, ф. 06, 1944, оп. 6, п. 36, д. 451, л. 4345.

¹²² АВП РФ, ф. 094, 1942, оп. 27, п. 71, д. 16, л.

¹²³ Гасанлы Д. СССР и Иран, с. 28–29.

¹²⁴ Оришев А. Иранский узел, с. 220.

на подписание концессии на северную нефть, установив жесткий контроль над вывозом сельскохозяйственной продукции из Северного Ирана. Были задержаны вагоны с продуктами для Тегерана, ограничена подача вагонов, прервана телеграфная связь. И уже в начале ноября кабинет Саида пал.

Огромное место в своей политике по отношению к Ирану советское руководство придавало национальному вопросу. Это было неизбежно, так как зона дислокации советских войск включала в себя территории, населенные самыми крупными национальными меньшинствами – курдами и азербайджанцами, а отношения их местных органов власти с центральным иранским правительством нередко были весьма напряженными. Не вмешиваться во внутренние дела Ирана – такова была принципиальная позиция СССР в первые годы пребывания Красной Армии в этой стране. В одной из зашифрованных телеграмм по Закавказскому фронту говорилось, что «участие Красной Армии в разбирательстве возникающих претензий и конфликтов между курдскими вожаками и иранскими властями может быть истолковано как вмешательство во внутренние дела Ирана и не вызывается нашими интересами... командованием даны указания не вмешиваться в дела и конфликты между курдскими вожаками и иранскими властями, и все возникающие вопросы разрешать только через нашего консула в Резае»¹²⁵.

Тем не менее, на практике национальный вопрос стал самым значительным фактором во внешней политике СССР. При этом сначала большие надежды на расширение советского влияния делались на курдов, затем на азербайджанцев. Во многом выбор ориентации определялся личными пристрастиями И.В. Сталина. Симпатизировавший курдскому национально-освободительному движению в 1941–1942 гг., он позднее в значительной мере под влиянием М.Дж. Багирова переориентировался на азербайджанских националистов. Советские военные власти стали рассматривать курдов как неблагожелательный элемент, а само курдское национально-освободительное движение как фактор дестабилизации. Таким образом, руководство СССР пыталось использовать в своих интересах национальные чувства азербайджанцев и курдов, но формы и механизм этого использования менялся в зависимости от отношений с центральной властью, планами относительно сроков вывода войск и решения проблемы с северной нефтью.

Проводником советского влияния и даже советской политики в Иране стала созданная в сентябре 1941 г. Народная партия Ирана (НПИ) – «Туде». Ядро ее составили члены Коммунистической партии, осужденные по «процессу 53-х» и освобожденные из тюрем после отречения Реза-шаха. Коминтерном в Москве был разработан план мероприятий по оказанию помощи коммунистам: проводились консультации о необходимости подготовки

¹²⁵ ЦАМО, ф. 47, оп. 1063, д. 158, л. 33.

кадров к возможному переходу в подполье, выделялись денежные средства, в целях создания материальной базы для работы коммунистов оказывалась помощь в получении подрядов на различные работы, производимые советскими организациями в Иране (постройки, расширение дорог, перевозки и др.)¹²⁶. В 1943 г. несколько членов «Туде» стали депутатами меджлиса, что дало им возможность влиять и на иранскую политику. Для реализации планов по созданию национальных автономий в августе 1945 г. с помощью СССР была создана Азербайджанская демократическая партия, в конце 1945 г. – Курдская демократическая партия. Но и до создания автономий де-факто уже в 1944–1945 гг. Иранский Азербайджан и Курдистан представляли собой самостоятельно функционирующие при поддержке СССР полугосударственные образования.

В своей внешней политике, по мере укрепления позиций на фронте, СССР стал активно вмешиваться во внутренние дела центрального иранского правительства, особенно при выборе депутатов в меджлис от северных провинций. Так, советский посол в октябре 1943 г. назвал премьер-министру А. Сохейли ряд конкретных не желательных для союзников кандидатов¹²⁷.

Назначение губернаторов на севере Ирана было невозможно без согласования с СССР. Многие кандидаты, так или иначе, добивались расположения советского руководства, как это было с губернатором Гиляна¹²⁸.

Важной составляющей политики СССР в Иране стала идеологическая пропаганда. Пик ее активности пришелся на 1943 г. Военный совет Закавказского фронта предписывал командирам, политорганам и военным комендатурам развернуть широкую разъяснительную работу среди местного населения, инициировать совместные с иранской стороной массово-политические мероприятия. Среди основных задач можно назвать следующие: обеспечение лояльности населения к советскому военному присутствию и предотвращение возможных конфликтов в районах дислокации воинских гарнизонов¹²⁹.

В Тебризе, Казвине, Хойе, Сари, Мешхеде, Семнани и других городах были оборудованы радиоузлы, которые не только ретранслировали передачи московского, бакинского и ашхабадского радио, но и вещали на азербайджанском, персидском и туркменском языках.

В кинотеатрах демонстрировались советские фильмы, распространялись советские газеты, журналы. Переводилась и издавалась на персидском

---

¹²⁶ Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 495, оп. 90, д. 218, л. 4.

¹²⁷ АВП РФ, ф. 06, 1943, оп. 5, п. 23, д. 248, л. 100–101.

¹²⁸ АВП РФ, ф. 06, 1943, оп. 5, п. 23, д. 248, л. 2.

¹²⁹ *Небренчин С.М., Вицук Ю.Л.* За что иранцы благодарили Красную Армию. – Военно-исторический журнал. 1997, № 6, с. 28–29.

языке русская и советская классическая литература. Только за первый годы войны вышел на фарси ряд произведений М. Горького, Н. Гоголя, Ф. Достоевского. В иранских газетах печатали по частям произведения русских и советских писателей. В 1943 г. газета «Разм» стала публиковать роман «Мать» М. Горького, «Ажир» – «Дубровского» А.С. Пушкина, «Кушеш» – «Падение Парижа» И. Эренбурга.

Особую популярность в Иране приобрели советские плакаты. Их показывали на выставках. На улицах, в магазинах, в театрах, в различных общественных учреждениях столицы и провинциальных городов страны можно было увидеть стенды с плакатами и «Окнами ТАСС».

В Иран командировались популярные советские артисты, в стране с успехом выступали театр кукол Образцова, артисты Большого театра, оперных театров Армении, Азербайджана, Таджикистана, Грузии, коллективы красноармейской художественной самодеятельности.

С целью дальнейшего развития советско-иранских культурных связей в сентябре 1943 г. было создано Общество по культурным связям с Советским Союзом, почетным председателем которого стал А. Сохейли, секретарем – известный историк Сеид Нафиси. В конце 1943 г. Иран посетила делегация видных советских востоковедов и специалистов по истории России – Е. Бертельс, И. Крачковский, И. Орбели, Б.Д. Греков и Н.М. Дружинин.

Большое значение для Ирана имела работа советских врачей. В некоторых районных центрах силами санитарных учреждений Красной Армии были построены показательные дезинфекторы и амбулатории. По просьбе иранского правительства в Тегеране в 1943 г. была открыта советская больница Красного креста. В ряде крупных городов были открыты ее филиалы.

Для завоевания симпатий народа Ирана советское правительство стало использовать и религиозный фактор, чему способствовала изменившая внутренняя религиозная политика СССР. В 1944 г. было образовано Духовное управление мусульман Кавказа, и на первом съезде духовенства в Баку было принято обращение к мусульманам всего мира, в котором говорилось: «Гитлер, Муссолини и их сателлиты распространяют слухи, будто советское правительство оказывает давление на ислам. Большой лжи и клеветы на Земле еще не было... Мы – мусульмане Советского Союза – объединившись, объявляем джихад фашизму»¹³⁰. Оставляя в стороне утверждение об отсутствии давления на ислам, необходимо отметить, что это обращение, отправленное в Иран во многих тысячах экземпляров на азербайджанском и персидском языках, сыграло большую роль в привлечении симпатий персов, которые, как и советские азербайджанцы, были приверженцами, шиизма. Нельзя не отметить и того, что в это же время (в августе 1944 г.) в Тегеране состоялась закладка Свято-Никольского собора, освя-

¹³⁰ Гасанлы Д. СССР и Иран, с. 60.

щенного 9 апреля 1945 г.¹³¹ Храм был в то время в ведении Зарубежной православной русской церкви, однако без молчаливого одобрения стоявших в Тегеране советских войск его открытие вряд ли было возможным.

Открытие второго фронта и прогнозируемая победа над Германией отодвинула на второй план ту общую цель – борьбу с фашизмом, которая объединяла союзников в Иране. Их интересы и в отношении переустройства послевоенного мира, и в отношении самого Ирана все больше стали расходиться. Соперничество между государствами антигитлеровской коалиции за влияние в Иране резко усилилось, что в политической сфере находило свое отражение в борьбе за влияние в меджлисе и правительстве, в экономической – в стремлении проникнуть в нефтяную отрасль. Особенно отчетливо эта борьба стала проявляться с ужесточением требований Ирана о выводе войск, пребывание которых, с иранской точки, зрения уже не было оправдано военными условиями.

Сразу же после ввода войск в Иран в провинции Северного Ирана была направлена геологоразведочная группа из Баку, которая заявила о наличии в Иранском Азербайджане, Гиляне и других северных провинциях богатых месторождений нефти, о чем было доложено Л. Берии и И. Сталину. (Доказательств существования этого заявления, до сих пор нет; проведенные в 90-х годах широкомасштабные геологические изыскания также не подтвердили данные о промышленно значимых запасах нефти в этом районе.) Представляется, что оно было сделано под давлением Багирова, находившегося во главе Советского Азербайджана, заинтересованного в оккупации азербайджанских территорий Ирана с перспективой их объединения с Советским Азербайджаном. Советская сторона, располагавшая азербайджанскими нефтяными месторождениями, охотно поверила в наличие аналогичных месторождений и с иранской стороны границы.

Летом 1944 г. вопрос о нефти в Иране напрямую связывается с «идеями пантюркизма и единого курдского государства. Поэтому СССР, США, Британия и Турция имеют свой интерес в азербайджанском конфликте»¹³². В сентябре 1944 г. в Иран прибыла советская правительственная комиссия во главе с заместителем министра иностранных дел С. Кавтарадзе, целью которой было подписание договора о предоставлении концессии объединению «Советско-иранская нефть». Делегация совершила поездку в предполагаемые районы деятельности будущей совместной нефтяной компании. 25 сентября разработанные советской комиссией предложения по нефтяной концессии были вручены премьер-министру М. Саеду. Советская сторона подготовила и дополнительный протокол, согласно которому после подпи-

---

¹³¹ *Игумен Александр (Заркешев)*. Русская православная церковь в Персии-Иране (1597–2001). Санкт-Петербург, 2002, с. 140.

¹³² *Гасанлы Д.* СССР и Иран, с. 69.

сания концессионного соглашения теряли бы всякую силу все соглашения, подписанные ранее по «Кевир-Хуриану».

Иранское правительство рассмотрело советское предложение и дало отрицательный ответ, постановив, что все вопросы о нефтяных концессиях должны быть отложены до окончания войны. В начале ноября 1944 г. США и Англия, не заинтересованные в проникновении СССР в нефтяную отрасль Ирана, вручили советскому правительству ноты, в которых говорилось, что стремление СССР получить нефтяную концессию является вмешательством во внутренние дела Ирана и противоречит Декларации трех держав об Иране от 1 декабря 1943 г. Хотя в дальнейшем СССР удалось сместить правительство Саеда, однако это не помогло решить положительно вопрос о нефтяной концессии. 2 декабря 1944 г. меджлисом под давлением националистической фракции был принят закон, запрещавший иранскому правительству вести переговоры с иностранными правительствами относительно нефти. Автором закона и инициатором его принятия был М. Мосаддык, что впоследствии отразилось и на отношении СССР к его правительству в период движения за национализацию нефтяной промышленности. Таким образом, путь к получению концессий в Иране для советского правительства и других стран был закрыт. Однако советское руководство не спешило отказываться от планов получения доступа к иранской нефти, только теперь реализация этих замыслов откладывалась на послевоенное время.

В 1945 г. война приближалась к концу. Хотя иранские вооруженные силы и не участвовали в боевых действиях против армий стран «оси», значение Ирана в победе над фашизмом недооценивать нельзя. Участие иранских рабочих в обслуживании Трансиранской железной дороги, перевозки оборудования и вооружений местными шоферами, сбор иранскими антифашистами материальных средств для Красной Армии внесли весомый вклад в общую победу. Иран занял достойное место среди держав-победительниц.

Днем 8 мая 1945 г. в Тегеране началось шумное ликование в связи с сообщением западных информационных агентств об окончании войны. Через несколько дней шах Ирана устроил торжественный прием по случаю победы. По договору войска должны были быть выведены через шесть месяцев после окончания войны, поэтому первым же послевоенным шагом иранского правительства было вручение нот советскому, британскому и американскому посольствам о необходимости вывода их войск. Этот вопрос поднимался на Ялтинской конференции, но советская сторона уклонилась от его обсуждения.

На Потсдамской конференции И.В. Сталин предложил вывести войска из Тегерана, что было в целом одобрено участниками, но они договорились

вернуться к обсуждению деталей этого вопроса в сентябре 1945 г. Проблема осложнялась тем, что нужно было окончательно решить вопрос с Японией. После победы над Японией, к декабрю 1945 г., США и Англия вывели свои войска из Ирана. Между Японией и Советским Союзом в то время мирный договор так и не был подписан, что в какой-то мере придавало пусть эфемерную, но легитимность сохранению войск в Иране. Срок пребывания войск (шесть месяцев после победы над Японией) истекал 2 марта 1946 г. Вечером 1 марта Москва объявила о решении правительства начать вывод войск из Мешхеда, Шахруда и Семнана¹³³.

К этому времени Советское руководство, расширив сферу своего влияния на страны Восточной Европы, рассчитывало сделать то же и на южных рубежах. Уже в июне 1945 г. был подготовлен проект постановления ЦК ВКП(б) об инициировании в Южном Азербайджане и северных областях Ирана движения за отделение от Ирана, подписано Сталиным постановление ГКО «О геологоразведочных работах на нефть в Северном Иране». Хотя наличие запасов было подтверждено, но оно в значительной степени строилось на схожести пород, которые «слагают турецкие, иранские и южно-иранские нефтяные месторождения». Делался вывод, что «на территории Иранского Азербайджана необходимо проведение крупных и разнообразных геологоразведочных работ». Более того, было отмечено, что «внешние нефтепроявления по этому району пока не известны»¹³⁴. Возможно, что такие результаты и посеяли первые сомнения в наличии месторождений промышленного значения, но вопрос о нефти превратился в это время из экономического в политический. Получение права на нефтяную концессию стало фактически условием вывода советских войск. На ноту США от 29 ноября 1945 г. о выводе войск до 1 января 1946 г. советская сторона ответила отказом. Московское совещание министров иностранных дел Англии, СССР и США вопрос не решило, так как Москва увязала его с выводом английских войск из Греции, а американских – из Китая.

В переговорах с иранской стороной Советский Союз практически выдвигал одно условие – получение концессии. Так как предоставление концессий было запрещено меджлисом, Советский Союз предложил создать совместную нефтяную компанию.

Не добившись согласия иранского правительства, СССР санкционировал инициативу азербайджанских демократов на образование автономного правительства. 12 декабря в Тебризе было сформировано Национально-демократическое правительство во главе с Пишевари. 24 января 1946 г. было провозглашено создание Курдской автономной республики (Мехабадская республика), которая 4 марта 1946 г. объявила об автономии ту-

---

¹³³ Гасанлы Д. СССР и Иран, с. 271.

¹³⁴ Там же, с. 90.

рецких курдов. При этом на официальном уровне СССР, всячески поддерживавший создание национальных автономий, заявлял, что он не вмешивается во внутренние дела Ирана, чтобы разрешить азербайджанскую проблему, а создание автономии не означает отделение от Ирана.

Создание национальных автономий еще более обострило проблему вывода советских войск и повлекло за собой широкое обсуждение иранского вопроса в международных организациях. Иран, который в 1941 г. стал первым примером объединения государств с разной идеологической основой и в 1943 г. названный союзниками «мостом победы», в 1946 г. становится государством, в котором столкновение интересов великих держав закладывает одну из причин «холодной войны» в послевоенный период. На выводе войск настаивают не только союзники по блоку, отказ от вывода ставит под удар главное детище союзников – ООН. 21 марта 1946 г. жалоба Ирана на задержку вывода советских войск была поставлена на повестку дня Совета Безопасности ООН. В период самых бурных обсуждений между посольствами, главами государств по поводу того, как разрешить ситуацию с нефтяным вопросом и Азербайджаном, чтобы избежать возможности усиления военного присутствия СССР в Иране, Сталин 24 марта принимает внезапное решение о выводе войск. До сих пор продолжают попытки объяснить, почему было принято это решение. Многие склонны считать, что значительное влияние оказал ультиматум Трумена, но этому нет доказательств. Неясно, содержал ли он угрозу атомной войны или ввода американских войск в Иран¹³⁵. Возможно, что И.В. Сталин не захотел рисковать своей репутацией освободителя. В своем письме Пишевари, написанном за день до окончания вывода войск, и опубликованного только в 1996 г. И. Сталин писал, что «мы не в состоянии оставаться в Иране, так как у нас репутация освободителей многих народов Европы. И если мы не выведем войска, что скажет мир?»¹³⁶.

Но можно предположить, что Сталин поверил в договоренности с премьер-министром Кавамом ос-Салтане, который с 19 февраля по 10 марта находился с официальным визитом в Москве и Баку. Сталин согласился с предложением Кавама о сохранении установившегося в Северном Иране режима автономий, но в форме наделенных большими полномочиями про-

¹³⁵ О наличии ультиматума говорят, главным образом, американские исследователи, см.: *Fatemi S.Nasrollah*. Oil Diplomacy Powder keg in Iran. N.Y., 1954, p. 305; *Sheehan M.K.* Iran: The Impact of United States Interests and Policies. 1941–1954. Brooklyn, 1968, p. 32.; *Lenczowski G.* United States Support for Irans Indepedence and Integrity. 1945–1959 и многие другие. Иранские историки также ссылаются на ультиматум Трумена, как причину вывода советских войск из Ирана (см.: *Мохаммади М.* Морури бар сийасат-е хареджи-йе Иран, с. 110).

¹³⁶ *Алиев С.М.* История Ирана, с. 226.

винциальных энджуменов (советов), что не противоречило конституции. В письме Кавама Сталину, которое было им отправлено перед отъездом из Москвы, он заверял, что его целью является «упрочение политических, экономических и культурных отношений между двумя нашими странами»¹³⁷, что для советской стороны подразумевало сохранение демократических автономных правительств в Азербайджане и Курдистане. В период вывода советских войск СССР и Иран подписали 4 апреля 1946 г. в Тегеране Соглашение о нефти («Кавам–Садчиков»), как своего рода компенсацию за уход из Ирана.

Однако после полного вывода советских войск (9 мая 1946 г.) Соглашение 1946 г. о северной нефти было отвергнуто меджлисом, который объявил его, не имеющим законной силы и аннулированным. Нельзя не отметить, что в закон от 22 октября 1947 г. об аннулировании ирано-советского соглашения 1946 г. был внесен пятый пункт, который ставил под сомнение законность деятельности АИНК, вернее концессионного соглашения 1933 г., сменившего концессию д'Арси. Окончательно вопрос с «северной нефтью» был решен в 1956 г., когда советская сторона официально отказалась от претензий на «Кевир-Хуриан».

Уже в декабре 1946 г. в Азербайджан и Курдистан были введены правительственные войска, демократическое движение было подавлено, активисты движения были арестованы, тысячи убиты, в СССР эмигрировали более десяти тысяч иранских семей, главным образом, из Азербайджана и Курдистана. Без военной поддержки СССР национальные движения Ирана оказались недееспособными: у них не было сил, готовых всерьез сражаться против центрального правительства. При всей этнической пестроте Ирана центристские силы в этой стране оказались сильнее, чем центробежные.

---

¹³⁷ Там же, с. 222.

Глава 9.

СССР и курдский вопрос

Курды в Великой Отечественной войне

Курды – древнейший народ Ближнего и Среднего Востока, частично переселившийся на российскую территорию еще в XIX в. В первой половине XX в. они населяли преимущественно закавказские республики Советского Союза – Армению, Грузию, Азербайджан, проживали также в Туркмении и Казахстане и ряде других регионов.

Как и все народы Советского Союза в период Великой Отечественной войны советские курды поднялись на защиту Отчизны. В Закавказье были сформированы 19 национальных дивизий, а также 211 истребительных батальонов, из них в Азербайджане – 87, в Грузии – 79, в Армении – 15. В этих подразделениях были и курды, населявшие Кавказ. Только из деревни Чонгермез Арагацкого района республики Армения на фронт ушел 31 курд, вернулись только двое – израненные и искалеченные¹.

На фронтах Великой Отечественной войны оказалось несколько сот курдов. Они находились в составе воинских частей Закавказского фронта, укомплектованных десятью национальными дивизиями (воины кавказских национальностей составляли до 70%). Представители 36 кавказских национальностей, в их числе и курды, служили в Северной группе войск Кавказского фронта.

Курды участвовали в сражениях против немецко-фашистских захватчиков и на других фронтах: Украинском, Белорусском, Прибалтийском, при обороне Москвы, Ленинграда, Сталинграда, за освобождение Крыма. Немало курдов участвовало в освобождении Белграда и Варшавы, Будапешта и Вены, в разгроме немецко-фашистских войск в Восточной Пруссии, в героической битве за Берлин. Они сражались в составе народных

---

¹ Бугай Н.Ф. и др. Советские курды: время перемен. М., 1993, с. 57.

мстителей на Украине, в Чехословакии и во Франции. Воины-курды находились в частях, действовавших против Квантунской армии Японии.

Храбрость и стойкость курдов высоко оценил маршал Советского Союза И.Х. Баграмян. Он писал: «В годы Великой Отечественной войны, когда страна, в которой курдский народ впервые в истории обрел полную национальную свободу и счастье, подвергалась смертельной опасности, курды проявили себя такими же пламенными советскими патриотами, как и другие братские народы. Все советские воины, курды по национальности, с которыми мне довелось сражаться на фронте, достойно выполнили свой воинский долг»².

Большое значение верховное командование придавало обороне Кавказа. Воины-курды приняли активное участие в боях на Кавказском фронте, проявив при этом мужество и героизм. Вспоминая об этом, командир 89-й Армянской Таманской стрелковой дивизии Н. Сафаров, отмечал: «В составе дивизии, совместно с сыновьями других братских народов сражались и курды. При выполнении боевых заданий воины-курды показывали примеры мужества и отваги, самоотверженно выполняли свой долг перед Родиной»³. В составе этой дивизии воевали офицеры Усик Бакоев, Салах Джафаров, Ахмед Шароев и др.⁴

Сразу после объявления войны многие курды записывались в ряды народного ополчения. В курдских селах Азербайджана, Грузии и Армении состоялись митинги. В селе Ахмедли Лачинского района полеводы и животноводы в числе первых выступили с предложением встать в ряды защитников родины. Из их состава формировались боевые батальоны в Алагезском районе Армении и других районах⁵. Рядом с курдами-мужчинами в тылу трудились женщины, участвуя в оборонных работах, заменив мужчин на производстве. В Фонд обороны трудящиеся-курды сдавали деньги и ценности, облигации государственного займа, собирали теплые вещи для фронта.

Политическая напряженность перед началом Второй мировой войны, а затем и сама война 1939–1945 гг. обострили все накопленные противоречия, в том числе и в сфере межнациональных отношений. Общая обстановка в Советском Союзе характеризовалась массовым принуждением к железной дисциплине, нарушением элементарных норм демократии, пренебрежением конституционными правами народов СССР. Еще свежи были в народной памяти репрессии второй половины 30-х годов, коснувшиеся всех народов, в том числе и курдов. Эти, а также некоторые другие обстоятельства, явились причиной дезертирства из рядов Вооруженных сил СССР. Кавказские

---

² Чатоев Х.М. Участие курдов Советского Союза в Великой Отечественной войне. Ереван, 1970, с. 7.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же, с. 11.

горы были благодатным местом для сосредоточения дезертиров. Страх расправы заставлял многих уходить в горы, леса, пополнять старые и создавать новые повстанческие группы, переходившие на путь политического бандитизма. Разумеется, не все дезертиры пополняли террористические группы. Многие из них просто скрывались в горах Кавказа. Деятельность же вооруженных групп могла дестабилизировать не только обстановку на советско-турецкой границе, но и негативным образом сказаться и на достаточно прохладных советско-турецких отношениях накануне войны.

При активном участии всего населения Советской Армянской республики, граничащей с Турцией, проводились оборонительные работы. В приграничных районах, где угроза нападения была особенно велика, формировались истребительные батальоны для борьбы против диверсантов, парашютистов и агентов врага. Такие батальоны были созданы во всех городах и районах республики. Только из курдского района Алагез в этих работах участвовала одна тысяча курдов.

Допризывники, курды по национальности, сначала проходили военную подготовку в Алагезском, Галинском, Октябрьском и других районах, а затем пополняли ряды Красной Армии.

В августе 1941 г., когда Красная Армия вошла⁶ в Иран, советское командование вплотную столкнулось с зарубежными курдами и Курдистаном, районом богатым топливом и сельскохозяйственной продукцией для обеспечения дислоцированной там армии (см. гл. 8 наст. изд.).

Государственный Комитет Оборона (ГКО) СССР, сформированный 30 июня 1941 г. и возглавляемый И.В. Сталиным, был поставлен перед фактом, что курды Ирана и других частей этнического Курдистана (Ирака, Турции, Сирии) находились в поле зрения, как воюющих держав, так и готовящихся вступить в войну. Борьба курдов за самоопределение, составлявшая суть курдского вопроса, эксплуатировалась иностранными державами как механизм в их противоборстве за политическое и экономическое влияние в странах Ближнего и Среднего Востока.

Курды проживали в центре региона, получившего в геополитике название «Северный пояс» («Northern Tier»). В него входили некоторые территории Турции и Ирана, что было особенно важно во время Второй мировой войны. Впоследствии за влияние в нем боролись великие державы. По свидетельству некоторых авторов, вопрос об этой территории ставился во время советско-германских консультаций накануне Второй мировой войны и в 1940 г. Согласно ранее подписанному германо-советскому протоколу, Советскому Союзу будто бы гарантировалось влияние на Ближнем и Среднем

⁶ По этому вопросу существует разброс мнений. Анализ см.: *Арабаджян З.А.* Иран: противостояние империям. 1918–1941. М., 1996; *Оришев А.Б.* Иранский узел. Схватка разведок 1936–1945. М., 2009.

Востоке. Этот протокол, уточненный в ноябре 1940 г., якобы утверждал, что Советский Союз стремился к влиянию над районом южнее Батуми и Баку, по направлению к Персидскому заливу. При этом Курдистан находился в центре его политической и экономической заинтересованности⁷.

Уже в августе 1941 г. в Москве впервые стал обсуждаться вопрос об иранской нефти и газе. Советское руководство предложило Ирану помощь в разработке нефтяных ресурсов Кевир-Хуриана. Работавшая в приграничных с СССР провинциях Ирана геологоразведочная группа в сентябре 1941 г. обнаружила большие запасы энергоресурсов в этих районах (см. гл. 8 наст. изд.)⁸. Известно было и о крупных месторождениях нефти в районах расселения курдов в Северном Ираке. Все это делало задачу укрепления позиций Советов в Иранском Курдистане необычайно актуальной.

Складывавшаяся на Ближнем и Среднем Востоке геополитическая ситуация привела ГКО СССР к мнению о необходимости разработки «курдской» политики. Это мотивировалось большой военно-политической активностью и экономической заинтересованностью гитлеровцев и союзников-англичан в районах у южных рубежей советского Закавказья.

Предполагая возможность открытия гитлеровцами ближневосточного фронта, советская агентура активизировала свою деятельность внутри курдских общин. Строились планы начать движение братания между курдами Кавказа и Ирана⁹.

Международное положение курдских ареалов зарубежной Азии

В геополитическом отношении наиболее ценным союзником для держав «оси» в Западной Азии была Турция, заключившая за четыре дня до нападения Германии на СССР турецко-германский «Пакт о дружбе и ненападении», что явилось открытым выражением присоединения Турции к «антисоветской политике гитлеровской Германии»¹⁰. К моменту нападе-

---

⁷ Yassin B.A. Vision or Reality? The Kurds in the Policy of the Great Powers, 1941–1947. Lund University Press, 1995, p. 68.

⁸ Алиев С.М. История Ирана. XX век. М., 2004, с. 211.

⁹ Оришев А.Б. Тайная война спецслужб нацистской Германии в Иранском Курдистане (рукопись).

¹⁰ Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М.-Л., 1948, с. 204.

ния Германии на СССР Турция, формально придерживавшаяся нейтралитета, находилась на волосок от вступления в войну. По замыслу берлинских стратегов, будущие победы на Восточном фронте должны были привести к образованию нового фланга – кавказского, и здесь Турции отводилась главная роль.

Советское руководство выражало беспокойство в связи с возможной поддержкой Турции со стороны национальных меньшинств, в том числе и курдов, проживавших в приграничных районах СССР. Курды оказались в числе депортированных, в частности из Грузии, по обвинениям в участии в повстанческом движении или просто из-за принятия превентивных мер¹¹.

Во время продвижения немецко-фашистских войск в глубь советской территории правящие круги Турции, несмотря на объявленный нейтралитет, сотрудничали с гитлеровцами и вынашивали замыслы вторжения на советскую территорию с юга. Накануне войны Турция занималась строительством железных дорог в Восточной Анатолии, районе компактного проживания курдов, руководствуясь не только соображениями усиления интеграционных процессов, но и задачами стратегического порядка, чтобы в случае необходимости обеспечить быстрое продвижение войск.

Сговорившись с Германией, Турция сосредоточила свои войска у южных границ СССР. Турецкая печать развернула антисоветскую пропаганду, призывая к захвату Закавказья и Крыма¹². Турецкая агентура взяла под свое покровительство некоторые курдские племена, жившие в зоне турецко-иранской границы. Так, предводитель одного из шеккакских родов Котас-ага создал вооруженную группировку, опираясь на свои связи с турецкой разведкой¹³.

Действуя через своих турецких союзников, немцы не жалели денег для подкупа курдов в зоне их компактного проживания, вдоль турецко-иранской границы, способных вести вооруженную борьбу против Советского Союза. С их помощью гитлеровцы стремились превратить курдские районы Иранского и Турецкого Курдистана в плацдарм «третьего рейха». Германия испытывала острейшую необходимость в стратегическом сырье и не без основания стремилась использовать ресурсы Курдистана для своей военной промышленности.

С развитием наступления на южном направлении немецко-фашистское командование связывало большие надежды экономического и военного характера: оно стремилось заполучить доступ к нефти Ирана и Кавказа, приблизиться к границам Турции и, окончательно склонив ее на свою сторону, установить свое господство в районе Черного и Каспийского морей, а также овладеть важными коммуникациями.

¹¹ Бугай Н.Ф. и др. Советские курды, с. 60.

¹² Там же, с. 56.

¹³ Вильчевский О.Л. Курды северо-западного Ирана, Тбилиси, 1944, с. 73.

Этот регион являлся ближайшим тылом важнейших фронтов на юге СССР (с июня 1941 г.). В этих условиях советское правительство вынуждено было в ущерб фронтам, где шли ожесточенные, кровопролитные бои, держать войска Закавказского военного округа (ЗВО) в постоянной боевой готовности на случай турецко-германского наступления. Кроме того, ЗВО обеспечивал безопасность Трансиранской железной дороги, по которой осуществлялась сравнительно безопасная доставка в СССР столь необходимых для ведения войны грузов (главным образом из США). С запада и с северо-запада к этой дороге, пересекавшей западную и центральную часть Ирана, примыкала обширная территория, населенная в основном различными племенами, в том числе и курдскими. Взаимоотношения с племенами становились, таким образом, стратегическим вопросом, как для Советского Союза, так и для Великобритании, главной целью которой была защита нефтепромыслов Ирака и Южного Ирана, а также коммуникаций в зоне Персидского залива и в Индийском океане.

Иран интересовал берлинских стратегов не только из-за его контролируемых Англией нефтяных промыслов в районе Касре-Ширина. Экономическая и политическая экспансия Германии наблюдалась уже с конца 20-х годов XX в., когда ей удалось заключить конвенцию «О поселении, торговле и мореплавании». Иранские государственные учреждения были буквально переполнены германскими экономическими, финансовыми, военными и иными советниками и специалистами. Накануне Второй мировой войны Германия по инвестициям в Иран занимала второе место после Великобритании¹⁴. СССР был особенно обеспокоен германским доминированием в области коммуникаций и в военной сфере.

Значительная часть наводнившей Иран в начальный период войны германской агентуры, интенсивно занимавшейся разведывательной и подрывной деятельностью, сосредоточилась на граничившем с советским Закавказьем северо-западе страны с преимущественно курдским и азербайджанским населением. Опасность стать плацдармом нависла и над Иранским Курдистаном.

К началу Второй мировой войны Германии удалось создать прогерманское лобби в Турции, Ираке и Иране. В Германии и Турции нацисты завербовали несколько курдских студентов и совместно с немецкими агентами забросили их в Сирию и Ирак для ведения подпольной борьбы с французским и британским присутствием в этих странах¹⁵. Кратковременная акция британских вооруженных сил в Ираке в мае 1941 г. закончилась, как известно, свержением националистического правительства Рашида Али аль-Гайлани¹⁶.

---

¹⁴ *Оришев А.Б.* Иранский узел. Схватка разведок 1936–1945. М., 2009, с. 9–52.

¹⁵ *Kurdistan Times. A Quarterly political Journal.* Vol. I, No. 2, Summer 1992, p. 125.

¹⁶ *Мирский Г.И.* Ирак в смутное время: 1930–1941. М., 1961. *Климентьев В.П.* Переворот 1 апреля 1941 г. в Ираке и тридцатидневная война. – Восток. 2001, № 1.

Кампания же войск Великобритании и Франции в Сирии летом 1941 г. против сил генерала Денца не отразилась роковым образом на курдском населении этой страны¹⁷.

Богатые месторождения Курдистана, его важное военно-стратегическое положение, обладание которым являлось необходимым условием для доминирующего положения в Западной Азии и в Закавказье, побуждали Германию занять прочные позиции в курдских ареалах.

В связи с этим у южных пределов Советского Союза велась ожесточенная борьба европейских государств (Великобритании, Германии), а также Турции за гегемонию в Курдистане, являвшемся транзитной территорией, по которой пролегал путь как на север, к границе Закавказья, так и через Иран в центральные и восточные районы Советского Союза и далее в Среднюю Азию.

Экономическая и идейно-политическая экспансия Германии в Иране усилилась в конце 30-х годов. Особое внимание гитлеровской Германии к Ирану обуславливалось богатыми сырьевыми и продовольственными ресурсами, выгодным стратегическим положением на подступах к южным границам СССР и зонам британского господства в Ираке и Индии. Она стремилась использовать курдов в своей антисоветской и антибританской политике. К началу Второй мировой войны Германия обеспечила себе прочные позиции в курдских районах Ирана и Ирака, богатых нефтью и газом¹⁸.

Однако среди иранских курдов авторитет немцев был весьма низким, поскольку в предшествующий исторический период, а именно во время Первой мировой войны, немцы, совместно с турками выступавшие против стран Антанты (Великобритании и России) на Персидском фронте, охватывавшем часть и Иранского Курдистана, способствовали разорению курдских хозяйств¹⁹.

В то же время настроение Реза-шаха было прямо противоположным: несмотря на нейтралитет Ирана, он собирался выступить на стороне Германии против Англии и СССР²⁰, и в то же время пытался сблизиться с США²¹.

Накануне Второй мировой войны некоторые немецкие авторы активно восхваляли личные качества Реза-шаха, проводя параллели между ним и фю-

¹⁷ Оганесян Н.О. Образование независимой Сирийской республики (1939–1946). М., 1968, с. 39–41.

¹⁸ Агаев С.Л. Германский империализм в Иране. М., 1969.

¹⁹ Жигалина О.И.. Курды иранской провинции Керманшах накануне и в период Первой мировой войны. М., 2007.

²⁰ Оришев А.Б.. Иран в политике нацистской Германии на Среднем Востоке накануне и в годы Второй мировой войны. (1933–1943 гг.). Елец, 2007, докт. дисс., с. 199–201.

²¹ Агаев С.Л. Иран: Внешняя политика и проблемы независимости 1925–1941. М., 1971, с. 314.

пером²². Гитлеровское руководство же вынашивало планы переворота в Иране с целью замены Реза-шаха на более удобного для «третьего рейха» политика²³. В антишахской пропаганде немцы планировали использовать и курдов²⁴.

Германская военно-политическая агентура инспирировала восстания курдских племен под националистическими лозунгами. Курды были хорошо вооружены, поскольку они захватили склады с оружием в северо-западных районах Ирана, где влияние центральной иранской администрации было незначительным. Централизаторская политика Реза-шаха восстановила курдское население против иранского руководства, поскольку она была направлена на искоренение их традиционного образа жизни и хозяйствования.

Этим пыталась воспользоваться и фашистская агентура. При этом мнения историков по этому вопросу расходятся. Одни из них считают, что немцы пытались влиять на некоторую часть курдского общества с целью поднять мятежи и использовать курдов для разрушения инфраструктуры страны. Сотни германских специалистов находились в районах расселения курдов – в Маранде, Маку, Хое и др.²⁵. Другие авторы утверждают обратное: курды якобы не играли важной роли в планах нацистов в Иране²⁶.

Стремясь овладеть ближневосточным плацдармом и средневосточными нефтяными районами, гитлеровцы были особенно заинтересованы в укреплении своих позиций в курдских районах Ирака. Еще в начале XX в. Германия построила Багдадскую железную дорогу, связавшую Багдад с Берлином через Константинополь, часть которой прошла через Курдистан. Но после разгрома курдского движения в конце 30-х годов XX в. в Иране, Ираке и Турции и ослабления влияния на него комитета «Хойбун» («Независимость»)²⁷ существенно повышается интерес Германии к курдской проблеме.

Фашистская Германия не жалела средств на организацию работы по идеологическому воздействию на иранское население, включая курдов. С этой целью в Иране были созданы «Институт общественного мнения» и другие «научные» организации, являвшиеся, по существу, центрами пропаганды нацистской идеологии, подстрекательства к войне с СССР. Вместе с тем, пропагандистские средства Германии были нацелены на то, чтобы

---

²² Melzig H. Der Aufstieg Irans und die Grossmächte. Stuttgart, 1936.

²³ Там же, с. 203.

²⁴ Там же, с. 204.

²⁵ Lenczowski G. Russia and the West of Iran, 1918–1948: A Study in Big Power Rivalry, N.Y., 1949, p. 163–164.

²⁶ Яссин утверждает это, ссылаясь на документы американского посольства в Тегеране. См.: Yassin B.A. Vision or Reality?, p. 67.

²⁷ В 1927 г. на территории Ливана и Сирии, принадлежащих Франции, был создан курдский национальный комитет «Хойбун» («Независимость»). Подробнее см.: Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос (1923–1945). М., 2005, с. 104–123.

внедрить концепцию об арийском происхождении курдов в среду шовинистически настроенных курдских националистов, одним из которых был Саид Мукриани. Находясь в то время в Ираке, он через иранского «ученого» и публициста А. Кесрави Табризи познакомился с расистской теорией германских нацистов. В своих научных исследованиях по истории курдов и Курдистана Мукриани опирался на труды Кесрави²⁸. Саид Мукриани пытался приспособить нацистскую расовую теорию под цели курдского национального движения. Так, в 1937 г. в журнале «Светоч», органе культурно-просветительского общества иракских курдов «Голос курда», и ряде других публикаций, он обосновал концепцию арийского происхождения курдов, согласно которой курды происходят от мидийцев, таких же арийцев, какими являются и германцы. Поэтому курды должны создать империю подобно германцам. Для того чтобы этого добиться, курдским националистам следует усвоить характерные для арийцев идеи. Мукриани выдвинул идею создания «Великого арийского Курдистана», в состав которого должны были войти «арийские земли» Ближнего Востока – Иран и этнографический Курдистан.

Однако существует мнение, что «нацистские расовые теории были решительно отвергнуты курдской интеллигенцией»²⁹. Тем не менее, работа с национальными меньшинствами была одним из приоритетов Абвера. Поэтому гитлеровцы, несмотря на отсутствие идейно-политической базы для сотрудничества с курдами, пытались использовать их в своей борьбе против Великобритании на иранской территории³⁰.

В 1938 г. при внешнеполитическом отделе германской «Социал-демократической партии» было создано специальное «Бюро по идеологической работе» в странах Переднего Востока. Это «Бюро» координировало деятельность многочисленных германских организаций на Ближнем Востоке, в том числе и деятельность германской агентуры среди курдов.

С момента вероломного нападения Германии на Советский Союз ближневосточный плацдарм мог приобрести новое значение для фашистских агрессоров. Он не только позволил бы им обосноваться в нефтеносных районах Курдистана. В случае успеха на советско-германском фронте, через Турцию (или Иран) при активном ее участии фашисты предполагали повторить попытку захвата Советского Закавказья и бакинской нефти³¹. Весь Курдистан стал бы эпицентром военных действий.

²⁸ Алиев С.М. Ахмед Кесрави Тебризи (1980–1946) как историк и общественный деятель. Автореф. канд. дисс. М., 1961.

²⁹ Оришев А.Б. Тайная война спецслужб нацистской Германии в Иранском Курдистане (рукопись).

³⁰ Агаев С.Л. Германский империализм в Иране. М., 1969, с. 86.

³¹ Под предлогом борьбы против турецких и немецких войск, которые в марте–мае 1918 г. захватили западную часть Иранского Азербайджана и Тебриз, англичане гото-

Отмечая рост прогерманских настроений во внешнеполитическом курсе Ирана, следует отметить неоднозначность его оценки в советской и зарубежной политико-исторической литературе, а также сильно преувеличенную интерпретацию «прогерманской политики» Реза-шаха. Этот тезис пытались опровергнуть некоторые российские иранисты³². Вместе с тем, некоторые российские и зарубежные авторы полагают, что в первые два года войны иранская общественность находилась под сильным впечатлением от успехов нацистов и рассматривала Германию как «потенциальную избавительницу от советского и британского доминирования»³³.

При этом следует добавить, что незадолго до начала войны с Советами (весна 1940г.) среди иранских интеллектуалов прогерманские настроения сочетались с симпатиями к Советскому Союзу, что было связано как со временем советско-германского сближения, так и с ростом оппозиционных настроений в иранском обществе против режима Реза-шаха³⁴. Как представляется, в начале войны иранский монарх испытывал давление как со стороны Германии, так и со стороны Великобритании, Советского Союза и США, и пытался балансировать между ними, убеждая последних, что Иран старался «избавиться от немцев»³⁵. В то же время Реза-шах обращался за протекцией и к американцам. Поверенный в делах США в Иране того времени г-н. Энгерт отмечал: «Шах, несомненно, хочет идти своим собственным путем и внешне занимает беспристрастную позицию в отношении европейской войны»³⁶.

Однако нацисты предупредили Реза-шаха, что попытка «избавления от немцев будет рассматриваться ими как недружественный шаг»³⁷. А Вашингтон оказывал помощь союзникам.

Ирак, находившейся под сильным английским влиянием, также интересовал гитлеровцев, причем, не только с военно-политической, но и с эко-

---

вили оккупацию Ирана и Закавказья. В начале 1918 г. на север Ирана была направлена английская военная экспедиция во главе с генералом Денстервилем, перед которым была поставлена задача занять Решт, Энзели, Баку и Тбилиси. На северо-восток Ирана были посланы английские войска генерала Маллесона для захвата Закаспийской области. В зоне расположения своих войск англичане устанавливали контакты с главами курдских племен, вынашивавшими планы создания «независимого» курдского государства под британским протекторатом.

³² *Арабаджян З.А.* Иран: противостояние империям; *Алиев С.М.* История Ирана, с. 196–197.

³³ *Арабаджян З.А.* Иран: противостояние империям, с. 195; *Woodward L.* History of British Foreign Policy in the World War. L., 1971, v. 2, p. 24.

³⁴ Там же, с. 197.

³⁵ *Yassin B.A.* Vision or Reality?, Lunt Univ.Press, 1995, p. 60.

³⁶ *Агаев С.Л.* Иран. Внешняя политика и проблема независимости, с. 307.

³⁷ *Yassin B.A.* Vision or Reality?, p. 62.

номической точки зрения. Природные ресурсы Иракского Курдистана активно эксплуатировала Англия, в особенности после присоединения к Ираку Мосульского вилайета. Нефтедобыча в северных районах Ирака потребовала прокладки шоссейных, а затем и железных дорог, налаживания системы снабжения, развития ряда вспомогательных служб, что вызвало известное оживление предпринимательской деятельности. Втягивание Иракского Курдистана в мировое капиталистическое хозяйство создавало почву для зарождения курдского пролетариата и национальной курдской буржуазии³⁸. Однако основной костяк курдского сообщества в Ираке все-таки составляли племена, которых гитлеровцы использовали в своих интересах.

«Курдская» политика нацистской Германии во время Второй мировой войны

Державы «оси» в своих планах завоевания мирового господства отводили Курдистану немаловажную роль. После громких побед германского оружия в 1939 – первой половине 1941 г. Курдистан должен был стать плацдармом для эскалации фашистской агрессии, а также поставщиком дефицитного и необходимого для ведения войны топлива, в котором остро нуждался «третий рейх» и его союзники (несмотря на советско-германские договоренности кануна войны).

Гитлер и Муссолини делали в Курдистане ставку на поддержку курдов, настроенных враждебно по отношению к Великобритании и Франции и придерживавшихся экстремистских методов борьбы. Угроза быть втянутым в войну нависла над Ираком, а вместе с ним и Иракским (Южным) Курдистаном.

Германская агентура не могла не включить в сферу своей деятельности и такой важный фактор политической жизни Ближнего и Среднего Востока, как курдское национальное движение, тем более что шовинистическая часть руководства некоторых курдских политических организаций выражала явные профашистские настроения. Активисты организации «Хиве курд» («Курдской лиги») ³⁹, хотя и не очень активно, но все-таки под-

---

³⁸ Степанова Н.В. Курдский вопрос в Республиканском Ираке (1958–1970). М., 1972. Канд. дисс., с. 58.

³⁹ Организация «Хиве курд» («Курдская лига») была создана накануне Первой мировой войны, но вскоре прекратила свою деятельность. Она была возобновлена в 20-е

держали в Ираке мятеж аль-Гайлани, который симпатизировал Германии и поддерживал замыслы стран «оси» распространить влияние в зоне Персидского залива⁴⁰. При этом некоторые представители организации «Хойбун» в своих СМИ стали проводить «исторические аналогии» между успехами германцев и возможными успехами «восточных арийцев» – курдов в случае объединения всех курдов в борьбе с врагами курдского народа, каковыми были, по их мнению, режимы Турции, Ирака и Ирана. Однако Германия на первом этапе мировой войны отказалась вооружать своих эвентуальных союзников в случае переноса военных действий на территорию Ближнего и Среднего Востока, поначалу предпочитая не активизировать своей деятельности среди курдов, ограничиваясь муслированием антианглийских настроений в курдской среде.

Племенная структура курдов являлась благодатной основой для деятельности иностранной агентуры. Во время Второй мировой войны, также как и в период Первой мировой войны, одни курдские племена поддерживали Германию, другие – Великобританию или выражали поддержку борьбы Советского Союза против фашизма.

Немцы, как правило, не вникали в чаяния курдов. Но после вступления гитлеровской армии на территорию Советского Союза они старались завербовать их для осуществления своих интересов в Иране, Ираке и Турции, в частности, использовали в военных операциях для ослабления британских позиций. Гитлеровская пропаганда использовала сильно выраженные антианглийские настроения в курдской среде, чтобы затруднить использование англичанами нефтяных ресурсов Ирана для нужд войны. Группа гитлеровцев, возглавляемая агентом по кличке «курдистанский орел», действовавшая на ирано-иракской границе, подстрекала к саботажу нефтяников иранской провинции Керманшах⁴¹.

Планы превращения Ирана в военно-стратегический плацдарм «третьего рейха» против СССР требовали от германской политической агентуры расширения деятельности среди курдов. Первая известная операция германской разведки с привлечением курдов Ирана относится к первым числам июня 1941 г. Она получила кодовое название «Амина». В ее задачу входило выведение из строя нефтеперегонного завода под г. Абадан, снабжавшего дизельным топливом Ближневосточную флотилию Великобритании и колониальные войска.

годы XX в. Ее возглавлял известный курдский общественный деятель и ученый Мамед Эмин-Зеки, бывший генерал турецкой армии, впоследствии генерал и один из видных политических деятелей Ирака.

⁴⁰ Grant C. Iran: Test of Relations between Great and Small Nations. – Foreign Policy Report. 15.04.1945, p. 32.

⁴¹ Агаев С.Л. Германский империализм в Иране, с. 86.

Курды издревле пользовались славой доблестных воинов, и этим их качеством пытались воспользоваться нацисты. Они планировали организовать курдские диверсионные отряды для заброски на советскую территорию и устраивали для этой цели тренировочные базы в горах Иранского Курдистана. Согласно разработанному Абвером плану специально обученные диверсанты должны были высадиться в Иране и связаться с местным населением. Однако первая попытка заброски германских диверсантов к курдам во главе с лейтенантом Мерцигом сорвалась. Тогда в этот район была направлена группа лейтенанта Майнхарда. Они вылетели с военного аэродрома греческого острова Самос и десантировались в районе иранского города Хой. Связавшись с одним из антибритански настроенных курдских вождей, германские агенты оборудовали в горах тренировочный лагерь, в котором стали обучать курдов владению современным стрелковым оружием и тактикой ведения диверсионной войны⁴². Аналогичная диверсионная деятельность нацистов проводилась и в Иракском Курдистане⁴³.

Германская агентура активизировала свою работу с курдской племенной и духовной элитой, оказывавшей доминирующее влияние на широкие массы курдов в особенности после вторжения вермахта в пределы СССР. В начале августа 1941 г. в Хое на сходе вождей племен джелали и милян, кочевавших на северном участке ирано-турецкой границы близ границы СССР, выступили пограничный комиссар полковник иранской службы Амир Чупани и германский агент. Они настоятельно уговаривали шейхов и вождей племен организовать вооруженные группировки для засылки на территорию Советского Союза. Немецкий представитель аргументировал эти требования тем, что Турция и Иран якобы являлись союзниками Германии. Однако руководители курдов не поддались на уговоры. На втором совещании, состоявшемся в начале августа 1941 г., которое проводили германский офицер и турецкие представители, курдам, кочевавшим летом на турецкой территории и проводившим зиму в Иране, было предложено остаться на зиму в Турции. За устройство их на турецкой территории им было обещано 2 млн. турецких лир.

Но курды, в основном племена джелали и милян, отказались оставаться в Турции и согнали на свои старые зимовки в Иране 163 тыс. голов скота⁴⁴. Оба эти племена, по свидетельству английского автора У. Иглтона, находились якобы под влиянием советского консула в Резайе⁴⁵. В то время как большинство вождей курдских племен находились под надзором иранской полиции.

⁴² *Мадер Ю.* Абвер: щит и меч Третьего рейха. Пер. с нем. Ростов-на-Дону, 1999, с. 239, 247.

⁴³ *Kirk G.* Survey of International Affairs 1939–1946: The Middle East in the War. L., 1952, p. 157.

⁴⁴ *Жигалина О.И.* Национальное движение курдов Ирана 1918–1947 гг. М., 1988, с. 100.

⁴⁵ *Eagleton W.* The Kurdish Republik in Mahabad. L., 1963, p. 17.

Сложную цепь интриг вокруг курдских вождей вели иранцы, англичане, немцы, турки и др. В связи с этим многие из них придерживались выжидательной политики и не спешили определять свою линию поведения.

Итак, курдским ареалам Ирана и Ирака страны «оси» отводили роль плацдарма в борьбе за Кавказ и Персидский залив. Сирийский Курдистан находился под контролем британских и французских (голлистских) войск. В Турецком Курдистане был установлен «железный занавес». Его территория находилась под контролем «заново отоброшенной турецкой армии, ждавшей своего часа»⁴⁶. «Северный пояс», центром которого был Курдистан, становился ареной борьбы за влияние Великих держав.

Эти обстоятельства привели советское руководство к мысли о необходимости активизации советской политики среди курдских племен.

Советско-курдские контакты в начале Второй мировой войны

В период между двумя мировыми войнами, по мнению американского исследователя Р. Олсона, Советский Союз поддерживал «авторитарные националистические правительства в Турции и Иране, в которых зачастую подавлялись националистические движения и движения меньшинств»⁴⁷. В то время ни одна из великих держав, за исключением Франции, не поддерживала курдских националистов. Попытки Германии вовлечь Иран в мировую войну, создавали реальную угрозу как английским имперским коммуникациям, так и Закавказским нефтяным районам Советского Союза, хотя во время Второй мировой войны (1939–1945гг.) военные действия почти не затронули страны Ближнего и Среднего Востока (Иран, Ирак, Турцию, Сирию) с многочисленным курдским населением, стремившимся к самоопределению⁴⁸.

Накануне и в первые месяцы Второй мировой войны советское командование не имело четкой позиции в отношении курдов зарубежной Азии. Установление контактов с вождями курдских племен было предоставлено отдельным воинским начальникам и консулам.

---

⁴⁶ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос, с. 202.

⁴⁷ Olson R. The Creation of a Kurdish State in the 1990? – Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. Vol.XV, No.4, Summer, 1992, p. 8.

⁴⁸ Общая численность населения курдских ареалов Турции, Ирана и Ирака в 40-е годы XX в. составляла по оценочным данным 8,5 млн. чел.

Как было показано выше, уже в начале войны гитлеровцы активно использовали курдов в своей диверсионной деятельности против СССР. Однако часть иранских курдов позитивно восприняла появление частей Красной Армии в Иранском Курдистане, что не ускользнуло от внимания советского правительства. Внешнеполитические органы СССР приступили к изучению курдского вопроса с целью использования движения курдских племен за самоопределение в интересах Советского Союза. Советские агенты стали устанавливать контакты с вождями крупных курдских племен. «Поздней осенью 1941 г. мы начали важную операцию в Иране по установлению контактов с курдскими племенами. Этому вопросу придавалось исключительно важное значение, – писал в своих воспоминаниях генерал П. Судоплатов. – Курдов стремились использовать против нас как диверсантов и англичане, и немцы. В связи с этим в аппарат службы в мое прямое подчинение был направлен призванный из запаса опытный разведчик Н. Белкин. В ноябре 1941 г. он был послан в Закавказье и Иран для тщательного изучения курдского вопроса и проведения мероприятий по этой линии»⁴⁹. Некоторые зарубежные авторы считают, что курды могли быть использованы СССР как разменная карта в ирано-советских отношениях⁵⁰.

На первых порах советская агентура начала вести пропагандистскую работу среди курдов Ирана, Ирака и Турции, чтобы воспитать в них антифашистский настрой, заручиться поддержкой советской политики, и тем самым создать опору советским интересам в странах проживания курдов.

Ввод в Иран в августе 1941 г. союзных войск Великобритании и СССР осложнил намерения нацистов открыть вблизи советских границ еще один фронт Второй мировой войны, затруднил гитлеровцам доступ к ресурсам Закавказья. Эти обстоятельства способствовали укреплению южных рубежей Советского Союза, позволили ему гарантировать безопасное функционирование Трансиранской железной дороги с целью ее использования для транспортировки в СССР из зоны Персидского залива военной техники и других материалов⁵¹.

Части Красной Армии дислоцировались к югу от Миандооба, но оставляли свободными Бане, Саккыз и Сердешт. Они не вмешивались во внутреннюю жизнь курдских районов, оставшихся вне зоны контроля иранской администрации. Советским представителем в Мехабаде был некий Абдуллаев, «единственной политической миссией которого было изредка поддерживать контакты между курдами региона и советскими политическими офицерами в Тебризе»⁵². Кроме того, он приобретал лошадей для Красной Армии.

⁴⁹ Судоплатов П.А. Разные дни тайной войны и дипломатии. М., 2001, с. 303.

⁵⁰ Yassin B.A. Vision or Reality, p. 82.

⁵¹ Алиев С.М. История Ирана XX век, с. 200.

⁵² Eagleton W. The Kurdish Republik in Mahabad, p. 25.

Поскольку со вступлением войск союзников в Северный Иран иранские чиновники, полицейские и жандармы бежали из курдских районов, то власть там перешла в руки курдских племенных вождей и шейхов. Советское командование со своей стороны также препятствовало введению частей иранской армии в курдские районы, опасаясь их провокационной деятельности против Красной Армии. В связи с этим назначенные Тегераном местные начальники (военные губернаторы) были бессильны и не могли действовать без разрешения советского командования в Иране против мятежных племен и их вождей, которых пытались перетянуть на свою сторону англичане.

Курды, не меняя существовавшую при иранцах административную систему, сами избрали губернаторов, уездных начальников, градоначальников, старост, сформировали свою полицию, приступили к созданию школ на курдском языке. На все требования иранских властей допустить в регион иранскую администрацию, они отвечали решительным отказом.

В течение всего периода Второй мировой войны иранские курды старались не допускать в Иранский Курдистан иранскую администрацию и сохранить на его территории фактическую независимость. Однако в сентябре 1941 г. группа видных курдских вождей, в числе которых был местный казий (судья) Кази Мохаммед, посетили британское командование с целью оказания им поддержки создания «независимого» курдского района под протекторатом Великобритании. Но им не удалось договориться. Информация об этой встрече послужила толчком для активизации работы советского командования среди курдов, поскольку создание в Иранском Курдистане, у границ советского Закавказья, оплота британских интересов противоречило интересам Советского Союза.

Перед советским командованием и политическими представителями СССР в Иране стояла сложная задача завоевания доверия у курдского населения, чтобы нейтрализовать попытки нацистов (а также и англичан) использовать курдов для дестабилизации ситуации в кавказских республиках Советского Союза, ведь курды проживали и в Армении, и в Грузии, и в Азербайджане. С целью распространения влияния в Курдистане советская политическая агентура прежде всего старалась войти в доверие к власти преобладающим этого региона. Выполнение этой задачи было весьма трудным делом, поскольку не все курды осознавали важность борьбы Советского Союза против фашизма, оказавшись в плену интриг союзников-англичан и турок, старавшихся испортить отношения между курдской элитой и советским командованием, разжечь межплеменную рознь. Одни из них приветствовали появление советских войск в Иране, но в то же время просили советское командование не вмешиваться в их конфликт с иранскими властями, обещая своими силами поддерживать мир и спокойствие в курдских

районах. Другая часть курдов выражала недоверие советским представителям, очевидно, не без усилий иностранной пропаганды. У. Иглтон писал: «Их (курдов. – О.Ж.) пугал атеизм русских и опасения того, что советские станут устанавливать в Курдистане те же порядки, которые проводились в курдских районах сопредельного Закавказья»⁵³.

В северо-западные районы Ирана по указанию Москвы была командирована большая группа партийных работников, врачей, деятелей культуры, других специалистов (находившаяся там до весны 1942 г.), которые знакомили местную элиту с достижениями советской культуры и науки⁵⁴.

Когда поздней осенью 1941 г. наиболее влиятельные и авторитетные курдские вожди из Резайе, Миандооба, Букана и Мехабада получили приглашение посетить Советский Союз, оно было с благодарностью принято. Влияние этих вождей распространялось не только на вверенные им племена, но также выходило за пределы Ирана на турецкий и иракский ареалы Курдистана. Особого внимания удостоился Казим Мохаммед, который был инициатором создания в 1941 г. курдских независимых районов и с этого времени сочетал свое звание духовного судьи с должностью мехабадского градоначальника. Он выдвигал лозунг внутреннего самоуправления и культурной автономии курдских районов, считая их интегральной частью Ирана. Казим Мохаммед поддерживал связи с некоторыми деятелями курдского движения в Ираке. По своей внешнеполитической ориентации он заигрывал «как с Англией, так и с СССР, предпочитая, однако, откровенно не склоняться на чью-либо сторону»⁵⁵.

Пребывание курдской делегации в Баку, которую принимал первый секретарь компартии Азербайджана М.Дж. Багиров, показало заинтересованность советской стороны в установлении дружественных отношений с вождями курдских племен, стремившихся сохранить в своем распоряжении оружие, которое они приобрели еще до начала ввода войск в Иран и после него.

Пробыв в Советском Азербайджане две недели, курдская делегация вернулась в Иранский Курдистан с четким представлением, что «курды должны получить свободу в своих национальных делах»⁵⁶.

⁵³ Бугай Н.Ф. и др. Советские курды.

⁵⁴ Алиев С.М. История Ирана, с. 210.

⁵⁵ Вильчевский О.Л. Курды северо-западного Ирана, с. 83.

⁵⁶ Из Мехабада был Казим Мохаммед, из Миандооба – Маджид-хан, из Букана – Али Ага Эмир Азад, его сын Омар Алиар, Хаджи Баба Шейх; Рашид Бег, Зеро Бег и Таха были представителями различных ветвей племени харки. Сейид Мохаммед Садик (шейх Пушо), сын Сейида Таха. Амр Хан Шарифи, верховный вождь шеккаков, сославшись на болезнь, отказался ехать, а Хасан Хонара и Хасан Тело того же племени присоединись к группе. Карани Ага и Кака Хамза Налос представляли две противоположные ветви племени мамаш. Там же, с. 24.

Это дало основание англичанам предположить, что делегация обсуждала план создания курдского независимого государства. В Лондоне также подозревали, что курдов приглашали для подготовки в качестве пропагандистов советского образа жизни. Все это, очевидно, было далеко от истины.

Иранские курды, в отличие от своих иракских и турецких братьев, еще не имели своих политических и общественных организаций, а их движение за самоопределение в силу социально-политической специфики Иранского Курдистана не имело характера курдского национального движения.

Избавившись от иранской администрации, курды Северо-Западного Ирана в 1941–1942 гг. не выдвигали даже лозунга объединения в одно целое всех возникших на этой территории независимых курдских районов. Они функционировали как изолированные мелкие административные единицы с весьма различным административным устройством. На данном этапе интересы иранских курдов и советского правительства совпадали – они состояли в поддержании стабильности в регионе.

Советским представителям удалось убедить курдских вождей отказаться от идеи создания «независимого» Курдистана под британским протекторатом. Вместе с тем контакты курдских племен с представителями стран-союзников создавали трудности иранскому руководству не столько в реализации внутренней политики, сколько в отношениях с Великобританией и СССР, заинтересованных в невмешательстве в ситуацию США, ратовавших на словах за независимость и целостность Ирана.

Москва проводила гибкую и осторожную «курдскую» политику, старалась расположить к себе курдскую элиту так, чтобы не осложнять своих отношений ни с иранским правительством, ни с союзниками. Этот курс основывался не на идеологической, а на прагматической основе.

Однако Великобритания и Германия стремились изменить баланс в свою сторону. Не без давления со стороны иностранных держав иранское правительство постоянно обращалось к советским органам в Иране с просьбой разрешить ввести в Иранский Курдистан иранские войска для ликвидации «курдского мятежа». 11 декабря 1941 г. иранский премьер-министр Форуги заявил советскому послу, что курды якобы обладали не только стрелковым оружием, но даже артиллерией и находились в состоянии открытого восстания против иранского правительства. Но советское правительство неуклонно отклоняло все представления иранских властей о разрешении ввести свои войска в Иранский Курдистан. Контакты с курдскими племенами облегчали упрочение советского влияния в зоне племен, способствовавших установлению стабильности в Иранском Курдистане.

29 декабря 1941 г. в Мехабаде состоялось совещание вождей курдских племен Мехабадского губернаторства, расположенного в «нейтральной

зоне», и представителей курдов из советской зоны – Ушну, Резайе, Хойя и Маку. На нем было принято решение сохранять фактическую независимость курдских районов Северо-западного Ирана.

Курдские руководители независимых районов, не желая портить отношения с командованием дислоцировавшихся поблизости советских частей, строго следили за тем, чтобы не допускать столкновений с соседним некурдским населением. На время войны курды Ушну решили сохранить завоеванные позиции и не давать повода к недовольству со стороны СССР и Англии. Но у них явно преобладали просоветские симпатии. Они помогали дислоцированным там советским частям всем, чем могли, вплоть до выявления шпионов и контрабандистов, часто пытавшихся проникнуть через ирано-иракскую границу.

В условиях крайне неблагоприятного для Красной Армии начального периода войны любое поощрение национальных движений, в том числе и курдского, в «южном подбрюшье» СССР было более чем несвоевременным. Этот постулат был основным в «курдской» политике советского командования. В результате, Иранский Курдистан не стал ареной непосредственных военных действий, а сближение Советов с зарубежными курдами во многом предопределило то, что перенесение войны на Ближний и Средний Восток было заблокировано. Советская политика в отношении курдов сразу после ввода войск была подчинена исключительно нуждам войны, поскольку Иран находился на переднем фланге борьбы с фашистской Германией.

В Ираке советская политика среди курдов имела свою специфику. Иракские курды уже имели опыт политической борьбы за самоопределение, отличались от иранских курдов наличием более четкой социально-политической структуры.

В Иракском Курдистане функционировали курдские общественные организации. Иракские курды вели борьбу за сохранение своих национальных прав. Правда, участвовавшие в этом движении накануне войны курдские феодалы разочаровались в нем. Они примкнули к различным политическим группировкам и партиям официального Багдада. В 1940 г. на Мосульских нефтепромыслах работало не менее 10 тыс. курдских рабочих. В Ираке имелась довольно значительная прослойка молодой курдской интеллигенции.

В начале войны многие курдские общественные деятели Ирака симпатизировали державам «оси» и даже поддержали профашистский мятеж Рашида Гайлани. Впоследствии их настроения стали меняться благодаря активности английской и советской пропаганды.

В курдских СМИ стали публиковаться различные материалы о борьбе Советского Союза с фашизмом. Издателями курдской прессы и литературы были представители небольшой, но довольно влиятельной прослойки курдской интеллигенции, получившие арабское, турецкое или западное образо-

вание. Курдские интеллектуалы основывали культурные центры в Багдаде и Сулеймании, устанавливали связи с курдами Турции, Ирана и Сирии⁵⁷.

Под влиянием публикаций антифашистских и просоветских материалов часть иракских курдов стала выражать просоветские симпатии и стремление оказаться в этой войне в одном лагере с Советским Союзом. Созданный в 1939 г. журнал «Гелавеж» («Утренняя звезда») сразу занял четкие антифашистские позиции и выражал симпатии к СССР⁵⁸. С момента нападения фашистской Германии на Советский Союз этот журнал занял просоветскую позицию. На протяжении всей войны из номера в номер в нем публиковались статьи с положительной оценкой отдельных сторон общественной жизни Советского Союза. Журнал уделял большое внимание борьбе СССР и советской армии с захватчиками, помещал биографии советских общественных деятелей и т.д. Журнал добился популярности не только среди иракских, но и среди иранских и турецких курдов благодаря спокойному, сдержанному тону и серьезным, аргументированным статьям⁵⁹.

Вокруг журнала «Гелавеж» группировались представители передовой курдской интеллигенции Багдада – профессора Мухаммед Амин Заки, Тауфик Вахби Бек, Рафик Хельми и др., которые возглавили работу по созданию курдской национальной партии. Проф. Заки, министр экономики Ирака того времени, обратился к правительству с просьбой разрешить ему создать культурно-просветительское общество «Хейрис», но ему было отказано. Тогда Заки вышел в отставку и начал создавать вместе с другими курдами полуполигальную курдскую партию «Хива» («Надежда»), в состав которой вошли представители курдской буржуазии, интеллигенции, курды-офицеры иракской армии. К ней примкнули также некоторые вожди племен и феодалы. Вскоре ей пришлось перейти на нелегальное положение. Ее работа приобрела конспиративный характер и оставалась таковой до 1942 г.⁶⁰

В конце 1941 г. советская пропаганда стала использовать возрожденную курдскую организацию «Хиве курд» («Курдская лига»), среди членов которой господствовали просоветские настроения. Некоторые из них открыто заявляли о своем стремлении включиться в борьбу с фашизмом и оказать посильную помощь народам Советского Союза в их героической борьбе с захватчиками. При этом англичане старались перетянуть их на свою сторону, опасаясь реальной угрозы английским позициям в Ираке.

---

⁵⁷ Степанова Н.В. Курдский вопрос в Республиканском Ираке, с. 61.

⁵⁸ В нем сотрудничали профессор Рефик Хельми, один из лучших знатоков курдской литературы и языка, профессор Тевфик Вехби, автор проекта латинизации курдской письменности и ряда работ по грамматике курдского языка, генерал Эмин Зеки-бей, крупный иракский общественный деятель и видный знаток курдской истории и др.

⁵⁹ Степанова Н.В. Курдский вопрос в Республиканском Ираке, с. 65.

⁶⁰ Там же, с. 66.

Результатом работы советской агентуры было распространение среди курдов-офицеров антифашистских настроений, а с момента вступления в войну Советского Союза – просоветских симпатий. В конце 1941 г. в Ираке была сформирована группа антифашистски настроенных курдских офицеров и солдат, готовых принять непосредственное участие в войне с нацистами. Члены группы служили в составе иракских частей, дислоцированных на севере Ирака. Они периодически собирались и обсуждали вопросы международного положения, обстановки на фронтах, курдского национального движения и др. Вскоре под влиянием просоветских настроений у членов группы родилась идея идти добровольцами не в английскую армию на африканский фронт, а на восточный фронт в советскую армию. Они стали выражать убеждение, что все силы курдского национального движения должны быть направлены на борьбу с фашизмом, и это связывалось с идеей борьбы курдов за свои национальные права. Группа стремилась к объединению всех демократических и прогрессивных сил курдского движения и к созданию новых руководящих органов курдского национального движения.

Аналогичная группа была сформирована из числа работавших на иракских заводах и транспорте курдов – техников и механиков. Эта группа также начала с обсуждения международных вопросов и вскоре пришла к аналогичным выводам относительно будущего курдского национального движения. Среди членов этой группы были лица, связанные с находившейся в глубоком подполье Коммунистической партией Ирака. После установления связей между этими группами оказалось, что обе они в известной степени находятся под влиянием коммунистических идей.

Для формирования ядра левонационалистического течения курдского национального движения в Ираке была использована социально-политическая специфика Иракского Курдистана. Эта работа велась в сложных условиях британской оккупации Ирака и активной деятельности иностранной агентуры среди курдов.

Турецкое руководство и британские представители в Анкаре рассматривали ситуацию в Иракском Курдистане сквозь призму советской политики в Иранском Курдистане. Английский посол заверил Анкару, что иракские курды находятся под британским контролем и не доставят неприятностей Турции. Анкара также была проинформирована, что курдский лидер Дж. Бедирхан (уроженец Турецкого Курдистана), находившийся в Сирии в изгнании, якобы призывал турецких курдов не выступать против турецкого правительства.

Напротив, внешнеполитический курс СССР в отношении турецких курдов накануне и в период Второй мировой войны не отличался активностью. Это было связано со стремлением советского правительства к подержанию стабильности в зоне советско-турецкой границы, населенной

курдами и другими кавказскими народами. Кроме того, турецкие власти жестоко расправились с курдскими оппозиционерами в 30-е годы и держали Турецкий Курдистан под неусыпным военно-полицейским контролем⁶¹.

Итак, стратегическая составляющая советской политики в курдском вопросе была реализована в первые же недели после ввода союзнических войск в Иран: сближение с курдами ослабило непосредственную военную угрозу, стоявшую перед кавказскими республиками Советского Союза со стороны фашистских агрессоров и их агентуры. Одновременно были обозначены советские приоритеты в курдских районах Ирана и Ирака.

Методы осуществления этой политики варьировались в силу специфики курдских ареалов Ирана, Ирака и Турции. В Иранском Курдистане она проводилась путем завоевания доверия курдских вождей. В Иракском Курдистане заметной силой стал курдский национализм, явно демократического оттенка, пользовавшийся негласной, но ощутимой поддержкой Советского Союза. Советское влияние в Турецком Курдистане было минимизировано в силу обстоятельств внутреннего и внешнеполитического характера.

По мере развертывания событий на фронтах Второй мировой войны германская агентура усилила свою деятельность среди курдов с целью их использования против СССР. Озабоченность вызывало и создание в 1942 г. британской разведшколы в Тегеране для заброски диверсантов на территорию советского Закавказья. Это поставило перед советским командованием и военно-дипломатическими службами в Иране и Ираке новые, не предвиденные ранее задачи.

Особенности советской политики в отношении курдов в 1942–1944 гг.

Германская агентура подстрекала курдские племена к восстанию на турецкой границе⁶². Кроме того, она рассчитывала привлечь курдов к работе в создаваемой ею в Иране антисоюзнической организации «Меллиуне Иран», которой, по свидетельству некоторых авторов, не удалось добиться успеха в Иранском Курдистане⁶³. Немцы настраивали некоторых

---

⁶¹ *Гасратян М.А.* Курды Турции в новейшее время. Ереван, 1990, с. 205–206.

⁶² Подрывная деятельность гитлеровских провокаторов на турецкой границе. – Коммунист. Ереван, 5 апреля 1942, № 81 (2343), с. 4.

⁶³ *Yassin B.A.* Vision or Reality?, p. 67.

курдских вождей против дислоцировавшихся в Иранском Курдистане частей Красной Армии с целью спровоцировать столкновения с ней, а затем ввести в район иранские армейские подразделения под предлогом борьбы с мятежниками. И, действительно, им это удалось осуществить 18 мая 1942 г. в районе Хойя⁶⁴.

В апреле 1942 г. представители советского командования и Ирана встретились возле г. Резайе с 12 представителями курдов, представившими свои требования, в которых содержалось и требование автономии. Делая вид, что СССР поддерживает курдов, советские представители вели «не совсем чистую игру», руководствуясь идеей «реализацией будущих перспектив в регионе»⁶⁵. Вскоре (в апреле–мае 1942 г.) иранскому правительству удалось спровоцировать курдское «восстание» в Резайе⁶⁶.

При этом в странах «оси» и в Иране раздувалась провокационная версия о причастности красноармейцев к дестабилизации обстановки в Резайе⁶⁷. Американский посланник в Иране Л.Г. Дрейфус также сообщал в Вашингтон, что в Тегеране считают виноватыми Советы, не позволявшие правительственным войскам обуздать курдов. Вместе с тем, в Резайе работала прогерманская организация «Голубая партия», во главе с депутатом парламента Х. Новбахтом, поддерживавшим связи с офицером СД Ф. Майером и курдскими вождями⁶⁸. Нацисты распространяли ложные слухи о Красной армии и скором приходе немцев, а также транслировали передачи германского радио⁶⁹.

Хотя при посредничестве советского командования и удалось предотвратить курдско-азербайджанскую резню, иранское правительство все же ввело в г. Резайе бригаду (впоследствии – дивизию) иранских войск. Свою озабоченность этими событиями выразили не только представители Ирана, но и Великобритании, США и Турции⁷⁰. Причем Иран как будто установил прямые контакты по этому вопросу с И. Сталиным⁷¹.

Тем временем США стали проявлять активное внимание к курдскому вопросу. Американцы старались выглядеть беспристрастными посредниками между правящими кругами Ирана и союзниками. Они явно не солидари-

⁶⁴ *Оришев А.Б.* Тайная война спецслужб нацистской Германии.

⁶⁵ *Yassian B.A.* Vision or Reality?, p. 90.

⁶⁶ *Жигалина О.И.* Национальное движение курдов Ирана, с. 116–117.

⁶⁷ *Афросиаб Мухаммед Шариф.* Курдское национальное движение в Иране. (1941–1946 гг.). М., 1995. Канд дис., с. 66.

⁶⁸ *Кузнец Ю.Л.* «Длинный прыжок» в никуда: как был сорван заговор против «Большой тройки» в Тегеране. М., 1996, с. 98. *Оришев А.Б.* Иранский узел, с. 227.

⁶⁹ *Оришев А.Б.* Тайная война спецслужб нацистской Германии.

⁷⁰ *Yassin B.A.* Vision or Reality?, p. 86–87.

⁷¹ Там же, с. 91.

зовались с англичанами, которые пытались распространить свое влияние на север, где стояли части Красной Армии, но еще осенью 1941 г. возобновили деятельность американских миссионерских школ в Северном Иране, действуя в противовес англо-советской активности в регионе.

Под предлогом обеспечения безопасности поставок в СССР военных грузов в Иран в конце 1942 г. были введены американские войска. США установили свой контроль над южным участком Трансиранской железной дороги и портами Персидского залива.

Между тем, в августе 1942 г. из Иракского Курдистана в Мехабад был направлен курдский офицер А. Мирхадж для установления контактов с иранскими курдами и для выяснения возможности направления курдских добровольцев на советско-германский фронт. Однако советские военно-политические деятели убедили его отказаться от осуществления этого плана.

Летом–осенью 1942 г. в ходе стремительного продвижения германской армии на советско-германском фронте в направлении Кавказа, немцы включили курдов в состав Северокавказского легиона, являвшегося составной частью 162-й пехотной дивизии под командованием Оскара Нидермайера, уже имевшего богатый опыт работы среди курдов⁷². Вермахт рвался на Кавказ, и знамя со свастикой на некоторое время было водружено на Эльбрусе.

Прорыв немцами обороны Красной Армии на юге и их продвижение к Главному Кавказскому хребту потребовали от Военного совета Закавказского военного округа, преобразованного летом 1942 г. во фронт, принятия ответных мер. Поздней осенью 1942 г. советские войска остановили наступление немецко-фашистских войск в районе Сталинграда и предгорий Кавказа. Это событие было положительно воспринято просоветски и антифашистски настроенной частью иранских курдов. Так, авторитетный вождь шеккаков Сертип-ага неоднократно жертвовал значительные суммы в «Фонд победы над фашистской Германией». Он открыто заявлял, что только в союзе с Советской Россией и только с ее помощью курды сумеют добиться независимости. Сертип-ага и его окружение выражали четкие антифашистские и просоветские позиции, хотя он, как и некоторые другие видные вожди племен, требовал решительного разрыва с иранскими властями и полной автономии курдских районов⁷³.

И все же Москва не доверяла курдам, считая, что их вожди «меняли своих хозяев в зависимости от выгод момента». Нарком иностранных дел В.М. Молотов, в частности, считал, что на них нельзя полагаться, однако, «это не значит, что нам нужно отказаться от всякого контакта с курдами и от использования этих связей в наших интересах... Следует признать не-

---

⁷² АВП РФ, ф. 194, оп. 528в, д. 35, 1917, л. 52–52 об. *Мирошников Л.И.* Английская экспансия в Иране. М., 1961, с. 15.

⁷³ *Вильчевский О.Л.* Курды северо-западного Ирана, с. 83.

правильность установки на поддержку и содействие стремлению курдов к автономии и созданию независимого Курдистана, поскольку в нынешних условиях Ирана это требование является беспочвенным и реакционным»⁷⁴.

Вместе с тем, советские представители, в частности, в Иране и Ираке через созданные в начале войны компартии в странах проживания курдов ориентировали их на локализацию курдского национального движения рамками существующих государственных границ, используя их националистические организации в своих пропагандистских целях.

Советские внешнеполитические органы делали ставку на новые социальные слои курдского сообщества, возникшие в процессе распада племенных структур. Они старались использовать ростки курдского национализма с целью создания в Курдистане оплота советских интересов у южных границ Советского Союза. Так, в конце 1942 г. А. Забиhi, организатор в Мехабде ячейки Народной партии Ирана – «Туде» (исповедовала коммунистические идеи), приступил к созданию курдской националистической организации «Жекаф» («Возрождение Курдистана», далее – «ЖК»). В ее программе традиционная декларация независимости Курдистана сочеталась с антифашистскими лозунгами и намерением борьбы с реакцией внутри курдского сообщества и правительствами Ирана, Ирака и Турции. Вместе с тем, на первый план выдвигалась задача достижения курдской автономии в этих странах.

Советский консул в г. Резайе Дж.И. Ашумов доносил в Москву, что целью партии «ЖК» являлось создание органов курдского самоуправления в курдских ареалах Ирана, Ирака, Турции и Сирии, которые ведали бы делами автономных территорий⁷⁵. В «ЖК» вскоре выделилось левое крыло, находившееся под покровительством НПИ, руководимое Забиhi, и правое, состоявшее из феодалов и крупных купцов.

Во время войны три союзные державы давали друг другу заверения в том, что они не будут поддерживать курдских сепаратистов, но каждая из них желала использовать курдское движение в своих политических (и экономических) целях.

Ячейки «ЖК» были созданы в Иракском Курдистане, а также в других курдских районах региона. Центральный комитет партии первоначально находился в Мехабде, но вскоре был перенесен в Сулейманию, а в Мехабде оставался филиал, возглавлявшийся Забиhi. Она проводила свою работу и на территории, подконтрольной английским войскам.

В это время иранские курды прилагали все свои усилия для укрепления курдской администрации в Иранском Курдистане. Так, в Резайе они

⁷⁴ Цит. по: Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос, с. 219.

⁷⁵ АВП РФ. Ф. 094, оп. 30, д. 327 п. 369, с. 51. См. также: Афросиаб Мухаммед Шариф. Курдское национальное движение в Иране, с. 73.

провели совещание по вопросу о нейтрализации иранской власти в районе Ушну. В числе прочих решений были высказаны намерения сотрудничать с командованием советских войск, не предпринимать никаких военных действий против частей Красной Армии в Иране, не заключать никаких соглашений с представителями других государств втайне от советских представителей. Об этом они сообщили генерал-губернатору и советскому консулу⁷⁶.

В ряде племен просоветские настроения поддерживались известиями о начале изгнания гитлеровцев из пределов Советского Союза. Узнав о разгроме немецких войск под Сталинградом в феврале 1943 г., Сертип-ага переименовал в честь победы Красной Армии свою родную деревню в окрестностях города Резайе в «Сталинград». Советские позиции существенно укрепились и среди иракских курдов⁷⁷.

К 1943 г. «ЖК» существенно окрепла и имела сеть партийных ячеек на территории Иранского и Иракского Курдистана. Ее руководство обратилось к советским представителям за помощью в организации журнала «Ништеман» («Родина»)⁷⁸. В нем среди прочих материалов публиковались статьи и об Октябрьской революции в России, о Сталине и Ленине, о советских курдах – участниках Великой Отечественной войны.

Усиление симпатий курдов к СССР весьма беспокоило и германскую, и британскую агентуру. В 1943 г. после поражений вермахта под Сталинградом и на Курской дуге, когда рухнули планы прорыва вермахта на Ближний и Средний Восток, немцы особенно активизировали свою диверсионную деятельность в Иранском Курдистане с помощью курдов⁷⁹.

Кроме того, если на некоторых фронтах Второй мировой войны союзники проявляли единство действий, то в Западной Азии они выступали конкурентами Советскому Союзу, пытаясь воспользоваться его ослабленным войной положением, а также прибегнуть к помощи курдов при осуществлении их замыслов добраться до кавказской нефти. В разгар Второй мировой войны обострилось англо-советское соперничество за контроль над богатыми нефтью и газом курдскими районами Ирана и Ирака. С 1943 г. иранской нефтью стали интересоваться и американцы.

Тем временем турецкое правительство и англичане стали рассматривать свои интересы в Иракском Курдистане сквозь призму советской политики в Северном Иране.

---

⁷⁶ Там же, с. 79.

⁷⁷ Вильчевский О.Л. Курды северо-западного Ирана, с. 75.

⁷⁸ Vali A. Kurdish Nationalism in Iran: The Formative Period, 1942–1947. – The Journal of Kurdish Studies. Vol. II, 1996–1997, Peeters Press, 1977.

⁷⁹ Опишев А.Б. Тайная война спецслужб нацистской Германии.

Активность англичан среди курдов была весьма значительной. В 1942 г. они стали покровительствовать деятельности партии «Хива», пропагандировавшей курдские националистические идеи. Она издавала легальный орган, много книг на курдском языке, стремясь привлечь к себе курдов Ирана и Турции. К 1943 г. она превратилась в крупную организацию, действовавшую во всем Иракском Курдистане. Англичане использовали свое влияние над ней с целью поднять восстание, направленное против иракского правительства, до известной степени – против Турции, что вызвало обеспокоенность турок, создавших совещание своих сторонников среди курдской знати⁸⁰. Англичане намеревались придать этому восстанию и антисоветский характер, втянув в него курдов из зоны дислокации советских войск и прилегающих районов. Они преследовали цель спровоцировать советско-курдское столкновение, поскольку некоторые вожди племен (как, например, Карани-ага Зерзинский или Сертип-ага Шеккакский) требовали решительного разрыва с иранскими властями и полной независимости курдских районов. Это, по мнению англичан, должно было вызвать осложнение советско-иранских отношений, а также настроить советских представителей против иракских курдов.

Британская агентура сделала ставку на авторитетного вождя барзанских курдов муллу Мустафу Барзани, который был настроен на борьбу за возвращение курдам Ирака их предусмотренных конституцией прав⁸¹. В то же время англичане выступили посредниками между муллой Мустафой и иракским правительством, которое пыталось договориться с М. Барзани, аргументируя тем, что он вел войну против иракского правительства, являвшегося союзником Англии и Советского Союза. При этом английский посол в Багдаде г-н Корнуоллис заверял Муллу Мустафу в том, что Англия поддержит требования курдов после Второй мировой войны.

Однако вскоре Барзани стал понимать, что восстание становится средством для выполнения английских замыслов в Ираке. Уже к концу восстания он начал проявлять интерес к деятельности левых курдских политических организаций, и в особенности к курдским офицерам, убедивших Барзани пойти на разрыв с англичанами, отказавшимися признать требования об автономии курдских районов Ирака.

Впоследствии М. Барзани писал в одном из своих писем: «Для наших племен конечная цель заключается в достижении свободы и независимости. Для этого мы неоднократно восставали, нам это было необходимо и явля-

⁸⁰ Балаян Б.П. Национальные проблемы на юге современного Ирана. Ереван, 1981. Докт. дисс., с.113–114.

⁸¹ По вопросу организации этого восстания существуют различные точки зрения. В советской историографии утверждается, что оно было спровоцировано англичанами (О.Л. Вильческий). Курдские авторы пишут, что Барзани поднял восстание сам, без подстрекательства англичан (см.: Yassin B.A. Vision or Reality?, p. 122–123).

лось нашей первоочередной задачей. Мы сочли нужным связать свою судьбу с Советами как с властью, являющуюся опорой свободы и надежды народов. Эта связь начала устанавливаться с мая-месяца 1944 г. В это время среди “Барзанинцев” уже существовал “Фронт свободы”. С этого времени я поддерживаю связи с военными и политическими представителями Советского государства»⁸².

Тем временем в районы восстания были направлены в качестве посредников между повстанцами и иракской армией курды-офицеры, некоторые из которых являлись членами «ЖК» (англичане не знали, что они были связаны с советской агентурой). Их назначали военными губернаторами в курдских районах, в которых стали применяться некоторые элементы курдской автономии. В дальнейшем политика иракского кабинета в курдском вопросе стала развиваться по советскому сценарию, хотя документ о курдской автономии был составлен англичанами.

Когда в ходе Второй мировой войны настал переломный момент в пользу антифашистской коалиции, Курдистан сразу стал ареной нарастающего политического соперничества США, СССР и Великобритании. Каждое из трех государств намеревалось упрочить свои позиции в этом регионе. Это противоборство определялось стремлением перехватить у англичан экономические преимущества в северных районах Ирана и Ирака, населенных курдами. Как известно, нефтяная промышленность, в частности, в Иране принадлежала английскому государственно-монополистическому капиталу⁸³. Новым этапом развития этой интриги стал 1944 год.

В апреле 1944 г. премьер-министр Ирака Сеид Нури предложил курдским вождям объединить все пять курдских лив Ирака в один автономный курдский вилайет (провинцию), создать там специальные управления по просвещению и судебным делам, а также назначать именно курда заместителем премьер-министра Ирака. Однако эти планы реализовать не удалось⁸⁴. Они явно шли вразрез с заинтересованностью англичан и американцев в Иракском Курдистане и его нефтяных ресурсах.

В апреле 1944 г. в Вашингтоне состоялась англо-американская конференция. Одним из обсуждаемых вопросов был и пункт об установлении принципа равных возможностей в деле приобретения концессий. Разумеется, этот вопрос имел прямое отношение к разработке месторождений ближневосточной нефти.

Вместе с тем советское руководство обещало М. Барзани всестороннюю поддержку в борьбе за автономию, чтобы способствовать смещению

---

⁸² *Барзани М.* Мустафа Барзани и курдское освободительное движение (1931–1961 гг.). СПб., 2005, с. 317–318.

⁸³ *Алиев С.М.* История Ирана, с. 203.

⁸⁴ *Курдское движение в новое и новейшее время.* М., 1987, с. 168–169.

недружественного СССР правительства Саида Нури в Ираке⁸⁵. Хотя в начале июня 1944 г. его правительство, действительно, подало в отставку, Запад продолжал вести с его помощью хитроумные интриги среди иракских курдов.

Все это подтверждает то, что «возможность Советского Союза манипулировать курдами серьезно беспокоила правительства Ирана, Турции и Ирака». Советский Союз действительно предпочитал использовать курдов соседних стран для продвижения своих интересов в регионе, в особенности для оказания давления на недружественные режимы. Склонность Советского Союза к прямой поддержке курдского меньшинства в других странах, тем не менее, мотивировалась стремлением не отдалять эти страны слишком далеко от себя и не ставить под угрозу двухсторонние отношения. Для Советского Союза наиболее соблазнительным и выгодным был канал не прямой поддержки курдского меньшинства через третьи партии»⁸⁶.

Курды и ирано-советский нефтяной кризис

Со второй половины 1944 г. становится очевидным приближающийся разгром гитлеровской Германии во Второй мировой войне. Близилось время нового «передела мира». Лондон и Вашингтон под давлением общественного мнения готовились к выводу своих войск, дислоцированных в странах Западной Азии. При этом их беспокоил вопрос о сохранении в регионе позиций Великобритании и США. С целью создания опоры для реализации своих интересов в Западной Азии политическая агентура этих стран усилила поддержку «феодалного национализма» курдских племен в Иране и Ираке.

Вместе с тем, активность в Иране американских представителей крупных нефтяных компаний и доброжелательное отношение к ним правительства Мохаммеда Саеда вызвали недоброжелательную реакцию АИНК⁸⁷ и английского правительства.

В конце 1944 г. М. Мосаддык, депутат меджлиса, внес на рассмотрение законопроект, запрещающий правительству вести переговоры с ино-

⁸⁵ Свободный Курдистан № 8 (74), август 2009, с. 16.

⁸⁶ Документы американского посольства в Тегеране. Т. 31. Тегеран, [б.г.].

⁸⁷ АИНК – Англо-иранская нефтяная компания

странными представителями или частными компаниями относительно иранской нефти, равно как и подписывать с ними договора о предоставлении концессий.

Нельзя исключать, что это решение было принято не без влияния деятельности миссии А. Милspo (с перерывом, с конца 1942 г. по январь 1945 г.), распоряжавшейся иранскими финансами и получившей от меджлиса чрезвычайные полномочия не только в сфере финансов, но и экономики в целом.

Опасаясь обострения отношений между союзниками, правительство М. Саеда приняло решение не выдавать никаких новых концессий иностранным компаниям до окончания войны.

Невзирая на это, советское руководство настаивало на получении концессии на совместную советско-иранскую разработку нефтерождения в Северном Иране, срок действия которой определялся в 60 лет. Это должно было быть совместным ирано-советским предприятием. При этом шах Мохаммед Реза Пехлеви принял советскую правительственную делегацию, возглавляемую С. Кавтарадзе, заместителем комиссара иностранных дел, тем самым, как будто одобряя партнерские советско-иранские экономические отношения. Делегация также посетила районы будущей деятельности совместной нефтяной компании. Однако большинство членов меджлиса поддержало позицию Саеда и отказалось от заключения нефтяного соглашения с Советским Союзом, что мотивировалось опасениями «вызвать недовольство американской стороны»⁸⁸.

Между тем, советская внешнеполитическая пропаганда использовала курдские организации и СМИ для поддержки своей политики в этом вопросе. Так, например, в листовке «ЖК» № 312 от 2 октября 1944 г. выражена поддержка попыткам Советского Союза получить концессию на разработку нефти в Северном Иране.

Ирано-советский кризис стал катализатором напряженности между Советским Союзом и США в отношении Ирана⁸⁹. При этом Советский Союз стал открыто поддерживать националистические устремления курдов⁹⁰. Советская политика была нацелена на ослабление английских позиций в центральных и южных районах Иранского Курдистана.

С конца 1944 г. активисты «ЖК» сосредоточили свои усилия на формировании независимых от иранской администрации курдских районов в центральной и южной частях Иранского Курдистана, находившихся в зоне дислокации английских войск и непосредственно примыкавших к террито-

---

⁸⁸ Там же, с.213.

⁸⁹ *McFarland S. A Peripheral View of the Origin of the Cold War. The Crises in Iran, 1941–1947. – Diplomatic History. Vol. 4, No. 4, 1980, p. 340.*

⁹⁰ *Eagleton W. The Kurdish Republik in Mahabad, p.23–24.*

рии Англо-иранской нефтяной компании. Там наблюдалась активизация общественной жизни под влиянием совместной работы функционеров «ЖК» и НПИ, а в ряде его районов в 1945 г. вспыхнули антиправительственные курдские мятежи.

В целом, советская политика в отношении курдов в ходе войны обусловливалась не только обороной южных рубежей страны, но и стремлением захватить приоритеты в экономически выгодных районах Курдистана (Ирана и Ирака) с преимущественно курдским населением. Москва боролась за влияние в Курдистане не только с нацистами, но и со своими британскими и американскими союзниками. Советский Союз стремился всячески воспрепятствовать тому, чтобы нефтяные месторождения Северного Ирана эксплуатировались какой-либо другой державой. СССР начал проводить активную политику по курдскому вопросу, потому что исход войны уже был предрешен. Теперь Кремль был заинтересован в создании в Курдистане опоры своим интересам. Поэтому советские военные и дипломатические представители, работавшие непосредственно среди курдов, полагали полезным для осуществления советских интересов на Ближнем и Среднем Востоке создавать среди курдов иллюзию того, что СССР разделяет их взгляды на проблему курдского самоопределения. Это вселяло курдам надежду на реализацию их чаяний в будущем.

На самом деле было очевидно, что во время Второй мировой войны Советский Союз, равно как и другие сверхдержавы, вовсе не стремился к решению курдского вопроса. «Судьбу Курдистана с точки зрения его интересов никогда не рассматривали в Кремле, как, впрочем, и в Лондоне, и Вашингтоне. И Запад, и нас интересовало одно – доступ к месторождениям нефти в странах Ближнего и Среднего Востока, как ни цинично это выглядит», – писал П.А. Судоплатов⁹¹.

На исходе войны истощенный и ослабленный Советский Союз не был способен вынашивать какие-либо экспансионистские замыслы в отношении Ирана или Ирака. Его политика в их курдских ареалах диктовалась, прежде всего, интересами безопасности южных границ СССР и обороны Кавказа.

Однако англичане и американцы представляли советскую политику как наступательную. Американский исследователь У.Хоуэлл, исследовавший советскую политику в отношении своих и зарубежных курдов в 40-е годы XX в., пришел к заключению, что «курдская проблема на Ближнем и Среднем Востоке использовалась Советским Союзом в зависимости от стоявших перед ним задач в регионе»⁹².

⁹¹ Цит. по: Свободный Курдистан. Август 2009, № 8(74), с. 16.

⁹² Цит. По: Yassin B.A. Vision or Reality? См. также: Howell W.N. Jr. The Soviet Union and the Kurds: A Study of National Minority Problems in Soviet Policy, (unpublished PH.d. dissertation, University of Virginia), 1965.

Советская политика во время «курдского кризиса» 1945 г.

Советское руководство не собиралось отказываться от намерений упорочить свои политические и экономические позиции в курдских районах Ирана и Ирака. Оно, главным образом, возлагало надежды на присутствие в Северном Иране частей Красной Армии, поддержку курдских организаций и компартий. Великобритания и США стремились закрепить свое влияние в этих же районах.

После отъезда из Тегерана в декабре 1944 г. миссии Кавтарадзе советское командование стало укреплять позиции в зоне своей ответственности. Кроме того, на Ялтинской конференции советская сторона отклонила предложение Великобритании о выводе союзнических войск из Ирана.

В начале 1945 г. в ряде городов Иранского Курдистана начались беспорядки. Иранское правительство добилося согласия англичан и американцев на ввод туда иранских войск. Однако советское командование не поддержало это предложение. Иранцы обратились за содействием к американцам, которые также не поддерживали их, поскольку опасались, что вторжение иранских войск в зону советской ответственности осложнит ситуацию в регионе. Иранский Курдистан становился, однако, зоной нестабильности: беспорядки возникли в Мехабаде и Саккызе, вне советской зоны ответственности. При этом советская сторона и курды категорически отказывались согласиться на ввод иранских войск в Мехабад, где численность курдских вооруженных формирований достигала 6 тыс. бойцов.

С начала февраля 1945 г. советские представители предприняли попытки использования повстанческого движения иракских курдов под руководством авторитетного курдского вождя Муллы Мустафы Барзани. В феврале 1945 г. под его руководством был создан Комитет свободы, который вскоре создал свои ячейки во всем Курдистане и начал работу по сплочению сил курдского сопротивления, которую поддерживали такие организации, как «Хива» и левая организация «Шорыш» («Революция»), а также группа курдских коммунистов, сплотившаяся вокруг газеты «Азади» («Свобода») ⁹³. Повстанцы выступили с требованием восстановления в курдских районах Ирака обещанной в 1943 г. иракскими и английскими

---

⁹³ Лазарев М.С. Курдистан и курдский вопрос, с. 229.

правительствами автономии Иракского Курдистана. Как впоследствии выяснилось, Барзани пользовался помощью Советского Союза, но для реализации собственных интересов⁹⁴.

Очевидно, что в этих условиях Багдад и Лондон приступили к подавлению восстания, руководимого М. Барзани. Их агентура стала действовать через шейха Ахмада, брата М. Барзани и духовного лидера барзанских курдов, поведение которого не способствовало успеху восстания. В действиях против повстанцев участвовала английская авиация, несколько раз бомбившая селения в районе восстания. В то же время англичане с первых дней восстания старались активно воздействовать на руководство повстанцев и направить восстание против Турции и Ирана, с целью провоцирования беспорядков в зоне расположения советских войск на иранской территории.

Курды-офицеры вели переговоры с М. Барзани о продолжении восстания и, возможно, об объединении курдского движения Ирака и Ирана. Однако Мулла Мустафа отказался от предложений расширить восстание в пограничных районах Турции и Ирана, поскольку он твердо придерживался курса локализации восстания рамками Иракского Курдистана. Это аргументировалось опасениями придания восстанию антисоветского характера, восстановления против курдов Советского Союза и Турции.

Сотрудничество Барзани с советскими представителями не делало его «советским» человеком: он всегда ставил во главу угла свои задачи и впоследствии всегда говорил о неприятии ни коммунистических идей, ни социалистического образа жизни и мышления.

М. Барзани направил английским властям в Ираке письмо, в котором объяснял, что восстание носит чисто внутренний характер ради достижения законных прав курдского народа. В то же время он направил письмо в адрес И.В. Сталина и В.М. Молотова, заверяя их, что восстание не преследует никаких антисоветских целей и носит чисто внутренний характер. Планы осуществления советских интересов в Иракском Курдистане при опоре на М. Барзани потерпели полный провал.

Восстание было подавлено: на севере Ирака развернула наступление ударная группа иракской регулярной армии, насчитывавшая 25 тыс. человек, под командованием английского генерала Рентона, сопровождавшееся действиями авиации⁹⁵. Подавление курдского восстания открывало англичанам дорогу к границам Закавказья.

Потенциальная возможность англо-советского столкновения в этом регионе заставляла советское руководство озаботиться вопросом обеспечения Красной армии, дислоцированной на иранской территории. Не случай-

⁹⁴ Yassin B.A. Vision or Reality? p. 133–134.

⁹⁵ Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные. Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М., 2008, с. 210.

но 21 июня 1945 г. И.В. Сталин как председатель государственного комитета обороны подписал специальное секретное постановление о проведении соответствующими учреждениями геологоразведочных работ в северных провинциях Ирана. Они должны были быть ориентированы на поиск нефти и газа. Для исполнения постановления И. Сталина при объединении «Азнефть» (Баку) было создано специальное гидрологическое управление в составе расположенной в районе г. Казвин воинской части. Официально управление занималось поисками подземных водных ресурсов, а в действительности оно вело разведку нефти в Иранском Азербайджане и Гиляне⁹⁶.

Это сопровождалось усилением напряженности советско-американских отношений вокруг Ирана, правительство которого было озабочено наличием оружия у курдов.

Тем временем в Иранском Курдистане продолжались беспорядки: курды Хамадана, а затем и Меривана под руководством местной ячейки НПИ в июне выступили против произвола военных губернаторов. Но эти мятежи были жестоко подавлены, что было в определенной степени связано и с начавшими противоречиями внутри «ЖК».

Поощряя восстания барзанцев и мериванцев, руководимых небольшими группами политических деятелей левого крыла комитета «ЖК», советская агентура старалась нейтрализовать британскую пропаганду, призывавшую иранских курдов к объединению всех курдских районов в один компактный массив. Это противоречило интересам СССР, обеспечившего себе поддержку в Северо-Западном Иране.

Обострение соперничества в курдском ареале сопровождалось усилением интереса к курдам американской политической агентуры. Американская пропаганда среди курдов в последние годы войны шла в основном через Общество иракско-американских культурных связей в Багдаде, возглавляемом американским врачом Холфом. Он хорошо изучил курдскую проблему и владел курдским языком, также как и другой сотрудник этой же организации капитан Вильсон.

Незадолго до окончания войны американцы стали налаживать связи с курдской феодальной верхушкой и курдской интеллигенцией Ирака, оппозиционно настроенной к иракским правящим кругам, недовольной английской политикой в стране. В дальнейшем американская пропаганда стремилась использовать их в интересах укрепления позиций США на Среднем Востоке. Вашингтон, прежде всего, интересовали богатые нефтяные ресурсы Ирана и Ирака, куда были направлены эксперты американских нефтяных компаний. Американские военно-политические круги всерьез обсуждали планы создания «Великого Курдистана» под американским протекторатом для захвата кавказской нефти и нефтяных территорий Мосула, Керманшаха,

---

⁹⁶ Алиев С.М. История Ирана, с. 214.

Сулеймании и Диарбакыра. Они советовали иранскому правительству увеличить вооруженные силы путем мобилизации курдских, арабских и других племен, живших в Иране. Рассматривались также и проекты создания «стратегических» границ в районах с курдским и азербайджанским населением.

Очевидно, что подобные намерения не могли оставаться без внимания советских внешнеполитических органов. Советское руководство приняло решение поддержать подготовку создания автономных республик (Курдской и Азербайджанской)⁹⁷ на территории Ирана. Это явилось важным политическим шагом, направленным на обуздание замыслов Великобритании и США в отношении Северного Ирана, Ирака и Закавказья и укрепление советских позиций в этой части региона, а также на оказание давления на правительства Ирака и Ирана. Осуществлению этого курса способствовало дружелюбие иранских курдов к Советскому Союзу, одержавшему победу над германским фашизмом. Их торговые связи с Закавказьем, братание с закавказскими курдами и другим народами Кавказа, служили важным подспорьем для СССР в его борьбе за упрочение своих политических и экономических позиций в курдских районах, хотя, по мнению У.Иглтона, весьма осведомленного в курдских делах того периода, «советская политика не была последовательной и скоординированной»⁹⁸.

По мнению американского профессора Р.Олсона, «иранский или азербайджанский кризис» 1945–1946 гг. является отклонением от политики Советского Союза в 1921–1990 гг., поддерживавшего курдский национализм как цель долгосрочной внешней политики»⁹⁹.

Вместе с тем, некоторыми зарубежными политологами и политиками высказывается мнение о том, что с 1944 г. Советский Союз якобы нацеливал иранских азербайджанцев, среди которых было сильно влияние партии «Туде», и курдов на «формальное отделение от Ирана как начало присоединения (Иранского Азербайджана и Курдистана. – О.Ж.) к Советскому Союзу»¹⁰⁰. Они мотивируют свой тезис тем, что некоторые курды ратовали за независимость Иранского Курдистана.

Как было показано выше, среди иранских курдов не было единого мнения по вопросу курдского самоуправления. В то же время советские

⁹⁷ Сначала планировалось создать одну республику – Азербайджан, в которую курдский ареал входил бы в качестве автономного территориального образования. Однако впоследствии курды добились согласия советского руководства на формирование отдельной Курдской республики, поскольку между курдскими и азербайджанскими автономистами находились глубокие идейно-политические противоречия (см. подробнее: *Иванов М.С.* Очерки новейшей истории Ирана. М., 1965. с. 105–113.

⁹⁸ *Eagleton W.* The Kurdish Republic of Mahabad, p. 41–42.

⁹⁹ *Olson R.* The Creation of a Kurdish State, p. 8.

¹⁰⁰ *MacDowell D.* A Modern History of the Kurds. L., 2004, p. 239.

представители поддерживали курдских «автономистов», стремившихся к созданию самоуправляющегося района в рамках Ирана на основе конституции. Вместе с тем, элита племен, поддерживаемая англичанами и внедрившаяся в руководство ДПИК, ратовала за провозглашение независимости. Это противоречие в дальнейшем легло в основу интриги, спровоцировавшей провозглашение Мехабадской республики якобы по указанию Кремля. На самом деле это событие, по-видимому, инициировалось руководителями курдских племен, подталкиваемыми англичанами. Иранское руководство жестоко расправилось с «автономистами».

Согласно интерпретации этого вопроса некоторыми авторами, советская поддержка подготовки создания Курдской республики в Мехабаде (Иранский Курдистан) имела «геостратегическое значение в преддверии «холодной войны» с Соединенными Штатами»¹⁰¹. И с этим нельзя не согласиться.

Весьма аргументированное мнение выражает Фред Лоусон, в частности, мотивирующий его тем, что советские действия являлись ответом на постепенную эскалацию американского влияния и увеличение военного присутствия США в зоне Персидского залива, в особенности в последние два года Второй мировой войны. Он полагает, что «силовые позиции Соединенных Штатов представляли... косвенную угрозу безопасности Советского Союза»¹⁰². Однако, по мнению советского правительства, эту угрозу нельзя было назвать косвенной.

Советский Союз стремился избежать вооруженного столкновения со своими союзниками у границ Кавказа. В связи с этим он старался заручиться поддержкой своей политики у иранских и иракских курдов-«автономистов».

В сентябре 1945 г. Кази Мохаммед, Саиф Кази и ряд других курдских лидеров посетили Баку, где их принял первый секретарь компартии Азербайджана М.Дж. Багиров, который пытался выяснить запросы курдов. После двухнедельного пребывания делегации в Советском Азербайджане облаканные и одаренные курды вернулись в Иранский Курдистан с ощущением того, что Советский Союз на их стороне. В дальнейшем курды стали чаще контактировать с советскими дипломатами и агентами, высказывая им свои требования: разрешение на ношение оружия, использование курдского языка в школах, «свобода в осуществлении своих национальных задач». Советские представители, однако, говорили лишь о необходимости поддержания безопасности в районе, одаривали сахаром да чаем¹⁰³.

В конце сентября 1945 г. состоялся второй визит курдской делегации в Баку, во время которого курдская делегация высказала свое стремление

---

¹⁰¹ Там же, р. 9.

¹⁰² *Lawson F.* The Iranian Crisis of 1945–1946 and the Spiral Model of International Conflict. – *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 21, 1989, p. 307–326.

¹⁰³ Там же, р. 24.

создать независимое курдское государство. Однако Багиров убедил их в том, что с этим не стоит торопиться, поскольку «пока существует Советский Союз, курды будут иметь свою независимость»¹⁰⁴. А пока следует сосредоточиться на задаче создания автономии. Курды уточнили, что они хотят иметь автономный Курдистан, не связанный с автономным Азербайджаном. Кроме того, обсуждались вопросы финансирования и военного обеспечения. Багиров пообещал оказать финансовую помощь, поставить танки, пушки, пулеметы и винтовки и пригласил группу курдской молодежи на обучение в военное училище.

Как впоследствии оказалось, реальная советская помощь курдам, ратующим за автономию, тогда ограничилась предоставлением печатной машины, типографских принадлежностей и обмундирования для командного состава.

В 1945 г. курды приступили к созданию новой политической организации – Демократической партии Иранского Курдистана¹⁰⁵.

В сентябре 1945 г. советский консул в Резае Хашимов создал в Мехабде Культурный центр, где состоялось учредительное собрание новой курдской легальной партии. На нем выступил Кази Мохаммед, рассказавший о поездке в Баку и намерениях советских представителей помочь созданию новой партии на демократических принципах. В нее вошли крупные помещики, представители торговой буржуазии и племенной верхушки, которые пользовались большим влиянием в широких массах курдского населения Ирана, а также значительное число бывших членов «ЖК». Новую курдскую партию возглавил умеренный курдский политик Кази Мохаммед, ратовавший за создание культурной автономии с центром в Мехабде в рамках иранского государства. В течение полугода ДПИК вела организационную работу для создания курдской автономии.

Советское командование пыталось реализовывать политические интересы СССР в Иранском Курдистане благодаря поддержке Кази Мохаммеда на посту председателя ДПИК. Кроме того, начальником жандармерии (якобы по совету советских представителей) был назначен Саиф Кази, брат Кази Мохаммеда.

¹⁰⁴ Там же, р. 45.

¹⁰⁵ Мнения специалистов по вопросу формирования ДПИК расходятся. Одни из них считают, что в ее формировании была заинтересована советская сторона. Однако прямых доказательств этого нет. Полагают, что якобы Дж. Багиров мог подтолкнуть курдских вождей на ее создание. Другие полагают, что образование политической организации иранских курдов являлось ответом на сопротивление племен процессу перевода их на оседлость. Так или иначе, но возникновение курдского национального движения, выступившего со своей политической программой курдской автономии противоречила политике иранского руководства в отношении национальных меньшинств.

25–28 октября 1945 г. в Мехабаде состоялся первый съезд ДПИК. На нем была выработана, а затем и опубликована декларация, основные положения которой сводились к определению статуса самоуправления курдского автономного района с центром в Мехабаде, где на основе иранской конституции будет создан областной энджумен (местный орган самоуправления) Курдистана, который установит контроль над всеми общественными и государственными делами¹⁰⁶.

Вернувшиеся со съезда вожди курдских племен сообщили своим соплеменникам о том, что ДПИК создана «с ведома и поддержки органов Советской власти... и что курды объединились с русскими»¹⁰⁷. Однако их стремления вождей к независимости противоречили целям курдского руководства (создание автономии).

Тем временем после подавления автономистского движения в Ираке в октябре 1945 г. на иранскую территорию перешел отряд Муллы Мустафы Барзани, численностью в 2 тыс. человек, и шейх Ахмад, его брат, духовный наставник барзанцев. Это явилось зацепкой для Великобритании для провоцирования «курдского» кризиса: англичане стали активно поддерживать сепаратистские настроения курдской племенной элиты, что, в конечном счете, предопределило гибель будущей Мехабадской республики.

Итак, переход отряда Барзани в Иран весьма озаботил британскую военную агентуру, начавшую шумиху вокруг слухов о том, что в Мехабаде якобы ведется подготовка «общего восстания всех курдов». Поговаривали, будто Барзани со своим отрядом, насчитывавшим 30 тыс. бойцов, призывает весной объединиться вокруг него иракских и турецких курдов с целью создания единого независимого государства, территория которого займет пространство от Искендеруна на Средиземном море до северного побережья Персидского залива. Оно включило бы в себя курдское население не только Ирана, Ирака, Сирии и Турции, но и Советского Союза. Но особенно волновало англичан то, что в границах этого государства оказались бы турецкие месторождения хрома и владения крупнейшей международной нефтяной концессии в районе Киркука и Мосула.

Нагнетание напряженности вокруг курдского вопроса вызвало обеспокоенность Турции, направившей для защиты своих кавказских рубежей воинские части, что, в свою очередь, озаботило советское правительство. Турки опасались возникновения курдских мятежей в районе, граничащем с вилайетами Карса и Ардагана. Присоединения этих вилайетов с преимущественно армянским населением к своим территориям будто бы требовал Советский Союз в качестве компенсации за возобновление Договора

---

¹⁰⁶ *Фаризов И.О.* Вступительная статья. – *Никитин В.* Курды. М., 1954, с. 15–16.

¹⁰⁷ АВПРФ, ф. 094, оп. 21, д. 26, п. 320.

о дружбе с Турцией. Кроме того, правящие круги Турции, Ирана и Ирака беспокоились, что они не справятся с общекурдским восстанием без участия какой-либо великой державы.

М. Барзани, по свидетельству его сына Масуда, имел непосредственные связи с советскими представителями. Кази Мохаммед распорядился об оказании барзанцам помощи и поддержки: снабдить их продовольствием и фуражем для лошадей¹⁰⁸. Несмотря на свое бедственное положение, иракские курды продавали свое имущество, чтобы купить оружие, поскольку весной они планировали вернуться в Ирак. Однако советские представители настоятельно посоветовали М. Барзани на время скрыться, поскольку наблюдались непрерывные протесты и сильное политическое давление со стороны британского и иракского правительств¹⁰⁹.

М. Барзани был назначен главнокомандующим курдскими вооруженными силами и получил звание генерала курдской армии. Он командовал теми частями, которые осуществляли безопасность южной границы Мехабадской области от возможного вторжения туда иранской армии, дислоцировавшейся в центральных районах Курдистана.

Вместе с тем, Кази Мохаммед опроверг домыслы о подготовке общекурдского восстания. Он заявил, что иранские курды боролись за свои национальные права, за демократизацию общественной жизни и были намерены вести эту борьбу в рамках иранской конституции. Это противоречило заинтересованности вождей племен, поддерживаемых англичанами. Не случайно Кази Мохаммед впоследствии говорил Барзани: «Опирайся только на своих бойцов... Опасайся вождей племен, которые при первой возможности избавятся от тебя»¹¹⁰.

В ноябре 1945 г. в Иранском Курдистане начался процесс создания энджуменов (местных органов самоуправления), а в декабре 1945 г. была опубликована программа ДПИК, которая, действительно, ставила цель создания автономии для курдов Ирана в рамках иранского государства.

О своем вступлении в состав ДПИК, возможно не без подстрекательства англичан, стали заявлять вожди курдских племен. Из верхушки родоплеменных вождей, знати, богатого купечества и рядов курдской буржуазии выдвинулись почти все активные деятели центральных и местных организаций партии. Они принимали самое активное участие в церемонии поднятия курдского знамени, сопровождавшейся исполнением курдского гимна, во всех местностях Мехабадской области. Курды скандировали – «Да здравствуют курды и Курдистан», «Да здравствует Сталин, освободитель малых народов».

¹⁰⁸ Барзани М. Мустафа Барзани и курдское освободительное движение, с. 115.

¹⁰⁹ Там же, с. 116.

¹¹⁰ Там же, с. 139.

Однако цель советского руководства состояла в том, чтобы «использовать движение курдов в конфронтации с Западом... Идея создания Курдской республики позволила нам (СССР. – О.Ж.) проводить политику, направленную на ослабление британских и американских позиций на Ближнем Востоке, но широкие слои курдского населения были безразличны к действиям, направленным против англичан и американцев в этом регионе», – писал П. Судоплатов¹¹¹.

Интересы курдов и Советского Союза не совпадали. В то время как курдские «автономисты» уповали на поддержку Советского Союза в провозглашении Курдской республики в Мехабаде, советское руководство не собиралось проводить активную политику в этом направлении. Так, на трехсторонней встрече (СССР, Великобритания, США) в Москве 16–26 декабря 1945 г. В.М. Молотов сказал, что Советский Союз считает вопрос о севере Ирана «внутренней проблемой Ирана, и СССР не вмешивался и не участвовал в событиях в этом районе»¹¹².

Проблема курдской автономии интересовала советское руководство настолько, насколько она была полезна для политического и экономического закрепления позиций Советского Союза в курдских районах. Однако ставка Москвы на националистические круги иракских и иранских курдов оказалась не очень удачной.

В отстаивании национальных интересов своей страны важную роль сыграла тонкая и опасная работа бесстрашных и бескорыстных советских военных, разведчиков и дипломатов, предотвративших развязывание широкомасштабного международного конфликта на Ближнем и Среднем Востоке.

---

¹¹¹ Судоплатов А. Разведка и Кремль. М., 1992, с. 318.

¹¹² АВПРФ, Фонд Молотова, оп. 2, д. 7, п. 4, с. 24.

Глава 10.

Советский Союз и Турция (1933–1941)

Известно, что 1933 год в Европе начался с события, которое окончательно определило последующий, более чем десятилетний период мировой истории как один из самых трагических и кровавых ее периодов, лишивший жизни десятки миллионов людей. 31 января наступившего нового года согласно демократической системе Веймарской Германии законную власть в ней получил вождь германских фашистов Адольф Гитлер – он был назначен рейхсканцлером. Фашистские власти Испании и Италии обрели в Европе своего неистового лидера, в двух главных политических центрах влияния – проанглийском и прогерманском – началось постепенное осмысление возникшей новой ситуации в мире, поиски союзников, конструирование коалиций.

Для Советского Союза в такого рода поисках турецкое направление сохраняло большую значимость – совсем недавно СССР и Турецкая Республика предстали на мировой арене в новых системных образованиях, и в деле защиты своих новых режимов от внешнего вмешательства (тогда – стран Антанты) они стали естественными союзниками, несмотря на наличие между ними давних противоречий по Проливам и по влиянию на Кавказе. Советско-турецкий Договор о дружбе и братстве (март 1921 г.) регулировал отношения на Кавказе; в то же время принятая в 1923 г. на Лозаннской мирной конференции Конвенция по Проливам противоречила интересам Советской России и не была ею ратифицирована¹; наконец, подписан-

---

¹ В Лозанне «Англия прежде всего добилась своей главной цели, договорного фиксирования открытия проливов для посторонних военных судов. Эта крупнейшая победа английского империализма была санкционирована конференцией... Недолговечность соглашения об открытии проливов настолько очевидна, что даже наиболее англофильская часть французской прессы признает, что конвенция о проливах может просуществовать лишь весьма недолго» (*Чичерин Г.В.* Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961, с. 7).

ный 17 декабря 1925 г., т.е. уже в мирное время, Парижский Договор о дружбе и нейтралитете определял на два десятилетия вперед дружеские, добрососедские отношения между двумя государствами².

Современные турецкие историки, перечисляя главные причины советско-турецкого боевого сотрудничества начала 20-х годов, основной считают следующую – «враг моего врага – мой друг». «Большевистское государство было первым, признавшим независимость и территориальную целостность анкарской власти и отвергло капитуляции»³ «С точки зрения советско-турецких отношений договор 1925 г. служил естественным развитием тесной дружбы между обеими странами, основанной на предыдущих договорах и на той поддержке, которую Советское правительство оказывало турецкому национально-освободительному движению». Договор 1925 г. предусматривал, что «в случае военного выступления против одной из договаривающихся сторон со стороны одной или нескольких третьих держав другая договаривающаяся сторона обязуется соблюдать нейтралитет по отношению к первой» (ст. 1). Каждая из сторон также обязалась воздерживаться от всякого нападения на другую сторону и не принимать участия ни в каком союзе, политическом соглашении или ином акте одной или нескольких третьих держав, направленном против другой стороны (ст. 2), причем разъяснялось, что под соглашениями «политического характера» понимаются также все финансовые или экономические соглашения между державами, направленные против другой договаривающейся стороны (протокол II)⁴.

В последующие годы Турция установила дипломатические отношения со многими странами – Германией, Австрией, Болгарией, Венгрией, Польшей, Югославией и др. Договоры были построены на принципах взаимного уважения суверенитета, предусматривали развитие торговых связей. Что же касается отношений Турции с державами-победительницами, они почти десятилетие сохраняли иной характер. Даже подписав мирный договор в Лозанне, эти державы, прежде всего Англия и Франция, поддер-

---

² «Подписание в 1925 г. в Париже договора о нейтралитете с СССР состоялось через две недели после Локарно и стало ответом на Локарно» Речь шла о подтверждении неизменности советско-турецких отношений, что отвечало интересам и СССР, и Турции. «Вопрос не стоял о фактической помощи Советов Турции при решении Мосульского конфликта, однако в политическом плане это стало моральной поддержкой Турции в период ее сложных переговоров по Мосулу в Лиге Наций...». Подписание в 1927 г. Советско-турецкого договора о торговле и мореплавании способствовало стабилизации торговых связей (İnönü İsmet. *Naturalar*. 2 kitap. Ankara, 1987, с. 243).

³ *Türk Dış Politikası. Kurtuluş Savaşından bugüne olgular, belgeler, yorumlar*. Cilt I 1919–1980. İstanbul, 2003, с. 161, 162 (далее – TDP, cilt I).

⁴ *Дипломатический словарь*. Т. 2. М., 1950, с. 726–727.

жанные США, не готовы были сразу отказаться от многих своих привилегий в Турции, истребованных ими ранее от султанской власти. Как писал турецкий историк А. Ш. Эсмер, для Турции после Лозанны «было нелегким делом» учредить новую основу межгосударственных соглашений на принципах равенства, руководители этих государств «привыкли к периоду капитуляций и требовалось определенное время, чтобы они приспособились к новому положению»⁵. Урегулирование вопросов «лозаннского наследства» (например, о принадлежности Мосула, округа Хатая, о выплате Османского долга, режиме Проливов и др.) затянулось на годы, проходило в острой форме, сопровождалось политическим и финансовым нажимом западных держав и значительными уступками со стороны Турции. Во всех этих случаях Турция могла рассчитывать на дипломатическую поддержку со стороны СССР в соответствии с договором 1925 г.

В середине ноября 1926 г. подписавшие указанный выше договор Г. Чичерин и Тевфик Рюшту встретились вновь, на этот раз в Одессе, чтобы, по словам Г. В. Чичерина, в более «исчерпывающей» беседе «подвинуть вперед дело нашего сближения»⁶.

Как считает украинский исследователь С. Е. Гуцало, «самым важным последствием Парижского договора 1925 г. было укрепление позиций Турции на международной арене, усиление ее решительности в противодействии

⁵ *Esmer A.Ş. Siyasi tarih (1919–1939). Ankara, 1953, с. 191.*

⁶ «Мы успели пересмотреть все вопросы, стоящие между нашими правительствами, мы обменялись мыслями о наших отношениях с другими государствами, и мы выяснили отношение наших правительств к крупным политическим вопросам современности. Никаких лиг, паназийских или других, мы не создавали и вообще не принимали соглашений, направленных против третьих сторон... Между судьбами наших двух государств за истекшие 7–8 лет наблюдается замечательный параллелизм. В то самое время, когда Одесса, в которой происходила наша встреча, подверглась разрушениям со стороны империалистических оккупантов и их белогвардейских пособников, в то же самое время молодая Турция с напряжением последних сил боролась против империалистических захватчиков и против старого султанского правительства. Наши народные массы и народные массы Турции победоносно вышли из этих испытаний, и, будучи теперь заняты мирной работой и своим внутренним восстановлением..., борются против попыток мирового капитала путем мирного внедрения и постепенного экономического усиления своих позиций подчинить как ту, так и другую страну своему господству... Это облегчает в крайней степени согласование между нами наших политических линий. Ни та ни другая сторона не имеют замыслов, угрожающих кому бы то ни было. Мировой империализм, непрерывно стремящийся расширять пределы своего господства, угрожает и СССР, и Турции. Дружественные отношения между нашими государствами и договоренность относительно их политических линий носят, таким образом, глубоко мирный характер. Мы обсуждаем вопросы, сводящиеся в конце концов к тому, чтобы народы наших обоих государств могли предаваться внутренней мирной работе. Отсюда важность наших дружественных отношений» (*Чичерин Г. В. Статьи и речи, с. 485–486*).

западному диктату. Подписание советско-турецкого договора о дружбе сорвало планы вооруженной интервенции европейских держав против молодой Турецкой Республики и открыло для нее полосу нормализации отношений и относительного урегулирования спорных вопросов с Западом». Он пишет далее, что «положительные импульсы отношений с Москвой» Анкара продолжила и на территории Украины, имея в виду последующие переговоры между Чичериным и Тевфик Рюштю-беём в ноябре 1926 г. в Одессе, куда турецкий министр прибыл на крейсере «Хамадий», что также носило определенный демонстративный характер. В переговорах принял участие уполномоченный НКВД СССР на Украине Шлихтер. «Одесские переговоры, как подчеркнул Шлихтер в интервью корреспондентам украинского агентства новостей РАТАУ, состоялись по инициативе турецкого министра иностранных дел, который пожелал встретиться с Г.В. Чичериным для обмена мнениями по актуальным вопросам международного положения»⁷.

Позднее Парижский договор неоднократно дополнялся Анкарскими протоколами 1929, 1931 и 1935 гг. и соответствующим образом пролонгировался, оставаясь в силе почти до конца 1945 г. Первый такой протокол (от 17.12.1929 г.) продлил на два года срок договора 1925 г., В ст. 2 протокола утверждалось что «каждая из обеих сторон обязуется не начинать без уведомления другой стороны переговоров, имеющих целью заключение политических соглашений с государствами, находящимися в непосредственном соседстве, сухопутном или морском, с названной стороной, и заключать такие соглашения лишь с согласия этой последней». Это обязательство не распространялось на акты, имеющие целью установление или поддержание нормальных отношений одной из договаривающихся сторон с соседями другой стороны и предназначенные преданию гласности⁸.

Второй протокол (от 07.03.1931 г.) дополнил ст. 2 протокола от 1929 г. взаимным обязательством каждой из договаривающихся сторон не присту-

---

⁷ С.Е. Гуцало отмечал, что важность данной дипломатической акции для Турции была очень большой, «если учесть, что фашистская Италия в 1924–1927 гг. не прекращала военных провокаций в Средиземном море и продолжала откровенно высказывать территориальные претензии к Турецкому государству. Остров Родос возле берегов Малой Азии был превращен Италией в мощную военно-морскую базу и представлял прямую военную угрозу Турции» (*Гуцало С.Е. Проблема Мосула в контексте становления независимой Турецкой Республики в 20-х годах XX века. – Турция в XX веке. М., 2004, с. 87–107*).

⁸ Турецкие историки перечисляют в своих работах целый ряд взаимных шагов, принятых сторонами на международной арене для укрепления взаимного доверия. Чичерин отдельным письмом уведомлял президента Мустафу Кемаля о том, что на Балканах СССР не будет предпринимать шагов, противоречащих интересам Турции. По их мнению, протокол 1929 г. свидетельствовал, «насколько тесными к началу 30-х годов были турецко-советские отношения» (ТДР, т. 1, с. 317, 318).

пать «к закладке какой-либо морской боевой единицы, долженствующей пополнять ее военный флот в Черном море или в прилегающих морях, или к заказу подобной единицы на верфях за границей, или к любой мере, которая имела бы последствием увеличение теперешнего состава ее военного флота в указанных морях, не предупредив об этом вторую договаривающуюся сторону за 6 месяцев вперед». Этот протокол иногда именуется советско-турецким «морским соглашением» или «морским протоколом». Третий протокол (от 07.11.1935 г.), уже не модифицируя более текста договора 1925 г., продлил его на десять лет до 7 ноября 1945 г., когда он со всеми упомянутыми протоколами потерял силу⁹.

В рамках дружественного и всестороннего сотрудничества Советский союз добивался участия Турции во многих международных конференциях по разоружению, созданию системы коллективной безопасности, и др. Активно развивалась и практика личных контактов между руководящими деятелями двух стран. Так, в 1930–1931 гг. обменялись визитами министр иностранных дел Турции Тевфик Рюштю (Арас) и народный комиссар иностранных дел СССР М.М. Литвинов.

Летом 1932 г. Турция была принята в Лигу Наций. По этому поводу в ноте турецкого правительства советской стороне отмечалось, что «обязательства, взятые Турцией по советско-турецкому договору от 1925 г, остаются неизменными», что вступление Турции в Лигу Наций «не может принести какое бы то ни было вредное изменение в политику, проводимую Турцией по отношению к Союзу Советских Социалистических Республик». Такое объяснение может быть связано с тем, что по мнению турецких историков, первоначально СССР «предпочитал, чтобы Турция оставалась вне Лиги Наций»¹⁰. Что касается экономических связей двух стран, они приобрели особенно тесный характер в связи с началом в Турции индустриализации. Турки в поисках концепции развития своей страны и средств на это в условиях наступавшего мирового кризиса интересовались тогда не только успехами советской пятилетки, но и в целом появлением и развитием новых режимов – в СССР, Италии. В конце 1930 г. в Москву, как уже сказано, отправился министр иностранных дел Тевфик Рюштю Арас, причем в составе его делегации был влиятельный и близкий к руководству страны публицист и издатель Фалих Рыфки (Атай). По итогам этой поездки в СССР он издал в 1931 г. книгу «Новая Россия», в которой просматривалось намерение осмыслить советский опыт индустриализации на предмет его применения в Турции. По мнению автора, «советский опыт – это синтез революци-

⁹ Дипломатический словарь. Т. 1. М., 1948, с. 162; т. II, с. 726–727; Soysal İsmail.

Türkiye'nin siyasal andlaşmaları. Cilt I (1920–1945). Ankara, 1983, с. 264–273.

¹⁰ Koçak, Cemil. Türk-Alman İlişkileri (1923–1929). Ankara, 1991, с. 247.

онных методов приведения в короткие сроки отсталого народа и страны на уровень Запада»¹¹.

Действительно, в 30-е годы стало очевидно, что наряду с дипломатическим сотрудничеством, серьезной составляющей советско-турецких отношений может стать активное экономическое сотрудничество. Об этом свидетельствовал продолжительный (двухнедельный) визит в СССР премьер-министра Турции Исмета Инёню. Живую картину посещения СССР рисует в своих мемуарах сам премьер. 24 апреля 1932 г. турецкий премьер с супругой приплыл в Одессу на турецком пароходе. По прибытии 28 апреля в Москву, вспоминает И. Инёню, «нас встретили с большими почестями, среди встречающих были Молотов, Литвинов. Официальный протокол был полностью соблюден, нам было оказано большое уважение... В Кремле переговоры начались встречей со Сталиным, Молотовым, Литвиновым». Основными вопросами стали – «экономическая помощь Турции, торговые отношения и вопрос о кредите». Уже на первой встрече туркам было сказано, что «возможность оказать Турции помощь есть»¹².

Судя по мемуарам, Инёню поразили масштабы только что построенного в Москве автомобильного завода. «Завод великолепен. Все как в сказке – начинается со стальной заготовки и кончается готовым автомобилем»... Вспоминает автор и поездку в Ленинград в начале мая, посещение Эрмитажа, «теплые встречи» с представителями интеллигенции, профессурой. «Я пришел к убеждению, что Советская Россия занята своим экономическим развитием. И в течение этого времени все ее внимание во внешней

---

¹¹ Автор писал в своей книге: «Подлинные революции после мировой войны произошли только в Турции и России. Турки и русские составляют окраины одновременно и Европы, и Азии». Он видит много похожего в развитии двух стран, например, в том, что касается религии – «полные слез глаза одних народов устремлены на Мекку, других – на Иерусалим». Есть и разница – «в прежней России университет не был лишь застывшей копией литературы и искусства; в старой Турции литература и искусство не были осознаны ... В крупных городах России очаги науки, техники и искусства по богатству можно считать сравнимыми с западными странами, турецкая революция лишена либо бедна всем этим» (*Atay Falih Rifki. Yeni Rusya. Ankara, 1931. c. 7–9*).

¹² «Начальный этап переговоров завершился на самых благоприятных условиях, мы расстались как друзья... Когда я по возвращении в Анкару рассказал английскому послу о предоставлении нам кредита в 8 млн. долларов и на каких условиях, он назвал это исключительным шагом... Русские очень гостеприимный народ... Нас возили в театры, в оперу, мы посмотрели русский балет. Нас сопровождали чиновники самого высокого ранга... Важный разговор произошел в доме Сталина, на его загородной даче.... Сталин проявлял ко мне большую доверительность, Он был очень сердит на Англию, не скрывал враждебности к ней. Вспоминаю его слова: „Почему Англия претендует на мировое господство? На что она рассчитывает при этом?“ Было очевидно, что его мысли были заняты Англией...» (*İnönü İsmet. Hatıralar, c. 247–249*).

политике будет сосредоточено на Германии и Западной Европе. Она озабочена их деятельностью против Советской России, поэтому она занята своими западными границами. С другими регионами, и прежде всего с нами, портить отношения она не намерена, решительно настроена сохранять с нами добрые отношения... По возвращении в Анкару я доложил о результатах поездки на заседании партии, отметив, что сохраняется возможность проводить с Советской Россией доверительную, бесконфликтную, дружественную политику. Естественно, позднее я понял, что обманулся в своих ожиданиях. Причиной этого стал приход в Германии Гитлера к власти, после этого возникли совершенно иные обстоятельства».

10 мая премьер возвратился в Стамбул. Вскоре во время ответного визита в 1933 г. К.Е. Ворошилова во главе советской делегации он принимал его в своем доме, вел переговоры. Турция отмечала десятилетие республики. Ворошилов присутствовал на параде в Анкаре, посетил Измир, где одну из улиц назвали в его честь. Побывал и в Стамбуле. Визит «укрепил атмосферу доверия, наши отношения стали еще прочнее»¹³.

Договоренность с советским руководством по кредиту позволила туркам приступить к обширному для того времени промышленному строительству в рамках провозглашенной властями в условиях мирового кризиса политики этатизма. С 1933 г. преобладающее, подчас даже монопольное участие государства в создании новой экономики, в промышленном и инфраструктурном строительстве за счет бюджетных ассигнований приобрело плановый, комплексный характер, оно сопровождалось активной идеологической, пропагандистской поддержкой партийных структур Народно-республиканской партии (НРП), народных домов и т.п.

Министр экономики Джебьяль (Баяр) 9 января 1934 г сделал заявление для журналистов, в котором описал основные направления пятилетнего плана: «создать возможности производства товаров, необходимых и в мирное и в военное время – наша экономическая необходимость...Прежде всего речь идет о текстильных товарах, для производства которых в стране имеется сырье в достаточном количестве. Это – фабрика в Кайсери, план ее строительства готов и в ближайшее время оно начнется и закончится в 1935 г. Вторая фабрика будет построена в Назилли к 1936 г.».

Комментируя тогда эту информацию, газета «Акшам» подчеркивала, что выполнение пятилетки возложено на государство. Причина тому – медленное выполнение проектов частным сектором, кроме того, частники преследуют свои собственные интересы прибыльности, а не «высшие экономические интересы нации», наконец, частное предпринимательство обладает ограниченными возможностями, гоняется за легкими и авантюрными делами. Другая

---

¹³ Там же, с. 245–254.

газета «Ени Асыр» писала 12 января 1934 г., что «западные капиталисты лишены теперь возможности эксплуатировать народы так, как это было раньше. Огромная Россия закрыла свои двери перед промышленностью Запада, в Индии объявлен бойкот иностранным товарам, в умах всех народов утвердилось сознание национальной независимости и национальной экономики»¹⁴.

В работе турецких исследователей И. Текели и С. Илькина дана высокая оценка итогам визита Инёню: «Поездка открыла путь важному развитию не только в сферах политики и торговли, но и в сфере экономики. После возвращения турецкой делегации во главе с И. Инёню на родину, в СССР задержались специалисты по текстилю – Шериф Онай и Камиль Ибрагим, они ознакомились с работой 70 учреждений и предприятий – строительных, промышленных институтов, станкостроительных заводов, текстильных фабрик, использующих эти станки... В итоге этих исследований названные специалисты пришли к выводу, что тяжелая индустрия Советов демонстрирует небывалое развитие. Аналогичным образом было определено, что за некоторыми исключениями текстильная промышленность Советов развивается по последнему слову науки и техники... Они убедились, что необходимое для текстильной индустрии Турции оборудование на 90% может быть поставлено Советами»¹⁵. В ходе подготовки соглашения о строительстве текстильных фабрик и о кредите советские специалисты, главным образом текстильщики, 12 августа 1932 г. прибыли в Турцию. Делегацию возглавлял директор «Госпроектстроя» экономист проф. Орлов¹⁶. В связи с их прибытием Исмет-паша высказал пожелание, чтобы советские специалисты помогли

---

¹⁴ *Kutay Cemal, Celal Bayar, Cilt 1. İstanbul. 1939, c. 165–166, 182, 183.*

¹⁵ *Tekeli İlhan, Selim İlkin. Uygulamaya geçerken Türkiye’de devletçiliğin oluşumu. Ankara, 1982, c. 140, 141.*

¹⁶ В ее состав входили проф. Ковалевский (директор Института экономики и профессор института красной профессуры), Мамурин (инженер-текстильщик, специалист по х/б тканям), Гоголин (специалист по тканевым красителям), проф. Борис Волинский (инженер-энергетик), Сергей Троянский (гидролог), проф. Николаев (архитектор), проф. Андрей Самгин (специалист по водоочистке) и Иммануил Марк (инженер строитель). Исмет-паша высказал пожелание, чтобы советские специалисты помогли турецкому правительству «создать развернутую программу индустриализации Турции». Начиная с 14 августа в течение более чем двух месяцев состоялись их поездки по стране группами, совместно с турецкими специалистами, директорами фабрик, ответственными чиновниками, и др. В объединенном отчете от 22 сентября 1932 г. были окончательно определены места для текстильных комбинатов в Кайсери и Назилли. Орлов перед возвращением в Москву посетил Стамбульский университет, где выступил с лекцией. Он, в частности отметил: «Я с удовлетворением убедился, что по своему мышлению, квалификации и энергии турецкие инженеры ничем не отличаются ни от нас, ни от других инженеров. Они оказали нам ценнейшую помощь, Я так и не понял, зачем вы приглашаете инженеров из Европы» (*Tekeli İlhan, Selim İlkin. Uygulamaya geçerken Türkiye’de devletçiliğin oluşumu, c. 158–167*).

турецкому правительству «создать развернутую программу индустриализации Турции»¹⁷. Такая программа была разработана и в 1933 г. представлена турецкому правительству. «Можно считать, признавал в 1964 г. в своей книге Мехмет Тургут, впоследствии министр промышленности, что с принятием этого плана в стране было положено начало этатизму»¹⁸.

Работа делегации советских специалистов осенью 1932 г. в Турции не ограничилась, таким образом, кругом вопросов, относящихся только к строительству комбинатов в Кайсери и Назилли. Советские специалисты провели более широкие исследования в связи с подготовкой первого турецкого пятилетнего плана экономического развития. Была, например, рассмотрена проблема создания в Турции предприятия черной металлургии. В докладах делегации было высказано мнение о том, что такое предприятие следует создавать в Эрегли (впоследствии там был построен американцами второй металлургический комбинат). Рекомендовались производственные мощности будущего комбината и принципы размещения его цехов¹⁹.

В марте 1933 г. в СССР отправилась турецкая делегация в составе директоров фабрик Хереке и Фесхане и представителя Промышленного управления. Они знакомились с советскими предприятиями в СССР до 9 июля. По итогам обмена мнениями советская сторона учредила в Москве трест Тюркстрой во главе с директором Золотарёвым²⁰.

Подписание окончательного протокола о кредите состоялось 21 января 1934 г., в соответствии с этим документом кредит предоставлялся в виде машин и оборудования для строительства двух текстильных комбинатов. Советская сторона обеспечивала также помощь в проектировании, строительстве комбинатов и монтаже оборудования. Кредит был беспроцентный, сроком на 20 лет²¹.

¹⁷ Документы внешней политики СССР. Т. XV. М., 1969, с. 784.

¹⁸ *Turgut M. Kalkınma ve 5 yıllık plan*. Ankara, 1964, с. 39.

¹⁹ *Tümertekin E. Ağır demir sanayii ve Türkiye'deki durumu*. İstanbul, 1954, с. 221.

²⁰ Штат треста составил 160 чел. По фабрикам были подготовлены и затем переданы туркам детальные проекты, необходимое оборудование было заказано на заводе им. К. Маркса. По возвращении делегации первая группа турецких стажеров в количестве 50 человек выехала в распоряжение Тюркстроя (*Tekeli İlhan, Selim İlkin. Uygulamaya geçerken Türkiye'de devletçiliğin oluşumu*, с. 168–171).

²¹ Предусматривалось, что оборудование будет поставлено в течение четырех лет с момента вступления протокола в силу. Турецкая сторона обязалась дважды в год осуществлять платежи по кредиту в турецких лирах в пересчете на доллары по курсу, существующему на день платежа на биржах Лондона, Нью-Йорка и Стамбула. На суммы, подлежащие выплате, советская сторона закупала в Турции необходимые ей товары (*Ferman C. Türkiye'de sanayi kredisi*. İstanbul, 1951, с. 122–123). В соответствии со сроками использования кредита, выплата последнего взноса приходилась на 30 июня 1959 г. Обращают на себя внимание чрезвычайно льготные условия кредита: он был беспроцентным и погашался не в иностранной валюте или золоте, а поставками турецких товаров.

Для Турции получение советского кредита было первым опытом равноправного экономического сотрудничества в годы, когда над ней еще тяготело бремя прежних османских долгов и обязанностей перед иностранными вкладчиками. Советский кредит давал возможность Турции сделать первые практические шаги в индустриализации страны на государственные средства. Реализация кредита происходила, как уже сказано, в рамках выполнения первого пятилетнего плана экономического развития Турции. Советский кредит составил треть всех финансовых средств, предназначенных для исполнения этого плана. В 1935 г. министр экономики Турции Джеяль Баяр совершил необычную по длительности поездку в СССР, с 13 июля по 18 августа он побывал в Одессе, Москве (встреча с наркомом Тяжпрома), Киеве, Ленинграде, посетив ряд предприятий-новостроек (автозавод, электрозавод) и радиоцентр. Затем – торжественные проводы в Москве и возвращение (через Одессу) в Стамбул на пароходе «Чичерин»²².

Строительство первых в Турецкой республике современных хлопчатобумажных комбинатов (в Кайсери и Назилли) советский Туркстрой осуществил в 1934–1937 гг. 16 сентября 1935 г. состоялось торжественное открытие комбината в Кайсери в присутствии Ататюрка, членов правительства, советских специалистов, десятков тысяч людей²³. В такой же торжественной обстановке, в присутствии Ататюрка, Баяра 9 октября 1937 г. был открыт комбинат в Назилли, включая первую в стране фабрику набивного ситца. Численность рабочих составила 2400 человек. 23 августа 1935 г., когда состоялась закладка комбината в Назилли – «одного из крупнейших промышленных проектов первого пятилетнего плана», Дж. Баяр выступил с речью в которой подчеркнул, что: «в Кайсери построен великолепный комбинат, здесь будет еще лучше... Говорят, что турецко-советская дружба – напоминание о тяжелых днях, это так. Ход истории нельзя остановить. История увековечила турецко-советскую дружбу как событие, достигнутое в черные дни. Мы никогда этого не забудем... Пользу от построенной здесь фабрики получают те, кто занят ручным трудом, мы им поможем. Мы обеспечим их великолепной пряжей и облегчим сбыт их товаров...»²⁴.

В период строительства комбинатов в СССР для работы на них было подготовлено свыше 140 квалифицированных турецких рабочих, мастеров и техников, прошли стажировку более 15 инженеров. При комбинате

---

²² *Kutay Cemal. Celal Bayar, cilt 1, s. 165–166, 345.*

²³ Фалих Рыфкы Атай писал в газете «Улус» 20.09.1935: «За пределами России никого, кроме как в Турции, не обрадует клеймо с изображением серпа и молота, выбитое на деталях текстильных станков, изготовленных в советской стране» (Цит. по: *Kutay Cemal. Celal Bayar, cilt 1, s.443*).

²⁴ Там же, с.435, 436.

в Кайсери было создано профессионально-техническое училище, которое готовило квалифицированных рабочих не только для названных комбинатов, но и для других текстильных фабрик страны. После завершения строительства оба комбината поступили в ведение Сумербанка. Производственные мощности комбинатов в Кайсери и Назилли были таковы, что даже спустя десять лет после их введения в строй, когда в распоряжении Сумербанка имелось уже шесть хлопчатобумажных предприятий, эти два комбината производили 60 млн. м тканей, т.е. 75% всей продукции хлопчатобумажных предприятий Сумербанка²⁵.

Реализация с помощью СССР столь грандиозного промышленного проекта осуществлялась в условиях сохранения сильной инерции недавнего боевого содружества. Ведь уже в 20-е годы были сделаны первые шаги в установлении советско-турецкого сотрудничества и в области сельского хозяйства, правда, не в таких масштабах. В ноябре – декабре 1925 г. Советский Союз посетила турецкая сельскохозяйственная делегация во главе с министром сельского хозяйства Сабри-беем. Она ознакомилась с деятельностью Сельскохозяйственной академии им. Тимирязева, Московского зоотехнического института, Института опытной агрономии под Ленинградом и др. В 1925–1927 гг. для изучения состояния сельского хозяйства Турции были организованы три экспедиции, возглавляемые проф. П.М. Жуковским. Итогом этих экспедиций явилась его книга «Земледельческая Турция», которая считается лучшей работой, посвященной турецкому сельскому хозяйству того времени.

Советская сторона имела непосредственное отношение и к учреждению в Турции в 1932 г. национального Центрального банка, что дало стране возможность отказаться от услуг франко-английского Османского банка²⁶. В указанные годы наладились торговые отношения Турции с СССР. В 1927, 1931 и 1937 гг. были заключены на клиринговой основе торговые договоры, причем последний действовал долгое время и после войны. Советская Россия в те годы не числилась в ряду главнейших торговых партнеров Турции, ее доля в турецкой внешней торговле составляла 3–4%. Восстанавливая и развивая экономику, Турция испытывала нужду прежде всего в промышленной продукции развитых стран – Германии, Франции, Англии и др., поставляя в эти страны товары традиционного экспорта – табак, сухофрукты, хлопок. Вместе с тем, в снабжении турецкого рынка

²⁵ Sümerbank. Cumhuriyet'in 25-ci yılı. Ankara, 1948, с. 114.

²⁶ Когда в марте 1930 г. в поддержку такой меры был организован международный консорциум с капиталом в 1 млн. ф. ст., его акции были приобретены крупнейшими национальными и иностранными банками, действовавшими в то время в Турции. Более 4% акций приобрел советский Внешторгбанк (на сумму 50 тыс. ф. ст.), отделение которого открылось в Стамбуле еще в марте 1925 г.

нефтепродуктами, включая широко используемый тогда керосин, Советская Россия опережала даже американскую Стандардойл.²⁷

Не следует думать, что в то время руководители новой Турции безоглядно поверили в советскую систему и бросились в крепкие объятия северного соседа. Спустя десять дней после поездки в СССР 22 мая премьер-министр Исмет Инёню и министр иностранных дел Тевфик Рюшту Арас также с большой группой специалистов отправились пароходом в фашистскую Италию. Во время пребывания там с 25 мая по 2 июня они были приняты королем Италии и диктатором Б. Муссолини. В итоге Турции было обещано 300 млн. итал. лир (32 млн. лир), из них треть – деньгами, правда, потом выяснилось, что все это осталось обещаниями. Упомянутый выше Ф.Р. Атай участвовал и в этой «сравнительной» поездке, оценив итоги визитов в СССР и Италию в новой книге «Москва – Рим», срочно изданной в том же 1932 г. В своей книге Фалих Рыфки Атай сравнивая два правительственных турецких визита, пишет о необходимости «извлечь опыт из ленинизма в России, муссолинизма в Италии». Он отмечает, что мировой кризис породил понятие плановой экономики: «ныне повсюду на первом месте, в прессе, исследованиях оказываются плановики. Одновременно с разговорами о кризисе используются термины дирижируемая экономика, плановая экономика... Феномен пятилетнего плана в России следует рассматривать не с точки зрения требований экономики либо системы, а как требование борьбы за независимость. Это примерно также, как мы потребовали самопожертвования от народа Турции во имя победы у Сакарьи. Строительство Днепрогэса, харьковского тракторного завода и т.п. стало таким же самопожертвованием, потребованным Москвой от русского народа. Когда приступили к выполнению пятилетнего плана, европейцы говорили: столь тяжкие трудности люди не выдержат, восстанут; русская техника не сможет обеспечить работу этих заводов, режим рухнет. Однако восстание не произошло, заводы заработали»²⁸.

---

²⁷ Information d'Orient. İstanbul, 10.03.1926. Вплоть до 1939 г. поставки Нефтесиндиката обеспечивали значительную часть всех потребностей страны в нефтепродуктах. Сбытовые конторы Нефтесиндиката действовали в Стамбуле, Анкаре, Измире, Самсуне, Мерсине, Адане. С началом Второй мировой войны в Европе Нефтесиндикат свернул свою деятельность в Турции, а его недвижимое имущество послужило материальной базой для создания «Петроль офиси» – госорганизации по закупкам и сбыту нефтепродуктов (*Nevzi Nezih. Türkiye'de petrol sanayii. İstanbul, 1963, с. 191–192*).

²⁸ Под впечатлением визита в Италию в главе о фашизме Ф.Р. Атай пишет, что если наступивший кризис продолжится, установление нового порядка не ограничится мелкими коррективами к экономике. «Либерализм нашел для себя самую приемлемую модель в демократии. Новый порядок, несомненно, будет искать свою собственную модель... Критика в адрес демократии началась после того, как демократии не смогли найти способы предупреждения анархии и кризиса... Народ устал от болтовни» (*Atay Falih Rifki. Moskova – Roma. 1932, с. 40, 81, 83*).

Важно иметь в виду, что в 30-е годы развитие отношений между двумя странами не ограничивались дипломатическими и хозяйственными сферами. Они приняли небывало комплексный характер, распространились на культурную и научную сферы. Одним из первых посланцев из Советской России в новой Турции оказался художник Е.Е. Лансере. В начале 20-х годов он стал живым свидетелем обороны Анкары от наступающих греческих войск, написал портреты Мустафы Кемалю, писательницы Халиде Эдип и других участников освободительного движения, сделал зарисовки быта и нравов жителей будущей столицы, часть их представлена в его книге «Лето в Ангоре». В 1933 г. С. Юткевич и Л. Арнштам сняли в Турции фильм «Анкара – сердце Турции», ставший свидетельством становления новой столицы страны. В 1925 г. в Советском Союзе побывал выдающийся турецкий артист и режиссер Эртогрул Мухсин. Он интересовался творчеством В. Пудовкина и С. Эйзенштейна, снял два фильма, ознакомился с работой В. Мейерхольда, системой Станиславского. По возвращении в Турцию он поставил «Гамлета» Шекспира в манере Мейерхольда и пьесы «Вишневый сад» А.П. Чехова и «На дне» М. Горького в интерпретации Станиславского. Содействие своим турецким коллегам в развитии музыкальной культуры и музыкального образования в Турции оказывали в 30-е годы советские музыканты. В 1933 г. был осуществлен обмен опытом между музыкальными школами Анкары и Стамбула и Московской консерваторией. В 1933 г. в Москве исполнялись произведения турецких композиторов Экрема Зеки, Ульви Джемалю, Джемалю Решида. В 1935 г. в Турции побывали советские певцы В. Барсова, М. Максакова, А. Пирогов, скрипач Д. Ойстрах. В знак своего восхищения игрой нашего скрипача Ататюрк преподнес Ойстраху золотой портсигар со своим факсимиле.

Развивались и научные связи. В 1933 г. по приглашению турецкого правительства в Турцию приезжала делегация советских лингвистов, академики Н.Я. Марр и А.Н. Самойлович. Марр выступил с циклом лекций по проблемам общей лингвистики. Он был приглашен на беседу к президенту республики. Советские ученые-лингвисты участвовали в работе лингвистических конгрессов в Турции²⁹.

Возвращаясь к нерешенным вопросам лозаннского «наследства», напомним, что начиная с 1933 г., когда получение Гитлером власти в Германии создало непосредственную военную угрозу в Европе, а усилившиеся военные приготовления Италии (укрепление принадлежавших тогда ей Додеканезских островов, расположенных в нескольких километрах от турецких берегов) вызывали все большее беспокойство в бассейне Средиземного моря, турецкая дипломатия начала зондировать возможность пересмотра

²⁹ Полвека мирного сотрудничества. М., 1973, с. 103–111.

Лозаннской конвенции 1923 г. с целью ремилитаризации проливов. Как уже отмечено, этот документ – «английский продукт» Лозанны – ограничивал суверенитет страны: Турция была обязана демилитаризовать Босфор и Дарданеллы, допустить в Стамбул международную комиссию по наблюдению за выполнением конвенции. Он угрожал и причерноморским государствам, в том числе и СССР. Военные корабли нечерноморских держав могли заходить в Черное море фактически без серьезных ограничений.

В турецкой ноте от 11 апреля 1936 г. говорилось о необходимости созвать новую конференцию по проливам, отмечалась нестабильность ситуации на Средиземном море в связи с изменившимися там условиями. «Морские конференции показали наличие тенденции к новым вооружениям, и морские верфи спустят в ближайшее время на воду корабли еще невиданной мощности. В области развития воздушных сил кривая головокружительно идет вверх, укрепления на материке и на островах неуклонно умножаются»³⁰.

Согласие на предложение Турции участвовать в подготовке новой конвенции по проливам дал Советский Союз. Нота советского правительства от 16 апреля 1936 г. подтверждала обоснованность опасений турецкого руководства «в том, что касается необеспеченности всеобщего мира в настоящий момент и наличия серьезной угрозы возникновения войны». В ноте говорилось, что СССР «поэтому считает в нынешней обстановке естественным стремление Турецкой республики обеспечить безопасность своей территории путем соответственного изменения режима проливов».

Международная конференция по подготовке новой конвенции по проливам начала работу 22 июня 1936 г. в Монтрё (Швейцария) с участием делегатов Англии, Франции, СССР, Турции Греции, Болгарии, Югославии, Румынии, Японии и Австралии. Согласование положений новой конвенции проходило в острых дискуссиях, советское правительство не менее турецкого было заинтересовано в пересмотре режима проливов, соединяющих открытое Средиземное море с закрытым Черным. Через проливы проходила значительная доля экспорта СССР, но самое важное и давно известное всем – проливы имели, как раньше для России, так и теперь для Советского Союза огромное военно-стратегическое и торговое значение.

Начинался тот период, когда «государства и народы как-то незаметно вползли в орбиту второй империалистической войны». В Турции же особенно обеспокоились тем, что Италия открыто укрепляла близлежащие к турецкому побережью острова, Лерос например, создала мощную военную базу на острове Родос. Участие Турции в тот период в санкциях против Италии углубило итало-турецкие противоречия. В этой обстановке британское

---

³⁰ *Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции. М. – Л., 1948, с. 175.*

правительство использовало страх турок перед возможной итальянской агрессией и «вовлекла Турцию в орбиту британской внешней политики»³¹.

Вокруг статуса проливов между советской и английской делегациями на конференции развернулась настоящая дипломатическая баталия. Англию не удовлетворяли предполагаемые ограничения прохода через проливы для военных кораблей нечерноморских держав, короткие сроки пребывания в Черном море и обязательно фиксируемая цель посещения Черного моря – визит вежливости. Советская же сторона была против пункта об ограничении прохода через проливы военных судов черноморских держав. Для Англии, пытающейся сохранить давний статус «владычицы морей» Черное море, как и всякое другое, было «открытым международным морем», куда должны были иметь доступ военные суда всех держав. Введение преимуществ для черноморских держав означало усиление позиций СССР и Турции в этом регионе, а возможно и в Средиземном море. Англия возражала против изменения режима проливов (она вольготно чувствовала себя там в годы оккупации) и «в связи с антисоветской направленностью своей внешней политики, стремлением запереть в Черном море советский Черноморский флот, создав благоприятные условия для прохода через проливы военных судов нечерноморских держав, в том числе Германии, отвести угрозу германской и итальянской агрессии и направить ее против СССР. Кроме того, Англия считала необходимым сохранить международный контроль над проливами»³².

Как справедливо пишет А.Ф. Миллер (участвовавший в качестве эксперта в работе конференции), позиция британского правительства была шаткой, «международный» статус Черного моря «никогда никем не признавался», а тезис об одинаковых условиях прохода через Босфор и Дарданеллы военных кораблей всех стран тоже был необоснован. Оказалась неприемлемой для советской стороны и турецкая позиция, предусматривавшая ограничение тоннажа военных кораблей черноморских стран при проходе через проливы. Турцию интересовала прежде всего ремилитаризация проливов, а режим самого Черного моря и безопасность черноморских стран ее интересовали намного меньше. Глава турецкой делегации Арас ясно заявил: «Турция является столь же черноморской, как и средиземноморской страной. Поэтому я больше интересуюсь вопросом о проливах. Что касается остального, я желаю, чтобы было достигнуто соглашение между черноморскими и средиземноморскими державами»³³.

На каком-то этапе стало очевидным далеко идущее совпадение интересов Турции и Англи, и как и в былые, давние времена Крымской войны,

³¹ Там же, 173–174, 176.

³² Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999, с. 418.

³³ Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции, с. 178, 179.

в ущерб интересам тогда – России, теперь – СССР. «Создавалось впечатление, что турецкая делегация в Монтрё хочет воспользоваться пересмотром конвенции о проливах, чтобы попытаться создать препятствия для развития советского военного флота и свободы передвижения его в Черном море»³⁴.

Что касается такого важного и для Турции, и для черноморских государств вопроса, как ремилитаризация проливов, турецкие историки пишут, что во время его обсуждения советская делегация не просто поддержала требование Турции о вооружении проливов, она «изъявила готовность сама их вооружить. Но такое предложение не было принято». Несколько позже, в октябре 1936 г. на Генеральном Совете Лиги Наций СССР предложил Турции двусторонний пакт. Основная его забота сводилась к определению, кому будет доверено вооружение проливов, которое теперь разрешено согласно конвенции. СССР предлагал себя. Кроме того, «Россия потребовала от Турции дать обязательство не разрешать проход сил, которые из Черного моря нападут на СССР. Турция же в ответ со своей стороны настаивала на обязательстве СССР оказать помощь Турции в случае агрессии против Турции со стороны Средиземного моря – помощь в размерах адекватных нападению. СССР не принял такое обязательство, предложив подробности обсудить в Москве. О предложении СССР Турция сообщила Англии, но ее позиция была негативна, так как такой отдельный пакт сделал бы саму конвенцию бесполезной, после чего СССР утверждал, что переговоры из-за этого не принесли результатов. М.М. Литвинов открыто сказал послу Зекаи Апаидыну: «Вы ждете согласия известного государства, не получив его, вы ничего не можете сказать». На нежелание подписать отдельный пакт, пишут авторы, влияла не только позиция Англии, но и экономические нужды. Турция не видела пользы в таких мерах, не получив экономическую помощь. Инёню тогда говорил: «Сегодня наши экономические связи привязаны к германскому рынку. Если они будут серьезным образом подорваны, наши потери будут велики. Чтобы ослабить возникшую напряженность, появилась идея переговоров Ататюрк–Сталин, но она так и не осуществи-

---

³⁴ Там же, с. 160. «Находясь под сильным влиянием Англии, Турция была готова действовать не только против интересов СССР и остальных черноморских стран, но и собственных. Во время переговоров Арас заверял английского министра иностранных дел, что турецкое правительство будет поступать в полном соответствии со средиземноморской политикой Англии». Вместе с тем, и провала переговоров английская дипломатия не могла себе позволить, осознавая, что это «было бы торжеством для Германии и Италии». Она сознавала также, что нельзя достичь соглашения о проливах без Советского Союза. «Эти соображения заставили Идена дать английской делегации указание принять основные пожелания СССР» (*Живкова Л.* Англо-турецкие отношения 1933–1939 гг. М., 1975, с. 64, 65).

лась. 13 июля 1937 г. Тевфик Рюшту Арас отправился в Москву, обсудить положение на Ближнем Востоке в связи с экспансионистской политикой Германии и Италии. Делегация была встречена в Москве неприветливо, не принята И.В. Сталиным. В совместном заявлении 16 июля была сделана попытка убедить третьи государства, что сотрудничество продолжается. Но после Монтрё отношения уже не были столь теплыми, как ранее³⁵.

В конечном счете, и англичане, и турки пошли на уступки советской стороне, срывать переговоры в условиях начала фашизации Европы они сочли неблагоприятным. Советская делегация при согласии Турции доби-лась для черноморских государств права проводить через проливы свои военные суда без ограничения тоннажа. 18 июля 1936 г. участники конференции подписали новую конвенцию о режиме проливов³⁶. Турция восста-навливала свой полный суверенитет над зоной проливов, ликвидировалась международная комиссия по контролю над ними, ее функции перешли к турецким властям. Подтверждалась полная свобода прохода через них торговых судов всех стран в мирное время с соблюдением общепринятых правил санитарного досмотра. Некоторые ограничения предусматривались для торговых судов невоюющих стран, если сама Турция участвовала в военных действиях, а также если считала себя находящейся под угрозой непосредственной военной опасности.

Положения конвенции, касавшиеся военных судов предусматривали, что нечерноморские государства могли проводить через проливы в мирное время легкие надводные корабли, малые боевые суда, вспомогательные суда, в количестве не более девяти единиц и максимумом общего тоннажа в момент прохода – 15 тыс.т. Всего же в Черном море нечерноморские державы могли держать каждая корабли общим тоннажем не более 20 тыс. т, а все вместе – не более 30 тыс. т. Срок их пребывания ограничивался 21 днем. В случае увеличения в последующем тоннажа флота самой крупной черно-морской державы лимит общего тоннажа в Черном море флота нечерномор-ских держав также мог превысить цифру в 30 тыс.т, но не более чем 45 тыс. т. Что касается черноморских государств, то они могли проводить через проли-вы линейные корабли тоннажем свыше 15 тыс.т и подводные лодки.

«Подписанная в Монтрё конвенция далеко не полностью удовлетворя-ла интересы черноморских стран. Правда, в ней признавалось особое по-ложение черноморских стран по сравнению с нечерноморскими: ограничи-вался (по тоннажу и срокам пребывания) допуск в проливы и в Черное мо-ре военных кораблей нечерноморских держав, а черноморским странам

³⁵ TDP cilt 1, с. 321–322. Кстати, там же, на с. 321 сказано, что со времени работы кон-ференции в Монтрё в перспективе на 1936–1939 гг. обозначилось «расхождение путей».

³⁶ См.: Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., 2001, с. 520–532.

предоставлялась возможность проводить через проливы любые корабли. Однако конвенция имела много серьезных недостатков. Среди них был один серьезный дефект, который обесценивал все ее достоинства. Фактически конвенция предоставляла Турции, особенно в военное время (даже если Турция сама не воюет), исключительное право толковать конвенцию и проводить ее в жизнь по своему единоличному усмотрению. Столь широкие права, предоставленные конвенцией турецкому правительству, могли бы и не нанести ущерба интересам черноморских стран, в том числе и СССР, но лишь при одном условии – если Турция неизменно и твердо придерживалась бы политики мира. Между тем, именно конференция в Монтрё послужила поворотным пунктом в развитии тех опасных тенденций, которые еще раньше наметились в турецкой внешней политике»³⁷.

Некоторое время после конференции в Монтрё турецкая пресса и турецкие руководящие деятели в публичных выступлениях еще продолжали заявлять, что никаких изменений в политике Турции не произошло. В том же 1936 г. Кемаль Ататюрк в речи на открытии меджлиса подчеркнул, что «дружба наша с СССР, нашим великим морским и сухопутным соседом, доказавшая уже на протяжении 15 лет свои достоинства, продолжает нормально развиваться с той же силой и с той же искренностью, как в первые дни своего возникновения». В июне 1937 г. с аналогичной декларацией в меджлисе выступил Исмет Инёню: «Турецко-советская дружба будет существовать как прочный элемент в политике обеих стран. Я думаю, что мое настоящее заявление совершенно рассеет все сомнения, которые могли и могут родиться в умах относительно хороших отношений и искренней дружбы между обеими странами». Но, как пишет А.Ф. Миллер, «наряду с этими заявлениями ответственных турецких деятелей факты свидетельствовали об усилении противоположных тенденций во внешней политике Турции»³⁸. С этого времени англо-турецкие отношения вступили в новую фазу – фазу сближения, а затем и союза.

Вместе с тем, необходимо отметить, что в 30-е годы старая проблема – кавказская все более давала о себе знать. Еще в конце 20-х годов стало оче-

---

³⁷ Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции, с. 182–183. Здесь уместно привести одно высказывание турецкого автора: «Необходимо подчеркнуть следующее – утверждения о том, что отношения между СССР и Турцией после войны испортились лишь из-за требования СССР баз в проливах являются спорными. СССР еще в Монтрё в 1936 г. представил предложение о необходимости внесения уточнений в конвенцию, а в 1939 г. открыто потребовал ее изменения. На Ялтинской конференции совместно с Англией и США было признано необходимым рассмотреть упомянутые требования. Однако в условиях начавшейся холодной войны эти требования особенно болезненно повлияли на двусторонние отношения» (TDP, cilt 1, с. 324).

³⁸ Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции, с. 183.

видным, что преодоление этой проблемы во имя недавнего советско-турецкого военного сотрудничества не стало необратимым, тем более что после подписания Лозаннского мира и сближения с Англией и Францией исчезла смертельная угроза исчезновения турецкого государства и в таком сотрудничестве Турция уже не нуждалась. Казалось бы, преодоленный тогда кавказский конфликтный пояс-кордон, препятствовавший получению необходимой Турции советской военной помощи, вновь стал нужен некоторым турецким националистам, вознамерившимся возродить младотурецкие планы в отношении Кавказа, и не только им; он постепенно стал возрождаться усилиями многих стран, а с ним возрождались и деятельность на территории Турции некоторых антисоветски настроенных кавказских переселенцев. Любопытно, что в попытках реанимировать в те годы кавказскую тему «все большую активность стала проявлять польская дипломатическая миссия в Анкаре», и особенно польский посол Кноль. «Интерес к выходцам с Кавказа стал постоянным занятием польской военной разведки. Им предложил свои услуги и проживавший в Турции Саит-бей, внук Шамиля – на условиях выплаты ему 200 лир ежемесячно и оплаты оперативных расходов. Турецкая разведка была в курсе этой активности и контактов поляков, получая, кстати от них информацию о внутривнутриполитическом положении в СССР, о дислокации войск РККА, их боеготовности и др. В конце концов, и турецкие спецслужбы, и «посольства некоторых стран, не говоря уже о военных атташе, аккредитованных в Анкаре», проявили интерес к «услугам» тех кавказцев в Турции, которые оказались готовы вводить их «в курс дела» о положении в СССР³⁹.

Так, в новых условиях на территории Турции начало восстанавливаться сотрудничество нескольких разведок с выходцами с Кавказа – уже с ориентацией на дестабилизацию обстановки на Кавказе. Возрождение этих тенденций произошло с оглядкой на дружбу двух стран и осуществлялось тайно, в разведке генштаба, да и в самих кавказских обществах. Турецкая сторона со своим национализмом не очень склонна была давать волю черкесам на своей территории, предоставлять какую-либо, даже мизерную автономию. Уже в 1925 г. начались мятежи на Северном Кавказе⁴⁰.

И вновь оказались востребованными для борьбы, на этот раз уже с Красной Армией, давние борцы за независимость Кавказа, проживавшие в Турции. Среди них был внук Шамиля – Саит-бей. «Летом 1932 года Шамиль имел несколько встреч с начальником турецкой военной разведки Надми-беем, на которых обсуждались вопросы организации так называемых военно-разведывательных пунктов вдоль советских границ, приспособленных для работы с агентурой, засылаемой на советскую территорию,

³⁹ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. М., 2003. с. 15, 16.

⁴⁰ Трошев Г. Чеченский рецидив. Записки командующего. М., 2003. с. 32.

и приема связников от людей, действующих на той стороне... Были согласованы и общие принципы взаимодействия. Генштаб в лице военной разведки берет под свое покровительство работу, направленную на освобождение Кавказа от русской зависимости, оказывает Шамилю техническую помощь в деле организации связи с его людьми на родине и предоставляет для этого необходимые средства. Другая сторона обязуется использовать свои возможности в регионе для создания там агентурной сети с явками в Тифлисе, Баку и Владикавказе для регулярного осведомления о военных мероприятиях на советской территории, а также подбирает нескольких молодых людей для направления их на спецподготовку с последующей заброшкой в СССР. К процессу активизации работы с эмиграцией подключались и полицейские службы Турции...». Внимание проявили и поляки, они «дали ему самостоятельную задачу... На Турцию, как страну, которая может повлиять на судьбы кавказских народов», возлагали надежды и западные представительства⁴¹.

Из документа, оказавшегося в распоряжении советской разведки, следовало, что французский посол Дешнер доносил в Министерство иностранных дел, что «именно Турция является той страной, которая может способствовать новой организации Кавказа благодаря своему географическому положению, родству с мусульманской средой и своему присутствию в прошлом на этой земле. По его мнению, переход под власть Турции областей, находящихся под властью Советов, стал бы очевидным прогрессом и отвечал бы интересам западных стран. Британское правительство, полагал он, не возражало бы, если бы территории Аджарии, Нахичевани, Карабаха, части Армении и Азербайджана до Куры были отданы туркам. Более того, турецкое правительство было бы в таком случае вправе претендовать на получение кредитов для освоения и поддержки новых территорий».

Что касается кавказских эмигрантов в Турции, то они надеялась на ослабление обстановки на Кавказе и в связи с этим допускала возможность турецкого военного вмешательства в дела региона. Предпосылки для этого, по мнению авторов одной из составленных ими записок, существуют, «так как в Дагестане, Чечне, Ингушетии, Карабахе, Карачае периодически возникают волнения на этнической и религиозной почве. Появление турецких войск может привести к вооруженному восстанию в Азербайджане и даже перекинуться на Среднюю Азию»⁴².

При этом эмигрантами (Шамилем и другими) все большее внимание уделяется Германии, как возможной участницы войны с Советским Союзом. В одной из своих записок (и приписок) Шамиль-внук буквально угрожает немцев вооружать должным образом Турцию. «Прискорбно, –

---

⁴¹ Соцков Л. Неизвестный сепаратизм, с. 22–24.

⁴² Там же, с. 31, 34, 35.

писал он, – что Германия со своей передовой техникой не преуспела в перевооружении турецкой армии. Ведь обстановка для этого весьма располагает, многие офицеры турецкой армии, в том числе и высшие, получили образование в Германии и являются ее поклонниками. Мы, кавказцы, полагаем, что важнейшая задача политики Германии – это движение на Восток, а потому укрепление ее позиций в Турции содействовало бы достижению этой цели». Из указанных документов очевидно, что беспокоясь о сохранении добрососедских отношений с СССР турецкие власти не разрешили упомянутым кавказским деятелям легально действовать на своей территории. По их настоянию те перебрались в Париж, появлялись в Польше, Чехословакии, Брюсселе. Так, 14 июля 1934 г. в Брюсселе представителями национальных эмигрантских центров Азербайджана, Северного Кавказа и Грузии был подписан Договор о создании, скорее воссоздании, на основе старой панисламистской идеи Конфедерации народов Кавказа. Турция изначально одобрила это создание. «Логика турецких представлений, по некоторым наблюдениям, состояла в том, что в случае неудач СССР во внешних конфликтах, читай: в будущей большой войне, Турция подготовит себе базу для занятия территорий в Закавказье. А поводом для этого могло бы стать обращение этой самой КНК к Турции за помощью для поддержания порядка в регионе»⁴³.

В этом же контексте рассматривает турецкий автор Дж. Кочак и принятую несколькими годами позже попытку западных союзников Турции вовлечь ее в авантюру с бомбардировкой кавказских нефтепромыслов. Воспользовавшись осуждением СССР в Лиге Наций (и затем исключением его из этой организации) в связи с началом им войны против Финляндии 30 ноября 1939 г., союзники вознамерились разбомбить бакинские и батумские нефтепромыслы и нефтеперерабатывающие предприятия. Но была, убежден Кочак, и другая цель, – спровоцировать таким образом беспорядки в регионе под исламистскими лозунгами и поддержать их. Французский посол в Анкаре Масигли в январе–феврале 1940 г. стал автором плана Великого Турана, объединяющего «миллионы тюрок», проживавших в СССР. Он был убежден, что при реализации этого плана власти Турции его поддержат. Речь шла о авианалетах на Кавказ с аэродромов Сирии и Ирака через территорию Турции с промежуточной посадкой в Турции и Иране. Англичане поддерживали план. Любопытной, назвал Кочак, реакцию Сараджоглу, он лишь спросил: «не возникнут ли со стороны Ирана трудности»⁴⁴. Оценивая эту авантюру, А.Ф. Миллер пишет: «Протокол № 2 не помешал турецким правящим кругам занять враждебную по отношению к СССР по-

⁴³ Там же, с. 31, 45, 128–131.

⁴⁴ *Koçak Cemil. Türkiye’de Milli Şef dönemi (1938–1945). Ankara, 1986, с. 99.*

зицию во время советско-финской войны (1939–1940 гг.). Генерал Вейган, возглавлявший французскую армию в Сирии, приезжал в Анкару и вел с турецкими военными руководителями тайные переговоры о совместном выступлении против Советского Союза. Генерал Вейган похвалялся – «с некоторыми подкреплениями и 200 самолетами я овладел бы Кавказом и вошел бы в Россию, как нож в масло»⁴⁵.

В 30-е годы Турцией из «лозаннского наследства» был успешно решен крупный территориальный спор с вчерашним военным противником – Францией, обладавшей мандатом Лиги Наций на управление Сирией и на присоединенным к ней Александреттским санджаком (Хатай), который Турция также считала своей территорией.

Долгое время, вплоть до 1936 г., Турция официально не возвращалась к этому вопросу, но 9 сентября 1936 г. был парафирован франко-сирийский договор, который радикально изменил бы судьбу санджака. Он предусматривал прекращение через три года французского мандата и вступление Сирии в Лигу Наций, причем по этому договору Александреттский санджак вошел бы в состав Сирии. После сложных и длительных переговоров с Турцией Франции (а с ней и Сирии) пришлось отказаться от такой перспективы, уступить Турции, опасаясь потерять ее поддержку в той непростой ситуации, которая сложилась в канун Второй мировой войны, в частности в восточном Средиземноморье. Пойти на эту уступку Францию настойчиво убеждала британская дипломатия, рассчитывая на вытеснение французского влияния из стран Леванта. 4 июля 1938 г. в Анкаре был парафирован франко-турецкий договор о дружбе, немедленно турецкие войска вступили на территорию санджака. Состоявшиеся затем выборы в парламент санджака принесли туркам полную победу. Новое государство назвало себя турецким именем «Хатай», приняло в качестве своего флага турецкий флаг и в качестве гимна – турецкий «Марш независимости». С этого времени санджак фактически стал турецким, а на окончательное аннексирование его ушло еще около года.

Все это происходило на фоне фашистской агрессии в Европе, Мюнхенского сговора 1938 г., захвата Германией Австрии и Чехословакии, Ита-

---

⁴⁵ «Французский посол в Турции Масигли сообщал своему правительству, что в турецких военных кругах «все больше и больше поговаривают о мусульманах Кавказа и Баку». Масигли обсуждал с Сараджоглу планы воздушных налетов из Турции на Батуми и Баку, а потом докладывал премьеру Даладьё, что турецкое правительство «предусматривает возможность оборонительной войны против СССР самое позднее в конце лета» и что Турция «приняла бы не без удовольствия участие в межсоюзнической атаке на Баку через территорию Ирана». Заключение мира, пишет Миллер, между СССР и Финляндией в марте 1940 г. сорвало эти расчеты (Миллер А. Ф. Очерки новейшей истории Турции, с. 201, 202).

лией – Албании, приближения фашистской Италии к границам Турции, что в конечном счете способствовало сближению последней и с Францией, и с Англией. 23 июня 1939 г., одновременно в Анкаре и Париже были подписаны два документа. Анкарское соглашение гласило, что Хатай (Александреттский санджак) окончательно присоединяется к Турции, парижское представляло собою декларацию о взаимной помощи; ее текст совпадал с ранее заключенной англо-турецкой декларацией⁴⁶.

10 ноября 1938 г. скончался Ататюрк. На следующий день, 11 ноября ВНСТ избрало новым президентом страны Исмета Инёню. Был сформирован новый кабинет министров во главе с Дж. Баяром. Вместо Араса министром иностранных дел стал Шюкрю Сараджоглу (в 1942–1946 – премьер-министр). Советское правительство сочло своим долгом, учитывая прошлое, принять участие в прощании с Ататюрком. Среди многих иностранных правительственных делегаций в траурной церемонии прощания с первым президентом Турецкой Республики приняла участие с 16 по 26 ноября и советская делегация во главе с В.П. Потемкиным, первым заместителем наркома иностранных дел.

От Севастополя до Стамбула делегация проследовала на борту эсминца «Москва» под флагом командующего Черноморским флотом флагманом 2 ранга И.С. Юмашева. В Стамбуле советский корабль, произведя салют наций в 21 выстрел, присоединился к другим прибывшим на церемонию иностранным кораблям. 19 ноября 1938 г в течение двух часов все корабли приняли участие в эскорте линейного крейсера «Явуз» с телом Ататюрка до Принцевых островов. Затем до Анкары похоронную процессию сопровождал взвод краснофлотцев в составе 40 человек под руководством двух лейтенантов и политрука. В секретном докладе в Москву подчеркивалось: «За время следования, пребывания в Анкаре и участия в процессии, турецким командованием была отмечена хорошая организованность и высокая выучка советских моряков... 21/XI вся делегация, члены Полпредства и прибывшие из Стамбула тов. Георгиевский и Алмазов, а также прикомандированные к тов. Юмашеву командиры Фартушный и Бурмистров участвовали в похоронах Ататюрка. В 3.30 советская делегация – на приеме всех делегаций у Исмета... В свободный период после похорон и до отъезда взвода краснофлотцев в Истанбул, была организована экскурсия на автобусах, предоставленных турками бесплатно, по городу и окраинам, с посещением достопримечательных мест Анкары... 26 ноября 1938 г. эсmineц „Москва” с В.П. Потемкиным и полпредом СССР в Турции Терентьевым вернулся в Севастополь»⁴⁷.

⁴⁶ Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции, с. 186–192; Olaylarla Türk Dış Politikası. Cilt I. Ankara, 1987, с. 126–133.

⁴⁷ Подробнее см.: Васильев Д.Д. Секретное донесение Сталину о похоронах Ататюрка. – Турция в XX веке. М., 2004, с. 108–118.

О стремлении Кемаля Ататюрка до конца своей жизни сохранять добрые отношения с северным соседом пишет его биограф: «До самой своей смерти Ататюрк при ежегодном открытии сессии меджлиса сделал традицией в своей речи в качестве президента при оглашении внешнеполитического раздела отмечать прежде всего дружеские отношения с Советами. Ататюрк был искренне предан этой традиции. Эта дружба, возникшая в тяжелые годы борьбы за независимость, сохраняла свою значимость и позднее. Единственной страной, с которой мы смогли наладить экономическое сотрудничество, был Советский Союз, приступивший к планированию подъема своей экономики. Не существовало каких либо признаков того, что такое сотрудничество сопровождалось политическими требованиями и вмешательством»⁴⁸.

Один из современных турецких авторов, Э. Мюртемджилер, не опровергая распространенное мнение о неизменной преданности Ататюрка традициям турецко-советской дружбы, приводит в то же время высказывания некоторых пантюркистов о недолговечности СССР и вспоминает при этом Ататюрка: «Другое предупреждение относительно будущего Советов было сделано Ататюрком, об этом пишет молодой врач по имени Зеки, вспоминая свою беседу с Ататюрком в 1933 г. во время бала, организованного по случаю 10-й годовщины Турецкой Республики: „Подумай, что произошло с Османской империей? Что произошло с Австро-Венгерской империей? А что сегодня стало с Германией, наводившей страх на весь мир. Ничто не вечно. От несокрушимых казалось бы ныне сил в дальнейшем мало что остается, а то и вовсе не остается ничего. Государства и народы должны постоянно осознавать это. Сегодня Советский Союз – наш друг, наш сосед, наш союзник. Нам нужна такая дружба. Но что будет с ним завтра – заранее никто не может знать”»⁴⁹. К слову сказать, при всех новых нюансах двухсторонних отношений, когда дружеские отношения заметно утратили свою значимость по сравнению с 20-ми годами, следует иметь в виду, что договор 1925 г. сохранял свою эффективность. Поэтому, как отмечено выше, в 1935 г. третий протокол (1935), уже не модифицируя более текста договора 1925 г., продлил его на 10 лет – до ноября 1945 г.⁵⁰. Это было последнее «дипломатическое» свидетельство былой дружбы, хотя нормальные добрососедские отношения сохранялись в целом до начала Второй мировой войны.

Конечную ориентацию кемалистского руководства на Запад, на Англию в данный период авторы цитируемой нами турецкой монографии объясняют в цивилизационном плане: «В годы, когда создавалась республика,

---

⁴⁸ *Aydemir Şevket Sürreya*. Tek adam. Mustafa Kemal. Cilt III (1922–1938). İstanbul, 1966, с. 416.

⁴⁹ *Mütercimler Erol*. 21. Yüzyıl ve Türkiye 'Yüksek Strateji'. İstanbul, 1997, с. 274–275.

⁵⁰ Дипломатический словарь, т. 1, с. 162.

советская революция еще не была завершена. Поэтому единственной моделью развития была западная, а левые интеллектуалы, которых мы могли бы назвать „вторым поколением интеллигентов”, не смогли оказать влияние на новые республиканские кадры. Поэтому в Турции принять Запад было намного легче, намного бесппроблемнее, намного радикальнее. Ибо в конечном счете Турция по своей структуре не слишком отличалась от Запада, да и воспринявшая западную культуру интеллигенция восхищалась Западом, не была против Запада. Во внешней политике это приводило к мысли, что нет нужды предполагать какую либо альтернативу помимо западной»⁵¹. В этих условиях принципы сотрудничества кемалистов с внешним миром с середины 20-х и до середины 30-х годов на принципах нейтралитета и равноудаления от великих держав к началу Второй мировой войны уходят в прошлое. Кемалистскому режиму не пришлось долго выбирать, на кого ориентироваться. На выбор влияли и коминтерновская активность советского руководства, и лозунги мировой коммунистической революции, и финансовые перспективы при начавшейся индустриализации, и та самая «несовместимость цивилизаций», о которой говорят турецкие авторы. Воспринималась идеология не пролетарской, а французской революции, европеизации с ее принципами собственности. Для турецкой правящей элиты это было важно. Кемалисты свою революцию уже осуществили и от местных коммунистов ее оберегали, отправляя их в тюрьмы; их ждал следующий этап – не участие в мировой революции в качестве ее резерва, а эволюция, т.е. европеизация, вариант которой в немалой степени тогда олицетворяли Англия, Франция, а для некоторых – фашистские Германия или Италия.

О том, как выбор союзников на этом пути определялся при Ататюрке, свидетельствуют упомянутые нами шаги турецкой дипломатии при подготовке и проведении конференции в Монтрё. Л. Живкова приводит в своей книге свидетельства эволюции этого выбора. Она начинается с 1934 года. В этот год 17 июня после банкета в Анкаре в честь шаха Ирана Ататюрк предложил английскому послу Лорэну поиграть в покер. Как потом сообщал в Форин Оффис Перси Лорэн, игра продолжалась до утра. «Затем состоялась беседа, которая продолжалась до 10.30 утра... Гази сказал, что он питает величайшее уважение к Англии и стремится к дружбе с ней. Почему мы не можем быть ближе друг к другу?» Когда в ответ посол иносказательно намекнул на наличие «препятствия» – близость между Турцией и Россией, Гази напрягся и прервал бы беседу, если бы не дипломатическая ловкость посла, уверившего президента, что для англо-турецкой дружбы указанное обстоятельство препятствием быть не может. Тот же Перси Лорэн сообщал в другой, уже намного более поздней телеграмме в Форин

⁵¹ TDP, cilt 1, c. 52, 53.

Оффис от 8 мая 1936 г.: «Согласно версии, имеющей здесь хождение, один турецкий друг сказал как-то Ататюрку: „Я вижу, Вы значительно сблизились с Англией”, на что Ататюрк ответил: „Значительно сблизился? Да я бросился в объятия Англии!”» Посол отмечает далее, что «эта версия, может быть, не является подлинной, тем не менее она достаточно верно отражает действительное положение дел. В настоящее время здесь наблюдается заметная волна дружелюбия и доверия к Англии. Тон был задан руководящими кругами, но отклик в более низких сферах кажется мне и всеобщим, и подлинным...».

Столь успешное развитие турецко-английских отношений достигло своего апогея в сентябрьские дни 1936 г. 4 сентября английского короля Эдуарда VIII торжественно встречал на стамбульской набережной президент Турции Ататюрк. 20 ноября состоялась другая торжественная встреча – боевые корабли турецкого флота прибыли с дружеским визитом на о. Мальту. После всех этих торжеств в Турции «об Англии впервые начали писать как о дружественной державе»⁵².

Так формировались внешнеполитические, и иные важные предпочтения Турции в преддверии мировой войны. «Изменение отношения турецкого генерального штаба к Англии в 1936 г. сразу же отразилось на перспективах вооружения Турции. Она начала предоставлять военные заказы преимущественно английским фирмам» Дело не ограничилось военными заказами – после конференции в Монтрё Англии было разрешено создавать в районе проливов военно-морские укрепления, пользоваться турецкими военными базами, начать реконструкцию портов в Измире, Стамбуле, Трабзоне и строить военные корабли и аэродромы на турецкой территории. На строительство металлургического комбината (в Карабюке) английской фирмой «Брассерт» в 1936 г. был предоставлен кредит на 3 млн. английских фунтов стерлингов.

Однако самым крупным торговым партнером стала Германия. В 1938 г. общая сумма кредитов Германии Турции достигла 87 млн. лир (тогда доллар был равен лире). В октябре 1938 г. было подписано соглашение с Германией о кредите в 150 млн. марок.

Как уже отмечалось, страны, ставшие фактически уже союзниками Турции в предвоенные годы, проводили политику соглашательства с фашистскими режимами Европы, не спешили вовремя противопоставить реваншистской политике Германии что-либо, кроме уговоров и дипломатических протестов. Более того, Англия и Франция надеялись на то, что германская агрессия направится в сторону СССР. Турция, ее политики все с большим интересом и даже пониманием относились к та-

---

⁵² Живкова Л. Англо-турецкие отношения, с. 151–153.

кой позиции⁵³. Турецкий журналист Надир Нади, вспоминая свое пребывание в Австрии на учебе, пишет о причине аншлюса: страна была «урезана до пределов Венского государства», безработная молодежь со вниманием выслушивала сентенции своих профессоров «о былой Австро-Венгерской империи...». Почти все австрийские нацисты принадлежали к бедным слоям населения»⁵⁴.

События 30-х годов свидетельствуют, что большевистскому руководству СССР не удалось убедить Францию и Великобританию отказаться от курса невмешательства в проводимую Гитлером и Муссолини политику фашизации и территориального передела Европы. Не встречая достойного противодействия, Гитлер осуществил аншлюс – присоединение к Германии Австрии. Следующей его жертвой стала Чехословакия. По итогам проведенной по инициативе Муссолини 30 сентября 1938 г. в Мюнхене конференции с участием представителей Великобритании (Н. Чемберлен), Франции (Э. Даладье), Германии (А. Гитлер) и Италии (Б. Муссолини) тогдашние лидеры «западной демократии» фактически предали своего союзника – Чехословакию, согласившись на отторжение от нее промышленно развитой Судетской области. В марте 1939 г. немецкие войска оккупировали Чехию, а в Словакии было создано марионеточное государство. Союзниками Германии стали и многие другие страны Центральной Восточной Европы – Финляндия, Венгрия, Румыния, Болгария, руководители которых примкнули, как им казалось, к стану будущих победителей. В марте 1939 г. СССР заявил о непризнании захвата фашистской Германией Чехословакии.

Об отношении Турции к этим событиям можно судить по циркулярному письму ее МИД от 4 мая 1939 г., в котором, частности, отмечалось: «Правительство Республики с самого возникновения гитлеровского режима с полным беспристрастием отнеслось к наблюдаемой в Германии динамике, а позже таким же образом оценило наблюдающееся сближение между Римом и Берлином; оно не отказалось от продолжения своих дружеских отношений с обоими государствами, особенно с Германией, основанных на экономических связях, предоставив таким образом великим державам право самим решать свои разногласия». Равным образом, отмечено в этом до-

⁵³ Как напоминает в своих мемуарах турецкий дипломат Феридун Джемаль Эркин, в своей «Майн Кампф» Гитлер писал: «Мы прекращаем вечное движение германцев на юг и запад и устремляем свои взоры на восток. Когда мы сегодня говорим о новых территориях в Европе, мы можем думать лишь о России. Это большое государство уже готово развалиться. Единственная аграрная политика для Германии состоит в том, чтобы приобрести новые территории, а новые территории в Европе можно найти лишь за счет России» (см.: *Erkin Feridun Cemal. Dışişlerinde 34 Yıl. Anılar-Yorumlar*. Cilt I. 2 baskı. Ankara, 1987, с. 42).

⁵⁴ *Nadir Nadi. Perde aralığından*. İstanbul, 1964, с. 29.

кументе, турки восприняли и мюнхенское решение о передаче Германии чехословацких Судет, благо «это было согласованное между участниками встречи решение... Первым (!) актом германской политики, привлечшим внимание Турции, стала ликвидация Чешского государства»⁵⁵.

Как представляется, Турция тогда спешила решить прежде всего свои постлозаннские проблемы и, должным образом оценивая суть аншлюса, видимо надеялась, что Англия и Франция, ее союзники, знают, как решать с Германией эту проблему. Поведение Германии в Европе не мешало сохранению активных турецко-германских торговых связей. Стараясь ликвидировать негативные последствия мирового экономического кризиса, как по экспорту, так и импорту, Турция стремилась всемерно использовать чрезвычайный спрос на сырье в условиях предвоенного и затем военного времени. Статистика свидетельствует, что в период 1933–1939 гг. Германия сохраняла первое место в турецком импорте и экспорте⁵⁶.

Что касается международного авторитета СССР в эти годы, серьезный ущерб ему нанесли внутренние события – массовые репрессии, показательные процессы над «врагами народа», уничтожение военных кадров. Такого рода действия заставляли соседей Советского государства задуматься о целесообразности сотрудничества со сталинским режимом. Турция не стала исключением. В глазах ведущих турецких политиков (многие из них тогда часто посещали СССР) этот режим становился опасным, тем более что были налицо и успехи индустриализации, и воздействие этих факторов на левые круги Турции.

Реальность германской угрозы заставила все же Англию, Францию и СССР искать пути для взаимного военного сотрудничества. Весной 1939 г. между ними начались соответствующие переговоры, однако ни одна из сторон не спешила брать на себя определенные обязательства в случае нападения на партнеров по переговорам. Так, советская сторона рассчитывала, что Англия и Франция добьются согласия восточноевропейских государств пропустить части Красной Армии на их территорию в случае германской агрессии. Однако правительства Румынии, Польши и стран Прибалтики категорически возражали против этого, опасаясь Сталина не меньше, чем Гитлера. В конце концов переговоры зашли в тупик.

В сложившийся международной обстановке 15 апреля 1939 г. началась серия встреч на высоком уровне по поводу возможности заключения между Турцией и СССР пакта о взаимопомощи. В итоге, долгие и тяжелые переговоры закончились 16 октября неудачей в условиях начавшейся мировой войны. Турецкие историки считают, что «СССР был довоен этой неудачей,

---

⁵⁵ *Koçak Cemil. Türk-Alman İlişkileri*, с. 134–135.

⁵⁶ Там же, 242, 243.

ибо для Турции сохранялась возможность согласно договоренностям в Монтрё оставаться вне войны, а пока Турция вне войны, военным кораблям воюющих стран проходить через проливы запрещено»⁵⁷.

Мюнхенское соглашение 1938 г. и Московские переговоры 1939 г. показали нежелание Великобритании, Франции и Польши сотрудничать с СССР в обуздании фашистских агрессоров. Западные державы стремились направить агрессию против СССР. Оказавшись перед перспективой войны на два фронта – в Европе и на Дальнем Востоке, – СССР искал пути обеспечения своей безопасности. Когда Германия предложила СССР заключить договор о ненападении, предложение было принято. «Убедившись в их бесплодности, Сталин принял предложение Гитлера заключить пакт о ненападении. Документ был подписан наркомом иностранных дел СССР В.М. Молотовым и министром иностранных дел Германии И. Риббентропом 23 августа 1939 года».⁵⁸

Турецкий автор Кямуран Гюрюн по дням описывает драматические события, сопровождавшие переговоры в Москве советских руководителей с немцами и, почти синхронно, с военной англо-французской делегацией, в составе которой, как он признает, не было никого, кто имел бы полномочия подписать готовящийся документ. Он приводит слова К. Ворошилова 25 августа на последней встрече с англо-французской делегацией: «В связи с изменившейся политической ситуацией продолжение переговоров потеряло смысл»⁵⁹.

Интересно, что комментарий упоминаемого нами Надира Нади оправдывает советскую сторону, подписавшую пакт: «После революции 1917 г. Запад занял враждебную позицию в отношении молодого советского режи-

⁵⁷ TDP, cilt 1, s. 324.

⁵⁸ Договор был ратифицирован Верховным Советом СССР через неделю после его подписания, причем от депутатов было скрыто наличие «секретного дополнительного протокола». Согласно Договору о ненападении (23.08.1939) стороны обязались воздерживаться от нападения друг на друга; не поддерживать третью державу, если она нападет на одну из сторон, не участвовать в группировках держав, направленных против другой стороны; разрешать все споры между собой мирным путем. Договор предотвратил образование единого фронта империалистических держав. В тех же целях Советское правительство использовало советско-германские договоры и соглашения, заключенные после августа 1939: Договор о дружбе и границе (28.09.1939); хозяйственные соглашения (11.02.1940 и 10.01.1941); Конвенция о порядке урегулирования пограничных конфликтов и инцидентов (10.06.1940); Договор о пограничных правовых отношениях (31.08.1940); Договор о границе (10.01.1941); Соглашения об урегулировании взаимных имущественных претензий и о переселении (10.01.1941) (Зайцев Е.М. Советско-германские соглашения. Электронная версия последнего, третьего издания Большой Советской энциклопедии).

⁵⁹ *Gürün Kamuran. Türk-Sovyet İlişkileri (1920–1953). Ankara, 1991, с. 178–184.*

ма, на многие годы окружил его кордоном. Поэтому русские не могли доверять Западу. Сталин предполагал, что Запад однажды предоставит Гитлеру свободу рук на Востоке... Разве коммунистическая опасность не была самым пугающим фактором для капиталистического Запада? И разве Запад не будет благодарен ему, если он с помощью оружия уничтожит эту опасность..? Когда и Риббентроп и Молотов подписывали договор о ненападении, они не были искренними – первый представлял диктатора, который поклялся сразу после сведения счета с Западом уничтожить систему, которую он считал самым главным врагом; второй же представлял хитрого и в высшей степени расчетливого вождя, предполагавшего, что пока капиталисты и фашисты будут душить друг друга, он будет укреплять свои силы»⁶⁰. Такая оценка турецкого журналиста контрастирует с западной, которая советско-германские договоренности и советские «захваты» не желает воспринимать системно, как отголосок Мюнхена или его следствие.

---

⁶⁰ *Nadir Nadi*. Perde aralığından, с. 42, 43.

Глава 11.

Советский Союз и Турция (1941–1945)

Нападение Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. стало началом Второй мировой войны. 3 сентября Великобритания и Франция объявили войну Германии. 19 октября 1939 г. в развитие всех ранее достигнутых договоренностей и деклараций в Анкаре был подписан англо-франко-турецкий договор о взаимной помощи. 1-я статья этого документа предусматривала оказание помощи Турции со стороны Франции и Англии, «если Турция будет вовлечена в военные действия с европейской державой в результате агрессии, совершенной этой державой против Турции». Также предполагалось, что Турция протянет руку помощи «в случае акта агрессии, совершенного европейской державой и приведшего к войне в зоне Средиземного моря, в которую будут вовлечены Франция и Соединенное королевство». Наконец договор обусловил помощь в ряде случаев Греции и Румынии со стороны Турции, и т.д. Он оформил союз между тремя странами, однако развернувшаяся война в Европе продемонстрировала его несостоятельность¹.

Турция предпринимала также шаги по заключению с СССР своего варианта пакта о взаимопомощи, «его задачей было добиться военного союза с Советами в рамках такого союза с Западом... Но Советы были убеждены, что западные державы не принимают серьезно их союз с ними. Особенно укрепили их в этом убеждении мюнхенское соглашение 1938 г. и последовавшие согласно ему действия... Сталин и Молотов были готовы на такой союз при условии, что он: 1) не приведет к конфликту с Германией, 2) внесет поправку в конвенцию по проливам о том, что нечерноморским

---

¹ Текст договора и комментариев составителя см.: *Soysal İsmail. Tarihçeleri ve açıklamaları ile birlikte Türkiye'nin siyasal Andlaşmaları. Cilt I (1920–1945)*. Ankara, 1983, с.591–609.

государствам будет запрещено проходить проливы. Так еще оставалась надежда договориться..., но советско-германские переговоры отодвинули советско-турецкие на второй план и они были прерваны»². Получалось, что Советский Союз через систему параллельных пактов (советско-турецкого и англо-франко-турецкого) оказался бы нарушителем только что подписанного с Германией пакта о ненападении. Поэтому предпринятый в этих целях визит в Москву министра иностранных дел Турции Сараджоглу оказался неудачным³.

По этому поводу К. Гюрюн, явно забыв о неблагоприятной для СССР позиции турок в Монтрё в вопросе о проливах, пишет, что именно переговоры Сараджоглу в Москве с 25 сентября по 18 октября «стали поворотным моментом в советско-турецких отношениях. До этого Турция действовала, постоянно консультируясь с Россией, и всегда в своей внешней политике учитывала русские интересы, не входила в какие либо антирусские пакты, старалась не заключать каких-либо соглашений, не ставя в об этом в известность Россию. Такое поведение привело Россию к убеждению, что она может добиться от Турции всего, что захочет. При этом Россия демонстрировала, что ее заботят не интересы Турции, а лишь собственные»⁴.

С началом войны в Европе мир ожидал действий, прежде всего от союзников, во всяком случае, турки надеялись на действенность недавно заключенного пакта с Англией и Францией. Не без иронии Надир Нади пишет: «Мы с нетерпением ждали того дня, когда начнем не деле сотрудничество с нашими друзьями при разгроме Гитлера. Турецкий народ был готов пролить кровь во имя спасения западной цивилизации. Именно таким сочинительством от имени нации занимались мы, редакторы». В другом месте мемуаров он подробно описывает драматическую оккупацию Франции и сообщает, что собравшиеся по этому поводу 26 июня 1940 г. члены парламента от правящей НРП спрашивали себя – что делать с обязательствами по военному союзу, причем „некоторые горячие головы потребовали спасти честь страны” и вступить в войну. Но была найдена оговорка (не совсем убедительная) которая позволила руководству страны уклониться от выполнения пакта»⁵. Буквально через несколько месяцев авторам плана налета на советский Кавказ в начале 1940 г. было уже не до него: Франция не смогла защитить даже свою территорию от фашистов, а англичане вскоре с трудом отбивались от немецких самолетов над Лондоном. Турецкие власти, да и все политики в апреле-мае 1940 г. могли с тревогой наблюдать, как немецко-фашистские войска маршем шли по Европе.

---

² *Koçak Cemil. Türkiye'de Milli Şef dönemi. (1938–1945). Ankara, 1986, c. 93.*

³ *Дипломатический словарь. Т. 2. М., 1950, c. 591, 592.*

⁴ *Gürün Kamuran. Türk-Sovyet İlişkileri. (1920–1953). Ankara, 1991, c. 213–214.*

⁵ *Nadir Nadi. Perde aralığından. İstanbul, 1964, c. 61, 87.*

Почти без выстрелов они оккупировали Данию и Норвегию, вторглись 10 мая 1940 г. в Бельгию (капитулировала 28 мая), Нидерланды (капитулировали 14 мая), Люксембург, а затем через их территории вторглись во Францию. Ее правительство во главе с маршалом А.Ф. Петеном обратилось к германскому командованию с просьбой о перемирии. Оно было заключено 22 июня 1940 г. в Компьенском лесу, в том самом штабном вагоне, где за 22 года до этого Германия подписала капитуляцию в Первой мировой войне. В результате, только в южной части Франции сохранилась власть французской администрации, представленной коллаборационистским правительством Петена, располагавшимся в городе Виши. Северная и центральная части страны были оккупированы немцами. В конце июня в Лондоне был создан комитет Свободной (с июля 1942 – Сражающейся) Франции. 10 июня 1940 г. в войну на стороне Германии вступила Италия. В апреле 1941 г. Германия захватила территорию Греции и Югославии.

В этот период Гитлер уже считал себя вершителем судеб Европы, он предложил британскому правительству заключить соглашение, которое в обмен на сохранение британских колониальных владений развязало бы Германии руки на европейском континенте. Однако участника мюнхенской сделки Н. Чемберлена на посту премьер-министра Великобритании уже не было, его сменил У. Черчилль, непримиримый противник фашистов. Для Турции Англия оказалась в это время единственным союзником, Франция в счет уже не шла.

Германия пыталась одновременно вести двойную игру и с Турцией, и с СССР. По мнению армянского исследователя Р. Корхмазяна, после нападения в конце октября 1940 г. Италии на Грецию только Германия могла удержать Италию от дальнейшего продвижения к турецкой границе, вместе с тем, для самой Германии вопрос о войне с Турцией всю ту осень «оставался открытым». Только в ноябре было решено отказаться от южного варианта (через Анатолию на Кавказ) войны против СССР⁶. Германия также активно заманивала Советский Союз в пакт «оси» и предметом торга называла Турцию, одновременно ставя об этом в известность Турцию.

В связи с этим заметным событием стали переговоры 12–13 ноября 1940 г в Берлине В.М. Молотова с А. Гитлером и И. Риббентропом. 12 ноября Риббентроп говорил о целесообразности присоединения СССР к пакту Германия–Италия–Япония. Этот пакт им представлялся уже победителем в войне. Поднята была и тема Турции. Речь шла о безусловном переходе Турции на сторону предполагаемой платформы Россия–Германия–Италия–Япония. Тогда якобы будет возможным новое соглашение по проливам, которое удовлетворит Россию и при этом «можно будет обсудить возможность либо

⁶ Проблемы истории Турции. Сб. статей. М., 1978, с. 142.

невозможность признания территориальной целостности Турции». «Молотов на этой встрече не проронил ни слова, а лишь слушал». 12 и 13 ноября Гитлер высказывался по поводу того, как удовлетворить интересы России в Черном море и проливах: Германия, по его словам, всегда готова поддерживать интересы России. На это Молотов также ничего не ответил. 13-го Гитлер заговорил о том, что Германия признает Азию сферой российских интересов. В конечном счете, Молотов, оставив без ответа высказанные предложения, забрал все проекты, в том числе и о присоединении СССР к тройственному пакту, и вернулся в Москву. Обо всем этом Молотов 17 ноября 1940 г. телеграфировал советскому послу в Лондоне. 26 ноября 1940 г. посол в Москве Шуленбург также отправил телеграмму, из которой следовало, что Молотов готов принять проект пакта четырех, вместе с тем дальнейшее решение этих связанных между собою проблем он откладывал на будущие переговоры с заинтересованными сторонами. 17 января 1941 г. Молотов сообщил германскому послу, что пока ответ не готов. На этом тема была закрыта, Гитлер уже давно, еще когда Молотов уезжал из Берлина, принял решение начать военную операцию⁷.

Опасаясь сближения Советского Союза и Турции и готовясь к нападению на СССР, немцы с весны 1941 г. с помощью обещаний и угроз начали «готовить» Турцию к заключению турецко-германского договора о ненападении. Договор долго согласовывался, турки осторожничали с опасным партнером, немцы пытались включить не отвечающие нейтралитету Турции положения. Наконец, 18 июня 1941 г. германо-турецкий пакт о дружбе и ненападении был подписан главой МИД Турции Ш. Сараджоглу и германским послом Фон Папеном и 25 июня ратифицирован – шел уже четвертый день вторжения Германии в Советский Союз. Согласно тексту турецко-германского договора, весьма кратко (три статьи), стороны обязались «уважать нынешние обязательства обеих стран; целостность и неприкосновенность национальной территории обеих сторон»; не принимать никаких мер, которые были бы направлены прямо или косвенно против другой стороны; впредь поддерживать дружественный контакт по поводу всех вопросов, касающихся их взаимных интересов, чтобы достигать согласия по этим вопросам. Договор вступал в силу со дня его подписания и действовал 10 лет с возможностью его продления⁸.

---

⁷ *Gürün Kamuran*. Türk-Sovyet İlişkileri, с. 230–235. Другой турецкий автор, Айдемир, комментирует эту встречу по иному – якобы между Молотовым и Гитлером произошло обсуждение темы, причем «Молотов, касаясь проливов, напомнил Крымскую войну и 1918–1919 гг. Это исторический коридор, используемый англичанами для нападения на Советский Союз» (*Aydemir Şevket Sürreya*. İkinci Adam. İsmet İnönü. 2-nci Cilt. 1938–1950. İstanbul, 1967). Кочак говорит о «слухах» относительно такого обсуждения (*Koçak Cemil*. Türkiye’de Milli Şef dönemi, с. 108).

⁸ *Soysal İsmail*. Türkiye’nin siyasal andlaşmaları. I Cilt (1920–1945). Ankara, 1983, с. 639.

Позже станет очевидным, что выполняя такого рода обязательства, например, в части использования «во имя совместных интересов» проливов немцами, Турция нарушала тем самым другие обязательства – перед советской стороной. Это признает в комментарии к договору М. Сойсал, соглашаясь, что «Гитлер, планировавший нападение на Советский Союз, таким образом стремился обеспечить нейтралитет Турции». Он пишет также: «несомненно, договор не понравился Англии и еще не вступившим в войну США, была даже на время приостановлена поставка помощи по ленд-лизу». Но все было «оправдано жизненными интересами» Турции, давало ей возможность «перевести дух и остаться нейтральной перед Германией, установившей господство над Европой». Одновременно с подписанием договора посол Папен и Сараджоглу обменялись нотами, в которых предусматривалось обоюдное содействие развитию германо-турецких хозяйственных отношений, и др. В совместном заявлении Папен и Сараджоглу выразили пожелание, «чтобы печать обеих стран, равно как и радио, в своих сообщениях и радиопередачах отметили дух дружбы и взаимного доверия, которые характеризуют германо-турецкие отношения»⁹.

Так, Германия смогла получить от Турции гарантию безопасности для своего южного фланга, начав через четыре дня войну против СССР. Турция же, считают турецкие историки, «наконец ощутила спокойствие и удовлетворение, поскольку осталась вне войны... Но главное – она была спасена от самой большой опасности – разделить судьбу Польши, подвергнувшейся совместному нападению Германии и Советов»¹⁰.

Очевидно, Турция лавировала между двумя блоками, стремясь сохранить свой нейтралитет, хотя поражение Франции в войне и слабость Англии превращали Германию в партнера, казалось бы, более предпочтительного. При этом учитывались, несомненно, и такие события, происходившие в непосредственной близости от Турции, как вторжение Италии, а затем Германии в Грецию, участие Болгарии в «тройственном пакте», что сопровождалось появлением германских войск в этой приграничной Турции стране. О выполнении Турцией обязательств перед Францией и Англией речь уже не шла, Турция стремилась быть невоюющей стороной «в пользу Германии».

Соответственно в самой стране возросло число сторонников дружбы с фашистской Германией. Цитируемый нами Надир Нади, например, в издаваемой им газете «Джумхуриет», считавшейся в те времена правой, опубликовал передовую статью, в которой писал, что надо признать немецкое господство в Европе как реальность для мира, как «историческую не-

⁹ Там же, с. 637–638.

¹⁰ Türk Dış Politikası. Kurtuluş Savaşından bugüne olgular, belgeler, yorumlar. I Cilt (1919–1980). İstanbul, 2003, с. 431, 433, 434, 445 (далее – TDP, cilt 1).

избежность», «устоять перед германским единением невозможно». Такая оценка германского фашизма вызвала шумную полемику в печати. Выступив против статьи Н. Нади, левый журналист Зекерия Сертель заявил – Германия не национальная проблема, а расистская, «речь не идет о том, что Германия как нация стремится, подобно Турции, обеспечить независимость в своих национальных границах, это империалистическая держава, намеренная установить гегемонию над всем миром»¹¹.

22 июня 1941 г. фашистская Германия нарушила пакт о ненападении 1939 г. и совместно со своими союзниками вероломно вторглась на территорию СССР. Вечером того же дня в поддержку Советского Союза по лондонскому радио выступил премьер-министр Англии У. Черчилль. Заключение его страной союзного договора с СССР в мае 1942 г. и другие шаги отразили трезвое понимание им государственных интересов Британии в борьбе с общим противником. Вскоре в начавшейся активной переписке с И. Сталиным он вспомнил и Турцию, сообщив 30 августа 1941 г. о намерении снабдить эту страну всем необходимым «с тем, чтобы привлечь ее на нашу сторону». 3 октября Сталин отвечает согласием – как в отношении Турции, так и Китая¹².

Лето, осень и зима 1941 г. были самыми критическими для Советского Союза. Немецко-фашистские войска вторглись в пределы страны на глубину от 850 до 1200 км. Миллионы людей погибли на фронтах, оказались в оккупации или в гитлеровских лагерях. Однако Германии не удалось достичь своих стратегических целей, захватить Ленинград и Москву. Разгром противника в сражении под Москвой зимой 1941/42 гг. означал срыв гитлеровского плана «молниеносной войны»¹³. В декабре 1941 г. Япония развязала войну против США. США, Великобритания и другие страны объявили войну Японии, Германия и Италия – США. Япония захватила Малайю, Индоне-

---

¹¹ При встрече с Надиром Нади президент нервно воскликнул: «что происходит Надир-бей, что за статьи!». 11 августа 1940 г. «Джумхуриет» по решению правительства была закрыта (*Karakuş Emin. 40 yıllık bir gazeteci gözü ile işte Ankara. İstanbul, 1977, с. 34, 35*).

¹² Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. М., МИД РФ, 2005. с. 15, 25.

¹³ Уже летом 1941 г. было положено начало созданию антигитлеровской коалиции. 14 августа 1941 г. правительства США и Великобритании подписали Атлантическую хартию, в которой было сказано о целях войны против фашистской Германии и ее союзников, о послевоенном устройстве мира, в частности об отказе от территориальных захватов и праве народов самостоятельно избирать форму правления. 24 сентября 1941 г. на Лондонской межсоюзной конференции СССР объявил о присоединении к основным положениям Атлантической хартии. Протокол о поставках был подписан на совместной конференции СССР, США и Великобритании в Москве в октябре 1941 г. США предоставляли военную продукцию СССР на основе закона о ленд-лизе.

зию, Филиппины, Бирму, создала угрозу вторжения в Австралию. Война окончательно приняла характер мировой.

Положение Советского Союза и в 1942 продолжало оставаться чрезвычайно трудным. 8 ноября 1942 г. Сталин сообщал Черчиллю об ухудшении обстановки на Кавказском фронте: «немцам удалось захватить Нальчик». Ранее Черчилль обрисовал тяжелую ситуацию в Средиземном море: в сражении за Мальту потоплен английский авианосец «Игл». «Если мы сможем открыть путь для военного транспорта через Средиземное море, проблема нашего судоходства будет значительно облегчена, и мы войдем с Турцией в контакт более тесный...» Вскоре он подробнее коснулся планов участия Турции: «Мне кажется, что мы все должны были бы сделать новое энергичное усилие, чтобы заставить Турцию вступить весной в войну на нашей стороне... Мы отправляем в Турцию значительные поставки оружия, включая 200 танков... В течение зимы по сухопутному маршруту или морем вдоль побережья Леванта я буду продолжать отправку в Турцию поставок вооружения... Надеюсь в начале весны собрать значительную армию в Сирии... чтобы оказать помощь Турции на тот случай, если она подвергнется угрозе или будет готова присоединиться к нам... Если бы мы могли вовлечь Турцию в войну, мы могли бы не только приступить к операциям, цель которых состоит в том, чтобы открыть судоходный путь к Вашему левому флангу на Черном море, но мы могли бы также усиленно бомбить с турецких баз румынские нефтяные источники... Преимущество вступления в войну Турции состоит в том, что оно произойдет главным образом по суше...»¹⁴.

В отличие от английского советское руководство не было сторонником вовлечения Турции в войну против Германии. Заботой Москвы было любым способом поддержать нейтралитет Турции. Так, во время беседы в Кремле Сталина с министром иностранных дел А. Иденом 16 декабря 1941 г. Сталин даже заговорил о целесообразности пообещать Турции район Бургаса в Болгарии, наказав таким образом последнюю за сотрудничество с Германией. Кроме того, туркам можно отдать некоторые из Додеканезских островов и какие-то территории в Сирии. «То, что было сказано Сталиным, предназначалось не столько для английских, сколько для турецких ушей. С самого начала войны на стол председателя Государственного Комитета Обороны ложились тревожные донесения дипломатических представительств, внешней и военной разведок о все возрастающем нажиме немцев на Турцию с целью вовлечь ее в военные действия на стороне Германии. В условиях, когда вермахт готовился к броску на Северный Кавказ, операции турецкой армии в Закавказье могли бы иметь серьезнейшие, если не катастрофические, последствия. Не случайно после нападения гитлеров-

¹⁴ Переписка Председателя Совета министров СССР, с. 68, 70, 72.

ской Германии на Советский Союз активизировалась деятельность горской и закавказской эмиграции, базирующейся в Турции, во всяком случае, той ее части, которая связывала свое политическое будущее с иностранной военной поддержкой»¹⁵.

Немцы, в свою очередь, не прекращали усилий, чтобы воздействовать на Турцию, прибегая для этого к разнообразным средствам и методам, включая дезинформацию. Гитлер, принимая турецкого посла в Берлине Герееде, заявил ему, что на переговорах с Германией Советский Союз претендовал на Черноморские проливы и что якобы именно отказ немцев пойти на удовлетворение этих требований явился истинной причиной ухудшения советско-германских отношений. В том же направлении должно было сработать сообщение германского радио в декабре 1941 г. о том, что Великобритания и СССР поделили Европу на зоны влияния и Турция попала в советскую. Иден сделал даже по этому поводу специальное заявление в палате общин, в котором опроверг этот вымысел геббельсовской пропаганды. Такого рода германские «подачи» проникали даже в американскую печать. В журнале «Кольерс», например, появилась статья профессора Реннера из Колумбийского университета, в которой утверждалось, что в случае победы союзников к России может отойти все европейское побережье Черного моря, включая, разумеется, и проливы.

В конце июля 1941 г. резидент НКГБ в Турции писал в Центр: «Оценивая нынешнюю обстановку и имеющиеся материалы о положении в эмиграции, можно сделать следующие выводы. Турецкое правительство, стремясь не показывать в данный момент своих планов и заинтересованности в «кавказском» вопросе, дало установку политическим отделам Управ-

---

¹⁵ «В спецсообщениях разведки вновь замелькали имена и организации, которые были на слуху с того времени, как он, Сталин, стал Генеральным секретарем ЦК ВКП(б), – теперь они чувствуют, что может пробить их час... Если Кавказ будет зажат в немецко-турецкие клещи и захвачен, то там могут начаться необратимые процессы. Потеря этого региона – родины вождя может стать непоправимой для судьбы всей страны. Контрразведка доложила, например, что турецкий военный атташе в частной беседе высказал убежденность, что немцам удастся захватить Кавказ и он намерен рекомендовать своему Генштабу подумать о занятии турецкой армией стратегически важных позиций в этом регионе. По всему видно, что колебания в турецком руководстве большие. Посол Актай говорит Молотову одно, а Сараджоглу, по информации разведки, заявляет фон Папену нечто иное, что можно истолковать как готовность Турции уступить немецким домоганиям. Турцию любой ценой надо удержать от вступления в войну, это задача военно-стратегического значения. Сказанное Идену, вполне очевидно, следует понимать так, что Россия по меньшей мере отказывается от своих вековых притязаний на Черноморские проливы, а это гораздо важнее, чем эфемерные выгоды от военного альянса с Германией» (*Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм. На службе СД и Абвера. М., 2003, с. 9–11).

ления безопасности и полиции не допускать легальных форм работы эмиграции и не разрешать каких-либо действий, которые могли бы быть расценены как враждебные по отношению к СССР... Как это видно из документа Анкарского отдела Управления безопасности и из бесед Якуба и Шамиля с фон Папеном, турки проводят нужную подготовку через свои разведывательные органы, а всю деятельность лидеров эмиграции, вплоть до их контактов с немцами и японцами, держат под своим контролем.

Такую линию можно объяснить тем, что турки не желают обострения отношений с СССР, считая это несвоевременным, но не хотят выпускать из своих рук „идейное” покровительство эмиграции и инициативу, если в ходе войны представится случай и, по их мнению, назреет момент предъявить свои права на территорию Закавказья, где они не хотят, конечно, иметь немцев. Поэтому все стремления Мехтиева, Шамиля, Валидова и других получить разрешение и благословение на активную работу против Советского Союза турецкие власти отклоняют и сдерживают их, давая в то же время понять, что нужно организовываться, ждать событий и не вредить делу, а когда настанет время, можно будет действовать.

Одновременно турки не препятствуют их персональным контактам с немцами и японцами, которые используют лидеров эмиграции (Хосровбека, Султанова, Шамиля, Амирджанова) как свою агентуру»¹⁶.

Как в Турции было воспринято сообщение о германском нападении на Советский Союз? Кочак пишет: «Германо-русская война породила в стране атмосферу праздника. Все сердца, памятуя о пяти веках истории, начали биться в унисон с немецкими победами. Все поздравляют друг друга, говорят – „с праздником вас, война отодвинулась”». Автор приводит и такие отрывки из мемуаров Барутчу, одного из журналистов того времени – «в коридорах междлиса я увидел министра Сараджогу и сказал – „Поздравляю с политическим газаватом”, а в ответ услышал – „поздравим всех нас”. Радовался и Инёню, а некий маршал, улыбаясь, сказал – „будет просто стыдно, если война не кончится через неделю”». В докладе немецкого посла Папена в Берлин от 22 июня сообщалось, что ему позвонил Сараджогу и пожелал хороших шансов. А в день нападения в газете «Джумхуриет» утверждалось, что Гитлер – это единственный лидер, понимавший Ататюрка»¹⁷.

Однако вступать в войну на стороне Германии, при всех ее тогда военных успехах, Турция, как видно, не собиралась. После нападения Германии на Советский Союз она в тот же день объявила о своем нейтралитете, а 25 июня эту позицию подтвердила вербальной нотой, переданной Советскому правительству. Как уже сказано, за четыре дня до начала гитлеров-

¹⁶ Там же, с. 12–13.

¹⁷ См.: *Koçak Cemil. Türkiye’de Milli Şef dönemi*, с. 173–174.

ской агрессии против СССР, 18 июня между Турцией и Германией был заключен пакт о дружбе и ненападении. При этом сохранялся и союз с Англией (Франция была оккупирована), оформившийся еще в мае 1939 г. Уместно вспомнить сохранявший свою силу, неоднократно продлеваемый и модифицируемый Парижский договор 1925 г. о дружбе и нейтралитете между СССР и Турцией. К этим дипломатическим документам турецкое правительство периодически и всегда в подходящее для него время обращалось, чтобы свидетельствовать о том, что страна вынуждена оставаться в стороне от мировой войны.

Что касается отношений между СССР и Турцией, то было очевидно, что доверия у двух стран друг к другу не осталось. Уже со времен Монтрё СССР не слишком надеялся на лояльность к себе Турции, а теперь восторги в Турции по поводу того, что началось на полях сражений в СССР, кажется, привели в шок советское руководство. Турция же после подписания пакта Молотов–Риббентроп не только не доверяла своему северному соседу, но и боялась его, хотя и сочла обреченным на поражение в начавшейся войне с фашистской Германией.

При всем при этом уже с первых дней войны СССР с Германией Турцию начинают беспокоить английские заявления относительно совместных действий с СССР. В согласии с договором 1925 г. Турция требует от Москвы информации об англо-советских переговорах. Москва, со своей стороны, повторяет упреки Турции в нарушении конвенции Монтрё. Ведь в той неблагоприятной для СССР военной обстановке началось то, чего опасались советские дипломаты в Монтрё по поводу обязательств турецкой стороны относительно запрета нечерноморским державам проводить свои военные суда через проливы. Об этом свидетельствует начавшаяся уже в июле 1941 г. дипломатическая переписка между советской и турецкой сторонами относительно несоблюдения Турцией конвенции Монтрё.

В первой советской ноте от 12 июля 1941 г. обращалось внимание на то, что Турция 9 июля пропустила в Черное море через проливы немецкий военный катер «Зеефальке» в нарушение действующей конвенции по проливам и спустя всего лишь несколько дней после нападения Германии на СССР. Об этой ноте напомнил советский посол в Турции Виноградов в записке генеральному секретарю МИД Турции Н. Менеменджиоглу 24 июля 1941 г. Из записки также следовало, что первоначально турецкая сторона заявила, что об этом факте ей неизвестно, и выразило сомнение в самой возможности этого факта. Затем 18 июля оно все же признало факт прохода указанного судна через проливы между 7 и 9 июля, однако отрицало военный характер этого судна, ссылаясь на то, что «Зеефальке» имел немецкий торговый флаг и другие атрибуты торгового судна. С этого времени началась длительная переписка между двумя сторонами по поводу

военной или торговой принадлежности судна и нарушения (или ненарушения) конвенции Монтрё.

В этом и в более поздних случаях, когда в нарушение конвенции совершался проход через проливы немецких военных судов, как правило, небольших, советская сторона высказывала соответствующие упреки, но в ответ неизменно получала пространные утверждения, что речь идет о торговых судах и Турция скрупулезно выполняет условия конвенции и не может их нарушать.

Не случайно в это время шведская газета «Стокхолмс Тиднинген» повторила дезинформацию германских СМИ о том, что Великобритания и СССР поделили Европу на зоны влияния и Турция попала в советскую зону, что тайный договор между ними предусматривает в частности, признание «русских претензий на установление контроля над Босфором и Дарданеллами». 9 августа ТАСС опроверг это сообщение как вымысел, а на следующий день послы СССР и Великобритании вручили руководству Турции ноты своих правительств. «Советское правительство подтверждает свою верность Конвенции в Монтрё и заверяет Турецкое правительство, что оно не имеет никаких агрессивных намерений и притязаний в отношении Проливов. Советское правительство, так же как и Британское правительство, готово скрупулезно уважать территориальную неприкосновенность Турецкой Республики. Вполне понимая желание Турецкого правительства не быть вовлеченным в войну, Советское правительство, как и Британское правительство, тем не менее, были бы готовы оказать Турции всякую помощь и содействие, если бы она подверглась нападению со стороны какой-либо европейской державы». В тот же день аналогичное заявление сделал турецкому правительству и посол Великобритании в Турции¹⁸.

Случаи такого нарушения Германией конвенции Монтрё продолжались и позже, пока ее войска не были изгнаны Советской армией из черноморских портов. В 1944 г. эти попытки Германии были особенно заметны, немцы пытались выводить свои небольшие военные вспомогательные корабли, замаскированные под торговые. Часто они проходили как торговые под честное слово германского посла Папена. По требованию английских и советских дипломатов турки нехотя стали проверять некоторые суда и оказывалось, что они провозят оружие, электронное оборудование, боеприпасы и даже переодетых в гражданское военных. Однажды произошел случай, когда шедшее из Черного моря в Эгейское судно «Кассель» попытались досмотреть, но получили от экипажа отказ. Досмотр все же состоялся, и стало очевидно, что это вспомога-

¹⁸ Батулин Ю. Досье разведчика. М., 2005, с. 375–376.

тельное военное судно с 9-ти миллиметровой бронебойной обшивкой, перевозящее тридцати тонный кран и четырех тонный тяжелый пулемет¹⁹.

Очевидно, что, несмотря на объявленный нейтралитет и стремление правящих кругов Турции избежать вовлечения в войну на стороне одной из воюющих сторон, в этих кругах были влиятельные группировки, симпатизирующие либо Англии, либо фашистской Германии. Но какими бы симпатиями или антипатиями в отношении названных держав ни различались эти группировки (а многие из них не доверяли Германии, опасаясь ее вторжения в Турцию) они были едины в одном: они демонстрировали открытую враждебность к СССР в самые трудные для него дни и месяцы. Одни их представители могли заявлять об этом публично, другие, ввиду занимаемых ими официальных постов, делали это в конфиденциальных беседах. Дело не ограничилось проливами, все реальней стала в это грозное для советского государства время другая опасность – попытки упомянутых турецких группировок спровоцировать раскол СССР.

Суть этой опасности проявилась менее чем через два месяца после нападения фашистов на СССР, во время беседы в Берлине статс-секретаря германского МИД Вейцзеккера с турецким послом в Берлине Хюсревом Гереде. Как докладывал Вейцзеккер Риббентропу в начале августа 1941 г., турецкий посол «навел разговор на тему о пограничных советских племенах тюркского происхождения на советской территории. Он обратил внимание на возможность антисоветской пропаганды через эти тюркские племена. Потом он довольно откровенно заявил о том, что впоследствии можно объединить кавказские народы в одно буферное государство, и намекнул, что на восток от Каспийского моря также могло бы возникнуть самостоятельное тюркское государство... Гереде не замедлил затронуть основной вопрос, охарактеризовав Баку как город, где все население говорит по-тюркски»²⁰.

Так уже с первых месяцев советско-германской войны и дружеского нейтралитета с Германией заметно активизируются крайние формы турецкого национализма – шовинизм, расизм, пантурсизм (пантюркизм), фашизм. Невоюющая Турция внимательно и подчас благосклонно выслушивала мнения идеологов и дипломатов рейха о скором крушении СССР и готовности фашистов «поделиться» с Турцией некоторыми советскими территориями на Кавказе, в Крыму и в Средней Азии, населенными тюрками.

На наш взгляд, такого не случилось бы при Ататюрке, будь он жив. Будучи прагматиком, он прекрасно осознавал наличие подводных камней в отношениях его республики с коммунистическим режимом на севере и учитывая эти «камни» находил все же способы сохранять с СССР добрососедские отношения. Во всяком случае, памятуя о «руке дружбы», протяну-

---

¹⁹ TDP, cilt I, s. 467.

²⁰ Батулин Ю. Досье разведчика, с. 437.

той с севера кемалистам в дни битвы на Сакарье, аналогичным образом в дни битв под Москвой, под Сталинградом, он именно в это смертельно опасное для Москвы время не позволил бы «разгуляться» пантуркистам, которых и в его время было достаточно.

28 августа 1941 г. Папен затронул «тюркскую» тему в беседе с президентом Турции И. Инёню. В ответ он не услышал резкой отповеди, ему было лишь сказано, что «по этим темам можно будет поговорить только после поражения Советов, только тогда у Турции появится желание говорить об этом». «В такого рода полуофициальных беседах турецкое правительство не заходило слишком далеко – не далее создания в данном регионе буферного государства, тесно сотрудничавшего с Турцией. Пантуранистские же круги Турции стремились к непосредственному присоединению этих территорий к Турции. Для осуществления этого замысла они хотели немедленно вступить в войну на стороне Германии. Переселенцы и беженцы, националистические лидеры тюркского происхождения в Турции и Германии были намерены договориться с Германией о том, чтобы в районах германской оккупации создать независимые тюркские государства. Подход же Германии был совершенно иным – чтобы облегчить победу над Советами и развалить их изнутри, среди тюркских народов на оккупированных землях действительно следовало проводить пропаганду националистических взглядов и устанавливать контакты с лидерами сторонников независимости. Однако основной целью этих мер должна быть германская колонизация указанных земель, что дало бы возможность использования их богатых природных ресурсов.

Осенью 1941 г. Инёню направляет на восточный фронт начальника военной академии Йылдыз Али Фуада Эрдена и специалиста по советско-германской войне отставного генерала Эркилета. С 15 октября по 5 ноября они объездили некоторые города Болгарии, Румынии, а также посетили оккупированные Одессу и Николаев, побывали в лагерях советских военнопленных, беседовали с «военнопленными тюркского происхождения», были приняты Гитлером. Папен затем доносил в Берлин, что оба генерала были довольны такой возможностью, предоставленной им немцами. Итоги поездки генералы немедленно доложили Инёню, причем Эрден сообщил Инёню, что «война с Советами вот-вот должна закончиться».

Несколько ранее, в сентябре, в Берлине для установления пантуранистами «полуофициальных» отношений с Германией побывал Нури-паша, брат Энвер-паши, убитого в Туркестане в 1922 г. в стычке с отрядом красноармейцев. Он встречался и с турецким послом Гереде. Целью поездки было ознакомить Берлин с программой пантуранистов Турции по кавказской проблеме. Она, в частности, предусматривала создание в этом регионе независимых государств, «но их политика будет определяться Турцией».

Речь шла о Крыме, Азербайджане, Дагестане, Волго-Уральском районе, Туркестане, Северном Азербайджане... Нури-паша утверждал, что «окончательный разгром СССР зависит от прочности связей между Турцией и Германией». Он уверял Вайцзекера, что хорошо знает Кавказ, где может возникнуть восстание с участием ста тысяч людей. Он называл политику Ататюрка по вопросу национальной границы оппортунистической, в ситуации, когда Германия разгромила бы Советы, такая политика исчерпала себя. «Неизвестно, в какой мере Нури-паша представлял турецкое правительство, однако действительно, это правительство обдумывало создание в этом регионе буферных тюркских государств – независимых, но управляемых Турцией и полуофициально об этом заявляло». К. Кочак пишет, что по рекомендациям Нури паши в Германии началось формирование воинских частей из пленных мусульман тюркского происхождения. По официальным данным на 22 декабря 1941 г. число названных пленных достигало 200 тысяч. В 1942 г. было сформировано несколько боевых подразделений по территориально-национальному происхождению, все они относились к 162-й тюркской дивизии. Помимо тюркских частей, сюда входили грузинские и армянские части²¹.

Путь турецких визитеров на оккупированные фашистами южные территории Советского Союза, как правило, пролегал через Берлин, где не обходилось без визитов к Геббельсу или Гитлеру и почти обязательного обсуждения планов создания кавказской федерации и Великого Туркестана. Владелец газеты «Джумхуриет» Надир Нади признает, например, в своих мемуарах, как обхаживали тогда фашисты представителей турецких властей, журналистов. Он сам, будучи мобилизованным в армию, получил в 1942 г. указание отправиться в составе делегации журналистов в Германию, а затем в оккупированные районы СССР. Делегацию принимал Геббельс, затем она направилась в оккупированный фашистами Крым, где были организованы встречи с татарами. Н. Нади пишет, что крымские татары разделились – одни сражались с немцами в советской армии, другие были на стороне немцев в надежде, что те «помогут им получить независимость». На одной из встреч с татарами «холодным душем» для него оказалась речь одного из татар, который заявил: «Его превосходительство Гитлер освободил нас. Благодаря его превосходительству Гитлеру мы обретем свободу и независимость»²².

В начале 1942 г. произошло неудавшееся покушение на Папена. 24 февраля от взрыва на бульваре Ататюрка погиб переселенец из Югославии, студент Стамбульского университета Омер Токат, ранено несколько прохожих. Вскоре были задержаны два его товарища, Абдурахман Сайман

---

²¹ Там же, с. 198–199.

²² *Nadir Nadi. Perde aralığında. İstanbul, 1964, с. 146, 163.*

и Сулейман Сагол. Арестованные заявили, что покушение было организовано находящимися в Турции советскими дипломатами и направлено против фон Папена (он действительно прогуливался недалеко как раз в момент взрыва). Его убийство должно было заставить Турцию вступить в войну на стороне СССР²³.

После этого происшествия турецкие спецслужбы немедленно организовали охоту на двух советских граждан – сотрудника советского генерального консульства Георгия Павлова и эксперта по транспортным операциям торгпредства Леонида Корнилова²⁴.

Но очевидно, что если не в ликвидации, то по крайней мере в нейтрализации Папена, стремившегося на своем посту втянуть Турцию в войну на стороне Германии, в удалении его из Турции, не меньше советских властей были заинтересованы англичане и те близкие к Инёню турки, которые любой ценой готовы были сохранить нейтралитет страны, тем более, что они и сами опасались в одинаковой мере и тех и других. Ведь Папен стал послом в Турции отнюдь не по инициативе последней, скорей наоборот. Организовать такой заговор и затем изобразить дело как столкновение на нейтральной арене двух противников в тайной войне турецким спецслужбам было просто. Кстати Сталин не очень верил в возможность вовлечения Турции в антигитлеровскую коалицию, и если бы это произошло, обильные плоды от этого могла бы получить, прежде всего, Англия.

Как бы то ни было, Турция, демонстрируя уже в который раз «дружественный нейтралитет» в отношении Германии и в такой же мере недружественный в отношении СССР, предъявила советскому посольству ультиматум о выдаче Павлова и Корнилова. О том, что они являлись сотрудниками советских спецслужб, власти Турции, догадывались, и теперь они были намерены доказать, что именно Павлов и Корнилов организовали покушение на Папена. Турецкий ультиматум Генконсульству СССР был отклонен, после чего это обладающее правом экстерриториальности советское учре-

²³ *Karakuş Emin*. 40 yıllık bir gazeteci gözü ile işte Ankara. İstanbul, 1977, с. 36.

²⁴ События этого дела детально описаны в книге Ю. Батурина «Досье разведчика». Следует сказать, что даже хорошо ознакомившись с архивом своего отца, Батурина М.М. (1904–1978) советского разведчика, работавшего в Турции в 1941–1947 гг. под именем М.М. Бакланова, Ю.М. Батурина не убежден, что покушение было организовано советской разведкой. Как он пишет, официальная позиция Службы внешней разведки РФ следующая: «В архиве СВР России документов, свидетельствующих в пользу этой версии, нет». Однако известны слова П.А. Судоплатова – «Сталин приказал ликвидировать фон Папена». Но есть и другие версии, например, утверждение одного из сотрудников немецкой разведки В. Хёттля, постоянно следившего за Папеном по приказу руководителя спецслужб Германии Р. Гейдриха: «Предположение, что попытка покушения на его жизнь в Анкаре, которую приписывают русским, была в действительности делом Гейдриха...» (*Батурина Ю. М.* Досье разведчика, с. 392, 416).

ждение в Стамбуле, где находился Павлов, было подвергнуто блокаде. «Его окружили военные, и покинуть здание не представлялось возможным». Работники консульства образовали своего рода штаб по защите консульства. «Необходимо было, пишет Ю. Батулин, выставить наблюдательные посты, которые сообщали бы о попытках проникновения на территорию консульства или начале штурма, подготовить к уничтожению секретные документы и ввиду их объема часть уничтожить заранее, регулярно посылать доклады в Москву, отслеживать изменение политической ситуации в Стамбуле и Анкаре и многое другое»²⁵.

В Кайсери в результате проведения грубой силовой акции был захвачен Корнилов, невзирая на протесты советской стороны. Затем полиция стала готовиться к штурму территории советского Генерального консульства. «Стало очевидно, что штурм неизбежен. Кроме того, из-за глухой осады в консульстве кончились продукты. Мордвинов (он же Павлов), чтобы сохранить ценнейшую секретную документацию, принял решение выйти добровольно».

1 апреля 1942 г. начался суд. Георгий Павлов и Леонид Корнилов категорически отрицали свою вину, в то время как Абдурахман Сайман и Сулейман Сагол ее признавали. Они утверждали, что покушение совершено по заданию советского правительства, чтобы подорвать хорошие отношения между Турцией и Германией и вовлечь Турцию в войну на стороне СССР. В этом случае русские могли бы использовать территорию Турции для защиты своих южных флангов. Токат, утверждали они, согласился стать исполнителем, когда узнал, что его невеста на оккупированной родине пострадала от немцев. 18 апреля министр иностранных дел Сараджоглу сказал британскому послу Нэтчбулл-Хьюгессену: «Даже если это приведет к войне, мы не изменим нашей позиции». Павлов и Корнилов держались стойко, советское руководство обеспечило им квалифицированную защиту, наняв первоклассных анкарских адвокатов. Для консультаций в Анкару прибыл советский следователь и криминалист Лев Шейнин²⁶.

В целом, ход процесса складывался не в пользу подсудимых. Свидетели обвинения, не все из которых вызывали доверие, увязывали все в один узел. Журналист Эмин Каракуш следил за процессом, за его нарушениями. Он писал потом в своих воспоминаниях, что суд решил лишить подсудимых адвоката, «это решение бросилось в глаза», суд отверг просьбу прибывшего из России юриста оказать правовое содействие подсудимым. Автор писал также, что некоторые странности так и остались без ответа, высказывались сомнения в определении личности убитого. Судьи торопились

---

²⁵ Подробнее см.: там же, с. 401–403.

²⁶ Там же, с. 404–408.

вынести приговор, что и произошло 17 апреля 1942 г. Корнилов и Павлов были приговорены каждый к 20 годам тюрьмы, Абдурахман и Сулеман – к десяти каждый. Прокурор опротестовал приговор, и расследование было продолжено в декабре, при этом Сулеман отказался от прежних показаний против обвиняемых русских. На этот раз приговор был смягчен с 20 до 16 лет. Автор пишет, что информацию о судебных заседаниях он сообщал в Стамбул Зекерия Сертелю, который снабжал ею и иностранные агентства. Когда вскоре его вызвали по этому поводу к губернатору Анкары, он понял, что их прослушивают. В присутствии министров юстиции, внутренних дел, высших чинов управления национальной безопасности губернатор демонстративно отобрал у него корреспондентскую карточку и предупредил, что если он по этому делу продолжит передавать в Стамбул информацию, он будет отстранен от работы. Карточку ему вернули через десять дней²⁷.

Как справедливо отмечала Р.С. Корхмазян, «приветствуя факт нападения Германии на Советский Союз, откровенно проявляя свою заинтересованность в германской победе над СССР», значительная часть правящих кругов Турции в то же время не была заинтересована в конечной победе ни Англии, ни Германии. Поддерживая Германию в войне против Советского Союза, турецкие правящие круги предполагали, что Германия победит в войне, но закончит ее ослабленной. Пойдя затем на компромиссное урегулирование англо-германского конфликта, «Турция оказывала рейху услуги, выходявшие за пределы официально провозглашенного нейтралитета. В той степени, в какой турецкое правительство считало это безопасным для себя, оно содействовало Германии в войне против СССР... Единственным стимулом к сближению с Германией были антисоветская направленность политики и пантюркистские планы турецких правящих кругов. Ожидавшееся турецкими правящими кругами поражение СССР в войне могло создать, по их мнению, возможность аннексии территорий Советского Кавказа, т.е. осуществления основной части возродившихся пантюркистских требований²⁸.

Лето и затем осень 1942 г. были отмечены успехами немцев на Северном Кавказе, их армии продвигались к Грузии и Азербайджану, все ближе к турецкой границе, за этим внимательно следили и в Советском Союзе, и в Турции. Советское командование вынуждено было укреплять фронт против немцев и одновременно проводить оборонительные меры на случай вторжения турецких войск. В августе работавший в Генштабе генерал С.М. Штеменко докладывал в Кремле о ситуации на Кавказе. Он пишет в своих мемуарах: «Когда стало очевидно, что немецко-фашистские войска обязательно будут пробиваться на юг вдоль Каспийского побережья и через Кавказский хребет, перед нами очень остро встал новый неотвратимый во-

²⁷ См.: *Karakuş Emin*. 40 yıllık bir gazeteci gözü ile işte Ankara, с. 37–40.

²⁸ Проблемы истории Турции. Сборник статей. М., 1978, с. 145, 146.

прос: не поддержат ли их турецкие сторонники. Если в Иране все обстояло теперь относительно благополучно, то с Турцией было иначе. В середине 1942 года никто не мог поручиться за то, что она не выступит на стороне Германии. Неспроста ведь на границе с Советским Закавказьем сосредоточились тогда двадцать шесть турецких дивизий... На случай, если турецкое наступление пойдет через Иран на Баку, принимались необходимые меры предосторожности и на ирано-турецкой границе». Перечисляя силы Закавказского фронта, он писал: «Но всех этих сил было явно недостаточно. По предложению Генерального штаба началась спешная переброска войск из Средней Азии и иных мест»²⁹.

Ситуация сложилась действительно опасная, она определялась в немалой степени и организацией здесь тайных операций против вооруженных сил и местной власти. Вот что вспоминал об этом Вальтер Шелленберг: «В 1942–1943 годах нам, благодаря плодотворному сотрудничеству с турками, удалось забросить из Турции в южные районы России и за Урал агентов восточных национальностей, представителей кавказских и тюркских народностей, прошедших особенно основательную подготовку. Они... передавали нам неплохую информацию...» В Турции, в городе Игдыре, немцы создали «Кавказскую организацию», состоявшую и действовавшую под видом фирмы, торговавшей овчиной. Организация располагала значительными средствами, оружием и кадрами. Члены организации проникли в Баку, Тбилиси, Кировабад, Нахичевань и другие города Кавказа.

Германское военное руководство, готовя летнее наступление 1942 г. на Северном Кавказе, нацеливало свои и турецкие спецслужбы на формирование так называемых черных партизанских отрядов в пограничной полосе Турции для совершения диверсионно-террористических актов и организации повстанческого движения на территории СССР. Такие отряды появились уже в июле–августе 1941 г. Руководители немецкой и турецкой разведок хотели приурочить их действия к моменту наступления немецких войск на Кавказе. Во время встречи с Бенито Муссолини в Зальцбурге 29–30 апреля Гитлер заявил, что Турция медленно, но верно идет по направлению к «оси».

22 апреля 1942 г. НКВД СССР за подписью Берии сообщал в Государственный комитет обороны: «Командование турецкой армии приступило к переброске войск из всех районов Анатолии на восточную границу. Военские части, расположенные в районе г. Битлис, спешно перебрасываются в район г. Карс. Высший командный состав турецкой армии настроен пронемецки и склонен вступить в войну на стороне Германии. Эти сведения,

---

²⁹ Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968, с. 54.

по сообщению источника, передавшего их нам, исходят из осведомленных военных кругов Турции»³⁰.

По словам генерала Штеменко, 24 августа 1942 г. в Закавказье было введено военное положение. «Все войска, организованно отходившие с севера, сажались в оборону на Тереке, в предгорьях Кавказского хребта, на туапсинское и новороссийское направления... На главном, бакинском, направлении 28 августа стала формироваться 58-я армия. В районе Кизляра сосредоточивался сводный кавалерийский корпус... Было решено создать оборонительные районы оперативно важных центров. Всего таких районов насчитывалось три: Бакинский особый, Грозненский и Владикавказский... 16 сентября Государственный Комитет Оборона по представлению военных принял специальное постановление о мобилизации на оборонное строительство в районах Махачкалы, Дербента и Баку по 90 тысяч местных жителей ежедневно. После этого дело пошло полным ходом. Днем и ночью строились окопы, противотанковые рвы, устанавливались надолбы. Помимо того, 29 сентября Ставка приказала осуществить здесь еще ряд мер по упрочению обороны и направила сюда целевым назначением 100 танков».

С обороной гор дело явно не клеилось. Командование фронта слишком преувеличивало их недоступность, за что уже 15 августа поплатилось Клухорским перевалом. Вот-вот мог быть взят и Марухский перевал, вследствие чего создавалась бы угроза выхода немцев на юг, к Черному морю. Допущенные оплошности исправлялись в самом спешном порядке. Срочно формировались и направлялись на защиту перевалов отряды из альпинистов и жителей высокогорных районов, в частности сванов. Туда же, на перевалы, подтягивались дополнительные силы из кадровых войск». Ожесточенные бои шли на Тереке, «удар наносился с расчетом вырваться одновременно на Каспийское побережье и к Военно-Грузинской дороге. Однако ни там, ни тут немецкие войска не получили успеха. Борьба на подступах к Орджоникидзе и Грозному окончилась для них полной неудачей и большими потерями, до грозненской и бакинской нефти враг добраться не сумел. А заодно провалился и его замысел открыть себе путь на Ближний Восток»³¹.

³⁰ Приводя эти документы, автор добавляет: «В пограничной полосе Турции отмечалось оживление дашнакских, мусаватских и других националистических организаций. Из членов этих организаций германские и турецкие спецслужбы формировали разведывательные и диверсионные группы для переброски на советскую территорию... Если в зимние месяцы, после разгрома немцев под Москвой, турки не шли на открытый конфликт с советскими пограничниками, то к началу немецкого наступления на Кавказ ситуация изменилась. Советские пограничные наряды стали подвергаться обстрелам с турецкой стороны, участились нарушения границы» (цит. по: *Батурин Ю.* Досье разведчика, с. 426–428).

³¹ *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны, с. 54–61.

В январе 1943 г. Кавказ был очищен от гитлеровских войск.

Чтобы картина явной и тайной борьбы в 1942/43 г. за Кавказ была полнее, следует вспомнить, что тогда же активизировалась деятельность давней горской и закавказской эмиграции, базирующейся и в Турции, и вне ее. «Летом 1942 года, когда вермахт выдвигался на Северный Кавказ, в Анкару со своего рода демонстрационной миссией были командированы потенциальные гаулейтеры Азербайджана и Грузии, назначенные Гитлером в преддверии оккупации этих советских республик немецкими войсками». Соответствующая подготовка, как уже сказано, началась с первых дней немецкого вторжения в СССР³².

О тревожной ситуации, сложившейся в те времена на Северном Кавказе, напоминает в своей книге Г. Трошев: «Стоило только проявиться признакам ослабления центральной власти с началом Великой Отечественной войны, как пламя сопротивления вспыхнуло вновь... В Шатое и Итум-Кале выступил со своими сторонниками М. Шарипов... Вскоре отряды Шарипова и Исраилова объединились. Повстанцы выпустили воззвание к народу, в котором говорилось, что кавказцы ожидают немцев как гостей и окажут им гостеприимство только при признании их независимости» Немецкие спецслужбы в свою очередь «забрасывали на Кавказ террористические группы из числа бывших военных и дезертиров, сотрудников абвера. Только летом 1942 г. было заброшено четыре таких группы. Они входили в тесный контакт с местными антисоветскими формированиями, совершая террористические и диверсионные акты»³³.

Как пишет Кочак, от маршала Чакмака в 1942 г. через посредников поступило обращение к фон Папену: «В турецкой армии находится много офицеров – выходцев с Кавказа и из Азербайджана, хорошо знающих данный регион. В случае успеха германского наступления будет обеспечена отправка их туда». В планах Чакмака такие действия увязывались с намерением направить турецкие войска, если Турция начнет войну с СССР, прежде всего на Баку по проторенной «младотурецкой» дороге³⁴.

---

³² В конце июля 1941 г. резидент НКГБ в Турции писал в Центр: «Турецкое правительство, стремясь не показывать в данный момент своих планов и заинтересованности в „кавказском“ вопросе, дало установку политическим отделам Управления безопасности и полиции... не разрешать каких-либо действий, которые могли бы быть расценены как враждебные по отношению к СССР. Но в то же время... турки проводят нужную подготовку через свои разведывательные органы, а всю деятельность лидеров эмиграции держат под своим контролем. Такую линию можно объяснить тем, что турки не желают обострения отношений с СССР, но не хотят выпускать из своих рук идейное покровительство эмиграции и инициативу, если в ходе войны представится случай и назреет момент предъявить свои права на территорию Закавказья, где они не хотят, конечно, иметь немцев» (*Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм, с. 10–13).

³³ *Трошев Г.* Чеченский рецидив. Записки командующего. М., 2003, с. 38, 40.

³⁴ *Koçak Cemil.* Türkiye'de Milli Şef dönemi, с. 200.

В июне–июле 1942 г. Турция провела военные маневры на своей кавказской границе и увеличила там численность войск, 10 октября глава правительства Сараджоглу заявил: «В высшей степени естественно, что Турция не остается равнодушной к 40 миллионам советских граждан тюркских корней». Понимая, что в тех условиях реализовать пантуранистские планы объединения региона с Турцией «почти невозможно», Сараджоглу говорил о поиске способов создания «сильного культурного воздействия Турции» на эти районы. «Сначала следует прислать на учебу в Турцию из этих регионов тысячи учащихся, а во время этой учебы пробудить тюркский национальный дух, доселе остающийся у этих масс под гнетом». В одном из сообщений Папена говорится: «Сараджоглу как турок страстно хочет разгрома Советского Союза, этого события турецкий народ ждал столетия. Гитлер откроет новую эру, если сумеет это осуществить. Ни один турок, даже такой безусловный сторонник англичан как Хюсейн Джахит Ялчин, не имеет по этому вопросу иного мнения. Лишь убив половину русских, Германия сможет решить эту проблему и полностью спасти от русского влияния русифицированные регионы национальных меньшинств, поднять их с колен, воспитать как союзников „оси” и врагов славянства. Сараджоглу отметил, что он не знает, как Гитлер намерен решать будущее этих регионов. Но поскольку большинство населения их составляет тюркская раса, то естественно и справедливо, что Турция чувствует близкую заинтересованность в том, каким будет решение проблемы». В одном из приложений к книге Кочака (№XIII) показано, сколь обильно и яростно комментировала в 1941–1943 гг. пантюркистская и «независимая» пресса («Бозкурт», «Тюрк юрду», «Джумхуриет» и др.) приведенные выше высказывания³⁵.

Следует отметить, что рост влияния пантюркистской идеологии в годы войны отразился не только на внешнеполитических планах турецкой элиты, касающихся многонационального СССР. В полной мере это проявилось и во внутренних акциях властей, обратившихся к младотурецкой идеологии пантюркизма и обновленной концепцией расизма, именуемой часто пантуранизмом. В годы Второй мировой войны панисламизм еще не мог претендовать на столь широкую негласную поддержку, какой имел тогда пантуранизм и пантюркизм. Об этом можно судить по молодым годам такого влиятельного религиозного лидера, каким стал в последние десятилетия XX в. Н. Эрбакан. Один из его биографов пишет, что когда Эрбакан был студентом третьего курса Технического университета (в 1944 г.), там «началось расистско-туранистское движение» под руководством таких активистов, как Реха Огуз, Нихаль Атсыз, Фетхи Тевелоглу. Молодой Эрбакан и учившийся с ним Сулейман Демирель испытали влияние расистско-

³⁵ Там же, с. 200–202, 448–452.

туранистских писателей, правда, не в такой степени, как братья Озалы – Тургут и Коркут. «Они участвовали в разгроме 4 декабря 1945 г. редакции социалистической газеты „Тан“». Можно с большой вероятностью допустить, что в этом участвовал и Неджметтин Эрбакан. Однако Неджметтин и Сулейман дальше чувства симпатий к расистам-туранистам не пошли³⁶.

Возвращаясь к главным внешнеполитическим заботам Турции периода мировой войны, следует отметить, что они претерпели значительные перемены в условиях постепенного наращивания успехов антигитлеровской коалиции. На советско-германском фронте, к которому, безусловно, было приковано пристальное внимание также и турецких властей, в зимней кампании 1942–1943 г. основными военными событиями были Сталинградская и Северо-Кавказская наступательные операции, прорыв блокады Ленинграда. Красная Армия продвинулась на запад на 600–700 км. Решающим событием летне-осенней кампании 1943 г. стала Курская битва. К маю 1943 г. англо-американскими войсками была освобождена Северная Африка³⁷.

В такой обстановке Англия продолжила свои усилия по привлечению Турции в союзнический блок, надеясь добиться реализации своей стратегической задачи – восстановить свое влияние в Восточном Средиземноморье и на Балканах в сотрудничестве с Турцией и уже в этих условиях добиваться полного разгрома держав «оси» вместе со своими союзниками. 30–31 января 1943 г. в окрестностях турецкого средиземноморского города Адана близ станции Енидже в салон-вагоне, состоялась встреча У.Черчилля с президентом И. Инёню. Как вспоминает турецкий дипломат Эркин, «в ней участвовали президент, премьер Сараджоглу, глава МИД Н. Менеменджиоглу, министр внутренних дел Хильми Уран, начальник генштаба маршал Февзи Чакмак, командующий ВВС Шефик Чакмак и я. Другую сторону представляли Черчилль, от МИД Александр Кадоган, начальник генштаба сэр Алан Брук и командующие фронтами... Цель визита стала ясна, когда, пожимая руки, Черчилль сказал: „я прилетел в Турцию не с тем, чтобы о чем-то просить, а с тем, чтобы узнать о ваших потребностях в вооружении и материалах...”. В Адане не было необходимости принуждать Турцию к вступлению в войну, поскольку ставить этот вопрос можно было после снабжения Турции вооружением. Этот вопрос обсуждался потом неоднократно, охлаждение в отношениях с англичанами произошло не на почве отказа Турции от вступления в войну, а из-за недоговоренности по поставкам вооружения»³⁸.

---

³⁶ *Yalçın Söner*. Hangi Erbakan. Ankara, 1995, с. 20–23.

³⁷ Позже, в июле–августе 1943 г. англо-американские войска высадились на о. Сицилия, и 3 сентября 1943 г. Италия подписала акт о капитуляции.

³⁸ Цит. по: *Erkin Feridun Cemal*. Dışışlerinde 34 Yıl. Anılar-Yorumlar. Cilt I. Ankara, 1987, с. 137.

У журналиста Надира Нади были свои сведения о встрече: «Она сохранялась в тайне, лишь после ее окончания в газетах появилось официальное коммюнике. По моим данным, на ней Черчилль попросил Турцию выполнить обязательства по договору 1939 г. о взаимной помощи. Так союзники получили бы в Восточном Средиземноморье большую свободу действий, кроме того это отвлекло бы на Турцию часть немецких сил и облегчило положение союзников. В ответ наш вождь напомнил Черчиллю о необходимости выполнить некоторые условия и самими союзниками. Происходила в высшей степени интересная шахматная игра. Если бы мы ограничились, подобно Румынии и Греции, односторонними гарантиями союзников, возможно, не было бы необходимости в такой игре. Но поскольку мы в принципе придерживались неучастия в войне, у нас не оставалось ничего, кроме как гнуть свою линию. Упираясь до конца, мы старались не убивать попусту наших солдат»³⁹.

Наиболее важным было решение Англии и США снабдить Турцию современными видами вооружения, чтобы, как сказал Черчилль, «ее территория, ее интересы и права были эффективно защищены». Темпы англо-американских поставок должны были быть весьма быстрыми. «Мы можем, – говорил Черчилль, – дать ей (Турции) столько, сколько она в состоянии взять, и мы поставляем это оружие так же быстро и даже быстрее, чем турецкие войска способны его освоить». В намерения Черчилля входило обеспечить поддержку Турции в осуществлении его планов вторжения на Балканы, чтобы заменить этим проект открытия второго фронта в Западной Европе и вместе с тем создать для Англии выгодные политические позиции на Балканах до появления здесь Советской Армии. В свою очередь премьер-министр Турции Сараджоглу и другие руководящие турецкие деятели, а также турецкая печать подчеркивали неизбежность англо-турецкого союза, основанного на договоре 1939 г.⁴⁰.

Черчилль сообщает Сталину свою версию встречи, информирует о «длительных и самых дружеских беседах» в Адане, которые касались снабжения Турции «современным оружием», предоставлением пароходов для перевозки его из Египта. «Мы создаем в Анкаре смешанную англо-турецкую военную комиссию..., чтобы улучшить коммуникации для перевозки военных материалов. Мы составляем совместные планы оказания им помощи, если они подвергнутся нападению со стороны Германии или Болгарии...». Коснулся Черчилль и советско-турецких отношений: «Они, конечно, озабочены тем положением, в котором они окажутся после войны, ввиду большой силы Советского Союза. Я сообщил им, что на основании моего опыта СССР никогда не нарушал ни обязательств, ни договоров, что

³⁹ *Nadir Nadi.. Perde aralığından*, с. 173–174.

⁴⁰ *Дипломатический словарь*. Т. 1. М., 1948, с. 24.

сейчас для них настало время заключить выгодное соглашение и что самое надежное место для Турции – это место возле победителей. За столом мирной конференции... я уверен, что они откликнулись бы на любой дружеский жест со стороны Союза Советских Социалистических Республик...»⁴¹.

Нет сомнения, что Черчилль смягчает реакцию Инёню на упоминание им своего советского союзника – в действительности она была жестче и ни для кого не составляла секрета. Выше мы приводили высказывания представителей властной элиты Турции в дни ожидания разгрома СССР и победы немецкого оружия и в целом победы фашизма в Европе. О том, что она была хорошо известна и Сталину, ясно из его ответа Черчиллю 6 февраля 1943 г.: «По поводу Вашего заявления о том, что турки откликнулись бы на любой дружеский жест со стороны Советского Союза, я считаю уместным напомнить, что с нашей стороны по отношению к Турции как за несколько месяцев до начала советско-германской войны, так и после начала этой войны был сделан ряд заявлений, дружественный характер которых известен Британскому Правительству. Турки не реагировали на шаги, опасаясь, видимо, разгневать немцев. Можно предположить, что предлагаемый Вами жест встретит со стороны турок тот же прием». Продолжая свой ответ, Сталин обратил внимание на «щекотливое международное положение» Турции: «С одной стороны, Турция связана с СССР договором о дружбе и нейтралитете и с Великобританией – договор о взаимопомощи для сопротивления агрессии, а с другой стороны, она связана с Германией договором о дружбе, заключенном за три дня до нападения Германии на СССР. Мне неизвестно, как Турция думает в теперешних условиях совместить выполнение своих обязательств перед СССР и Великобританией с ее обязательствами перед Германией. Впрочем, если турки хотят сделать свои отношения с СССР более дружественными и тесными, пусть заявят об этом, Советский Союз в этом случае готов пойти навстречу туркам».

Как явствует далее из переписки этих двух лидеров, между советскими и турецкими дипломатами была достигнута договоренность о начале переговоров. Однако из той же переписки следует, что и намного позже, в июле 1944 г., Сталин констатировал в письме Черчиллю: «Вы, конечно, помните о том, как настойчиво Правительства трех наших стран предлагали Турции вступить в войну против гитлеровской Германии на стороне союзников еще в ноябре и декабре 1943 г. Из этого ничего не вышло. Как Вам известно, по инициативе Турецкого Правительства в мае–июне этого года мы снова вступили в переговоры с Турецким Правительством и дважды предлагали ему то же самое, что предлагали в кон-

---

⁴¹ Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. М., МИД РФ, 2005, с. 83–84.

це прошлого года три союзных Правительства. Из этого также ничего не вышло. Что же касается тех или иных полумер со стороны Турции, то в настоящее время я не вижу пользы в этом для союзников. Ввиду занятой Турецким Правительством уклончивой и неясной позиции в отношении Германии лучше оставить Турцию в покое и предоставить ее своей воле, не делая новых нажимов на Турцию. Это, конечно, означает, что и претензии Турции, уклонившейся от войны с Германией, на особые права в послевоенных делах также отпадут...»⁴².

Что же касается англичан, они начали интенсивно готовиться к новой фазе сотрудничества с Турцией, которая, как им казалась, благополучно завершится присоединением Турции к союзникам и совместными действиями согласно английским планам. Вскоре после Аданской встречи в Турцию прибыла английская военная миссия для наблюдения за ходом поставок и для оказания содействия турецкой армии по внедрению нового вооружения. Дальнейшим развитием англо-турецких отношений в духе Аданы явилась встреча Черчилля, Рузвельта и Инёню в Каире в декабре 1943 г., породившая в мировой печати настойчивые слухи о близком вступлении Турции в войну против гитлеровской Германии. Однако Турция, получая оружие от Англии и США, продолжала свое многостороннее сотрудничество с Германией и воевать с ней не собиралась.

Черчилль упорно продолжал развивать свой проект сотрудничества с Турцией и на Тегеранской конференции руководителей трех держав (28 ноября – 1 декабря 1943 г), хотя в целом эта конференция занималась другими вопросами – о совместных действиях в войне против Германии и о послевоенном сотрудничестве трех держав, об открытии второго фронта в Европе, о послевоенных границах Польши и др. Как отмечает историк А.И. Ганусец, на первом же пленарном заседании Черчилль завел разговор о Турции, о том, чтобы убедить ее вступить в войну. «Это дало бы возможность открыть коммуникации через Дарданеллы и Босфор, и мы могли бы направить снабжение через Черное море. Кроме того, мы могли бы использовать турецкие аэродромы для борьбы против врага». Реплика И. В. Сталина о том, что четыре конвоя, отправленные Англией в северные порты Советского Союза, «пришли без потерь, не встретив на своем пути врага», не была услышана Черчиллем. В ходе дальнейших переговоров в Тегеране выяснилось, что Черчилль пытался подменить вопрос о втором фронте на севере Франции более выгодным для Великобритании, но менее эффективным балканским вариантом – с привлечением Турции. Уместно задаться вопросом – так ли уж хотелось советское руководство в этой меняющейся обстановке видеть английский флот в проливах и уж тем более в Черном море.

---

⁴² Там же, с. 85–86.

Глава советской делегации И. В. Сталин на заседании заявил: «Что же касается Турции, то я сомневаюсь, что Турция вступит в войну. Она не вступит в войну, какое бы давление мы на нее не оказывали». Отвечая далее на неоднократные напоминания Черчилля о Турции, И. В. Сталин сказал: «Турция является союзником Великобритании и находится в дружественных отношениях с СССР и США. Надо, чтобы Турция больше не играла между нами и Германией». Именно это последнее обстоятельство, пишет Ганусец, «являлось главным в определении советской позиции по турецкому вопросу. Советский Союз, неся основное и наиболее тяжелое бремя войны против гитлеровской Германии и ее сателлитов, был заинтересован, прежде всего, в строгом соблюдении Турцией официально провозглашенного ею нейтралитета, который она неоднократно нарушала»⁴³.

В марте 1944 г. из полемики между английской и турецкой прессой стало известно, что турецкое правительство намерено по-прежнему воздерживаться от участия в военных действиях и что Англия поэтому прекращает поставки вооружения и отзывает свою военную миссию из Турции. Надир Нади вспоминает, что «начиная с первых недель 1944 г. английские газеты начали яростно критиковать наш нейтралитет. Даже „Таймс“ не осталась в стороне. Какие мы союзники? Получая от Запада необъятную помощь, Турция в ответ даже пальцем не шевелит... В кампанию, начатую английской прессой в пользу отказа Турции от нейтралитета, постепенно включались политические круги Англии, в начале марта стали появляться сведения о прекращении поставок в Турцию оборудования и материалов. После этого 20 апреля правительство приняло решение о приостановке продажи хрома в Германию. Но этого оказалось недостаточным для нашего английского союзника. Они требовали полного прекращения нашего экспорта в Германию, разрыва с ней всех отношений, предоставления союзникам баз на турецкой территории, вступления в войну на их стороне». 24 мая Черчилль в палате общин заявил следующее: «Наши надежды на то, что Турция в феврале или марте вступит в войну или по крайней мере предоставит необходимые для воздушных операций базы, оказались пустыми. Мы прекратили поставки Турции материалов из США и Англии, которые в 1943 г. обошлись нам в 20 млн. фунтов стерлингов...». Вместе с тем Черчилль заверил, что симпатии в отношении Турции сохраняются и ей оказывается поддержка для принятия в создаваемую ООН. Как пишет Надир Нади, «эти полузапугивание и полудообрение, полоторговля показывают, со сколь острыми внешнеполитическими проблемами мы сталкивались тогда нос к носу». Не будем забывать, пишет Н. Нади, что немецкие войска не были изгнаны тогда ни из Болгарии, ни из Греции»⁴⁴.

---

⁴³ Цит. по: Проблемы истории Турции, с. 154–160.

⁴⁴ *Nadir Nadi. Perde aralığında*, с. 175–176.

15 июня 1944 г. И. Инёню отправил в отставку министра иностранных дел Нумана Менеменджиоглу так как его политика «нейтралитета в пользу Германии» уже не соответствовала изменившейся международной обстановке – 6 июня произошла высадка союзников в Нормандии, завершалось изгнание с территории СССР фашистских войск, менялась власть у балканских соседей Турции. 2 августа власти Турции прервали все политические и экономические отношения с Германией. После всего этого вдруг выяснилось, что именно уволенный министр закрывал глаза на проход через проливы немецких военных кораблей. «В результате экспертного(!) расследования выяснилось, – пишет Надир Нади, что под видом немецких торговых судов действовали вспомогательные военные корабли, перевозившие зенитные орудия и другое военное снаряжение, что противоречило конвенции Монтрё». Ему вторит Эркин: он подробно описывает, как долго турецкие власти прикрывались конвенцией Монтрё, пропуская через проливы немецкие военные корабли. Ни словом не упомянув давние протесты по этому поводу советской стороны, он пишет о протесте англичан. «Дело дошло до официального вручения президенту Инёню английским послом письма Черчилля по этому вопросу в присутствии главы МИД Менеменджиоглу, который в ответ стал громко по-турецки уверять, что «ничего такого нет». Инёню лишь ограничился замечанием, что выяснит этот вопрос. Вслед за отставкой Менеменджиоглу на немецких судах начали проводить расследования, выяснилось, что суда действительно маскируются и являются по характеру военными. Англичане были правы, суда были лишены права идти в Эгейское море, и вернулись в Черное море. Узнав об отставке министра иностранных дел, немецкий посол фон Папен заявил: «Жаль, стоило ли из-за этого отправлять в отставку. Если бы Нуман сказал об этом, я бы сразу прекратил эти проходы»⁴⁵.

В 1944 г. изменившаяся международная обстановка заметно влияла и на внутреннюю ситуацию в Турции, в ней происходили большие перемены. Как пишет Надир Нади, еще больше усилилась авторитарная власть и культ Исмета Инёню. Как и ранее, кандидатов утверждали Генеральный председатель НРП, премьер министр и генеральный секретарь НРП. Всем кандидатам надлежало быть членом партии. Печатались почтовые марки с его портретом, учреждались премии имени Инёню, издавалась Энциклопедия Инёню, строился стадион Инёню...⁴⁶.

В мае 1944 г., когда исход войны уже стал очевиден, в газетах было объявлено о существовании тайной туранистской организации и о начавшихся арестах ее членов. 19 мая 1944 г. И. Инёню выступил с заявлением:

⁴⁵ *Erkin Feridun Cemal. Dışışlerinde 34 Yıl. Anılar-Yorumlar. Cilt I. 2 baskı. Ankara, 1987, c. 137–143.*

⁴⁶ *Nadir Nadi. Perde aralığında, c. 183–184.*

«Мы – тюркские националисты, но мы враги расизма в нашей стране... Туранисты находят тысячу и одно заклинание, чтобы немедленно превратить турецкую нацию во врага всех ее соседей». 7 сентября 1944 г. в Суде чрезвычайного положения Стамбула началось судебное расследование по делу о 23 лицах, обвиняемых в расизме-туранизме, в том числе таких известных в пантюркистских кругах идеологов, как Нихаль Атсыз, Зеки Велиди Тоган, Хамза Сади Узбек, и др. В итоге, 29 марта 1945 г. 13 подсудимых были оправданы, 10 человек осуждены к тюремному заключению на 10 лет каждый. Через два года все эти осужденные были амнистированы (освобождены они были еще раньше – в октябре 1945 г.). Среди них был и молодой офицер Альпаслан Тюркеш, впоследствии, и вплоть до своей смерти в 1997 г. был лидером националистического движения в Турции⁴⁷. В своей книге «Основные взгляды», вышедшей намного позже, в марте 1975 г., Тюркеш приводит обширные выдержки из протокола упомянутого судебного процесса, свидетельствующие о претензиях пантюркистов тех времен на их лидерство в среде тюркских народов, прежде всего Советского союза: «Поскольку самая большая масса тюркского населения проживает в России..., самый наш большой враг – Россия. Россия нас привела к нынешнему состоянию, Россия точила на нас зубы, Россия разрушила нашу империю»⁴⁸.

Не сумев уговорить Турцию вступить в войну против Германии, всю осень 1944 г и зиму 1945 г. западные союзники добивались присоединения ее к антигитлеровской коалиции. На Крымской конференции, проходившей с 4 по 11 февраля 1945 г. ее участники кратко обсудили два вопроса, касающиеся Турции. Во-первых, будет ли она приглашена на конференцию в Сан-Франциско и, во-вторых, нужно ли менять статус проливов. Как пишет К. Гюрюн, Сталин заявил: «невозможно согласиться с тем, что рука Турции лежит на горле России» Вместе с тем пересмотр конвенции не должен нанести ущерб законным интересам Турции. Министрам иностранных дел следует должным образом рассмотреть этот вопрос. Черчилль якобы согласился с тем, что «Россия, обладающая важными интересами в Черном море, не должна зависеть от узкого прохода; если вопрос будет поставлен на совещании министров иностранных дел, надеюсь, русские объявят свои предложения. Турок следует уведомить, что возможен пересмотр конвенции Монтрё, это особенно необходимо, если они хотят вступить в войну на стороне союзников. Туркам надо в то же время дать гарантии независимости и территориальной целостности». По словам Гюрюна, Сталин тут же спросил о критериях приема в ООН, в связи с этим упомянул Турцию. «Он сказал, что наряду с участниками войны, перенесшими страдания, есть государства, не участвовавшие, но спекулятивно желающие оказаться рядом

---

⁴⁷ *Koçak Cemil. Türkiye’de Milli Şef dönemi*, с. 294, 299, 301.

⁴⁸ *Türkçeş A. Temel görüşler. İstanbul, 1975*, с. 363.

с теми, кто станет победителем. Председатель (Черчилль) отвечает: „предполагается пригласить государства, объявившие войну, и последней датой такого объявления войны предусматривается 1 марта”. Сталин: „это предложение принято”». Гюрюн пишет, что Черчилль высказался о Турции благоприятно: „Турция в трудное время заключила с Англией союз. Однако пока шла война, стало ясно, что она не на том уровне, чтобы участвовать в современной войне. Хотя год назад она и не использовала предложенный ей шанс вступить в войну, ее поведение было дружеским и благоприятным”. Сталин: „если до конца февраля она объявит войну, согласен, чтобы она была приглашена на Конференцию”». Так, по инициативе англичан, констатирует Гюрюн, согласились, что «Турцию следует пригласить принять участие в провозглашении ООН, если она объявит войну Германии до конца февраля».

После завершения Ялтинской конференции 20 февраля 1945 г. английский посол в Анкаре сообщил: условием вступления Турции в ООН, является объявление ею войны Германии и Японии до 1 марта. Резолюция об объявлении войны Германии и Японии была принята парламентом единогласно, после чего Турция получила официальное приглашение на конференцию в Сан-Франциско⁴⁹.

Одна-две западные газеты написали тогда, что «турки вступили в войну не с тем, чтобы воевать, а чтобы приобрести билет в Сан-Франциско». То, что Турция пошла на этот шаг лишь под давлением предложенного ей условия, было открыто признано и турецким правительством. «Мы вступили в войну против немцев и японцев лишь по требованию союзников, – заявил президент Инёню. – Это, должно быть, имело для них какое-то значение, поэтому они настаивали на этом»⁵⁰. 7 марта посол США в Турции Стейнхардт посетил МИД Турции и от имени держав-победительниц официально пригласил власти Турции на учредительную конференцию ООН в Сан-Франциско.

Прошло всего несколько дней после этих церемоний и 19 марта 1945 г. В.М. Молотов, пригласив в МИД турецкого посла Селима Сарпера, официально заявил ему, что Советское правительство денонсирует договор 1925 г. со всеми относящимися к нему протоколами и актами, как утративший свое значение и нуждающийся в серьезных изменениях. Кстати, срок его действия, согласно последнему продлению, истекал 7 ноября 1945 г. По словам Эркина, Молотов сообщил Сарперу, что договор уже не отвечает современной обстановке, война принесла изменения, и договор им не соответствует, необходим коренной пересмотр положений договора. Эркин сетует, что при этом не последовало никакой ноты об аннулировании – советская

⁴⁹ *Gürün Kamuran. Türk-Sovyet İlişkileri (1920–1953). Ankara, 1991, с. 272–275.*

⁵⁰ Цит. по: *Nadir Nadi. Perde aralığında, с. 188.*

сторона ограничилась устным заявлением. Оценку этого жеста турецких властей дает А.Ф. Миллер: «Турция объявила войну немцам после того, как фронт отодвинулся от турецких границ на тысячу километров и стало физически невозможным появление турецкой армии где бы то ни было на европейском театре войны. Уже были освобождены Греция, Албания, Болгария, Югославия, Румыния и Венгрия. Понятно что, Турции теперь ничего не стоило объявить войну и Японии, находящейся еще дальше.

Такая позиция Турции в период жесточайшей и решительной борьбы против фашистских агрессоров, отнюдь не создавала турецкому правительству хорошей репутации в кругах мировой демократической общественности. Не могла пройти незамеченной и враждебность турецких правящих кругов по отношению к СССР, особенно в период Великой Отечественной войны. При этих условиях стало невозможным сохранение советско-турецкого договора 1925 г. о дружбе и нейтралитете, фактически уже не раз нарушенного Турцией. По истечении обусловленного срока действия, 7 ноября 1945 г., договор прекратил свое существование. Французский журналист Клод Вивьер отметил в газете „Орд“ тотчас после денонсации советским правительством пакта 1925 г.: „Турция, в течение пяти лет игравшая с огнем, казалась ловкой. Сегодня видно, что она вела политику упущенных возможностей”»⁵¹.

По поводу советской ноты в Анкаре состоялось заседание правительства Турции, на нем был обсужден и затем утвержден проект ответной турецкой ноты. В нем сообщалось о готовности заключить новый документ, более соответствующий времени, советской стороне предлагалось как инициатору отмены договора 1925 г. представить советский вариант основных положений будущего договора. Как пишет Эркин, когда на последующих встречах советских и турецких дипломатов турки запрашивали советские предложения по проекту нового соглашения, то получали (в том числе от Молотова) следующий ответ – работа идет. В то же время сообщалось, что советская сторона готова рассмотреть турецкий вариант. Наконец, Сарпера принял Молотов «с присущим ему холодным и угрюмым выражением лица» и сообщил, что «заслужить советскую дружбу можно, но для этого, прежде всего, необходимо вернуть СССР восточные вилайеты, взятые у него после 1918 г. когда страна была очень слаба. Следует также обеспечить советской стороне возможность базироваться в проливах. Сарпер заявил, что такие условия не могут быть приняты»⁵².

2 мая 1945 г. Красной Армией был взят Берлин. В полночь 8 мая в предместье Берлина Карлсхорсте представители германского верховного

---

⁵¹ Цит. по: *Миллер А.Ф. Очерки новейшей истории Турции.* М.–Л., 1948, с. 208–209.

⁵² *Erkin Feridun Cemal. Dışişlerinde 34 Yıl, Cilt I, c. 146–148.*

командования подписали Акт о безоговорочной капитуляции. Вторая мировая война закончилась, а два ее участника – истинный и мнимый – продолжили свой спор по поводу проливов. 22 июля 1945 г. на Потсдамской конференции советская делегация представила американской и английской сторонам предложения по Черноморским проливам. В них предусматривалось:

1. Международная Конвенция о режиме Проливов, подписанная в Монтрё, как не отвечающая современным условиям, должна быть отменена в соответствующем обычном порядке.
2. Установление режима проливов, единственного морского пути из Черного моря и обратно, должно находиться в компетенции Турции и Советского Союза, как наиболее заинтересованных и способных обеспечить свободу торгового мореплавания и безопасности в Черноморских проливах.
3. Новый режим проливов должен предусматривать в числе других мероприятий также следующее: Турция и Советский Союз в интересах своей безопасности и поддержания мира в районе Черного моря совместными средствами в проливах обеспечивают недопущение использования этих проливов другими государствами во враждебных черноморским державам целях; а также создание наряду с турецкими военными базами советских баз в проливах.

Обсуждение этого документа по существу на конференции не предполагалось, ее участники в то же время в заключительном протоколе Берлинской конференции сочли возможным записать следующее: «Три правительства признали, что конвенция о проливах, заключенная в Монтрё, должна быть пересмотрена, как не отвечающая условиям настоящего времени. Согласились, что в качестве следующего шага данный вопрос будет темой непосредственных переговоров между каждым из трех правительств и Турецким правительством».

Как потом стало очевидно, с момента этой договоренности в Берлине проблема проливов в первые послевоенные годы оставалась предметом обсуждения на двусторонних встречах и при обмене нот, происходивших в Москве и Анкаре по поводу нового договора между двумя странами (после денонсации 19 марта 1945 г. Советским Союзом договора 1925 г.). В дискуссию по проливам и другим близким проблемам были привлечены, прежде всего Турцией, Англия, США, а позже и Франция. Все это намного осложнило и затянуло принятие каких либо новых решений относительно безопасности черноморских государств и, в конечном счете, долго делало принятие каких-либо новых решений невозможным.

Глава 12.

Североафриканская кампания 1940–1943 гг.

Север Африки издавна привлекал внимание европейских держав своей близостью, важным стратегическим положением и как перевалочный пункт, через который колонизаторы стремились к природным и людским ресурсам всего Черного континента. Борьба за раздел Африки превратилась поэтому в один из важнейших факторов внешней политики западноевропейских стран, и львиную долю от этой борьбы получили наиболее сильные к концу XIX века капиталистические державы – Англия и Франция. Англия закрепилась в Египте, а после Первой мировой войны ей удалось создать сплошную цепь африканских владений от Каира до Кейптауна. Франция в период территориального раздела мира владела Алжиром, в 1881 г. захватила Тунис, в 1912 г. в результате политического сговора с Англией, Испанией и Италией установила протекторат над Марокко. В том же 1912 г. Италия в ходе войны с Турцией захватила Ливию.

К 1914 г. вся африканская территория оказалась поделенной между Великобританией, Францией, Португалией, Испанией, Германией и Италией, но это только обострило противоречия между ними. Германия и Италия, захватившие меньшую часть колониальной добычи, начали строить планы захвата новых территорий. Правительства Англии и Франции были полны решимости не только удержать завоеванное, но и расширить свои африканские владения. Эти противоречия между колонизаторами стали одной из важнейших причин Первой мировой войны. На севере Африки в 1915–1916 гг. германо-турецкие войска предприняли три неудачных похода к Суэцкому каналу. В развернувшихся боевых действиях британские и французские вооруженные силы оказались сильнее. Весьма жаркими были также сражения на западных границах Египта, где германо-турецкое командование организовало вторжение сенуситских племен из Ливии,

которые захватили некоторые приграничные оазисы¹. Для ведения войн Англия и Франция широко использовали самих африканцев (всего в сражениях участвовало 800 тыс. чел.), а также стратегическое сырье и сельскохозяйственную продукцию колониальных владений. Одновременно в течение всей Первой мировой войны не прекращались боевые действия между повстанцами и французскими войсками в Алжире, Тунисе, Марокко. В результате войны Германия лишилась своих колоний, но это не сгладило межевропейские противоречия. Победители, хотя и пошли на некоторые политические уступки арабам, но создали только видимость передачи им власти. Победенным еще не хватало сил, чтобы переломить эту ситуацию и добиться ликвидации колониальных режимов. Даже Египет, получивший независимость, не избавился от английских войск. Присутствовали войска колонизаторов и в других странах Северной Африки. И не только присутствовали, но и готовились к новой войне.

Итальянские фашисты, пришедшие к власти в 1922 г., сделали все, чтобы превратить Ливию в плацдарм для новых авантур. В 1934–1940 гг. была сооружена стратегическая автомагистраль от тунисской границы до египетской протяженностью 1882 км. На юг от нее сделаны ответвления, соединившие все важные пункты страны. Было построено около 20 аэродромов и взлетно-посадочных полос, в том числе первоклассная авиабаза в эль-Адеме, в 27 км от Тобрука, реконструированы или сооружены новые стоянки для военных кораблей в Триполи, Зуаре, Бенгази и Тобруке. Фашистское правительство Муссолини в 1933 г. постановило, что на военную службу могут призываться не только итальянские граждане, находившиеся в Ливии (к 1940 г. их число увеличилось до 110 тыс. чел.), но и арабы. На основании этого решения на военно-вспомогательные работы были привлечены до 70 тыс. ливийцев, входивших в специальные местные формирования, и 20 тыс. итальянских колонистов².

10 июня 1940 г. Италия объявила войну Великобритании и Франции, одной из целей которой был захват английских и французских колоний в Африке. 13 сентября 1940 г. 10-я итальянская армия под командованием генерала И. Берти (в армию входило 6 дивизий) начала наступление из района Тобрука, чтобы захватить египетскую территорию, и вскоре завязала бой с английской армией «Нил» (2 дивизии, 2 бригады, командующий армией генерал А.Г. Уэйвелл). 16 сентября итальянцы заняли Сиди-Баррани, важный опорный пункт на египетской территории, но дальнейшее их продвижение было остановлено на подступах к Мерса-Матруху, самому крупному городу Западного Египта³.

¹ Подробнее см.: *Егорин А.З., Миронова Г.В.* Сенуситы в истории Ливии (1843–1969). М., 2006, с. 146–153.

² *Егорин А.З.* Египет нашего времени. М., 1998, с. 70–71.

³ Война в Северной Африке. М., 2002, с. 702.

9 декабря 1940 г. англичане, получившие подкрепление, перешли в наступление и не только отбросили итальянскую армию далеко на запад, но и перешли границу с Ливией. 21–22 января 1941 г. ливийский город Тобрук стал ареной кровопролитных боев и был взят британскими частями. 7 февраля, развивая наступление, армия «Нил» совместно с подразделениями ливийских патриотов-антифашистов, сформированными на территории Египта, заняла Бенгази. Одновременно войска «Сражающейся Франции», наступавшие из Западного Судана (в их составе тоже были ливийские подразделения), 12 февраля 1941 г. заняли крупный оазис Куфра, а 21 марта – Джамбуб. Как мне потом, после войны, рассказали в Ливийском Комитете ветеранов войны, созданном при Управлении моральной ориентации Главного военного командования, ливийские подразделения, участвовавшие в боях с фашистскими войсками, пополнялись не только за счет эмигрантов, но и за счет сдававшихся в плен ливийцев, которые были мобилизованы в итальянскую армию. Численность ливийского военного контингента, участвовавшего в боях за освобождение своей Родины от фашизма в годы войны, достигла 14 тыс. чел., из них 120 офицеров. Кроме того, английским войскам, воевавшим вдоль средиземноморского побережья, и французским подразделениям, вступившим на территорию страны с юга и юго-востока, помогало местное население оазисов и бедуины, устраивавшие фашистам засады и производившие нередко дерзкие набеги на позиции или лагеря итальянцев. Нередко раненых англичан и французов выхаживали в бедуинских шатрах, о чем писали даже в западных газетах того времени⁴.

В течение зимы 1940–1941 гг. вся Киренаика, наиболее обжитая провинция Ливии, была освобождена от итальянских оккупантов. 25 тыс. итальянских солдат и офицеров (в том числе 79 генералов) оказались в плену, остальные были полностью деморализованы. И тогда в январе 1941 г. Рим обратился за помощью к Гитлеру. Фашистская Германия решила помочь своему союзнику и направила в феврале 1941 г. в Северную Африку танковый корпус в составе одной танковой и одной пехотной дивизии под командованием генерала Э. Роммеля, которому суждено было пробыть здесь до печального окончания африканской кампании фашистов в 1943 г. В те времена, однако, Роммель вряд ли думал, что проиграет сражение за Африку. Более того, к началу 1941 г. резко осложнилась обстановка в Европе. Англичане, опасаясь немецко-фашистского наступления на Балканах, 10 февраля остановили свое продвижение в Ливии в районе эль-Агейла, что на границе с Триполитанией, и начали перебро-

---

⁴ The White Book Some Examples of the Damages Couased by the Belligerents of the World war II to the People of the Jamahiriya. Tripoli, 1981.

ску части своих войск в Грецию, чем и воспользовался Роммель. 31 марта 1941 г. объединенные итало-немецкие войска под командованием Роммеля (всего 4 дивизии) перешли в наступление и к 14 апреля появились в окрестностях Тобрука. В течение двух недель, до 30 апреля, Тобрук героически сражался с врагом. Вместе с англичанами в боях участвовало все взрослое население города и один ливийский батальон, личный состав которого почти полностью погиб. Город неоднократно переходил из рук в руки, бои шли за каждый метр земли, силы были неравными, но герои держались цепко и не сдавались. Фашистское командование вынуждено было принять решение обойти эту крепость и двигаться дальше, в Египет. А Тобрук, обороняемый австралийской (позже английской) дивизией и польской бригадой вместе с ливийскими подразделениями выдержал 8-ми месячную осаду (до 10 декабря 1941 г.) но так и не сдался врагу⁵.

18 ноября 1941 г. 8-я английская армия, во главе которой стоял генерал А.Г. Каннингем (в ее составе к этому времени было 7 дивизий, 5 бригад, свыше 900 танков, около 1300 самолетов), начала наступление против войск Роммеля (10 дивизий, свыше 500 танков и около 500 самолетов). Этому способствовала изменившаяся военно-стратегическая ситуация, сложившаяся в результате вероломного нападения 22 июня 1941 г. гитлеровской Германии на Советский Союз. Именно героическая борьба Советской Армии уже в самом начале войны заставила фашистов перебросить на Восточный фронт дополнительное число дивизий, в том числе и с африканского театра военных действий, и это не только спасло англичан от разгрома в Египте, но и дало им возможность подготовить новое наступление и вернуть себе часть ранее потерянных позиций, включая снятие блокады с Тобрука⁶.

21 января 1942 г. войскам Роммеля все же удалось нанести внезапный ответный удар, они выбили англичан из Бенгази и вышли на рубеж аль-Газала – Бир-Хакейм, что в центре Киренаики. Создалось временное равновесие сил, а с ним наступило и затишье, давшее возможность Роммелю начать подготовку ко второму походу на Египет, на что ему потребовалось четыре месяца.

27 мая 1942 г. итало-германские войска возобновили наступление и, прорвав оборону англичан, двинулись на восток. 21 июня они захватили Тобрук и к концу месяца, пройдя почти беспрепятственно 400 километров по египетской земле, достигли небольшого селения Эль-Аламейн, расположенного всего в 100 км от Александрии, за которой и до Суэцкого канала, было рукой подать... Именно здесь у наступавших фашистов иссяк-

⁵ См: Митчем С.У. Величайшая победа Роммеля. М., 2002.

⁶ См: Рольф Д. Кровавая дорога в Тунис. М., 2002.

ли силы, а новые подкрепления не поступили, так как почти все резервы Германии и ее союзников поглощал советско-германский фронт.

В результате тяжелых потерь под Сталинградом фашистское верховное командование вынуждено было отбирать даже то немногое, что предназначалось для африканского корпуса, и перебрасывать в Россию. «Вследствие возросших потребностей на восточном фронте в Африку отправлялось лишь незначительное количество вооружения и снаряжения», – засвидетельствует после К.Типпельскирх в своей «Истории второй мировой войны». Но и те из немногих транспортов, которые направлялись в Африку, подвергались ударам англо-американской авиации, базировавшейся на Мальте и в восточной части Средиземного моря, а, если они и достигали Африки, то слишком долго доставлялись в войска из-за условий пустыни и растянутости коммуникаций армии Роммеля⁷. И он приказал остановиться, перейти к обороне и ждать лучших времен. Фашисты вгрызались в сахарскую землю, но дни их уже были сочтены.

Эль-Аламейн – небольшой египетский бедуинский поселок в 100 км западнее Александрии, ставший знаменитым только благодаря развернувшимся около него сражениям, в результате которых военная инициатива на севере Африки перешла в руки союзников по антифашистской коалиции. Именно отсюда началось их стремительное и последнее наступление на запад, к Атлантическому океану.

Сейчас в Эль-Аламейне функционирует военный музей (с 16 декабря 1965 г.), открыта выставка техники, некогда участвовавшей в боях, и, как везде по североафриканскому побережью, приведены в порядок кладбища, где похоронены погибшие во время войны. Когда подъезжаешь к Эль-Аламейну с востока, со стороны Александрии, то его маленькие глинобитные домики почти сливаются с серовато-каменистой пустыней, а сама она, неуютная, без какого-либо растительного покрова, просматривается до самого горизонта и выглядит суровой, негостеприимной. Справа, в полукилометре от поселка, располагается пологий берег Средиземного моря и небольшой причал, известный тем, что отсюда в 1968 г. ушел за рубеж первый танкер, нагруженный египетской нефтью, обнаруженной после войны в этих краях.

Мы проезжаем выставку трофейной техники, сгруппированной у самой дороги, и направляемся дальше, на запад, к Сиди Абд-ар-Рахману, что в 23 км от Эль-Аламейна. Здесь во время войны находились попеременно штабы воевавших сторон, а сейчас сооружен фешенебельный туристический комплекс. Гид из местного музея, Мухаммед Садык, показывает диспозицию сражения, развернувшегося в районе Эль-Аламейна 23–25 октября 1942 г.

---

⁷ Типпельскирх К. История второй мировой войны. М., 1956, с. 249.

В первом эшелоне 8-й британской армии, командующим которой был назначен генерал Б. Монтгомери, находилось три полностью укомплектованных корпуса (10-й, 13-й, 31-й). На переднем крае северного, приморского, фланга из состава 30-го корпуса находилась 9-я австралийская пехотная дивизия. В ударную группу центрального участка фронта входили 5-я индийская, 2-я новозеландская и 1-я южноафриканская дивизии из состава 10-го корпуса. Левый фланг занимала 4-я индийская пехотная дивизия, входившая в 13-й корпус. Всего 8-я британская армия имела десять дивизий и четыре отдельных бригады, среди которых, кроме названных выше, находились греческая, французская дивизии, польская бригада и др. Общая численность войск составляла 230 тыс. чел., танков – 1440, орудий – 2311, самолетов – 1500. Армия Египта, насчитывавшая более 100 тыс. чел., использовалась в основном для вспомогательных работ (организация снабжения, сооружение укреплений, охрана военных объектов, линий коммуникаций, а также пленных и др.). Это давало возможность высвободить личный состав подчиненных Монтгомери для основных боевых операций, поэтому и потери у египтян были небольшими.

Танковая армия «Африка» под командованием генерал-фельдмаршала Э. Роммеля занимала оборонительный рубеж протяженностью до 60 км. Северный фланг упирался в Средиземное море (здесь были позиции дивизий «Тренто»), южный – в труднопроходимую впадину Каттара, где окопалась дивизия «Болонья». В состав фашистской армии входили восемь итальянских и четыре немецких дивизий, общая численность личного состава – 80 тыс. чел., танков – 540, орудий – 1219, самолетов – 350⁸.

По замыслу верховного командования Великобритании и США сначала предусматривалось нанести поражение армии Роммеля в Египте (силами 8-й армии), затем осуществить вторжение десантных войск двух стран на территорию Марокко и Алжира и в последующем захватить всю Северную Африку, включая Ливию. Операция получила кодовое наименование «Торч» («Факел»).

Генерал Б. Монтгомери решил нанести главный удар по армии Роммеля на правом, приморском, фланге из района юго-западнее Эль-Аламейна в направлении Сиди-Хамид. На левом фланге в тылу был оборудован район, где англичане имитировали сосредоточение танковых колонн, строили макеты складов, другие ложные объекты. Этого требовали условия ведения войны в пустыне, где местность была открытая, да и разведку врага нужно было увести по ложному следу. Кстати, штаб Роммеля, судя по данным военного музея в Эль-Аламейне, имел довольно разветвленную агентурную сеть и информаторов, даже в Каире.

⁸ Вторая мировая война. Краткая история. М., 1985, с.340.

Когда 23 октября 1942 г. над пустыней опустилась ночь, более тысячи орудий открыли огонь по фашистским позициям. В 22 часа за огненным валом последовали танки и пехота 30-го корпуса, который должен был прорвать оборону противника на девятикилометровом участке прибрежного фланга. Но огонь артиллерии оказался недостаточно эффективным, и атака англичан захлебнулась. Завязался упорный бой. На вторые сутки Монтгомери ввел в сражение три бронетанковых дивизии 10-го корпуса, которые находились во втором эшелоне фронта. Это тоже не внесло передела. Хуже того, Роммель, разгадав направление главного удара англичан, перебросил на приморский фланг свои основные танковые силы. В этой обстановке английское командование решило прекратить попытки «прогрызания» оборонительных позиций противника и произвести перегруппировку, что и было сделано в течение 27 октября – 1 ноября.

На рассвете 2 ноября войска 8-й армии возобновили наступление. С моря их поддерживали корабли ВМС, а ВВС обеспечили полное господство в воздухе. Фашисты, стремясь не допустить прорыва своей обороны, во второй половине дня предприняли танковую контратаку, но понесли большие потери, которые Роммелю было нечем восполнить. Всю ночь 4 ноября в пустыне факелами пылали танки (около 200). К утру 4-я индийская дивизия пробила наконец-то брешь в центре обороны противника на участке в 8 км, и туда немедленно устремились главные силы англичан. Над приморской группировкой итало-немецких войск нависла угроза окружения, и Роммель начал спешно отводить свои соединения на запад. При этом немцы забрали у итальянцев все запасы воды и транспорт и фактически бросили своих союзников на произвол судьбы. В результате, до 30 тыс. итальянских солдат и офицеров оказались в плену. Инициатива перешла в руки Монтгомери.

8 ноября британские войска заняли Мерса-Матрух, 13-го – Тобрук, 28-го – Бенгази. 27 ноября 1942 г. они в третий раз достигли рубежа ливийского селения эль-Агейла, где до этого были дважды остановлены противником. На сей раз длительной задержки не произошло. Роммель, в глубоком тылу которого (в Алжире и Тунисе) уже высадились англо-американские войска, не решился удерживать этот подготовленный к обороне рубеж и 12 декабря возобновил отход. 23 января 1943 г. фашистские войска покинули Триполи, а в первой половине февраля отошли к «линии Марет», еще одному оборонительному валу, сооруженному на территории Туниса, к югу от острова Джерба. Перед Роммелем была поставлена задача задержать на «линии Марет» наступавшие войска Монтгомери и сохранить за собой Тунис как важный стратегический плацдарм в Северной Африке. Но операция «Факел» продолжалась.

В ночь на 8 ноября 1942 г. в районе крупных портов Северной Африки (Касабланка, Рабат, Оран, Алжир) появилась армада кораблей и началась высадка английских и американских войск. Это был первый эшелон из шести американских и одной английской дивизий, открывших, согласно плану «Торч», «второй фронт» на севере Африки. Командовал ими генерал Д. Эйзенхауэр. Не встретив особого сопротивления, они начали беспрепятственно продвигаться на восток и к концу ноября, заняв территорию Марокко и Алжира, вступили в Тунис.

В декабре 1942 г. итало-немецкие войска, находившиеся в Тунисе, были объединены в 5-ю танковую армию под командованием генерала Ю. Арнима. Армия получила задачу совместно с отступавшими войсками Роммеля удержать Тунис.

Командование западных союзников, стремясь не допустить соединения войск Роммеля с частями Арнима, в первых числах февраля 1943 г. предприняло наступление в направлении залива Габес, чтобы отрезать Роммеля пути отхода с «линии Марет» на север. Однако Роммель силами двух дивизий, отозванных из Ливии, нанес неожиданный удар по американским войскам и отбросил их на 150 км на северо-запад, то есть в исходное положение, причем только в плен было взято 2 866 американцев.

В действиях войск западных союзников не хватало решительности, и военные действия в Тунисе приняли затяжной характер. Это давало возможность немецкому командованию маневрировать резервами, перебрасывать их на советско-германский фронт, где в это время происходили ожесточенные сражения в Донбассе, на харьковском и курском направлениях. Советское правительство не раз обращало на это внимание союзников, но их операции в Северной Африке не только не ускорялись, а откладывались на неопределенные сроки.

21 марта 1943 г. англо-американские войска, объединенные в 18-ю группу армий под командованием генерала Г. Александера, начали наступление на «линию Марет» с юга и с северо-запада в районе Мекнеса. После упорных боев, длившихся неделю, в которых действия западных союзников опять не отличались настойчивостью, фашистские войска все же начали постепенно отходить на северо-восток, в направлении городов Тунис и Бизерта. К концу апреля в итало-немецких войсках оставалось всего 120 танков и 500 орудий, тогда как западные союзники имели 1100 танков и около 2 тыс. орудий, а их ВВС – 3 тыс. самолетов. Несмотря на это, они в течение двух недель не могли сломить сопротивление противника, и только после дополнительной подготовки 6–7 мая им удалось в районе Меджез-эль-Баб прорвать фашистскую оборону, выйти к морю и занять город Тунис. В это же время американские войска, наступавшие вдоль побережья, заняли 7 мая Бизерту. Дни группы армий «Африка» бы-

ли сочтены. Окруженные на острове Бон (250 тыс. чел., половину из которых составляли немцы), они капитулировали. Сдался в плен и командующий 5-й танковой армией генерал Арним. Карьера же главнокомандующего закончилась несколько позже. Роммель, покинув Африку, возглавил группу фашистских армий, оккупировавших Италию и Францию, участвовал в неудавшемся антигитлеровском заговоре 1944 г., покончил жизнь самоубийством. Страны «оси» потеряли в Тунисе свыше 300 тыс. солдат и офицеров, в том числе 30 тыс. убитыми и свыше 20 тыс. ранеными. Союзники потеряли около 70 тыс. чел., среди которых 10 290 убитыми. Военные действия в Северной Африке закончились, а война на советско-германском фронте длилась еще два года⁹.

Есть один важный аспект североафриканской кампании 1940–1943 гг., который «выпал» из внимания исследователей, не нашел их должной оценки. Это – использование Роммелем советских военнопленных на фортификационных работах по обеспечению боевых операций: на Африканском театре военных действий – более 20 тыс. чел., в Италии – 10 тыс., что до сих пор умалчивается воевавшими сторонами.

Прибыв на фронт, Э. Роммель очень быстро убедился, что личный состав вверенных ему войск тяжело переносил африканскую жару и нещадно дувший ветер «гибли» – песчаную поземку, не только засыпавшую мелкой пылью глаза, уши и легкие роммелевцев, но и делавшую оптику матовой, а всю боевую технику негодной. О создании в таких условиях каких бы то ни было объектов военной инфраструктуры не могло быть речи. У солдат не хватало сил даже для рытья элементарных окопов, не говоря уже об оборудовании боевых позиций. Об этом Роммель доложил в Берлин и попросил Ставку отобрать и направить в его распоряжение более-менее здоровых советских граждан или военнопленных, находившихся в концлагерях или угнанных в Германию, с целью использования их на тыловых работах.

Прошью Э. Роммеля удовлетворили. На север Африки в короткие сроки были переброшены более 20 тысяч наших пленных соотечественников, которые приступили к сооружению для армии Роммеля всего, что требовала война, – от траншей до глубоко эшелонированных укрепрайонов на территории Туниса, Ливии и Египта.

«Русских рабов», как их называли даже бедуины, размещали в песчаных рвах или в наспех вырытых ямах, затянутых сверху брезентом. Их засыпало песком, они умирали от голода и болезней, но под дулами автоматов они натужно выполняли то, что от них требовали. Каждый третий нашел там свою могилу.

---

⁹ Taylor A. The Second World War. L., 1985, p. 340.

Преобразив руками военнопленных, в том числе русских, территорию, в театр военных действий, фельдмаршал Роммель, возможно, и не проиграл бы так быстро свою североафриканскую битву, если бы Берлин не забрал у него самые лучшие дивизии, перебросив их на Восточный фронт, к Сталинграду. После поражения у Эль-Аламейна фашистские войска откатились назад. Роммель, отступая, бросил на произвол судьбы своих итальянских союзников, но не бросил оставшихся в живых русских – они отходили на запад вместе, теперь русские были для немцев тягловой силой.

Превосходство англичан нарастало ежедневно, и становилось ясно – война проиграна. Немцы и итальянцы стали сдаваться на милость победителей целыми колоннами. А русские? Они «пустились в бега» по пустыне и оазисам, кто куда мог, и в этом им помогали местные племена Ливии и Туниса.

Финал войны для наших пленных соотечественников был печальным. Тех, кого западные союзники сумели захватить, сначала интернировали, затем по требованию советского командования отправили морем в Новороссийск или по железной дороге через Иран, где их уже ждало возмездие.

Затаившиеся же в пустыне беглецы приняли ислам и арабские имена и «растворились» среди бедуинов так, что до сих пор об их судьбе ничего не известно. Москва пыталась отыскать их по «горячим следам» сразу после победы. Так, в период работы Обследовательской комиссии ООН на территории Ливии (при решении вопроса о судьбе бывших итальянских колоний) представители СССР очень хотели напасть хотя бы на следы своих сограждан, но тщетно. Наши не «высовывались», а пустыня хранила свои тайны. Вполне возможно, что именно по этой причине тогдашний представитель СССР в ООН А.А. Громыко на одном из начальных этапов обсуждения роли великих держав в организации управления ливийскими территориями предложил наравне с Великобританией, США и Францией участие Советского Союза в опеке над Триполитанией¹⁰.

То был всплеск эмоций со стороны советского руководства, но вскоре оно отказалось от этой инициативы, выглядевшей даже тогда весьма странной. На том все и кончилось.

Когда Э. Роммель прибыл Италию, он заказал для своих войск «новую порцию» советских военнопленных – 10 000 человек. Они были доставлены и занимались тем же, чем их товарищи по несчастью в Африке. Но после войны их собрали и отправили на родину через Египет, где уже было посольство СССР и где их регистрировали.

---

¹⁰ *Pelt A. Libyan Independence and the United Nations. New Haven, 1970, p. 60.*

13 мая 1943 г. закончив боевые действия в Африке, союзники в июле–августе 1943г., форсировав Средиземное море в обратном направлении, захватили итальянский остров Сицилия, а 3 сентября развернули операцию в Южной Италии, освободив ее к началу 1944г. от фашистских войск, которыми командовал бежавший туда Э. Роммель. 4 июня 1944 г. был взят Рим, и к началу 1945 г. фашисты контролировали только северную часть страны. Победа союзников приближалась.

Тут-то и началась европейская стадия освобождения военнопленных различных национальностей, в том числе и советских. Британские власти приняли решение отправить их сначала из Италии в Египет, а потом репатриировать оттуда домой через страны Ближнего Востока и Иран. Об этом свидетельствует переписка посольства Великобритании в Каире с открывшейся в ноябре 1943 г. в Каире миссией СССР. В 1944 г., согласно английским данным, из Италии в Египет были доставлены 5 694 бывших советских военнопленных, размещенных в восьми транзитных лагерях – бывших английских казармах, в зоне Суэцкого канала и в пустыне между Каиром и Александрией, где уже бывали русские беженцы в 1920–1922 гг. Там наших соотечественников уже «филтровали» представители советского специального органа – Управления при СНК СССР по делам военнопленных и интернированных, созданного 23 октября 1944 г. На родину их отправляли морем в наши черноморские порты, на грузовиках в Тегеран через Палестину и Ирак, в теплушках до Баку и по другим маршрутам. Возникшая при этом неразбериха привела к тому, что к февралю 1945 г., кроме официально доставленных англичанами 5 694 человек, в лагерях оказалось людей в два раза больше (11 292 чел.) из-за «приползших» из пустыни репатриантов 1943 г., освобожденных союзниками в ходе военных действий в Северной Африке¹¹. К апрелю 1945 г. советская миссия в Каире покинула страну, так и не составив полную справку о пленных, отчетов архивы ГАРФ до сих пор недоступны. Печальная участь «русских рабов» Роммеля так и осталась бы тайной, если бы о ней не заговорили те из них, кто, пройдя штрафные батальоны и сибирскую каторгу, остались-таки в живых, чтобы рассказать правду о себе и своих мертвых товарищах, от которых отвернулась судьба и Родина. Они многое путали, но единогласно подтверждали факты беспрецедентного «русского присутствия» на севере Африки в годы Второй мировой войны.

---

¹¹ *Беляков. В.В.* По следам «Пересвета» (Русские в Египте). Каир, 1994, с. 205–242; *он же.* Приютила Африка Жар-птицу. М., 2000. с. 231–242; *Подцероб А.Б.* Вторая мировая война. Эпопея Леклерка. М., 2009, с. 39–50; *Егорин А.З.* История Ливии, XX век. М., 1999, с. 114–117; *Борзенко С.* Эль-Аламейн. М., 1970.

В западной, да и в арабской исторической литературе нередко можно прочесть, будто победа британских войск под Эль-Аламейном явилась своеобразным началом поворотного пункта в войне, а высадка союзных войск в Северной Африке окрещена «вторым фронтом». Конечно же, это далеко не так. Победа западных союзников на Североафриканском театре военных действий имела, несомненно, для них определенное морально-политическое и военное значение, но она не оказала решающее влияние ни на снижение боевой мощи фашистского блока, ни на продолжавшееся наращивание основной массы его вооруженных сил на советско-германском фронте.

Вместо заключения.

Советский Союз, Вторая мировая война и Восток

Роль СССР во Второй мировой войне многообразна и многопланова. Поэтому осветить все ее аспекты чрезвычайно трудно. Но даже если ограничиться оценкой роли СССР в жизни стран Востока в годы войны, это потребует характеристики довоенных событий в мире, определивших эту роль, а также – последствий и результатов взаимодействия СССР и Востока в 30–40-е годы XX в., которые решающим образом повлияли на жизнь и положение как СССР, так и Востока в послевоенный период. Ибо только так можно объективно оценить значение 1939–1945 гг. в мировой истории. И только таким образом можно понять, почему наша историческая память столь настойчиво возвращает нас к неоднозначному, одновременно тяжелому и славному, спорному и великому времени тех пламенных лет.

Вторая мировая война – это глобальная социально-политическая, культурно-идеологическая, экономическая, демографическая и моральная катастрофа, постигшая человечество в середине XX в. Над всем миром тогда нависла угроза тоталитарного порабощения со стороны держав «оси», т.е. агрессивного блока нацистской Германии, фашистской Италии и милитаристской Японии. Их союз, оформленный официально в 1936–1937 гг., получил название «ось Берлин–Рим–Токио», а сами эти государства тогда стали именоваться в прессе и литературе, в СМИ, устной и письменной агитации державами «оси». Их целью было мировое господство, в том числе – господство над Востоком. Во всяком случае, уже в первом своем выступлении в качестве канцлера Германии 3 февраля 1933 г. Адольф Гитлер упомянул среди прочих целей «отвоевание новых рынков сбыта», «захват нового жизненного пространства на Востоке и его беспощадную германизацию»¹. Под «Востоком» прежде всего подразумевался СССР, но не только.

---

¹ «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967, с. 42.

«Германии нужны колонии» – заявил уже 7 мая 1933 г. гитлеровский официоз «Фёлькишер беобахтер»². В 1934 г. было основано Немецкое восточное объединение, увеличено число университетских курсов по Востоку со 196 в 1933 г. до 341 в 1936 г. Одновременно нацисты возродили давнюю традицию еще кайзеровской Германии по экономическому проникновению и подрывной деятельности в Турции, Иране, Афганистане, Индии, развернули интенсивную пропаганду и шпионскую деятельность на Арабском Востоке и в Северной Африке. На арабский и другие восточные языки переводилась книга Гитлера «Майн Кампф» («Моя борьба»), из которой были изъяты расистские высказывания об арабах и прочих жителях Востока.

Не менее интенсивно подготовку к мировой войне вел фашистский режим Бенито Муссолини в Италии. Эксплуатируя идею «пролетарской нации», бедной и обманутой «богатыми нациями», дуче (глава фашистов) открыто и по самым разным поводам выступал за войну, возглашая: «Война имеет божественное происхождение... Война для мужчин – это то же, что материнство для женщин». Стремясь сбить с толку и свой собственный народ, и трудовые массы в других странах, среди которых в 20–30-х годах замечен был рост симпатий к СССР, идеям социализма и революционного свержения капиталистических порядков, Муссолини вел демагогическую пропаганду «мировой фашистской революции» и даже планировал создание «фашистского интернационала» явно в противовес Коминтерну как мировому центру ориентировавшихся на СССР коммунистических партий. Кстати, с ноября 1937 г. державы «оси» уже открыто именовали свой блок «Антикоминтерновским пактом». Еще раньше нацисты Германии, никогда не скрывавшие своего антикоммунизма и антисоветизма, использовали в борьбе со сторонниками социализма разного толка красный цвет своих партийных знамен, жесткий контроль над профсоюзами в рамках так называемого Трудового фронта и название своей «Национально-социалистической рабочей партии»³.

Что касается геополитических проектов держав «оси», то Германия в своем давно уже намечавшемся «Дранг нах Остен» (Натиске на Восток) собиралась дойти до Урала и Индии, милостиво «предоставив» Японии остальную Азию, а на западе – достичь Америки через захват Западной Европы и Африки. Муссолини готовился в то же время к превращению Средиземноморья во «внутреннее итальянское озеро», к выходу на берега Атлантики через аннексию французских владений в Магрибе, которые он уже именовал «Мавританией Цезарейской» (Алжир) и «Тингитанской» (Марокко). Намечался им и прорыв к Индийскому океану через Красное

² Цит. по: История Востока. Т. V. М., 2006, с. 100.

³ Там же, с. 91, 94–95.

море с «попутным» захватом Египта, Кении и Уганды. Для этого еще в 1926 г. Италия заключила договор с Йеменом, используя его противоречия с Англией и Саудовской Аравией.

Не менее активна была и Япония. Вынужденная вывести свои войска с советского Дальнего Востока в 1922 г., а в 1925 г. – вернуть СССР север Сахалина, Япония продолжала вынашивать экспансионистские планы в отношении Китая (дважды вторгаясь на его территорию в 1927–1928 гг.), а также – Монголии и СССР. Естественно, отношение к СССР было наиболее враждебным, ибо в нем японцы видели наследника царской России – своего геополитического конкурента, с которым воевали в 1904–1905 гг. Кроме того, в Токио опасались деятельности Коминтерна, поддержки им КПЯ, Монголии и Китая. Поэтому Япония укрывала у себя многочисленных белоэмигрантов из России во главе с атаманом Г.М. Семеновым, бывшим главой «Забайкальского правительства» 1918–1920 гг., и держала их как бы «про запас».

Поддержкой правящих кругов Страны восходящего солнца пользовались и некоторые представители мусульманской эмиграции из России, в частности известный татарский публицист и политический деятель Габдерашит Ибрагимов, еще в 1908–1909 гг. пытавшийся распространять ислам в Японии, а в 1937–1944 гг. занимавший пост имама соборной мечети в Токио. Лично обратив в ислам до 100 японцев, он фактически основал мусульманскую общину в стране, с 1938 г. объединив ее в рамках им же созданной «Великой японо-мусульманской ассоциации»⁴. Еще более известны были видный татарский писатель Гаяз Исхаки и представитель знаменитой династии башкирских ишанов (духовных авторитетов) и потомственных мулл Мухамед-Габдулхай Курбангалиев. Первый, разъезжая по Японии, Маньчжурии и Корее в 1933–1936 гг., создал в Мукдене Дальневосточный национально-религиозный центр тюрко-татарских мусульман «Идель-Урала» с 16 отделениями по Японии и Китаю (где всего проживало тогда до девяти тысяч мусульман из Поволжья) и основал его печатный орган «Милли байрак» (Национальное знамя). Его программой были антикоммунизм, пантюркизм, признание всех тюрков «чисто азиатской нацией» и «полное доверие Японии и Маньчжурии». В свою очередь Курбангалиев, бывший офицером в белой армии Колчака и политическим лидером мусульман Японии и Маньчжурии до приезда Исхаки, долго боролся с ним за влияние, но в 1938 г. вынужден был отступить и ограничиться чисто религиозной деятельностью. Японцы внимательно следили и за тем, и за другим. Возможно, Курбангалиев, как русофил и сторонник

---

⁴ Ислам на территории бывшей Российской империи. Вып. 1, М., 1998, с. 36–37; Исторические портреты: духовная культура и татарская интеллигенция. Казань, 2000, с. 78–79.

монархии Романовых, устраивал их меньше, чем Исхаки, бывший эсер, связанный с рядом западных спецслужб⁵.

Германская разведка, активно работавшая против СССР, также стремилась использовать наиболее видных эмигрантов-мусульман из России, к числу которых, прежде всего, относились Ахмет-Заки Валидов (принявший в Турции псевдоним Заки Валиди Тоган), бывший лидер башкирских националистов и широко известный востоковед, и Мустафа Чокаев, один из руководителей «Кокандской автономии» 1917–1918 гг. Тоган, работавший в Германии в 1935–1939 гг., вел и там, и в Турции пропаганду антисоветизма и пантюркизма, а впоследствии, уже в 1943 г., настраивал советских военнопленных в Германии вступать в мусульманские формирования, сколачивавшиеся гитлеровцами. Чокаев, связанный с разведками Польши (как Тогани Исхаки) и других стран, был, в конце концов, арестован немцами летом 1940 г. во Франции по подозрению в контактах с Англией. До этого немцы его высоко ценили как «вождя туркестанцев». Тем не менее, умер он в Берлине в декабре 1941 г, не завершив начатое незадолго до этого формирование «Туркестанского батальона» для борьбы с СССР⁶.

Иными словами, и Германия, и Япония живо интересовались Советским Востоком, и особенно, возможностями его подрыва изнутри. К сожалению, негативные явления в СССР облегчали им эту задачу. К 1930 г. свыше 90% мусульманских священнослужителей не могли выполнять свои обязанности, к 1937 г. были закрыты почти все мечети, а «цвет ученых, учителей, богословов и судей» (т.е. кадиев, судивших по шариату) был подвергнут репрессиям, в связи с чем резко снизился уровень подготовки духовенства и даже исследователей-исламоведов, что объяснялось также изоляцией мусульман СССР от мира ислама и массовым уничтожением «арабографических рукописей и книг»⁷.

Все это крайне отрицательно сказывалось на настроениях верующих и подпитывало националистические тенденции в мусульманских районах, ибо исходившие от высшего руководства страны репрессивные меры невольно воспринимались как рецидивы дореволюционного этноконфессионального неравенства и дискриминации по национально-религиозному признаку. Жертвами этих мер стали не только те, кто имел отношение или

⁵ Вопросы истории. 2004, № 8, с. 11–13; Гасырлар Авазы (Эхо веков). Казань, 1999, № 1–2, с. 83–101; Ислам на территории бывшей Российской империи. Вып. 1, с. 62; Исторические портреты, с. 124–125.

⁶ Из истории российской эмиграции. Письма А.З. Валидова и М. Чокаева (1924–1932). М., 1999, с. 6–19, 32–110; Тоган З.В. (Валидов А.З.). Воспоминания. М., 1997, с. 433–502.

⁷ Мухаметшин Ф.М. Ислам в политической жизни России. Докт. Дис. М., 1998, с. 218–220; Ислам на территории бывшей Российской империи, Вып. 1, с. 5.

хотя бы мог иметь отношение к национализму. Роковым явилось то обстоятельство, что разногласия И.В. Сталина с видным общественным деятелем Мирсаидом Султан-Галиевым в начале 20-х годов привели к массовым чисткам правящей партии от сторонников «султан-галиевщины», в ходе которых погибла почти вся коммунистическая интеллигенция мусульманских регионов СССР, в подавляющем большинстве случаев необоснованно обвиненная в национализме, троцкизме и «контрреволюции». Тем самым были выбиты наиболее грамотные, подготовленные и прогрессивно мыслящие люди, способные преградить путь настроениям национализма и русофобии.

Вторая мировая война, начавшаяся 1 сентября 1939 г., фактически не только готовилась задолго до этой официальной даты, но и реально вспыхнула гораздо раньше. Державы «оси», открыто ее разжигавшие, проявляли неукротимую агрессивность, небывалую до того бесцеремонность и наглость во внешнеполитических декларациях и действиях. Пользуясь близоруким попустительством их конкурентов на Западе, они захватывали одну стратегическую позицию за другой. СССР находился в весьма сложном положении, так как обе противостоящие ему и друг другу группировки достаточно коварно маневрировали с целью использовать его в своих интересах. Вместе с тем обе они не скрывали, что конечной их целью является уничтожение советского режима. В интересах СССР было не дать им объединиться! И это в конечном итоге удалось, так как противоречия между державами «оси» и западными державами были тогда чрезвычайно остры, весьма зримо основывались на уходящих в глубь веков исторических претензиях и обидах, экономическом соперничестве, идеологической разнородности, ностальгических мифах и традиционных комплексах, рожденных стремительно возраставшим, особенно в державах «оси», национализмом. Широко распространившаяся в Германии жажда реванша за поражение в войне 1914–1918 гг. умело поощрялась нацистами и постепенно довела до абсурда апологию шовинизма и великодержавия, которая подкреплялась теорией нехватки для Германии «жизненного пространства». Отсюда вполне логичен был переход к планам господства над Европой и всем миром. Союзники Германии – Япония и Италия – также стремились к переделу мира, рассчитывая добиться своих целей максимальным содействием Гитлеру.

Мир, как бы сам того не замечая, всего через 13 лет после окончания Первой мировой войны, усилиями держав «оси» был втянут во Вторую. Пользуясь отдаленностью Дальнего Востока от Европы, где обычно начинались военные конфликты мирового значения, Япония взяла на себя инициативу перехода к ничем не прикрытому военному насилию. Таким образом, Вторая мировая война по существу началась именно на Востоке

захватом японскими войсками в сентябре 1931 г. Маньчжурии, вскоре превращенной в марионеточное псевдогосударство Маньчжоу-го, а по сути – в базу для дальнейшей агрессии против Китая. Завершилась она тоже на Востоке – капитуляцией Японии 2 сентября 1945 г. И если первая дата вызывает сомнения, то стоит обратить внимание на то, что за ней последовало: невиданный по жестокости разгром японцами Шанхая в январе–мае 1932 г., захват ими провинции Жэхэ в марте 1933 г., а в 1935 г. – Чахар и Хэбэй и прочие агрессивные действия Токио, вызвавшие всеобщее возмущение и даже прекращение гражданской войны в Китае к декабрю 1935 г. С июля 1937 г. Япония уже вела против Китая полномасштабную войну, длившуюся вплоть до ее разгрома. Кстати, СССР был участником этих событий, с осени 1937 г. предоставлял Китаю кредиты на 900 млн. долларов, свыше 1 тыс. орудий, 885 самолетов, танки и прочее вооружение, а также – военных специалистов. В Китае погибли более 200 из 700 наших летчиков, сражавшихся в Китае и нанеших большой урон армии Японии⁸. В Китай были направлены опытные военные советники В.И. Чуйков, П.С. Рыбалко, П.Ф. Батицкий и многие другие. Впоследствии большинство из них активно участвовали в войне с Гитлером, а В.И. Чуйков проделал славный путь от Сталинграда до Берлина.

Другой очаг войны возник в Африке, где в октябре 1935 г. фашистская Италия напала на Эфиопию и оккупировала ее к маю 1936 г. Но партизанское движение здесь продолжалось вплоть до освобождения Эфиопии в мае 1941 г. В борьбе против христиан-эфиопов диктатор Муссолини, объявивший себя «покровителем ислама», использовал воинские подразделения из мусульман Ливии, Сомали и Эритреи, а также – эфиопской провинции Хараре. Феодалы, племенные вожди, буржуазные и маргинальные элементы этих колоний, наряду с расселенными здесь тысячами итальянских колонистов, вербовались им в ряды фашистской партии, в идейном арсенале которой, наряду с пропагандой «молодечества» и «духа завоеваний», значилось также возрождение «славы Древнего Рима». Одновременно Муссолини создал особый ливийский корпус в 50 тыс. чел., который впоследствии участвовал в операциях итальянской армии на севере Африки. Все это происходило под аккомпанемент открытых военных приготовлений и демонстративных требований Италии передать ей Тунис (где итальянских колонистов всегда было больше, чем французских), Корсику, Ниццу и Джибути, а также заявлений дуче типа: «Средиземное море – наше море». Он и Гитлер вмешались в дела Испании, где к февралю 1937 г. на стороне генералов, поднявших мятеж против республики, сражались 60 тыс. итальянских и около 10 тыс. немецких солдат, наряду

⁸ *Ефимов Г.Ф., Дубинский А.М.* Международные отношения на Дальнем Востоке. 1917–1945. Кн. 2. М., 1973, с. 134–135.

с крайне правыми элементами из испанских колонистов, проживавших в Марокко и Алжире⁹.

Война в Испании, вспыхнувшая в июле 1936 г., явилась третьим фактором вовлечения жителей Востока во всемирную бойню: до 100 тыс. «мавров», т.е. арабов и особенно берберов Марокко, явились главной ударной силой лидера мятежа генерала Франко, сумевшего демагогически возложить на республику ответственность за преступления испанского колониализма. Кем были мятежники, было ясно – после своего торжества генерал Франко сразу же примкнул к «Антикоминтерновскому пакту». Однако вызванные событиями в Испании подъем антифашистских настроений во всем мире и приток в эту страну добровольцев-антифашистов не уравнили сил «мавров» и регулярных частей Германии и Италии. Хотя добровольцы прибывали не только из СССР, стран Европы и США, как это может показаться из имеющейся на эту тему литературы. Они приезжали также из стран Азии, Африки и Латинской Америки. Например, только из Алжира приехали 2 тыс. человек, в основном члены и сторонники компартии¹⁰.

Таким образом, народы Японии, Китая, СССР, Северной и Восточной Африки задолго до 1939 г. участвовали в военных действиях, оказавших в дальнейшем, в том числе – во время и после Второй мировой войны, серьезное влияние на их политическое, социально-экономическое и культурно-идеологическое развитие. Иными словами, мировая война, даже еще не начавшись, уже приняла глобальный характер. Ибо каковы бы ни были противостоявшие державам «оси» политические силы – от бюрократического националиста Чан Кайши и негуса Эфиопии Хайле Селасие до испанских республиканцев и коммунистов всего мира – они противостояли идеологии тотального насилия, воинствующего расизма и человеконенавистничества, исключавших из своей государственно-политической практики всякую свободу и демократию, любое уважение национального суверенитета и не своей, «чужой», культуры, не говоря уже о социальной справедливости и самоценности отдельной личности, гуманного к ней отношения. Советский Союз – и это не стоит забывать во всех наших оценках его роли в мировой истории – с самого начала оказался в рядах антифашистских сил и еще до 1939 г. пытался противостоять агрессорам и в Китае, и в Испании.

Поворот тактики Коминтерна на VII-м конгрессе 1935 г. в Москве означал отход от крайностей левого сектантства ("кто не с нами, тот – против нас!") и переход к объединению антифашистов ("кто не против нас – тот с нами!"). Это привело к победе Народного фронта во Франции

---

⁹ История Востока, т. V, с. 98.

¹⁰ Там же.

и Испании, возникновению идентичных движений в странах Магриба, Сирии и Ливане, позитивным сдвигам в Ираке и Египте. Но эти перемены оказались временными и были практически свернуты к 1939 г. вследствие контрнаступления правых сил на Западе. В этой сложной обстановке возник советско-германский «пакт Молотова–Риббентропа» 1939 г., который многие коммунисты, в том числе на Востоке, расценили как удар в спину мировому коммунистическому движению, а либеральная пресса Запада – как «противоестественный союз фашизма и коммунизма». Коммунистические партии всего мира крайне болезненно пережили это событие, а некоторые их активисты и даже руководители (например, в Алжире) покинули их ряды. Наблюдался спад влияния Коминтерна и в целом коммунистического движения. Более того, даже спустя 70 лет многие историки и политики, особенно на Западе, но не только там, обвиняют СССР в беспринципном сговоре с Гитлером и срыве усилий миролюбивой общественности по предотвращению войны, по крайней мере, в Европе.

Однако при всем негативном отношении к пакту 1939 г. со стороны СССР он был, по нашему мнению, вынужденным шагом, это была попытка Сталина нейтрализовать последствия такого же сговора демократий Запада с державами «оси» в Мюнхене годом раньше! Западные державы, к тому времени уже два года объективно способствовавшие удушению фашистами Испанской республики своей лицемерной политикой фальшивого «невмешательства» (а на деле – блокады Испании), закрывшие глаза на захват Эфиопии и «аншлюс» (присоединение к Германии) Австрии, осенью 1938 г. предали Чехословакию – демократическую страну с развитой промышленностью, сильной армией и мощной линией укреплений, которая могла серьезно помешать экспансии Гитлера в Европе. Отступив от всех своих обязательств, Англия и Франция выдали Чехословакию нацистам, не просто продолжив свою тактику «умиротворения агрессора», а проявив, по словам тогдашнего посла Германии в Лондоне фон Дирксена, «максимум понимания... требований, выставляемых Германией в отношении отстранения Советского Союза от решения судеб Европы, отстранения Лиги Наций в этом же смысле» и т.п. В то же время Лондон и Париж оказывали мощное закулисное давление на Чехословакию, принуждая ее уступить германским требованиям¹¹.

Совершенно ясно, что целью всех этих действий было направить агрессию Германии на восток Европы. При этом если бы удалось спровоцировать войну Германии с СССР, западным державам, по словам одного из их эмиссаров, направленных в Чехословакию, «было бы трудно остаться в стороне», ибо такая война неизбежно приняла бы характер «крестового

¹¹ Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. II. Архив Дирксена (1938–1939). М., 1948, с. 33, 180–182.

похода против большевизма». СССР, согласно ранее заключенным соглашениям, был готов помочь Чехословакии, но ему не удалось, как писали впоследствии историки Франции, «преодолеть антикоммунизм британских лидеров». Более того, в сентябре и декабре 1938 г. Англия и Франция заключили договоры о ненападении с Германией¹². И все это происходило тогда, когда, по свидетельству Уинстона Черчилля, Франция даже одна могла остановить Гитлера, имея 100 дивизий против 13 германских у французской границы и полагаясь на армию Чехословакии, состоявшую из 35 хорошо экипированных дивизий.

С потерей Чехословакии западные державы серьезно подрывали собственную военную мощь: заводы Шкода в Чехии выпускали в 1938–1939 гг. столько же вооружения, сколько все военные заводы Великобритании¹³. Но «демократии», очевидно, готовы были заплатить такую цену ради изоляции и последующего сокрушения СССР. Так что им, как и послушно следовавшим за всеми изгибами их политики странам-лимитрофам Прибалтики и панской Польше, нечего было потом сетовать на свою судьбу вследствие советско-германского пакта 1939 г. Ослепленные антисоветизмом и русофобией, они сами уготовили себе то, что с ними случилось. Ибо Советский Союз не мог пассивно ждать, пока все состязавшиеся в ненависти к нему объединятся, дабы покончить с ним.

Ввиду всех этих сложных обстоятельств война, вспыхнувшая в Европе 1 сентября 1939 г., оказалась гораздо более тяжелой и в чем-то даже неожиданной для западных держав. А державы «оси» просто продолжили то, что уже делали до этого: Япония почти непрерывно воевала в Китае с 1931 г. и особенно с 1937 г., Италия – в Эфиопии в 1934–1935 гг., в Испании в 1936–1939 гг., в Албании в 1939 г., Германия, участвуя в войне в Испании с 1936 г., одновременно захватывала в 1938–1939 гг. Австрию, Чехословакию, Мемель (Клайпеду) в Литве. Благодаря столь раннему старту, военная машина держав «оси» была запущена намного раньше и к сентябрю 1939 г. лишь набирала обороты, наращивая преимущество над армиями Франции и Англии. Это и определило ее доминирование вплоть до лета 1941 г.: разгром Польши в сентябре 1939 г., захват севера Европы в апреле-мае 1940 г., поражение Франции в июне 1940 г., вторжение Италии в Египет и Грецию осенью 1940 г., захват Германией и Италией Югославии в апреле 1941 г., Греции и Кипра – в мае-июне 1941 г. и, наконец, нападение на СССР в июне 1941 г., на первых порах складывавшееся удачно для Германии и ее союзников.

Однако именно с этого момента удача стала отворачиваться от держав «оси». В июне 1941 г. англичане сокрушили прогерманский режим

---

¹² Agulhon V., Nouschi A., Schor R. La France de 1914 à 1940. Tours, 1993, p. 264.

¹³ Churchill W.S. The Second World War. Vol. I. Boston, 1949, p. 263, 325.

Р. аль-Гайлани в Ираке и вместе с войсками генерала де Голля заняли Сирию и Ливан, лишив Германию возможности использовать эти страны в своих интересах. 12 июля 1941 г. было заключено соглашение между СССР и Англией, благодаря которому «Советский Союз и Великобритания стали боевыми союзниками в борьбе с гитлеровской Германией». Совместный ввод войск обеими державами в Иран в августе 1941 г. лишил нацистов еще одного очень важного для них плацдарма на Востоке. В дальнейшем же ход военных действий в Европе определялся, прежде всего, событиями на советско-германском фронте, которые с 1943 г. приняли катастрофический для держав «оси» характер. Это, естественно, решающим образом влияло и на военную ситуацию на Востоке¹⁴.

Нет нужды пересказывать детально всем известный ход военных действий на Востоке, а именно в Северо-Восточной Африке в январе-мае 1941 г., закончившихся освобождением Эфиопии, Эритреи и Сомали от войск Италии, капитулировавших во главе со своим главнокомандующим герцогом Авоста. На севере Африки в сентябре 1940 г. – мае 1943 г. итальянская армия маршала Грациани и прибывший к ней на помощь весной 1941 г. германский Африканский корпус генерала Эрвина Роммеля пытались из Ливии прорваться через Египет на Ближний Восток, но потерпели крах и капитулировали, перед этим отступив на территорию Туниса. На Дальнем Востоке Япония, захватив большую часть Китая, с декабря 1941 г. до середины 1942 г. оккупировала также почти всю Юго-Восточную Азию, вытеснив из региона США и Англию, а заодно и Францию с Голландией. Лишь к концу 1944 г. США смогли начать контрнаступление на Филиппинах, освободив их от японцев к маю 1945 г. Атомный удар США по Японии, а также разгром войсками СССР 9–19 августа 1945 г. Квантунской армии Японии в Маньчжурии привели к капитуляции Токио 2 сентября 1945 г.

Эта победа была достигнута ценой сверхусилий антифашистской коалиции, ибо державы «оси» давно готовились к войне и явно превосходили, особенно на Востоке, своих конкурентов, в том числе в сфере пропаганды. Японские лозунги «Вон белых варваров из Азии» или «Азия для азиатов» были весьма действенны, так как все народы Востока, разумеется, хотели избавиться от традиционных колонизаторов. К тому же Япония свою военно-политическую экспансию подкрепляла усилением позиций в экономике стран, ставших жертвами ее агрессии, поощрением их «японизации» путем переселенческой колонизации, инвестиций в промышленность и сельское хозяйство, провозглашением региона от Восточной Си-

---

¹⁴ Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентами США и Премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945. Т. 1. М., 1957, с. 10, 17–48, 389.

бири до Новой Зеландии и от Индии до Кореи «Великой Восточноазиатской сферой совместного процветания». Большую роль при этом играла также проповедь «антибелого расизма» и антикитайского шовинизма, ибо почти во всех странах региона львиная доля бизнеса и финансов находилась в руках либо «белого человека», т.е. колонизаторов, либо китайских эмигрантов (хуацяо), как правило, переигрывавших местную национальную буржуазию.

На Ближнем Востоке державы «оси» достигли меньших успехов, несмотря на наличие немецких колонистов в Палестине, а итальянских – в Ливии, Египте, Тунисе и Алжире. Берлин и Рим субсидировали здесь небольшие группы авантюристов, а также поддерживали некоторых известных политиков и военных. В частности, они имели сторонников среди армейской верхушки Египта и Ирака, а также при королевском дворе Египта поддерживали контакты с молодежной организацией иракских экстремистов «Футувва» («Молодечество») и Национально-социальной партией Антуна Саде в Сирии и Ливане. Кроме того, они смогли перетянуть на свою сторону одного из лидеров антиколониалистов Индии Субхаса Чандра Боса. Иными словами, симпатии части националистов Востока были на стороне Германии и Италии.

В конечном счете планы держав «оси» на Востоке провалились. Но интересно, что многие связанные с ними политики продолжили свою карьеру после войны. Ориентация на державы «оси» в целом не скомпрометировала ни Сукарно в Индонезии, ни Аун Сана в Бирме, ни палестинского муфтия Амина аль-Хусейни или иракского экс-премьера Рашида Али аль-Гайлани. Когда Роммель наступал на Александрию летом 1942 г., в Каире шли демонстрации под лозунгом: «Роммель – вперед!». И дело было не только в пропаганде германо-итальянских агентов, не стеснявшихся уверять арабов, что Гитлер якобы «прямой потомок пророка Мухаммеда», а принципы нацизма будто бы исламу «не противоречат». Державы «оси» сумели представить себя на рубеже 30–40-х годов не просто врагами Англии и Франции, но также «друзьями» арабского (и вообще восточного) национализма, разные течения которого они поддерживали и финансировали. Кроме того, особый упор ими был сделан на разжигании антиссионистских настроений, которыми весь арабский мир был охвачен к концу 30-х годов после жестокого подавления англичанами при активной поддержке вооруженных формирований ишува (еврейского населения Палестины) восстания палестинских арабов в 1936–1939 гг., в котором участвовали также арабские добровольцы из Египта, Сирии, Ливана и Ирака. Прямым результатом разгрома восстания стало усиление деятельности гитлеровской агентуры на Арабском Востоке. В тот период в Египте были выявлены до 300 ее residen-

тов, в Сирии – 150, в Ираке – 40¹⁵. В Египте даже начальника генштаба генерала Азиза аль-Масри причислили к их числу и заставили уйти в отставку, хотя он был известен лишь своим патриотизмом и антиимпериалистическими взглядами. Будущий президент Египта Анвар Садат, в годы войны – офицер египетской армии и член Ассоциации братьев-мусульман, в 70-е годы с удовольствием писал в своих мемуарах, что он был в начале войны агентом Абвера (немецкой разведки), за что и подвергся аресту.

Все эти обстоятельства весьма осложняли борьбу с влиянием держав «оси» на Востоке. В Египте фашистская агентура фактически беспрепятственно действовала до февраля 1942 г. В Сирии и Ливане Национально-социальная партия, легализованная после июня 1940 г. марионеточным правительством «Виши», открыто вооружалась германо-итальянцами. В Ираке националисты и верхушка армии произвели 1 апреля 1940 г. антибританский переворот и более года сопротивлялись англичанам и их арабским союзникам, получая при этом поддержку немцев и итальянцев. Попытки Англии привлечь на свою сторону жителей Палестины были неудачны: удалось создать лишь три подразделения в составе 1700 евреев и всего 400 арабов. Арабы не доверяли Англии и чтили бежавшего в Берлин Амина аль-Хусейни. В Турции не только подняли голову пантюркисты, особенно эмигранты из СССР, но и усилилась прогерманская ориентация: после нападения Германии на СССР Турция держала свои войска наготове на границе с советским Закавказьем, а посол Германии в Анкаре фон Папен фактически руководил всей германской резидентурой на Ближнем Востоке. Попытка его ликвидации в 1942 г. сорвалась, чем Папен и воспользовался для организации провокационного антисоветского «процесса Павлова–Корнилова». Это было единственным успехом немцев в ближневосточных странах на фоне потери ими в 1941–1943 гг. позиций в Сирии, Ливане, Ираке, Иране и Афганистане. Но в Турции, из которой в Германию шли поставки стратегического сырья и продовольствия, фон Папен всячески поощрял кампанию в СМИ за вступление в войну на стороне Германии, за отторжение от СССР Крыма, Кавказа и других «мусульманских территорий».

Одновременно немцы не забывали и об арабах. Они отпустили на родину 10 тыс. магрибинцев из числа французских военнопленных, вели непрерывную радиопропаганду на арабском языке, субсидировали издание в Париже газеты «ар-Рашид», проповедовавшей отделение Алжира от Франции и легенды о Гитлере как «освободителе арабов». Около 800 уроженцев стран Магриба, Сирии, Палестины

---

¹⁵ История Востока, т. V, с. 101.

и Ирака вступили в Германо-арабское учебное подразделение, выпускников которого потом забрасывали на родину в качестве диверсантов. Есть сведения, что три роты магрибинцев воевали на Кавказе в составе германских войск¹⁶.

Немецкое командование, планировавшее в 1942 г. прорыв с Кавказа через Иран в Индию, всячески старалось использовать специфику достаточно трудной ситуации на Северном Кавказе, где в 1932–1938 гг. только в Чечено-Ингушетии по делам нескольких «буржуазно-националистических центров» было арестовано до 17 тыс. человек, что заставляло многих местных жителей уходить в горы. Мятеж, вспыхнувший в 1939 г. в Карачаево-Черкесии и среди балкарцев, породил в Чечне движение Хасана Исраилова, установившего контроль над четырьмя районами, а после нападения Германии на СССР, заявившего, что он будет приветствовать приход немцев, если они признают независимость Кавказа.

Но в ходе военных действий немцы смогли всего на несколько месяцев занять лишь город Малгобек на западе Чечни, на территорию которой были заброшены ими четыре группы диверсантов (всего 49 чел., к которым примкнули 13 местных жителей). Среди них были и кавказцы, завербованные немцами из числа советских военнопленных. Они были разгромлены силами НКВД и лишь единицы из них сумели добраться до боевиков Исраилова, которых, по мнению британского историка Джона Данлопа, «тоже нельзя считать активными пронацистами». При этом надо учесть, что в то же время тысячи чеченцев и ингушей стремились, как и большинство советских людей, на фронт, возводили укрепления вокруг Грозного на случай вторжения немцев, шли в отряды добровольцев, сражавшихся против Исраилова. По данным на октябрь 1942 г. 17 413 чеченцев и ингушей сражались в рядах Советской Армии, из них 44 получили боевые награды.

Поэтому совершенно несправедливо было обвинение, подготовленное Б. Кобуловым (заместителем Л.П. Берии), против чеченцев и ингушей в том, что они якобы «примкнули к организованным немцами отрядам добровольцев, которые вместе с германскими войсками сражались против частей Красной Армии» (формулировка из закона 1946 г. о ликвидации Чечено-Ингушской АССР). Сотни тысяч людей были за это депортированы в Среднюю Азию и Сибирь, т.е. наказаны за то, в чем обвинить можно было не более 100 человек! Эта трагедия, постигшая и некоторые другие народы Кавказа, явилась (да и сейчас является!) причиной популярности среди части кавказцев и других мусульман бывшего Советского Союза упоминавшихся выше деятелей российско-мусульманской эмиграции, выступавших с антисоветских позиций как до Второй мировой войны, так

---

¹⁶ Там же, с. 110–114; *Danan Y. La vie politique à Alger de 1940 à 1944*. Р., 1963, p. 22, 46–47.

и после нее. А поскольку политические обвинения сопровождались, в том числе и после возвращения депортированных, преследованиями их религиозных объединений – вирдов, ислам превратился на Северном Кавказе (впрочем, как позднее и во всем мусульманском мире) в своего рода псевдоним национализма, в орудие утверждения этнонациональной самобытности, что сказалось на историческом развитии региона вплоть до наших дней¹⁷.

Следует подчеркнуть, что события в некоторых северокавказских регионах, как и аналогичные явления в Крыму и на других оккупированных захватчиками территориях СССР (например, движение Степана Бандеры на Украине) серьезно не сказались на ходе войны. За пять месяцев ожесточенных боев на Кавказе во второй половине 1942 г. гитлеровцы, потеряв свыше 100 тыс. человек, не решили ни одной из поставленных задач. Более того, они вынуждены были снять с кавказского направления и перебросить под Сталинград 32 дивизии, тем самым отказавшись от плана прорыва через Кавказ в Иран. В то же время сопротивление советских войск на Кавказе постоянно возрастало, в том числе за счет прибытия новых воинских национальных соединений, сформированных в Грузии, Азербайджане и Армении¹⁸.

Вообще ставка нацистов на разжигание межнациональных противоречий в СССР с целью его последующего развала оказалась совершенно несостоятельной. Подавляющее большинство граждан Советского Союза независимо от национальной или религиозной принадлежности с первых же часов гитлеровской агрессии выступили на защиту отечества. Поэтому война стала Великой Отечественной не по названию, а по сути. «Будущие поколения, – писал премьер-министр Великобритании главе Советского Союза 23 февраля 1945 г., – признают свой долг перед Красной Армией так же безоговорочно, как это делаем мы, дожившие до того, чтобы быть свидетелями этих великолепных побед». При всей дипломатичности и «протокольности» подобного рода оценок, систематически поступавших от Уинстона Черчилля, начиная с 8 июля 1941 г., практически в течение всей войны, следует помнить, что это оценка не только союзника, но также идейного противника и политического соперника, который, скорее всего, не очень верил летом 1941 г. в способность СССР устоять против Германии, но потом вынужден был признать и мощь вооруженных сил СССР, и силу Советской державы как государства.

¹⁷ Авторханов А. Империя Кремля. М., 1991, с. 58; Из истории ислама в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1992, с. 100; Родина. М., 2000, № 1–2, с. 164–165, 183–185; Dunlop J.B. Russia Confronts Chechnya. Roots of Separatist Conflict. Cambridge, 1998, p. 51–81.

¹⁸ Самсонов А.М. Крах фашистской агрессии. 1939–1945. М., 1975, с. 274–276.

В сущности, союзники СССР – США и Англия – уже в разгар войны опасались неуклонно возраставшей мощи СССР и не торопились облегчить его положение, хотя знали, что 77% личного состава армии Германии и основная часть ее авиации и танков (и это не считая вооруженных сил сателлитов Германии) скованы на советско-германском фронте. Поэтому они постоянно откладывали (с 1942 г. на 1943 г., с 1943 г. на 1944 г.) открытие второго фронта в Европе, что, естественно, подрывало доверие к ним в Москве несмотря на помощь, которую они оказывали по программе «ленд-лиз». Англия и США, проводившие тесно согласованную политику, не всегда информировали о тех или иных своих шагах СССР. Но не признавать заслуг Советского Союза как державы, несущей основные тяготы войны, и даже умалять эти заслуги они не могли¹⁹.

Это были вынуждены признать в ходе войны многие политики и государства, ранее об этом не помышлявшие. Успехи СССР в войне, рост его международного авторитета делали свое дело. И если до них многие государства, оглядываясь на западные державы, предпочитали воздерживаться от контактов с СССР, то ход войны многое изменил. И прежде всего это касалось стран Востока. Освобождаясь от оков колониальной или полуколониальной зависимости, они спешили установить с Советским Союзом нормальные дипломатические отношения. В августе 1943 г. они были установлены с Египтом, премьер-министр которого, принимая посла СССР Н.В. Новикова, «не скупился на восторженные оценки, говоря о мощи Красной Армии». В июне 1944 г. они были также установлены с Сирией, а в августе 1944 г. – с Ливаном, правительство которого тогда же официально заявило: «Безоговорочное признание Советским Союзом укрепит нашу независимость и сделает ее непоколебимой». Ливанская пресса писала по этому поводу, что «Россия признала независимость нашей страны совершенно искренне», дабы «наш малый народ пользовался всеми своими правами, своими свободами и своим абсолютным суверенитетом»²⁰.

Наряду с ростом авторитета СССР и уважения к нему, увеличивался интерес к его жизни, к его государственному устройству, к жизни его граждан, их обычаям и принципам. Возникшая после освобождения Северной Африки от нацистов и их сторонников патриотическая (но не коммунистическая) «Ассоциация друзей Манифеста свободы» в Алжире выдвинула в 1944 г. идею федерации автономной Алжирской республики с «обновленной и антиколониалистской Французской республикой». Причем лидеры ассоциации не скрывали, что хотели бы за образец такой

---

¹⁹ Переписка Председателя Совета Министров, т. 1, с. 9, 310; История Востока, т. V, с. 116.

²⁰ Новиков Н.В. Пути и перепутья дипломата (Записки о 1943–1944 гг.). М., 1976, с. 9, 27, 150, 182, 189.

федерации взять СССР, и особенно восхищались тем, что во главе этого государства стоит представитель не государствообразующей русской нации, а грузин (Сталин), а важнейший пост министра обороны занимает украинец Тимошенко. Несколько позже сторонники ассоциации образовали партию «Демократический союз Алжирского Манифеста», руководство которой официально заявило: «Советский опыт оказался, возможно, наиболее решительным в истории и наиболее богатым для изучения. Народы, долгое время подчинявшиеся колониальному игу, с тех пор объединены на основе полного равенства, совместно пользуясь своими неисчерпаемыми богатствами и согласовывая свои усилия по созданию нового мира. С того дня, когда эти народы обрели свое национальное гражданство, они добились изумительного прогресса во всех областях, позволяющего новым поколениям полностью проявить себя»²¹.

Данная точка зрения была лишь квинтэссенцией настроений, свойственных в то время многим жителям Востока. Однако для стран Магриба она была наиболее типична. Для них были всегда характерны радикализм социальных требований в программах почти всех национальных организаций, знакомство с идеологией левых партий Франции, с деятельностью международных объединений профсоюзов и антиколониалистов и с информацией о Советском Союзе, в котором побывали многие их лидеры. Существенному пополнению этой информации содействовало активное участие магрибинцев в политической борьбе и в военных действиях 1940–1945 гг. В частности, в состав французского корпуса, отличившегося в боях за Тунис с ноября 1942 г. по май 1943 г., входили 30167 алжирцев, тунисцев и марокканцев. А в армии генерала де Латтра де Тасиньи, высадившейся в августе 1944 г. на юге Франции, насчитывалось до 240 тыс. арабов и берберов (включая 140 тыс. алжирцев). Впоследствии они приняли участие в освобождении от фашистов Франции, Италии, Германии и Австрии. И вполне закономерно, что из их среды вышли будущие вожди патриотов (а в годы войны – сержанты французской армии) Мухаммед Будиаф, Белькасем Крим, Амар Уамран и многие другие. В боях в Италии четырежды отличился будущий президент независимого Алжира, а в 1944 г. тоже сержант французской армии Ахмед Бен Белла, награду которому вручал лично генерал де Голль²². И вряд ли случайно, что как политик и государственный деятель Бен Белла, который никогда не был коммунистом, всегда выступал за социализм и сближение с СССР, считая, что «социализм стал опреде-

²¹ Abbas F. La nuit coloniale. P., 1962, p. 149–150; Du Manifeste à la République Algérienne. Alger, 1948, p. 61–63.

²² История Востока, т. V, с. 119; Merle R. Ahmed Ben Bella. Mesnil-sur-l'Estrée (France). [б. м.], 1965, p. 56–59.

ляющим фактором нашей истории», и что «опыт Советского Союза весьма интересен и полезен для нас»²³.

Пример Бен Беллы не единственный. В Индии члены партии Индийский Национальный Конгресс «читали, когда могли достать, книги о социализме и коммунизме и о России» – писал после Второй мировой войны виднейший лидер мирового национально-освободительного движения Джавахарлал Неру. Президент Индонезии Ахмед Сукарно в 1945 г. подчеркивал значение для Индонезии деятельности Ленина, создавшего «независимую Советскую Россию». Сходные революционно-демократические взгляды и тенденции позже проявились и в других странах (Бирме, Индокитае, государствах Африки), но основным своим источником имели антиколониальный подъем 1939–1945 гг. и выдвижение СССР на авансцену мировой политики²⁴.

Конечно, общему сдвигу влево в странах Востока в огромной степени способствовало усиление компартий, непосредственно связанное с военными победами и ростом международного авторитета СССР. За годы войны численность компартии Индии выросла с 5 тыс. до 10 тыс. человек, компартии Алжира – втрое (до 11,5 тыс. человек). На Филиппинах только созданная компартией партизанская антияпонская армия «Хукбалахап» достигла, несмотря на тяжелые потери в боях, численности в 10 тыс. чел. Но всех превзошла компартия Китая, которая только на оккупированной японцами территории контролировала районы с населением в 100 млн. человек и армию в 500 тыс. человек. Постоянные сражения и политическое противоборство с японцами, а на свободной от них территории – с режимом Чан Кайши, закалили партию и превратили ее в значительную силу, тем более после разгрома японцев в Маньчжурии советскими войсками и передачи коммунистам значительной части вооружения японцев. Успешно проводил в Индокитае «пропаганду оружием» Вьетминь – образованная коммунистами массовая организация, сумевшая сплотить вокруг себя самые разные организации, социальные слои. Развернулось также партизанское движение в Малайе. Возникла в 1941 г. Народная партия (Тудэ) в Иране, фактически – коммунистическая. Активизировались компартии Сирии, Ирака, Ливана, Туниса, Марокко, а также марксисты Египта и Палестины²⁵.

Коммунистическое движение на Востоке за годы войны усилилось как за счет моральной (а иногда и материальной) помощи СССР, так и

---

²³ Бен Белла А. Речи и выступления. М., 1964, с. 9, 57.

²⁴ Неру Дж. Автобиография. М., 1955, с. 385; Сукарно А. Индонезия обвиняет. М., 1957, с. 254.

²⁵ История Востока, т. V, с. 126–128; Essai sur l'histoire du mouvement ouvrier algérien de 1920 a 1954 (ed. PAGS). [б. м.], [б. г.], p. 4–15; La vie du Parti. Alger, 1945, p. 8–13.

ввиду обострения социальной напряженности и экономических трудностей военного времени, обилия жертв и лишений. Имело значение и разочарование народных масс, убедившихся в лживости обещаний держав «оси», а также в несостоятельности традиционных правонационалистических кругов, склонявшихся к сотрудничеству либо с державами «оси», либо с западными колонизаторами. Последующий приход компартий к власти в Китае, на севере Кореи и в странах Индокитая был во многом следствием как прямой поддержки СССР, так и указанных выше кризисных явлений и социально-политических сдвигов в годы Второй мировой войны. Эти же причины лежат в основе политического выдвижения компартий в других странах, где более мощные их соперники вынуждены были уже в годы войны, а также и в послевоенное время серьезно считаться с их присутствием в политической жизни.

Война породила также ряд новых явлений, важных для афроазиатского мира, таких, как возникновение противоречий между «традиционными» колониальными державами – Англией, Францией, Голландией, Португалией, с одной стороны, и резко усилившимися в годы войны США, начавшими расшатывать старые порядки господства–подчинения, поддерживать отдельные группы и лидеров, антибритански и антифранцузски настроенных, финансировать в своих интересах программы модернизации ряда стран Востока, что породило новые схемы колониализма и своего рода «неравноправие» и неравное соотношение сил внутри этих схем. Это обстоятельство открывало новые возможности ослабления колониалистических уз для стран Азии и Африки.

В годы войны Восток пережил много сложных, хоть и не всегда заметных на первый взгляд процессов. Почти во всех колониальных странах, до войны не имевших своих армий, они возникли, иногда в виде расширенных и реорганизованных прежних спецформирований полуполицейского типа, иногда в виде особых частей армии метрополии, а иногда в виде непосредственно рождавшихся в боях партизанских войск. Офицерский корпус таких армий стал важным источником образования правящих элит этих стран после обретения ими независимости.

Армии Востока были в годы войны одним из главных каналов модернизации местных социумов в сферах технологии, информации, быта, образования, профессионального обучения (техников, радистов, шоферов, саперов, строителей, санитаров, подрывников и т.п.). Это тоже выдвинуло военных на первое место, тем более что во многих случаях они стали единственной нитью связи своих народов с современностью, с обновлением и прогрессом. Это вольно или невольно заставляло их многому учиться у ненавистного Запада, хотя бы для того, чтобы сбросить его гнет.

Восток во Второй мировой войне был уже не отдельной периферией глобального конфликта, а его активным участником. В армии Англии, аф-роазиаты составляли 32%, Франции – около 50%. В Африке в войсках антифашистской коалиции оказались около 1 млн. человек, не считая 2 млн. человек, занятых во вспомогательных частях и службах. На тихоокеанском театре военных действий 55% личного состава армий антигитлеровской коалиции составляли местные уроженцы. Военными действиями в Азии и Африке была охвачена территория, в пять раз большая, чем во время Первой мировой войны. Власть на этой территории менялась два-три, а то и четыре-пять раз, например, в Китае или Ливии. В войне участвовала 61 страна (80% населения земного шара). Однако выделить долю участия Востока в войне достаточно сложно. Из мобилизованных тогда во всем мире 110 млн. чел. погибли 27 млн., но эти данные до сих пор уточняются. Мирного населения погибло 30 млн. чел., что тоже нуждается в проверке. Война потрясла буквально все страны мира, но на Востоке ее испытания умножились за счет голода и болезней. В Китае потери составили от 10 до 25 млн. чел., в Индонезии – 2 млн., на Филиппинах – 1 млн. Британский вице-король Индии лорд Уэйвелл заявил: «Без помощи Индии как войсками, так и материалами, нам, несомненно, не удалось бы удержать Средний Восток». Между прочим, Индия за годы войны только от голода потеряла более 2 млн. чел., а еще 2,5 млн. были мобилизованы в армию²⁶.

Победы сначала держав «оси», а потом антифашистской коалиции стимулировали освободительную борьбу практически всех народов Востока, подорвав веру в незыблемость колониализма и придав уверенность в борьбе против старых и «новых» колониальных господ. Социальные процессы, развернувшиеся на Востоке в годы войны, также этому способствовали, ибо ускорили развитие местной промышленности, торговли и средств связи, а также национального предпринимательства, рабочего класса и средних слоев, т.е. общественных сил, обладавших более развитым национальным и гражданским самосознанием, чем ранее доминировавшие на Востоке категории традиционного общества. Эти новые силы придали мощный импульс антиколониальному движению, в результате которого еще до окончания боевых действий возникли независимая республика Индонезия 17 августа 1945 г. и Демократическая республика Вьетнам 2 сентября 1945 г. В годы войны была также провозглашена независимость Сирии, Ливана, Бирмы и Филиппин, а вскоре после войны – независимость Индии, Пакистана, Северной и Южной Кореи. Все это многократно увеличивало шансы борцов с колониализмом по всему Востоку и решающим образом сказалось на истории послевоенных Азии и Африки.

---

²⁶ История Востока, т. V, с. 122.

Роль Советского Союза, ставшего к концу войны одной из ведущих держав мира, несмотря на все тяжелые испытания военных лет, была исключительно велика и в поистине революционных переменах, пережитых Востоком в 1939–1945 гг., и в формировании политического пространства мира в период после окончания боевых действий. Миллионы жителей Востока, сражавшихся в рядах армий антигитлеровской коалиции, партизан-антифашистов и даже в составе прояпонских или проитальянских воинских формирований, переживших жестокие лишения, разрушения, голод и эпидемии, гибель близких, разгром и войск колонизаторов, и их конкурентов, стали другими людьми. Они не желали больше мириться с колониальным гнетом. Обратившись еще в годы сражений к опыту Советского Союза, многие из них стали руководствоваться им и в послевоенные годы. Даже не разделяя идеологических установок ВКП(б) или собственных компартий, они многое заимствовали из их политической практики, принципов организации, методов агитации и пропаганды, работы с молодежью и профсоюзами и т.д. Данное обстоятельство ускорило процессы социальной модернизации на Востоке, помогло многим афроазиатским странам шагнуть из традиционного колониального прошлого в эпоху независимости и обновления.

Источники и литература

Источники

- Архив Внешней Политики РФ (АВП РФ), ф. 06, 01000, 08, 566, 094.
- Архив Российского Комитета ветеранов войны. Китайская секция.
- Бен Белла А. Речи и выступления. М., 1964.
- Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. М., 2000.
- Документы американского посольства в Тегеране. Т. 31. Тегеран, [б.г.].
- Документы внешней политики СССР. Т. XIX, XXIII. М., 1974.
- Документы и материалы кануна второй мировой войны. Т. II. Архив Дирксена (1938–1939). М., 1948.
- Жуков Г.К. Воспоминания и размышления. В 2-х т. Т. 1. М., 2002.
- К 70-летию событий на реке Халхин-Гол (справочная информация). Историко-документальный департамент МИД России (www.mid.ru/).
- Крымская конференция руководителей трех союзных держав. Сборник документов. М., 1979.
- Неру Дж. Автобиография. М., 1955.
- Новиков Н.В. Пути и перепутья дипломата (Записки о 1943–1944 гг.). М., 1976.
- Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т.1. Кн. 1. М., 2000.
- Переписка Председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной Войны 1941–1945 гг. М., МИД РФ, 2005.
- Переписка председателя Совета Министров СССР с президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. М., 1976.
- Протокол №10 заседания Политбюро ЦК ВКП(б) от 15.07.1934. – РГАСПИ, ф. 17.
- РГАСПИ, ф. 62, 532, 558.
- РГВА, ф. 25895.
- Речь И. Сталина на совещании начальствующего состава РККА 1940 г. Стенограмма. – Ресурс Интернета: stalin.info/2010/01/04/page/3/.

- СССР, США и Великобритании (17 июля – 2 августа 1945 г.). Сборник документов. М., 1980.
- «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР. Документы и материалы. М., 1967.
- Советское руководство. Переписка. 1928–1941 гг. М., 1999.
- Советско-иранские отношения в договорах, конвенциях и соглашениях. М., МИД, 1946.
- Советско-китайские отношения. 1917–1957. Сборник документов. М., 1959.
- Советско-китайские отношения. Сборник документов. Т.5. Отв. ред. С.Л.Тихвинский. М., 2004.
- Советско-нацистские отношения. Документы. Париж – Нью-Йорк, 1983.
- Сукарно А. Индонезия обвиняет. М., 1957.
- Тоган З.В. (Валидов А.З.). Воспоминания. М., 1997.
- Того С. Воспоминания японского дипломата. М., 1996.
- Третья сессия Верховного Совета СССР. 25–31 мая 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939.
- Трошев Г. Чеченский рецидив. Записки командующего. М., 2003.
- Халхин-Гол. Исследования, документы, комментарии. М., 2009.
- ЦАМО, ф. 209.
- Чичерин Г.В. Статьи и речи по вопросам международной политики. М., 1961.
- Штеменко С.М. Генеральный штаб в годы войны. М., 1968.
- Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. Ser. D, Bd 11. 1.
- Churchill W.S. The Second World War. Vol. 1. Boston, 1949.
- Documents on German Foreign Policy. 1918–1945. From the Archives of the German Foreign Office. Series D: 1937–1945. Vol. XII.
- Du Manifeste à la République Algérienne. Alger, 1948.
- Jacobsen H.F. 1939 – 1945. Der Zweite Weltkrieg in Chronik und Dokumenten. Darmstadt, 1961.
- Pahlavi M. Reza Shah. Mission for my Country. L., 1961.
- Papers Relating on the Foreign Relations of the United States. 1927–1941. Wash., 1940.

Литература

- Абдуразаков Б. Происки английского и американского империализма в Иране (1941–1947). Ташкент, 1959.
- Авторханов А. Империя Кремля. М., 1991.
- Агаев С.Л. Германский империализм в Иране. М., 1969.

- Агаев С.Л.* Иран: внешняя политика и проблемы независимости. 1925–1941. М., 1971.
- Александров А.* К вопросу о статусе Каспийского и Азовского морей. – Морской сборник. 1995, №2.
- Алиев С.М.* Ахмед Кесрави Тебризи (1980–1946) как историк и общественный деятель. Автореф. канд. дисс. М., 1961.
- Алиев С.* История Ирана. XX век. М., 2004.
- Англо-советские отношения во время Великой Отечественной войны. Т. I. М., 1983.
- Арабаджян З.А.* Иран: противостояние империям. 1918–1941. М., 1996.
- Арунова М.Р., Шумилов О.М.* Очерки истории формирования государственных границ между Россией, СССР и Афганистаном. М., 1994.
- Афросиаб Мухаммед Шариф.* Курдское национальное движение в Иране. (1941–1946 гг.). М., 1995. Канд. дисс.
- Балаян Б.П.* Национальные проблемы на юге современного Ирана. Ереван, 1981. Докт. дисс.
- Барзани М.* Мустафа Барзани и курдское освободительное движение (1931–1961 гг.). СПб., 2005.
- Беляков В.В.* По следам «Пересвета» (Русские в Египте). Каир, 1994.
- Бережков В.* Тегеран, 1943. На конференции Большой тройки и в кулуарах. М., 1968.
- Борзенко С.* Эль-Аламейн. М., 1970.
- Бугай Н.Ф., Броев Т.М.* Советские курды: время перемен. М., 1993.
- Бутаков Я.А.* Горячий август 1939-го. К 70-летию победы русских войск на Халхин-Голе. – Журн. Золотой Лев. № 211–212 (издание русской консервативной мысли). – Ресурс Интернета: www.zlev.ru.0.
- Васильев Д.Д.* Секретное донесение Сталину о похоронах Ататюрка. – Турция в XX веке. М., 2004.
- Василевский А.М.* Дело всей жизни. М., 1976, с. 352.
- Вильчевский О.Л.* Курды северо-западного Ирана, Тбилиси, 1944.
- Владимиров П.П.* Особый район Китая. 1942–1945 гг. М., 1973.
- Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Т. 3. М., 1947.
- Война в Северной Африке. М., 2002.
- Вопросы истории. 2004, № 8.
- Вторая мировая война. Краткая история. М., 1985.
- Ганковский Ю.В.* Персонажи с той стороны. Ибрагим-бек Локай (1889–1932). – Азия и Африка сегодня. 2000, № 4.
- Гасанлы Д.* СССР – Иран: Азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946). М., 2006.
- Гасратян М.А.* Курды Турции в новейшее время. Ереван, 1990.

- Гиленсен В.М. Разгром басмаческих баз в Афганистане. – Военно-исторический журнал. 2000, № 1.
- Голуб Ю.Г. 1941: Иранский поход Красной Армии. Взгляд через годы. – Отечественная история. 2004, № 3.
- Громыко А.А., Пономарев Б.Н. История внешней политики СССР. Т. 1. Гл. X «Международное положение СССР и его внешняя политика в 1933–1937 гг.». М., 1980. – Ресурс Интернета: www.i-u.ru/forum/.
- Гуревич Н.М. Внешняя торговля Афганистана. М., 1959.
- Гуревич Н.М. Внешняя торговля Афганистана в новейшее время. М., 1981.
- Гуцало С.Е. Проблема Мосула в контексте становления независимой Турецкой Республики в 20-х годах XX века. – Турция в XX веке. М., 2004.
- Дипломатический словарь. В 4-х т. Т. 3. М., 1973.
- Дэн Лицюань. Одна страница китайско-советских отношений. До и после мирного освобождения Синьцзяна – Цзиньдайши яньцзю. 1989. № 5–6.
- Егорин А.З. Египет нашего времени. М., 1998.
- Егорин А.З. История Ливии, XX век. М., 1999.
- Егорин А.З., Миронова Г.В.. Сенуситы в истории Ливии (1843–1969). М., 2006.
- Ефимов Г.Ф., Дубинский А.М. Международные отношения на Дальнем Востоке. 1917–1945. Кн. 2. М., 1973.
- Жигалина О.И.. Курды иранской провинции Керманшах накануне и в период Первой мировой войны. М., 2007.
- Жигалина О.И. Национальное движение курдов Ирана 1918–1947 гг. М., 1988.
- За кулисами Тихоокеанской битвы: японо-советские контакты в 1945 г. – Вестник МИД СССР. № 19 (77). 15.10.1990.
- Иванов М.С. Очерки новейшей истории Ирана. М., 1965.
- Игумен Александр (Заркешев). Русская православная церковь в Персии-Иране (1597–2001). Санкт-Петербург, 2002.
- Из истории ислама в Чечено-Ингушетии. Грозный, 1992.
- Ислам на территории бывшей Российской империи. Вып. 1, М., 1998.
- Исторические портреты: духовная культура и татарская интеллигенция. Казань, 2000.
- История Великой Отечественной войны Советского Союза. 1941–1945. В 6-и т. Т. 2. М., 1961.
- История войны на Тихом океане. Т. IV. М., 1958.
- История Востока. Т. V. М., 2006.
- История Монгольской Народной Республики. 2-е изд. М., 1983.
- Климентьев В.П. Переворот 1 апреля 1941 г. в Ираке и тридцатидневная война. – Восток. 2001, № 1.

- Кожанов Н.* Ввод войск союзников в Иран. Причины и обстоятельства. – Иран: Экономика, история, культура М., 2009.
- Коминтерн и Вторая мировая война. Ч. 1.* М., 1994.
- Конфликты на Востоке: этнические и конфессиональные.* Под ред. проф. А.Д. Воскресенского. М., 2008.
- Коргун В.Г.* Россия и Афганистан. Исторические пути формирования образа России в Афганистане. М., 2008.
- Костромин Л.П.* Противоборство с фашистской агентурой в Иране. – Очерки истории российской внешней разведки. В 6-и т.
- Кошкин А.А.* Крах стратегии «спелой хурмы». Военная политика Японии в отношении СССР. 1931–1945. М., 1989.
- Кузнец Ю.Л.* «Длинный прыжок» в никуда: как был сорван заговор против «Большой тройки» в Тегеране. М., 1996.
- Кузнец Ю.Л.* «Мародеры» выходят из игры. М., 1992.
- Кузьмин Ю.В.* Спорные проблемы войны на Халин-Голе. – Вестник Международного центра азиатских исследований. 2009, № 16.
- Кутаков Л.Н.* История советско-японских дипломатических отношений. М., 1962.
- Лазарев М.С.* Курдистан и курдский вопрос (1923–1945). М., 2005.
- Любин Д.М.* Ввод советских войск в Северный Иран летом-осенью 1941 года: военная необходимость или политический расчет. – Иран и Россия». М., 2004.
- Мадер Ю.* Абвер: щит и меч Третьего рейха. Пер. с нем. Ростов-на-Дону, 1999.
- Мамедова Н.М.* Иранская диаспора в России. – Азия и Африка сегодня, 2006, №7.
- Миллер А.Ф.* Очерки новейшей истории Турции. М.-Л., 1948.
- Мирошников Л.И.* Английская экспансия в Иране. М., 1961.
- Мирский Г.И.* Ирак в смутное время: 1930–1941. М., 1961.
- Митчем С.У.* Величайшая победа Роммеля. М., 2002.
- Мухаметшин Ф.М.* Ислам в политической жизни России. Докт. Дис. М., 1998.
- Новейшая история Китая.* М., 1972.
- Небренчин С.М., Вищук Ю.Л.* За что иранцы благодарили Красную Армию. – Военно-исторический журнал. 1997, № 6.
- Оганесян Н.О.* Образование независимой Сирийской республики (1939–1946). М., 1968.
- Оришев А.Б.* Иран в политике нацистской Германии на Среднем Востоке накануне и в годы Второй мировой войны. (1933–1943 гг.). Елец, 2007. Докт. дисс.
- Оришев А.Б.* Иранский узел. Схватка разведок. 1936–1945 гг. М., 2009.

- Оришев А.Б.* Политика нацистской Германии в Иране. М., 2005.
- Панюшкин. А.С.* Записки посла: Китай. 1939–1944. М., 1948.
- Парвизпур Б.Х.* Советско-иранские отношения в годы второй мировой войны (1939–1945). Тбилиси, 1978.
- Подрывная деятельность гитлеровских провокаторов на турецкой границе. – Коммунист. Ереван, 5 апреля 1942, № 81.
- Подцероб А.Б.* Вторая мировая война. Эпопея Леклерка. М., 2009.
- Полвека мирного сотрудничества. М., 1973.
- Проблемы истории Турции. Сборник статей. М., 1978.
- Пылев А.И.* Басмачество в Средней Азии: этнополитический срез (взгляд из XXI века). Бишкек, 2006.
- Реза Годс М.* Иран в XX веке. Политическая история. М., 1994.
- Рольф Д.* Кровавая дорога в Тунис. М., 2002.
- Россия и Черноморские проливы (XVIII–XX столетия). М., 1999.
- Савин А.С.* Японский милитаризм в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1979
- Самсонов А.М.* Крах фашистской агрессии. 1939–1945. М., 1975.
- Свободный Курдистан № 8 (74), август 2009.
- Сидоров А.Ю., Клейменова Н.Е.* История международных отношений. 1918–1939. М., 2008.
- Симонов К.* Далеко на Востоке (Халхин-гольские записки). М., 1965.
- Системная история международных отношений. 1918–2000. В 4-х т. Под ред. проф. А.Д.Богатурова. Т.1 События 1918–1945. М., 2000.
- Славинский Б.Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг. М., 1995.
- Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны. 1941–1945. В 2-х т. Т.1. М., 1983.
- Советско-афганские отношения. 1919–1969. М., 1971.
- Современный Иран. Справочник. М., 1992.
- Соцков Л.* Неизвестный сепаратизм на службе СД и Абвера. Из секретных досье разведки. М., 2003.
- Степанова Н.В.* Курдский вопрос в Республиканском Ираке (1958–1970). М., 1972. Канд. дисс.
- Судоплатов А.* Разведка и Кремль. М., 1992.
- Судоплатов П.А.* Разные дни тайной войны и дипломатии. М., 2001.
- Теплинский Л.Б.* История советско-афганских отношений. М., 1988.
- Теплинский Л.Б.* СССР и Афганистан. М., 1982.
- Типпельскирх К.* История второй мировой войны. М., 1956.
- Тихвинский С.Л.* Путь Китая к объединению и независимости 1898–1949. М., 1996.
- Тихонов Ю.Н.* Афганская война Сталина. М., 2008.

- Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. Корейский полуостров: метаморфозы послевоенной истории. М., 2008.
- Трухановский В.Г. Внешняя политика Англии в период второй мировой войны. М., 1965.
- Турция между Европой и Азией. Итоги европеизации на исходе XX века. М., 2001.
- Фаризов И.О. Вступительная статья. – Никитин В. Курды. М., 1954.
- Федюнинский И.И. На Востоке. Гл. 3. «Баин-Цаганское сражение». М., 1985.
- Цеденбал Ю. Исторический путь развития социалистической Монголии. Улан-Батор, 1976.
- Чатоев Х.М. Участие курдов Советского Союза в Великой Отечественной войне. Ереван, 1970.
- Черепанов В.В. Иранских военных специалистов готовила Красная Армия. – Военно-исторический журнал. 1995, № 5.
- Элвелл-Саттон Л. Иранская нефть. М., 1956.
- Алиреза Азганди. Равабет-е хареджи-йе Иран. Доулат-е дастнешанде. 1320–1357. Нашр-е Гумес. Тегеран, 1376.
- Ганболд С. Монгол ардын хувьсгалт цэрэг Халхын Голын дайнд (Монгольская народно-революционная армия в войне на Халхин-Голе). – Монгол цэргийн туухийн товчоон 1911 оноос 1990 – ээд он (Очерк истории Монгольской армии с 1911-го до 1990-х годов. Коллективная монография. Т. 1. Под ред. генерал-лейтенанта Ш. Жадамбы. Улан-Батор, 1996.
- Гасырлар Авазы (Эхо веков). Казань, 1999, № 1–2.
- Дашдаваа Ч. Улаан туух. Коминтерн ба Монгол (Красная история. Коминтерн и Монголия). Улан-Батор, 2003.
- Кудо Митихиро. Ниссо тюрицу дзёяку-но кэнкю. (Исследование японо-советского пакта о нейтралитете). Токио, 1985.
- Мохаммади М. Морури бар сийасате хареджи-йе Иран-е доуран-е Пахлави. Тегеран, 1377 (1999).
- Махдави А.Х. Сийасат-е хареджи-йе Иран дар доуран-е Пахлави. 1300–1357. Тегеран, 1384 (2005).
- Мягмарсамбуу Г. Туухэн шинэ нохцол дэх Халхын голын дайны туух бичиг (Историография войны на Халхин-Голе в новых исторических условиях). – Халхын Голын дайны туух бичлэг (Историография войны на Халхин-Голе. Колл. монография. Под ред. Д. Гомбосурэна и Г. Мягмарсамбуу). Улан-Батор, 2009.
- Нака Акира. Мокусцу. Поцудаму сэнгэн-но синдзицу то Нихон-но уммэй. (Убийство молчанием. Правда о Потсдамской декларации и судьба Японии). В 2-х т. Токио, 2000.

- Ниязманд С.Р. Реза-шах аз согут та марг. Тегеран, 1386 (2007).
- Сиратори Т. Осю-но син дзёсэй то Нихон-но татиба (Новая ситуация в Европе и положение Японии). – Тьюо корон. 1939. № 12;
- Сиратори Т. Осю тайсэн то Нихон-но тайдо (Великая европейская война и позиция Японии). – Сиратори Т. Нити-доку-и судзика рон («Ось» Япония-Германия-Италия). Токио, 1940.
- Соёмбо. 01.02.2001; Хорьдугаар зууны монгол цэрэг (Монгольская армия двадцатого века). Улан-Батор, 2001.
- Фуtaki Х. 1937 онд Квантуны армийн штабын газрын зохиосон Манжго – Монголын хилийн зургийн тухай (О карте границы между Маньчжу-Го и Монголией, составленной штабом Квантунской армии в 1937 г.) Репринт доклада, представленного на международном симпозиуме в Улан-Баторе в июле 2009 г.
- Фуtaki Х. Хурандаа Яногийн уйл амьдрал, узэл санаа 1930, 1940 уеийн мээдэллийн албаны нэгэн офицериин уйл ажиллагаа (Жизнь и взгляды полковника Яноги. Деятельность одного офицера информационной службы в 1930–1940-х годах – Халха голын дайн: туухэн унэний эрэлд (Война на Халхин-Голе: в поисках исторической правды). Улан-Батор, 1995.
- Цэдэндамбын Батбаяр. Монгол ба их гурнууд XX зууны эхний хагаст. Хиагтаас Ялта хуртэл: Сталин, Чан Кайши, Монголын тусгаар тогтнол (Монголия и великие державы в первой половине XX века. От Кяхты до Ялты: Сталин, Чан Кайши и независимость Монголии) Улан-Батор, 2006.
- Элахи Х. Ахамийат-е эстратежики-йе Иран дар джанг-е джахани-йе доввом. Тегеран., 1365 (1986).
- Ябэ Тэйити. Коноэ Фумимаро. Т. 2. Токио, 1950.
- Atay Falih Rıfki. Yeni Rusya. Ankara, 1931.
- Aydemir Şevket Sürreya. Tek adam. Mustafa Kemal. Cilt III (1922–1938). İstanbul, 1966.
- Esmer A.Ş. Siyasi tarih (1919–1939). Ankara, 1953.
- Erkin Feridun Cemal. Dışışlerinde 34 Yıl. Anılar-Yorumlar. Cilt I. 2 baskı. Ankara, 1987.
- Ferman C. Türkiye'de sanayi kredisi. İstanbul, 1951.
- Gürün Kamuran. Türk-Sovyet İlişkileri (1920–1953). Ankara, 1991.
- Information d'Orient. İstanbul, 10.03.1926.
- Karakuş Emin. 40 yıllık bir gazeteci gözü ile işte Ankara. İstanbul, 1977.
- Koçak, Cemil. Türk-Alman İlişkileri (1923–1929). Ankara, 1991.
- Koçak Cemil. Türkiye'de Milli Şef dönemi (1938–1945). Ankara, 1986.
- Kutay Cemal. Celal Bayar. Cilt 1. İstanbul, 1939.
- Mütercimler Erol. 21.Yüzyıl ve Türkiye 'Yüksek Strateji'. İstanbul, 1997.

- Nadir Nadi.* Perde aralığından. İstanbul, 1964.
- Nevzi Nezih.* Türkiye'de petrol sanayii. İstanbul, 1963.
- Olaylarla Türk Dış Politikası. Cilt I. Ankara, 1987.
- Soysal İsmail.* Türkiye'nin siyasal andlaşmaları. Cilt I (1920–1945). Ankara, 1983.
- Sümerbank. Cumhuriyet'in 25-ci yılı. Ankara, 1948.
- Tekeli İlhan, Selim İlkin.* Uygulamaya geçerken Türkiye'de devletçiliğin oluşumu. Ankara, 1982.
- Tümertekin E.* Ağır demir sanayii ve Türkiye'deki durumu. İstanbul, 1954.
- Turgut M.* Kalkınma ve 5 yıllık plan. Ankara, 1964.
- Türk Dış Politikası. Kurtuluş Savaşından bugüne olgular, belgeler, yorumlar. Cilt I 1919–1980. İstanbul, 2003.
- Türkeş A.* Temel görüşler. İstanbul, 1975.
- Valçın Söner.* Hangi Erbakan. Ankara, 1995.
- Abbas F.* La nuit coloniale. P., 1962.
- Adamec L. W.* Afghanistan's Foreign Affairs to the Mid-Twentieth Century. Tucson (Arizona), 1974.
- Agulhon V., Nouschi A., Schor R.* La France de 1914 à 1940. Tours, 1993.
- Akten zur deutschen auswärtigen Politik 1918–1945. Serie D. Bd XIII.1. Gottingen, 1970.
- Arfa H.* Under Five Shahs. N.Y., 1965.
- Bharier J.* Economic Development in Iran. 1900–1970. L., 1971.
- Bullard R.* Britain and the Middle East from the Earliest Times to 1963. L., 1963.
- Byznes J.* All in one Lifetime. № 4, 1958.
- China White Papers. Nanking, 1948.
- Contemporary Japan. Vol. X, № 5 (May 1941).
- Danan Y.* La vie politique à Alger de 1940 à 1944. P., 1963.
- Deane I.* The Strange Alliance. N.Y., 1947.
- La Diplomatie Iranienne (1925–1978) T. Mage T.12. P., 1987.
- Dunlop J.B.* Russia Confronts Chechnya. Roots of Separatist Conflict. Cambridge, 1998.
- Eagleton W.* The Kurdish Republic in Mahabad. L., 1963.
- Einsatz. Bd II. Stuttgart, 2000.
- Elwell-Sutton L.P.* Modern Iran. L., 1942.
- Essai sur l'histoire du mouvement ouvrier algérien de 1920 a 1954 (ed. PAGS), [s. l.], [S. d.].
- Fatemi S.Nasrollah.* Oil Diplomacy Powder keg in Iran. N.Y., 1954.
- Garver J.W.* China's Warmaritime Diplomacy. – China's Bitter Victory. The War with Japan. 1937–1945. Aug. 30, 1945.

- Geyer D.* Die Sowietunion und Iran. Eine Untersuchung zur Aussenpolitik der UdSSR im Nahen Osten. Tübingen, 1955.
- Glasneck J. Kircheisen I.* Türkei und Afghanistan – Brennpunkte der Orientpolitik im Zweiten Weltkrieg. B., 1968.
- Grant C.* Iran: Test of Relations between Great and Small Nations. – Foreign Policy Report. 15.04.1945.
- Hauner M.* The Soviet Threat to Afghanistan and India 1938–1940. – Modern Asian Studies. Vol. XV. 2.
- Howell W.N. Jr.* The Soviet Union and the Kurds: A Study of National Minority Problems in Soviet Policy, (unpublished Ph.D. dissertation, University of Virginia), 1965.
- Kirk G.* The Middle East in the War. L., 1953.
- Kirk G.* Survey of International Affairs 1939–1946: The Middle East in the War. L., 1952.
- Kurdistan Times.* A Quarterly political Journal. Vol.1, No. 2, Summer 1992.
- Kurowski F.* Deutsche Kommandotrupps 1939–1945. Die «Brandenburger» im weltweiten.
- Lawlor S.* Britain and Russian Entry into the War. – Diplomacy and Intelligence during the Second World War. Cambridge, 1985.
- Lenczowski G.* Russia and the West of Iran, 1918–1948: A Study in Big Power Rivalry, N.Y., 1949.
- Lensen G.A.* The Strange Neutrality: Soviet-Japanese Relations during the Second World War, 1941–1945. Tallahassee, 1972.
- MacDowell D.* A Modern History of the Kurds. L., 2004.
- Mader J.* Hitlers Spionagegenerale sagen aus. B., 1971.
- Masanori Ito.* Doubts about Japanese-Soviet Non-Aggression Pact. – Contemporary Japan. Vol. VIII, № 9 (November 1939).
- Melzig H.* Der Aufstieg Irans und die Grossmächte. Stuttgart, 1936.
- Merle R.* Ahmed Ben Bella. Mesnil-sur-l'Estrée (France).[6. m.], 1965.
- McFarland S.* A Peripheral View of the Origin of the Cold War. The Crises in Iran, 1941–1947. – Diplomatic History. Vol. 4, No. 4, 1980.
- Miller C.* Khyber: British Indian's North-West Frontier. N.Y., 1977.
- Mitchell N.* Sir Georg Cunningham. Edinburgh, 1968.
- Olson R.* The Creation of a Kurdish State in the 1990? – Journal of South Asian and Middle Eastern Studies. Vol.XV, No.4, Summer, 1992.
- Pelt A.* Libyan Independence and the United Nations. New Haven, 1970.
- Samra Chattar Singh.* India and Anglo-Soviet Relations. 1917 – 1947. Bombay, 1959.
- Schröder B. P.* Deutschland und der Mittlere Osten im Zweiten Weltkrieg. – Göttingen: Musterschmidt Verlag, 1975.
- Secret Diet War Minutes Released. – The Japan Times. 07.12.1996.

Sheehan M.K. Iran: The Impact of United States Interests and Policies.

1941–1954. Brooklyn, 1968.

Skrine C. World War in Iran. L., 1962.

Taylor A. The Second World War. L., 1985.

Tsuyoshi Hasegawa. Racing the Enemy. Stalin, Truman and the Surrender of Japan. Cambridge MS, 2005.

Vali A. Kurdish Nationalism in Iran: The Formative Period, 1942–1947. –

The Journal of Kurdish Studies. Vol. II, 1996–1997, Peeters Press, 1977.

La vie du Parti. Alger, 1945.

The White Book Some Examples of the Damages Caused by the Belligerents of the World war II to the People of the Jamahiriya. Tripoli, 1981.

Woodward L. British Foreign Policy in the Second World War. Vol. 2. L., 1962.

Woodward L. History of British Foreign Policy in the World War. L., 1971.

Yassin B.A. Vision or Reality? The Kurds in the Policy of the Great Powers, 1941–1947. Lund University Press, 1995.

Об авторах

Яскина Галина Сергеевна – доктор политических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (ИБ РАН).

Молодяков Василий Эринархович – доктор политических наук, доктор философии, Университет Такусёку (Токио).

Лузянин Сергей Геннадиевич – доктор исторических наук, заместитель директора Института Дальнего Востока РАН (ИДВ РАН), профессор МГИМО (У) МИД РФ.

Мировицкая Раиса Анатольевна – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник ИДВ РАН.

ПикOVER Александр Владимирович – руководитель отдела ИДВ РАН.

Тихонов Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного университета.

Дунаева Елена Владимировна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИВ РАН.

Мамедова Нина Михайловна – кандидат экономических наук, заведующий сектором Ирана ИВ РАН.

Оришев Александр Борисович – доктор исторических наук, профессор Елецкого государственного университета им. И.А.Бунина.

Жигалина Ольга Ивановна – доктор исторических наук, профессор, заведующий сектором курдоведения ИВ РАН.

Киреев Николай Гаврилович – доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник ИВ РАН.

Егорин Анатолий Захарович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник ИВ РАН.

Ланда Роберт Григорьевич – доктор исторических наук, главный научный сотрудник ИВ РАН.

СССР И СТРАНЫ ВОСТОКА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Редакционная коллегия:

В.В.Наумкин (председатель, ответственный редактор),
В.Я.Белокреницкий, Р.Г.Ланда, Э.В.Молодякова

Авторский коллектив:

Е.В.Дунаева, А.З.Егорин, О.И.Жигалина, Н.Г.Киреев, Р.Г.Ланда,
С.Г.Лузянин, Н.М.Мамедова, Р.А.Мировицкая, В.Э.Молодяков,
А.Б.Оришев, А.В.Пиковер, Ю.Н.Тихонов, Г.С.Яскина

Редактор:

Г.О.Ковтунович

Подписано в печать 06.04.2010 г.

Формат 60х90/16.

Печать офсетная

Бумага офсетная №1

Объем 29 уч. изд.л.

Тираж 500 экз. Тип. Зак. № 257

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ООО "Типография Полимаг"
127242. Москва, Дмитровское шоссе. 107